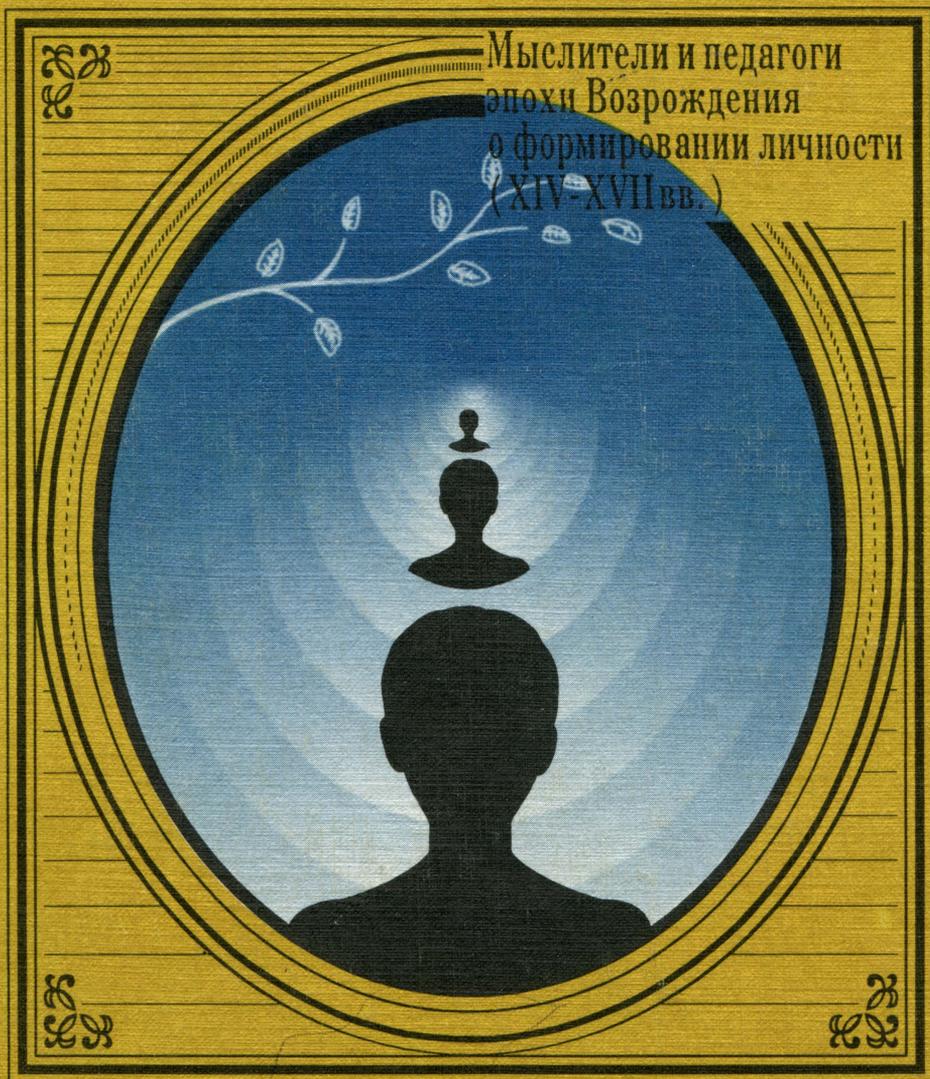

933439 кк
74.03

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ГУМАНИЗМА

Мыслители и педагоги
эпохи Возрождения
о формировании личности
(XIV-XVII вв.)

**ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА
В ЗЕРКАЛЕ
ГУМАНИЗМА**

THE UNIVERSITY
OF THE RUSSIA'S EDUCATIONAL
LEARNED SOCIETY, MOSCOW

Chair
of Educational
Anthropology

IMAGE OF MAN IN THE MIRROR OF HUMANISM

Thinkers and Scholars of the Renaissance
on the Upbringing of a Person
(XIV-XVII centuries)

A Teaching Aid
in Pedagogical
Anthropology

Composed by:
Reviakina N. V.
Koudriavtsev O. E.

Moscow
The University
Publishing House

1999

УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ОБРАЗОВАНИЯ

Кафедра педагогики
и педагогической
антропологии

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ГУМАНИЗМА

Мыслители и педагоги эпохи Возрождения
о формировании личности
(XIV-XVII вв.)

Учебное пособие
по педагогической
антропологии

Авторы – составители:
Н. В. Ревякина
О. Ф. Кудрявцев

Москва
Издательство
УРАО
1999

УДК 37.01
О-23

О-23 Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV—XVII вв.) / Сост., вступ. статьи и коммент. Н.В. Ревякиной, О.Ф. Кудрявцева. — М.: Изд-во УРАО, 1999. — 400 с.
ISBN 5-204-00163-8

Настоящий сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся историей педагогической мысли и школьного дела. Тексты, публикуемые в нем, дают возможность проследить становление и развитие взглядов гуманистов Возрождения на человека и его воспитание. На этих материалах можно составить представление о том, как мыслители эпохи Возрождения оценивали человека, его положение и предназначение в мире, какие пути они предусматривали для его целенаправленного формирования в качестве разносторонне развитой и нравственно ответственной личности. Ряд документов посвящен педагогам, в своей деятельности руководствовавшимся гуманистическими представлениями о человеке.

Часть текстов настоящего сборника переведена на русский язык впервые.

УДК 37.01

*Рекомендовано
редакционно-издательским
советом УРАО*

Художник Л.Л. Михалевский

ISBN 5-204-00163-8

© Ревякина Н.В., Кудрявцев О.Ф.,
сост., вступ. ст., коммент., 1999
© Михалевский Л.Л., худ. оформ.,
1999

Вступительная статья

Возрождение — яркий культурный период в истории Европы, приходящийся на XIV—начало XVII в. От других этапов в развитии культуры его отличает огромный интерес к человеку, который во многом объясним переходным характером эпохи Возрождения от средневековья к новому времени, от феодализма к буржуазному строю. Разрушение феодальных общественных структур и старых форм экономической деятельности и появление новых поставили личность в особое положение — потребовали от нее развития личной инициативы и энергии, способствовали развитию самосознания. Культура Возрождения во многом отражает этот процесс. Но, устремленная в будущее, она имеет и свое видение этого будущего, и свое видение человека. Она предлагает эпохе свой образ человека, ее система воспитания носит целенаправленный характер, идеалы ее оказываются в целом шире, возвышеннее, благороднее, чем того требовала эпоха. Поэтому культура этого периода оказалась понятной будущим поколениям, а ее идеи, учения и художественные ценности сохраняют свое значение и сегодня.

Возрождение являет нам поистине грандиозную работу человеческого самосознания, осуществляющуюся тщательно и заинтересованно во всех сферах культурной жизни — литературе и философии, искусстве и науке. Этот исключительный интерес к человеку дал название и ведущему идейному течению в Возрождении — гуманизму (от лат. homo, humanus — человек, человеческий) — и обозначил его содержание. Гуманизм возникает в сфере филологической культуры, которая понималась шире, чем в средние века, и включала в себя наряду с традиционными дисциплинами средневековья (прежде всего грамматикой и риторикой) еще и историс, моральную философию, поэзию. Эти studia humanitatis — науки о человеке — составляют основание гуманистической культуры, хотя и не исчерпывают ее и постоянно обогащаются, вбирая в себя и естественнонаучные представления. В сфере наук о человеке и рождается новое понимание человека, влияние которого ощутимо во всех областях культурной жизни.

Гуманизм был вдохновлен *античностью*, именно она стала одним из его главных культурных истоков. Сочинения античных авторов гуманисты с энтузиазмом разыскивали по всей Европе и Византии, любовно возрождали к жизни, выводя на свет Божий, словно узников из подземелья (образ Поджо Браччолини), тщательно переписывали и распространяли, переводили (сначала на латынь с греческого, позже на национальные языки) и, когда появилось книгопечатание, энергично издавали. Такое своеобразное отношение к древности, с помощью которой гуманисты хотели воссоздать культуру после темных, как они считали, столетий упадка в средние века, и дало название всей культурной эпохе — **Возрождение** (Ренессанс — *фр.*). К античности (сначала к латинскому наследию, позже к греческому) гуманисты обращались и для того, чтобы обосновать собственные идеи, и в целях полемики с отживавшей свой век средневековой традицией. Цицерон и Сенека, Теренций и Плавт, Вергилий и Лукиан, Аристотель, Платон, Эпикур, Тит Ливий, Фукидид и другие римские и греческие поэты, философы, историки привлекали их каждый по-своему. Но гуманисты никогда не ставили своей целью восстановить во всей полноте и точности то или иное античное учение, они включали античные идеи в свои представления и учения, выстраивали собственный дом из самых разных кирпичей древности. К тому же часто толковали по-своему мыслителей древности, соединяли друг с другом, причудливо согласовывали с христианством.

Христианство, в основном раннее, было другим важным истоком гуманизма. Его тоже возрождали, разыскивая подчас забытые в средние века сочинения отцов церкви и христианских писателей (Августина, Иеронима, Лактанция, греческих отцов церкви). Однако христианство у гуманистов несводимо к ссылкам на Библию и отцов церкви, его влияние глубже. Стоявшая за спиной гуманистов христианская традиция обогатила гуманистическую мысль духовностью и вниманием к психологии, сделала идеал человека более возвышенным, углубила намеченный самой жизнью интерес к индивидуальности, к "Я", к самопознанию, усилила нравственное начало. В северном гуманизме, где влияние христианства было сильнее, это привело к возникновению "христианского гуманизма", с которым связаны имена Эразма Роттердамского, Томаса Мора и др.

В гуманизме дает о себе знать и *средневековая традиция*, она существовала в нем анонимно, так как на средневековых авторов гуманисты, как правило, не ссылались, хотя самые замечательные из писателей средних веков, например Данте, гуманистам были известны и

вызывали их глубокое уважение. Наибольшее влияние средневековой традиции, и в частности народной культуры, ощущается в гуманизме Германии, Франции.

Рождение гуманизма, как и начало Возрождения, было связано с Италией — страной городов-государств с их бурной экономической активностью, выходящей по своим масштабам и формам организации за рамки средневековья; с их не менее интенсивной, политической жизнью, разнообразием и динамизмом форм правления; с развитием светской культуры, спрос на которую в связи с секуляризацией очень возрос. Интенсивная жизнь итальянских городов вывела на историческую арену людей энергичных и предприимчивых, думающих, чувствующих и действующих иначе, чем их средневековые собратья. Купец, вышедший из пополанской или крестьянской среды, кондотьер незнатного происхождения, ставший правителем города или крупным военачальником, гуманист — выходец из любого слоя общества, иногда из самых низов, — все они добиваются высокого положения и удачи благодаря собственным личным качествам, труду, знаниям. В обществе возникает атмосфера, в которой начинают высоко цениться личность, стимулы и мотивы ее действий, находят понимание новые нормы поведения. Эта новая психологическая атмосфера и культурные сдвиги в городах стали благоприятной средой, в которой рождалась гуманистическая идеология. Новые настроения находили отражения в сочинениях гуманистов, и, поднимая их на уровень теории, преобразовывая в учения и концепции, гуманисты выступали как идеологи новых слоев в обществе. Но они и сами были "новыми людьми", представляли впервые появлявшуюся в обществе светскую интеллигенцию, знаменуя первый этап ее развития, и потому нуждались в самоутверждении, в оправдании и возвышении собственной деятельности. Как деятели культуры они разрабатывали, основываясь на богатом мыслительном материале, собственные представления о человеке и мире, о морали и воспитании и стремились внедрить их в общественное сознание. Гуманизм с самого начала заявил о себе как об активной, связанной с жизнью и влияющей на жизнь идеологии.

Первым гуманистом по праву считается Франческо Петрарка, его роль в становлении гуманизма признана его современниками и потомками. Подобно Сократу, он спустил философию с неба на землю и в полемике со схоластикой провозгласил человека главным объектом познания философии и всех наук. Самое важное знание для человека, говорит Петрарка, — это знание о нем самом: что он такое, для чего существует, куда идет? Он предлагает и способ познания человека —

самопознание, блестящий опыт которого он явил миру своими трактатами, письмами, поэзией. Но самопознание для него — это не только познание конкретным человеком самого себя, хотя задача эта для Петрарки наиважнейшая, ибо человек для него — отблеск божественного света на земле, и богатства его души неисчерпаемы. Самопознание человека для Петрарки, насколько можно понять по его полемике со схоластами, — это познание человека в границах его человечности, во всей его человеческой специфике, со всей его сложной и богатой душевной жизнью, а не так, как познают животных ("двуногие четвероногих" — иронизирует он над схоластами).

Своими размышлениями о человеке как главном предмете познания Петрарка, несомненно, повысил интерес к человеку и поднял значение наук, изучающих человека. В его подходе важна прежде всего позиция, на которую он встал, — антропоцентризм, т.е. представление о центральном месте человека в мироздании; в гуманизме до Монтеня такой подход будет ведущим.

Антропоцентризм, в сущности, не является новым подходом, он характерен для христианства: о господстве человека в мире красноречиво заявлено в Библии. По христианскому учению, человек, наделенный разумом и бессмертной душой, отличается тем самым от других творений, над которыми ему дано право властвовать. Однако грех прародителей — Адама и Евы, переданный ими роду людскому, привел к извращению воли человека, лишил его способности совершать благие дела — так говорили Августин и другие раннехристианские писатели; в средневековом богословии при толковании первородного греха акцент был перенесен на тело — проводник греха, ибо при его помощи во время зачатия грех передается людям. В силу грехопадения человек не может достичь сам, без помощи божественной благодати, спасения и найти правильный путь в земных деяниях. Так внутренне драматично выглядит место и путь человека в мире.

Гуманистическое видение центрального места человека в мироздании, совпадающее в главных идеях с христианским (человек, одаренный разумом и бессмертной душой, — царь Вселенной), выглядит в целом иначе; этому способствует новый взгляд гуманистов на природу и переосмысление представлений о первородном грехе. Гуманисты смотрят на природу как на творение Бога, создавшего мир по собственной воле, и как таковая природа — "наилучшая мать", "святейшая мать"; она все более наделяется божественными свойствами — "создательница всего сущего", "мудрейшая", "божественная", природа-Бог; некоторые гуманисты говорят даже о провидении природы, склонны видеть сознательную, целенаправленную деятельность при-

роды в отношении человека. Такие разные гуманисты, как Лоренцо Валла и Джанотто Манетти, сходятся в том, что природа все создала для блага человека, для его радости и наслаждения. Поэтому надо следовать законам природы, блюсти ее заповеди.

Такой взгляд на природу дает гуманистам возможность положительно оценивать человеческое естество, развивать представления о доброй природе самого человека, а это ведет к переосмыслению идеи греховной природы, первородного греха. Его влияние гуманисты понимают по-иному: грех привел к бренности и смертности человека, но превосходные качества его души и тела не утрачены, да и духовные стремления его, воля его не извращены первородным грехом. А если это так, то место человека во Вселенной становится поистине царским тронem, где восседает наделенный "красотой, умом, мудростью, могуществом и богатствами и, кроме того, властью и господством" человек, действующий по собственной воле во благо всего созданного. Словом, гуманистический антропоцентризм содержал в себе признание самостоятельной и творческой роли человека в осуществлении своего предназначения на земле.

Представления гуманистов о природе и первородном грехе были своего рода теоретическим основанием для размышлений о человеке. Но в целом гуманизм XIV и большей части XV в. не затрагивал глубоко основ старого мировоззрения и соединял часто новые взгляды с традиционными. Как молодая идеология он наступателен, эмоционален, порой дерзок, но и наивен одновременно, и трогателен своей удивительной любовью к человеку.

Что же интересует гуманистов в человеке? Человек как таковой и его обязанность, или долг, на земле, общественное бытие человека и связанные с ним нормы морали, воспитание человека — вот, пожалуй, главные проблемы, занимающие гуманистов XIV и большей части XV в.

Гуманистический интерес к "человеку вообще", к человеку, представляющему род человеческий, нов и прогрессивен, он означает разрыв с сословным, или корпоративным, человеком. Исходная позиция такого взгляда — признание природного равенства людей, не равенства природных способностей (этого гуманисты не признают), а равенства людей в их "природном" бытии (одинаково телесно устроены, обладают разумом, чувствами, волей, божественной душой, отличаются от других творений природы). Все стороны природного бытия (природы человека) становятся предметом внимания гуманистов.

В гуманистических трактатах восторженно обсуждается человеческое тело, которое у Манетти названо прекрасным, совершенным и

целесообразно устроенным. "Великую и изумительную силу разума" гуманисты подтверждают "великими и замечательными деяниями человека" и его изобретениями и открытиями. Здесь и строительство зданий и кораблей, в их числе Ноев ковчег и знаменитый купол флорентийского собора Брунеллески, и живописные и скульптурные шедевры, в которых мастера способны соперничать с природой, и многочисленные письменные памятники. Пристальное внимание привлекает душевная деятельность человека — чувства и воля. Лоренцо Валла поет настоящий гимн человеческим ощущениям и выдвигает, основываясь на Эпикуре, наслаждение как жизнеутверждающий принцип, пронизывающий все взаимоотношения людей. А Салютати и Манетти отстаивают право на страдание по поводу смерти сына. О любви к детям и семье, о радостях брачной жизни, о чувстве дружбы и еще о многих других привязанностях сообщают гуманисты в своих трактатах. Такими размышлениями о чувствах, к которым вековая аскетическая традиция выработала отрицательное отношение, гуманисты задают новую психологическую ориентацию человека — на земной мир, прекрасный и любимый, на все, что привязывает человека к земной жизни и утрата чего заставляет страдать. А занимаясь проблемой свободной воли, гуманисты дают такое ее решение, которое максимально оправдывает и развивает волевые усилия человека, т.е. делает его активным, ведь "человек рожден не для того, чтобы, покоясь, увядать в праздности, а чтобы быть деятельным", говорит Альберти.

Итак, в своих рассуждениях о человеке гуманисты видят его волевым, деятельным, эмоционально привязанным к миру. И сам земной мир уже более не воспринимается как юдоль скорби и долина слез, которую надо пройти равнодушно и с наименьшими потерями для души. "Красивейший и наипрекраснейший мир так хорош, — пишет Манетти, — что не может быть лучше ни в действительности, ни в помыслах". Никто не сомневается уже, что жизнь — великое благо, которое не хочется терять, а это обостряет отношение к смерти и заставляет задуматься над проблемой бессмертия. Традиционное бессмертие обретает черты "гуманистического рая", красочно изображаемого Валлой и Манетти в меру фантазии каждого. Но волнует и страстное желание продолжить жизнь на земле в памяти потомков, увековечить себя славными деяниями и подвигами.

Изменив прежние представления о земной жизни, мире и человеке, гуманисты по-новому осмыслиют и долг человека на земле. Эти размышления о человеке находят свое выражение в понятии "достоинство", которое заключает в себе представление об особом месте и на-

значении человека на земле, его отличиях от прочих творений. Это представление родилось еще в раннехристианской мысли и понималось достоинство, как дарованное Богом человеку, созданному по образу и подобию Божию.

Гуманистическая мысль, сохраняя понятие "образа и подобия", дает достоинству совершенно светское толкование, основанное на разработанных в гуманизме представлениях о человеке и мире. Наиболее ярко это делает Манетти в трактате "О достоинстве и превосходстве человека", хотя тему эту начал обсуждать еще Петрарка. В первой главе своего трактата Манетти показывает превосходные качества тела человека, во второй — замечательные, высокие свойства его души, в третьей — человека в гармоническом единстве души и тела. Достоинство человека, по Манетти, заключается в познании и деятельности в мире, что составляет его долг и обязанность и отличает его от других живых существ, свидетельствуя о его "наилучшем качестве и свойстве". Познание и действие сближают человека с Богом и ангелами. Человек продолжает дело Бога на земле, выступает как бы Его соавтором, так как "после первоначального и еще не законченного творения мира" человек все сам создает на земле, доводит до совершенства данные ему мир и его красоты, делая их "более прекрасными и изящными и с гораздо большим вкусом отделанными". "Ведь люди, словно хозяева всего и возделыватели земли, своими разнообразными трудами обработали ее удивительным образом, украсив равнины, острова, берега пашнями и городами". Но, исполняя свой долг, человек через это познает Бога, любит Его и почитает, и в этом для Манетти состоит "собственное предназначение человека, основание дел и весь смысл блаженной жизни". Так, отождествляя познание Бога и любовь к Нему с долгом человека, т.е. с его познанием и действием на земле (достоинством), Манетти придает достоинству самостоятельное значение и земной смысл, высказывает мысль о творчестве человека — соавтора Бога на земле в деле творения — и дает высочайшее оправдание земной деятельности человека.

Земная жизнь человека мыслится гуманистами как жизнь обшественная. Тема "мира и монастыря" довольно рано была решена ими (Салютати и др.) в пользу жизни в обществе, жизни без отречения. Гуманисты прекрасно усвоили мысль Аристотеля о человеке как общественном животном, и многим из них наверняка был близок взгляд Бруни: "...достаточность и совершенство человек приобретает из общества". Итальянский гуманизм отличается ярко выраженным социальным характером. Но эта социальность не корпоративно-

сословная: место человека в обществе мыслится гуманистами иначе — в соответствии с личными заслугами. Начатое еще Петраркой и продолженное его последователями обсуждение темы "б л а г о р о д с т в а" как раз и показывает новый взгляд на человека: благородство не дается знатным происхождением, а приобретается личными усилиями человека, оно составляет внутреннюю ценность личности, в соответствии с чем человек и должен занимать то или иное место в обществе. "Люди могут называться благородными только по праву собственной добродетели" — эта мысль Пикколомини, высказанная, кстати сказать, его венценосному ученику, была близка всем гуманистам. Предлагается, таким образом, иной, отличный от средневекового способ организации общества.

Как идеология, претендующая на самую тесную связь с жизнью, гуманизм рассматривает человека в конкретной среде — городе-государстве, сохранившем еще в Италии XIV—XV вв. в ряде мест (и прежде всего во Флоренции) республиканские формы правления. Так появляется одно из наиболее значительных течений в гуманизме Италии — *гражданский гуманизм*, характерный как раз для городов-республик и идейно тяготевавший к Аристотелю и Цицерону. Главными в нем были идеи общественного блага, гражданского служения, гражданско-патриотического поведения, а также гражданского воспитания и самовоспитания. Их наиболее выразительно демонстрировали в своих сочинениях Леонардо Бруни, Маттео Пальмиери, Монтеманьо и другие. Для Пальмиери "среди всех человеческих деяний самым превосходным, наиболее важным и достойным является то, которое совершается ради усиления и блага родины и ради наилучшего положения хорошо устроенного государства". Античные герои, которых гуманист ставит в пример современникам, "будучи благородны душой и в высшей степени мужественны, не имели в душе ничего другого, кроме блага государства и его усиления, ради чего они выносили часто многие трудности, заботы, лишения, опасности, раны, принимали жесточайшую смерть...". Подобные рассуждения соединяются с защитой республиканской формы правления, показом ее преимуществ — законности, свободы и др. У гуманистов, живших не в республиках, а в городах, где устанавливались единоличные формы правления, идеи общего блага, законности, справедливости, свободы трактовались более абстрактно, имели сильную этическую окраску. "Нет ничего ужаснее, чем не взволноваться несчастьями других, нет ничего несправедливее, чем не сострадать чужому горю, нет ничего более несвойственного человеку, чем не проявлять по отношению к другим

гуманность" — так рассматривал взаимоотношения людей Маффео Веджо.

Гуманизм был представлен разными течениями, на разных путях искал решения проблем социальной жизни, обсуждая проблемы семьи и брака, хозяйства и собственности, права и справедливости. Связанные с конкретными общественно-политическими условиями и с разными идейными влияниями различия получали отражение и в этических учениях.

Этические поиски в этот период были исключительно интенсивными. Пожалуй, ни в какую другую эпоху не говорили так много о нравственности, никогда слово "добродетель" (почти исчезнувшее из нашего лексикона и употребляемое разве лишь в ироническом смысле) не было столь распространено и исполнено глубокого смысла. Добродетель была и совокупностью высоких нравственных качеств в человеке, и образом его поведения и действия, и его славным деянием. Ее понимали всегда как активную, обращенную к людям. "Истинная хвала всякой добродетели заключена в действии", — говорил Пальмиери, выражая, в сущности, точку зрения всех гуманистов. Для всех этических исканий гуманистов характерны земной ориентир, понимание блага земной жизни как высшего, часто также эвдемонистическая окраска этого блага, т.е. толкование его как счастья. А критерии нравственного поведения, т.е. то, что определяло моральную ценность того или иного поступка, осмыслялись по-разному. В этике гражданского гуманизма моральным критерием было благо общества; стремление действовать во имя него наполняло высоким смыслом всякий человеческий поступок; служение обществу становилось, таким образом, нравственным долгом человека; путем воспитания и самовоспитания он приходил к осознанию этого долга и формировал в себе необходимые для этого качества.

¹ В этическом течении, связанном с Эпикуром и Лукрецием, выдвигался другой моральный критерий — личное благо. Представивший это направление Л. Валла вывел из свойственного всем живым существам по природе стремления к удовольствию и уклонению от страданий принцип наслаждения, провозгласил наслаждение высшим благом и отождествил его с пользой. И вот на этой сугубо индивидуалистической основе — личной пользе каждого — Валла пытался построить человеческие отношения, согласовать личный интерес с интересами других людей. Как он это делал? Ввел понятие большего и меньшего блага и одним из условий большего блага назвал любовь других людей, доставляющую человеку наслаждение — пользу. Че-

людей должен уметь сделать правильный выбор, правильно осознать свой интерес, и для Валлы-гуманиста, верящего в человека, нет сомнений в том, что это выбор большего блага. Делая правильный выбор, человек, естественно, стремится к собственной пользе, но такой, которая предполагает любовь, доверие, уважение к нему других людей, — в этом высшее наслаждение для человека. Так предлагался, в сущности, другой вариант социальной сплоченности, в отличие от гражданского гуманизма. Следовательно, утилитарная этика Валлы не антисоциальна, у нее просто другое основание — благо личности, критерий морали заключен в самом человеке, в его умении правильно понять свое благо.

Этими нравственными поисками, разумеется, не исчерпывалась деятельность гуманистов. Они (прежде всего Альберти) разрабатывали и варианты гармонической связи общественного блага, интересов семьи и личности. Привлекал гуманистов и стоицизм, внутренне укреплявший личность и помогавший одолевать судьбу, сильнее которой оказывалась добродетель. Интересным были и их рассуждения на темы лицемерия, начатые еще Петраркой и обращенные к средневековым идеологам. Их значение было шире, чем просто моральная дискредитация монахов и схоластов: утверждаемое при этом единство мысли, слова и поступка несло в себе высокий нравственный смысл.

Все эти замечательные в своем роде попытки рассмотреть человека самого по себе и его бытие в обществе пронизаны были верой в человека, в его способность достичь гармоничных отношений с людьми, обществом и государством, в его умение усовершенствовать и украсить мир, продолжая дело Бога. И все же гуманисты исходили скорее не из сущего, а из должного, говорили о том, что должно быть. Весь гуманизм был, в сущности, педагогичен, он был одним большим Наставлением человечеству.

Если же говорить о педагогике в собственном смысле слова, то на конец XIV и XV в. (в основном его первую половину) приходится взлет педагогической мысли. Именно в это время было написано большинство трактатов по воспитанию, сформировалась педагогическая мысль итальянского гуманизма как относительно цельное явление, появились и знаменитые гуманистические школы Гуарино да Верона и Витторино да Фельтре, так прославившие Италию. И это не случайно. Итальянская гуманистическая наука воспитания — плоть от плоти гуманизма этого периода со всеми его особенностями. Веря в добрую природу человека и крепкое социальное начало в нем, гуманисты именно на человека возложили все свои надежды, но на чело-

века должным образом воспитанного. Поэтому целенаправленное воспитание рассматривалось как самое эффективное средство совершенствования самого человека, а через него и благоденствия общества, в котором человек живет, ибо человек, по мнению гуманистов, воспитывается для себя, для семьи и для общества. Об идеях воспитания будет сказано ниже, здесь же важно лишь подчеркнуть неотделимость гуманистической науки воспитания от гуманизма указанного периода.

* * *

В последней трети XV в. в итальянском гуманизме сформировалось новое течение — *флорентийский неоплатонизм*. Оно явилось дальнейшим развитием гуманизма, связанным с попыткой перейти от обсуждения этических и социальных проблем, волновавших предшествующих гуманистов, к проблемам общефилософским. В средние века эти проблемы в силу религиозного характера мировоззрения эпохи приобретали специфическую форму, выливаясь в обсуждение вопроса о Боге и мире. Так что, начав заниматься этим вопросом, гуманисты вторглись в темы, бывшие всегда предметом обсуждения теологов.

С помощью идей Платона и неоплатоников, чьи произведения были переведены с греческого главой Флорентийской неоплатоновской академии Марсилио Фичино, гуманисты начинают иначе, чем в средневековой богословии, решать вопросы соотношения мира и Бога, Бога и человека, а также места человека в мире. По христианскому вероучению, Бог сотворил мир из ничего, и, созданный из ничего, мир противоположен Богу, два разных начала лежат в их основе: Бог — это дух, а мир — материя, произведенная из "ничто" и потому ничтожная. У флорентийских неоплатоников мир создается эманацией (истечением) божественного Единства в мир, в результате чего мир наполняется божественностью и предстает как гармоничный, прекрасный, пронизанный любовью. Через это обожествление мир получает наивысшее оправдание. Предельно возвышен и человек, способный (у Фичино) собственными силами, без помощи божественной благодати, подняться до Бога.

Возвышение человека у неоплатоников — это возвышение его духа. Главным в человеке для них является, в соответствии с учением Платона, его душа. Исчезает столь характерное для предшествующего гуманизма понимание человека как гармоничного единства души и тела. Теряется и чувственное восприятие мира, и зримое ощущение

красоты мира и человека, столь восторженно передаваемое гуманистами. Гуманизм стал более философски обоснованным, но утратил некоторые достижения предшествующего периода.

Поэтому и тема достоинства человека, в решении которой ясно видны особенности гуманизма неоплатоников, получает иное выражение. У Фичино достоинство человека проявляется в божественности его души. В такой постановке вопроса нет возврата к средневековому взгляду на достоинство. Действительно, что означает у Фичино божественность души? Прежде всего бесконечность и универсальность человеческого духа: душа все может и стремится быть везде. И потому человек использует все вещества мира — элементы, камни, металлы, растения и животных, он попирает землю, бороздит воды, вздымает в небо высочайшие башни, единственный из животных пользуется огнем, поднимается в небо, измеряет его, выходя сверхнебесной мыслью за его пределы. Господин и правитель мира, он всем повелевает, заботится обо всем живом и неодушевленном, украшает мир. Он есть некий бог, бог животных, бог элементов.

Божественность души человека проявляется также в его творческих способностях. В отличие от животных, получивших от природы некоторые навыки и неспособных их совершенствовать, человек изобрел многочисленные искусства и постоянно их совершенствует. Он выступает соперником самой природы, и сила его почти подобна силе божественной природы. Не защищенный телесно от природы, человек сам добывает для себя пищу, одежду, создает жилища, орудия и поддерживает себя полнее, чем природа животных.

Но человек заботится не только о телесных нуждах; пренебрегая служением телу, он развивает свободные искусства и достигает в них высот, как Архимед, понявший строение небес и построивший медную сферу, воспроизводящую их движения. А потому, узнав строй небес, человек становится обладателем почти такого же таланта, как и создатель небес, и он сможет сделать сами небеса, если найдет необходимые орудия и небесную материю. Человек, таким образом, достигает высот божественного творчества, становится чуть ли не соперником Бога в творении мира, ибо обретает способность этот мир воссоздавать.

Наконец, божественность души проявляется, по Фичино, в бессмертии. Человек собственными силами может подняться к искуплению и очищению. Самопознанием он открывает в себе Божественное.

Фичино не ограничивает человека его земным предназначением, но он и не призывает его к отречению от мира. Полностью оправдывая человека, Фичино ориентирует его в земном мире на высочайшее и

верит в его способность достичь этого. Он идет далее Манетти в возвеличивании человека, но чтобы так высоко вознести человека, сказать о его неограниченных возможностях, он возвышает дух, способности души, разрывая столь прочную в предшествующем гуманизме связь души и тела.

Несколько иное понимание достоинства складывается у Джованни Пико делла Мирандола, близкого к флорентийским неоплатоникам. Человек у Пико в структуре мироздания (мир ангельский, небесный и подлунный) не занимает определенного места, а является "соединением и связью" трех миров. Он соединяет земное и небесное и заключает в себе все природы, сливающиеся в нем в одном. И потому положение его исключительное: ему подвластны земля, стихии, животные, для него трудятся небеса, о его спасении и благе пекутся ангелы. Достоинство человека заключается у Пико в его способности путем свободного выбора к самоопределению. При творении мира, пишет гуманист в "Речи о достоинстве человека", Бог не дал человеку ясно определенной сущности или природы, но дал ему свободную волю и зародыши всякого вида жизни. Человек вправе выбирать между различными природами или путями жизни. Он может низко пасть и высоко подняться. Обладая свободой выбора, человек в этом выборе себя формирует. Пико, как видим, по-своему понимает библейское повествование о создании Богом человека. Свобода воли, по Библии, была дана человеку, созданному по образу и подобию Божию, до грехопадения, грехопадение извратило эту свободу, и с тех пор, поступая по собственному усмотрению, человек выбирает неверно, для правильного выбора ему нужна Божественная благодать. Пико не прибегает к идее "образа и подобия" и ничего не говорит о грехопадении. Разумеется, у него хорош и желателен не всякий выбор. Долг человека — выбрать высшую форму моральной и интеллектуальной жизни, только тогда, когда выбрана наивысшая возможность, и реализуется полностью достоинство человека.

Неоплатоники максимально возвысили человека и в его земных деяниях, в которых он соперничает с божественной природой, и в его способностях к самоформированию. Они довели до логического конца и философски обосновали наметившуюся еще ранее тенденцию в гуманизме к возвеличиванию человека, выше поднять человека было уже невозможно.

Предельная идеализация человека, вознесение его до небес не были достоянием всего гуманизма. Особый взгляд на человека складывался в это же время в *кругах гуманистов*, так или иначе *связанных с уни-*

верситетом, с естествознанием, с аристотелевской традицией. Так, для болонских гуманистов Кодро Урчео, Филиппо Бериальдо человек — создание сложное, хрупкое, брренное, вечно меняющееся, грешащее себялюбием. "Человек — капля, а мнит себя земным богом", — говорит Бериальдо. В своих размышлениях о человеке он пользуется народной мудростью, почерпнутой из пословиц. Не воспарять ввысь, а заняться земными делами, отложив Божественное, исследовать человеческое — так толкует Бериальдо Сократа.

Человека, по мнению этих гуманистов, возвышает знание, оно является наивысшим человеческим стремлением. Знание и созидание составляют, по Кодру, достоинство человека, но оно не дано человеку, а каждодневно завоевывается в борьбе с враждебными вещами. Более реалистический взгляд университетских гуманистов на человека испытывает влияние близкого соседства с медиками и натуралистами, т.е. он несет на себе в какой-то степени печать науки. А влияние гуманистов на окружение дает о себе знать трактатами схоластов, специально посвященными человеку. В них подробно описываются человеческое тело, его внутренние и внешние части, здоровье и болезни, делаются попытки сугубо натуралистического объяснения телесного устройства человека.

Свойственное университетским гуманистам более реальное видение человека наблюдалось и у других деятелей Возрождения, таких, например, как Поджо Браччолини, Альберти. Такое видение как бы уравновешивало собой предельное возвышение человека, свойственное флорентийскому неоплатонизму, открывало путь научному подходу к человеку — путь, на который гуманисты не вступили, а по которому пошли такие ученые-естествоиспытатели, как Леонардо да Винчи.

Гуманизм в Италии продолжал развиваться и в XVI в., порой являя миру поразительные взлеты мысли (историческая и политическая мысль Никколо Макиавелли), но он все больше уступал место натурфилософии, науке, эстетике, оказав на них серьезное влияние. Очень сильно он повлиял и на гуманистическое движение в других европейских странах, которое с конца XV в. начало распространяться в Европе.

* * *

Европейский гуманизм XVI в. являет собой новый уровень размышлений о человеке и мире, отразивший в себе все коллизии жизни: наступающую Реформацию и затем Контрреформацию, бурное разви-

тие в ряде стран капиталистических отношений, острые религиозно-политические и социальные конфликты, народные движения, великие географические открытия, расширявшие горизонт, — т.е. все то, что отсутствовало или было слабо выражено в Италии в момент наиболее высокого подъема ее гуманизма и что в самом европейском гуманизме XVI в. обусловило ряд особенностей.

Гуманизм XVI в. — более сложное явление по сравнению с гуманизмом Италии XIV—XV вв. Он воспринял ряд идей итальянского гуманизма и развивавшейся в XVI в. итальянской натурфилософии (благодаря книгопечатанию и частным поездкам гуманистов из других европейских стран в Италию распространение идей значительно ускорилось), однако стал более зрелым и менее зависимым от античных учений, в нем даже появляется критическое отношение к древности (особенно у Вивеса); все ошутимее влияют на него жизненная практика, социальные коллизии.

Гуманизм XVI в. оказался теснее связан с проблемами национальной жизни — общественной и религиозной: своей критикой католицизма гуманисты подготавливали Реформацию (Эразм Роттердамский и немецкие гуманисты), их волновали проблемы объединения государства (Ульрих фон Гуттен в Германии), политики и политической власти, будь это защита сильного единовластия у Макиавелли и Бодена или критика тиранической единоличной власти у Этьена Ла Боэси; они начали откликаться на обострившиеся социальные проблемы (бедности, лишения производителей средств производства — Томас Мор, Хуан Луис Вивес).

Сильнее звучит в гуманизме критическая струна, и объекты критики теперь не только католическая церковь, невежество, лицемерие и моральные пороки (у немецких гуманистов и Эразма эта традиция блестяще продолжена, достаточно вспомнить "Похвальное слово глупости" Эразма или "Корабль дураков" Себастьяна Бранта), но и войны (Эразм) и ужасы религиозной борьбы (Мишель Монтень), а также государство и его политика, общественные институты (Франсуа Рабле, Мор), а в числе обличаемых гуманистами пороков появились невиданные доселе фанатизм, нетерпимость, жестокость, ненависть к человеку и др. Гуманизм XVI в. (особенно на севере Европы) испытал более сильное, чем в Италии, влияние христианства, особенно раннего; представлявшие "христианский гуманизм" Эразм, Джон Колет, Мор и другие понимали христианство как этическое учение, в основе которого лежит любовь к ближнему и активное преобразование общества на основе учения Христа; так толкуя христианство, гуманисты

соединяли его с требованиями природы, считали не чуждым античной культуре.

Хотя гуманизм XVI в. и отличался от раннего гуманизма, он сохранял присущие этому мировоззрению любовь к древности, веру в силу знания, в высокую миссию воспитания, интерес к человеку. Разумеется, взгляд на человека претерпел изменения. Исчезает идеализация человека, характерная для раннего гуманизма, его безудержное возвышение сменяется критическим отношением, свойственным Макиавелли, Эразму, Монтеню и др. Человек перестает рассматриваться как совокупность неизменных природных свойств, он воспринимается теперь как развивающееся, постоянно меняющееся, противоречивое существо; растет сомнение в доброте человеческой природы.

Поскольку поставлены под вопрос и добрая природа человека, и социальный инстинкт, начинаются поиски иных оснований для учений о лучшей жизни, лучшем обществе и лучшем человеке. При всем громадном различии Мора и Макиавелли они сходятся в своей попытке посмотреть на человека через призму общественных отношений. В отличие от гуманистов-предшественников, рассуждавших в категориях должного, Макиавелли ищет "настоящую, а не воображаемую правду вещей", он исходит не из идеала, а из реальности. Он пытается посмотреть на человека как на такового, каков он есть, и находит, что каждый стремится к удовлетворению собственных интересов, жаждет богатства, испытывает страх перед силой и наказанием. "Люди вообще неблагодарны, непостоянны, вероломны, робки и жадны", — такой приговор выносит он человеку. В этих условиях всякий желающий добиться успеха не может действовать исходя из принципов должного, он обязан действовать в соответствии с обстоятельствами, с учетом природы людей, проявлять энергию, разумно оценивать ситуацию, выбрать нужные методы. В этом заключается содержание *virtù* (добродетель — итал.) — качеств характера у Макиавелли, столь отличных от добродетели гуманистов XV в., которая пронизана нравственным стержнем. Но от человека, обладающего *virtù*, зависит устройство сильного государства, в таком убеждении Макиавелли, несомненно, лежит гуманистическая идея, вера в огромные возможности личности. Сильная власть в государстве — не самовластье правителя, преследующего личные цели, смысл ее — забота о государственном интересе, и ради его осуществления провозглашаются оправданными все средства. Идеал сильной власти был рожден в трагических условиях раздробленной Италии, находившейся под гнетом чужеземцев, он мог восприниматься как призыв к националь-

ному объединению. И все же освобождение политики от морали, или, вернее, подчинение морали политике не стяжало в истории славы талантливому политическому мыслителю.

Сомневаясь в доброй природе человека, Макиавелли считал, что "люди поступают хорошо лишь по необходимости". Он рассматривал власть, государство, законы, зародившиеся, с его точки зрения, в результате общественного договора в целях самосохранения людей, как способные обуздывать их стремление к удовлетворению собственных интересов. Вспомним, как совсем иначе решал подобный вопрос Валла, возлагавший надежды на человека и врывший в него.

Если государство у Макиавелли способно ставить преграды дурной природе человека, то у Мора дурной человек — вор, бродяга, достойный виселицы разбойник — порождение плохо устроенного государства, отношений в обществе. Объединяющая обоих мыслителей идея — влияние на человека отношений в обществе и государстве. Хотя зародыши подобных воззрений можно усмотреть еще в гражданском гуманизме XV в., только в XVI в. эта мысль была высказана достаточно ясно. А у Мора она получила обоснование и логическое развитие в его государстве утопийцев, где волей своей фантазии он создает такие общественные отношения, которые позволяют человеку быть нравственным и реализовывать все свои возможности, как их понимали гуманисты. Недаром для утопийцев важно, что государство обеспечивает, "насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования". В этом, по их мнению, заключается счастье жизни. Об этом мечтали все гуманисты, только ранние, с их беспредельной верой в человека, пытались осуществить это, идя от человека. Теперь намечается противоположный подход — от государства. Думается, что и расцвет утопической мысли в XVI в. имеет с этим прямую связь.

Изменившийся взгляд на человека отразился и на понимании гуманистами поступательного развития человеческого общества, хотя, конечно, в первую очередь на таком понимании сказались реальные достижения науки и техники. У итальянских гуманистов XIV—XV вв. поступательное развитие общества мыслилось как нравственный прогресс, основанный на совершенствовании человека. В XVI в. идеи нравственного совершенствования ослабевают или вообще исчезают в размышлениях о прогрессе, и главным двигателем развития человечества начинают считать науку и производство. Чтобы появилось такое понимание прогресса, надо было изменить отношение к антично-

сти, в которой ранние гуманисты видели образцы, искали идеалы; надо было, кроме того, достаточно сильно утвердить идею творчества. Подступы к этому были уже у Манетти, говорившего, что человек совершенствует и украшает мир, данный ему Богом в неотделанном виде, у Фичино, назвавшего способность человека к творчеству одним из качеств его божественности (Фичино высоко ценил успехи наук своего времени, роль книгопечатания). Но только в XVI в. гуманисты отдадут ведущую роль в развитии человеческого общества, наряду с наукой, военной техникой, книгопечатанием, текстильному и металлическому производству и др. Теоретически обосновывать это представление выпадет уже на долю Ф. Бэкона, он же придумает и прекрасный художественный образ для идеи прогресса — эстафета с факелами. Исторический оптимизм Возрождения и гуманизма не был исчерпан, но человек выступает теперь не столько в нравственном своем качестве, сколько во всемогуществе мысли и созидания. И все же это была утрата одной из самых гуманистических идей.

Гуманисты XVI в. сказали новое слово и о природном человеке. Позиция Мишеля Монтеня, сокрушившего антропоцентризм, отказавшего человеку в высоком титуле царя Вселенной, пожалуй, самая радикальная и равнозначна лишь идеям Коперника и Дж. Бруно, лишивших Землю центрального места во Вселенной.

Но попытки в этом направлении делались еще до Монтеня. Оправдание человека через божественную природу, столь характерный для Возрождения интерес к животным и стремление найти в их жизни образец поведения для человека, оценить их чувства встречались и ранее. У мыслителей XVI в., испытавших влияние флорентийских неоплатоников и натурфилософии, включение человека в природу стало еще полнее. В частности, француз Шарль де Бовель понимал человека в неразрывной связи с миром: человек — сознание мира, в его разум смотрится мир, чтобы найти в нем смысл своего существования, познание человека неотделимо от познания мира, и начинать надо с мира, чтобы прийти к познанию человека. А у немецкого мыслителя и ученого Парацельса связь человека и мира (природы) утверждается с помощью древней идеи микро- и макрокосма, причем микрокосм (человек) состоит во всех своих частях из тех же элементов, что и макрокосм, так же развивается и, будучи частью мира или природы, через него и познается. Полное тождество макро- и микрокосма у Парацельса было уже отходом от антропоцентризма, хотя это не мешало мыслителю утвердить мысль о могуществе человека, о его способности влиять на макрокосм (равно как и макрокосм влиял на чело-

века), но могущество это утверждалось не на пути развития науки, а на магиико-мистических путях.

Все более полное включение человека в природу вело к новому методу познания человека — через природу, что означало отказ от способа самопознания человека, предложенного Петраркой; но гуманизм этого метода по-настоящему не сформировал, хотя влияние натурализма на нем ощущалось (у Рабле, Бодена и др.). Но отход от антропоцентризма был сделан. Монтень в своей книге "Опыты" в опыте "Апология Раймонда Себундского" ставит под вопрос привилегированное положение человека в мире природы. Человек объявляет себя властелином Вселенной, мнит себя стоящим выше Луны и попирающим небо, равняет себя с Богом и выделяет себя из своих собратьев и сотоварищей в природе, преуменьшая их возможности, наделяя их такой долей сил и способностей, какой ему захочется. Но как он может знать внутренние, скрытые от него душевные движения животных? На каком основании приписывает им глупость? "Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли она скорее мною, чем я ею?" — этот знаменательный вопрос ясно обозначает позицию Монтеня: человек — не царь Вселенной и не центр мироздания. "Почему, например, гусенок не может утверждать о себе следующее: "Внимание Вселенной устремлено на меня: земля служит мне, чтобы я мог ходить по ней; солнце — чтобы мне светить; звезды — чтобы оказывать на меня свое влияние... я любимец природы. Разве человек не ухаживает за мной, не дает мне убежища и не служит мне?"

Монтень всячески подчеркивает близость людей и животных, показывая, что разум и чувства, определенные знания и умения, способность к обучению и искусство строительства, дар речи — все это свойственно и животным. У человека нет преимущества.

Смысл такой позиции Монтеня, разделяющей его и с христианским антропоцентризмом, и с гуманистическим возвышением человека до Бога, — в наиболее полном включении человека в природу. "Человек не выше и не ниже других", — говорит Монтень; он, как и все остальные существа, живет, подчиняясь законам природы.

Но жизнь в согласии с природой, в которой человек не имеет никаких преимуществ, не унижает человека, напротив, это подлинно человеческая жизнь, по мнению Монтеня. Она означает прежде всего уважение к человеческому естеству, ибо "презрение к естеству — самая зверская из человеческих болезней"; тело и душа должны действовать совместно и гармонично, помогая друг другу, внося в отношение человека к жизни и наслаждение, и разумную умеренность. Жизнь, со-

гласная с природой, означает положительное отношение к жизни, умение жить "по-человечески", и оно Монтенем ценится превыше всего: "Действительно, умение проявить себя в своем природном существе есть признак совершенства и качество почти божественное". И заключается это умение, составляющее у Монтеня подлинное достоинство человека, в том, чтобы жить просто и естественно, в духе разума, но без его химер — фанатизма, догматизма, иллюзий, жить умеренно, терпимо, без ненависти. Во времена фанатизма, нетерпимости и жестокости религиозных войн Монтень призывал человека оставаться человеком и находил в природе то надежное и устойчивое основание, которое позволяет человеку быть таковым, осознавая свое единство с "братьями меньшими".

Жизнь в согласии с природой имеет у Монтеня нравственную окраску. Однако нравственные поиски гуманиста не исчерпываются природой, они сложны и противоречивы. Критерий морального поведения личности он ищет в моральных устоях личности, в совести, ибо "вовсе не все может позволить себе порядочный человек, служа своему государю, или общему благу, или законам". Но он признает и нравственную ценность общественных устоев, нравов и обычаев, которые — в чем Монтень смог убедиться с открытием Нового Света — повсюду разные. Заслуживают внимания раздумья Монтеня над этими проблемами, осознание трудности их разрешения; они ведь и впрямь труднейшие для человечества. В своих этических поисках Монтень продолжает и углубляет размышления на нравственные темы гуманистов-предшественников, его блестящий опыт самоанализа в "Опытах" заставляет вспомнить самопознание Петрарки, а педагогические идеи — славных итальянцев XV в. Взгляды Монтеня — последнее слово гуманизма, в котором и связь с великим гуманистическим наследием прошлого, и знак эволюции — отхода от прежних идеалов, но такого отхода, который поставил зрелый гуманизм вровень с проблемами времени.

* * *

Неотделимые от развития гуманизма идеи воспитания занимали в нем исключительное место, ибо целенаправленное воспитание было главным путем осуществления в жизни гуманистических идей, внедрения их в общественное сознание.

Италия, давшая миру первых гуманистов, дала и первых теоретиков гуманистического воспитания, и первых всеевропейски известных

гуманистических педагогов. Расцвет педагогической мысли в Италии, как уже было сказано выше, приходится на XV в., точнее, даже на его первую половину, но и предшествующий период гуманизма оказался важным для становления науки воспитания. Роль Петрарки здесь исключительна, хотя сам он никогда специально не занимался вопросами воспитания. Помимо того, что он поставил человека в центр познания, он связал еще неразрывными узами з н а н и е и н р а в - с т в е н н о с т ь. Знание, считает он, должно обладать силой влияния, и притом не только на разум, но и на чувства и волю, оно должно заставлять человека меняться к лучшему, а не только сообщать ему сумму сведений. "Я читаю не для того, — говорил Петрарка, — чтобы стать красноречивей и изворотливей, а для того, чтобы стать лучше". В моральном воздействии знания гуманист видит его связь с жизнью, его пользу, а образованность сама по себе для него бесполезна. Главное — "обращать прочитанное в правило жизни"; и "знание литературы件 полезно тогда, когда оно переходит в действие и в делах, а не на словах оправдывает себя". В противном же случае "ясно и быстро понимать многие и замечательные вещи, цепко помнить, говорить красиво, писать искусно и сладостно декламировать — все это орудия пустой кичливости, бесполезный труд и шумиха".

Провозглашенная Петраркой связь знания и нравственности обозначала педагогический характер гуманизма в целом, а в самой педагогике предопределила первенствующую роль воспитательных задач. Для становления гуманистической науки воспитания были важны и конкретные требования Петрарки к знанию, которое для него уже не было заключено в рамки свободных искусств, а включало историю, поэзию, моральную философию, ставшие вместе с грамматикой и риторикой основой гуманистического образования; важны также его размышления о миссии учителя как воспитателя прежде всего, идеи воспитания и самовоспитания.

На развитие идей гуманистического воспитания серьезно влияла и деятельность педагогов-практиков, одним из которых был Джованни Конверсини да Равенна. Его личный опыт обучения в средневековой школе и собственное многолетнее преподавание дали ему материал для размышлений о роли учителя и семьи в воспитании, об обстановке в школе, о новых методах воспитания. В его рассуждениях на темы воспитания ясно обозначился поворот к воспитательным задачам образования.

Становлению идей гуманистического воспитания помогала борьба гуманистов, и прежде всего Салютати (позже Бруни, Гуарино), за светское образование и античную культуру. Их противники — монахи

(к примеру, Дж. Доминичи, писавший против гуманистов и оспаривавший необходимость изучения античных авторов) и сторонники средневековых воззрений — видели в античных книгах язычество и безнравственность. И гуманистам потребовалось много сил и красноречия, чтобы отстоять в образовании античную культуру.

Ранний гуманизм подготовил расцвет педагогических идей в XV в. В это время появляются первые, специально посвященные задачам воспитания и образования трактаты (Верджерио, Веджо, Пикколомини, Филельфо и ряда других гуманистов, чьи работы известны лишь по названию, так как не дошли до нас). Педагогические вопросы широко обсуждаются в сочинениях на темы социальной жизни, семьи и брака (Фр. Барбаро, Альберти, Пальмиери, Фруловизи и др.). В этот же период создаются знаменитые гуманистические школы Витторино да Фельтре — в Мантуе и Гуарино да Верона — в Ферраре, о деятельности которых мы знаем в основном по воспоминаниям учеников и современников и отчасти из писем Гуарино.

Развитие идей воспитания неотделимо от развития гуманизма в целом, многие идеи гуманизма становятся достоянием педагогики, тем более что на темы воспитания писали те же самые гуманисты, которые обсуждали различные проблемы человека, и нет гуманистов, писавших только о воспитании. Педагогическая мысль не связана с каким-либо одним течением гуманизма, она творчески заимствует и взгляды на природу и добродетель, и гражданские идеи, и мысли о гармоничном развитии, и многое другое. О воспитании пишут гуманисты Падуи и Флоренции, Милана и Рима, Венеции и Феррары. Но все же более заметный вклад в развитие педагогической мысли, в практику воспитания принадлежит, пожалуй, Северной Италии, где через падуанскую школу прошли крупнейшие теоретики и практики воспитания — Верджерио, Витторино да Фельтре, Гуарино; с севером Италии связаны и такие имена, как Фр. Барбаро, Конверсини да Равенна, Веджо, Филельфо, Фруловизи и др.; на севере же возникли знаменитые гуманистические школы.

Идейные истоки гуманистической педагогики такие же, как у гуманизма в целом, — античность, христианство, средневековая мысль. Правда, были у педагогики и свои авторитеты — трактат Квинтилиана "О воспитании оратора" (открытый в полном объеме в 1417 г. в библиотеке монастыря Сен Галлен Поджо Браччолини), трактат Псевдо-Плутарха "О воспитании детей", переведенный с греческого на латинский язык Гуарино в 1411 г. (гуманисты считали этот труд, вышедший из кругов Плутарха, работой самого Плутарха и широко

использовали наряду с его "Жизнеописаниями"), и ряд других работ. Не исключено знакомство гуманистов с педагогическими трактатами средневековья, хотя прямых ссылок нет; использовали они и опыт рыцарского воспитания.

В рассуждениях итальянских гуманистов XV в. на темы воспитания так много общего в главных установках, что это дает основание говорить об их взглядах как о своего рода концепции воспитания.

Рассмотрим наиболее характерные черты этой концепции. Как и гуманизм в целом, гуманистическое воспитание по своему духу было светским. Оно ориентировало человека исключительно на земную жизнь, хотя с религией ни в коей мере не порывало и утверждало благочестие как важную характеристику человека.

Как и гуманизм в целом, оно было обращено к "человеку вообще" и потому было лишено сословных черт и социально открыто, и в этом смысле его можно считать демократичным и антифеодальным. Гуманистическое воспитание не преследовало профессиональных целей, оно не готовило человека ни к учительству, ни к священству, ни к миссионерству, ни к торговой деятельности, главная его задача заключалась в том, чтобы воспитать человека. И потому гуманистические трактаты о воспитании, даже посвященные воспитанию детей государя (например, трактат Верджерио), имеют самое широкое звучание.

Итальянскую науку воспитания отличает целенаправленный характер, неразрывная связь образования и воспитания, приоритет воспитательных задач. Эту главную идею хорошо выражает Бруни, когда говорит, что *studia humanitatis* названы так потому, что совершенствуют и украшают человека, а цель их — сформировать нравственного человека: "Ведь все эти науки нацелены на формирование нравственного человека, ничего полезнее этого нельзя и помыслить". Воспитательные задачи образования неотделимы у гуманистов от социальных, они прекрасно осознают общественную ценность хорошего воспитания. Альберти, разделяя с прочими гуманистами мысль о том, что хорошее воспитание является наилучшим наследством, которое родители могут дать детям, советует им приложить все силы, чтобы сделать своих детей "благовоспитанными и честнейшими, потому что это будет полезно для них самих (ибо благовоспитанность юношей ценится не меньше, чем богатство), а также принесет славу и похвалу дому, родине и им самим: если не ошибаюсь, лучше для отечества иметь граждан добродетельных и честных, чем очень богатых и могущественных".

Приоритет воспитательных задач подчеркивается и огромным вниманием к семье, которое столь характерно для итальянского гуманизма. Семья — это место, где начинается формирование человека, и потому родители должны еще до рождения ребенка, говорит Веджо, позаботиться о его нравственности; а для этого им следует прежде всего самих себя воспитать в духе добродетели, чтобы быть в дальнейшем примером для своих детей, ведь те, как обезьяны, все перенимают и, переняв, на протяжении всей жизни крепко держатся этого. Сколь велика же тогда ответственность родителей, о которой, кроме Веджо, говорят Пальмиери, Альберти и др.

В высоких требованиях, предъявляемых гуманистами к учителям, содержатся условия, важные для задач воспитания: учителя должны быть не только прекрасно образованными и знающими свое дело, но и людьми высоконравственными, со спокойным и мягким характером, доброжелательными, проникательными и умеющими понимать ребенка. "Чем глубже культура учителя и чище его нравы, тем более прочные ростки добродетели и учености он оставит в детях своим преподаванием" — в этом убежден не один Веджо, пишущий эти строки. При этом даже для детей раннего возраста надо искать наилучшего учителя, ведь столь важно, полагают гуманисты, заложить с самого начала добрые основы.

В науке воспитания огромную роль гуманисты отводят природе. Опираясь на Псевдо-Плутарха, они считают природу вместе с "дисциплиной" (наставление, руководство, метод) и "упражнением" (практика) основой образования и воспитания. С помощью природы, авторитет которой, как мы уже знаем, в гуманизме был очень высок, они утверждают идею обоюдного воспитания души и тела, и в частности физического воспитания. Так как душа и тело взаимно влияют друг на друга, то через физические особенности (жесты, походку и др.), полагают они, можно узнать душевные свойства, а в характерах детей они пытаются усмотреть влияние физических начал, физиологии и склонны даже рассуждать, видимо, не без влияния Аристотеля, об особенностях психологии подростков. Конечно, при малом знании физиологии и психологии в те времена все эти попытки еще очень несовершенны, подчас наивны, однако важно, что гуманисты не ограничиваются рассуждениями, а стремятся дать советы и рекомендации родителям и учителям: постоянно наблюдать за детьми, выявлять путем наблюдения природные склонности, особенности характера и индивидуальные свойства и применять в зависимости от этого различные методы подхода к детям.

Природа признается важным фактором и в нравственном воспитании. Вопрос о соотношении природы и нравственности был для гуманистов животрепещущим — он ведь и для нас не утратил значения, и нам небезынтересно узнать, заложено ли что-то от природы в человеке. И хотя наука не находит никаких семян добра, мы продолжаем этот вопрос ставить. А в эпоху Возрождения, когда не изжиты еще были представления о первородном грехе и извращенности природы человека и когда сами гуманисты развивали мысли о природе — доброй матери, на этот вопрос ответы, естественно, давались разные, подчас противоречивые. Многие признавали доброту человеческой природы, говорили о семенах добра, заложенных в людях, которые необходимо взращивать. Другие полагали, что человек не рождается ни добрым, ни злым, а несет в себе семена и добра, и зла; третьи помнили еще о первородном грехе. Но в любом случае гуманисты высоко оценивали роль обучения и воспитания в формировании нравственности — и во взращивании ростков добра, и в смягчении и обуздании дурных наклонностей. Хорошо сказал об этом Веджо: "От природы нет ничего врожденного, чего нельзя было бы, не говоря совсем, но, по крайней мере, отчасти, исправить, если только приложить искусство и ученую руку наставника".

Что же касается способностей от природы, то умению их распознавать придается большое значение, ведь тогда можно направить ребенка в нужную сторону. Гуманисты признают всеобщую склонность людей к познанию, неустанную деятельность и изобретательность ума, а неспособность к обучению склонны считать неестественной. Однако они подчеркивают, что способности у людей разные; способности — как земли, по выражению Витторино да Фельтре, из которых "одни пригодны для пастбищ и скота, другие — для виноградников и пшеницы, никакая земля, однако, не остается сама по себе неплодородной". Так что каждый получает от природы нечто, и важно узнать, что именно, чтобы не ошибиться в выборе занятий для ребенка.

Основное содержание гуманистического воспитания заключается в гармоническом развитии, представления о котором излагаются в трактатах гуманистов. Эти представления шире и разработаннее, чем в античности, хотя связь очевидна. Гармония души и тела, о которой говорил еще Платон (Тимей, 87е—89а), расшифровывается в духе гуманизма, унаследовавшего христианскую оценку души и душевной деятельности. Поэтому наряду с требованием всестороннего образования (по своему содержанию глубоко отличного от древнего) и фи-

зического воспитания (несводимого к гимнастике) обязательным и наиболее важным элементом этой гармонии становится нравственное воспитание. Оно понимается как воспитание в ребенке высоких нравственных качеств — добродетели, а добродетель, как мы знаем, всегда активна, проявляет себя в поступках, обращена к людям, поэтому нравственное воспитание оказывается одновременно и социальным, а также граждански-патриотическим.

Гуманисты понимают, что добродетель для детей как абстрактное понятие недоступна детскому разумению (Верджерио специально это отмечает), и поэтому они предлагают воспитывать в детях нравственные и социально значимые качества, поощряя их стремление к похвале, их боязнь позора и бесчестия, склонность к деятельности, отрицательное отношение к праздности. В детях воспитывается благочестие, любовь к родителям и родине, уважение к старикам, почитание учителей. Детей учат вообще доброжелательно относиться к людям — чтобы не было в ребенке ненависти или пренебрежения, чтобы не был он упрямым и мстительным. Наряду с ориентацией на внешнее одобрение (не быть капризным, черствым, легкомысленным и др.) рекомендуется и во внешнем поведении проявлять доброе отношение к людям — иметь лицо бодрое и веселое, "чтобы было видно, что всем желаешь здравствовать, что нет в тебе ненависти к людям".

Признается польза труда, каких-либо занятий и вред бездействия и одиночества для детей, питающего дурные мысли и развращающего детей. В размышлениях гуманистов чувствуется бережное отношение к личности ребенка (оценка телесных наказаний как оскорбляющих личность; признание вредными всяких нелепых уменьшительных имен и прозвищ, сохраняющихся и у взрослых; а также всего того, что внушает страх и воспитывает трусость и др.).

Физическое воспитание, на которое обращают внимание все гуманисты, пишущие на темы воспитания, понимается ими широко. Это прежде всего физические упражнения (гимнастика), соединяющие античное пятиборье с элементами физического воспитания рыцарства; это закаливание — холодом, длительным бодрствованием, трудом и др.; наконец, это подвижные игры на воздухе, прогулки, танцы, важные, кроме прочего, и для хорошей осанки, т.е. активные виды отдыха, а также правильное питание и сон.

Физическое воспитание действует на организм разносторонне, оно через тело влияет и на душу — ведь гуманисты рассматривают их во взаимосвязи. Поэтому физические упражнения влияют и на психиче-

ское состояние и настроение человека, они, по словам Альберти, одно из естественных лекарств, которым каждый может лечить себя без опаски; кровь становится чище, тело — крепче, ум — быстрым и живым. И напротив, от покоя и бездействия тело слабеет, становится медлительным и сонным, а ум тупеет и теряет ясность. Так же и в закаливании — вместе с телом закаляется дух, а изнеженность расслабляет то и другое.

Во всех видах физического воспитания гуманисты рекомендуют соблюдать меру и сообразовывать воспитание с возрастом и силами детей. А цель физического воспитания они видят в том, чтобы подготовить не только мужественного защитника отечества, но и просто человека физически и душевно здорового и крепкого, закаленного с детства, физически красивого. И еще важно оно как отдых от занятий, позволяющий вернуться к ним бодрыми и как бы обновленными.

Особенностью гуманистического воспитания является классический характер образования, в основе его — древние языки (латинский и греческий) и античная литература. Из христианской литературы — Библия и отцы церкви. В современной культуре гуманисты не видели ни идеалов, ни достойного стиля и языка, даже Данте не читали в гуманистических школах при всем уважении к нему гуманистов. Действенность воспитания в этих условиях зависела от мастерства педагога, способного заставить звучать в унисон с эпохой древние идеи, а не превращать их в антикварные ценности. Читали в гуманистических школах Вергилия и Гомера, Цицерона и Демосфена и других античных историков, поэтов, ораторов, философов.

Гуманистическая система образования была представлена прежде всего гуманитарными дисциплинами, такими, как история, моральная философия, поэзия, риторика; грамматика и диалектика играли роль инструментов, позволяющих овладеть знаниями. Гуманисты изменили и переосмыслили традиционную средневековую систему семи свободных искусств, они расширили тривиум (грамматика, риторика, диалектика) и ввели диалектику (логику) — главную дисциплину схоластики — в разумные границы, подчеркнув ее служебный, вспомогательный характер, наряду с грамматикой. Дисциплины из естественного цикла — квадривия (арифметика, геометрия, музыка и астрономия) — играли меньшую роль в образовании. Хотя некоторые гуманисты высоко оценивали естествознание (например, Верджерио), в школе Гуарино преподавали географию и астрологию, а у Витторино да Фельтре основательно изучали математику. Витторино одним из

первых сказал о необходимости энциклопедического знания, и такая ориентация на всестороннее образование лишний раз указывает на непрофессиональную подготовку, даваемую в гуманистических школах. Но главное все же состояло в том, что всеми без исключения гуманистами гуманитарный цикл наук ставился на первый план, образование тем самым приспособлялось к выполнению воспитательных задач.

Поэтому образование и не мыслилось как формальное, оно должно было — и это гуманисты особенно подчеркивали — оказывать воздействие не только на ум, но и на чувства и волю учеников. Наставления, моральные сентенции соседствовали в нем с примерами, яркими образами и красками поэзии, риторики и истории — "учительницы жизни". По поводу риторики Бруни писал: "У ораторов мы научимся восхвалять благодетелей и проклинать злодейства, утешать, убеждать, волновать, устрашать, хотя все это делают и философы, однако не знаю как, именно во власти ораторов вызывать гнев и милосердие, возбуждать и подавлять душу". А Пикколомини уверен, что, читая Гомера и Вергилия, "детская душа вознесется вверх простой героической песнью и увлечет дух величием дел и напоится лучшим".

Рассуждения гуманистов о красоте стиля, признание того, что в речи необходимы "блеск, красота, изысканность", позволяют говорить о появлении в гуманистическом образовании эстетических моментов, правда, пока еще в области, наиболее знакомой гуманистам, — в литературе. Но осознания нужности самостоятельного эстетического воспитания у итальянских гуманистов XV в. нет. Хотя практика, видимо, опережала теорию: в школе Витторино на высоком, несредневековом, уровне находилось преподавание музыки, а у Гуарино, возможно, преподавались изобразительные искусства.

Особого религиозного воспитания гуманисты не предполагали, хотя чтение священных книг, как правило, Библии и отцов церкви, в программы некоторых из них включено. В целом в гуманистическом воспитании присутствует практическое понимание религии: в детях воспитывается благочестие, уважение к культу и святым. В школе Витторино это проявляется наиболее сильно, а из теоретиков воспитания обширные наставления в этом отношении делает Пикколомини.

В полном соответствии с благородными воспитательными задачами процесс обучения понимался как добровольный, сознательный и радостный. Естественно, что методами такого обучения и воспитания

могли быть только методы "мягкой руки", широкое и взвешенное применение похвалы, разумное порицание. Отношение к телесным наказаниям было, как правило, отрицательным, и это обосновывалось: такие наказания и унижения, их сопровождающие, формируют рабскую душу, отбивают вкус к знаниям, рождают ненависть к учителю или к родителям. И все же телесные наказания не исчезли окончательно из гуманистических сочинений и из практики гуманистической школы, даже у добрейшего к детям Витторино они применялись, но в исключительных случаях и только за нравственные проступки.

Сам процесс обучения обсуждался меньше, ведь на темы воспитания писали зачастую гуманисты, не преподававшие в школах, да и преследовали они в своих трактатах отнюдь не дидактические задачи. А у тех, кто преподавал, можно найти мысли о сознательном усвоении материала, необходимости размышлять над прочитанным. Обращали внимание на тщательный отбор и дозировку материала, учили, как надо запоминать. Поскольку ценился хороший стиль письма и речи, то для его формирования рекомендовалось отбирать лучшие произведения античной литературы и часто практиковаться в произнесении речей.

Единого мнения о школе у итальянцев не сложилось: одни писали о домашнем воспитании, другие высказывались против него и отстаивали преимущества частной школы. Верджерио видел школу под контролем государства, но мыслей о ней не развивал. А реально существовавшие школы Витторино да Фельтре и Гуарино да Верона имели неопределенный статус, они возникли на стыке частной школы и двора феодала и были полугосударственными-получастными учебными заведениями, во всяком случае, закрытыми школами, не публичными.

Итальянские гуманисты утверждали доступность образования для всех, независимо от общественного и имущественного положения, лишь бы была способность к занятию свободными науками (а такую они признавали не у всех). Однако на практике равные возможности могли использовать далеко не все, ведь образование в гуманистических школах было платным. Видя, что препятствием к образованию может стать "недостаток средств", гуманисты тем не менее мало задумывались над тем, как помочь бедным получить хорошее образование. Они обращали мало внимания на внешние обстоятельства, полагая, как Верджерио, что "натура благородная обычно возвышается вопреки даже крайним трудностям"; словом, человек, способный к

занятиям гуманистическими науками, всегда добьется того, к чему стремится. Только в школе Витторино практиковалась помощь бедным, и это благородное дело Витторино, учившего способных бедных учеников бесплатно, прославило педагога, но оно было скорее исключением.

В целом человек в гуманистических трактатах о воспитании представляет собой личность деятельную, социально и граждански ориентированную и высоконравственную; он обладает чувством собственного достоинства, мужеством, физической и душевной стойкостью, способен быть защитником отечества; ему присуще стремление к похвале, славе и большим делам; его отличает всестороннее образование и культура. Предполагалось, что такой человек способен проявить себя в разных видах деятельности. Практика гуманистических школ Витторино да Фельтре и Гуарино да Верона показывает, что их питомцы становились государственными и общественными деятелями, высшими церковными иерархами, военачальниками, гуманистами, учеными, школьными учителями, университетскими преподавателями, книгоиздателями, т.е. проявляли себя и в общественной и государственной деятельности, в сфере культуры и просвещения

В условиях начинающейся рефеодализации Италии XVI в. гуманистические идеи воспитания становились все чаще достоянием феодально-аристократических кругов. Они использовались для воспитания образцового во всех отношениях придворного: он обретает черты гармонически развитой личности, культура украшает его, придает внешний блеск. Все это блестяще демонстрирует диалог Б. Кастильоне "О придворном". Появляются интересные новшества в воспитании: развитие эстетического вкуса путем занятий живописью, музыкой, поэзией; введение в образование родного языка. Но идеал сужен до придворной среды, сужен еще и оттого, что благородство, толкуемое ранее как личное приобретение, считается теперь достоянием знатного человека.

Гуманистические идеи воспитания сохраняются еще в сочинениях писателей XVI в. (например, у Я. Садолето); их можно встретить также у писателей-утопистов или склонных к реформационным настроениям писателей, хотя, вырванные подчас из системы представлений предшественников и включенные в контекст их собственных размышлений, они звучат иначе.

Гуманизм других европейских стран унаследовал лучшие и наиболее плодотворные идеи итальянской науки воспитания периода ее расцвета и развил их дальше. В педагогических сочинениях Эразма Роттердам-

ского, Х.Л. Вивеса, Ф. Рабле, М. Монтеня, Р. Эшема и Т. Элиота идеи воспитания в их основных чертах похожи на итальянские — приоритет воспитательных задач, связь знания и нравственности, идеи гармоничного развития, воспитание достойного гражданина и нравственного человека как цель воспитания; похожи и многие методы.

Но появляются и существенные особенности, порожденные иными условиями, в которых развивается европейский гуманизм. Более трезвая, лишенная идеализации оценка человека в европейском гуманизме XVI в. привела в сочинениях на темы воспитания к сильной критике человеческих пороков, семейного воспитания и родителей, особенно характерно это для Эразма в педагогическом трактате и в "Разговорах запросто". О роли семьи в воспитании говорится (Вивес, Эразм), но, пожалуй, меньше, чем у итальянцев, интерес перемещается с семьи на школу, учителя — их роль в воспитании и образовании решающая. Но и школа, и учителя, и вообще вся система средневекового образования подвергается сильнейшей критике, практически все гуманисты касаются этой темы. И в целом старая система образования с ее "авторами" и жесткими методами воспитания была разрушена именно в XVI в.

Более того, некоторые гуманисты (Монтень прежде всего) увидели серьезные недостатки и в появившихся под влиянием гуманизма новых школах, где изучается классическое наследие. Педанты, с которыми воюет Монтень, — это не столько схоласты, сколько преподаватели классических школ, где интерес к классике становится самоцелью и в силу этого теряется воспитательный характер образования. "Мы трудимся лишь над тем, чтобы заполнить свою память, оставляя разум и совесть праздными... Мы умеем сказать с важным видом: "Так говорит Цицерон", или "Таково учение Платона о нравственности", или "Вот подлинные слова Аристотеля". Ну а мы-то сами, что мы скажем от своего имени? Каковы наши собственные суждения? Каковы наши поступки? А то ведь это мог сказать и попугай". Монтень остается верен гуманистическим идеям воспитания с помощью знания, но он несравнимо сильнее итальянцев говорит о творческом отношении к знанию: надо не вливать знания в детей, "словно воду в воронку", а научить детей творчески усваивать и перерабатывать эти знания, превращая их в элементы собственного убеждения.

Вера в силу воспитания продолжает оставаться характерной чертой европейского гуманизма. В гуманистической триаде природа — дис-

циплина — упражнение роль природы несколько ослаблена по сравнению с итальянцами. Так, Монтень полагает, что склонности детей проявляются слабо и неотчетливо, и не советует особенно полагаться на "легковесные предзнаменования и догадки, которые мы извлекаем из движений детской души". На первый план выходят дисциплина и упражнение, т.е. сам процесс воспитания. Для Эразма воспитание — путь формирования человека, ибо "людьми не рождаются, но делаются путем воспитания". Вера в силу воспитания для него — это вера в силу разума, способного совершенствоваться. "Человеком делает разум" — с этим убеждением Эразма находятся в соответствии все его педагогические рекомендации.

Основной путь воспитания у Эразма и других европейских гуманистов лежит через образование. Для Эразма это образование исключительно книжное, какой-либо опыт в нем отсутствует. Он убежден, что философия за один год большему учит, чем сколь угодно большой опыт в делах за 30 лет. У него нет даже обращения к "живому примеру", как это наблюдалось хотя бы у Веджо. Но само образование обогащается у Эразма понятием игры, наглядностью (очень характерен его пример с картинками, изображающими животных). Та же наглядность присутствует и у Рабле в процессе обучения, но у него есть еще и наблюдение природных явлений, и знакомство с различными ремеслами и искусствами, и даже "опыт" (в шуточной, правда, форме извлечения воды из вина). Монтень же, убежденный, что "ученость чисто книжного происхождения — жалкая ученость", призывает учиться не только на книгах, но и путем общения с людьми, в путешествиях, что обогащает человека знанием и воспитывает его. Так что понятие "обучение" у гуманистов XVI в. значительно расширяется. Но, кажется, никто из них уже не возвращается к старой идее ранних гуманистов — брать за образцы людей — отца, учителя, старших, добродетельного человека вообще. Безоглядная вера в человека, столь характерная для раннего гуманизма, ушла в прошлое. Однако гуманизм не утратил оптимизма, он верит в разум, в силу воспитания и потому остается гуманизмом.

Понимание знания также расширяется в XVI в. Это уже не только знание гуманитарного толка (эта традиция сохраняется еще у Эразма), играющее главную роль в воспитании, но и естественнонаучное знание (в большем объеме, чем у итальянцев): включается в образование физика как наука о природе; в курсе математики, кроме традиционных дисциплин квадривия, названы оптика и архитектура; предлагаются труды натуралистов и медиков, таких, как Феофраст, Диоско-

рид, Гален. В обучении начинают широко использовать труды самих гуманистов: "Разговоры запросто" Эразма, "О красотах латинского языка" Л. Валлы, учебники и словари по латинскому и греческому языкам и др.

Древние языки продолжают сохранять свою роль главных орудий образования, углубляется изучение греческого языка по сравнению с XV в. Но растет интерес к изучению родного языка, рассматриваются возможности использовать его как подступ к древним языкам у Вивеса, английских гуманистов. А у некоторых гуманистов (Мора, Монтеня) предполагается преподавание на родном языке.

Гуманисты (Вивес, Эразм) обращают большое внимание на специфику детского возраста, на особенности детской психологии. Эразм выделяет память и способность к подражанию как характерные черты детей и показывает, как, опираясь на эти особенности детской психологии, сделать успешным обучение детей, как приспособить к пониманию детей содержательный материал образования и как облегчить восприятие трудных вещей. Особенно любопытны и новы для того времени его размышления об обучении как игре, где он основывается на присущем детям свойстве воспринимать ученье как игру и не уставать от него; а так как в любом деле значительная часть трудностей идет часто из воображения, то главная задача учителя будет заключаться, по мнению Эразма, в том, чтобы облечь занятия в игру. Интересны рассуждения Эразма о детстве как весне человеческого возраста, которой соответствует все радостное и приятное, его вера в способность юного возраста добиваться многого и призыв как можно раньше начинать заниматься. Ему свойствен какой-то культ молодости, и в этой ставке на будущее — оптимизм Эразмова гуманизма.

Из рассуждений гуманистов XVI в. о школе гораздо больше можно узнать о том, какой не должна быть школа, — в сокрушительной критике средневековой школы они едины, но у Эразма и Вивеса есть мысли о школе общественной и притом под контролем общества, чтобы исключить там все случаи жестокости и насилия над личностью ученика. Видимо, она мыслится как бесплатная, находящаяся на общественном попечении. Общественное попечительство становится в XVI в. актуальной проблемой. Понимая школу как важный общественный институт и надеясь на ее разумное устройство, гуманисты рассчитывают на заботу о ней общества, а в случае отсутствия такой школы и невозможности для бедняка пригласить частного учителя они (Эразм) возлагают надежду на частную благотворительность.

Этим они также отличаются от гуманистов XV в., либо не задававших такими вопросами, либо веривших, что человек, жаждущий знаний, добьется своего вопреки всяким трудностям.

Так, развивая идеи предшественников, гуманистическая наука воспитания XVI в. передает свой, ставший более зрелым опыт воспитания последующим векам.

Н.В. Ревякина

І. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ МЕЧТА О ЧЕЛОВЕКЕ

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

Франческо Петрарка (1304—1374) был первым гуманистом Возрождения, основоположником гуманистического мировоззрения, сформулировавшим в своих сочинениях ряд идей и подходов, ставших в гуманизме ведущими. Сын изгнанного из Флоренции в результате политической борьбы нотариуса, он провел молодые годы в Авиньоне, куда переселилась семья отца. До 1326 г. изучал по настоянию отца право в Монпелье и Болонье. Но после смерти отца он оставил занятия нелюбимым правом и целиком посвятил себя литературе. В 1327 г. Петрарка встретил в одной из авиньонских церквей молодую женщину Лауру, ставшую на долгие годы источником его поэтического вдохновения, ей он посвятил свои стихи и не переставал воспевать ее и после ее смерти, случившейся в 1348 г.; созданная на итальянском языке и прославившая поэта "Книга песен" (1356—1358, 2-я ред. — 1373) — поэтический рассказ Петрарки о борениях своих страстей, о своей неразделенной любви.

С 1330 г. гуманист на службе у авиньонского кардинала Джованни Колонна, он принял духовный сан и стал капелланом в домашней церкви Колонна. Поприще клирика давало ему средства к существованию и позволяло заниматься поэзией, литературой, философией. В 1333 г. Петрарка совершил путешествие по Северной Франции, Фландрии, Германии, с истинной страстью путешественника он осматривал города, разыскивал и переписывал древние рукописи, составляя собственную библиотеку. В 1337 г. он впервые посетил Рим, восхитивший его древними памятниками и потрясший разрушениями. Возвратившись в Авиньон, он поселился недалеко от города, в Воклюзе, расположенном в живописной долине у истоков Сорги, там он жил в уединении с 1337 по 1353 г. с перерывами. В 1337 г. у него родился сын Джованни.

В 1341 г. Петрарка, уже известный к тому времени как поэт своей героической поэмой "Африка" о подвигах Сципиона Африканского во 2-й Пунической войне и отдельными "Стихотворными посланиями", коронуется лавровым венком на Капитолии и произносит речь о сущности и назначении поэзии. В это время он работает над историко-биографическим сочинением "О знаменитых людях" (начато

в 1337, закончено в 1358), пишет диалог-исповедь "Тайна" (1342—1343), повествующую о разладе новых чувств и настроений в душе поэта и старых идейных установок и важную с точки зрения становления нового мировоззрения. К этому же времени относится трактат "О достопамятных вещах" (1343—1345), где на материале древности и современной жизни Петрарка изучает человеческие добродетели. В трактате "Об уединенной жизни" (1346), вдохновленном жизнью в Воклюзе, защищает право на выбор собственного образа жизни и собственных занятий и осмысляет свой особый путь в жизни. Для монахов картезианского монастыря, куда удалился брат Петрарки, он пишет трактат "О монашеском призвании" (1347). В этом же году он приветствует победу в Риме антифеодалного движения под руководством Кола ди Риенци.

В 1353 г. Петрарка окончательно переселяется в Италию, оставив Воклюз. Он живет при дворе Висконти в Милане, выполняя в основном дипломатические поручения (1353—1361), затем в Венеции, Павии, Падуе и в Аркве под Падуей, где живет в своем доме вместе с семьей дочери Франчески (род. в 1343 г.), здесь Петрарка умер и похоронен.

В итальянский период жизни он доделывал многие ранее начатые работы и написал новые. Среди последних — "Инвективы против врача" в 4 книгах (1352—1353), где он отстаивает первенствующее положение поэзии и риторики по сравнению со средневековыми схоластическими дисциплинами, и прежде всего медициной; большое сочинение на этические темы "О средствах против всякой судьбы" (1354—1366), инвектива "О невежестве своем собственном и многих других" (1367). Обширная переписка гуманиста, очень ценная для изучения его мировоззрения, включает 24 книги писем "О делах личных", "Письма без адреса", "Старческие письма", незаконченное письмо "К потомкам" — своеобразную автобиографию гуманиста, доведенную до 1351 г. Латинское стихотворное наследие составляют поэма "Африка", двенадцать эклог "Буколическая песнь" и "Стихотворные послания", итальянское наследие включает кроме "Книги песен", морально-аллегорическую поэму "Триумфы", оставшуюся незаконченной.

Ниже приводятся фрагменты из инвективы "О невежестве своем собственном и многих других", направленной против венецианских философов-аверроистов и против всей схоластической философии и ее главного авторитета — Аристотеля; Петрарка противопоставляет оппонентам свое понимание задач философии, заявляет о ее ориентации на человека, соединяет неразрывными узлами знание и нравственность. Публикуемые далее два диалога взяты из работы "О средствах против всякой судьбы", одной из самых популярных книг в XV—XVI вв., первой из работ Петрарки, изданной типографским способом (в 1474 г.). В диалогах обсуждаются две важнейшие для гуманистов проблемы — проблема благородства как собственного достоинства человека, приобретенного славными дея-

ниями, знаниями и творчеством, и проблема достоинства как особого места и назначения человека по сравнению с другими творениями Бога; Петрарка открывает обсуждение этой темы, которая найдет свое развитие у Фацио, Манетти, М. Фичино, Пико делла Мирандола и гуманистов XVI в.

Н.В. Ревякина

О НЕВЕЖЕСТВЕ СВОЕМ СОБСТВЕННОМ И МНОГИХ ДРУГИХ

<...> Для многих знания — орудие безумия, почти для всех — несокомерия, если — что бывает редко — не упадут они в добрую и хорошо воспитанную душу. Тогда многое [такой человек] знает о животных, птицах и рыбах: знает, сколько у льва волос в гриве, сколько перьев в хвосте у ястреба, сколькими витками обвивает спрут потерпевшего кораблекрушение, как спариваются слоны, оборотившись спиной, и как у них два года длится беременность и какое слон послушное и долговечное животное, и по уму ближайшее к человеку, и живет он два или три столетия, как Феникс сгорает в благоухающем огне и сожженная вновь возрождается, как морской еж задерживает корабль, движущийся с любой скоростью, но извлеченный из воды теряет всякую силу; как охотник заколдовывает с помощью зеркала тигра, как аримасп поражает грифов мечом, как киты своими спинами вводят в заблуждение моряков; знает, как безобразен новорожденный медвежонок, редкостен детеныш у самки мула, неповторим и жалок змееныш, как слепы кроты, глухи пчелы и, наконец, что из всех животных только крокодил движет верхней челюстью¹. Эти вещи в большей части или ложны, что стало очевидным во многих подобных случаях, когда они происходили в наших землях, или они были достоверно неизвестны самим авторам [их сообщающим], но вследствие того, что они не были на виду, в них и верят охотнее, и легче их измышляют; и, наконец, даже если эти вещи были бы истинны, они ничем бы не способствовали счастливой жизни. Ведь какая польза, спрашивается, будет в том, чтобы знать природу зверей и птиц и не знать и не стремиться узнать природу людей, для чего мы рождены, откуда идем и куда направляемся?

<...> Если не ошибаюсь, я читал все моральные труды Аристотеля, о некоторых слышал, и прежде чем раскрылось столь огромное [мое] невежество², мне показалось, что я кое-что понял: благодаря этим трудам я, возможно, становился подчас учнее, но не делался, как подобало, лучше. И часто сам себе и иногда другим я жаловался, что не достигаю на деле того, что тот же философ сам обещал в первой кни-

ге "Этики"³, а именно, что эта часть философии изучается не для того, чтобы увеличить наши знания, а чтобы сделать нас нравственными. Я, разумеется, вижу, что Аристотель превосходно определяет и подразделяет и проницательно исследует добродетели, свойства их и пороков. После изучения всего этого я знаю несколько больше, чем знал, но душа моя осталась той же, что была, воля той же. Я не изменился. Действительно, одно — это знать, другое — любить, одно — это понимать, другое — желать; не отрицаю, Аристотель учит, что такое добродетель, но побуждающих и пылких слов, которые подталкивают душу и воспаляют ее любовью к добродетели и ненавистью к пороку, то чтение не имеет или имеет в самой незначительной степени. Кто ищет такие слова, найдет их у наших, особенно у Цицерона и Аннея⁴ и — никто не удивится этому — у Флакка, поэта с грубым стилем, но с очень приятными мыслями. Но чем полезно будет знание того, что такое добродетель, если ее познанию не возлюбить? Какая польза в знании того, что такое грех, если, познав его, не содрогнуться? Право же, если воля извращена, то когда станет ясна трудность осуществления добродетели и соблазнительная легкость пороков, это может толкнуть ленивую и колеблющуюся душу в худшую сторону. <...> Хотя в действительности наша цель не заключена в добродетели, где ее поместили философы, однако через добродетели лежит прямо путь туда, где находится наша цель; через добродетели, говорю, не только те, которые мы познали, но те, которые возлюбили. Те, следовательно, являются истинными моральными философами и полезными учителями в добродетели, первое и последнее стремление которых заключается в том, чтобы сделать нравственным своего слушателя и читателя, и которые не только учат, что такое добродетель или порок, и доносят до ушей славное имя первой и зловещее имя второго, но и укореняют в душе стремление и любовь к добрым делам, ненависть к дурным и бегство от них. Благоразумнее трудиться ради доброй и благочестивой воли, чем ради огромного и просвещенного интеллекта. Ибо предмет [цель] воли, как считают мудрецы, — благо; предмет интеллекта — истина. Но лучше желать блага, чем знать истину. Ведь первое никогда не лишено воздаяния, второе же часто содержит [в себе] вину и не имеет оправдания. Итак, сильно заблуждаются те, кто посвящает время познанию добродетели, а не приобретению ее, и еще больше те, кто познают Бога, а не любят его.

Francesco Petrarca. Prose. A cura di G. Martellotti e di P.G. Ricci, E. Carrara, E. Bianchi. Milano. — Napoli, 1955. P. 712—714, 744—748.
Пер. Н.В. Ревякиной.

КОММЕНТАРИИ

¹ Эти сведения Петрарка мог почерпнуть как у древних авторов (Плиния, Аристотеля), так и у средневековых (Винченца из Бове, Фомы из Кантемпре и др.). Феникс — сказочная птица, прожив 500 лет, сжигала сама себя в гнезде, сделанном из сухих ароматических трав, и затем вновь возрождалась из пепла. Аримаспы — мифический народ, живший к северу от Черного моря; аримаспы постоянно боролись с грифами за золото, которое те охраняли.

² "Столь огромное невежество" — полемический трактат Петрарки направлен против его венецианских знакомых — философов-аверронистов (и вообще схоластов), упрекавших гуманиста в невежестве и мало ценивших его красноречие; но Петрарка быть ученым-схоластом и не желает, отсюда его заявление, скорее ироническое, о собственном невежестве.

³ Этика — "Никомахова этика" Аристотеля.

⁴ Анней — Луций Анней Сенека.

О СРЕДСТВАХ ПРОТИВ ВСЯКОЙ СУДЬБЫ

Книга вторая

XCIII. О печалях и несчастьях

Скорбь: Размышление о моих теперешних несчастьях делает меня печальным.

Разум: Я не отрицаю, что несчастья человеческого состояния велики и многочисленны. Они оплакиваются в некоторых недавних книжках¹. Но если ты посмотришь на жизнь с другой стороны, то увидишь многое, что делает ее счастливой и приятной. Об этом, если я не ошибаюсь, никто до сих пор не писал, а те, кто принимался, отказывались от своего намерения, поскольку понимали, что этот предмет труден, противоречив, бесплоден для пишущих и далеко не равнозначен тому, что можно писать о несчастьях, до какой степени многие из них бросаются в глаза. Счастье мало и скрыто, тут нужно глубже копнуть пером, чтобы можно было показать его неверящему.

Я выделяю главное из многого: мало ли вам причин для радости? Образ и подобие Бога-творца, имеющиеся в человеческой душе: ум, память, предвидение, красноречие; столь многие изобретения, столь многие искусства, служащие этой душе и этому телу, в котором божественной милостью предусмотрено все необходимое для вас. А красота столь многочисленных и столь разнообразных вещей, удивительным и непостижимым образом служащих не только вашим нуждам, но и вашему удовольствию! Что за великая сила корней, травяных соков, какое разнообразие цветов! Сколько запахов, тепла, вкусовых ощущений, из различия которых рождается гармония! Как много жи-

вотных в небе, на земле, в морях, предназначенных только для вашей пользы и подчиненных только вашей власти! И если вы бы не покорились добровольно ярму греха, то владели бы всем, что есть под небом.

Прибавь холмы, согретые солнцем долины, тенистые ущелья, льдистые Альпы, теплые побережья. Прибавь столь многие источники целебных вод: сколько среди них серных и дымящихся, сколько прозрачных и холодных ключей. А сколько морей, омывающих землю или вдающихся в нее! Прибавь стремительные потоки и неизбежные пределы материков. Прибавь озера, схожие с морями; и обширные болота, и ручьи, стремительно низвергающиеся с горных теснин, и цветущие берега.

"И берегов защита, и свежие луга у ручьев", — как сказал Вергилий².

Что добавить о гулких пещерах и покрытых пеной утесах, о влажных побережьях; об отливающих золотом нивах, и виноградниках в период ягод, и об удобствах городов, и о деревенском покое, и о свободе уединения?

А что может быть прекраснее и божественнее из всех зрелищ, чем вид неба с едва заметным вращением звезд? И среди них, неподвижных или блуждающих, или, как говорят, плутающих, взгляните прежде всего на Солнце и Луну, яснейшие светильники неба и мира, как говорит Марон³, его сверкающее украшение, как говорит Флакк⁴. От них — земные плоды, от них — жизнь существ, от них — изменение погоды; при их помощи мы измеряем годы, месяцы, и дни, и ночи, и мгновения, без чего возникло бы отвращение к жизни.

То же касается тела: пусть оно брэнно и слабо, однако имеет приятный вид, выпрямлено и приспособлено к созерцанию неба. Присокупите бессмертие души и путь к небу — при малой плате неограниченную награду, и многое такое, чего не стоит касаться вне наставлений веры. Есть надежда, что после смерти возродится и тело, станет легким, светящимся, непорочным, им можно будет пользоваться с еще большей славой. И оно превзойдет не только человеческое, но и ангельское достоинство.

Сама человеческая природа будет соединена с божественной так же, как у того, кто был богом и стал человеком. Ведь он, единосущный, совершенным образом объединив в себе две природы, стал богом и человеком, — так, сделавшись человеком, сделал человека богом. Невыразимое благочестие и смирение бога — высшее счастье и слава человека, во всех отношениях возвышенное и сокровенное таинство, удивительная и благотворная связь, которую, не знаю, как небесный, но человеческий язык выразить не может.

Разве тебе мало, что уже одним этим человеческое состояние облагорожено и несчастья уничтожены? О чем, спрашиваю, более возвышенном может помышлять человек, если не о том, чтобы стать богом? Вот уже он бог.

Что еще остается, спрашиваю я, о чем вы могли бы вздыхать и чего могли бы желать? Вполне достаточно того, что ты приобрел, и нечего выдумывать, что остальное является большим. Действительно, когда сила провидения склонилась к вашему спасению, Христос, хотя и мог избрать что-нибудь другое, принял, однако, человеческое тело и человеческую душу и пожелал обрести не ангельский, но человеческий облик, — чтобы ты знал, таким образом, насколько Господь любит тебя, и возрадовался этому.

Как превосходно сказал Августин, Бог показал, что нужно обращать внимание не на плоть и не на мощь, а на то, чтобы вы придали добродетельность телесным ощущениям, — в чем человеческая природа, занимает выдающееся место между прочими творениями. И тот, кто с удивительным достоинством предпочел вас ангелам, самих ангелов сделал вашими стражами, чтобы еще раз показать ваше преимущество. Иероним говорил⁵, что достоинство душ таково, что каждая в отдельности имеет ангела, поставленного ей в охрану. В самом деле, забота Бога о нас — отеческая и более, чем просто отеческая. И как сказано Сатириком⁶, поистине неизменная. Воистину, Богу человек дороже, чем самому человеку. Откуда же берется место печали и жалобам? Не природа ваша, очевидно, но грех делает вас печальными и жалующимися.

Скорбь: Меня удручают недостойное рождение, хрупкость и слабость природы, и нужда, и суровость судьбы, и краткость жизни, и неизвестность конца.

Разум: С большим рвением ты сетуешь на причины своих печалей. Следует перейти к противоположному, чтобы ты возликовала от радости. А при нынешних нравах слишком жадно вы склоняетесь к дурному. Посему все, что касается недостойного рождения или безобразия тела и прочего, — оно не только не уменьшается стремлением к воскресению, на что надеется каждый верующий, равно как и на то, что будут облагорожены тела, — но также опровергается существующей красотой и неким исключительным величием человека среди всех божьих творений.

Ибо что утрачивает от недостойного рождения человеческое достоинство? Разве не из безобразных корней вырастают высокие и стройные деревья и одевают благодатной тенью травянистую землю?

Не из грязнейшего навоза поднимаются веселые нивы? И не из презренного происхождения — дела наилучшие? Вы — божий урожай, который должен провеиваться на току судилища и ссыпаться в амбар высочайшего отца. Земным, хотя отчасти благородным и небесным, было происхождение. И каким бы ни было рождение и сколь трудным ни было бы возвышение — небо становится последним обиталищем.

Что сказать о наготе, телесной слабости и многих тяжелых испытаниях несчастьем, из-за которых принято считать человеческое состояние жалким? Разве не восполняется это при помощи разнообразных искусств и многих лекарственных средств? Если для животных, лишенных разума, природа позаботилась о прочной шкуре, когтях и шерсти, только человека, изобретателя всего, наделила разумом. Не больше ли славы, чем бесчестья, можно извлечь из того для людей? Как те защищены чем-либо, так он защищен своим собственным внутренним средством. Все прочее, как бы сильно оно ни защищало существа, все равно слабее разума. Один только человек имеет столько, сколько сможет достичь проницательным разумом...

Всем существам, которых мы видим, облезлым от старости или от чесотки, хромым, слепым, никто не в состоянии помочь, кроме человека. Человек же, нагой сам по себе, одевается и украшается при помощи ума и, если дело потребует, вооружается. Хромой и бессильный скачет на лошади, или едет в повозке, или опирается на палку. Всеми способами помогает себе и себя поддерживает. Он научился изготавливать деревянные ноги, или железные руки, или восковые носы и тем самым противостоять случайным несчастьям, потере какого-либо члена тела. Пошатнувшееся здоровье он восстанавливает лекарствами, отсутствующий аппетит возбуждает лакомствами, ослабевшее зрение исправляет очками. Они, кстати, были выдуманы нашими предками: Сенека пишет, что они пользовались с этой целью сосудами, наполненными водой⁷. Вообще удивительна игра природы, ласковой и щедрой матери: одно у сына отняв, другое даст и утешит.

Лошади, быки, слоны, верблюды, львы, тигры, барсы и подобные им существа, состарившись, становятся ненужными, умирая — исчезают бесследно. Только человека, одаренного доблестью, свойственной только ему, старость делает уважаемым, а смерть — счастливым, унося, а не уничтожая бесследно.

И самое главное: некоторые животные сильнее человека, некоторые быстрее, некоторые обладают более острыми чувствами, но нет ни одного, превосходящего человека достоинством, ни одного, о ком забота Творца была бы такой же, как о человеке. Только человеку дана круглая форма головы и небесный лик.

И когда, склоненные, видят животные только землю,
Глазам человека дано видеть высоты и небо
И поднимать обращенный к звездам лик⁸.

Как прекрасно сказал Назон; возможно, такие слова есть и у Цицерона.

Только человеку даны лицо и глаза, отражающие тайны души, дан разум, дана речь, даны слезы, дан смех — признаки скрытых чувств.

Некоторые полагают, что последнее служит доказательством несчастья и ничтожества человека, так как плакать младенец начинает с момента рождения, а смеяться — только на сороковой день⁹.

Я называю человека счастливым, если им управляет доблесть, но жить ему не просто, так как от рождения предостоят непрерывные труды и тяготы.

И, наконец, что касается силы и быстроты, ловкости и приспособленности животных — всего этого недостает человеку. Но человек приручил к ярму диких быков и к узде — необъезженных лошадей. Человек сделал украшением своего стола медведей, страшных своими когтями, вепрей, опасных своими клыками, оленей, убивающих рогами. Человек использует мех и шкуры лис, рысей и прочих зверей, мясо которых нельзя употребить в пищу. С помощью сетей человек покори себе моря, с помощью собак — леса, с помощью птиц — небо. Он обучил животных понимать человеческий голос и повиноваться человеческим жестам. Так из каждой части природы он что-нибудь поставил себе на пользу.

У тебя нет силы быка, но бык для тебя пашет. У тебя нет быстроты лошади, но ты на ней разъезжаешь. У тебя нет способности летать, как цапля, но и она для тебя летает. Нет у тебя силы слона или верблюда, но первый возит для тебя осадную башню, второй — грузы. Нет у тебя шкуры оленя, нет шерсти ягненка или меха лисицы, но они этим владеют для тебя. Иметь всех качеств животных человек не хочет, но хочет повелевать теми, кто их имеет. Эти слова римского полководца служат прекрасным ответом тем, кто говорит, что люди немощны и беспомощны...

КОММЕНТАРИИ

¹ По мнению биографа Петрарки Уилкинза, диалог написан в 1354 г. и является одним из самых ранних в трактате. Гуманист отклонил в 1354 г. просьбу настоятеля картезианского монастыря дописать к трактату Иннокентия III "О презрении к миру, или О ничтожном состоянии человека" (1198) вторую часть, где речь должна идти о христианском понимании радостей и счастья человека: он сослался на то, что сам занят диалогом на эту тему. В диалоге Петрарки чувствуется скрытая полемика с аскетической позицией Иннокентия.

² Вергилий. Энеида, VI, 674.

³ Вергилий. Георгики, I, 6.

⁴ Гораций. Оды, 2, "Юбилейный гимн".

⁵ Иероним. Комментарии к Евангелию от Матфея, 10, 11 (помещенные в "Патрологии" Миня, т. XXVI, с. 130).

⁶ Ювенал. Сатиры, 10, 349.

⁷ Сенека. Естественнонаучные вопросы, III, 17,2 и 18,4.

⁸ Назон — Публий Овидий Назон. Метаморфозы I, 84—86.

⁹ Приведен один из аргументов Иннокентия III, служивший доказательством ничтожности человеческого существования.

Книга вторая

V. О незнатном происхождении

Скорь: Я рожден незнатными родителями.

Разум: Может быть, не стоит считать тягостным это обстоятельство. Возможно, даже лучше родиться неблагородным, если ты согласишься рассмотреть разные жизненные пути. Действительно, если ты решишь предаваться наслаждениям и идти проторенной дорогой по следам толпы, тебе легче простятся ошибки и заблуждения, поскольку у тебя не было домашних наставников; не будет резких попреков в том, что ты не походишь на славных родителей, поскольку у твоего дома нет никакой славы, одна безвестность.

Если же ты, выберешь малоисхоженную тропу доблести, то тем известнее ты станешь, чем из большей безвестности и потемок поднимешься. Вся слава будет происходить только из твоих дел. Ничто не отнимет подражание. Нисколько славы не отнимут родители, деда, прадеды, советники и учителя. За все, что ты сделаешь хорошего, ты один пожнешь славу, тебя одного будут восхвалять, тебя одного назовут основателем и создателем рода, чего не случилось бы, если бы ты был рожден благородным. Вот видишь, какой случай прославиться выпал на твою долю: благодаря себе самому сделаться благородным, дать, а не принять благородство. Ты дашь своим потомкам то благородство, которого не дали тебе родители. Намного важнее стать основателем благородного рода, чем получить благородство от предков.

Скорь: Нов и прост мой род.

Разум: Стал же больше известен, чем последующие правители, основатель Рима, вскормленный пастухом¹, хотя те воздвигали величественные дворцы, украшенные мрамором и золотом, а он лишь построил в лесу крепость и простой, жалкий царский дворец, покрытый не менее жалкой соломой. Но велика слава новизны и большого начала.

Скорь: Я начал свою жизнь от неблагородного корня.

Разум: Стремись стать благородным к концу жизни. Ведь вначале — труд, в конце — плод; если его сорвать незрелым, то он не будет долговечным.

Скорь: Низкое происхождение обрубает корни славы.

Разум: В действительности-то не обрубает, а глубже закапывает, чтобы она возросла более крепкой, пусть и более поздней. Впрочем, я назову здесь не только неблагородных, но и безвестных людей из любого рода, которые стали знаменитыми благодаря доблести и усердию. Действительно, если доблесть делает человека истинно благородным, то я не понимаю, что мешает тому, кто хочет стать благородным, и почему же лучше, чтобы его сделали благородным другие, чем он сам себя?

Скорь: Я происхожу от неблагородных родителей.

Разум: А Сократ, Еврипид, Демосфен? У первого отец был облицовщиком мрамора, мать — повитухой; у второго и мать, и отец неблагородны; третий происходил не просто от жалких, но и сомнительных родителей. Из крестьян вышел ваш Вергилий. Не краснел Флакк² из-за того, что его отец был вольноотпущенником и глашатаем. Оба достигли выдающейся славы и удостоились расположения высочайшего из правителей³, перед которым все другие склоняли головы, благодаря деяниям которого рождалось все великое, на кого возлагались надежды почти всех смертных, особенно благородных; заслужить близкого знакомства с ним было высшим стремлением лучших людей. Так этот правитель, судя по его льстивым и сладким письмам, настоятельно добивался как чего-то очень важного дружбы и общения с этими двумя незнатными людьми, приехавшими в Рим из деревни: один был из Мантуи, другой — из Венузия.

Мы думаем, что тогда при дворе было много благородных — бесполезных и невежественных людей, как это часто случается. Им казалась вполне благородной и даже вызывающей зависть незнатность тех двоих. И это вполне справедливо.

Скорь: Я происхожу от безвестных родителей.

Разум: Если не волнуют душу приведенные примеры, перейду к более внушительным. Марк Цицерон, как о нем написано, вышел из всаднического сословия и, будучи простого происхождения, достиг консульства, пройдя прежде, благодаря выдающемуся таланту, другие почетные ступени власти. И я не знаю, было ли еще чье-либо консульство столь полезно государству⁴.

Скорь: Предки мои деревенские и безвестные.

Разум: Как я понимаю, они из-за этого кажутся тебе достойными презрения. И ты теперь устремляешься к более высокому положению.

Однако и Марий был деревенским мужем, и именно мужем, как говорил о нем его земляк Цицерон. Марий долго был пахарем у марсов⁵, а в Риме семь раз избирался консулом. Как рассказал о нем тот же самый соотечественник, он стяжал великую славу с тех пор, как сумел дважды спасти Италию от опасности и страха порабощения.

И Марк Катон — муж плебейского происхождения, долгое время бывший безвестным жителем маленького городка, — стал затем известнейшим иноземцем великого города, а вскоре выдающимся гражданином, и консулом, и цензором.

Если недостаточно даже этих примеров, вспомни о царях. В самом деле, низкое происхождение не запрещает надеяться на достижение этой власти за заслуги — через избрание. Вспомним третьего, четвертого и шестого из римских царей⁶. Как сообщают надежные авторы, пусть и не у всех об этом написано, Тулл Гостилий в детстве воспитывался в деревенской хижине, в юности был пастухом. Отец Тарквиния Приска был купцом, к тому же неримского и даже неиталийского происхождения. У Сервия Туллия мать была то ли рабыней, и притом пленной, как считают одни, то ли знатной, как говорят другие. А он заслужил римское царство благодаря доблести.

И ты перестанешь удивляться, если поймешь высказывание Платона: "Всякий царь выходит из рабов, всякий раб — из царей"⁷. Так смешали долгий век и судьба дела людей.

Я уж не говорю о правителях других народов, попадавших на царский трон прямо от стада или из ничтожнейшей ремесленной мастерской. Александр Македонский в Азии сделал царем некоего садовника. И был тот не из последних, благодаря своим похвальным деяниям.

Я уж не говорю, с другой стороны, о тех, кто с вершины царской власти соскальзывал до рабского положения. Так фортуна уравнивает свои деяния. Однако больше всего может сделать доблесть. Благодаря ей надежно поднимаются к высшим ступеням. И пусть знают правители: если они начнут колебаться или покинут вовсе стезю добродетели — то окажутся перед угрозой не только падения вниз, но и полного краха.

Возвращаясь к тебе, спрошу: так ущербно ли происхождение того, у которого не отнята надежда ни на царствование, ни на успехи?

Скорь: Я происхожу от темного корня.

Разум: Всякий корень темен и грязен, но именно из него произрастают ветви, покрытые листьями и цветами. Важно, не откуда что-нибудь происходит, но каким становится.

Скорь: Я рожден самыми незнатными родителями.

Разум: Я чувствую, ты призываешь меня поговорить о самой высшей власти. Сам Септимий Север, о котором выше мы говорили, был из всаднического сословия. Гельвий Пертинакс — сын вольноотпущенника и сам был продавцом дешевых бревен. И тот и другой стояли во главе Римской империи. Ею правили Филипп Аравитянин, происходивший из самого низкого арабского корня, Максимин и Максим. Максимин имел родителей безвестных и варварского происхождения: он их стыдился, когда захватил власть. У Максима отец был то ли кузнецом, то ли плотником, неясно. Среди добрых правителей, несомненно, числился Веспасиан, прославившийся не знатным происхождением, а тем, что отлично управлял государством и имел двух сыновей, по очереди унаследовавших достоинство власти. Впрочем, что говорить о менее значительных людях, если много сомнительного в происхождении самого цезаря Августа⁸. На то, как складывается жизненный путь человека, не оказывает большого влияния высокое происхождение. Отовсюду можно возвыситься: либо судьба поможет, либо доблесть.

Скорбь: Слишком жалок и темен мой род.

Разум: Относительно рангов человеческой власти мы уже привели примеры, лучше которых нельзя и найти. Остается сказать о том, что достопамятно не благодаря власти или царствованию, но благодаря некоему другому, своему собственному достоинству. Вентидий Басс, имевший простую мать и безвестного отца, был в юношеском возрасте проведен вместе с другими пленными за колесницей триумфатора Гнея Помпея Страбона (отца великого Помпея); покоровшего его родину. Но фортуна переменилась: пленник стал военачальником римлян, одержал победу над парфянским царем, кичившимся древностью власти и недавней победой, убил царского сына, истребил вражеские легионы; судьба не обещала этого в тот день никому из римских военачальников. Тем самым он доблестно отомстил за небывалый разгром римлян и смерть Красса⁹.

Победителем и триумфатором почтительно въехал на Капитолий на собственных колесницах тот, кто украшал когда-то как пленник чужие; пленными врагами наполнил римскую темницу тот, кто сам когда-то был связан и брошен в подобную темницу. И тем приятнее было зрелище и удивительнее победа, что случилось это по истечении лет в тот же самый день, когда произошло то страшное поражение при Каррах¹⁰. Кто же до такой степени честолюбив и столь жаждет власти, чтобы не предпочесть эту славу без власти бесславному царствованию? Разве что-нибудь помешало счастью и высшей славе Вентидия? Быть может, то, что он был низкого происхождения? Или

то, что в юности его положение было униженным и жалким? Нет. Во всяком случае, Рим высоко почтил мужа, презираемого соотечественниками, и поместил темное имя чужеземца среди славных имен своих граждан.

Вот лестница для восхождения, вот ступени для доблести, идя которыми, прилагая все усилия, надеясь и неутомимо трудясь, можно достичь не только славы и лучшей судьбы, но и самого неба. Так и ты, если рожден безвестным, — стремись возвыситься, направляй свои шаги от начала до конца по следу доблести, никуда не отклоняясь и не останавливаясь.

Скорбь: Начало было низким.

Разум: Оно осталось в прошлом; думай о том, что последует. Некоторым кажется, насколько мне известно, что первый и последний дни жизни более всего определяют или, как они говорят, заключают в себе сущность человеческого состояния. Относительно последнего дня я, возможно, согласился бы, относительно первого — нет. Пусть даже они считают очень важным, с каких предзнаменований этот день начинается. Пусть даже Сатирик, соглашаясь с ними, так написал, говоря о самом Вентидии: "Узнай же, какие звезды встретили тебя, только начинающего издавать писк и доныне краснеющего из-за матери".

Мы, однако, отвергаем подобное, отрицаем и эти предзнаменования, и эту столь великую силу звезд, отдавая всю власть благому создателю звезд. И ни одного человеческого создания мы не лишаем возможности ступить на стезю доблести, счастья и славы.

Скорбь: Род очень низок.

Разум: Неужели ты предпочтешь назойливое высокомерие? Или ты чувствуешь, что тебе чего-то не хватает, если атрий¹¹, наполненный закопченными изображениями и разбитыми статуями, и фамильный склеп с множеством полуосыпавшихся надгробных надписей не служат твоему безумию, по причине которого ты мог бы спесиво болтать на площадях о тех, кого не знаешь?

Скорбь: Я рожден незнатным.

Разум: Некоторым казалось, что счастье не только родиться, но и жить незнатным. Или ты не читал у Цицерона в "Тускуланских беседах" стихотворение могущественного царя, который хвалит старца и говорит, что тот счастлив, так как незнатен? И намередается остаться незнатным до смертного часа.

Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сб. текстов / Под ред. С.М. Стама. Саратов, 1984. Ч. 1. С. 122—127, 131—137. Пер. и ком. Н.И. Девятайкиной.

КОММЕНТАРИИ

¹ Петрарка говорит о Ромуле — легендарном основателе города Рима (VIII в.), сыне Рен Сильвии и Марса. После рождения Ромула и Рема их дядя Амулий, желая уничтожить законных претендентов на царский престол, приказал бросить близнецов в Тибр во время наводнения; когда вода вошла в свои берега, Ромул и Рем оказались на твердой земле, где их нашел царский пастух и воспитал в своей хижине (Тит Ливий. История от основания Рима, I, 4).

² Флакк — Квинт Гораций Флакк (65—8 до н.э.) — римский поэт.

³ "Высочайшего из правителей" — императора Октавиана Августа.

⁴ Цицерон избирался квестором, сенатором, эдилом и консулом; в 63—62 гг. он раскрыл заговор Катилины, за что его назвали "отцом отечества", спасшим Рим от переворота.

⁵ Марсы — древний народ, проживавший в средней Италии вокруг Фуцинского озера. Часто воевали с римлянами.

⁶ Из перечисленных далее Петраркой римских царей Тарквиний Приск, в соответствии с римской исторической традицией, пятый (не четвертый) царь.

⁷ Это высказывание Платона было известно Петрарке скорее всего через Сенеку. (См.: Сенека. Нравственные письма к Луцилию, XLV, 4).

⁸ "Цезаря Августа" — основатель Римской империи Гай Октавиан Август (63 г. до н.э.—14 г. н.э.) принадлежал к роду Октавиев, который ведет свое начало из Велитр, небольшого города в южном Лациуме. Октавиан был внучатым племянником Юлия Цезаря, который его усыновил.

⁹ Марк Лициний Красс, римский политический деятель, консул 70 и 55 гг. до н.э., погиб в сражении с парфянами при Каррах, где римляне потерпели страшное поражение, потеряв 45 тыс. человек.

¹⁰ См. ссылку 9.

¹¹ Атрий — парадная средняя часть римского дома; в ней обычно ставили изображения предков, здесь же находился очаг, от которого могли закоптиться и стены, и статуи.

МАТТЕО ПАЛЬМИЕРИ

Маттео Пальмиери (1406—1475) родился в семье флорентийских аптекарей, образование получил в школе Созомено да Пистойя и во Флорентийском университете, где слушал лекции известных гуманистов Карло Марсуппини и Амброджо Траверсари; в зрелые годы участвовал в философско-богословском кружке, возглавляемом византийцем Иоанном Аргиропулом. Пальмиери — заметная фигура в политической жизни своего города, он служил дипломатом, занимал различные гражданские должности, в их числе и такую высокую, как гонфалоньер справедливости.

По творчеству Пальмиери видно, как флорентийский гуманизм XV в. совершает переход от предпочтения моральной философии и идеалов гражданственности к увлечению тем направлением мысли, которое открывали творения Платона и его последователей. В 1439 г. Пальмиери пишет диалог "О гражданской жизни", а в 1464 г., подражая Данте, он слагает в терцинах поэму "Град жизни", философско-богословское содержание которой отразило возросший интерес к

платонизму; заподозренная в ереси, она имела хождение только в списках. Пальмиери принадлежат также историко-политические сочинения: "История Флоренции" (с 1432 по 1474 г.), "О взятии Пизы" (1440-е гг.), "Хроника" (от сотворения мира до 1449 г.), жизнеописания и надгробные речи, посвященные некоторым гуманистам — его современникам, официальные речи, произнесенные при вступлении на тот или иной пост.

Концепция человека, который Пальмиери держится в ранних своих сочинениях, построена на идеалах гражданственности, служения общему благу, отечеству. Именно требованиями гражданской морали определяются в конечном счете цели воспитания, которое, в понимании гуманиста, является делом чрезвычайной важности, нуждающимся в специальном наставлении. Нельзя утверждать, будто Пальмиери совершенно отрешился от сословного подхода к проблемам воспитания. Но несомненно, что сам он — приверженец всестороннего развития человека и особенно подчеркивает важность формирования высоких нравственных качеств в нем. С этим связано предпочтение, отдаваемое среди других наук философии, прежде всего моральной, которая становится вершиной всей пирамиды образования. Важное место в этико-педагогической программе Пальмиери занимает мысль о необходимости всегда соотноситься с возрастом, учитывать его возможности и ограничения и, что не менее важно, природные наклонности и устремления, проявляемые каждым человеком.

О.Ф. Кудрявцев

ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ

Книги вторая, третья, четвертая

Кто... проявляет всяческое усердие и заботу в честных и достойных познания делах, из которых проистекает... частная или общественная польза, по заслугам достоин похвалы. Теряющие же время в занятиях искусствами, весьма темными, трудными и не имеющими отношения к науке жить добродетельно, достойны всеобщего позора, потому что приносит какую-то пользу не умение доказать человеку, человек ли он или баран и имеет рога, но доказательство того, что он рожден для добродетели, осуществление которой будет полезным делом и общим благом для многих...

В земной жизни существуют разнообразные и многочисленные вещи, созданные природой для того, чтобы доставлять удовольствие людям и быть ими очень любимыми. Но никакая другая любовь не влечет нас сильнее, чем любовь к родине и собственным детям. По-

нять это достаточно легко, ибо любое другое наше благо и любое другое приятное желание кончаются вместе с жизнью, [но] мы хотим и страстно желаем, чтобы родина и дети и после нашей смерти продолжали существовать и быть счастливейшими и преисполненными истинной славы. Я не мог бы объяснить в достаточной степени, откуда происходит такое, но признается без сомнения, что в наших душах есть словно бы врожденное желание будущей жизни; оно заставляет нас стремиться к нашей вечной славе, к счастливейшему положению нашей родины и постоянному благу тех, кто от нас родится...

Утверждают поэтому, что среди всех человеческих деяний самым превосходным, наиболее важным и наиболее достойным является то, которое совершается ради усиления родины и ее блага и ради наилучшего положения любого, хорошо устроенного государства, к сохранению которых более всего способны добродетельные люди. Греческие, латинские и варварские истории полны памятных примеров, показывающих, насколько мужественно благородные граждане пренебрегали всякой частной пользой ради спасения государства, за каковые свои труды были прославлены высочайшей славой и благодаря вечной памяти в мире стали бессмертными. Фабии, Торкваты, Деции, Марцеллы, Горации, Порции Катоны и выдающиеся своей славой Корнелии Сципионы и многие другие римские фамилии, чьи представители, будучи благородны душой и столь мужественны, не имели в душе ничего другого, кроме блага государства и его усиления, ради чего они выносили часто многие трудности, заботы, лишения, опасности, раны, принимали жесточайшую смерть, и столь пылко их воодушевляло величие государства и его спасение, что в достижении их они упорно преодолевали любое лишение и любую трудность, привыкая к ним, благодаря непрерывному опыту, начиная с детских лет...

О том, что с неба приходят и на небо возвращаются все справедливые правители государств, утверждалось высочайшими мужами во все времена мировой истории с полной достоверностью, Платон в конце своего поистине божественного "Государства" душам лучших граждан, лишенных тел, выделяет место среди небесных тел, с которыми они пребывают [вместе] в блаженной вечности¹. Равным образом наш Туллий² в своем заключении к книгам "О государстве" показывает с помощью Сципиона, что для душ тех, кто оберегает государство, определено место в небе. Достигнув после смерти этого места, Сципион Старший является Сципиону Младшему и побуждает его достойно трудиться ради государства с целью достичь того счастливейшего места, где, как он показывает ему, радуются удовлетворен-

ные предки его и многие граждане, всегда стремившиеся только к спасению и усилению государства.

Когда я вспоминаю об этих вещах, мне на память приходит один случай (о нем я слышал многократно), который чудесным образом произошел с нашим поэтом Данте после выдающейся победы флорентийцев при Кампальдино³... Когда занялись поисками тел сраженных, Данте долго искал своего любимого товарища, который из-за полученных ран лишился жизни; наконец, Данте пришел туда, где лежало его тело, [но] тот, кто был изранен и искромсан, то ли ожив, то ли не будучи мертвым (мне неизвестно), вдруг поднялся перед Данте на ноги, подобно живому, как мне достоверно известно по слухам. Пораженный Данте, не надеясь увидеть его живым, весь задрожал и надолго потерял дар речи; наконец, когда заговорил, раненый сказал ему: "Укрепись духом и оставь всякое подозрение, потому что не без причины послан я по особой милости от светоча вселенной, с тем только, чтобы рассказать тебе о том, что я увидел за эти три дня, находясь между двумя жизнями... Нет ничего на земле более приятно Богу, чем любить справедливость, милосердие и благочестие, хотя эти вещи важны в отношении к каждому человеку, но важнее всего остального в отношении к родине. Ее спасителям широко открыт путь на небо, в те вечные жилища, которые ты и отсюда видишь... А я там увидел души всех граждан, которые справедливо управляли в мире своими государствами; среди них я узнал Фабриция, Курия, Фабия, Сципиона, Метелла и многих других, которые ради спасения родины отодвигали на задний план себя и свои дела... Никакая человеческая деятельность не может быть лучше, чем заботиться о спасении родины, охранять города и сохранять союз и согласие соединенных во благо масс..."

Matteo Palmieri. Vita civile. Edizione critica a cura di Gino Belloni. Firenze, 1982. P. 69, 103—104, 126, 199—201, 206, 208. Пер. Н.В. Ревякиной.

КОММЕНТАРИИ

¹ Платон. Государство. X. 614a—621в. Пальмиери очень вольно толкует Платона и не говорит ничего, в частности, о переселении душ, описанием чего заканчивается "Государство".

² Туллий — Цицерон. Пальмиери ссылается на "Сновидение Сципиона" в VI книге Цицерона "О государстве".

³ При Кампальдино в 1289 г. произошла битва между гибеллинами и гвельфами, в результате которой гвельфы одержали полную победу.

ЛОРЕНЦО ВАЛЛА

Лоренцо Валла (1407—1457) — выдающийся итальянский гуманист, один из наиболее ярких мыслителей XV в. Родился в Риме в семье юриста. В университете не учился, но получил отличное знание латинского и греческого языков. Ранние годы Валлы прошли вблизи папской курии, где был апостолическим секретарем его дядя, ставший после смерти отца опекуном Валлы. В курии в этот период собрались известные гуманисты — Поджо Браччолини, А. Беккаделли, А. Лоски и др.; здесь царил дух вольномыслия, обсуждались события гуманистической жизни, вновь открытые рукописи. Все это не могло не оказать влияния на молодого Валлу. Важным этапом в формировании его взглядов была его работа в университете Павии, где он в 1431—1433 гг. преподавал риторику; здесь, в павийском окружении, рядом с такими гуманистами, как Маффео Веджо, Катоне Сакко, сформировались филологический метод исследования Валлы и его антисхоластическая и антиаристотелевская позиция. Самым плодотворным периодом в творчестве Валлы было его пребывание в 1435—1447 гг. при дворе неаполитанского короля Альфонса Арагонского. Позже Валла вернулся в Рим, служил при папской курии, занимался преподаванием в Римском университете и творческой работой.

Валла отличался независимым и критическим духом, остро чувствовал проблемы времени и откликался на них. Вокруг его работ постоянно велась полемика. Церковь, институты которой (монашество прежде всего) и светскую власть он критиковал, пыталась даже устроить против него в Неаполе инквизиционный процесс, но этому помешал король. Валла был выдающимся филологом своего времени, его трактат "О красотах латинского языка" стал первой научной историей языка; работа была очень популярной, читалась в гуманистических школах. Филологический метод Валла использовал в "Сопоставлении Нового завета", где, исследуя ряд латинских и греческих рукописей, отмечает грамматические ошибки, ошибки переводчиков, предлагает многочисленные исправления, т.е. подходит к Новому завету как к историческому документу, доступному филологическому анализу. Эту работу Валлы высоко ценил Эразм. В полемике со схоластикой и ее непререкаемым авторитетом Аристотелем Валла создает свою "Диалектику", где критикует метод мышления и способ аргументации схоластов и пытается, упростив диалектику, приблизить ее к жизни. В диалоге "О свободе воли" он выступает против средневековой теологической концепции относительно соотношения свободы воли и божественного провидения. Его знаменитый трактат "О ложном и вымышленном дарении Константина" (1440), в котором гуманист предстает во всеоружии блестящей филологической культуры, доказывает подложность документа, на котором основывалась светская власть папства; эта работа, помимо

ее политического значения, явилась замечательным образцом гуманистической критики источника. В работе "Об истинном и ложном благе" (первая ее редакция — 1431 г., четвертая — видимо, после 1449 г.) Валла, основываясь на идеях отвергнутого средневековым и церковью Эпикура, развивает в споре стоика, эпикурейца и христианина свой взгляд на высшее благо, понимая под ним наслаждение и выстраивая на этом свойственном от природы всем живым существам стремлении этическое учение, в основе которого лежит личное благо.

Ниже приводятся фрагменты из книги Валлы "Об истинном и ложном благе", дающие представление о характерных чертах его этического учения.

Н.В. Ревякина

ОБ ИСТИННОМ И ЛОЖНОМ БЛАГЕ

Книга первая

X. [1] Теперь к тебе, Катон¹, возвращаюсь, с которым у меня битва, словно с неким императором заморских народов, далеких от наших нравов. Итак, вначале я мог бы правдиво и по совести, не оскорбляя ничьих ушей, ответить на то, что ты сказал о природе: то, что создала и устроила природа, может быть только свято и достойно похвалы, как это небо, например, которое простирается над нами, украшенное днем и ночью светилами и возведенное с великой разумностью, красотой, пользой. Надо ли упоминать о морях, землях, воздухе, горах, равнинах, реках, озерах, источниках, даже о самих тучах и дождях? Надо ли упоминать о домашних и диких животных, о птицах, рыбах, деревьях, пашнях? Ничего не найдешь устроенного, как уже говорилось, без высшей разумности, красоты, пользы, не наделенного и не отмеченного ими. Свидетельством тому может быть хотя бы само строение нашего тела, как очень ясно показал пронизательный и красноречивый муж Лактанций в книге, названной им "О творении", хотя можно еще привести и гораздо больше примеров, и не хуже тех, о которых он упоминает. [2] Однако пусть тебя не удивляет, если я, который кажусь защитником Эпикура (ибо высшее благо, как и он, помещаю в наслаждении), признаю, что все создано провидением природы, чего он не считал.

XIII. [3] ...Природа сделала для тебя доступными наслаждения и одновременно дала и сформировала душу, склонную к ним, а ты теперь не воздашь ей благодарности? Но не знаю, из-за какой болезни душевной (именно так подобает это назвать) ты предпочитаешь вести

жизнь одинокую и печальную, и чтобы довести вашу несправедливость до высшей точки, вы [стойки] напали на природу, под руководством которой вы могли бы жить счастливее всего, как с самой ласковой матерью, если бы хоть что-то соображали. [4] И у тебя нет причин устрашать человеческий род этой своей речью против природы, как будто именно она вызывает войны, кораблекрушения, бесплодие и прочее — в наказание злым. В большей части [этих бедствий] повинны люди. Однако, о проницательный человек, когда ты видел, чтобы в милости у природы находились более остальных честные люди? Ведь если ты уступаешь ей наказание бесчестного, то в гораздо большей степени признай за ней возвеличивание честных людей. <...> [6] С другой стороны, ты сам назвал многих, которых сделали, как ты сказал, несчастными добродетели. Но разве ты не знаешь, что существует общее мнение всех философов (не только тех, кто говорит, что Бог ничего сам не делает, ничего не требует от других, но и тех, которые полагают, что Он всегда чем-то занят, что-то создает), что Бог ни на кого не гневается и никому не вредит? Ведь природа — то же самое, что Бог, или почти то же самое, как утверждает Овидий:

Бог и природы почин раздору конец положили².

XIV. [1] ...ты, Катон, считаешь, что надо стремиться к добродетели, я — к наслаждению; оба эти принципа, очевидно, сами по себе противоположны, и между ними нет никакой связи, подобно тому, как говорится у Лукана:

...как пламя от моря

Или земля от светил — отличается право от пользы³.

Ведь полезное — то же самое, что исполненное наслаждения, справедливое — то же, что добродетельное, хотя некоторые, чье невежество слишком явно, чтобы нуждаться в опровержении, отделяют полезное от исполненного наслаждения...

XV. [1] Итак, наслаждение есть благо, которое ищут повсюду и которое заключается в удовольствии души и тела, почти так, определял его Эпикур, греки называют его "гедоне" (наслаждение). Ибо, как говорит Цицерон: "Нельзя найти никакого слова, которое вернее, чем наслаждение, выражало то же по латыни, что по-гречески [понятие] ἡδονή. Под этим словом все люди, где бы они ни находились, понимают две вещи: радость в душе от сладостного волнения и удовольствие в теле"⁴. [2] Высокая нравственность (*honestas*) есть благо, смысл которого заключается в добродетели и которое желанно ради него са-

мого, а не ради чего-то другого, в этом мнении сходятся Сенека и прочие стоики. Или, как говорит Цицерон, "под добродетельным как таковым мы понимаем то, что может быть похвальным по праву само по себе, независимо от всякой пользы, от каких-либо наград и результатов"⁵. Греки называют *honestum καλόν*, и я полагаю, что ты, Катон, к этому определению ничего не можешь добавить. Каждый из нас называет свое благо не только высшим, но и единственным, ты — основываясь при этом на авторитете Зенона, я же — Аристиппа, который, на мой взгляд, понимал это правильнее всех.

XXXIII. [1] Те четыре качества, называемые добродетелями, которые вы черните именем высокой нравственности⁶ и на которые претендуете с обычным для вас высокомерием, не достигают ничего другого, как этой же самой цели. ...Благоразумие (скажу об этой вещи очень кратко) состоит в том, чтобы уметь предвидеть выгодное для себя и избегать неблагоприятного. Поэтому Эний тонко замечает: "Тщетна мудрость того мудреца, который не может быть полезен самому себе"⁷. Умеренность — в том, чтобы воздерживаться от какой-то одной радости, с тем чтобы наслаждаться многими и большими... Справедливость — в том, чтобы снискать себе у людей расположение, благодарность и приобрести выгоду... Скромность же (некоторые исключают ее из числа четырех добродетелей) является, насколько лично я понимаю, не чем иным, как средством как-то снискать авторитет и расположение у людей тем, что нет нелепости в голосе, лице, жестах, походке, одежде.

XXIV. [1] Перед вами истинное и краткое определение добродетелей. Среди них наслаждение будет подобно не блуднице среди матрон, как болтает злоречивый род людей — стоики, а госпоже среди служанок; одной она приказывает поспешить, другой — возвратиться, третьей — остаться, четвертой — ожидать, восседая сама без дела и пользуясь их услугами.

XXXV. [1] ...ты [Катон] привел много примеров, вступать в рукопашную схватку с ними всеми мне нет смысла. Нужно раз и навсегда иметь в виду следующее: что бы ни совершили те, которых ты перечислил, они совершили это ради одного наслаждения, то, что даже ты не можешь отрицать. Чтобы заложить основу этого дела, скажу, что ничего так не выделено природой роду живых существ, как способность сохранять себя, свою жизнь и тело и уклоняться от того, что может принести вред. Так вот, что более сохраняет жизнь, чем наслаждение — от вкусовых ощущений, зрения, слуха, обоняния, осязания, без чего мы не можем жить? Без добродетели можем. Так что если

кто-то будет суров и несправедлив по отношению к какому-либо из чувств, то он будет действовать вопреки природе и вопреки своей пользе.

Книга вторая

XV. [2] [Из всех приводимых примеров] явствует, что добродетель есть некое пустое и бесполезное слово, ничего не выражающее, ничего не доказывающее, и ради нее ничего не следует делать! Не ради нее совершали большие дела и те, которые были названы⁸. Какая же причина заставила их действовать? Причины могут быть многочисленны; но какие они были, я не ищу и не исследую. Достаточно того, что добродетель, т.е. ничто, причиной не была. Хотя этого для моего доказательства было достаточно, однако надо ответить подробнее и обстоятельнее и показать, что те герои, о которых упоминается, руководствовались не добродетелью, а одной лишь пользой, к которой все и следует свести. Ибо (отвечу в самых общих чертах) пользой только то надо называть, что или лишено ущерба, или, по крайней мере, больше, чем ущерб. Полезнее ли рыбам питаться пищей, бросаемой в течение нескольких дней в воду с тем, чтобы их можно было легче оттуда выловить? Или полезнее ли ягненку пастись на более тучных пастбищах, когда тем быстрее он будет заколот, чем быстрее пожирнет? [4] Им подобны, можно сказать, те, кто предпочитает малые блага большим; вернее, даже благами не должны считаться те, что влекут за собой большее зло... [5] ...таким образом, большие блага, каковые суть большие выгоды, предпочитают меньшим благам или, по крайней мере, меньший ущерб большему. [6] Что же такое большие блага и что меньшие, определить трудно именно потому, что они меняются в зависимости от времени, места, лица и прочих подобных вещей. Но, чтобы разъяснить суть дела, скажу вот что: главное условие большего блага заключается в отсутствии несчастий, опасностей, беспокойств, тягот; следующее в том, чтобы быть любимым всеми, что является источником всех наслаждений. Что это такое, все понимают, и свидетельство тому — многочисленные книги, написанные о дружбе; это ясно и из противоположного, поскольку жить окруженным ненавистью подобно смерти. Согласно этому правилу мы оцениваем и определяем добрых и злых людей из того, умеют они либо не умеют сделать выбор между этими вещами.

XVI. [1] Скажу сначала о злых; тиран Дионисий был, несомненно, злым — не потому, что захватил власть (ибо она желанна и любой сделал бы так), но потому, что в то время, как он других грабит, уби-

вает, не оставляет ничего святого, наконец, в то время, как внушает всем страх, он сам непременно их же боится... [2] Итак, этого человека я назвал злодеем потому, что он предпочел любви граждан, т.е. безмятежной и радостной жизни, пышные пиры, роскошное великолепие, произвол власти... Заметим, что то же самое было сказано и о других людях, которые потому злы и заслуживают наказания, что действуют во зло себе. Удовольствуюсь, однако, одним примером этого. Так, если кто-то скроет от детей вклад умершего отца и вследствие этого вызовет подозрение тех и остальных людей, он неразумен и несправедлив, так как не заботится о собственной жизни и добром имени. Если же не будет никакого подозрения, то он порочен, потому что предпочитает деньги уважению и благожелательному отношению людей. [3] Так что не может быть свойственно человеку, если не глубоко несчастному или привыкшему к злодеяниям, чтобы он не радовался благу другого человека и, более того, чтобы сам не был причиной радости того, например в случае спасения кого-то от нужды, пожара, кораблекрушения, плена. Таким образом, на основании ежедневного опыта надо приучить себя к тому, чтобы уметь радоваться пользе других людей, и надо всеми силами постараться, чтобы они нас полюбили. Это случится только при условии, если мы их любим и будем стремиться оказывать им большие услуги. Если мы пренебрежем этим, то наша жизнь никогда не будет радостной.

XXVII. [1] Добавим кое-что о менее важных вещах, которые приводят те (противники). Ты нашел на земле деньги какого-нибудь прохожего: верни их человеку, если он не будет бесчестным или пропащим, хотя следует воздерживаться и от оскорблений бесчестных людей, чтобы из-за нанесенных им оскорблений не произошло вреда для добрых. Доброму же человеку ты возвратишь деньги не потому, что возратить их добродетельно, но чтобы порадоваться его благу, его радости и расположению и вдобавок расположению других, чтобы снискать себе доверие. Однако здесь необходим совет: делать это не наедине и не скрытно от всех, а так, чтобы это известие дошло до людей; т.е. делать ради пользы, а не ради добродетели, как я уже неоднократно говорил. [2] Если твой расчет в том, чтобы не причинить человеку ущерба, насколько же достойнее и целесообразнее мой — чтобы и ему и себе быть полезным; хотя я действую только в собственных интересах, но при этом хочу быть полезным другому, с тем чтобы равным образом быть полезным самому себе. Поэтому, если бы я не возвратил деньги прохожему, то был бы преступником по отношению к своему доброму имени. Кроме того, верно и то, что если бы

деньги были нужны мне для сохранения жизни, то, даже по вашему мнению, я не должен возвращать их.

XXXIII. [1] ...Итак мы говорим, что высокая нравственность есть то же самое в роде, что добродетели, в виде, каковые добродетели сводятся к цели пользы. Таким образом, те будут действовать добродетельно, которые большие выгоды предпочтут меньшим, меньший ущерб большему (в чем необходимо знание большего и меньшего), бесчестны же — те, кто это сделает наоборот.

Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М., 1989. С. 83—84, 88—90, 93—95, 112—113, 153—155, 170—171, 193.
Пер. Н.В. Ревякиной.

КОММЕНТАРИИ

¹ В диалоге Валлы ведут спор о высшем благе стоик, эпикуреец и христианин; на самом деле речи персонажей диалога — это особая интерпретация Валлой стоицизма, Эпикурова учения и христианства, не совпадающая с подлинными. От имени стоиков выступает Катон Сакко, гуманист и юрист; он выдвигает тезис о всеобщей порочности людей, объясняя ее злым отношением природы к человеческому роду, это злое отношение проявляется и в природных бедствиях, которые природа насылает на людей. Высшим благом стоик считает добродетель как совокупность высших нравственных качеств в человеке, добродетель самоценна, к ней стремятся ради нее самой.

² *Овидий*. *Метаморфозы*. 1, 21 (пер. С. Шервинского).

³ *Лука*. *Фарсалия*. VIII, 487—488.

⁴ *Цицерон*. О пределах добра и зла. II, 4, 13.

⁵ Там же. II, 4, 45.

⁶ Высшее благо стоиков обозначено термином *honestas* — честь, высокая нравственность, для Валлы это понятие абстрактно и лишено смысла, а конкретные добродетельные качества (благоразумие, справедливость и др.) он признает, но подчиняет наслаждению и отделяет от *honestas* — высокой нравственности, отсюда и его слова: "...черните именем высокой нравственности".

⁷ *Энний*. *Медея*. Цит. по: *Цицерон*. Об обязанностях. III, 62.

⁸ В начале своей речи Катон называет любимых стоических героев, совершавших подвиги ради блага отечества и прославленных бессмертной славой, а также тех, кто прославился в науках.

ДЖАНОЦЦО МАНЕТТИ

Джаноццо Манетти (1396—1459) родом из Флоренции, происходил из зажиточной семьи, в молодости занимался торговыми и банковскими делами. К гуманизму обратился поздно, но тем значительнее факт его обращения. Образование получил в камальдуленском монастыре, ставшем одним из центров флорентийского гу-

манизма благодаря деятельности в нем монаха-гуманиста Амброджо Траверсари. Манетти изучил философию (моральную и естественную) и теологию, физику, геометрию; наряду с латинским языком выучил греческий и еврейский. Более других писателей ценил Августина и Аристотеля.

Манетти был активным участником общественной и государственной жизни Флоренции и на протяжении 15 лет (1437—1452) верно служил родному городу, пользуясь у граждан большим авторитетом. Он был неоднократным участником дипломатических миссий (к папе, в Венецию, к неаполитанскому королю, в Сиену др.), исполнял ряд финансовых обязанностей на службе республики. Его речи по поводу коронации папы Николая V, посещения Италии императором Фридрихом III, по случаю смерти канцлера Флоренции Леонардо Бруни стяжали ему славу выдающегося оратора своего времени. Усиление во Флоренции власти Медичи вынудило Манетти покинуть город. Гуманист нашел прибежище в папской курии Николая V, а затем уехал ко двору неаполитанского короля Альфонса Арагонского.

Манетти переводил с греческого и комментировал этические труды Аристотеля. Он составил ряд жизнеописаний (Сократа, Сенеки, Данте, Петрарки, Боккаччо, папы Николая V), написал "Историю Пистойи". Проявляя интерес к теологии, участвовал в религиозных диспутах, начал писать сочинение "Против иудеев и язычников", оставшееся незавершенным; переводил с еврейского "Псалмы". Часть работ Манетти до сих пор не опубликована, среди них интересные диалоги, посвященные этическим проблемам, волновавшим эпоху, — "Диалог о смерти сына", "Диалог на дружеском пиру".

Самая известная работа гуманиста — трактат "О достоинстве и превосходстве человека", состоящий из четырех книг. Он посвящен доказательству превосходства человека над всеми другими живыми существами, обоснованию его достоинства и высокого, творческого жизненного предназначения. Автор развивает свои взгляды в полемике с идеологами аскетизма, и прежде всего с папой Иннокентием III, который, будучи кардиналом, написал трактат о жалкой участи человека и презрении к миру. Замысел трактата у Манетти родился в ходе дискуссий при дворе неаполитанского короля Альфонса Арагонского. Двор был культурным центром Неаполя, где Манетти появлялся в посольских миссиях. На вопрос, заданный Манетти королем относительно жизненного предназначения человека, тот ответил: "Познавать и действовать"; этот ответ стал центральной мыслью трактата. Написан или дописан трактат был во Флоренции накануне изгнания, в 1451—1452 гг., и посвящен Альфонсу Арагонскому.

Н.В. Ревякина

О ДОСТОИНСТВЕ И ПРЕВОСХОДСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

Книга третья

Поскольку мы [уже] отмечали, что тело и душа — лишь две [части], из которых состоит человек, и обращали внимание на некоторые присущие телу отличия и исключительные и достойные восхищения свойства души, а также на некоторые общие [качества] того и другого в их связи и поскольку по этой причине мы до сих пор, напомним, много говорили в первой книге о замечательных дарах человеческого тела, во второй — об особых дарованиях и преимуществах разумной души, то [теперь] в третьей книге рассмотрим немного человека в целом в его смертной жизни, человека, кто был чудесным образом создан всемогущим Богом, в чем мы по праву не можем колебаться и сомневаться, раз те части, из которых, как известно, человек составлен и образован, сотворены божеством, что мы показали выше.

...Начнем издалека, и прежде всего рассмотрим кратко, что такое человек, ибо всякое учение, которое создается о каком-нибудь предмете, должно отправляться, согласно древнему суждению, от определения, дабы ясно было, что является предметом обсуждения¹. Человек — социальное и гражданское животное, наделенное разумом и пониманием², — так он определялся, как известно, заблудшими и не знающими света [истины] и слепыми философами. Мы же, которым тайный и сокровенный свет истины явился воочию из божественных изречений священных книг, рассматривая вновь и вновь это самое (какое оно ни есть) определение язычников, с достоверностью знаем, что оно не во всех отношениях совершенно. Поскольку известно, что они обладали душой, связанной с бренным и мрачным обиталищем собственного тела и не озаренной никаким светом, кроме естественного, и вследствие этого совсем не могли постигнуть в человеческих спорах сокровенную неизвестность возвышенных вещей, то мы, укрепленные и поддержанные сверхъестественным и божественным величием, осмелимся исправить их определение таким, по крайней мере, образом: человек — животное с вышеназванными определениями (которые остаются), частично смертное, пока находится в этой земной жизни, частью бессмертное, когда воскреснет из мертвых...

Поскольку мы уже показали с очевидностью, что человек был создан всемогущим Богом, осталось, по-первых, немного шире рассмотреть, каким сделал его верховный учитель, затем кратко рассказать о том, к какому долгу и занятию предназначил его, созданного столь чудесным образом, и, наконец, сообщить, почему создал его таким.

Изложив это по нашим способностям бесцветно и сухо, мы попытаемся, кроме того, добавить кое-что о некоторых благородных и превосходных свойствах человеческой природы.

Итак, с самого начала Бог, видимо, посчитал это столь достойное и выдающееся свое творение настолько ценным, что сделал человека прекраснейшим, благороднейшим, мудрейшим, сильнейшим и, наконец, могущественнейшим. Ведь его облик, как показали мы очень полно и широко в первой книге, столь возвышен и превосходит, что многие как языческие, так и христианские писатели утверждали, что бессмертные боги должны изображаться в храмах и святилищах только в человеческом образе, гораздо более возвышенном и превосходном по сравнению со всеми прочими; они полагали, что их [т.е. богов] образу подобает быть человеческим, или, скорее, нашему — божественным. Об этом прямо и ясно заявляет Цицерон в первой книге "О природе богов"; его слова таковы: "Этому содействовали поэты, живописцы, скульпторы, ведь нелегко было богов, что-то делающих и замышляющих, изображать в других формах"³. Поэтому эти мнимые нарисованные либо изваянные образы богов получили название от подобия. Но единственным и истинным образом бога является человек, именно в нем все образованные, а равно благочестивые люди, рассматривающие этот вопрос, различают явление и отблеск некоего божественного подобия. Ибо какое соединение членов, какое построение линий, какая фигура, какой облик (если говорить о внешнем и видимом) могут быть прекраснее, нежели человеческие? И если сам мир так украшен и так красив, что не может быть прекраснее ни в действительности, ни в помыслах, ибо и название свое он получил от красоты и нарядности, сколь красивым и изящным мы должны считать того, ради кого была создана, как известно, красота мира?

Но чтобы яснее и явственнее засияла вся красота этого мира в целом, вообразим на минуту перед своими глазами, как бы обозревая и созерцая, земли, моря, небеса, украшенные небесными светилами и звездами, солнечный и лунный свет, такой разный, восход и заход светил и их незыблемые и неизменные движения в вечности. Рассмотрим с этой целью разнообразие красот всего названного; неиссякаемость прохладных источников, их прозрачную влагу, зеленые одежды речных берегов, различающиеся между собой зеленью разнообразных и, так сказать, несхожих оттенков, обозрим пустые глубины пещер, суровые скалы, высокие вершины гор, бескрайние равнины. А сколь разнообразны виды зверей, как прирученных, так и диких? Полет и пение пернатых? Скот на пастбищах и жизнь лесных зверей? Что скажем, наконец, о человеческом роде, который, назначенный

быть как бы возделывателем земли, не допускает, чтобы она одичала от свирепых зверей и сделалась пустынной, [захваченная] дикими растениями, и благодаря труду которого равнины, острова, берега покрыты пашнями и застроены городами? Если бы мы могли все это охватить и обозреть единым взором душой и глазами, то перед нами предстало бы столь удивительное зрелище, что невозможно было бы ни словами выразить это сполна, ни вообразить в мыслях в достаточной степени. Ведь если в древние времена выдающиеся мужи считали, что достигли чего-то достойного, увидев вход в Понт и теснины, между которыми первым прошел знаменитый корабль Арго, равно как и те другие, кто увидел проливы океана, где стремительная волна, отделяющая Европу от Ливии, разъединяет их, то каким, надо думать, было бы зрелище, если бы было позволено разом обозреть всю землю, ее расположение, вид, очертания, красоту⁴. Но поскольку мы не можем увидеть телесным взором одновременно все собранное воедино, то, по крайней мере, укажем на некоторые отдельные, наиболее значительные и достойные вещи и скажем о них несколько пространнее, чтобы мы могли хотя бы лучше вообразить и представить все это столь прекрасное и достойное восхищения.

Итак, сколь удивительна красота моря Океана!⁵ Сколь невероятна величина его, обтекающего, видимо, всю землю! Сколь красиво и прекрасно также наше Средиземное море, которое вытекает из Океана, словно из источника и начала, и дивно омывает многие края и земли! Как красив, велик, огромен и многообразен весь Океан! Как прекрасны морские и речные берега! Сколько различных видов животных живет в глубине и плавает на поверхности! А сколько красы в небесах! Ведь Солнце, которое нам кажется таким маленьким, словно бы ненамного превосходящим по своей величине размер человеческой головы, в действительности во много раз больше, чем вся Земля, вокруг которой оно вращается в непрерывном и вечном движении. Восходя и заходя, оно рождает день и ночь; то приближаясь, то удаляясь, оно каждый год совершает два противоположных поворота от крайних положений, в течение которых то словно какой-то печалью оно сжимает землю, то вновь радуется, чтобы возвеселилась она с небом. Луна, чья величина меньше земной, бродит в тех же пространствах, что и Солнце. Остальные звезды (бродячие и блуждающие из них мы называем греческим словом "планеты") вращаются вокруг Земли и в силу того же самого движения восходят и заходят; их движение то убыстряется, то замедляется; они даже часто останавливаются. Далее следует большое множество неподвижных звезд, чье разнообразие, действительно, столь удивительно и велико, что нельзя ни найти, ни

помыслить ничего красивее, превосходнее и восхитительнее этого зрелища. Всемогущий Бог их создал, видимо, не только с той целью, чтобы лучше и полнее являла себя красота вселенной, но также и для того, чтобы с исчезновением солнечного света после захода солнца не становилась слишком тягостной от неприятного и ужасного мрака темная слепая ночь, не причиняла вреда живущим и не мешала человеку, ради которого Бог установил и правильно распределил все живущее; потому он с помощью необъятного числа малых звезд и ослабил мрак ночи многочисленными маленькими светильниками.

Если считается столь замечательной и великой красота мира, то каким обликом, какой красотой и изяществом должен быть наделен человек, исключительно ради которого и был, без сомнения, создан самый красивый и самый украшенный мир! Поэтому не удивительно, если древние и новые изобретатели благородных искусств, считая, что над всеми одушевленными и неодушевленными существами возвышается божественная природа, и не найдя облика прекраснее человеческого, согласились, видимо, в том, чтобы богов ваяли или рисовали в образе людей. А сколь прекрасен и благороден этот облик человека, можно видеть более всего из того, что любой человек предпочел бы умереть, чем обратиться в какого-либо зверя, сохраняя при этом (если бы могло такое произойти) человеческий рассудок. Подобное говорят о некоем Апулее из Мадавра⁶, который был обращен, как болтают, в осла, сохранив при этом человеческий рассудок; после того как он чудесным образом обрел вновь свой прежний облик, подлинно человеческий, он написал обо всем, что в то время выпало на его долю, в книге, которую назвал "Золотой осел". И в самом деле таким, то есть в высшей степени красивым и изящным, должен был быть облик этого скорее божественного, нежели человеческого существа (каким и является он на самом деле), чтобы по справедливости служить подходящим и удобным вместилищем для разума, скорее божественного, чем человеческого, что шире и подробнее мы показали в первой книге этой работы.

Но до сих пор речь шла об облике. А что сказать о тонком и остром уме этого столь прекрасного и изящного человека? Право же, этот ум столь могуч и замечателен, что благодаря выдающейся и исключительной остроте человеческого разума после первоначального и еще не законченного творения мира, видимо, нами было изобретено, изготовлено и доведено до совершенства все [остальное]. Ведь наше, то есть человеческое, поскольку сделано людьми, то, что находится во круг: все дома, все укрепления, все города, наконец, все сооружения на земле, а их, бесспорно, так много и так они замечательны, что бла-

годаря их великолепным свойствам они по праву должны считаться делом скорее ангелов, чем людей. Наша живопись, наша скульптура, наши искусства, наши науки, наша мудрость (хотят или не хотят того академики, считавшие, что мы вообще ничего не можем познать, исключая, так сказать, только незнание). Наши, наконец, — чтобы не говорить больше об отдельных вещах, поскольку они почти бесчисленны, — все открытия, наши различные языки и разнообразные виды письменности, о насущной пользе которых чем больше размышляем, тем сильнее восхищаемся и изумляемся. Когда первые люди и их древнейшие наследники заметили, что они никак не могут жить сами по себе, без взаимной поддержки, они изобрели тонкое и остроумное искусство речи, чтобы через язык благодаря посредничеству слов становилось известным всем слушающим скрытое значение сокровенных помыслов. Когда затем, с течением времени, человеческий род удивительным образом умножился и населил различные области и районы земли, возникла необходимость изобрести буквы, с помощью которых можно было бы уведомлять отсутствующих друзей о наших намерениях. Отсюда, считается, взяли начало и распространились столь различные виды языков и изображения букв.

Наши, наконец, все орудия; удивительные и почти невообразимые, они были созданы и изготовлены с исключительным мастерством благодаря пронизательности и остроте человеческого или, скорее, божественного ума. Все это и прочее, подобное ему, столь многочисленное и прекрасное, повсюду бросается в глаза, чтобы видно было, что мир и его красоты, изначально созданные всемогущим Богом и предназначенные для пользования людей и принятые затем самими людьми с благодарностью, были сделаны ими значительно более прекрасными и изящными и с гораздо бóльшим вкусом. Откуда произошло, что первые изобретатели всех искусств стали почитаться древними язычниками за богов...

Стоит ли сверх того говорить о человеческой мудрости, когда само дело построения мира относится, как полагают, к достойному и единственному в своем роде долгу исключительно мудреца? Ведь мы не можем сомневаться и спорить, что мудрец по праву тот, чей прямой долг состоит, как мы говорим, в знании, и он, видимо, заключен именно в том, чтобы в действии соблюдать свой порядок. Но рассмотрим это немного яснее. Считается, что прямой долг мудреца заключается в том, чтобы благодаря своей мудрости все, что делается, устраивать и упорядочивать, а также управлять им. Но никто не будет отрицать, что бóльшая часть того, что видят в мире, была устроена и упорядочена людьми. Ведь люди, словно хозяева всего и возделыва-

тели земли, своими разнообразными трудами обработали ее удивительным образом, украсив равнины, острова, берега пашнями и городами. Если бы мы могли увидеть и обозреть это как душой, так и глазами, то любой, охвативший все единым взором, как мы уже говорили выше, вовек не перестал бы восхищаться и изумляться...

Далее мы никоим образом не понимаем, кому, как не мудрому человеку, принадлежит заслуга выработки интеллектуальных и моральных добродетелей. Когда он заметил, что двоякое, склонное к гневу желание свойственно как людям, так и животным, он, говорят, нашел и открыл для сдерживания необузданных и строптивых порывов этого желания интеллектуальные и моральные добродетели, которыми, словно уздой, умирал разнообразные и многочисленные позорные наслаждения, ибо он полагал, что желание наслаждений у людей полнее и богаче, чем у прочих животных...

Не говоря больше о человеческой мудрости, что скажем мы о богатстве и могуществе людей? Наши — земли, наши — поля, наши — города, наши — холмы, наши долины, наши — фиги, наши — персики, наши — вишни, наши — сливы, наши — грецкие орехи, наши — лесные орехи, наши — апельсиновые деревья, наша — мушмула, наша — рябина, наши — каштаны, наши — дубы, наши — каменные дубы, наши — ясени, наши — платаны, наши — ели, наши кипарисы, наши — сосны, наши, наконец, чтобы не говорить о каждом в отдельности, все как культурные, так и дикорастущие деревья, которых так много, что и число их кажется почти бесконечным. Наши — лошади, наши — мулы, наши — ослы, наши — быки, наши — волы, наши — верблюды, наши — собаки, наш — мелкий скот, наш — весь крупный скот, наши — свиньи, наши — овцы, наши — козы, наши — ягнята, наши — козлята, наши — бараны, наши — все какие ни есть стада. И чтобы не казалось, что мы говорим только о домашних животных, заметим, что, кроме того, наши — зайцы, наши — серны, наши — ве-при, наши — олени, наши — лисы, наши — волки, наши — водяные змеи и прочие пресмыкающиеся, наши — все какие ни есть звери и все лесные обитатели. Наши — реки, наши — воды, наши — течения, наши — потоки, наши — озера, наши — болота, наши — источники, наши — ручьи, наши — моря и все рыбы, виды которых бесчисленны. Равным образом наши — два оставшихся элемента: воздух и эфир, ибо наши — птицы. И столь многообразны и велики различия всего названного, что божественное провидение, которое греки называют *πρόνοια*, видимо, было эпикурейским, раз пожелало уготовить и дать людям такие разнообразные и вызывающие удовольствие виды и одушевленных существ, и неодушевленные вещи; ведь оно создало

в изобилии и расселило вдоволь на земле, в воде и в воздухе многие и разнообразные виды живых существ, созданных для пользы людей. Оно сделало бы это и в эфире, если бы позволяла всепоглощающая природа этого элемента.

К чему говорить более? Наши — небеса, наши — светила, наши — созвездия, наши — звезды, наши — планеты и, что может показаться более удивительным, наши — ангелы, которые, по словам апостола, считаются созданными для пользы людей, как духовные руководители⁷...

Из всего сказанного нами выше и подтвержденного более чем достаточно следует прямо и безусловно, что человек является самым богатым и самым могущественным, поскольку он может пользоваться по собственной воле всем, что было создано, и по собственной воле господствовать надо всем и повелевать. Поскольку древние римляне понимали, что все это дано человеческому роду от природы по воле божества, они воздали [благодарственную хвалу] за принятое самому Юпитеру, главнейшему, как они полагали, среди остальных богов, и называли его поэтому всеблагим и величайшим⁸.

Далее, провидение искуснейшего творца предоставило человеку, кого оно создало столь прекрасным, столь талантливым, столь мудрым, столь богатым и, наконец, столь могущественным, первейшим и всюду повелевающим, почти бесконечное наслаждение, которое он мог получить и вкусить от всех видов сотворенных вещей, но которое склонно было к пороку; поэтому Бог поставил выше его добродетель, чтобы она всегда боролась с наслаждением как с кровным врагом. В самом деле, с помощью каждого из ощущений (зрения, вкуса, обоняния, слуха, осязания) люди воспринимают более несомненные, пыльные и более многочисленные наслаждения и удовольствия, чем прочие животные...

Далее, некоторым святым людям была дана небом власть совершать многие чудеса и многих умерших (удивительно сказать!) воскрешать от смерти к настоящей и несомненной жизни, как, помнится, мы читали у достойных авторов о Моисее, Илье, Елисее, Данииле и многих других пророках Ветхого завета, а также о Петре, Павле, Иоанне и остальных апостолах, о Стефане, Лаврентии, Гервазии, Протасии и многих других мучениках. Кроме того, всем священникам была дана власть не только отпускать и уничтожать путем крещения, [используя] некоторые составленные по форме выражения, первородный грех, которым все люди запятнаны от рождения, но и с помощью индульгенции и отпущения уничтожать и прочие человеческие преступления, проступки и позорные дела; и, кроме того, мочь — и это едва ли не лучшее из всех — готовить и освящать священнейшее

тело Христово. Опустим епископов и других прелатов римской церкви и пап, которым, как известно, были уступлены и переданы всемогущим Богом бесспорные и достойные удивления привилегии осуждать и спасать людей...

Итак, после того как Бог назначил человеку быть таким, каким мы старались описать и обрисовать его, насколько это возможно, кратко, и после того как он наделил его, едва ли не в высшей степени, красотой, умом, мудростью, властью и многими другими восхитительными привилегиями, какую же обязанность вменил он этому небесному и божественному животному, установленному [в мире] столь чудесным образом? Рассмотрим это кратко.

Завершив сначала все дела по устройению мира, Бог сотворил затем человека; его мы называем по-еврейски Адам, именем, которое было дано ему, как известно, по справедливости, поскольку он был создан по воле Бога истинным и достойным человеком (Адам по-древнееврейски означает "человек". — *Н.Р.*). Поэтому в соответствии с той древней священной идиомой и называют Адамом, для ясного отличия его от других людей, первого человека, ради которого Бог незадолго перед тем [т.е. перед созданием Адама] все устроил, предписав ему владеть всем уже созданным и использовать все это для собственной пользы, как он пожелает. Поскольку велики, непоколебимы и восхитительны сила, разум и могущество человека, ради которого, как мы показали, был создан и сам мир и все, что в нем есть, то равным образом прямой, неизменный и единственный долг человека состоит, думается нам, в том, чтобы иметь и быть в состоянии руководить и управлять миром, созданным ради человека, и в особенности всем тем, что мы видим находящимся на земле. И человек никоим образом не смог бы осуществить это в совершенстве и вообще выполнить без действия и познания. Следовательно, мы с полным правом можем сказать, что обязанность действовать и познавать и составляет собственный долг человека...

Иначе, то есть без действия и познания, человек совсем не мог бы, как нам думается, использовать мир, созданный ради него. Но никакое другое животное, за исключением человека, не могло по своей природе, как известно, стать причастным действию и познанию. Об этом говорил еще Цицерон во второй книге трактата "О границах добра и зла"⁹, где он спорил с эпикурейцами, которые не увидели, что человек, словно некий смертный бог, рожден, по словам Аристотеля, для двух вещей — для познания и действия, как лошадь — для бега, бык — для пахоты, собака — для выслеживания. Также и сам философ, исследуя в первой книге "Этики" вопрос о присущей человеку

обязанности и долге, полагал нелепым считать, что, если есть своя обязанность и долг у плотника и сапожника и у всех остальных ремесленников и, кроме того, у всех человеческих членов, например у глаза, руки, ноги и прочих, человеку как праздному и рожденному для ничегонеделания не выделено никакого особого и свойственного ему занятия. И мысль, которой Цицерон изящно закончил свою фразу, он выразил так: человек рождается именно для действий и познания, словно некий смертный бог. И если бы человек правильно и подобающим образом это делал, как надлежит делать, то он, несомненно, познал бы Бога через то, что создано видимым, и его, познанного, возлюбил бы, уважал и благоговейно почитал, ибо в этом, думается, и состоит собственный долг одного лишь человека, лишь в нем одном и заключен высший смысл его дел и блаженной жизни...

В эпилоге соберем, наконец, воедино разные задачи этой третьей книги, рассеянные там и сям. Если Бог создал мир и все, что в нем есть, ради человека, если пожелал, чтобы человеческий род всем владел и повелевал, если, сверх того, украсил человека красотой, умом, мудростью, могуществом и богатствами и, кроме того, властью и господством, если, наконец, наделил привилегиями как общего свойства, так и отдельными и особыми, то, действительно, кажется подобающим и соответствующим, чтобы тот, кого он поставил на такую высоту и столь выдающуюся ступень достоинства и ради кого он создал все существующее, не был осужден навечно¹⁰. Поэтому, хотя наш прародитель нарушил божественные заповеди и через это сам и все его потомки заслужили вечное осуждение, Бог, чтобы освободить их от этого, повелел сыну своему принять человеческую плоть, раз поиному не мог сделать, и подвергнуться позорной смерти на достойном проклятия кресте. Впрочем, если прародители наши не согрешили бы вовсе, Христос тем не менее сошел бы на землю с небес — не для того, чтобы искупить вину человеческого рода, который в этом случае был бы не запятнан прегрешением и свободен от вины; он непременно пришел бы в мир, чтобы прославить человека чудесным и неслыханным образом благодаря этому смиренному принятию человеческой плоти, как вполне благочестиво полагали многие ученейшие, а равно святейшие мужи, побужденные многочисленными доводами и наделенные особой религиозностью и исключительным благочестием.

Ибо считалось, что этой природе [т.е. человеку], которую Бог создал столь прекрасной, столь благородной и столь мудрой, а также столь богатой, столь достойной и столь могущественной, наконец, столь счастливой и столь блаженной, было всего достаточно для ее полного и во всех отношениях абсолютного совершенства, за исклю-

чением разве лишь того, чтобы она путем смешения с самой божественностью не только соединилась в той личности Христа с божественной личностью, но также сделалась единой с божественной природой и посредством этого стала, если угодно, исключительной. Это, как известно, было дано, уступлено и назначено не ангелам, не какому-либо другому созданию, но только человеку, ввиду некоего восхитительного достоинства человеческой природы и также необычайного превосходства самого человека.

Итальянский гуманизм эпохи Возрождения / Под ред. С.М. Стама. Саратов, 1988. Ч. II. С. 16—18, 21—31, 34—36, 39—40. Пер. Н.В. Ревякиной.

КОММЕНТАРИИ

¹ Цицерон. Об ораторе. I, 48, 209.

² Такого именно определения нами в источниках не найдено. Манетти, видимо, основывается на аристотелевском определении человека как существа общественного (Аристотель. Никомахова этика, I, 5, 10); он мог опираться и на высказывания Цицерона о социальной природе человека (Цицерон. Об обязанностях. I, 50—53), и на античные представления о разумной природе человека (Цицерон. О законах. I, 22—23).

³ Цицерон. О природе богов. I, XXVII, 77.

⁴ Цицерон. Тускуланские беседы. I, XX, 45.

⁵ Океан — в представлении древних, к которым близок Манетти, река, текущая по кругу и обтекающая землю; в ней берут начало все морские течения, реки и источники.

⁶ Манетти имеет в виду писателя и ратора II в. Апулея из Мадавра, роман которого "Метаморфозы" позже получил название "Золотой осел", главный герой этого романа юноша Люций чудесным образом, превращается в осла.

⁷ Послание к евреям. I, 14.

⁸ Цицерон. О природе богов. II, XXV.

⁹ Цицерон. О границах добра и зла. II, XIII.

¹⁰ Мысль о всеобщем спасении, которую Манетти здесь высказывает, получила распространение в гуманизме. Любопытен гуманистический пафос Манетти: необходимость всеобщего спасения основана у него на представлении о высоком достоинстве человека.

ДЖОВАННИ ПИКО ДЕЛЛА МИРАНДОЛА

Джованни Пико делла Мирандола (1463—1494) — одно из самых громких имен итальянского Возрождения. Судьба одарила Пико всем: сиятельным происхождением (из рода графов Мирандолы и Конкордии), высокими связями, состоянием, счастливой наружностью; он в родстве со многими владетельными домами Италии, в дружбе с теми, кто определял духовный облик его времени; он бла-

гонравен, обходителен, даже скромнен, его зовут "божественным"; но более всего современников поражало в нем необыкновенное богатство интересов, познаний, способностей. Он учится в Болонье, Ферраре, Падуе, Павии и Париже, осваивая право, древнюю словесность, моральную и натуральную философию, богословие, не пренебрегает никаким знанием; среди почитаемых им авторитетов не только мыслители античности и Возрождения, но и средневековые схоласты. Он стремится охватить все самое важное и сокровенное из духовного опыта разных времен и народов, для чего изучает новые и древние языки (помимо латыни и греческого, также еврейский, арабский, халдейский и иные).

Воспитанник падуанских аверроистов, обстоятельно изучивший различные направления перипатетической традиции и доступные ему памятники восточного богословия и науки, Пико довольно рано завязывает отношения, а затем сближается с Марсилио Фичино, Анджело Полициано, Лоренцо Медичи и некоторыми другими участниками флорентийской Платоновской академии, дух и среда которой оказались весьма благоприятны для его творческих планов и религиозно-философских исканий. По возвращении из Парижа в 1486 г. он составляет "Комментарий к канцоне о любви Джироламо Бенивьени" и "900 тезисов по философии, каббалистике, богословию", лелея планы публично защищать их на философском диспуте в Риме в присутствии всех ученых именитостей Италии и Европы. Диспут, намеченный на 1487 г., должен был открыться "Речью", напоминающей скорее манифест, чем вступительное слово, посвященный двум главным темам: особому предназначению человека в мироздании и исходному внутреннему единству всех положений человеческой мысли, в чем бы она ни выражалась.

До диспута дело, однако, не дошло. Папа Иннокентий VIII, смущенный не только смелостью рассуждений, "выраженных новыми и необычными словами", о магии, каббале, свободе воли и иных сомнительных предметах, но и, кажется, возрастом философа, слишком уже возмнившего о себе в свои 23 года, снарядил для проверки "Тезисов" специальную комиссию, которая осудила часть положений, выдвинутых Пико. Наскоро составленная им "Апология" привела к осуждению всех тезисов. Перед угрозой инквизиционного преследования Пико бежит во Францию, но там он схвачен и заточен в Венсенский замок. Правда, ненадолго: его спасает заступничество высоких покровителей, прежде всего Лоренцо Медичи, фактического правителя Флоренции. Именно в этом городе проводит Пико последние свои годы.

В 1489 г. Пико заканчивает и издает трактат "Гептапл, или О семи подходах к толкованию шести дней творения", в котором, применяя довольно тонкую герменевтику, он исследует глубокий, потаенный смысл книги "Бытия". В 1492 г. был написан небольшой трактат "О сущем и едином" — самостоятельная часть программного труда, который имел целью согласовать учения Платона и Аристотеля, но так

и не был осуществлен. Не был осуществлен и другой замысел Пико — обещанное "Поэтическое богословие". Работой, завершенной им незадолго до смерти, стали "Рассуждения против прорицающей астрологии".

Похоронен Пико в доминиканском монастыре св. Марка, настоятелем которого был набожный и аскетичный Джироламо Савонарола, тесно общавшийся с философом-гуманистом в конце его жизни.

Идеи и начинания Пико имели огромнейшее влияние на гуманистическую и религиозную мысль Европы, во многом определили дальнейшие направления ее развития в творчестве Жака Лефевра д'Этапля, Иоганна Рейхлина, Эразма Роттердамского, Муциана Руфа, Томаса Мора, Джона Колета, Хуана Луиса Вивеса, Симфориана Шампье, Шарля де Бовеля, Ульриха Цвингли, воплотились в произведениях выдающихся поэтов, писателей, мастеров искусства. Антропология Пико есть обоснование учения о достоинстве и свободе человека прежде всего как полновластного т о р ц а собственного "я". Повторяя вслед за Фичино и другими гуманистами гордые слова "великое чудо — человек", взятые из герметического трактата, Пико имеет в виду божественное свойство человека охватывать своей субстанцией все виды реальности, растворять в себе всякую сущность, всякую природу; вбирая в себя все, человек способен стать чем угодно, он ничем не обусловлен, есть результат собственных усилий. А это означает, что он несет ответственность за себя и, сохраняя возможность нового выбора, никогда не будет до конца исчерпан никакой формой своего наличного бытия в мире.

О.Ф. Кудрявцев

ГЕПТАПЛ

Второе предисловие ко всей работе

По представлениям древних, существует три мира. Высшим из них является сверхчувственный, называемый богословами ангельским, философами — умопостигаемым, коий, как утверждает Платон в "Федре"¹, никем не воспет по достоинству. Сразу за ним следует небесный; последний из всех — это подлунный, в котором мы обитаем. Этот мир тьмы, тот — света; небо же устроено из тьмы и света. Этот обозначен водой, субстанцией текучей и изменчивой; тот — огнем по причине яркости света и устремленности ввысь; небо же промежуточной природы и поэтому называется евреями *asciataim*, как бы составленным, о чем уже говорилось, из *es* и *taim*, то есть из огня и воды. Здесь — чередование жизни и смерти; там — вечная жизнь и непрерывное действие; на небе непрерывность жизни, но чередование действий и мест. <...>

Помимо этих трех, о которых мы вели речь, есть еще другой, четвертый мир, содержащий в себе все то, что имеется в остальных. Это — человек, как раз потому, по словам вселенских учителей (*catholici doctores*), нареченный в Евангелии именем всей твари, что Евангелие должно проповедовать людям, не скотам и ангелам, но, как наказывал Христос, всей твари². Общепринято среди ученых мнение, что человек — это малый мир, ибо у него есть тело, образованное из смешения стихий, небесный дух, растительная душа, ощущения животных, разум, ангельский ум и подобие Божье. <...>

Книга третья

Глава седьмая

Наконец, он [Моисей] называет человека не потому, что человек является ангелом, но потому, что он является границей и пределом ангельского мира, отчего, трактуя о тленной природе, он также упоминает человека не как часть этой природы, но как ее начало и главу. Отсюда следует, что рассмотрение человека затрагивает три мира: тот, который ему свойствен, и два крайних — мир бестелесный и мир стихий; между тем и другим человек расположен таким образом, что для одного он является пределом, для другого — началом. Но вижу западню, уготованную нашему рассуждению: поскольку можно было бы возразить на то, что человек владычествует над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом³. В самом деле, если сие для нас есть признак ангельской природы, то каким образом может быть истинно, что, как записано, человек владычествует над ними, будучи, согласно мудрости философов и свидетельству пророка⁴, умален перед ангелами. Помогает нам и уничтожает западню Тот, кто уничтожил расставленную перед нами западню Дявола, Иисус Христос, первородный всякой твари. Он воистину уничтожил западню и раторг и разрушил все оковы (*nodum omnem*); ибо, кроме того, что в нем, в ком телесно присутствовала полнота божественности, до такой степени возвышена человеческая природа, что человек Христос, поскольку он человек, ангелов, если верить Дионисию⁵, наставляет, одаряет зрением, ведет к совершенству, будучи, по словам Павла, столь же превосходнее ангелов, сколько славнейшее пред ними nasledовал имя⁶, также и все мы, коим, по благодати, исходящей от Христа, дана власть соделаться сынами Божиими, можем вознестись выше ангельского достоинства.

Книга пятая

Глава шестая

Доселе речь шла о трех мирах — занебесном, небесном и подлунном. Теперь же перейдем к человеку, о котором написано: "Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему"⁷. Человек есть не столько четвертый мир, или же некое новое творение, сколько соединение и связь трех описанных миров.

Существует распространенный обычай, который принят царями и князьями земли: основывая великолепный и достойный славы город — ставить в центре его по завершении строительства собственное изображение, чтобы все могли видеть его и любоваться. Не иначе, как видим, поступил владыка всякой твари Бог, ибо, сотворив все мировое устройство (*tota mundi machina*), он последним в центре оного поместил человека, созданного по Его образу и подобию.

Трудно ответить на вопрос, почему человеку дана такая привилегия иметь образ Божий. В самом деле, если — с негодованием отвергая безумную мысль Мелитона⁸, изображавшего Бога в человеческом виде, — мы вновь вернемся к природе разума и ума, которая, как Бог, является мыслящей, незримой, бестелесной, то на этом основании мы, несомненно, установим, что человек подобен Богу, в особенности той частью души, в которой представлен образ Троицы. Однако мы должны признать, что в ангелах все эти качества, по сравнению с нами, настолько и лучше, и чище от примеси противоположной природы, насколько больше у них подобия и родства с божественной природой.

В человеке же мы ищем нечто особенное, открывающее и свойственное ему достоинство, и образ божественной субстанции, не присущий более никакой другой твари. И в чем другом оно может заключаться, если не в том, что субстанция человека (как замечают и некоторые греческие комментаторы⁹) охватывает собой по своей собственной сущности субстанцию всякой природы и полноту всего мироздания? Говорю по своей собственной сущности, потому что и ангелы, и всякая мыслящая тварь некоторым образом содержат в себе все, когда сознают себя исполненными формами и разумными основаниями всех вещей. Ведь, подобно тому, как Бог есть Бог, не только потому, что мыслит все, но и потому, что в самом себе соединяет и собирает совершенство истинной субстанции вещей; точно так же и человек (хотя и, как мы покажем, другим способом, ибо иначе он был бы Богом, а не образом Бога) объединяет и связывает в полноте своей субстанции любую имеющуюся в мире природу. Чего нельзя сказать

ни о какой другой твари — ангельской, небесной, чувственно воспринимаемой.

Между Богом и человеком различие в том, что Бог заключает в себе все как начало всего, человек же заключает в себе все как средоточие всех вещей (*uti omnium medium*). Отчего в Боге все вещи обладают более высоким совершенством, чем в самих себе; в человеке вещи более низкие становятся совершеннее, а более высокие по сравнению с ним терпят умаление. В теле человека, грубом и земном, которое мы видим, огонь, вода, воздух и земля обладают высшим совершенством их природы. Кроме этого, есть другое духовное тело, более божественное, нежели стихии (как говорит Аристотель), имеющее соответствие с небесной природой. Наделен человек и жизнью растений, осуществляя в отношении себя все те функции питания, роста и размножения, что и они. Он наделен, как и скоты, чувственным восприятием, внешним и внутренним; наделен также духом, коему свойствен небесный разум; он причастен ангельскому уму. В нем воистину божественное обладание всеми этими природами, сливающимися в одно; отчего вслед за Меркурием хочется воскликнуть: "Великое чудо, о Асклепий, человек!"¹⁰ Именем человека может прежде всего гордиться человеческое создание; и никакая тварная сущность не считает зазорным служить ему. Ему подвластны и покорствуют земля, стихии, скоты; для него трудятся небеса; о его спасении и благе пекутся ангельские умы, если только истинно то, что писал Павел: "...все они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение"¹¹. Не следует удивляться, что его любят все твари, ибо каждая находит в нем нечто свое, и более того — целиком всю себя.

Глава седьмая

Земные сущности покорны человеку, небесные — ему благоприятствуют, ибо он есть связующее начало и соединение небесного и земного, которые, если только он пребывает в мире с собой, не могут не быть в согласии с ним, в самом себе устанавливающим мир и союз между тем и другим. Но прошу: давайте поостережемся недооценивать то достоинство, в которое возведены, и будем всегда хранить в памяти в качестве надежной, незыблемой и неоспоримой истины следующее: все сущности к нам благосклонны, доколе мы соблюдаем данный нам закон, но будут неприязненны и враждебны, если по причине греха мы преступим закон и покинем его стезю. Ибо справедливым будет то, что мы, поступая незаконно не только в отношении

нас, но и вселенной, которую заключаем в себе, а также Бога, всемогущего творца мира, испытаем также все, в мире сущее, и Бога в первую очередь, как необоримых и страшных мстителей, взыскивающих за учиненное беззаконие. Из этого мы можем заключить, какие наказания, какие страдания ожидают нарушителей божественного закона. <...>

Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. Heptaplus. De ente et uno. A cura di E. Garin. Firenze, 1942.
Пер. О.Ф. Кудрявцева.

КОММЕНТАРИИ

¹ Федр. 247 с.

² Марк. XVI, 15.

³ Бытие. I, 26.

⁴ Псалтирь. VIII, 6.

⁵ *Dionysios Areopagita*. De coelesti hierarchia. IV. 4 // PG., 1857. Т. 3. Col. 181.

⁶ Послание к евреям. I, 4.

⁷ Бытие. I, 26.

⁸ Мелитон — епископ сардийский в Лидии (умер ок. 177 г.). Ориген обвинял его в антропоморфизме.

⁹ Скорее всего имеются в виду Филон Александрийский (см.: *De officio mundi*. XLVI, LI), а также Немесий Эмесский, труд которого (*De natura hominis*. I. 13—15, 26 // PG, 1858. Т. 40. Col. 512, 513, 532, 533), правда, приписывался Григорию Нисскому. Сходные рассуждения есть в написанном по-гречески герметическом трактате "Поймандр" (*Poimandres*. I. 12—15 // *Corpus Hermeticum*. Ed. A. D. Nock, A.-J. Festugière. P., 1945. Т. 1. P. 10, 11), переведенном Фицино и, без сомнения, известном Пико.

¹⁰ *Asclepius*. 6. См. по изд.: *Corpus Hermeticum*. Т. 2. P. 301.

¹¹ Послание к евреям. I, 14.

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ

Мишель Монтень (1533—1592) — крупнейший французский гуманист — представляет поздний гуманизм Европы, прошедший труднейшие испытания временем. Монтень происходил из богатой купеческой семьи, получившей в конце XV в. дворянство. Его отец, образованный человек, познакомившийся с итальянской гуманистической культурой во время походов в Италию в период итальянских войн, позаботился об основательном обучении сына древним языкам в раннем детстве. Затем Монтень учился в коллеже в Бордо. Позже получил юридическое образование. Был советником бордоского парламента и дважды избирался мэром Бордо. Живя в тяжелую для Франции эпоху религиозных войн, он не был яростным католиком и не стал протестантом, а продолжал оставаться гуманистом, сохранял человеческое достоинство, проявлял веротерпимость, старался смягчить вражду борющихся группировок.

Важным событием в жизни Монтеня, оказавшим влияние на формирование его мировоззрения, была дружба с гуманистом Этьеном де Ла Бозси (1530—1563), создателем трактата "О добровольном рабстве". Главная и в сущности единственная работа Монтеня — "Опыты". В 1580 г. вышли две первые книги "Опытов". В этом же году гуманист предпринимает путешествие по Европе, посещает Германию, Швейцарию, Италию; путевые заметки составили дневник путешествия, многое из него вошло в "Опыты", а сам дневник был опубликован только в 1774 г. Для наблюдения над изданием "Опытов" (1588) (к этому времени была написана и третья книга) Монтень едет в Париж, по дороге он был ограблен лигистами, в Париже пережил "День баррикад", позже был арестован лигистами и посажен в Бастилию, но освобожден по ходатайству королевы. Он присутствовал на Генеральных штатах в Блуа (1588). После убийства короля Генриха III Монтень приветствовал Генриха Наваррского как единственного законного претендента на французский трон и убеждал его в письмах быть великодушным и милосердным. До конца своих дней Монтень продолжал работать над книгой своей жизни — "Опытами", он внес замечания и уточнения в издание 1588 г., которые были учтены в последующих посмертных изданиях.

"Опыты" написаны в жанре эссе — свободного размышления на самые разные темы, волновавшие гуманиста (характерны их названия: "О полезном и честном", "О раскаянии", "О суетности", "О дружбе", "О славе", "О самомнении" и др.). "Опыты" — это книга о самом Монтене, но одновременно и о человеке вообще, который глубоко интересует гуманиста. Огромный материал "Опытов" почерпнут из книг и из жизни, которая живо интересовала Монтеня, свидетельством чему являются путешествие по Европе, разговоры с матросами и купцами, побывавшими в Новом Свете, встреча с туземцами в Руане и др. Жизнь была и огромный опыт самонаблюдения. Интерес Монтеня в "Опытах" сосредоточен вокруг проблем этики и психологии, человека и природы, воспитания. Присущий гуманисту скептицизм был вызван в значительной степени претензиями схоластики на всезнание и ее догматизмом. Он усугублялся тяжелой обстановкой религиозных войн, с их жестокостью и насилием, когда человек своим поведением разрушал все высокие представления о нем ранних гуманистов, когда религиозные лозунги боровшихся группировок прикрывали политические расчеты.

Приводимые ниже фрагменты из "Опытов" показывают нам Монтеня-гуманиста, признающего за каждым человеком своеобразие, несхожесть с другими, ценящего человека по его личным качествам, а не по богатству и званию; но, с другой стороны, такого гуманиста, который отошел от христианского и гуманистического антропоцентризма.

Н.В. Ревякина

ОПЫТЫ

Книга первая

Глава XXXVI. О Катоне Младшем

Я не разделяю всеобщего заблуждения, состоящего в том, чтобы мерить всех на свой аршин. Я охотно представляю себе людей, не схожих со мной. И, зная за собой определенные свойства, я не обязываю весь свет к тому же, как это делает каждый; я допускаю и представляю себе тысячи иных образов жизни и, вопреки общему обыкновению, с большей готовностью принимаю несходство другого человека со мною, нежели сходство. Я несколько не навязываю другому моих взглядов и обычаев и рассматриваю его таким, как он есть, без каких-либо сопоставлений, но меряя его, так сказать, его собственной меркой. Отнюдь не будучи сам воздержанным, я от чистого сердца восхищаюсь воздержанностью фельянтинцев и капуцинов¹, находя их образ жизни весьма достойным; и силой моего воображения я без труда переношу себя на их место.

И я тем больше люблю их и уважаю, что они иные, чем я. И ничего я так не хотел бы, как чтобы о каждом из нас судили особо и чтобы меня не стригли под общую гребенку...

Глава XLII. О существующем среди нас неравенстве

Плутарх говорит в одном месте, что животное от животного не отличается так сильно, как человек от человека. Он имеет в виду душевные свойства и внутренние качества человека. И поистине от Эпаминонда, как я себе его представляю, до того или иного из известных мне людей, хотя бы и не лишенного способности здраво рассуждать, столь же, по-моему, далеко, что я выразился бы сильнее Плутарха и сказал бы, что между иными людьми разница часто бóльшая, чем между некоторыми людьми и некоторыми животным, — *Nem! Vir viro quid praestat**, и что ступеней духовного совершенства столько же, сколько сажений отсюда до неба; им же несть числа.

Но если уж говорить об оценке людей, то — удивительное дело — все вещи, кроме нас самих, оцениваются только по их собственным качествам...

Почему же, оценивая человека, судите вы о нем, облеченном во все покровы? Он показывает нам только то, что ни в какой мере не является его сущностью, и скрывает от нас все, на основании чего только

---

* Насколько же один человек превосходит другого! (лат.)

и можно судить о его достоинстве. Вы ведь хотите знать цену шпаги, а не ножен, увидев ее обнаженной, вы, может быть, не дадите за нее и медного гроша.

Надо судить о человеке по качествам его, а не по нарядам, и, как остроумно говорит один древний автор, "знаете ли, почему он кажется вам таким высоким? Вас обманывает высота его каблуков"³. Цоколь — еще не статуя. Измеряйте человека без ходулей. Пусть он отложит в сторону свои богатства и звания и предстанет перед вами в одной рубашке. Обладает ли тело его здоровьем и силой, приспособлено ли оно к свойственным ему занятиям? Какая душа у него? Прекрасна ли она, одарена ли способностями и всеми надлежащими качествами? Ей ли принадлежит ее богатство, или оно заимствовано? Не обязана ли она всем счастливому случаю? Может ли она хладнокровно видеть блеск обнаженных мечей? Способна ли бесстрашно встретить и естественную и насильственную смерть? Достаточно ли в ней уверенности, уравновешенности, удовлетворенности? Вот в чем надо дать себе отчет, и по этому надо судить о существующих между нами громадных различиях.

Книга вторая

Глава XI. О жестокости

<...> Мне приходится жить в такое время, когда вокруг нас хоть отбавляй примеров невероятной жестокости⁴, вызванных разложением, порожденным нашими гражданскими войнами; в старинных летописях мы не найдем рассказов о более страшных вещах, чем те, что творятся сейчас у нас каждодневно. Однако это ни в какой степени не приучило меня к жестокости, не заставило с нею свыкнуться. Я не в состоянии был поверить, пока не увидел сам, что существуют такие чудовища в образе людей, которые готовы убивать ради удовольствия, доставляемого им убийством, которые рады рубить и кромсать на части тела других людей и изощряться в придумывании необыкновенных пыток и смертей; при этом они не получают от этого никаких выгод и не питают вражды к своим жертвам, а поступают только ради того, чтобы насладиться приятным для них зрелищем умирающего в муках человека, чтобы слышать его жалобные стоны и вопли...

Что касается меня, то мне всегда было тягостно наблюдать, как преследуют и убивают невинное животное, беззащитное и не причиняющее нам никакого зла⁵. Я никогда не мог спокойно видеть, как затравленный олень — что нередко бывает, — едва дыша и изнемогая, откидывается назад и сдается тем, кто его преследует, моля их своими глазами о пощаде...

...Кровожадные наклонности по отношению к животным свидетельствуют о природной склонности к жестокости.

...Когда я встречаю у представителей самых умеренных взглядов рассуждения о якобы близком сходстве между нами и животными, и описания великих преимуществ, которым они по сравнению с нами будто бы обладают, и утверждения о правомерности приравнивания нас к ним, то цена нашего самомнения в моих глазах сильно снижается и я охотно отказываюсь от приписываемого нам мнимого владычества над всеми другими созданиями⁶.

Но как бы то ни было, все же существует долг гуманности и известное обязательство щадить не только животных, наделенных жизнью и способностью чувствовать, но даже деревья и растения. Мы обязаны быть справедливыми по отношению к другим людям и проявлять милосердие и доброжелательность по отношению ко всем другим созданиям, достойным этого. Между нами и ими существует какая-то связь, какие-то взаимные обязательства. Мне не стыдно признаться в такой моей ребяческой слабости: я не в силах отказать моей собаке в прогулке, которую она мне некстати предлагает или которой она от меня требует. У турок существуют больницы и учреждения по оказанию помощи животным. Римляне заботились в общественном порядке о пище для гусей, бдительность которых спасла Капитолий⁷; афиняне приняли решение, чтобы мулы, работавшие на постройке храма под названием Гекатомпедон, были выпущены на волю и могли свободно пастись всюду...

Глава XII. Апология Раймунда Сабундского

...Рассмотрим же человека, взятого самого по себе, без всякой посторонней помощи, вооруженного лишь своими человеческими средствами и лишенного божественной милости и знания, составляющих в действительности всю его славу, его силу, основу его существа. Посмотрим, чего он стоит со всем этим великолепным, но чисто человеческим вооружением. Пусть он покажет мне с помощью своего разума, на чем покоятся те огромные преимущества над остальными созданиями, которые он приписывает себе. Кто уверил человека, что это изумительное движение небосвода, этот вечный свет, льющийся из величественно вращающихся над его головой светил, этот грозный ропот безбрежного моря, — что все это сотворено и существует столько веков только для него, для его удобства и к его услугам? Не смешно ли, что это ничтожное и жалкое создание, которое не в силах даже управлять собой и представлено ударам всех случайностей, объ-

являет себя властелином и владыкой Вселенной, малейшей частицы которой оно даже не в силах познать, не то что повелевать ею! На чем основано то превосходство, которое он себе приписывает, полагая, что в этом великом мироздании только он один способен распознать его красоту и устройство, что только он один может воздавать хвалу его творцу и отдавать себе отчет в возникновении и распорядке вселенной? Кто дал ему эту привилегию? Пусть он покажет нам грамоты, которыми на него возложены эти сложные великие обязанности...

Самоуверенность — наша прирожденная естественная болезнь. Человек — самое злополучное и хрупкое создание и тем не менее самое высокомерное⁸. Человек видит и чувствует, что он помещен среди грязи и нечистот мира, он прикован к худшей, самой тленной и испорченной части вселенной, находится на самой низкой ступени мироздания, наиболее удаленной от небосвода, вместе с животными наихудшего из трех видов⁹, и однако же он мнит себя стоящим выше луны и попирающим небо. По суетности того же воображения он равняет себя с Богом, приписывает себе божественные способности, отличает и выделяет себя из множества других созданий, преуменьшает возможности животных, своих братьев и сотоварищей, наделяя их такой долей сил и способностей, какой ему заблагорассудится. Как он может познать усилием своего разума внутренние и скрытые движения животных? На основании какого сопоставления их с нами он приписывает им глупость?

Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она мною, нежели я ею!

...Каких только человеческих способностей не узнаем мы в действиях животных! Существует ли более благоустроенное общество, с более разнообразным распределением труда и обязанностей, с более твердым распорядком, чем у пчел? Можно ли представить себе, чтобы это столь налаженное распределение труда и обязанностей совершалось без участия разума, без понимания?

Разве ласточки, которые с наступлением весны исследуют все уголки наших домов, с тем чтобы из тысячи местечек выбрать наиболее удобные для гнезда, делают это без всякого расчета, наугад? И разве могли бы птицы выбирать для своих замечательных по устройству гнезд скорее квадратную форму, чем круглую, предпочтительно тупой угол, а не прямой, если бы они не знали преимущества этого? Разве, смешивая глину с водой, они не понимают, что из твердого материала легче лепить, если он увлажнен? Разве, устилая свои гнезда мохом или пухом, не учитывают они того, что нежным тельцам птенцов так будет мягче и удобнее?..

Все сказанное мною должно подтвердить сходство в положении всех живых существ, включая в их число человека. Человек не выше и не ниже других: все, что существует в подлунном мире, как утверждает мудрец¹⁰, подчинено одному и тому же закону и имеет одинаковую судьбу...

Надо заставить человека признать этот порядок и подчиниться ему. Он не боится, жалкий, ставить себя выше его, между тем как в действительности он связан и подчинен тем же обязательствам, что и другие создания его рода; он не имеет никаких подлинных и существенных преимуществ или прерогатив. Те преимущества, которые он из самомнения произвольно приписывает себе, просто не существуют; и если он один из всех животных наделен свободой воображения и той ненормальностью умственных способностей, в силу которой он видит и то, что есть, и то, чего нет, и то, что он хочет, истинное и ложное вперемешку, то надо признать, что это преимущество достается ему дорогой ценой и что ему нечего им хвалиться, ибо отсюда ведет свое происхождение главный источник угнетающих его зол: пороки, болезни, нерешительность, смятение и отчаяние.

Итак, возвращаясь к прерванной нити изложения, я утверждаю, что нет никаких оснований считать, будто те действия, которые мы совершаем по своему выбору и умению, животные делают по естественной склонности и по принуждению. На основании сходства действий мы должны заключить о сходстве способностей и признать, что животные обладают таким же разумом, что и мы, действуя одинаковым с нами образом...

Мишель Монтень. Опыты в трех книгах. Книги первая и вторая. Второе издание. М., 1979. С. 209—210, 233—234, 376—379, 390, 392, 394—395, 398. Пер. первой книги А.С. Бобовича. Пер. второй книги А.С. Бобовича и Ф.А. Коган-Бернштейн.

КОММЕНТАРИИ

¹ Фельянтинцы и капуцины — члены католических монашеских орденов.

² Теренций. Евнух. 232.

³ Сенека. Письма. 76, 31.

⁴ Монтень страстно протестует против кровавых расправ королевского двора, в частности против Варфоломеевской ночи в период религиозных войн во Франции (1562—1594).

⁵ В любви и жалости к животным Монтень был не одинок. Т. Мор в "Утопии" страстно протестует против охоты, где "охотник ищет в убийстве и в травле бедного зверька только удовольствие".

⁶ Подобные мысли Монтень будет развивать в главе XII этой же книги ("Апология Раймонда Сабундского").

⁷ По преданию, во время нашествия галлов на Рим в IV в. до н.э., жившие на Капитолии (один из семи холмов Рима, где находился политический и культурный центр) гуси своим криком разбудили защитников и тем самым спасли Рим.

⁸ Приводимое высказывание принадлежит Плинию Старшему. Оно настолько пришлось Монтеню по душе, что было выгравировано на потолке его библиотеки, высказывание цитируется и в других главах "Опытов".

⁹ "Из трех видов" — речь идет о наземных животных, так как птицы и рыбы, с точки зрения Монтеня, находятся в более благоприятном положении.

¹⁰ Екклезиаств. 9.

ХУАН ЛУИС ВИВЕС

Хуан Луис Вивес (1492—1540) — крупнейший испанский гуманист и философ. Родился он в Валенсии, но с 17 лет жил вне Испании. В 1509—1512 гг. учился в Парижском университете, однако схоластическое преподавание оттолкнуло его, и он, оставив Париж, отправился во Фландрию. Позже против схоластов Сорбонны написал книгу "Против псевдодиалектиков" (1519). Преподавал в университете Лувена, где читал Вергилия и Цицерона, "Естественную историю" Плиния и "Географию" Помпония Мелы. В это время он познакомился и подружился с Эразмом. Постоянным местопребыванием гуманиста стал Брюгге.

В 1523 г. Вивес был приглашен в Англию преподавать гуманитарные науки в Оксфорде (1523—1527). Как испанец, он пользовался покровительством королевы Екатерины Арагонской, посвятил ей трактат "О воспитании христианки" (1523), ставший очень популярным, был приглашен наставником принцессы Марии, для которой написал небольшой учебник основ латинского языка. В 1529 г. он был вынужден уехать из Англии, так как в бракоразводном процессе короля Генриха VIII занял сторону королевы.

Последующая жизнь в Брюгге была посвящена преподаванию и активной творческой деятельности. Были написаны книги: "Об учениях", "О согласии и розни человеческого рода", "О душе и жизни" и др., в которых он развивал мысли об общественной школе, о роли матери в образовании детей; но особенно ценны его психологические наблюдения над ребенком, изучение особенностей его памяти, темперамента, попытки приспособить гуманистические науки к возможностям ребенка. Он обсуждает роль в преподавании родного языка как моста к древним, расширяет понимание знания за счет включения знаний о природе, шире вводит в обучение современную литературу. Педагогические работы Вивеса имели широкое распространение, его "Практика латинского языка" (1538) выдержала за полвека 49 изданий.

"Об учениях" (1531) — главная работа Вивеса. Это огромный труд, представляющий собой размышления автора о культуре, ее роли, развитии, причинах упадка и возрождении. Приводимые ниже фрагменты первой части работы, известной под названием "О причинах упадка искусств", интересны отношением гуманиста к древней культуре, которую он воспринимает с достаточной долей критики, а также указанием на нетворческое отношение людей его эпохи к знаниям, на скованность мысли тем или иным авторитетом. Вивес против того, чтобы отдавать "себя и свой разум как в рабство определенной школе", он за творческое восприятие знаний, за развитие науки.

Н.В. Ревякина

О ПРИЧИНАХ УПАДКА ИСКУССТВ

<...> Не то что древние не завещали нам великих богатств; но только и мы, если бы постарались, могли бы оставить нашим потомкам не меньше, а то и больше, потому что нам помогли бы и их открытия и новоприобретенная сила суждения. Неверно и глупо кем-то придуманное сравнение, которому многие приписывают великую тонкость и глубину: "По отношению к древним мы — карлики, взобравшиеся на плечи великанов". Это не так. И мы не карлики, и они не великаны, а все мы люди одного роста, и благодаря их наследству мы можем даже подняться чуть выше, лишь бы только сохранить их деятельную страсть, горение духа, доблесть и любовь к истине. Но если у нас и не будет этого, мы опять-таки не карлики и не на плечах у великанов, а люди нормального роста, растянувшиеся на земле. Не веря в себя, замутив глаза, мы вручаем себя тому, кого сочтем мудрым и всевидящим судьей, причем не лучшему вождю, которого сами бы избрали, а первому, с кем нас сводит случай.

По воле учителей, любящих больше собственную славу, чем истину, все распалось у нас на школы и секты, так что раздорами и как бы гражданской войной невежды теперь вымогают то, чего не могли добиться добрым искусством. Не осталось ни одной науки, не запятнанной партиями и фракциями, не исключая даже богословия, которому это всего меньше пристало. Среди разногласия учений добрые и худые, знающие и невежественные учителя понемножку пишут и учат¹, причем каждый с великим упорством защищает свое, и нет такой абсурдной и жалкой секты, которая не нашла бы себе приверженцев.

Неграмотный отец ведет сына в школу. Какое счастье, если он не нападает на дурного и невежественного наставника, а ведь теперь везде таких полно! Что остается отцу, как не возносить к небу молитвы о научении своего детища? Едва несведущий подросток пересту-

пает порог школы, его начинают напитывать мнениями одной из сект. Он их принимает, одобряет и привязывается к ним еще до всякой возможности иметь собственные: он слышит, что наставник говорит обо всем с величайшей уверенностью, с огромной убежденностью, явствующей в чертах лица, в движении бровей, в голосе; он видит, что товарищи по школе принимают все с глубоким одобрением и восхищением; он сам верит всему, как голосу с неба, и усваивает преподаваемое учение как достовернейшую и бесспорную истину, как непреложное первоначало всего. Ведь о чем бы ни зашла речь — о времени, движении, свойствах души, строении тел, совершенно неведомых вещах, наконец, — мнения утверждаются с безмерной категоричностью, и стоит кому-то хоть немного усомниться, спорить с ним считают столь же бессмысленным, как спорить с человеком, говорящим, что нечто одновременно и существует и не существует. Ученик настолько покоряется воззрениям школы, настолько порабощается ими, что не только верит в их непогрешимость, но начинает считать все другие подозрительными. Так он быстро освобождается от собственного суждения, этого лучшего средства отыскивать истину, необходимого не только для занятия искусствами, но и в повседневной жизни. Многие после этого уже ни на шаг не могут отойти от некогда затверженного, потому что совершенно не читают, никогда не слышат других мнений и ничего не знают об их существовании, ни о том, лучше они или хуже его собственных; некоторые люди не подозревают, что есть другая диалектика и другое богословие, чем то, которому они выучились, как, помню, случилось со мной самим и многими моими соучениками в Париже. А кто все-таки знакомится с чужими мнениями, тот или не может в зрелом возрасте переучиться, стыдясь того, что в старости приходится расставаться с усвоенным в молодости, по словам поэта², или, рабски предавшись одному мнению, отвергает и презирает новые теории, называя их вздорными, невероятными и глупыми. Если такую теорию освящает какое-нибудь знаменитое имя, они искажают ее, пока не подгонят под собственные взгляды, чтобы казалось, будто великий человек их подтверждает, хотя на деле говорят совершенно другое. И, как в гражданской войне, каждый лагерь старается, как может, истолковать все на свете в свою пользу и во вред противнику.

В борьбе мнений величайшим легкомыслием отличались греки, но и мы оказываемся не серьезнее их. Все, что отходит от принятого взгляда, мы обличаем и освистываем, словно бешенство и безумие, без суда и разбирательства, только по подозрению в расхождении с нами. Нынче все, что не согласуется с положениями школы, — ересь для схоластического богослова; обвинение в еретичестве так распро-

странено, что, невзирая на его крайнюю суровость, им угрожают за малейшее расхождение во взглядах... О, как обкрадывают себя люди в плодах наук из-за того, что всегда верят кому-то другому, никогда не обращаются к самим себе и не зовут сами себя на совет для проверки достоинства того, что они заучивают с таким великим старанием!

Одни из тех, кто отдал себя и свой разум, как в рабство, писателям определенного направления, настолько держатся новизны, что никаких древних даже по имени знать не хотят, — отчасти потому, что их головы, забитые невероятным многословием современных авторов, так никогда и не освобождаются для знакомства со старыми. Другие, наоборот, презирают все новое и так привязаны к древним, что, если им попадается новый писатель, они боятся его, как заразы.

Однако ведь очень важно разобраться, кого называть новыми, а кого — старыми. Если старые — это те, кто открыл и усовершенствовал искусства и науки, а новые — те, кто их извратил или приспособился к извращениям, то, конечно, я предпочту тощие книжечки древних толстым томам новых. Впрочем, не впадай и в крайность, измеряя достоинство давностью лет, когда чем старше писатель, тем он кажется тебе славнее и достовернее. Разве Аристотель не после Анаксагора, Цицерон — Катона, Демосфен — Перикла и Вергилий — Энния? Между тем знатоки древности ставят более поздних намного выше ранних. Ненавистники нового тоже очень вредят росту своих знаний, обессиливают и подрывают собственную способность суждения. Хуже всего, что они так преданы и покорны древним, что, не слушая, не читая, сразу осуждают все, что не старо, хотя бы на деле оно было старинным, а они только считали его новым, и, наоборот, восторгаются новым, если принимают его за старое; здоровое суждение для них мало что значит, они верят только имени. Я знал человека, который безмерно почитал как принадлежащие Вергилию или другому поэту той эпохи стихи одного ныне живущего писателя, найденные в старинной библиотеке под слоем пыли, изъеденные червем; другой с презрением отверг послание Цицерона, под которым умышленно поставили французское имя, и еще прибавил, что оно полно заальпийской варварской крикливости.

Иногда говорят, что искусства совершенствовались до некоторого времени, а потом началось их падение, и поэтому мы должны читать и перечитывать только писателей эпох расцвета. Но как о них судить, если считается зазорным даже прикасаться к другим? Я тоже вовсе не отрицаю за древними высокий ум, большой опыт и усердие исследователей и наставников, стремившихся в самом ясном виде передать свои знания потомству; но плохо думают о природе люди, полагаю-

щие, что ее истощили первые или вторые роды. Почему они не верят, что сами, постаравшись, могут чего-то добиться? Самое простое и незатейливое искусство таит в себе бесконечные возможности, способные вечно занимать умы. Новые тоже добились немало, кое в чем оказались точнее, во многом достовернее древних, тем более что те, развлекаемые многообразием мира оставляли в небрежении точное знание о некоторых предметах. Новый опыт показал, что дело часто обстоит не так, как опыт того времени подсказывал Гиппократу, Аристотелю, Плинию и другим таким же знаменитым мужам. У Аристотеля, если уж говорить о самом прославленном и серьезном писателе, есть верные во многих отношениях учения, но много легковесных и случайных, — например, когда он говорит, что, если есть какое-либо действие или воображение, свойственное только душе, она отделима от тела, если нет — неотделима³. Это все равно что сказать: "Если человек, запертый в помещении, может видеть свет каким-нибудь другим способом, кроме как через оконные стекла, то он может выйти из него, а если нет, то не может и выйти". То же самое — когда Аристотель говорит, что начала природных вещей противоположны⁴. Я не спорю, какой-нибудь упрямый человек сможет защитить все аристотелевские учения, но только с помощью сотни подпорок, только многое перетолковывая, искажая и изменяя, только с тысяча и одним пояснением. Но ясно, что всегда будет вызывать возражение то, что не укрепляет ум, а сбивает его с толку. Всего больше поражает, что с помощью столь шатких мало обоснованных учений — исходя из своего разделения категорий, из своего бытия, простого и сложного, — Аристотель нападает на таких противников, как Парменид и Мелисс.

Поэтому пусть никому не кажется странным, что древние выдвинули так мало непоколебимых всеобщих законов. Ведь общий принцип должен вырастать из многих и точных частных наблюдений. Удивительно ли, что они ошибались, высказывая универсальные суждения о впервые наблюдавшихся явлениях крайне изменчивой природы, меняющих свои свойства в зависимости от времени и места? Аристотель говорит в первой книге о живых существах, что обладатели тонких ног имеют и тонкие руки, — утверждение, которое опровергается в нашей Бельгии, где у многих людей едва заметны икры, а руки полные и мускулистые. Сказанное древними о Греции и Италии мало подходит к другим местам и областям, а теперь даже к самим этим странам из-за изменившегося с течением времени образа жизни и духа народа. Кто теперь строит по нормам Витрувия? Кто ест по предписаниям Галена? Кто пашет землю, следуя советам Варрона или Колумеллы? Многие оставшиеся нам от древности наблюде-

ния о небе, земле и стихиях оказываются полностью противоположны теперешним; так, в старину неверно судили о жизни в жарких странах, об истоках Нила, об антиподах, а также о породах, одушевленных существах, плодах. Плиний пишет, что персики, выросшие в Риме, вредны, а сейчас они считаются лакомством. Где теперь в Испании овцы, о которых Марциал писал, что они естественно окрашены в нужный цвет?

Люди, ищущие только древностей, забывают, среди каких людей и в какое время они живут, и настолько сродняются со стариной, что, как говорится, у себя дома и среди своих они иностранцы: нравы и познания своего ненавистного времени им неведомы, хотя этим же самым любителям древности хотелось бы видеть, что их собственные книги в цене, что ими увлекаются и зачитываются. Дух пристрастности настолько царит повсюду, что диктует мнения о странах и народах: "Этого писателя я не одобряю, потому что он не из такой-то местности". Словно таланты — это фрукты или вина, обычно оцениваемые по почве и месту! Умы процветают в любой стране, надо только их возвращать; возможно, в определенных местах великие таланты появляются чаще, но они есть везде. Впрочем, любители древности часто не щадят собственную родину и свой родной город, из чего становится ясно, что они не столь осуждают, сколько злобствуют. Они надеются, что брань и презрение обязательно поставят их выше презираемых. Но злословить еще не значит победить, презирать — не значит превзойти: только неразвращенные судьи способны понять, кто прав и кто оклеветан...

Наконец, даже когда мы идем за нашими предками, ступая им вслед, как в детской игре, мы не знаем, кто они, эти наши предки, и каковы были их голоса⁵.

Эстетика Ренессанса / Под ред.
В.П. Шестакова. М., 1981. Т. 1.
С. 467—470. Пер. и ком. В. Библихина.

КОММЕНТАРИИ

¹ Переиначенная строка Горация: "Пишем все мы стихи, умеем или нет, без разбора" (Искусство поэзии, 117).

² Гораций. Послания. II, 1, 84—85.

"...или позором считают совпасть с молодыми, сознавшись, что разлучаться пора с отверженным в детстве уроком".

³ Ср.: Аристотель. О душе. II, 1, 413а 6—8 и др.

⁴ Ср.: Аристотель. Метафизика. XI, 3, 1061 и 12—15 и др.

⁵ Здесь Вивес начинает говорить о порче старых книг из-за неграмотности переписчиков и произвольных вставок толкователей, а потом приступает к изложению "кратких правил критического искусства", т.е. принципов критики текста.

II. "ДОСТОЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ — НАИЛУЧШЕЕ БОГАТСТВО"

ПЬЕР ПАОЛО ВЕРДЖЕРИО

Пьер Паоло Верджерио (1370—1444) — видный гуманист, был первым теоретиком гуманистического воспитания. Он родился в г. Копре (Каподистрии) в Истрии, происходил из знатной, но обедневшей семьи. Учился в Падуе, где слушал лекции в университете Конверсини да Равенна. Трижды бывал во Флоренции, гуманизм и гражданский дух которой оставили глубокий след в его мировоззрении, недаром к канцлеру Флоренции гуманисту Салютати он обращался как к своему учителю. Изучал Верджерио свободные искусства, право, медицину и естественные науки, но с наибольшим увлечением занимался гуманистическими дисциплинами. Один из приездов его во Флоренцию был связан с изучением греческого языка у Мануила Хризолора.

Активная творческая деятельность Верджерио связана с Падуей, где он жил с 1390 по 1405 г. с перерывами, занимаясь преподаванием в университете. После 1405 г. он перешел на службу в римскую курию, был на Констанцском соборе (1414—1417); в 1418 г. уехал вместе с императором Сигизмундом в Венгрию, где сыграл видную роль в развитии гуманизма. Писал Верджерио на этические и политические темы, он автор хроники правителей Падуи Каррара, трактата "О монархии". Известен он и своей защитой античной культуры: в 1397 г. он выступает с инвективой против Карло Малатесты, который, захватив Мантую, приказал убрать памятник Вергилию как языческому поэту. Он готовит к изданию поэму Петрарки "Африка", пишет жизнеописание поэта. Важны и письма Верджерио, развивающие гуманистические идеи.

Уже в молодые годы, между 1388—1390 гг., Верджерио написал под влиянием Теренция комедию "Павел", предназначенную служить "исправлению нравов юношей". Это первая дошедшая до нас гуманистическая комедия. Свой педагогический трактат "О благородных нравах и свободных науках" гуманист написал в начале XV в. Трактат был посвящен Убертино — сыну правителя Падуи Франческо Каррара, которому было в то время 10—12 лет. В историографии поэтому распространилась точка зрения, согласно которой

Верджерио был наставником будущего правителя, советником и секретарем Каррара, официальным придворным историографом. Однако ни сам гуманист, ни его современники об этом нигде не говорят.

По своему содержанию трактат шире, чем наставление будущему государю, хотя он начинается и завершается обращением к Каррара и в самом трактате имеются ссылки на опыт семейства Каррара. Трактат состоит из введения, содержащего обращение к Каррара и призыв к родителям обучать детей "добрым искусствам и честным наукам", и двух частей. В первой части гуманист обращает внимание на характеры детей, отличительные особенности их возраста и говорит о важности нравственного воспитания. Во второй части обсуждается значение образования, дается обзор наук с расстановкой соответствующих акцентов, указывающих на их важность, высказывается ряд соображений по поводу процесса обучения, а также говорится о физическом воспитании и отдыхе. В трактате ощущается влияние античных идей (Цицерона, Аристотеля, Плутарха и Псевдо-Плутарха, "Физиогномики" Псевдо-Аристотеля), спартанской системы воспитания. В оценке Верджерио естественных наук чувствуется и питомец Падуи. В трактат включены некоторые элементы рыцарской системы воспитания (военная подготовка).

Идеи Верджерио были подхвачены и развиты итальянскими и другими европейскими гуманистами, писавшими о воспитании, и осуществлялись на практике гуманистами-педагогами. Трактат был очень популярен и выдержал до 1600 г. 40 изданий.

Н.В. Ревякина

О БЛАГОРОДНЫХ ПРАВАХ И СВОБОДНЫХ НАУКАХ

Твой дед, Франциск Старший¹, который прославился многими славными деяниями и о мудрых высказываниях которого всюду вспоминают, обычно говорил, что существуют три вещи, относительно которых родители безусловно могут и по праву и с полным основанием должны тщательно позаботиться для своих детей. Во-первых, дать им достойное имя. Ведь имя недостойное, хотя это и кажется не столь важным, приносит немалый ущерб. Относительно этого иные родители очень часто заблуждаются, когда по какому-то легкомыслию, желая сами создать новые имена или переняв их от предков, уверенно передают эти имена потомкам, словно родовое наследие. Во-вторых, вырастить детей в прославленных городах, поскольку могущество и известность родины более всего способствуют богатству и славе. Впрочем, в этом деле, скажу от себя, часто случается так, как было с Фемистоклом. Будучи афинянином, он ответил в споре некое-

му серифийцу, который упрямо утверждал, что Фемистокл прославился не собственной доблестью, а благодаря славе родины; ни ты, сказал Фемистокл, не сделался бы знаменитым, даже если бы стал афинянином, ни я не был бы неизвестен, став серифийцем².

Третье же условие состоит в том, чтобы обучить детей добрым искусствам. Прекрасны все вещи, о которых говорил Франциск, бывший и считавшийся в любом деле разумнейшим человеком своего времени. Но эта последняя вещь, кроме прочего, и весьма полезна. Действительно, никаких более прочных богатств или более надежной опоры в жизни не могут родители уготовить детям, чем обучить их искусствам и свободным наукам. Знающие их обычно возвышали и прославляли и безвестное имя своего рода, и ничем не примечательную родину.

Изменить свое имя любому позволено, если это делается без обмана; никому не запрещено переменить и местожительство, если ему заблагорассудится. Но если кто с детства не будет обучен добрым искусствам и будет жить обученный дурным, он вряд ли сможет надеяться в зрелом возрасте забросить вторые и тотчас приобрести для себя первые. Следовательно, основы доброй жизни должны быть заложены в детском возрасте и душа должна быть приучена к добродетели, пока она нежна и легко воспринимает любое впечатление, так что и в дальнейшей жизни оно сохранится в первоначальном виде.

И хотя всем людям, и родителям в первую очередь, следует стремиться правильно воспитать своих детей, а детям надлежит показать себя достойными своих родителей, но более всего подобает быть образованными в важнейших искусствах, чтобы считаться достойными и судьбы, и звания, тем, кто высоко поставлен и чьи слова и дела не могут быть не известны. Ибо те, кто желает, чтобы им причиталось все лучшее, должны по справедливости и сами являть собой все наилучшее. Самое надежное и прочное основание для правления состоит в том, что обладающие властью почитаются всеми как наидостойнейшие из всех этой власти.

Ты, Убертино, во-первых, получил имя, издавна славное в вашей семье и недавно прославленное тем, кто шестым из вашего рода обладал властью³. Во-вторых, ты рожден в древнейшем царственном городе, который славится изучением всех добрых искусств и изобилует множеством всяческих вещей, полезных людям, и рожден в роду государей и отцом-государем, под властью которого день ото дня приумножается счастье и благосостояние города и слава вашей семьи. Но более всего я радуюсь (клянусь моей честью и благосклонностью ко мне твоей и твоих близких), видя, что ты всеми силами стремишь-

ся к добрым искусствам и славным занятиям благодаря заботе отца и, главным образом, по собственному стремлению.

Хотя все три вещи, о которых мы сказали, более всего, видимо, требуются от родителей (и я не отрицаю, что родители действительно в состоянии многое сделать в каждой из них), однако родители дают, главным образом, имена при рождении. Родину человеку дает случай, иногда — выбор. Славные же искусства, или саму добродетель, каждый добывает для себя сам, а именно добродетель должна быть наиболее желанной по сравнению со всем тем, что можно приобрести от людей усердием. Ведь богатства, слава, наслаждения ненадежны и преходящи, свойства же и плоды добродетелей пребывают неизменными и остаются вечными. <...>

Так как человек состоит из души и тела, то те, кому дано быть здоровыми телесно и душевно, получили, на мой взгляд, нечто драгоценное от природы. Видя многих людей, кому без вины от рождения случается быть тупыми умом и болезненными телом, сколь много благодарностей мы должны воздать природе за то, что у нас и то и другое здорово и невредимо. И природе воздастся достойная благодарность, если мы не будем пренебрегать ее дарами, а позаботимся об их совершенствовании надлежащими занятиями добрыми искусствами.

Следовательно, вначале надлежит каждому оценить самому свои природные качества⁴, а если мы по возрасту еще не сможем сделать этого, то на это должны будут обратить внимание родители и прочие, кто о нас заботится. И к чему мы будем способны и склонны от природы, к тому, главным образом, и надлежит направить наши занятия и всецело им отдаться. Более же всего не следует позволять тем, кто от природы наделен способностями к свободным занятиям, цепенеть в бездеятельном досуге или связывать себя с неблагоприятными занятиями.

КАК СЛЕДУЕТ РАСПОЗНАВАТЬ НРАВЫ И СКЛОННОСТИ ЮНОШЕЙ, А РАВНО КАК ИХ СЛЕДУЕТ ОЦЕНИВАТЬ

Вообще признак благородного нрава состоит в том, чтобы стремиться к похвале, воспламеняться любовью к славе, откуда рождается некая благородная зависть и лишенное ненависти состязание в похвале и честности. Ближайший же признак этого — охотно повиноваться старшим и не противиться наставляющим в благом. Ведь подобно тому как лучшими для битвы считаются те лошади, которыми легко управлять и которые, наострив уши на звук трубы, приходят в возбуждение, так, видимо, подают большую надежду принести щедрые

плоды и юноши, внимающие наставникам и возбуждаемые похвалами к добру. А поскольку само благо добродетели и лик чести они, неопытные в делах, постичь разумом не могут (а если бы те могли предстать глазам, то вызвали бы, как говорит Платон и повторяет Цицерон, необычайную любовь к мудрости⁵), то ближайшая ступень к этому — привлекать их к лучшему через их стремление к похвале и славе. От природы к этому больше расположенными оказываются те, кто склонен к деятельности, избегает праздности и любит всегда заниматься чем-то хорошим. Возвратимся к тому же сравнению: как считают лучшими в беге тех лошадей, которые по сигналу пускаются вскачь и не нуждаются в пришпоривании или ударах бича, так следует считать прекрасно расположенными к добродетельным делам юношей, которые в назначенное время с готовностью возвращаются без указаний наставника к постоянным и ненадолго прерванным занятиям и упражнениям. Но то же следует сказать о юношах, если они страшатся угроз и наказаний, но больше — позора и бесчестия, отчего рождается стыд — наилучший признак благородного нрава в этом возрасте. И прекрасно, если они будут краснеть от порицаний, становиться лучше от наказаний и любить своих наставников, ибо это означает, что они любят учение.

Не меньшую надежду на то, что станут добродетельными, следует возлагать и на тех, кто по природе добросердечен и склонен к примирению. В душе ведь есть нечто подобное тому, что и в теле. Как признак доброй телесной природы — не испытывать отвращения ни к какой пище, но легко принимать желудком все, что предлагают, и переваривать для питания членов, так и признак души, хорошо устроенной от природы, — не иметь ни к кому ненависти или пренебрежения, но все, что говорится или делается, принимать с лучшей стороны. И многие другие признаки можно узнать именно таким способом из поведения.

Что же касается телесного вида, то Аристотель писал, что слабые телом способны умом⁶. О прочем следует посоветоваться с теми, кто заявляет, что по лицу каждого можно определить природные способности и нрав — способ, который мы здесь обойдем молчанием. Но, как уже говорилось, на основе врожденных свойств часто можно распознать, в каких мужей мы превратимся из юношей. Ведь в некоторых детях природа с раннего детства показывает, как украшение, признаки будущей добродетели, и потому мы называем юношами с добрыми врожденными свойствами тех, которые, судя по выражению их лица, жестам и прочим движениям, кажутся подающими добрую надежду⁷.

Как этим юношам позорно обмануть ожидание людей, так достойны хвалы те, кто без всякого знака сделался тем не менее добродетельным.

тельным, подобно некоему сорту яблок, сохраняющему под безобразной и грубой кожурой сладкий вкус. Поэтому похвален совет Сократа юношам⁸ — часто смотреть на свое изображение в зеркале с той именно целью, чтобы те, кто обладает достойной внешностью, не обезобразивали свое лицо пороками, а те, которые кажутся уродливыми на вид, позаботились бы с помощью добродетелей сделаться красивыми. Но, пожалуй, они смогут достигнуть того же самого в большей степени, если будут смотреть не столько на свое лицо, сколько на нравы и живое подобие добродетельного человека. Ведь если П. Сципион и Кв. Фабий говорили, что их сильно вдохновляет созерцание изображений выдающихся мужей⁹ (а к этому обычно прибегали чуть ли не все благородные духом люди), и если подобное занятие вдохновило на высшее из деяний Юлия Цезаря, увидевшего изображение Александра Македонского¹⁰, то что произойдет, когда предметом созерцания будет живой пример? Впрочем, возможно, образы предков больше побуждают души стремиться к славе, потому что присутствие самого человека славу большей частью умалляет и живущим обычно сопутствует зависть.

По крайней мере, для примера добродетели и нравов и для любого обучения живой голос и нравы живого человека важнее. Поэтому целеустремленный юноша, которого побуждает желание добродетели и истинной славы, должен выбрать кого-то одного или нескольких из уважаемых им честнейших людей, чтобы подражать им в их жизни и нравах, насколько позволит ему возраст. А эти люди и прочие старшие по возрасту должны всегда помнить о серьезности и скромности и более всего соблюдать их перед младшими. Ведь юный возраст склонен к заблуждениям, и если не удерживать юношей примером и авторитетом старших, то они всегда легко соскальзывают к худшему.

Поскольку возрасту юношей, как и остальным возрастам, присущи особые нравы, то добрые нравы следует укреплять и поддерживать практикой и наставлениями, а дурные и непохвальные — исправлять; из них одни зависят только от природы, другие — от недостаточного опыта, третьи — от того и другого¹¹. Во-первых, от природы юноши щедры и расточительны, потому что не испытывали нужды и не добывали себе средств собственным трудом; обычно ведь не бывает, чтобы тот, кто собрал средства своим трудом, легкомысленно их растрачивал. Равным образом потому, что у них в избытке жар и кровь, необходимые не только для питания тела, но и для роста; в стариках же — наоборот, в результате действия противоположной причины. Каким же стариком ожидаем мы увидеть с годами того, кто в юности

был скуп и алчен? Говорю это, впрочем, не для того, чтобы юношам позволить щедрость, которую они не умеют проявлять в своем возрасте и не различают, что, кому и за какие заслуги подарить, а потому, что алчность — это свойство испорченной природы и неблагородного ума. Эти, т.е. склонные к алчности, пригодны к прибыльным занятиям — ручному труду, торговле или к управлению семейным имуществом. Правда, они, даже если когда-нибудь овладевают более благородными искусствами, почти всегда сведут их, как и все прочее, к неблагородной прибыли; благородным же умам это дело вовсе чуждо.

Далее юноши надеются на хорошее и льстят себя надеждой легко достигнуть многого и значительного, и прежде всего долгой жизни, так как у них в таком изобилии естественный жар, словно они способны вынести любой труд и в любое время. По этой же причине они обладают великодушным и благородным сердцем. Так как сила жара такова, что он устремляется вверх, случается отсюда, что они высокомерны и, согласно Флакку¹², не слушают тех, кто увещевает, оскорбляют других, а самих себя превозносят. Они ведь стремятся к превосходству, вследствие чего, желая казаться многознающими, они с легкостью раскрывают потаенное и в своем хвастовстве часто изобличаются как обманщики. Равным образом и из-за своей неопытности они, думая, что говорят истину, во многом заблуждаются. Но от этой тщеславной лжи их надо более всего удерживать. Во-первых, потому, что привыкшие лгать в юности, они и в зрелом возрасте сохраняют эту привычку, а позорнее ее нет ничего. Затем потому, что ничто, пожалуй, так не оскорбляет старших, как ложь юношей, стремление недавно рожденных провести старых людей своими плутнями. Поэтому будет полезным посоветовать им говорить немного и редко и только тогда, когда их спрашивают. Ведь в пространной речи всегда найдется то, что можно опровергнуть. Конечно, можно допустить оплошность и в том и в другом, т.е. и в разговоре и в молчании. Значит, надежнее молчать, чем говорить, так как тот, кто в неподходящий момент молчит, виноват только в том, что молчит, в разговоре же случается ошибиться во многом.

Следует также позаботиться, чтобы юноши не приучались к мерзким, постыдным разговорам. Поистине, как сказал греческий поэт и повторил апостол Павел, "худые сообщества развращают добрые нравы"¹³. Но, согласно сказанному выше, юноши жаждут превосходства, поэтому они испытывают также стыд, боясь позора и тотчас же вспоминая о порицаниях родителей и учителя; в то же время, поскольку они неопытны, они считают, что их легко можно уличить во лжи.

Юноши также слишком доверчивы. Ведь из-за недостатка опыта в делах они верят всему, что слышат. Они также легко меняют мнение, так как соки в их организме из-за роста тел находятся в движении и так как в изобилии жар, который производит это движение; душа же следует за строением тела. Поэтому как легко они желают того, чего им недостает, так, завладев этим, быстро удовлетворяются. Но более всего они следуют своим страстям и все делают пылко, поскольку их желания, возбуждаемые жаром, остры, а разум и благоразумие, которые могли бы их умерить, не имеют достаточной силы. Я же, соглашаясь с Сосией Теренция, считаю по справедливости, что самое полезное в жизни — все делать надлежащим образом и ничего слишком¹⁴.

Юноши также жалостливы и не злого нрава, так как по рождению они недавние и потому имеют богатую кровь; прочих они оценивают по себе и, поскольку сами они мало еще согрешили, думают, что и другие тоже и что страдают они несправедливо.

Более же всего они радуются дружбе и любят дружеские союзы, которые часто в один и тот же день заключают и расторгают.

Итак, согласно этим наблюдениям и следует строить обучение; при этом добрые нравы должны поощряться, дурные же — ослабляться или вообще выкорчевываться.

Хотя забота о юношах вверена во многом домашнему воспитанию, но некоторые вещи обычно определяют и законы, а должны, я бы, пожалуй, сказал, определять все. Ведь для государства важно, чтобы молодежь в обществе была добрых нравов, и если юношей обучать, сообразуясь с этим принципом, то это будет полезно для общества и будет благом для них самих¹⁵.

Всего же более (чтобы специально сказать об этом) юношей следует удерживать от тех пороков, в которые они легко впадают по природе, из-за возраста. Ведь каждый возраст имеет свои пороки: юношеский возраст пылает страстью, средний тревожит честолюбие, старость истощают жадность и алчность; говорю об этом не потому, что не бывает исключений, но скорее оттого, что к этим порокам люди более склонны по возрасту¹⁶.

Надо, следовательно, позаботиться, чтобы юноши как можно дольше оставались целомудренными, так как слишком ранняя любовь ослабляет телесные и душевные силы. Поэтому юношей надо удерживать от плясок и прочих подобных забав, а также от многолюдных женских обществ, не позволять им ничего говорить и слушать об этих вещах, ведь раз сам пыл их возраста влечет их к любви, то не останется никакой надежды, если еще и совет даст дурной товарищ. Но главным образом никогда не надо давать им бездельничать, а всегда сле-

дует занимать их каким-нибудь честным физическим или духовным трудом. Ведь праздность делает их склонными ко всяким страстям и неумеренности. Следовательно, юношей, слишком склонных к безделью и страсти, надлежит лечить разнообразным трудом. Но им очень вредит не только безделье, но также и одиночество, которое размягчает слабую душу непрерывным размышлением об этих вещах и не позволяет ей обратиться к другому. Как тех, кто впадает в отчаяние, не следует оставлять в одиночестве, так и тех, душа которых взята в плен наслаждением. Поэтому их надо удерживать и бдительно охранять от всякой мерзости и преступной безнравственности и поручать только тем лицам, чьи нравы и вся жизнь совершенны, и, следуя примеру этих людей, они уже не согрешат, а удержатся их авторитетом. Подобно тому как к молодым деревьям приставляют подпорки, чтобы они не могли согнуться под собственной тяжестью или силой ветра, так к юношам следует приставить наставников, чтобы с помощью их увещаний они бы учились, убеждением удерживались от дурного и благодаря подражанию им совершенствовались.

Юношей надлежит удерживать от неумеренности также в другом, что относится к образу жизни. В самом деле, излишние еда и питье и слишком долгий сон — скорее от привычки. Говорю это не для того, чтобы отрицать, что людям с различными телесными свойствами эти вещи необходимы в разной степени, но потому, что во всех людях природа довольствуется немногим, если иметь в виду необходимость, если же наслаждение, то ничто ей не сможет показаться достаточным.

Но более всего в этом возрасте надо удерживать от вина: его излишнее употребление и доброму здоровью враждебно, и сильно растривает способность здравого суждения. В этом, мне кажется, вовсе не следует осуждать правило спартанцев¹⁷, которые приказывали приводить на свои пиры пьяных рабов не затем, чтобы развлекаться их бессвязными речами и безобразными движениями (ибо бесчеловечно удовольствие, когда человек развлекается недостатком или пороком другого человека), но чтобы показать своим юношам на примере, сколь позорно выглядеть пьяным. Поэтому надо с малых лет приучить мальчиков скорее пить воду, разбавленную вином, чем чистое вино, доводящее до безумия, и пить столь умеренно и редко, чтобы питье больше предназначалось для смягчения пищи, чем для утоления жажды. Право же, не подобает (и это имеет отношение не только к нравственности, но и к доброму здоровью) пищу и питье измерять желудком, мерой сна делать зимние ночи и предел в наслаждениях определять пресыщенностью, но надо все регулировать разумом и настолько ввести это в привычку, чтобы легко можно было обуздать

юношеские страсти, понимая при этом, что не все, что позволено делать, используя силу или случай, следует делать.

Прежде всего, однако, подобает, чтобы хорошо воспитанный юноша не пренебрегал почитанием и уважением богослужения и приучался к этому с молодых лет. Ибо что будет святого среди людей для того, у кого окажется в пренебрежении сама божественность? Однако не пристало в этом доходить до старушечьих суеверий, которые в этом возрасте обычно большей частью осуждаются и подвергаются осмеянию, но надо знать известную меру. Хотя какую меру можно применить в этом деле, в котором все, что в наших способностях, менее всякой меры? В особенности же следует увещевать юношей не богохульствовать (что отвратительно в любом возрасте), не насмеяться над священными именами и не давать легкомысленно по собственному побуждению клятву; ведь тот, кто беззаботно клянется, часто имеет обыкновение клятву нарушать.

Далее подобает, чтобы юноши оказывали большое уважение старикам и старшим по рождению, считая их как бы родителями. В этом древнем обычае была прекрасно воспитана римская молодежь; юноши в день заседания сената провожали сенаторов, которых называли отцами, в сенат и там, перед входом в здание, неусыпно находились в ожидании их, а после роспуска сената уводили многих домой¹⁹, и это было бесспорно первой подготовкой к проявлению постоянства и терпения в более зрелом возрасте. Можно сказать, что те юноши, которые охотно льнут к старикам, не без труда уходят от тех, с чьей помощью могут чему-то научиться, видимо, вполне серьезно желают опередить возраст благодаря добродетели.

Кроме того, юношей следует научить принимать приходящих, а также провожать тех, кто уходит, скромно приветствовать старших, ласково обходиться с младшими, дружески обращаться к друзьям и доброжелателям. Хотя эти качества хорошо выглядят во всех людях, но в правителях и их детях кажутся прекрасными, и они более всего заметны именно в них, в чьих нравах и всей жизни обычно любят мягкость, а хвалят строгость; им следует, однако, опасаться того и другого: чтобы строгость не перешла в свирепую суровость, а мягкость — в шутовскую фамильярность. Но этого они, т.е. правители, смогут избежать, если каждый будет легко переносить увещевание и порицание, — условие, целительное в любом возрасте, при любом деле и положении. Ведь подобно тому как, глядясь в зеркало, мы видим недостатки своего лица, так взвешиваем и душевные ошибки, когда их порицают друзья, и здесь самое время их исправить. Те же, кто не может слышать ничего, что им неприятно, легче всего впадают в за-

блуждение. Переносить только изысканную пищу — свойство слабого желудка; надо, следовательно, быть в состоянии и вытерпеть злословящих, и выслушать порицающих. Ведь того, кто не терпит, чтобы его порицали в его присутствии, нелегко обычно защищать, когда он отсутствует. <...>

Впрочем, юношей также обычно размягчает и расслабляет излишняя доброта родителей, что чаще всего проявляется в тех из них, кто воспитан матерями-вдовами в неумеренной любви. Поэтому ценен обычай, существующий у некоторых народов: заботиться о том, чтобы дети воспитывались вне города или, по крайней мере, вне семьи, у родственников или друзей. И если дети часто находят их более добрыми, чем родителей, то сознание того, что живут они в чужом доме, лишает их неограниченной вольности и делает более старательными в наилучших занятиях, которые мы называем свободными и о которых пришло уже время сказать.

ЧТО ТАКОЕ СВОБОДНЫЕ ЗАНЯТИЯ, КОТОРЫМ ДОЛЖНЫ ОБУЧАТЬСЯ ЮНОШИ?

Свободными занятиями мы называем те, которые достойны свободного человека, а именно те, которыми возделываются и совершенствуются добродетель и мудрость и благодаря которым тело и душа предрасполагаются ко всему лучшему, вследствие чего люди обычно достигают чести и славы — первой награды мудрому человеку после добродетели. Ведь как для неблагородных людей целью являются выгода и наслаждение, так для благородных — добродетель и слава. В таком случае стремиться к ним и со всем старанием пытаться достичь мудрости надлежит с самого детства. Ибо если ни одно из отдельных искусств, даже из тех, которые не требуют тонкости ума, никто не может освоить в совершенстве, не занимаясь им с детства, что же сказать о мудрости, которая заключается в столь многих и великих вещах и в которой содержится опыт, правила и наука всей жизни? В самом деле, мы не станем мудрыми (а мудрыми мы все хотим считаться и быть), не станем, повторяю, в старости мудрыми, если не почувствуем вкуса к этому с самой юности. <...>

У многих юношей именно от природы такой быстрый ум в понимании, такой пронизательный в исследовании, что даже без долгого учения они могут рассуждать о важных вещах и высказывать серьезные соображения; если их врожденные способности укрепить эрудицией и помочь им наукой, то обычно из них выходят ученые мужи. Как необходимо в таком случае позаботиться об этих юношах,

так не должно пренебрегать теми, кто имеет средние способности, и даже, напротив, следует скорее помогать им, поскольку в них природные способности слабее.

Однако всех надо заставить заниматься и трудиться с детства, пока податливы души юношей, пока подвижен возраст, как сказано в стихах Марона¹⁹. И усерднее всего надо заниматься в детстве, ибо этот возраст более всех остальных восприимчив к наукам; однако продолжать учиться нужно в любом возрасте, если не разделять того мнения, что учиться вообще позорнее, чем оставаться невеждой. Но совсем иначе думал Катон, глава семьи Порциев, который изучил латинский язык почти стариком, а греческий — уже совсем старым; он не считал, что старику позорно учиться, поскольку для человека знать — всегда прекрасно. Также и Сократ, столь замечательный философ, уже в пожилом возрасте начал играть на кифаре и доверил обучение своих пальцев учителю²⁰. Между тем как нашим юнцам из-за их изнеженности учиться неприятно и быть с учителем им, у кого еще молоко на губах не обсохло, кажется стыдным. Однако их вовсе не следует представлять собственному суждению, но различными уловками надо побуждать к добрым и надлежащим занятиям.

При этом одних следует привлекать похвалой и понятием о чести, других — небольшими наградами и ласками, третьих — принудить угрозами и розгой. И все эти способы воздействия так хорошо обдумать и разумно отрегулировать, чтобы наставники использовали то один, то другой из них²¹; им следует остерегаться и того, чтобы не быть ни слишком мягкими, ни излишне суровыми. Как чрезмерная вольность разрушает доброе природное дарование, так суровое и постоянное порицание ослабляет силу ума и гасит в детях природную искру; страшись всего, они не могут ни на что отважиться, и оттого происходит, что, боясь в чем-то ошибиться, они почти всегда ошибаются. В особенности же следует обходиться без принуждения в отношении тех, в ком преобладает черная желчь, их более всего следует предоставлять собственной воле и позволять им наслаждаться свободой и играми: имеющие подобный физический склад, не все (как думал Аристотель)²², но очень многие, несомненно, более щедро одарены от природы²³.

Случается, однако, что многие, одаренные способностями, стараясь обучаться надлежащим наукам, или отклоняются от них насильственно, или как бы из-за встающих перед ними барьеров вынуждены останавливаться в ходе занятий, или их направляют в другую сторону. Действительно, для очень многих препятствием становился недостаток средств, что вынуждало свободную душу, созданную для лучше-

го, служить прибыли. Однако натура благородная обычно возвышается вопреки даже крайним трудностям²⁴, и чаще добрым умам вредило чрезмерное богатство, нежели крайняя бедность, так что о таких людях обычно говорят не без негодования: "О сколь великим мужем он стал бы, если бы был рожден в более скромных условиях". Для некоторых на пути к обучению стоит власть родителей и с детства усвоенный образ жизни. Ведь тому, что привычно для нас с малых лет, мы обычно с легкостью следуем, став старше, поэтому дети охотно соглашаются продолжать занятия родителей, с помощью которых они были возвращены и воспитаны. Но мы часто следуем и тому, что принято в нашем обществе, будто лучше всего делать то, что одобряют и делают прочие.

Итак, это размышление о выборе занятия — труднейшее из всех, ибо мы или несвободны в нем, или приходим к нему, проникаясь ложными мнениями, оказавшись в зависимости от плохих привычек, дурного слова людей. Однако некоторым людям дана особым даром Бога возможность самим, без вождя, вступить на правильный путь и следовать им, а именно тем немногим, кого, как говорит поэт, благосклонный Юпитер полюбил или даже породил²⁵, если верить в чем-то басням. Из них мы узнали прежде всего о Геракле, о чем сообщают греки и вслед за ними упоминают латиняне. Когда Геракл увидел перед собой две дороги, одну — добродетели, другую — наслаждения, он, находясь, возможно, в том возрасте, когда следует задуматься о жизни в целом, удалился в пустыню и, размышляя в одиночестве много и долго (поскольку возраст тот не силен в суждении и решении), посвятил себя в конце концов добродетели, отбросив наслаждение. И тем самым через многочисленные и трудные подвиги он проложил себе, как считают люди, путь на небо²⁶.

Вот так было с Гераклом. Нам же повезет, если предписания и рука наставника поведут нас к добродетели или если мы будем побуждены к этому силой необходимости, ибо благословенна необходимость, увлекающая к благу. <...>

Но есть в наши времена огромная толпа тех, кто чурается науки как позора или одобряет мнение Лициния, некогда римского императора, который называл литературу ядом и общественной заразой²⁷. Гораздо лучше говорит другой: счастливы были бы государства, если бы ими управляли мудрецы или если бы их правителям случилось выучиться мудрости²⁸. Притом верно и то, что занятия литературой не лишают человека ни безумия, ни злобности; и даже более того: как тем, кто рожден к добродетели и мудрости, они очень помогают, так способствуют часто сокрытию глупости или служат орудием пагубной не-

справедливости. Мы знаем, что Клавдий (вернемся снова к римским императорам) был достаточно ученым и Нерон, его пасынок и наследник в правлении, весьма образованным; но первый был человеком редкостной глупости, второй запятнал себя жестокостью и всяческим позором. <...>

Напротив, твой прадед Яков Каррара, благоразумный муж и великодушный государь, будучи сам не очень образованным, тем не менее необычайно высоко ценил ученых²⁹, так что считал, что ему одного не доставало для счастья — быть образованным хотя бы настолько, насколько это доступно скромному человеку.

И в старости можно желать стать образованным, однако нелегко этого достичь, если с ранней юности не вооружиться знанием с помощью старания и труда. Следовательно, в юности надо подготовить для себя утехы, которые могут услаждать честную старость. И те занятия, которые в юности тягостны, в старости будут сладким отдыхом. Поистине есть в этих занятиях большая опора: мы находим в них целебное средство против изнемогающей усталости, или утешение от беспокойных дел. Есть ведь два рода жизни: один — свободный, заключающийся целиком в досуге и созерцании, другой состоит в деятельности и труде. Сколь необходимо знание и использование книг в первом роде жизни, всем должно быть ясно, а сколь полезно это во втором, легко можно распознать из дальнейшего. Я уже не говорю о том, насколько благоразумнее благодаря наставлениям авторов книг и примерам, приводимым в них, могут стать те, кто посвящает себя деятельной жизни.

Но и управляя государством, ведя за пределами отечества войны или занимаясь дома делами своими и своих друзей, не найдут они, утомившись, ни в чем другом более приятного занятия, чем в чтении. Выпадают также часы и моменты, когда от этих дел мы освобождаемся по необходимости, ведь и от государственных дел мы часто не по своей воле удаляемся, и не всегда ведутся войны, и в иные дни и ночи случается что-то, что заставляет задержаться дома и остаться самому с собой, вот тогда-то, когда ничем другим извне мы не будем заняты в свой досуг, и приходит на помощь чтение книг. <...>

Если бы даже свободные науки не приносили никаких иных плодов (а плоды эти при всех обстоятельствах разнообразны и многочисленны), то вполне достаточным должно казаться такое весьма важное обстоятельство: в то время, пока мы внимательно читаем, мы отвлекаемся от многого, о чем не можем думать без стыда или вспоминать без душевной муки. Действительно, если есть что-то в нас самих или в нашей судьбе, что доставляет нам неприятность, мы, читая книги,

легко это забываем и утешаемся. Помимо этого, занятия наукой рожают в душах людей удивительные наслаждения и со временем приносят обильнейшие плоды, если семя их упадет в добрую душу, подходящую для такого возделывания.

Итак, когда мы одни и свободны от всех прочих забот, что лучшее мы можем сделать, как ни обратиться к книгам, где есть все — и приятнейшее для познания, и побуждающее к доброй и чистой жизни? Как для прочей жизни, так более всего для сохранения памяти о прошлом важны и необходимы памятники письменности, в которых описываются деяния людей, превратности судьбы, редкостные творения природы и обо всем этом сохраняются суждения прошедших времен. В самом деле, то, что передается памятью людей из рук в руки, постепенно исчезает, едва превышая век одного человека. То же, что хорошо вверено книгам, остается навечно, и это могут превзойти, пожалуй, только живопись, мраморное ваение или литье. Впрочем, эти последние не несут на себе печати времени, не сразу указывают на разнообразие душевных движений, запечатлевают только внешнюю форму и легко могут быть повреждены. Передаваемое же письменно не просто воспроизводит сказанное, но передает также речи людей, отражает их мысли и притом, распространенное во многих экземплярах, вряд ли может погибнуть, тем более если написано достойным стилем; ведь то, что пишется недостойно, и доверия не заслуживает, и существовать долго не может.

Итак, какой образ жизни может быть приятнее и, без сомнения, полезнее, чем постоянно читать либо писать и познавать вновь открытые деяния древности, нынешние же дела сообщать потомкам и таким образом делать нашим любое время — и прошлое, и будущее? О, книги, славное украшение (как говорим мы) и приятные слуги (как справедливо называет их Цицерон), честные и послушные в любых обстоятельствах! Они ведь никогда не надоедают, не заводят ссор, не жадны, не хищны, не дерзки, по твоему желанию говорят или замолкают и всегда наготове по любому приказу; от них никогда ничего не услышишь, кроме того, что хочешь и сколько хочешь. И раз наша память не способна сохранять всего, даже малого, и едва в состоянии удерживать отдельные вещи, книги, на мой взгляд, надо ценить и сберегать как вторую память. Ведь именно памятники письменности и книги являются верной памятью о событиях и общей кладовой, заключающей все, что мы можем знать и помнить. Поэтому, если нам не по силам ничего сочинить самим, мы должны позаботиться о том, чтобы передать потомкам целыми и невредимыми книги, полученные от предков; тем самым мы позаботимся о пользе тех, кто будет жить

после нас, а тех, кто ушел, вознаградим за их труды хотя бы этой единственной наградой³⁰.

В дурном отношении к книгам мы, пожалуй, по справедливости можем обвинить некоторые эпохи, и в частности ближайшие к нам прошедшие времена. Можно лишь негодовать, но уже ничем нельзя помочь в том, что была допущена гибель столь многих прославленных трудов выдающихся авторов. От некоторых до нас дошли только имена, украшенные высокими похвалами, от других же — лишь часть их неусыпных трудов и отдельные фрагменты. И потому, зная о блестящей славе и известности первых, мы желаем разыскать их труды и поистине негодуем по поводу гибели остальных трудов вторых, когда видим великолепие и достоинство того, что дошло до нас, хотя мы получили их в большей части столь испорченными, некоторые даже в отрывках и сокращенные, что было бы, пожалуй, лучше, если бы из них ничего до нас не дошло. Но нельзя недооценивать и того, что в результате столь огромной утраты многие деяния прошлого и притом то, что совершено в Италии и весьма достойно познания, порой остаются по большей части скрытыми от нас, ибо сведения о них погибли вместе с гибелью книг и памятников. И вот так мы, зная о деяниях варваров, не знаем из-за гибели книг о многих из наших деяний. Это привело к тому, что достоверные сведения о латинской истории мы берем у греческих авторов. Ведь очень многое из того, о чем у нас сообщается кратко или что вообще неизвестно, у них оказывается изложенным пространно, хотя сама греческая речь, бывшая некогда близкой и понятной нашим предкам, чуть ли не погибла у них, у нас же совершенно исчезла, если только не вызовут ее на свет из могилы те немногие, кто в наш век ревностно ею занялись³¹.

Однако возвращусь к истории, утрата которой тем тяжелее, чем полезнее и приятнее знание этой науки. В самом деле, людям, имеющим склонность к свободным наукам, и тем, кто должен заниматься государственными делами и бывать в общественных собраниях, более всего подобает знать историю и изучать моральную философию. Ведь все другие искусства называются свободными потому, что приличествуют свободным людям. Философия же потому свободна, что ее изучение делает людей свободными. Следовательно, в одном случае мы находим предписания, чему подобает следовать, а чего избегать, в другом — примеры, ибо в философии раскрываются обязанности всех людей и что каждому соответствует, в истории же то, что было в прошлом сделано и сказано, и она учит нас, что следует сказать и сделать в нужный момент. Не ошибусь, если прибавлю к этому третью дисциплину — красноречие, которое является еще одной частью гра-

жданской науки. Если благодаря философии мы можем правильно мыслить, что в любом деле — главное, благодаря красноречию веско и красиво говорить, чем одним в высшей степени соединяются души многих, то история помогает нам и в том и в другом³². Ведь если мы считаем наиболее рассудительными стариков и охотно их слушаем потому, что за свою долгую жизнь они сами многое испытали и многое увидели и услышали, как же следует оценить тех, кто хранит в памяти деяния многих веков, достойные быть известными, и для каждого случая может привести тот или иной блестящий пример? Из всего этого явствует, что каждый должен научиться наилучшим образом говорить и постараться как можно лучше действовать, что свойственно выдающемуся человеку и вообще человеку блестящего ума.

Греки обычно обучали своих детей четырем дисциплинам: грамматике, гимнастике, музыке и рисованию³³, каковые некоторые называют также изобразительным искусством. О гимнастике и музыке будет сказано позже. Рисование же теперь не используется в преподавании как свободное искусство; разве лишь в той степени, в какой оно относится к письму (т.е. к каллиграфии), ибо писать — это то же самое, что и изображать, и рисовать, что до остального, то оно сохранилось у живописцев. Было же это занятие у них, т.е. рисование у греков, не только почетным, но и полезным, как говорит Аристотель³⁴. В самом деле, при покупке ваз, картин, статуй, которыми очень восхищались греки, это искусство помогало им не обмануться в цене, оно также весьма способствовало раскрытию красоты и изящества в вещах, созданных природой или искусством, способность говорить и судить о которых принадлежит людям возвышенным.

Что касается грамматики, то польза от нее велика всегда в любой жизни и для любого рода людей, но особенно для тех, кто усердно изучает ее как для овладения наукой, так и для укрепления уже усвоенного и восстановления памяти об ушедшем. Поэтому, если мы захотим в науках добиться успеха, надо прежде всего подумать о подобающем языке и позаботиться о том, чтобы, пока мы стремимся к большему, не оказалось, что позорно ошибаемся в малом. Рядом с грамматикой следует поместить учение о ведении спора, благодаря которому мы легко отыщем в любом деле с помощью доказательств, что истинно и что ложно. Поскольку это наука обучения и учение о познании, она легко открывает путь к любому виду наук³⁵.

Третья среди теоретических дисциплин — риторика, благодаря ей приобретает искусное красноречие, которое мы поставили на третье место среди основных частей гражданской науки. Однако красноречие, хотя и было когда-то распространено благодаря занятиям благо-

родных людей, теперь почти полностью утратило значение³⁶. Действительно, с судебных заседаний красноречие совершенно изгнано, там спорят, не пользуясь непрерывной речью, но привлекая с обеих сторон, по обычаю диалектики³⁷, законы для решения судебного дела.

Между тем некогда в этой области — судебном красноречии — многие римские юноши достигли большой славы, обвиняя виновных или защищая невинных. Даже совещательному роду красноречия нет теперь никакого места у государственных деятелей и вершителей общественных дел, поскольку они предпочитают изложить суть дела в немногих словах и приводить при обсуждении голые доводы; и те, кто даже без риторического искусства могут говорить содержательно, считаются в народе знаменитыми. Остается торжественное красноречие, которое если никогда не выходило из употребления, то едва ли когда-нибудь основывалось на правилах. Ведь при составлении речей почти все пользуются такими приемами, которые противоречат самому искусству красноречия. Хотя дела обстоят таким образом, надо тем не менее постараться, чтобы тот, кого мы хотим хорошо обучить, мог говорить на любую тему по правилам искусства, красиво и содержательно.

Ближайшее к красноречию искусство — поэзия; хотя ее изучение и может быть очень полезным для жизни и красноречия, однако более всего поэзия кажется приспособленной для удовольствия³⁸. Искусство же музыки (ибо и она улаживает слушающего) было некогда в большом почете у греков; и никто не считался у них свободно образованным, если не умел петь и играть на струнном инструменте. Вот почему и Сократ, будучи уже стариком, и сам выучился играть, и благородных юношей призывал обучать этой науке, и это отнюдь не для побуждения их к распутству, а для сдерживания душевных страстей в разумной норме. Ведь как не всякий голос, но лишь хорошо поставленный, рождает мелодию, так не всякие движения души, а только те, которые согласуются с разумом, служат стройной гармонии в жизни.

Музыка имеет большое значение для спокойствия души и обуздания страстей, поэтому и познание этой дисциплины достойно свободного ума³⁹. В соответствии с этой наукой мы познаем разную природу и силу звуков, соотношениями которых удастся создавать гармонию и диссонансы. Такова же наука и о числах, которая называется арифметикой, и о больших величинах, названная геометрией; в них в соответствии с различными отношениями равенств и неравенств, а равно линий, поверхностей, тел составляются различные рода чисел и величин и выявляются многие присущие им свойства, познание чего в высшей степени приятно и содержит в себе исключительную определенность.

Но и та наука прекрасна, которая рассуждает о движении небесных светил, их величинах и расстояниях. Ибо она уводит нас из тьмы и плотного воздуха и вводит душу и глаза в вышний сияющий дом, украшенный многочисленными светилами. Смотрящему в небо приятно распознавать образы неподвижных звезд, определять расположение, названия и соединения блуждающих, а также задолго предвидеть и предсказывать затмения Солнца и Луны. Но более всего изучение природы созвучно и сообразно человеческому разуму; благодаря этой науке мы познаем начала и изменения природных тел, одушевленных и неодушевленных, причины и результаты движений и изменений того, что находится в небе и на земле, а также можем добавить сюда и причины многих явлений, которые обычно в народе принято считать чудесными. Как приятно понимать все это, так особенно приятно заниматься тем, что случается в воздухе и на земле. Но и связанные с этим такие области знания, как учение о перспективе и о весе тел, равным образом прекрасны⁴⁰.

И поскольку я слишком увлекся, говоря об этом, коснусь также и остальных дисциплин. Итак, очень хорошо и в высшей степени полезно для телесного здоровья изучение медицины, хотя ее практика не вполне благородна. Знание законов полезно и для государственных, и для частных дел и повсюду в большом почете, а сама юридическая наука произошла от моральной философии, как медицина от естественной. Хотя толковать законы и давать решающим правовой вопрос, юридическое определение — вещь почетная, однако недостойно, ведя дела, продавать труд за условленную цену. Божественная же наука — это знание возвышеннейших причин и удаленных от наших чувств вещей, которые мы достигаем только умом.

Итак, мы перечислили почти все основные дисциплины, и перечислили не для того, чтобы каждый их все обязательно изучил, дабы быть и хотя бы считаться ученым, ведь и отдельные из них могут потребовать всех сил человека и, кроме того, вполне добродетельно уметь довольствоваться как скромным состоянием, так и скромной наукой; но мы перечислили эти дисциплины для того, чтобы каждый всецело посвятил себя той науке, к которой он способнее всего. Хотя все науки так между собой связаны, что, совсем не зная других, никакую нельзя изучить превосходно.

Впрочем, виды способностей различны. Одни ученики легко находят существо любой вещи и доказательства для изложения своей точки зрения, другие же медлительны в этом, но основательны в рассуждении; первые более способны возражать, а вторые — отвечать на возражения, равно как первые склонны к поэзии и теоретическим

наукам, вторые же — к практическим. Но есть и другие — с быстрым умом, но с медленной речью и языком, и они, видимо, более сильны в составлении выступления и речи по правилам риторического искусства. Быстрые же и умом и языком преуспевают в диалектических диспутах. А те, у кого речь быстрее, чем ум, то есть языком быстрые, а умом неповоротливые, не сильны ни в том, ни в другом роде выступления.

Далее, у некоторых превосходная память, и они очень сильны в знании истории и в освоении обширных томов законов. При этом нам следует знать, что память без ума немного значит, ум же без памяти вообще ничего не значит, по крайней мере, в том, что касается науки; совсем иначе в деятельности, потому что о сделанном деле и о том, что нужно сделать, можно записать, вместо того чтобы это помнить. В науках же того, что не знаем на память или сразу не можем вспомнить, мы, очевидно, не знаем по-настоящему.

Кроме того, есть такие ученики, кто способен отвлекаться душой от чувственных и материальных вещей и более склонен к восприятию отвлеченного и общего; другие, напротив, более расположены распространяться о частностях и заниматься ими, и эти последние склонны к рассудительности и к естественной науке, а первые — к математике и божественной науке, которая называется метафизикой. Но помимо этого, поскольку интеллект по своей природе двойной, а именно созерцательный и практический⁴¹, то каждый, согласно тому, что из двух у него сильнее, должен будет заняться тем, что ему более подходит.

Есть вдобавок умы как бы ограниченные и, как говорят юристы, к земле приписанные, которые хотя и слабы во всем прочем, однако в одном или другом весьма успевают, и то, в чем единственном они смогут, очевидно, добиться успеха, им и надо дать.

Впрочем, Аристотель считал, что не следует чрезмерно отдаваться свободным наукам и проводить время в занятиях ими, и обращал внимание на важность гражданской и деятельной жизни для совершенствования людей⁴². Ведь тот, кто целиком предан созерцанию и соблазнам литературы, возможно, заботится о себе самом, но он, несомненно, мало полезен городу, будь он правитель или частное лицо.

Вот так, видимо, следует заключить относительно наук и способностей и различных видов тех и других. В этих вещах надо прежде всего обратить внимание на то, что не только более важные правила, которым обучают старших детей, но и первые элементы наук подобает узнавать от лучших наставников и что не следует останавливаться на каких угодно авторах книг, но изучать лучших. Вот почему и Филипп, царь Македонии, повелел, чтобы Александра учил грамоте Аристотель, а древние римляне, отдавая своих детей в школы, заботи-

лись о том, чтобы прежде всего они читали Вергилия. И то и другое — с наилучшим основанием. Ведь то, что посеяно в нежных душах, пускает корни глубоко, и нелегко его позже какой-либо силой вырвать. Поэтому если с самого начала дети привыкнут к лучшим наставникам и книгам, то будут считать их первейшими и всегда использовать как вожатых. Если же впитают какие-либо ошибки, то им необходимо будет в два раза больше времени: во-первых, удалить ошибки и затем усвоить истинные правила. По этой причине Тимофей, известный в свое время музыкант, изгнанный Спартой за то, что он умножил струны в кифаре и изобрел новые лады, брал по договору определенную плату от учеников, которые ничему у других не учились, и двойную плату требовал с тех, кто у других чему-нибудь научился⁴³.

Но многим в обучении часто служит препятствием то, что должно было быть большим подспорьем, а именно — страстная жажда знания, из-за чего случается, что, желая равным образом все познать, ученики не в состоянии ничего запомнить. Ведь как чрезмерная пища не питает, а пресыщает желудок, остальное же тело отягощает и ослабляет, так и чрезмерное количество сведений, одновременно предлагаемых памяти, быстро из нее ускользает и ослабляет на будущее ее способность запоминать. Следовательно, пусть изучающие науку всегда много читают, но отбирают ежедневно немного, что может питать их память, и таким способом пусть сохраняют как особую прибыль каждого дня три, четыре или большее количество фактов, в зависимости от способности каждого и от свободного времени. Вообще же, читая, пусть добиваются того, чтобы сохранить путем размышления то, что уже узнали, а то, что еще не изучили, пусть делают для себя путем чтения с каждым днем более знакомым.

С другой стороны, с чрезмерной страстью к познанию и изучению обычно бывает связано какое-то беспорядочное любопытство в исследовании. В самом деле, стремясь узнать многое о разных вещах, набрасываются одновременно на разные дисциплины, обращаются то к тому, то к другому или сначала всеми силами отдаются одной дисциплине, затем, отбросив ее, занимаются какое-то время другой, потом — третьей. Дело это не только вовсе бесполезное, но и весьма вредное, что подтверждается и пословицей: вино скисает, если его часто переливать. Итак, следует остановиться на чем-то одном и заниматься им со всем старанием, а другие дисциплины пытаться изучать в такой последовательности, в какой они изложены авторами. Ведь те, кто читает книги беспорядочно, то начиная с конца, то читая в середине и узнавая в конце то, что должно было быть в начале, те будут иметь такой результат, какой получили бы, если бы вообще

всем пренебрегли. В отношении же книг, которые относятся к одной и той же дисциплине, так следует позаботиться, чтобы среди многих предпочитать всегда лучшие.

Трудиться же все должны не в равной мере, но каждый в зависимости от силы и возможности своего ума. Ибо у одних ум имеет, так сказать, острие свинцовое, у других — железное. Те, у кого свинцовое острие, если оно тупое, мало способны к обучению, если же острое, но мягкое и такое, что может легко притупиться, те нуждаются в ходе занятий в частных разъяснениях, и если они не проникают с первого приступа туда, куда желают, то в дальнейшем чем больше они будут стремиться, тем больше тупеют. Для тех же, кому достался ум железный и притом острый, нет непроходимых путей, если не захотят они вторгнуться туда, где поневоле разрушается все. Но если железный ум притуплен, то наделенные им все-таки преодолевают трудности неустанным старанием. Так, если они чего-то не поймут, то не отвергают его сразу же с презрением, что свойственно гордцам, не отчаиваются, как это случается с малодушными, но становятся настойчивее в рвении.

Истинно в высшей степени также и то, что более острые умом менее сильны памятью и, понимая быстро, мало запоминают. Для сохранения и укрепления памяти очень полезно правило Катона, которым он сам, по его словам, пользовался: все, что он делал, видел, читал днем, он вспоминал вечером, словно требуя от себя отчета за дневные труды, при этом он полагал, что следует отчитаться перед собой не только за дела, но даже за досуг⁴⁴. Постараемся и мы таким способом припомнить все, если сможем, если же не сможем, то, по крайней мере, удержим крепче то, что отобрали для себя как наиболее важное.

Принесут также пользу частые беседы об общих занятиях с товарищами: ведь обсуждение оттачивает ум, совершенствует язык и укрепляет память, и не только потому, что при обсуждении многому учимся, но и потому, что узнанное таким способом глубже знаем, более связно излагаем и крепче помним. Кроме того, обучая других тому, что узнали, окажем и самим себе немалую помощь. Ведь наилучший способ продвижения вперед — учить тому, чему сам научился.

Но почти со всеми обучающимися часто случается, что, преуспев в чем-то сначала, они считают, что уже многого достигли в обучении, и спорят как ученые, желая всеми силами отстаивать свои мнения, а это им очень мешает. Ибо первый шаг к науке — возможность сомневаться, и нет ничего столь враждебного учащимся, нежели чрезмерная надежда на собственную эрудицию и стремление полагаться на собственный ум, из них первая уничтожает, а второе ослабляет любовь к чтению. Вот так они сами себя обманывают — вещь менее всего нуж-

ная. Но обмануть себя легче всего, и никого мы не обманываем с большим ущербом. Случается же это оттого, что, не имея опыта, они не в состоянии еще определить отклонения, повороты, обрывы, которые скрываются в науках, отсюда происходит, что они либо неверно исправляют многое в книгах, чего не могут понять хорошо сами, либо, вина невежество и небрежность переписчиков, многое непонятное пропускают по собственной воле; между тем как старание и упорство могли бы устранить их неверные представления.

Все это, однако, будет осуществляться надлежащим образом, если мы правильно распределим время, если установим для занятий каждый день определенные часы и не будем отвлекаться никаким делом, которое оставляло бы мало времени для ежедневного чтения. Ведь если Александр имел обыкновение много читать, будучи на войне, если Цезарь даже в походе писал книги, а Август, замысливший Мутинской войной важное дело, в военных лагерях обычно постоянно читал и писал и ежедневно упражнялся в произнесении речей⁴⁵, — что сможет помешать нашему досугу в городе и отвлечь нас надолго от занятий литературой?

Но полезно при этом считать даже сколь угодно малую потерю времени за значительную и так ценить время, как жизнь и состояние здоровья, чтобы ничего у нас не пропадало без пользы; часы бездействия, например, которые у прочих ничем не заняты, посвятим более легким занятиям или проведем за приятным чтением. Доброй выгоде свойственно накапливать даже то, чем обычно пренебрегают, к примеру, читать за обедом или ожидать сна за книгами, а вернее, избегать его с помощью книг. Впрочем, медики уверяют, что это вредит зрению; это их мнение справедливо, если только читать сверх меры, то есть с излишним напряжением или на слишком сытый желудок.

Принесет также некоторую пользу, если мы поставим в нашей библиотеке, и притом перед глазами, те инструменты, которыми обычно измеряют часы и промежутки времени, чтобы видеть, как само время словно бы течет и ускользает; а также если используем эти места [библиотеки] исключительно для того, для чего они были созданы, не допуская туда никакое иное занятие или посторонние размышления.

Но ко всему, вышесказанному пусть стремятся с большей заботой и рвением те, у кого ум более склонен к наукам, чем тело к войнам. Тем же, у кого и ум развит, и тело крепко, надлежит заботиться о том и другом: сформировать душу и тело так, чтобы душа могла принимать верные решения и приказывать разуму, а тело — мужественно выносить лишения и легко подчиняться душе, и, наконец, так себя готовить в целом, чтобы всегда быть готовыми не к применению наси-

лия, но к отражению несправедливости, а если даже допускается применение силы, то не ради грабежа и алчности, но для борьбы за власть и славу.

Более же всего быть обученными военной науке подобает государям. Ведь именно им надлежит в совершенстве знать искусство мира и войны и уметь предводительствовать войском и самим участвовать в сражении, когда потребует необходимость. <...>

Итак, с самого детства нужно упражнять тело для военной службы, а душу воспитывать выносливой, как это делается с лошадьми, которых выводят на ристалище, чтобы приучить их легко переносить в пыли и поте и жар солнца, и тяготы. Подобное мы видим часто и у деревьев, их нежные веточки выдерживают значительную тяжесть плодов, выросших из первых цветов до надлежащей величины; даже совершенно согнутые этой тяжестью, они тем не менее не обламываются, а если бы вес не нарастал постепенно, то под тяжестью плодов сломались бы даже более прочные ветви.

Так и люди. Если с раннего детства и затем на протяжении всей жизни они не приучатся душой и телом переносить труды, то в случае, когда затем трудности, нависнут над ними, они тотчас же сломятся, не будучи в состоянии сопротивляться. В этом убеждает и авторитет Миноса и Ликурга — великих законодателей, которых прославила древность⁴⁶. Законодатели критян и спартанцев приучали молодежь не только к телесной выносливости, но и к душевному самообладанию. И потому они предписывали юношам, которые должны были воспитываться вне дома, бегать, прыгать, голодать, испытывать жажду, зябнуть, страдать от жары, чтобы натренированных таким способом легко можно было использовать для военной службы. Ведь изнеженность расслабляет души и тела людей, труд же укрепляет и закаляет. И потому только закаленные трудностями могут их переносить, приученные к ним легко приспособливают душу и тело к перенесению опасностей и всяческих затруднений, когда потребует необходимость.

В этом случае я не могу предложить тебе, Убертино, никакого более славного примера ни из древности, ни из нашего времени, чем пример твоего отца⁴⁷. <...>

Хотя он достоин бесчисленных похвал, однако славится он обычно более всего своей выносливостью в перенесении трудностей. И он действительно, как видим, так неутомим в трудах, так отважен в опасностях, что кажется, будто он совсем не обременен телом и не принадлежит к роду смертных. Ибо ведь из презрения к трудностям рождается также презрение к смерти и возрастает отвага, с которой он так бестрепетно противостоит любым трудностям, что заставляет ду-

мать, будто ничего он не боится, кроме, может быть, одного: чтобы не выпало ему на долю умереть стариком, в чем, на мой взгляд, он совершенно прав. Поистине всегда надо добиваться добродетели и устремлять душу к славным деяниям, а о долгой жизни не очень печься. Ведь каждый, кто даст должную оценку земным делам, легко поймет, что плоды долгой жизни менее ценны по сравнению со страстным стремлением к долгой жизни, а несчастья — больше, чем возможность надеяться даже на краткую жизнь.

Итак, честно живущему в мирное время и храбро сражающемуся на войне подобает все прочее переносить с душевным спокойствием, а смерть, когда бы она ни пришла, принимать спокойно и большей частью даже, когда потребуют случай или необходимость, идти ей навстречу. Не того ведь следует опасаться, что мы проживем вдруг мало, но того, чтобы не оказалось, что мы прожили свое время незначительно. Ибо человек в любом возрасте имеет возможность совершить нечто высокое. Сципион, например, позже первым названный, Африканским, едва возмужав, сражался под предводительством отца за родину против карфагенян, и когда Ганнибал разбил римлян у Тицина, он спас своего отца, консула и военачальника, когда тот был тяжело ранен и окружен врагами⁴⁸. Так в этой битве, из которой с трудом удалось бежать даже ветеранам, Сципион совсем юный, спас консула, вождя, гражданина и отца, действуя не менее по велению долга, чем отважно, и снискал щедрую похвалу за общественную и частную заслугу. Также и Эмилий Лепид, мальчиком увлеченный в сражение, в одной и той же схватке убил врага и спас гражданина. В память об этом деянии по постановлению Сената была установлена на Капитолии его статуя⁴⁹, чтобы другие вдохновлялись его примером и чтобы оказать честь творцу столь славного в этом возрасте деяния.

Также и ты [Убертино] — да не будем завистниками твоей славы — будучи по возрасту моложе того и другого [из античных героев], когда был недавно у Брешии в войсках немцев, дерзнул, сражаясь с врагом, продвинуться вперед настолько, насколько не решился этого сделать никто из остальных воинов⁵⁰. Не знаю, будут ли этим твоим поступком больше восхищаться враги или же он больше заставит друзей испытать стыд за их меньшую смелость.

Так, следовательно, с ранних лет надо воспитывать мальчиков, чтобы они могли отважиться на большие дела и переносить трудности. Вспомним, как обстояло дело с мальчиками у спартанцев, ибо именно спартанцев очень хвалят древние за заботу о воспитании детей. Каких мужественных духом людей должен был рождать такой их обычай: в состязании между равными их юношам было свойственно

проявлять обычно такую выносливость, что, поверженные силой или случайно упавшие в борьбе, они соглашались скорее быть убитыми, умереть, чем признать себя побежденными! Что же в этом удивительного? Ведь известно, что перед алтарями их обычно так бичевали, что они всегда теряли много крови и часто даже выпускали дух, однако никто никогда не кричал и не показывал даже малейшего признака страдания. Воспитанные так в мирное время, юноши совершали на войне деяния, которые были прославлены в памяти древних. И что им подобало услышать от вождя или от отцов, когда даже матери вместо ласк увещевали тех, кто выступит против врагов, возвращаться живыми со щитом или мертвыми на щите? Поскольку оставить щит у врага или бросить его в бегстве они считали хуже смерти. И потому юноши заботились об оружии и оберегали его, как если бы это были части тела⁵¹. И не удивительно, если при жизни часто показывались с оружием те, кто считал, что даже со смертью оно будет возвращено в дом как почетное украшение. Но такой обычай и практика ношения оружия ведут к тому, что оружием пользуются равно как членами тела и одеждой и оно не ощущается как обременительное для тела. В самом деле, если бы римские легионы не обучались так путем длительных и постоянных упражнений (ведь от слова "упражнение" — *ab exercendo* — названо и войско — *exercitus*), как могли бы они выступать в походе пешими и двигаться часто быстрым шагом, нести прежде всего оружие, затем шест и все, в чем они нуждались в повседневном пользовании, и сверх того еду на 15 и более дней — бремя, тяжкое и для вьючного скота?

Итак, те, кто должен будет заниматься военным делом или литературой (поскольку эти дисциплины — благороднейшие и наиболее важные из искусств, вследствие чего в высшей степени подобают государям), должны будут приучаться к оружию, лишь только им позволит по возрасту телесное строение, и первым буквам должны быть обучены, как только смогут выговаривать слова. И уже с тех пор они должны вкусить как бы первые плоды тех дел и занятий, которыми будут заниматься всю жизнь, и попробовать в них свои силы. Но они легко смогут попеременно выполнять и то и другое, как только будут иметь определенные часы для телесных упражнений, а равно другие часы отведут книжной науке. И так следует делать не только мальчикам, но и мужам. Утверждают, что этому обычаю следовал император Феодосий⁵²: днем он упражнялся в военном деле или занимался, творя суд, делами подданных, а ночью при светильнике склонялся над книгами. Однако мы, видимо, более чем достаточно сказали о занятиях литературой, скажем об остальном.

Итак, надо использовать те упражнения, которые обеспечат доброе здоровье и сделают телесные члены более крепкими, при этом надо обращать внимание на естественное строение каждого человека. Так, тех, у кого тело нежное и богатое соками, необходимо иссушать и закалять более энергичными упражнениями, других — более легкими, а тем, у кого легко возбуждается кровь, следует избегать жаркого солнца. Но надо принимать во внимание также и возраст и вплоть до возмужания давать детям более легкие нагрузки, чтобы не разрушить нерв возраста и не помешать росту тела. Но, возмужав, они должны закаляться в более суровых испытаниях. И как детей надо обучать больше разуму, так юношей — нравам, а равно у первых надо заботиться о дисциплине, у вторых же — больше о крепком и здоровом теле. А насколько важны для юношей упражнения и как надо заботиться об этом, пример дает Марий⁵³. Будучи уже стариком, обремененным большим телом, как сообщает Плутарх, этот столь прославленный на войне муж в мирное время, чтобы обучить сына военным обязанностям и военным приемам, ежедневно приходил вместе с юношами на военный плац и упражнялся с ними. Благодаря этим мнимым баталиям юноши выступают в настоящие сражения более смелыми и обученными. Ведь если бы не была полезна наука воевать, которой обучают в мирное время и на отдыхе, то выходит, тогда консул П. Рутилий⁵⁴ напрасно и необдуманно первым велел преподавать воинам науку владения оружием; пригласив из города учителей-гладиаторов, он приказал ввести в лагерях упражнения по отражению и нанесению удара, чтобы воин не только полагался на силу и смелость, как это было прежде, но был силен искусством и умением.

Итак, юноши должны быть обучены всему, что относится к военному делу: они должны уметь поразить врага мечом справа, прикрыв себя небольшим щитом слева, научиться держать в той и другой руке меч, палку, копьё, то бросаться на врага, то снова укрываться щитом, уметь без труда поражать, коля и рубя. Следует также упражняться в беге, прыжках, борьбе, кулачном бою, уметь метать как можно дальше копьё, метко стрелять из лука, бросать древко, метать диск, укрощать коней, то, прищпоривая, побуждать их к бегу и пускать в галоп, то, натянув поводья, останавливать посреди бега и, таким образом, быть готовыми к тому, чтобы каждый без труда мог сражаться и на коне, и пешком. Также и столкновение всадников, когда они с поднятым оружием устремляются друг против друга, обычно делает юношей более смелыми и умелыми в битве, поскольку они учатся метко бросать копьё и хладнокровно выдерживать вражескую атаку. <...>

Наконец, юношам необходимо также умение плавать как не чуждое всему вышеназванному. Цезарь Август так старался обучить плаванию своих племянников (а сыновей у него не было), что часто даже сам учил их⁵⁵. Ведь искусство плавания обычно спасает людей от больших опасностей и делает смелее в морских битвах и переправах через реки.

Именно во всех подобных делах, которые относятся к военным занятиям, у тебя, Убертино, есть кому подражать — это твои родные, старшие братья Франческо и Якопо, мужи храбрые и широко известные в военных кругах, наделенные всяческим благородием и самообладанием. Тебе подобает почитать их всегда с полным доверием и преданностью, как ты и делаешь, и так старательно подражать им, чтобы служить примером доблести и защитой в несчастье младшим. Ведь и общество рода человеческого сохранится наилучшим образом, если будут священны права крови и к старшим будет сохраняться уважение, к младшим — человечность, к равным — такт и обходительность.

Но поскольку мы не можем постоянно заниматься делом и иногда надо давать себе какую-то передышку, определим ее меру и способ. Итак, первое и самое главное правило — заниматься не позорными и вредными забавами, но только такими, которые совершенствуют трудолюбие или упражняют телесные силы. А если Сципион и Лелий, а иногда, и Август Сцевола, зять Лелия, предаваясь душевному отдыху, имели обыкновение усердно собирать на берегу моря или в реках камешки и ракушки и это занятие стало для них совершенно необходимым, то прибегали они к нему не иначе, как после выполнения тяжелых трудов или на склоне лет. Однако, пожалуй, похвальнее тот же Сцевола, который, говорят, больше всего любил играть в мяч⁵⁶; утомленный общественными делами и работой по толкованию гражданского права, он для восстановления сил и укрепления тела прибегал к этому наилучшему отдыху. Подобным же видом отдыха является охота, ловля птиц и рыб, доставляющие душе большое наслаждение и укрепляющие движением и трудом телесные силы. Как говорит Гораций, тяжелая работа, выполняемая с увлечением, кажется легкой⁵⁷. А если бы она не выполнялась с удовольствием, кто захотел бы добровольно переносить такой труд и с напряжением выдерживать его? Хотя именно такие занятия, а не отдых, предписывались юношам в законах Ликурга. Если же эти занятия окажутся более тяжелыми и не смогут дать отдыха уставшим от учебы, то им будет разрешено или полностью отдыхать, или немного поскакать верхом, или совершать приятные прогулки; им позволено будет также развлекаться играми друг с другом и скромными прыжками, что было в обычае у спартанцев во

время отдыха, а какую пользу он приносит — указано в жизнеописании Ликурга.

Не будет, однако, неприличным успокаивать душу пением и музыкой. Такой обычай был у пифагорейцев и некогда был весьма распространен среди древних героев; например, Ахилл у Гомера после возвращения из битвы обычно отдыхал, воспевая на лире подвиги храбрых мужей, а не исполняя любовные песни. Так и мы во время отдыха сможем или сами что-то исполнить, или оценить, когда другие исполняют, одобряя те мелодии, которые покажутся более подходящими к нашему времени. Сицилийские мелодии, например, больше способствуют успокоению души и отдыху; галльские, напротив, возбуждают ее и толкают к действию; италийские же среди них занимают середину. Равным образом и мелодия, производимая игрой на струнных или пением, более подобает приличиям; музыка же, рожденная духовными инструментами, менее подходит благородным душам. Может показаться, что танцевать под музыку и водить хороводы с женщинами — удовольствия, недостойные мужа, однако и в этих вещах есть какая-то польза, поскольку они упражняют тело и придают большую ловкость членам, лишь бы не сделали они юношей распущенными и не испортили их добрые нравы излишним легкомыслием.

С *tabulae ludus* дело обстоит по-другому, так как эта игра является подобием битвы, поединка противников⁵⁸. Изобрел ее, как сообщают древние авторы, в Троянской войне Паламед, чтобы занимать воинов и отвлекать отдыхающее войско от мятежей. Игра в кости, напротив, проистекает или из неблагородной страсти, или из неподобающей мужу слабости. Те, кто играет из-за выгоды, могли бы успешнее заняться делами, приносящими большую прибыль, а тот, кто гонится в этой игре за удовольствиями, ленив настолько, что не может найти ничего другого, чем можно развлечься пристойно. Итак, следует отбирать те игры, которые требуют какого-то искусства или, точнее говоря, в которых искусство преобладает, азарт же — менее всего. Конечно, кто-нибудь может вообразить, что искусство присутствует во всем том, что обсуждается в книгах, и, побуждаемый величием автора, не сочтет для себя недостойным делать то, о чем автор посчитал достойным написать. Ведь написал же император Клавдий книгу об игре в кости⁵⁹, каковой игрой обычно наслаждаются те, кто только в этом одном и усерден, так что спускают все состояние или растрачивают на это всю жизнь.

Тем же, кому приносит наслаждение занятие литературой, дает отраду разнообразие в чтении и чтение нового устраняет пресыщение старым. Впрочем, есть, видимо, и потребность вообще ничего не де-

лать, оставаясь свободным от всякой работы с тем, чтобы в дальнейшем, отдохнув, быть способным к деятельности и труду. Струна, всегда туго натянутая, обычно разрывается, если иногда ее не ослаблять. Однако для мудреца никакое время не является более деятельным, чем то, когда он ничего не делает, если только может мудрец ничего не делать. Некоторые, как мы узнали, распределяют время таким образом, чтобы в течение суток 1/3 выделить сну, 1/3 — еде и отдыху, остальное время — свободным наукам. Их систему я не осмеливаюсь в достаточной степени осудить, не могу ее и всецело одобрить. Могу и осмеливаюсь утверждать одно: тем меньше времени у нас ускользает в жизни и тем более долгой будет наша жизнь, чем больше времени мы посвятим добрым наукам.

Наконец, коснемся теперь вопроса об уходе за телом. Забота о теле должна быть подобающей, не излишне тщательной, но и не находящейся в полном пренебрежении, а равно в соответствии с обстоятельствами, местом и временем и более всего — с положением каждого. Так, не подобает сидеть на занятиях увенчанным или в короткой одежде, как не подобает идти в военное сражение в ниспадающей одежде с длинными рукавами. Сыну же государя не следует показываться одетым наравне с плебеем в дешевую и убогую тунику или поношенный плащ. С другой стороны, излишняя тщательность и забота об изяществе указывает на изнеженную душу и служит доказательством большого легкомыслия. Однако к юношам надо быть снисходительным и не наказывать их сурово за все их прегрешения. Ведь если юношей, как-то не удовлетворить в их слабостях, присущих их возрасту, то пороки их возраста пойдут за ними до старости...

Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сб. текстов / Под ред. С.М. Стама. Саратов, 1988. Ч. II. С. 71—106. Пер. Н.В. Ревякиной.

КОММЕНТАРИИ

¹ Франциск I Старший — дед Убертино да Каррара Франческо I да Каррара Старший, правитель Падуи в 1355—1388 гг.

² Цицерон. О старости. III, 8; Плутарх. Фемистокл. XVIII, 5.

³ В правлении Убертино предшествовали: Джакомо (Яков), Франческо I Старший, Якопино, Якопо II, Марсильетто, Франческо Новелло.

⁴ Слово *ingenium* переводится нами по-разному в зависимости от контекста: в первой части трактата речь идет о природных свойствах, натуре, характере, нраве; позже этим словом Верджерио обозначает природные качества ума, умственные способности.

⁵ Цицерон. Об обязанностях. I, 5, 15.

⁶ Аристотель. О душе. II, 9, 26.

7 Верджерио имеет в виду искусство физиогномики, основанное на представлении о связи и взаимовлиянии души и тела и об отражении на лице душевных качеств. В эпоху Возрождения получил широкое распространение трактат "Физиогномика", который приписывали Аристотелю (большие фрагменты из трактата и его оценку см.: Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975. С. 329—354).

8 *Плутарх*. Пиршественные беседы. 25.

9 *Саллюстий*. Югуртинская война. 4.

10 *Светоний*. Жизнь двенадцати Цезарей. Юлий Цезарь. 7.

11 В дальнейших рассуждениях о возрастной психологии юношей Верджерио испытывает влияние "Риторики" Аристотеля, где во второй книге, излагающей учение о страстях и нравах, содержится описание нравов людей, находящихся в разных возрастных периодах (юность, старость, зрелый возраст) и имеющих разное общественное положение. Верджерио интересуют особенности возрастной психологии юношей, которые определяются у него особенностями их физиологии и недостаточным жизненным опытом. До Верджерио эти материалы "Риторики" использовались средневековым ученым Эгидием Римским (1246/47—1316) в трактате "De regimine principum", получившем широкое распространение. Не исключено, что Верджерио мог использовать и Эгидия, у которого все эти вопросы изложены пространнее.

12 *Гораций*. Поэтическое искусство. 163.

13 Первое послание к Коринфянам; 15, 33.

14 *Теренций*. Девушка с Андроса. I, 1.

15 В отличие от других гуманистов, писавших после него на темы воспитания (например, Веджо, Альберти, Пикколомини) и имевших в виду домашнее воспитание или частную школу, Верджерио, возможно, не без влияния Аристотеля, проводит мысль об общественном воспитании, считая его полезным для государства и благом для самих юношей.

16 Так как наш перевод сделан по весьма несовершенному изданию трактата Верджерио начала XVII в., то в отдельных случаях мы пользуемся итальянским переводом Э. Гарэна, который выполнен по современному изданию, недоступному нам. Так, конец фразы о специфике возраста дан по этому переводу. Перевод текста, использованного нами, выглядел бы иначе: "...старость истощают жадность и алчность не потому, что у всех есть богатства, но оттого..."

17 Возможно, использован Плутарх. Жизнь Ликурга.

18 *Валерий Максим*. О достопамятных речах и делах. II, 1, 9.

19 *Вергилий*. Георгики. III, 165.

20 *Цицерон*. О старости. VIII, 26.

21 Очевидно, в зависимости от обстоятельств.

22 *Аристотель*. Проблемы. XXX, 1.

23 Верджерио, по всей видимости, был первым среди итальянских гуманистов, кто выдвинул требование различных методов педагогического воздействия на учеников в зависимости от их характеров. У последующих педагогов-гуманистов, прежде всего у Веджо, эти представления получают дальнейшее развитие.

24 Этот вопрос был поставлен еще в трактате Псевдо-Плутарха "О воспитании детей", влияние которого на Верджерио несомненно. Однако решение вопроса различно. Псевдо-Плутарх писал: "Но кто, испытывая нужду, будет не в состоянии воспользоваться моими наставлениями, те пусть вникнут в эту нужду, а не того, кто хочет помочь им советом. Однако бедные также должны, по силе возможности, стараться давать своим детям наилучшее воспитание, если же это не удастся, то следует пользоваться возможным" (цит. по кн.: Жураковский Г.Е. Очерки по истории античной педагогики. М., 1963. С. 431). Верджерио же

решает вопрос по-иному, в духе гуманизма, возлагая надежды на самого человека, который способен преодолеть все препятствия.

²⁵ Вергилий. Энеида. VI, 129—131.

²⁶ Образ Геракла был очень популярен в обществе эпохи Возрождения, возвысившей человека и уверовавшей в его героические возможности. Салютати даже пишет трактат "О подвигах Геракла", где дает толкование мифов о Геракле, подчеркивая его моральный героизм, обретающий у Салютати общественную значимость. Верджерно, в связи с педагогическими задачами трактата, воспроизводит сюжет о Геракле Продика Кеосского, известного софиста V в. до н.э., чье сочинение на эту тему излагает в своих "Меморабиях" Ксенофонт (II, I, 21—34).

²⁷ Валерий Лициниан Лициний — римский император (308—324).

²⁸ Платон. Государство. V, 473 с.

²⁹ Яков Каррара Младший — правитель Падуи (1345—1350), покровительствовал Петрарке, который в 1348 г. прибыл по его приглашению в Падую, где оставался до смерти Каррары; Петрарка пишет о нем с похвалой в "Письме к потомкам".

³⁰ Верджерно развивает мысли Петрарки о книгах и передаче культурных традиций, высказанные, в частности, в трактате "Об уединенной жизни".

³¹ Видимо, Верджерно имеет в виду преподавание греческого языка, начатое во Флоренции греком Мануилом Хризолором, приглашенным с этой целью в город. У Хризолора обучались Леонардо Бруни, Палла Строцци, Поджо Браччолини, сам Верджерно и др.

³² Моральная философия, история, риторика, выделяемые Верджерно в качестве воспитывающих дисциплин, формирующих человека как члена общества (недаром он называет их в целом гражданской наукой), составляют основу гуманистической системы образования *studia humanitatis*; к ним часто добавляют еще поэзию.

³³ Аристотель. Политика. VII, 2, 2—3, 6.

³⁴ Его же. VIII, 3, 2.

³⁵ Следует отметить отношение Верджерно к грамматике и диалектике ("учению о ведении спора") как к инструментальным дисциплинам, дающим возможность овладеть другими науками; никаких претензий схоластической диалектики на первенство среди других дисциплин он не признает.

³⁶ Красноречие как ораторское искусство в средние века, по существу, утратило свое значение, риторика преподавалась в школах как наука составления писем. Верджерно говорит далее о трех "родах" красноречия, которые выделяли античные теоретики: торжественное, совещательное (политическое), судебное.

³⁷ Верджерно употребляет здесь слово "диалектика" в одном из средневековых пониманий — как искусство ведения спора.

³⁸ Верджерно, высоко ценя поэзию, еще не подчеркивает ее воспитательной роли; позже, в сочинениях Бруни, Веджо, Пикколомини и др., будет всячески обосновываться ее воспитательная задача и роль как одной из главных дисциплин.

³⁹ Признание воспитательного значения музыки отличает программу Верджерно от программ средневековой школы, где музыка преподавалась как теоретическая дисциплина квадривия либо сугубо практически — как церковное пение.

⁴⁰ Высокая оценка естествознания характеризует Верджерно как питомца Падуанского университета, где эта область знания всегда особо ценилась.

⁴¹ Аристотель. О душе. X. Аристотель говорит об уме созерцающем и уме размышляющем о цели, т.е. направленном на деятельность.

⁴² Аристотель. Политика. VIII, 2, 2.

⁴³ Тимофей — музыкант из Милета IV в. до н.э.

44 *Цицерон*. О старости. XI, 38.

45 *Плутарх*. Александр. 8, 2. Светоний. Юлий Цезарь. 56; его же. Октавиан. 84.

46 Минос — легендарный царь Кносса на Крите; традиции приписывают ему введение законодательства, создание могущественной морской державы; мифы о Минносе относят к истории Крита XVII—XV вв. до н.э.; Ликург — древнейший законодатель Спарты, его деятельность относят к IX—VIII вв. до н.э.; традицией ему приписывается создание почти всех институтов спартанского общества, в частности с ним связывают спартанскую систему воспитания детей (см.: *Плутарх*. Жизнь Ликурга).

47 Верджерио говорит о Франческо Новелло — правителе Падуи в 1390—1405 гг.

48 Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235—183 до н.э.) — римский политический и военный деятель, консул 205 и 194 гг.; между 211 и 207 гг. отвоевал всю Испанию у карфагенян; в 202 г. разбил Ганнибала в Африке, при Заме, чем завершил Вторую Пуническую войну, после чего и был удостоен титула "Африканский". Битва, о которой пишет Верджерио, произошла на берегах р. Тицина (соврем. — Тичино) в Северной Италии в 218 г., когда Сципиону было 17 лет.

49 По-видимому, речь идет о Марке Эмилии Лепиде (ум. в 152 до н.э.), консуле 187 и 175 гг., который отличился в войне против Антиоха Сирийского и проложил Эмилиеву дорогу.

50 Верджерио говорит о битве под Брешией 24 октября 1401 г., где Каррара выступали на стороне императора.

51 *Плутарх*. Жизнь Ликурга.

52 Видимо, восточноримский император Феодосий II (408—450), создавший высшую школу в Константинополе (425) и издавший свод римских законов — так называемый кодекс Феодосия (438).

53 Гай Марий (ок. 157—86 до н.э.) — римский политический деятель, полководец, семь раз избиравшийся консулом; победитель Югурты, кимров и тевтонов (см.: *Плутарх*. Марий. 425).

54 Публий Рутилий Руф — консул 105 г. до н.э., оратор, юрист; по воззрениям — стоик (см.: Валерий Максим. О достопамятных речах и делах. II, 3, 2).

55 *Светоний*. Октавиан. 64. Октавиан Август — римский император (30 до н.э.—14 н.э.).

56 Публий Корнелий Эмилиан Сципион Африканский Младший (185—129 до н.э.) — консул 147 г.; во время Третьей Пунической войны в 146 г. взял приступом и разрушил Карфаген; участник диалога Цицерона "О государстве"; Гай Лелий (за свое увлечение философией прозванный Мудрым) — консул 140 г. участник Третьей Пунической войны, друг Сципиона, юрист; его зять Квинт Муций Сцевола (Авгур) — трибун 123 г., консул 117 г., юрист. Оба — участники диалога Цицерона "О государстве" (см.: Валерий Максим. О достопамятных речах и делах. XIII, 8, 1—2).

57 *Гораций*. Сатиры. II, 2, 12.

58 Э. Гарэн переводит это выражение как "стрельба по мишени".

59 *Светоний*. Жизнь двенадцати Цезарей. Клавдий. 33.

ЛЕОНАРДО БРУНИ АРЕТИНО

Леонардо Бруни Аретино (1370(74)—1444) был одним из наиболее значительных гуманистов первой половины XV в. Он родился в Ареццо и происходил из бедной семьи. Учился во Флоренции; в его духовном формировании огромную роль сыграл канцлер Флоренции и признанный глава гуманистов того времени Колуччо Салю-

тати, учеником которого Бруни себя называл. Когда во Флорентийском университете начал преподавать греческий язык приглашенный по инициативе Салютати ученый из Византии Мануил Хризолор, Бруни оказался в числе его наиболее усердных слушателей. Овладев греческим языком, Бруни много занимался переводами, он переводил Платона (диалоги и часть "Пира"), Аристотеля ("Никомахову этику", "Политику"), Плутарха, Демосфена, Эсхина и др. Благодаря этой деятельности Бруни богатейшее наследие древнегреческой культуры становилось в латинских переводах достоянием более широких кругов образованных людей.

Круг занятий Бруни был многообразен, гуманист был не только переводчиком, но и историком, политическим мыслителем, писал на моральные и педагогические темы. С 1405 по 1415 г. (с перерывами) он служил секретарем в папской курии; вернувшись во Флоренцию, активно участвовал в политической жизни республики, был ее канцлером с 1427 г. до самой смерти. В своих историко-политических работах он выступал защитником флорентийской республики. Его "Двенадцать книг историй флорентийского народа" (1439) почитались за самое значительное его сочинение, эта работа была переведена на итальянский язык, и список ее во время торжественных похорон Бруни был положен на грудь покойному. Сочинение Бруни положило начало гуманистической историографии Возрождения. Своим "Введением в науку о морали" (1421—1424) и предисловиями к переводам этико-политических работ древности Бруни способствовал разработке этических проблем, волновавших общество. Он защищал деятельную жизнь, идеи общего блага и гражданского служения, подчеркивал общественную ценность интеллектуального труда. Он был одним из самых ярких представителей гражданского гуманизма.

Бруни интересовался вопросами гуманистического образования и воспитания, подчеркивал важную роль в воспитании "гуманистических наук", которые формируют нравственного человека, совершенствуют и украшают его. Его публикуемый ниже трактат "О научных и литературных занятиях" (между 1422 и 1429 гг.) излагает принципы гуманистического образования, и в частности женского образования. Он посвящен жене правителя Римини Галеаццо Малатесты — Баттисте Малатесте, которая принадлежала к кругу образованных женщин своего времени, таких как Чечилия Гонзага, Ипполита Сфорца и др. Гуманистическое образование заключается, по мнению Бруни, в сочетании конкретных знаний, которые дает моральная философия, история, ораторское искусство, поэзия и др., с хорошим владением литературным языком, предполагающим не только знание грамматики, но и умение красиво и изящно писать и говорить.

Н.В. Ревякина

О НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ЗАНЯТИЯХ

Многократно побужденный молвой о твоих достойных восхищения добродетелях, я решил писать тебе, чтобы ты, о ком я слышал столь великолепные и благородные вещи, поздравить с совершенством благодаря достигнутому или, по крайней мере, своим письмом побудить к достижению его. В самом деле, у меня достаточно примеров знаменитейших женщин¹, прославившихся в литературе, науках и красноречии, упоминая о которых, я мог бы побудить тебя к превосходству. Так, спустя много веков после смерти Корнелии, дочери Сципиона Африканского, сохранились ее письма, написанные изящнейшим стилем. В высшем почете считались у греков поэтические сочинения Сафо благодаря замечательному дару слова и искусству сочинять. Во времена Сократа жила образованнейшая женщина Аспазия, замечательная своим красноречием и ученостью, у которой, да не будет стыдным это признать, многому научился Сократ. Были и другие, о которых я мог бы рассказать, но пусть будет достаточно и этих трех примеров известнейших женщин. Возвысь же и устреми мысль, прошу, к их превосходству! Ведь не напрасно и не для того, чтобы довольствоваться малым, даны тебе такое понимание и столь замечательный ум, но чтобы стремиться к высшему, напрягая все силы. И слава твоя будет блистательнее, чем у тех женщин, потому что они процветали в века, когда жило столь великое множество образованных людей, что само множество умаляло восхищение; ты же будешь процветать в наши времена, когда до такой степени пришли в упадок науки, что теперь считается чудом увидеть образованного мужчину, не говоря уж о женщине.

Под образованием же я понимаю не то обычное и бессистемное, которое получают занимающиеся теологией, а настоящее и свободное, соединяющее умение владеть языком с фактическим знанием; такое образование получили Лактанций Фирмиан, Аврелий Августин, Иероним — поистине великие теологи и мужи, преуспевшие в языке. Тем же, кто нынче занимается теологией, должно быть стыдно за то, сколь мало они владеют языком. Но, пожалуй, я вошел не в ту дверь, в которую хотел войти. Пусть наконец последует беседа, в которой я не намерен учить или направлять тебя (ибо, думаю, ты в этом не нуждаешься), но благодаря которой тебе стало бы известно, что сам я думаю. Человеку, стремящемуся достигнуть того превосходства, к которому я теперь призываю, на мой взгляд, необходимо прежде всего умение владеть языком, и притом не малое и обычное, а значительное, приобретенное упражнениями, обстоятельное и глубокое; без

этого фундамента никто не сможет построить для себя ничего славного и высокого. Ведь несведущий в языке не поймет с достаточной ясностью писаний ученых людей, а написав что-то сам, покажется смешным. Для получения знаний в языке важны как правила, так в гораздо большей степени наши собственные усердие и забота. О правилах едва ли нужно что-то говорить. Кто не знает, что для того, чтобы познать части речи и их строение, а также и более мелкие детали и словно бы первоосновы языка, ум должен быть воспитан и обучен трудом наставника? В детстве мы усваиваем эти вещи словно во сне; позже, в более зрелом возрасте, не знаю, каким образом, снова это же самое имеем на устах и как бы пережевываем, чтобы только теперь выжать их сок и почувствовать истинный вкус. Есть другой вид правил, более строгий и полезный скорее юношам, чем детям; это правила грамматиков, которые, долго и усердно изучая отдельные детали, создали науку о языке. Из них можно назвать Сервия Гонората и Прициана из Кесарии. Но все, поверь мне, превосходит и побеждает наше собственное усердие. Ведь оно открывает и показывает нам не только слова и слоги, но и тропы и всю красоту и изящество речи. Оно нас обучает и словно бы наставляет, и именно благодаря ему мы познаем многое из того, чему едва могли бы научиться у наставника: звук, изящество, гармонию, красоту. Главное же в этом усердии — забота о том, чтобы отбирать для чтения только книги, написанные лучшими и опытнейшими в латинском языке авторами, и беречь себя, словно от какой-то беды и недуга для нашего ума, от книг, написанных неумело и не изящно. Чтение произведений без нужной разборчивости накладывает свои пороки на читающего и заражает его ум, подобно недугам. Ведь чтение — это словно духовная пища, которая поит и кормит ум. Поэтому как тот, кто, заботясь о желудке, поглощает не всякую пищу, так и тот, кто хочет сохранить здоровой душу, не позволит себе любое чтение. Итак, первая наша задача — позаботиться о том, чтобы читать только лучшее и достойное одобрения. Вторая же задача заключается в том, чтобы это лучшее и достойное одобрения усваивать путем серьезного размышления. Читающий пусть смотрит, что на какое место поставлено, что означают отдельные части и каков их смысл; пусть он исследует не только главное, но и второстепенное, зная из школы, какие существуют части речи и что представляет каждая.

Навык и опыт в языке читающий, несомненно, приобретет у тех авторов, которых прочитал. В таком случае женщина, желающая сохранить неиспорченный язык, будет наслаждаться чтением священных книг. Она возьмет Августина, Иеронима или подобных им, например

Амвросия и Киприана Карфагенского. Однако среди всех писавших когда-либо о христианской религии более всего возвышается и славится красотой стиля и ученостью Лактанций Фирмиан, несомненно, самый красноречивый из всех христиан; красота и образованность его речи могут превосходно воспитать и обучить такой ум, о котором я говорю. Из его книг я более всего одобряю те, которые он написал против ложной религии, а также "О гневе божьем" и "О создании человека". Прочитай их, прошу, если любишь литературу, и сладостью их, словно амброзией и нектаром, напоишься! Полагаю, что, кроме того, ты должна читать и то, что переведено из греческих отцов — Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Василия Великого, выбирая те переводы на латинский язык, которые сделаны без извращений. Наслаждаясь светскими писателями, кто не возьмет книг Туллия Цицерона, какого мужа, о бессмертный бог! Каким красноречием он обладает! Какой красотой! Сколь совершенен в языке! Сколь беспремерен в различных похвалах! Ближайший к нему — Вергилий, гордость и услада нашего языка. Затем идут Ливий и Саллюстий и другие поэты и писатели, следующие в своем порядке.

Ими себя каждый в высшей степени напоит и накормит, тщательно позаботясь о том, чтобы в любом разговоре или на письме не употреблять ни одного слова, которое он прежде не отыщет у кого-либо из этих писателей. Полезным будет иногда также и чтение вслух. Ведь не только в стихе, но и в прозаической речи есть ритмы и словно бы созвучия, измеряемые и познаваемые слухом, некоторые модуляции и ступени, когда голос то понижается, то повышается; соединения, периоды и части периода, связанные между собой удивительной гармонией, которая более всего обнаруживает себя именно у лучшего писателя. Читающий вслух отчетливее заметит все это и как бы наполнит уши некоей гармонией, которую после этого почувствует на письме и будет подражать ей. Помимо этого, такое чтение приведет к тому, что читающий научится своевременно произносить слова и не будет спешить, когда надо остановиться, и не остановится, когда надо поспешить.

Желаю вдобавок, чтобы женщина была опытна в письме, говорю не о движении пальцев (впрочем, и это хвалю, если у кого есть этот навык, но не об этом теперь), а о буквах и слогах. Итак, пусть она знает, каким образом следует писать что бы то ни было, какова природа букв и переход их в другие, какие буквы могут связываться между собой и какие не могут никогда переходить в ближайшие. Ведь это дело, хотя оно и незначительное, служит серьезным доказательством знания нашей дисциплины, вскрывая явное невежество.

Надлежит также выучить и знать, какой величины может быть каждый из слогов: долгим, кратким и каким из двух². <...>

Возможно, многим моя забота покажется слишком тщательной. Но пусть они вспомнят, что я говорю о человеке большого ума, обещающем достигнуть всех вершин. Поэтому люди, довольствующиеся малым, пожалуй, будут двигаться медленно или, вернее, ползти, как могут. Высшего, без сомнения, не достигнет тот, кто не будет способен пользоваться этими знаниями и хорошо знать науку. И, наконец, мое мнение о языке таково: человек не должен не знать того, что обычно необходимо; пусть он стремится, помимо этого, к блеску, красоте и изысканности речи; и пусть в любом виде сочинительства перед человеком налицо будут изящество, красота и, как я бы сказал, самое богатейшее очарование, которые он извлечет и выведет, когда будет нужно, в свет. Так как мы сказали, что настоящее образование заключается в умении владеть языком и в знании фактов, а о языке то, что хотелось нам сказать, мы уже сказали, остается теперь добавить то, что относится к фактическому знанию.

Итак, я желаю, чтобы этому уму, поскольку он обещает мне достигнуть всех вершин, была свойственна пылкая страсть к познанию, так чтобы никакой род дисциплин он не отвергал, не посчитал чуждым для себя, будучи охвачен и воспламенен удивительным желанием понять и познать вещи. И этот ум, пылкий сам по себе и стремительный, я то пришпорю и поощрю своим возгласом, то натяну ему удила и словно бы протрублю отступление. В самом деле, есть некоторые дисциплины, в которых как быть полностью невежественным мало пристойно, так и подниматься к их вершинам не принесет славы, например геометрия и арифметика, и если бы он начал на них тратить много времени и исследовать все тонкости и неясности, я бы отклонил его и прервал. То же самое я сделал бы в отношении астрологии и, возможно, риторики. Об этой последней я сказал вопреки желанию, поскольку если кто-либо из современников и испытал ее влияние, то открыто заявляю, что я из их числа. Но я должен принять во внимание многие вещи, и прежде всего следует посмотреть, кому я пишу. Действительно, зачем всевозможные тонкости, забота об эпихейремах, криноменах³ и тысячи других трудностей в этом искусстве будут отнимать время у женщины, которая никогда не будет выступать в суде? Право же, искусное исполнение, которое греки называли *hypocrisis*, а наши "произнесением" и чему Демосфен (по важности его в красноречии) выделил первое, второе и третье места⁴, необходимо оратору, но совсем не должно занимать женщину, которая, если говоря, будет размахивать руками и издавать громкие вопли, покажется безумной и

нуждающейся в усмирении; как войны и битвы, так и судебные споры и состязания — занятия мужей. Итак, женщина не будет учиться выступать ни в защиту свидетелей, ни против них, ни за наказания, ни против них, ни за осуждение, ни против него; она не будет постоянно занимать себя общими положениями, обдумывать двусмысленные вопросы и хитроумные ответы; она вообще оставит все тяготы суда мужам⁵.

Когда же я пришпорю, когда погоню бегущего? Когда он посвятит себя тому, что относится к религии или к науке благой жизни, тогда пусть он, заклиная, расточит себя, тогда пусть душу вложит, занимаясь усердно день и ночь. О каждой из этих областей в отдельности желательно кое-что сказать.

Итак, прежде всего женщина-христианка пусть стремится приобрести знание священных книг. Почему я посоветовал бы ей начать с этого? С помощью священных книг она многое сможет исследовать и обсудить, многое познать в себе. Но среди их авторов пусть она предпочтет старых писателей, из современных же уважает и почитает только добрых мужей и не слишком касается писаний прочих. Какой толк в том, что образованная женщина знает последних и ничего не может сказать об Августине, тем более что он пишет искусным и достойным ушей языком, а эти не дают ничего! Почему же нужно читать их? Я не считаю, что женщина должна довольствоваться священными книгами, и поведу ее к светским знаниям. Пусть она познакомится с тем, что говорили выдающиеся философы о добродетельной жизни, об умеренности, о воздержании, о скромности, справедливости, храбрости, щедрости. Пусть не проходит она и мимо таких рассуждений их о блаженной жизни, как: достаточна ли добродетель сама по себе для блаженной жизни? Не препятствуют ли ей страдания, темницы, изгнание, бедность? И если все это выпадает на долю счастливого человека, становится ли он несчастным, или это только мешает его счастью, не ввергая, однако, в несчастье? Кроме того, заключается ли человеческое счастье в наслаждении и отсутствии страдания, как думал Эпикур, в чести, как у Зенона, или в добродетельной жизни, как у Аристотеля? Все эти вопросы, поверь мне, славны и весьма достойны нашего познания. И их обсуждение принесет только пользу при выборе жизненного пути и придаст любой речи, устной или письменной, некую восхитительную красоту.

Таким образом, женщине были предложены как главные две области знания, одна из которых относится к религии, другая — к добродетельной жизни. Прочие же знания составляют то, что может этим двум областям помочь и придать красоту. Вообще же то удивительное превосходство человека, которое украшает известное имя истинной

славой, состоит в том, чтобы, много читая и изучая, повсюду собирать и накапливать, всячески выведывать и исследовать все то, что принесет нам пользу в наших занятиях. Но пусть при этом соблюдается тщательный отбор и осмотрительное расходование времени, чтобы всегда предпочесть лучшее и более подобающее.

К знаниям, названным мною выше, надо прежде всего добавить историю, предмет, которым никоим образом не должны пренебрегать обучающиеся. Ибо достойное дело узнавать как о происхождении и развитии своего народа, так и о военных и мирных деяниях свободных народов и великих государей. Знание прошлого дает благоразумные советы, исход подобных начинаний в прошлом побуждает нас в зависимости от обстоятельства к действию или отклоняет от него. Кроме того, откуда, как не из истории, удобнее всего брать многочисленные примеры, которыми часто следует украшать сказанное нами? В этой области знания есть поистине выдающиеся, превосходные и исполненные блеска и красоты писатели, которых ценно читать и ради литературной пользы: я говорю о Ливии, Саллюстии, Таците, Курции и прежде всего о Цезаре, излагающем свои деяния в "Комментариях" с большой легкостью и изяществом. Женщина, подающая большие надежды, прочитает их и начнет осваивать для себя, тем более что изучать их не представляет труда. Действительно, в них не нужно ни отыскивать тонкостей, ни распутывать трудные вопросы, ибо вся история заключается в повествовании о самых простых событиях. И если однажды ею займется человек такого ума, о котором я рассуждаю, память его будет связана с ней навечно. Посоветую женщине не пренебрегать и чтением ораторов. Ведь кто более пылко возвеличивает добродетели и более сурово обличает пороки? У ораторов мы научимся восхвалять благодеяния и проклинать злодеяния, утешать, убеждать, волновать, устрашать. Хотя все это делают и философы, однако (не знаю, каким образом) именно во власти ораторов вызывать гнев и милосердие, возбуждать и подавлять душу. Далее, особыми орудиями ораторов являются словесные украшения и мысли, освещающие речь, словно звездное сияние, и делающие ее восхитительной; их мы позаимствуем у ораторов для письма и разговора и обратим в свою пользу, когда потребует дело. Наконец, возьмем у них словесное богатство, силу высказывания и в качестве оружия, так сказать, всю жизненную силу и мощь их речи.

Считаю, что, помимо этого, женщина должна читать и понимать поэтов. Кто из великих мужей был несведущим в знании их? Аристотель, во всяком случае, очень часто использует стихи Гомера, Гесиода, Пиндара, Еврипида и других поэтов, он хранит их все в памяти и

очень легко приводит; это свидетельствует о том, что он был образован в поэзии не менее, чем в философии. И Платон часто использует поэтов, они встречаются у него повсюду, предлагая свои услуги без принуждения. Их авторитетом он часто подкрепляет свое мнение. Я сказал о греках. А что же наши? Разве кажется мало знающим поэтов Цицерон? Не довольствуясь Эннием, Пакувием, Акцием и прочими нашими, он приводил вдобавок стихи греков, иногда поэзия бьет у него ключом. Оставляю Августина, Иеронима, Лактанция, Боэция, о большом знании которыми поэтов свидетельствуют их сочинения. По моему мнению, кто не узнал поэзии, тот в известной мере несовершенно в знании языка. У поэтов находят многое весьма удачно и мудро сказанное о жизни и нравах, основы и причины природных явлений и словно зерна всех наук; они имеют большой авторитет благодаря своим мудрым суждениям о древности, исключительную славу благодаря красоте и некое благородство, достойное свободных людей, так что кажется совершенно грубым тот, у кого его нет. Чего недостает Гомеру, чтобы он мог считаться мудрейшим в любой мудрости? Вся его поэзия, как считают некоторые, является наукой жизни, разделенной на мирное и военное время. <...>

Сколь высоко должна цениться мудрость нашего Марона, исходящая словно из какого-то оракула и святилища природы! <...>

Действительно, мудрейшие из древних считали, что поэтам присущ божественный ум, и называли поэтов пророками, потому что те говорили не столько от себя, сколько под влиянием какого-то душевного возбуждения и божественного наития. <...>

Некоторые отрицают, что поэтов следует читать, говоря по правде, как род божественной литературы. Однако так считают обычно только те, кто сам не обучен никакой более изящной науке и не понимает и не ценит превосходства литературы. Мне же, размышляющему о наших занятиях, обычно кажется первейшей необходимостью знать поэтов, как по причине их полезности, о которой я говорил выше, и разнообразных сведений о многих вещах, так и из-за необыкновенной красоты языка. Кроме того, нет ни одного занятия, которое отнимало бы у нас меньше времени, чем стихи; ведь они узнаются в детстве, когда обычно мы не можем быть заняты чем-либо другим; благодаря плавной гармонии они хорошо запоминаются, путешествуют вместе с нами и даже без книг приходят на память, так что делающий что-то другое одновременно будет занят и ими. О том, сколько соответствия есть у поэзии с самой природой, свидетельствует, как я полагаю, то, что повсюду необразованные люди, как бы ни были они несведущи в литературе и науке, находясь в здравом уме, наслаждаются, воспроиз-

вода грубо, как умеют, некоторые звуки и ритмы. И если даже они смогли бы то же самое сказать лучше в прозе, они считают, однако, что добьются чего-то достойного для слуха, только заключив слова в стихотворный размер и ритм. Об этом говорит и следующее: во время торжественных месс в храмах, хотя они и совершаются со всем усердием, наша душа порой остается безучастной и сонной, но если между тем хор запоет поэтическое "Primo dierum omnium", или "Iste confessor", или "Ut queant resonare fibris", разве тот, чья мысль дотоле была прикована к земле, не пробудится и не вознесется душой? На основании подобных наблюдений некоторые из древних полагали, что в нашей душе есть гармония и ритм⁶; ведь несомненно, что по природе все радуется более всего подобному и родственному, но нет ничего, что так ласкало бы нашу душу и чему бы она столь радовалась, кроме гармонии и ритма. Однако этот вопрос уже выходит за пределы моей задачи. Я же только хочу, чтобы было понятно, что сама природа ведет нас больше к поэзии, чем к другому роду литературы; в поэзии заключено много пользы, наслаждения и благородства, и кто лишен этого, не должен считаться образованным в такой степени, в какой подобает свободнорожденному человеку.

Сознаю, что в этой части я был многословнее, чем обещал вначале. Однако, когда начинаешь писать, так много приходит на ум, что становится труднее отвергнуть то, что само себя предлагает, чем найти то, что желал бы сказать. Кроме того, я сделал это сознательно, так как знаю, что глава вашей семьи⁷, муж, рожденный для всего высокого и отличающийся многими замечательными добродетелями, но такой непримиримый в споре, что всегда намерен защищать то, что сказал однажды, будет противиться, если, возможно, услышит об этом. И раз он когда-то отверг необходимость чтения поэтов, то вплоть до смерти будет следовать этой ошибке. Однако я не желаю, и тем более в книге, спорить с ним, к кому даже в его отсутствие испытываю благоговейное чувство. Но я охотно спросил бы одного из тех, кто преследует поэтов, о том, по какой причине считают, что их не следует читать. Хотя нет ровно ничего, что можно было бы поставить в вину поэтам, они скажут, однако, что поэты описывают страсти и греховные деяния. Но я осмелюсь все-таки утверждать, что ни у одного из писателей не найти стольких примеров целомудрия и добрых дел, как у поэтов, известны верность и чистота Пенелопы по отношению к Улиссу⁸, необыкновенное целомудрие Алкестиды по отношению к Адмету⁹, восхитительное постоянство той и другой в период отсутствия мужей и их бедствий. У поэтов встречается множество подобных примеров, и среди них больше всего свидетельств супружеской пре-

данности. А если поэты пишут о любви, например, Феба и Дафны, Вулкана и Венеры¹⁰, кто туп до такой степени, чтобы не понять, что эти вещи вымышлены и что под покровом одного скрыто другое! Наконец, предосудительного у поэтов очень немного, лучшее же весьма многочисленно и в высшей степени достойно познания, как я показал выше относительно Гомера и Вергилия. Но крайне несправедливо забывать о том, что достойно истинной похвалы, и вспоминать о другом, дающем какой-нибудь повод для нападок. "Я не хочу, чтобы это смешивалось, — заявляет мне некий суровый судья, — лучше я оставлю доброе из-за боязни злого, чем случайно встречу злое в ожидании доброго. Поэтому я и сам не буду читать поэтов, и не позволю другим их читать". Но Платон и Аристотель читали! Если ты противопоставляешь им себя строгостью нравов или пониманием сути вещей, я никоим образом не потерплю этого. Неужели ты считаешь, что видишь нечто такое, чего не видели они? "Я христианин", — скажет он. А они, может быть, жили по особым обычаям? Как будто честь и строгость нравов не были тогда теми же самыми, что и теперь! Разве не из священных книг почти безумная страсть Самсона, с чьей могучей головы, положенной на колени женщины, были обрезаны волосы, дающие ему силу¹¹? Разве это не поэтично и разве это не греховно? Я умолчу об ужасном преступлении дочерей Лота и о достойном проклятия разврате содомитов¹², но клянусь, что, восхваляя поэтов, я не остановлюсь перед тем, чтобы упомянуть об этих двух пороках. Но к чему смотреть, скажем мы, на любовь Давида к Вирсавии и его злодеяние по отношению к Урии, на братоубийство Соломона и на столь многочисленную толпу наложниц¹³? Все это злое, порочное и непристойное; однако разве по этой причине мы будем отрицать необходимость чтения священных книг? Ни в коем случае. Следовательно, и поэтов нельзя отвергать с презрением на том основании, что у них иногда встречается кое-что написанное для наслаждения людей. Правда, когда я читаю о любви Энея и Дидоны¹⁴ у Вергилия, я обычно восхищаюсь талантом поэта и совсем не обращаю внимания на само содержание, так как знаю, что оно вымышлено. Подобное же отношение у меня и к другим поэтическим вымыслам. Во всяком случае, они не волнуют душу, потому что я рассматриваю их как вымышленные и скрывающиеся под покровом одного другое¹⁵. Но когда я читаю что-то в священных книгах, меня это часто трогает, так как я знаю, что это действительно было. Однако, чтобы не упорствовать, мне хочется кое в чем уступить, тем более что пишу женщине. Я признаю, что как народ делится на знать и плебеев, так и между поэтами есть некоторые ступени в достоинстве. В таком случае, если у автора

комедии что-то прикрывается недостаточно целомудренным доводом или у сатирика более обнаженно порицается какой-то порок, пусть женщина их не читает и даже не смотрит на них. Ведь они словно чернь среди поэтов. Но если она не будет читать достойных — я говорю о Вергилии, Сенеке, Стации и других им подобных, пусть знает, что лишает себя величайшей драгоценности; и пусть не надеется достигнуть высшего тот, кому в образовании недостает этого знания.

Вообще же то превосходство, о котором я говорю, приобретает лишь знанием многих и разнообразных вещей. Следовательно, надлежит многое увидеть и прочесть, посвятить время изучению философов, ораторов, историков и всех других писателей. И в результате этого в нас отразится нечто значительное и достаточное для того, чтобы в любом вопросе казаться красноречивыми, содержательными и изящными, а не пустыми невеждами. К этому надо добавить основательное и глубокое умение владеть языком. Действительно, эти две области знаний помогают друг другу и оказывают взаимные услуги. Ведь и язык без знаний фактов пуст и бесплоден, и фактические знания, сколь бы ни были они значительны, если лишены литературного блеска, оказываются недоступными и темными¹⁶. Какая польза знать многое и прекрасное, если не можешь рассказать об этом достойным образом и не в состоянии написать, не вызывая смеха? Таким образом, литературный опыт и знание фактов в известной мере связаны между собой. И они, соединенные вместе, возвеличили блеском и славой имена тех древних, память которых мы чтим, а именно Платона, Демокрита, Аристотеля, Феофраста, Варрона, Цицерона, Сенеку, Августина, Иеронима, Лактанция, и едва ли можно определить, что у всех них значительнее — фактические знания или литературный опыт. Чтобы наконец закончить, скажу, что ум, который сам по себе обещает достигнуть всех высот, надлежит подготовить, учитывая эти два фактора, что для их соединения надо повсюду много читать и накапливать [знания], однако необходимо иметь в виду при этом соображения времени (поэтому надо стремиться постоянно к лучшему и более полезному и не заниматься слишком темным или тем, что принесет мало пользы!); далее, что мне представляется самым главным — изучение религии и морали, все же прочее — относящимся к ним как вспомогательные средства, которые способны либо помочь, либо придать блеск; что по этой причине надо ревностно заниматься поэтами, ораторами и другими писателями; в отношении же языка надо позаботиться, чтобы налицо были и благородное наставление, и недремлющая изобретательность и чтобы читали мы только наилучшее и достойнейшее одобрения.

Перед тобой мое суждение о литературных и научных занятиях; если ты, возможно, думаешь об этом по-другому, я охотно уступлю. Ведь писал я тебе не как наставник (не приписываю себе столь многого), но как один из многих, восхищенный твоим превосходством, я хотел сообщить тебе свое мнение, погоняя, как говорится, бегущего к славе. Прощай.

Эстетика Ренессанса / Под ред. В.П. Шестакова. М., 1981. Т. 1. С. 53—63. Пер. Н.В. Ревякиной.

КОММЕНТАРИИ

¹ Бруни противопоставляет "настоящее и свободное", т.е. гуманистическое образование, современному ему средневековому образованию.

² Здесь говорится о латинском стихотворении, построенном на периодической повторности определенной стопы (метра), состоящей из соединения долгих и кратких слогов.

³ Эпихейрема — в латинской риторике сжатое умозаключение; криномена — судебное решение, приговор.

⁴ Цицерон. Об ораторе. III, 56, 213.

⁵ Бруни не считал возможным для женщины выступать в суде, хотя читать ораторов и учиться красноречию всячески рекомендовал.

⁶ Имеются в виду пифагорейцы, которые, считая сущностью всех вещей числа и их отношения, находили в человеческой душе гармонию.

⁷ Имеется в виду Карло Малатеста, правитель Римини (ум. в 1429); завоевав Мантую, Карло приказал снять памятник Вергилию; этот его акт, как и хула античной поэзии, вызвал против него выступления многих гуманистов.

⁸ Пенелопа — супруга Одиссея — мифического царя острова Итака, героя "Илиады" и "Одиссеи", в течение 20 лет верно ждала мужа в период его странствий.

⁹ Алкестида — супруга фессалийского героя Адмета, согласилась пожертвовать своей жизнью, сойти вместо мужа в Аид и спасти его от смерти.

¹⁰ Феб (лат.) — Аполлон, один из главных богов Олимпа, полюбил нимфу Дафну; спасаясь от его преследований, Дафна была превращена богами, которых она молила о помощи, в лавр. Вулкан (Гефест) — бог огня и кузнечного ремесла, супруг Венеры (Афродиты) — богини любви и красоты; во время любовного свидания Венеры с Марсом (Ареем) Вулкан поймал их в изготовленные им сети.

¹¹ Самсон — библейский богатырь, ставший жертвой своей любви к филистимлянке Далиде; по наущению своих соотечественников Далида выведала тайну его необычной силы, которая была заключена в волосах и, обрезав волосы, способствовала его гибели (Книга Судей Израилевых, 16).

¹² Лот — библейский праведник; только Лота и его семью пощадил Бог, когда решил уничтожить погрязшие в грехе города Содом и Гоморру; однако, когда Лот с семьей уходил из Sodoma, жена его, вопреки приказу Бога, оглянулась и была обращена в соляной столб; Лот поселился с дочерьми в пещере, где дочери, напоив отца вином, вступили с ним в сожителство (Бытие, 19, 30—38).

¹³ Библейский царь Давид влюбился в жену своего военачальника Урии Вирсавию, увидев ее из окна купающейся; мужа Вирсавии он отправил на верную смерть (Вторая Книга Царств. II, 2—17); библейский царь Соломон, придя к власти, приказал убить своего

старшего брата Адонию (Третья Книга Царств. 2, 25). Соломон имел "700 жен и 300 наложниц" (Третья Книга Царств. II, 3).

¹⁴ Эней — герой Троянской войны, после гибели Трои нашел приют у карфагенской правительницы Дидоны, которая полюбила Энея и, когда он оставил ее, отправившись в Италию, в отчаянии лишила себя жизни.

¹⁵ Защита языческой поэзии и мифологии ведется Бруни в направлении, определенном еще Данте, который распространил на светскую поэзию многосмысленное толкование, применявшееся в средние века в Библии. Взгляд Данте был унаследован Боккаччо, аллегорически толковавшим мифы в "Генеалогии богов"; затем Салютати в письмах и в трактате "О подвигах Геракла" защищал поэзию и мифологию путем аллегорического их истолкования; он говорил, что поэзию не нужно понимать буквально, она содержит в себе скрытый смысл, истину под оболочкой. Бруни идет той же дорогой, но, пожалуй, он смелее и полемичнее и склонен к признанию поэзии и с точки зрения наслаждения, получаемого от чтения мифов.

¹⁶ Цицерон. Об ораторе. III, 5, 19.

ЛЕОН БАТТИСТА АЛЬБЕРТИ

Леон Баттиста Альберти (1414—1472) родился в Генуе в семье знатного флорентийского изгнанника. Учился у известного гуманиста Гаспарино да Барцицца в Падуе, затем в Болонье у Франческо Филельфо и в университете, по окончании которого стал доктором канонического и гражданского права. Несколько лет он служит у церковных иерархов, а с 1432 г. и до конца жизни занимает место аббревиатора (своего рода нотариуса) при папской курии.

"Скажи мне, чего не знал сей муж?" — записано на полях одной из его рукописей. Человек разносторонних дарований и широчайшей культуры, Альберти известен прежде всего как выдающийся теоретик искусства и архитектуры; вместе с тем он и зодчий-практик, автор знаменитых архитектурных проектов, занимается живописью, ваянием и иными видами искусства, причем не только изобразительного — он хорошо разбирается в музыке и прекрасно играет на органе. Как писателя-гуманиста его внимание одинаково привлекают и жизнь общества, и устои семейных отношений, и проблемы человека, и принципы хозяйствования, и вопросы этики; политики; права, психологии. Он обнаруживает великие познания в математике, оптике, механике, задумывает и проектирует различные приборы и инструменты, специальные работы посвящает выведению ценных пород лошадей, тайнам женского туалета, шифрам, графологии. Под стать этой всеохватности интересов и творческих устремлений сама личность Альберти, эмблематичная для всего ренессансного гуманизма. Безмерным трудолюбием и упорством он добивается необыкновенных успехов в физической подготовке и воинских упражнениях, в совершенстве осваивает различные отрасли науки и искусства, приобретает всевозможные знания и умения, тщательно формирует свой нравственный облик, воспитывая в себе прежде всего человеколюбие, обходительность, щедрость, сдер-

жанность, — таким вот, ставшим уже для современников человеком-легендой, запечатлен гуманист в биографии XV в., авторство которой не без оснований приписывают самому же Альберти.

Литературное наследие Альберти весьма разнопланово: к 1425 г. относится комедия "Филодокс", затем написаны трактаты "Деифира" (1428) и "О преимуществах и тяготах занятия науками" (1430); первые три книги диалогов "О семье" составлены в 1432—1434 гг., в 1440 или в 1441 г. к ним добавлена еще одна; в 1435 г. написаны трактаты "О статуе" и "О живописи", гораздо позже, в 1449 г., создаются "Десять книг о зодчестве"; между 1436 и 1443 гг. появляются трактаты "О праве" и "Первосвященник", "Жизнеописание св. Потита", диалоги "Теодженио" и "О спокойствии души"; после 1443 г. пишется аллегорический трактат "Мом, или о государе", в 1449 г. — "Математические забавы"; к наиболее значительным произведениям последующих лет относятся "Застольные беседы" и "Домострой" (1470).

Хотя большую часть жизни Альберти провел в Риме и других городах Италии и лишь время от времени наведывался во Флоренцию, именно под воздействием импульсов культурной и художественной среды этого города складывалось его мирозерцание, все более и более расширялся круг его занятий и увлечений. Вместе с тем, откликаясь на новые запросы эпохи, его мысль обнаруживает не только много общего с идеями современных ему и древних авторов, но и живую, органическую связь с умонастроением и традициями тех общественных слоев, к которым принадлежала его семья, с его собственными переживаниями и опытом. Как гуманист, Альберти, несомненно, близок Леонардо Бруни и Маттео Пальмиери, но мотивы гражданственности в его сочинениях на морально-этические темы умеряются и совсем затухают перед всем, что включает в себя понятие "благо семьи". Отсюда исключительная роль семьи в воспитании и формировании человека; отсюда подчеркивание важности семейных отношений и соблюдения семейной этики; отсюда же и пафос хозяйственности как неперемennого свойства радеющего о ближних своих отца семейства. Впрочем, хозяйственность, рачительное обращение с тем, чем человек владеет, толкуется у Альберти предельно широко — как краеугольный принцип всего жизнеустройства, держась которого человек способен в полной мере употребить себе во благо свое главное богатство — время. Подобно многим гуманистам, Альберти пишет о величии человека, этого "счастливого смертного бога", наделенного различными дарованиями и умениями, которые возвышают его среди всех существ, обитающих в мире; пишет о безграничности его возможностей и устремлений, о совершенстве, которого он может достичь. В то же время Альберти не желает обольщаться и обманываться относительно положения, в котором обретается человечество; в рассуждениях, пронизанных автобиографическими мотивами, он изображает всеобщую испорченность людей, нарушение ими естественного порядка, оскорбление справедливости и закона, подрыв вселенской

гармонии. В этом предельном заострении противоречия между возможным и реальным, между различными до взаимоисключения способами оценки, между противоположными сторонами и формами бытия, коим причастен человек, можно услышать отзвуки напряженного диалога, который гуманист ведет с самим собой. И, видимо, неправильно отождествлять Альберти исключительно с тем или иным из собеседников, представленных в его произведениях; он воплощает свою мысль в каждом, уверенность часто оттеняя разочарованием и горечью, надежду — сомнением и опасениями.

О.Ф. Кудрявцев

О СЕМЬЕ

Книга первая:

об обязанностях взрослых по отношению к молодым
и младших по отношению к старшим и о воспитании детей

Когда наш отец Лоренцо Альберто находился в Падуе, прикованный к постели болезнью, которая унесла его из жизни, он многократно высказывал настойчивое желание повидать Риччардо Альберти, своего брата; узнав, что вскоре тот должен приехать к нему, он весьма приободрился и против обыкновения несколько приподнялся и сел на кровати, всем своим видом показывая, что очень доволен сим известием. Нас, бывших все время рядом, вместе с ним ободрила его радость; и мы почувствовали себя счастливыми от доброй надежды, право на которую нам, казалось, давало лицезрение Лоренцо, расположившегося [в кровати] выше обычного. Там присутствовали Адовардо и Лионардо Альберти, люди благороднейших нравов и великого ума, к коим Лоренцо обратился почти что с этими словами:

<...> — Возможно, Адовардо и Лионардо, я скажу о том, чего нет в действительности; но да будет позволительно, чтобы отцу добродетели сыновей казались бóльшими, чем они есть на самом деле, и да не приписывают моему безрассудству, если в стремлении воспламенить в детях любовь к добродетели я в их присутствии¹ обнаружу, насколько мне было бы приятно и по душе видеть их людьми очень добродетельными, раз уж всякая небольшая похвала в их адрес покажется мне огромной. Действительно, всеми способами и всегда стараясь, чтобы меня скорее любили, нежели боялись; мне никогда не хотелось в глазах тех, кто считает меня отцом, выглядеть также и господином. И поэтому они всегда были послушными, почтительными, очень внимательными ко мне и следовали моим наставлениям; никогда я не замечал в них никакого упрямства или сколь-нибудь значи-

тельного порока. Я находил удовольствие в добрых нравах, ими усвоенных, и думал, что могу день ото дня ожидать и надеяться на [еще] лучшее. Но кто не знает, сколь неверен путь юноши: всякий порок, ему присущий и из страха или стыда сокрытый и замалчиваемый его родителями и старшими, откроется и станет явным со временем. И чем менее в молодых людях страха и почтения, тем больше в них произрастают и укрепляются различные пороки, и причиной этому то ли собственный ум, ими самими развращенный и испорченный, то ли дурные знакомства и привычки, его повредившие и укрепившие в пороке, то ли многие другие вещи, способные какого угодно хорошего человека сделать злодеем: мы видели в наших краях² и в других местах, что сыновья самых достойных граждан, сызмалу выказывавшие замечательные наклонности, выделявшиеся своим прекрасным обликом и поведением, исполненным кротости и благонравия, впоследствии становились людьми бесчестными из-за нерадивости, полагаю, тех, кто не смог их как следует направить. Поэтому здесь мне приходится на память наш отец мессер Бенедетто Альберто³, человек мудрый, авторитетный и репутации необыкновенной, ревностный во всех своих делах и чрезвычайно пекущийся и радеющий о благе и чести нашей семьи, который в беседах с другими некогда жившими Альберти, поощряя их быть усердными и расторопными в делах, — какими они, конечно же, были, — частенько говаривал следующее: "В обязанности отца семейства входит не только забота о том, чтобы, как говорится, были полны амбары и кладовые; ибо много больше должен глава семьи наблюдать и присматривать за всеми и каждым, выведывать и проверять все товарищеские связи, разузнавать их нравы в доме и вне, а всякую дурную привычку кого бы то ни было из членов семьи поправлять и врачевать речами скорее увещательными, чем негодующими, употреблять прежде свой авторитет, нежели власть... быть также, когда необходимо, строгим, суровым и твердым и во всем, что он замышляет, иметь в виду благо, тишину и покой всей своей семьи в качестве как бы цели, к которой он устремлял бы все свое благоразумие и сообразительность, дабы управлять семьей как следует, [или же] добродетельным и похвальным образом; уметь на волне народной любви и признательности, стяжав благодарность своих сограждан, достичь гавани почета, славы и уважения и там остановиться, на время свернув и убрав паруса, дабы и в ненастьях, и в невзгодах (fortune), и в тяжелых испытаниях, подобных тем, которым вот уже двадцать два года несправедливо подвергается наш дом⁴, заниматься нравственным закаливанием молодежи, не давая ей падать духом и пребывать в растерянности под ударами фортуны, но и никогда не по-

зволю ей покушаться на какие-либо дерзостные и безрассудные предприятия с целью то ли отомстить, то ли осуществить некую свойственную юному возрасту и легкомысленную идею⁵ (opinione); и в периоды затишья и удачливой фортуны, и куда больше в ненастные времена не отходить от кормила разума и от распорядка жизни, быть бдительным, издалека замечая всякое облачко зависти, всякую тучу ненависти, всякую вспышку враждебности на челе сограждан, а также всякий неблагоприятный ветер и всякую подводную скалу и опасность, от которой семья может каким-то образом пострадать, действуя здесь как опытный и выдавший виды кормчий, держащий в уме, под какими ветрами и под какими парусами другие ходили в плавание и каким образом они распознавали различные опасности и избегали их, и не забывающий, что в наших краях не бывало, чтобы кто-нибудь, распустив все паруса, даже если они были не так уж велики, их сворачивал неповрежденными, а не по большей части дырявыми и рваными. И так он узнает, что больше вреда приносит одно неудачное плавание, нежели пользы тысяча успешно завершённых. Зависть рассеивается там, где сияет не тщеславие (ropra), но скромность; ненависть исчезает, встречая не заносчивость, но обходительность; враждебность затухает и гаснет, если ты себя вооружаешь и укрепляешь не гневом и неприязнью, но приветливостью и дружелюбием. Все эти вещи должен глава семьи иметь в виду, продумывать и держать в памяти, быть готовым и способным все предвидеть и разузнать, вынести труды и хлопоты, иметь величайшее попечение и старание о том, чтобы с каждым днем молодежь становилась все более благовоспитанной, добродетельной и любезной нашим гражданам. И да будет известно отцам, что добродетельные дети доставляют отцу в любом его возрасте радость и большую поддержку, что заботливостью отца творится добродетельность ребенка. Бездеятельность и праздность ведет семью к одичанию и бесславию, ревностные и заботливые отцы наделяют ее благородством. Алчные, сластолюбивые, неправедные, высокомерные люди бесчестят семью, угнетают ее бедами и лишениями. Хорошие же люди должны знать, что сколь мягкими, скромными и человеколюбивыми они ни были бы, если не выкажут себя по отношению к семье весьма деятельными, предусмотрительными, заботливыми, а равно если не будут заниматься воспитанием и исправлением молодежи, то в случае падения какой-то части семьи они также непременно потерпят низвержение, тем более шумное, чем более возвышалась их семья достоинством, богатством и положением. Чем выше стена, тем сильнее разбиваются падающие с нее камни; посему пусть старшие члены семьи всегда помышляют и радуют о ее благе и

чести, подавая совет, наставляя и как бы держа бразды всего семейного правления. Ибо заслуживает только похвалы, признательности и одобрения деятельность тех, кто речами и уговорами умеет укротить обуревающие молодых людей страсти, расшевелить ленивые души, пробудить горячее желание стяжать славу самим себе, а заодно — возвеличить родину и дом свой. Также мне кажется делом очень достойным и нетрудным для отца семейства своей степенностью сдерживать и полагать пределы чрезмерной разнузданности молодых людей; больше того, если кто-то захочет своим достоинством резко возвышаться в глазах младшего поколения, то будет делом весьма уместным и бесполезным поддерживать собой авторитет старости, который, я думаю, должен проявляться как раз в почтительном и уважительном к ней отношении. Старики же никаким другим способом не могут лучше обрести, укрепить и сохранить свой авторитет и достоинство, нежели проявляя заботу о молодежи, направляя ее на стезю добродетели, с каждым днем делая ее более знающей и подготовленной, более достойной любви и уважения и, таким образом, пробуждая в ней благороднейшие и возвышенные устремления, занимая изучением наилучших и наипохвальнойших предметов, зажигая в нежных душах любовь к славе и почету, укрощая всякое непристойное желание и малейшее достойное порицания смятение духа и тем самым уничтожая корни любого порока и причину недружелюбия, снабжая их добрыми наставлениями и примерами, избегая поступать так, как, пожалуй, имеют обыкновение многие старики, преданные любостыжанию, которые в стремлении воспитать из детей рачительных хозяев (*massai*) делают их людьми жадными и угодливыми, а поскольку сами богатство ценят выше чести, то обучают детей скверным ремеслам и низким занятиям. Я не хвалю такую щедрость, которая убытки не вознаграждала бы славой или дружбой, очень порицаю всякую скупость, и никогда мне не нравилась непомерная роскошь. Итак, пусть старики будут как бы общими всем молодым людям отцами, больше того — как бы умом и душой (*anima*) всего семейного организма. И подобно тому как необутые, голые ноги позорили бы и срамили вид всего человека, так старики и те, кто постарше, не уделяющие внимания любому, [хотя бы] самому последнему человеку в доме, да будет им известно, заслуживают великого осуждения, поскольку могли бы допустить позор и бесчестье семьи от какой-то ее части. Пусть помнят они, что в древности первым долгом считалась забота о каждом из домашних, как некогда у славных лакедемонян, которые рассматривали себя в качестве отцов и наставников всех несовершеннолетних, так что каждый мог наказывать за все проступки любого своего

молодого соплеменника, и были они очень рады и признательны кому бы то ни было, бравшемуся воспитывать их близких и родственников. И для отцов похвальным считалось платить благодарностью и признательностью всякому, сделавшему хоть что-нибудь для того, чтобы дети их стали воспитаннее и благоразумнее. Сим благим и наиболее полезным нравственным воспитанием они возвеличили свою землю и заслуженно прославили ее навеки. Ибо не было вражды там в их среде, где недоброжелательство и неприязнь, едва зарождающиеся, сразу искоренялись и устранялись, где царило одно-единственное, общее всем действенное желание насадить в своей земле добродетельность и благонравие. Об этом старались все, насколько хватало сил, таланта, упорства: старики — предостерегая, напоминая, сами подавая достойнейший пример, молодые — внимая [им] и подражая".

Если все эти и многие другие вещи, о которых мессер Бенедетто имел обыкновение вести речь, необходимы главе семейства, если забота о руководстве молодежью заслуживает наивысшего одобрения не только когда проявляют ее родители, но также и другие, пусть никто не сомневается, что долг мой, как и прочих отцов, всеми способами, приемами, доводами добиваться, дабы эти мои и чрезвычайно дорогие мне дети были как можно более достойны доверия, привязанности и забот родителей и иных людей. Таким образом, дети мои, вижу обязанность молодых людей в том, чтобы любить и слушаться стариков, уважать возраст и всех, кто старше, держать заместо отца, относясь к ним, как и полагается, с величайшей предупредительностью и почтением. Большой возраст предполагает многоопытность, а отсюда знание различных обычаев, различных типов поведения и людских душ; достигший его слышал, видел и обдумал бесконечное множество полезных вещей, а также великолепные средства защиты от любых превратностей фортуны. <...>

Посему, молодые люди, добродетельностью и благонравием старайтесь угодить родителям и своим старшим во всех вещах, приносящих вам похвалу и славу, а вашим близким — радость, удовольствие, доброе расположение духа. Словом, дети мои, следуйте добродетели, бегите пороков, почитайте старших, стремитесь снискать благорасположение к себе, жить свободно, счастливо, в почете и любви. Первый шаг к почету в том, чтобы добиться благорасположения и любви; первый шаг к благорасположению и любви в том, чтобы проявить свою добродетельность и порядочность; первый шаг к стяжанию добродетели в том, чтобы невзлюбить пороки, избегать дурных людей. Итак, нужно все время общаться с людьми хорошими, снискавшими себе одобрение и уважение, никогда не покидать тех, кто

вам дал пример и науку, как усвоить и обрести добродетель и благонаравие; вы должны любить и почитать их, радоваться, что все знают их как людей беспорочных. Не надо быть ни упрямыми, ни грубыми, ни привередливыми, а также ни легкомысленными, ни суетливыми, но покладистыми, обходительными, расторопными и, насколько пристало в этом возрасте, благоразумными и серьезными; также старайтесь со всеми быть, насколько сумеете, любезными, а по отношению к старшим — почтительными и внимательными. Благовоспитанность, уравновешенность, скромность и воздержанность обычно заслуживают в молодых людях великой похвалы; почтительность же молодых людей по отношению к старшим всегда приятна и настоятельно необходима.

Я расскажу не для похвальбы, но лишь дабы снабдить вас домашними примерами, которые вы были бы более расположены выслушать и легче хранили бы в памяти, чем чужие. Я не припоминаю, чтобы там, где бывали наш брат Риччардо или какие-то иные из наших старших годами родичей, у меня когда-либо возникло желание быть замеченным сидящим ли, стоящим ли, не выказывая им величайшего почтения; во всяком многолюдном общественном месте меня могли видеть подле моих старших родичей стоящим наготове исполнить их приказание. Где бы я их ни увидел, я всегда поднимался им навстречу и обнажал голову, приветствуя их; а встретив их где-либо, я по моему обыкновению бросал любое занятие и товарищей, дабы присоединиться к старшим и почтительно их сопровождать. Я никогда не осмелился бы оставить их и вернуться к своим юным товарищам, если прежде не испрошено, как и у отца, позволение. И эти мои уважительность и послушание находили одобрение не только у стариков, но и у молодых людей; мне же казалось, что я выполняю свой долг, так как делать обратное, [то есть] не искать расположения, не ценить, не подчиняться старшим, я бы счел для себя постыдным и достойным порицания. И затем мне все время казалось, что по поводу всякой вещи я должен с Риччардо, как я всегда и делал, быть откровенным и советоваться, почитая его как отца, так мне запало в душу, что нужно чтить и отдавать должное возрасту.

Итак, следуя моему наставлению, будьте со старшими очень почтительны и, насколько в ваших силах, добродетельны. Не обращайтесь внимания, дети мои, на то, что [пути] добродетели могут показаться суровыми и нелегкими, отклонения же от них на первый взгляд легки и приятны. Ибо между ними обнаруживается огромное внутреннее различие: грех чреват в большей степени раскаянием, чем удовлетворением, мучением, чем наслаждением, ущербом, чем пользой. Совсем наоборот добродетель — радостная, приятная, привлекательная, она

всегда приносит тебе удовлетворение, никогда не печалит, никогда не пресыщает, день ото дня становится тебе все любезнее и нужнее. И сколь ты будешь благоденствен и здравомыслящ, столь же тебя будут ценить и превозносить, столь же благожелательно встречать добрые люди, столь же ты будешь наслаждаться этим в самом себе. А познав, что ты есть человек, и захотев, чтобы ничто человеческое тебе не было чуждо, ты, несомненно, обнаружишь в себе немалую толику истинного счастья. Одна лишь добродетель может сделать блаженным и счастливым того, кто всеми своими помыслами и делами стремится держаться и соблюдать всякое наставление и указание, как отвлечь от себя грехи, избегать дурных привычек и неподобающих вещей.

Я из тех, дети мои, кто хотел бы оставить вам в наследство скорее добродетель, чем всевозможные богатства; но это не в моей власти. Я всегда старался снабдить вас, считая сие для себя посильным, таким уставом, таким пособием, таким средством, с помощью которого вы могли бы достичь высокой славы, большого благорасположения и великого почета. Вам надлежит дать употребление разуму, дарованному вам природой, который, полагаю, не мал и не слаб, и совершенствовать его, изучая и упражняясь в хороших вещах, используя все богатство благородных наук и искусств. Состояние же, которое я оставляю вам, распределите и примените так, чтобы оно принесло пользу, сделав вас любезными не только для своих, но и равным образом для всех чужих. И мне сдается, дети мои, вполне можно надеяться, что иной раз вы пожалеете о том, что нет меня в живых; может быть, вы испытаете трудности и лишения, каковые вас не так терзали бы, будь я рядом; ибо для меня не ново, на что способна фортуна с неопытными душами юношей нежного возраста, коим недостает совета и поддержки. Примером для меня является наш дом, в котором сполна здравого смысла, разума и опытности, твердости, мужества и душевной стойкости; тем не менее и он познал в этих наших превращениях власть, которой располагает неистовая и незаконная фортуна над сколь угодно основательным советом, над сколь угодно твердым и хорошо воспитанным разумом. Но имейте крепкий и несокрушимый (intero) дух; в невзгодах обнаруживает себя добродетель. Разве кто-либо стойкостью своей души, постоянством своего ума, силой своего характера, своими умениями и изобретательностью смог бы в спокойных и благоприятных условиях, при безмятежной и мирной фортуна так проявить себя и приобрести славное имя, как при непостоянной и враждебной? Посему побеждайте фортуна терпением, побеждайте беззакония человеческие преданностью добродетели, сообразуясь с велениями времени, будьте благоразумны и здравомыслящи, в нравы

и обыкновения людские вносите целомудрие, человечность и умеренность, но главным образом все ваши дарования, умения, устремления и труды употребляйте прежде на то, чтобы быть, а затем уже выглядеть людьми добродетельными. <...>

Лионардо: Пусть, таким образом, я могу рассчитывать на вас, отцов, во всем. Постоянно вижу я, как природа повсюду спешит позаботиться о самосохранении всякой произведенной на свет вещи, которая от того, кто сотворил ее, получает питание и поддержку, дабы продолжать жить и обнаруживать свою пользу. Вижу я, как в растениях и деревцах корни добывают и передают питание стволу, ствол — ветвям, ветви — листьям и плодам. Поэтому, пожалуй, нужно считать естественным, что родители не пренебрегают ничем, лишь бы накормить и подкрепить тех, кто ими самими был рожден. И признаю за вами, отцы, обязанность иметь попечение и заботу о надлежащем прокормлении вашего потомства. Тебя^б сейчас я не спрашиваю, проявляется ли сия забота отцов в силу естественной необходимости или же по мере того, как рождается и растет в отцах любовь, возбуждаемая теми радостями и надеждами, которые возникают от лицезрения детей и их поступков; потому что совсем не редко можно видеть, что кто-нибудь одного своего ребенка любит больше, чем другого, и по отношению к тому, кто, пожалуй, мог бы ему показаться подающим бóльшие надежды, будет более внимательным, щедрым и готовым угодить и поощрить. И можно видеть, как ребенок, о котором мало радеют, целые дни проводит далеко от дома, в чужих пределах, облаченный в лохмотья, терпя лишения, посреди опасностей и — что еще больше должно было бы не понравиться — становясь человеком неисправимо порочным. Давайте, однако, сейчас не будем пытаться рассматривать, как начинается, растет и заканчивается та или иная любовь. А также не будем исследовать, почему отцы в отношении своих детей проявляют неодинаковую любовь, поскольку вы могли бы мне ответить, что [всякая] ненормальность имеет своей причиной порчу природы и развращенность ума. Ведь та же природа, которая во всех вещах стремится к соответствию и совершенству, удаляет от порочных детей подлинную любовь и всецелое благорасположение отцов. Может также стать, что отцам было бы приятнее, если бы дети делали что-то похвальное, а не предавались неге и праздности в домашнем кругу; но, полагаю, тебе могло показаться, что это рассуждение затянулось...

И все же, желая не возразить тебе, но уяснить для себя, прав ли ты, когда утверждаешь, будто с самого рождения дети доставляют отцам огромные неприятности, выскажу убеждение, что мудрый отец не

должен был бы не только волноваться и печалиться, но даже и помыслы занимать весьма многими вещами, и в первую очередь теми, коими положено заниматься женщинам, скорее кормилице и матери, нежели отцу. Полагаю, что сей младенческий возраст целиком должен быть предоставлен женскому досугу, а не деятельной заботе мужчин. Что касается меня, то я из тех, кто никогда не будет тискать малышей и кто не желал бы видеть, как порой случается, отцов, слишком уж забавляющихся с ними. Безрассудны те, кто мало думает о бесконечных опасностях, подстерегающих малюток в жестких отцовских руках, ибо очень немного надо, чтобы повредить или искривить эти мягонькие косточки, и если пеленать их и заниматься с ними, не проявляя величайшей осторожности, то редко обходится без перелома или вывиха какого-либо члена, отчего подчас и появляются кособокие и кривоногие. Итак, сей ранний возраст пусть совсем не знает рук отца, пребывая и почивая на руках матери.

Следующий за этим возраст доставляет большую радость и вызывает веселый смех, ибо [детишки] уже начинают выговаривать слова, заявляя о своих желаниях. Их слушает весь дом, пересказывает вся округа, о них постоянно ведут радостно-шутливый разговор, сообщая и расхваливая то, что они сделали и сказали. Можно уже видеть, как у ребенка в этом возрасте, словно бы весной, всходят и обнаруживаются в лице, во внешнем облике, в словах, в манерах бесконечное множество добрых надежд, немалые признаки тончайшего ума и глубокой памяти, отчего все и говорят, что детки служат утешению и забаве родителей и старших. Не думаю, что найдется столь погруженный в дела, столь занятый мыслями отец, коему не принесло бы большую радость присутствие детишек. Катон, сей благородный муж древности, который был прозван мудрым и считался, как это и было, во всех отношениях суровым и неприступным, говорят, часто в течение дня бросал прочие свои дела, частные и общественные, сколь значительны они ни были бы, не раз возвращаясь домой вновь взглянуть на своих ребятишек; иметь детей ему не казалось делом неприятным и тягостным, напротив, он находил удовольствие и радость в том, чтобы видеть смех, слышать слова, наслаждаться всеми их ласками, полными великой простоты и нежности, которая запечатлена во всем облике этого чистого и сладостного возраста. Если на самом деле так, Адовардо, если заботы отцов и незначительны, и доставляют радость, и исполнены любви, благих надежд, смеха, шуток, веселья, тогда в чем же заключаются эти ваши неприятности? Полезно было бы узнать, что ты на это скажешь.

Адовардо: Я бы очень оценил, если бы ты сумел рассуждать доказательно, как до некоторой степени умею я. Меня весьма огорчаете вы, те нередкие среди Альберти молодые люди, которые не обзавелись наследниками, не увеличили, как то они могли бы, и не сделали более многочисленной семью. Что сказать? Что несколько дней тому назад я насчитал не менее двадцати двух молодых Альберти, живущих одиноко, неженатых, каждый из которых не младше шестнадцати, не старше тридцати шести лет. Конечно, я огорчен этим, ибо великий урон терпит наша семья, не досчитываясь такого числа детей, какое положено вам, молодым, было бы иметь; и я думаю, что скорее следует пожелать снести любой ущерб и любую неприятность, чем оставить семью без продолжения, не увидеть того, кто должен быть воспреемником места и имени отца. И поскольку я бы хотел, чтобы, в первую очередь, ты среди других стал тем, кто бы не только славой и именем, но также и похожими на тебя детьми пополнил и возвеличил семью Альберти, постольку я опасаюсь убеждать тебя в чем-то, что заставило бы тебя колебаться, удерживая от этого. Так как, полагаю, очень близко тебе показал бы, что каждый [детский] возраст доставляет отцу немало неприятностей, совсем не легких и пустяковых, и ты бы понял, что любящие отцы уже с самого раннего периода жизни детей не всегда предаются с ними шуткам и смеху, но часто унынию и слезам. Ты также не стал бы отрицать, что отцов поджидают большие душевные потрясения, большие тяготы много прежде, нежели дети принесут им какую-либо радость или удовольствие. Много раньше нам надлежит позаботиться о том, чтобы подыскать хорошую кормилицу, очень постараться найти ее вовремя, удостовериться, что она не хворающая, не распутная; осмотрительно выбрать такую, которая была бы начисто лишена пороков и заболеваний, портящих молоко и кровь, а сверх того — убедиться, что она не принесет с собой в дом ни раздора, ни срама. Было бы долго рассказывать, какие предосторожности здесь от нас, отцов, были бы нужны, какие труды каждому следовало бы приложить, пока он найдет, как и полагается, хорошую, добронравную и пригодную кормилицу. Ты, пожалуй, и не поверишь, что за печаль, уныние и мучение охватывают душу, если не сумеешь найти кормилицу вовремя или же не сможешь подыскать подходящую, отчего кажется, что чем больше в подобных вещах нужда, тем всегда острее их нехватка. И тебе известно, сколь велика опасность [заразиться] от больной и распутной кормилицы проказой, падучей и всеми этими тяжелыми недугами, которые, как говорят, передаются через грудь; а также тебе известно, сколь редки хорошие кормилицы и какой на них спрос.

Но что же это я говорю обо всяких мелочах? Потому что мне очень дорого — [ведь] детей ты считаешь, чем, по правде говоря, они и являются, величайшей радостью для отцов — видеть этих веселых малышей вокруг тебя, как ты дивишься всякому их поступку и слову, придаешь всему этому большое значение, лелеешь в себе [на их счет] благие надежды. Одно обстоятельство, однако, может умалить эти радости и отяготить твою душу куда более сильной и острой печалью. Рассуди сам, для того, кто переживает, видя, как дети плачут, если они случайно упадут и слегка ушибут ручку, сколь тягостно думать, что в этом возрасте более, чем в любом другом, ребятишки погибают. Поразмысли сам, как горестно ему каждый миг быть готовым лишиться такой радости. Более того, сей ранний возраст сдается мне изобилующим всевозможными и немалыми неприятностями; кажется, что в нем дети словно бы только и болеют оспой, ветрянкой, краснухой, никогда не обходятся без несварения пищи и расстройства желудка, то и дело валяются с ног от недомогания и постоянно чахнут, мучаясь многими другими хворями, коих ни ты не можешь распознать, ни они сами не могут тебе назвать, отчего любой их незначительный недуг ты воспринимаешь как очень серьезный, и тем серьезнее, что ты в растерянности относительно того, какое средство можно было бы правильно и с пользой употребить против незнакомой болезни. Словом, любое самое малое страдание детей отзывается в душе отца величайшими мучениями.

Лионардо: <...> Если бы у меня были дети, то я бы не взял на себя труд искать иную кормилицу, чем их собственная мать. Мне приходит на память, как философ Фаворин у Авла Геллия⁸, а также все другие древние отдавали предпочтение молоку матери перед каким-либо иным. Возможно, врачи воображают, что кормление молоком ослабляет матерей и доводит их иногда до бесплодия. Я же, однако, смею думать, что природой все было хорошо предусмотрено, и, надо полагать, не без причины, но с большим умыслом устроено так, что с беременностью появляется в изобилии и молоко, вроде как бы сама природа заботится о наших нуждах и подсказывает нам, чего детям ждать от матерей. Отступление от этого допустимо в случае, если бы жена на беду захворала; я бы позаботился о, как ты говоришь, хорошей, умелой и добронравной кормилице не для того, чтобы оставить жене побольше досуга, не для того, чтобы освободить ее от полагающихся в отношении детей обязанностей, но для того, чтобы обеспечить ребенку лучшее питание. И полагаю, что, помимо недугов, кои, по твоим словам, могут происходить от дурного молока, непорядочная и распутная кормилица сверх того действительно будет способна

испортить нрав ребенка, склонить его к пороку, приучить его душу к безумным и животным страстям вроде вспыльчивости, трусливости, страха и им подобным. И полагаю, если у кормилицы будет буйный характер (*d'animo focoso*) то ли от рождения, то ли вследствие употребления слишком крепких и неразбавленных вин, то ли по иным горящим душу причинам, и кровь ее будет разогрета и воспламенена, тогда, пожалуй, ребенку, который получит от нее столь горячее и обжигающее питание, легко достанется нрав, имеющий наклонность ко гневу, бесчеловечности, жестокости. Таким образом, нерадивая, злобного и тяжелого нрава кормилица может сделать ребенка вялым, слабым и боязливым; и это представляет чрезвычайную опасность для раннего возраста. Деревце, если неоткуда черпать потребное ему питание, и особенно поначалу, когда должно быть обилие воздуха и влаги, становится затем навсегда чахлым и болезненным. И доказано, что маленькая раночка нежному росточку приносит вреда более, чем два больших повреждения многолетнему стволу. Посему надобно очень заботиться о том, чтобы в этом юном возрасте питание было как можно лучше. Следует, в случае необходимости, прискатыть жизнерадостную и чистоплотную кормилицу, которой было бы несвойственно воспаление и буйство крови и духа, которая бы вела целомудренную жизнь, чуждую всяких излишеств и распутства; сии качества, как ты заметил, редки в кормилицах, посему тебе остается согласиться со мной, что, поскольку, конечно, матери целомудреннее и добронравнее любых кормилиц, постольку они более годны и гораздо более полезны для кормления своих собственных детей. <...>

Адовардо: Как тебе известно, я из тех, кто очень занят собиранием для своих детей таких вещей⁹, кои в один миг фортуна может отнять не только у того, кому они переданы, но и у того, кто их приобретал. Хотя и сознаюсь, что мне было бы милей оставить моих детей скорее богатыми и состоятельными (*fortunati*), чем бедными, и я очень хочу и, насколько в моих силах, стараюсь завещать им такое состояние, при котором они мало нуждались бы в чужих милостях, ибо мне ведомо, насколько нищета не может справиться со своими лишениями без помощи других. Не верь, однако, чтобы отцы, если даже они не страшатся смерти и бедности детей, жили бы беспечально. А на кого возложена обязанность воспитать их в благонравии? На отца. Кто обременен заботой о том, чтобы приохотить их к наукам и добродетели? Отец. На ком огромная ответственность наставить их тому или иному знанию, ремеслу, искусству? Опять же на отце, как тебе известно. Добавь к этому великое попечение отцов о выборе рода деятельности, науки, образа жизни, которые наиболее соответствовали бы натуре

ребенка, репутации семьи, обычаям страны, имеющемуся богатству, характеру времени, существующим условиям и возможностям, ожиданиям сограждан. Не терпит страна наша, чтобы кто-нибудь из ее [обитателей] слишком возвышался благодаря военным победам. И правильно: потому что для древней нашей свободы возникла бы угроза, если бы кто-нибудь, пожелав при благожелательном отношении и сочувствии других граждан осуществить в государстве свои замыслы, воспользовался бы угрозой и силой оружия, дабы добиться того, к чему склоняет его воля, чем манит его фортуна, что предлагают и обещают ему данный момент и наличные условия. Также не слишком ценит наша страна людей образованных¹⁰; напротив, кажется, что вся она скорее одержима любостыжанием и жадной жаждой богатства. То ли таковы условия страны, то ли природа и привычка (*consuetudine*), [унаследованные от] предков, но создается впечатление, что все [ее жители] смолоду усваивают ремесло наживы, что все их разговоры сводятся к тому, как бы сэкономить, что все их помыслы направлены на то, как можно получить прибыль, что всякой своей деятельностью они стремятся скопить побольше богатств. Не знаю, может быть, к этому мы, тосканцы, расположены воздействием небес, как говорили древние: ведь поскольку Афины¹¹ небо имели чистое и ясное, то и уроженцы их отличались утонченностью и острым умом; в Фивах же небо было плотнее и не такое светлое, поэтому фиванцы были грубее и менее сообразительны. По мнению некоторых, карфагеняне, занимая засушливую и бесплодную страну, должны были для удовлетворения своих нужд поддерживать связи и отношения со многими соседними и отдаленными народами, отчего стали сведущими и умелыми во всякого рода хитростях и плутовстве. Позволительно, пожалуй, также думать, что обыкновения и привычки предков сохраняют силу и продолжают жить в наших гражданах. Подобно Платону, этому князю философов, который пишет, что нравы лакедемонян были всецело воспламенены жаждой побед¹², я считаю, что в нашей земле небо производит людей, хорошо чувствующих, где пахнет наживой, что [свойства] местности и [общепринятые] обыкновения прежде всего возбуждают в них желание не прославиться, но приумножить и сбереечь имущество, стяжать богатство, коим они надеются лучше защитить себя от нужды и немало возвыситься среди сограждан. А если дело обстоит подобным образом, то как же забеспокоятся отцы, которые найдут, что сыновья их более усердны в учении или воинских занятиях, чем в добывании и накоплении денег! Разве не столкнется в душе их стремление следовать [принятым] в стране нравам с желанием осуществить свои великие надежды? Разве мало будет терзать от-

цов необходимость пренебречь пользой и славой детей и своей семьей? Разве не будет очень тяжело у них на душе оттого, что, гнушаясь недоброжелательства и зависти своих сограждан, они не смогут, как им хотелось бы и надлежало, направить дитя на путь той или иной достохвальной добродетели? Сейчас я не в силах вспомнить все наши печали, и, пожалуй, было бы очень долгим и чересчур занудным делом тебе их описывать одну за другой. Ты мог уже вполне убедиться, что дети родителям доставляют неимоверное множество неприятностей и тягот.

Лионардо: <...> Я согласен с тобой, что более, чем кто-либо другой, именно отцы должны руками и ногами, всеми силами, всем своим старанием и благоразумием стремиться, насколько в их возможностях, к тому, чтобы дети были благовоспитанны и добропорядочны, как потому, что это на пользу самим детям — благовоспитанность в молодом человеке ценится не менее, чем богатство, — так еще и потому, что этим они послужат украшению и славе своего дома, отечества и самих себя. Благовоспитанные дети — похвальное свидетельство усердия их отцов. И считается, если не ошибаюсь, что для отечества лучше иметь граждан добродетельных и порядочных, нежели очень богатых и могущественных. И, разумеется, распущенные дети для отцов, не лишенных здравого смысла и не глупых, должны быть величайшим несчастьем не столько потому, что им отвратительна бесчестность и подлость детей, сколько потому, что — и в этом нет сомнений — испорченный сын многими способами навлекает на отца немалый позор, так как всем известно и понятно, насколько в воле отца семейства воспитать свою молодежь в целомудрии, благонравии, добродетельности. Не думаю, чтобы нашелся человек, ставший отрицать, что отцы могут сделать детей какими только пожелают. И как хороший и усердный наездник сделает кротким и послушным жеребенка, коего другой, нерадивый и не столь проворный, не сумеет взнуздать, так же и отцы заботливым обращением воспитают своих детей в добронравии и благоразумии. Посему не минуют великого порицания за нерадивость те отцы, дети коих будут отличаться не порядочностью, но распутством и злодейством.

Словом, первая забота и мысль старших [членов семьи] будет, как уже сказал Лоренцо, о том, чтобы молодежь их была сколь можно более украшена добродетелью и благими нравами. Между прочим, я бы посоветовал отцам в том, что касается детей, скорее иметь в виду благо семьи, чем суждение толпы, ибо в нем для добродетели, которую нужно любить и поощрять, нет места и укрытия. Поэтому я бы делал так, как ритор Аполлоний из Алабанды¹³: если юноши не казались

ему вполне способными к красноречию, он, дабы они не тратили у него зря времени, отпускал их заниматься теми вещами, которые им наиболее подходили бы по природе. Пишут также о гимнасофистах — живущем на востоке народе, почитавшемся у индийцев столь мудрым, что они воспитывали новорожденных не по воле и желанию отца, но по решению и усмотрению этих признанных мудрецов, в обязанности которых входило, наблюдая за рождением и [телесным] обликом ребенка, выносить суждение, насколько и к чему он более всего пригоден; к этому, по рекомендации сих умудренных старцев, ребенка и приучали. Если же дети оказывались для добропорядочной деятельности неприспособленными и негодными, то не находилось и человека, готового взять на себя расходы и труды [по их содержанию]; как сказывают, их бросали, а иногда топили. Таким образом, пусть отцы определяют ребенка к тому, к чему он пригоден, пусть внемлют они оракулу Аполлона, который ответил Цицерону: "Следуй, прилагая труд и старание, туда, куда влекут тебя твоя природа и твой талант"¹⁴. И, если дети оказываются готовы и способны к добродетели, к божественным деяниям, к наукам и достойным искусствам, к военным победам и славе, пусть они начинают заниматься, упражняться и изучать все эти вещи, стараясь с самого раннего возраста к ним приобщиться. К чему в детстве привыкнешь, с тем и останешься. А если вдруг либо по природным задаткам, либо по уму, либо по [телесной] силе, либо же по здоровью дети не будут пригодны к чему-нибудь значительному, им следовало бы давать упражнений поменьше и более легких, и пусть всегда им будут предлагаться упражнения достойные, доблестные, мужественные, которые они были бы в состоянии выполнить. А если дети не будут подходить и годиться для сих похвальных занятий, не будет от них пользы и в другом, пусть отцы поступают, как те гимнасофисты: пусть утопят их в алчности, сделают стяжателями, воспаляя молодых людей жаждой не славы и чести, но золота, богатства...

Адовардо: Это нас и угнетает, Лионардо, ибо мы не знаем наверное, какой путь был бы для наших детей наиболее доступен, а равно не можем как следует распознать, куда их влечет природа.

Лионардо: Я думаю, что для наблюдательного и заботливого отца не составило бы большого труда угадать, какая деятельность и какие подвиги манят и привлекают детей. <...>

Не стоит сейчас говорить, сколь полезно и необходимо упражняться в любом возрасте, и прежде всего юношам. Посмотри, насколько крепче и здоровее ребятишки, воспитанные в деревне [и привычные] к труду и солнцу, по сравнению с нашими, росшими в бездействии и

не на открытом воздухе, которым, по словам Колумеллы¹⁵, даже смерть более ничего не в состоянии добавить непривлекательного. Такие они бледненькие, худенькие, с темными кругами под глазами, плаксивые. Поэтому полезно приучать детей к труду — как для того, чтобы были они крепче, так еще и для того, чтобы не оставлять их в бездействии и неподвижности, — [а также] ко всему, что подобает мужчине. И еще я одобряю тех, кто приучает детей терпеть стужу без головного убора и босиком, долго бодрствовать ночью, подниматься с постели до восхода солнца и кто в остальном дает им только то, что требует достоинство и что необходимо, дабы развить и закалить тело. Словом, детей следует приучать к подобным тяготам, тем самым делая их, насколько возможно, мужественными; однако скорее так, чтобы тяготы более шли на пользу и не приносили бы вреда, чем чтобы они были без вреда, но и без пользы. Геродот, сей древний грек, прозванный отцом истории, пишет, что после победы персидского царя Камбиса над египтянами были на месте сражения собраны останки многих убитых, которые, хотя затем со временем перемешались одни с другими¹⁶, можно было легко распознать, поскольку черепа персов раскалывались от малейшего удара, черепа же египтян были весьма прочны и выдерживали удар любой силы; и объясняет сие большей изнеженностью персов, ходивших с покрытой головой, тогда как египтяне уже с детства приучались всегда оставаться — и под палящими лучами солнца, и под дождем, и росистым вечером, и ветреной ночью — с непокрытой головой. Рассматривая, какие следствия имел этот обычай, он говорит, что среди египтян почти нельзя было встретить лысых. Ликург, сей мудрый царь лакедемонян, установил, чтобы сограждане его с малых лет привыкали не к нежностям, но к трудам, не к веселому времяпрепровождению на площадях, но к обработке полей в деревне и воинским упражнениям¹⁷. Он очень хорошо знал, сколь великих результатов в любом деле можно достичь упражнениями! А среди нас разве нет таких, которые стали ловкими и сильными, хотя раньше были слабыми и ни на что не годными, таких, которые упорными упражнениями сумели сделаться превосходными бегунами, прыгунами, метателями копья, стрелками из лука, хотя раньше во всем этом были несведущи и беспомощны? Разве с помощью упражнений не сделал легкой и гибкой свою речь афинский оратор Демосфен¹⁸, который, от природы имея невнятный, шепелявый выговор, набивал рот мелкой галькой и громким голосом декламировал на берегу моря? Это упражнение так помогло ему, что не было впоследствии оратора, которого слушать было бы более приятно, чем его, который бы говорил так же чисто и выразительно, как он...

Несомненно, итак, что упражнением тела, а также и ума можно достигнуть весьма многого, всего того, чего мы пожелаем, сообразуясь с разумной мерой. И конечно, упражнение способно не только вялого и немощного сделать бодрым и сильным, но даже более — безнравственного и порочного сделать добропорядочным и воздержанным, слабого духом сделать сильным, ненадежную память сделать весьма крепкой и цепкой. Не будет [в человеке] такого необычного и затверделого свойства, которое в считанные дни не исправили и целиком не искоренили бы великое усердие и старание. Пишут, что Сильпон¹⁹, мегарский философ, от природы был склонен к пьянству и сластолюбию, но упражнениями в добродетели и науках он сумел победить свою натуру и стать как никто другой добронравным. Вергилий, сей наш божественный поэт, в молодости был женолюбив, и подобное сообщают обо многих других, кои имели поначалу в себе какой-нибудь порок, в последующем же исправлялись старательными упражнениями в достохвальных вещах. Метродор, древний философ, живший во времена Диогена-киника, добился путем упражнения и привычки того, что мог не только в точности пересказать слова, произнесенные сразу многими, но и воспроизвести тот же их строй и порядок²⁰. Что мы скажем об Антипатре Сидонском, который, в результате долгих упражнений освоив гекзаметры и пентаметры, лирические, комические, трагические и иных типов стихи, имел обыкновение, рассуждая на любой предложенный предмет, слагать их и произносить непрерывно один за другим без малейшей подготовки загодя? Ему, долго упражнявшему свой ум в стихосложении, легко и доступно было то, что менее поднаторевшим знатокам (*eruditi*) [этого дела] нынче представляется трудным, даже если у них есть время для предварительного обдумывания. И если, упражняясь, можно овладеть вещами сложными, кто усомнится в великой силе, которая заключена в упражнении? Сие было хорошо известно пифагорейцам, которые упражнением укрепляли память, вспоминая ежевечерне все, что сделано за день²¹. И, пожалуй, то же самое было бы полезно детям — повторять каждый вечер выученное днем. Я помню, как часто наш отец, и не имея в том нужды, посылал нас с поручениями ко многим лицам только ради того, чтобы поупражнять нашу память, а также часто желал узнать наше мнение по многим поводам, стремясь оживить и развить в нас ум и способность суждения, и очень хвалил, дабы подогреть наше честолюбие к соревнованию, тех, кто отвечал лучше.

Итак, многими способами отцам можно, даже необходимо испытывать способности своих детей, все время внимательно наблюдать за всем их образом поведения и особенностями и тех, кто выкажет му-

жественность и благовоспитанность, выделять среди других и хвалить, тех же, кто обнаружит леность и похотливость, исправлять, задавая им столько упражнений, сколько потребуется. Говорят, что выполнять физические упражнения сразу после еды вредно. Подвигаться перед принятием пищи и немного поработать не вредно, но переутомляться не стоит. Упражнять добродетелью ум и душу в любое время, в любом месте и по любому поводу всегда заслуживает высшего одобрения. И пусть эта обязанность вызывает у отцов не досаду, но скорее радость. Ты отправляешься на охоту в лес, устаешь, обливаешься потом, ночь проводишь на ветру, в холоде, день — на солнце и в пыли, чтобы видеть, как идет преследование и поимка [зверя]. А разве меньше радости видеть, как два или более дарования соревнуются в стяжании добродетели? А разве меньше пользы в твоей в высшей степени похвальной и праведной заботе о том, чтобы наделить и украсить твоего ребенка добронравием и благовоспитанностью, нежели в том, чтобы, возвращаясь [с охоты] усталым и потным, принести какую-то дичь? Словом, пусть отцам доставляет удовольствие направлять детей по пути добродетели и славы, побуждать их к состязанию в добропорядочности и чествовать победителя; пусть они радуются, имея детей, усердствующих и алчущих заслужить почет и уважение.

Адовардо: Мне доставляет удовольствие, Лионардо, твое красноречие, и по душе каждая твоя мысль; и я очень одобряю сии упражнения, коими, признаю, исправляются пороки и укрепляются добродетели. Однако определенно, Лионардо, я либо не умею сказать, либо не в состоянии как следует объяснить то, что думаю. Беспокойства и труды отцовства не столь уж малы, не столь уж легки, не столь радостны и приятны, как, возможно, тебе кажется. И что я могу? Дети растут, наступает время заставить их, как ты говоришь, обучаться добродетели. Отцы же к этому не готовы, а, пожалуй, из-за великой занятости и не способны; их душа и мысли поглощены чем-то другим, у них нет возможности оставить все свои прочие общественные и частные дела, дабы образовывать и воспитывать детей. Потому-то здесь надобен наставник, [а значит,] надобно, чтобы ты слышал, как дети орут, видел их в синяках, сеченных розгами и частенько, когда в том есть необходимость, сам их наказывал поркой. Но эти вещи, я знаю, кажутся тебе пустяками, ибо ты не ведаешь сколь чувствительна и сострадательна любовь и привязанность отцов. Кроме того, в дальнейшем дети могут оказаться жадными, негодными, лживыми и порочными. [Однако] сейчас я не хочу, [да и] не мог бы, не печалюсь, припомнить все наши тяготы. <...>

Лионардо: Кому не известно, что наибольшую пользу для детей должна заключать образованность? Столь великую, что человек даже благородного происхождения, если он не имеет образования, непременно будет выглядеть неотесанной деревенщиной. Я бы предпочел молодых людей из хороших семей гораздо чаще наблюдать с книгой в руках, нежели с соколом. Мне совсем не нравится обыкновение, усвоенное некоторыми людьми, полагающими, что вполне достаточно уметь подписаться и подсчитать, какую сумму тебе предстоит выручить. Очень по душе мне старый обычай нашего дома: почти все Альберти были людьми весьма образованными. <...>

Итак, семье, особенно нашей, которая всегда резко выделялась во всех отношениях, и в первую очередь образованностью, мне кажется, необходимо воспитывать молодежь таким образом, чтобы она росла не только годами, но и ученостью и знаниями — не менее ради всяческих выгод, кои образованность дает семье, нежели для продолжения этого нашего стародавнего и доброго обычая. Пусть в семье нашей продолжают следить, дабы молодые люди в соответствии с делами и обычаями предков получали все то огромное удовлетворение, какое им обещает образованность через познание замечательных и необыкновенных вещей; и пусть отцы радуются, если дети становятся многознающими и учеными. А вы, молодые люди, не жалейте, как вы и делаете, труда для освоения наук, будьте старательны. Пусть вам доставляет удовольствие знание дел минувших и заслуживающих памяти; пусть пойдет вам впрок разумение добрых и весьма полезных преданий; наслаждайтесь, питая ум изящнейшими мыслями²²; пусть будет вам в радость украшать душу прекрасными нравами; старайтесь в общении с согражданами поражать необыкновенной любезностью; стремитесь к познанию дел человеческих и Божественных, кои с полным основанием доверены наукам. Нет такого сладостного, такого гармоничного соединения голосов и мелодий, которое могло бы сравниться с соразмерностью и изяществом стихов Гомера, Вергилия и любого другого прекрасного поэта. Нет такой приятной и такой яркой манеры повествования, которая бы заключала в себе столько же сладости и красоты, сколько рассуждения Демосфена, [Марка] Туллия, [Тита] Ливия, Ксенофонта и других им подобных упоительных и совершенных во всех отношениях ораторов. Ни один труд не приносит такого вознаграждения, — если [только сие можно] скорее назвать трудом, а не развлечением и отдохновением души и ума, — как чтение и перечитывание разных хороших произведений. В нем ты найдешь в изобилии примеры, кладезь мыслей, разнообразие убеждений, сильные аргументы и доказательства, ты заставишь слушать себя, те-

бе охотно будут внимать граждане, будут восхищаться тобой, прославлять и любить тебя.

Я не продолжаю, так как слишком долго было бы говорить, насколько образованность не просто полезна, но необходима для тех, кто главенствует и правит; не стану описывать, как ею украшается государство. Мы, Альберти, вынуждены предать забвению — так сейчас распорядилась наша фортуна — наши прежние славные деяния, полезные для государства, известные и одобренные согражданами; [здесь, на общественном поприще] хорошо потрудились наша семья, насчитывавшая великое множество образованных и мудрых людей, которыми всегда славилась семья Альберти по сравнению со всеми другими. Если есть какая-то вещь, которая вместе с воспитанностью была бы прекрасна, или которая являлась бы великим украшением человеческой жизни, или которая приносила бы семье расположение [других], влияние и известность, то наверняка ею является образованность, [ибо] без оной никого нельзя считать истинно воспитанным человеком, без оной редко кого можно назвать счастливо живущим, без оной даже невозможно помыслить совершенной и прочной семьи. И мне приятно похвалить здесь, Адовардо, в присутствии этих молодых людей образованность, которую они почитают в высшей степени. И конечно же, Адовардо, я полагаю, что образованность нравится и тебе, мила и твоим родичам, полезна же она всем людям и весьма необходима при любых условиях жизни.

Словом, пусть отцы побуждают детей к весьма прилежному занятию науками, пусть обучают их правильно разумеать и писать, пусть не думают, что обучили их, если те не целиком овладели чтением и письмом. И, пожалуй, почти одно и то же — плохо знать что-то и совсем этого не знать. Далее, пусть они изучают арифметику, а заодно также и геометрию в той мере, в какой она может быть полезна; обе эти науки посильны и привлекательны для детского ума и могут весьма сгодиться во всяком деле и возрасте. Потом пусть вновь наслаждаются поэтами, ораторами, философами. Особенно же надо следить за тем, чтобы у ребят были неравнодушные преподаватели, добрым нравам наставляющие их в не меньшей мере, чем наукам. Для меня было бы важно, чтобы мои [дети] привыкли к хорошим авторам, изучали грамматику по Присциану и Сервию [Онорату], близко знакомились не с [разного рода] извлечениями и популярными пересказами, но прежде всего с [Марком] Туллием, [Титом] Ливием, Саллюстием, у которых замечательные и выдающиеся писатели с самого начала обучения постигали совершенство красноречия и великое изящество латинского языка. С умом, как говорится, обстоит так же, как и с

сосудом: если наполнишь его однажды дурной жидкостью, он затем навсегда сохранит в себе ее запах. Посему нужно избегать всех этих неумелых и грубых писателей и следовать за теми, кто приятен и сладостен, имея их под рукой, постоянно перечитывая и декламируя, заучивая на память. Я не отрицаю учености какого-либо знающего и обстоятельного писателя, однако больше предпочитаю хороших писателей, и поскольку их в изобилии, мне не нравятся, чтобы обращались к плохим. Латинский язык следует искать, у кого он чист и совершенен; у других авторов пусть черпают другие науки, коими те занимались.

И да будет известно отцам, что образованность никогда не бывает во вред: напротив, в любом деле она всегда приносит немалую пользу. Каждый из большого числа образованных людей, коими, конечно же, наш дом был славен, в силу своей образованности оказывается чрезвычайно пригоден к [различным] другим занятиям. А насколько осведомленность в науках всегда всем помогала в стяжании славы и предприятиях, сейчас нет нужды рассказывать. Не надо думать, Адвардо, будто я хочу, чтобы отцы держали детей постоянно, словно галерников, за книгами; напротив, я за то, чтобы молодые люди в мере, потребной для восстановления сил, устраивали развлечения. Но все их игры да будут мужественными, благопристойными, не заключающими в себе ничего порочного и предосудительного. Пусть занимаются теми похвальными упражнениями, кои употребляли благородные люди древности. Почти ни одна игра, при которой нужно сидеть, мне не кажется достойной мужественного человека. Людям пожилым, пожалуй, какая-то и позволительна, шахматы и им подобные развлечения для подагриков, но никакая игра без упражнений и физической нагрузки (*fatica*) мне не представляется приличествующей для здоровых людей. Пусть они оставят юношей, не желающих [ничего делать], пусть оставят женщин, которые [только и знают] сидеть и предаваться лени, сами же займутся упражнениями, развивают тело и все его члены: пусть метают стрелы, ездят верхом и участвуют в других мужественных и благородных состязаниях. У древних была в чести стрельба из лука, и правители находили удовольствие в том, чтобы появляться на публике с луком и колчаном, хорошее владение которыми писателями вменялось им в заслугу. Сказано о великой искусности в стрельбе из лука цезаря Домициана²³, будто бы он, используя в качестве цели поднятую руку [поставленного поодаль] мальчика, пускал стрелы с такой меткостью, что они проходили в промежутки расставленных пальцев. Среди нашей молодежи распространена игра в мяч, известная издревле и развивающая ловкость, коя заслуживает одобрения в человеке благородного звания. Мячом часто забавлялись великие го-

судари, и среди прочих Гай Цезарь, очень любивший эту превосходную игру: он так, пишут, ею увлекался, что, [однажды] проиграв Луцию Цецилию сто [сестерциев], дал ему пятьсот²⁴. На это Луций сказал ему: "Что ты мне дал бы, если бы я играл только одной рукой, а не двумя, и ты остался бы доволен?" Также и Публий Муций [Сцевола], и Октавиан Цезарь, и Дионисий — царь Сиракуз, и многие другие именитейшие люди и государи, коих было бы долго перечислять, имели обыкновение заниматься упражнениями с мячом. Мне было бы по душе, если бы молодые люди упражнялись в верховой езде, в обращении с оружием, умели бы скакать, преодолевать препятствия, вовремя останавливать коня, — дабы в случае необходимости послужить отечеству против его врагов. С целью пристрастить молодежь к воинским занятиям древние устраивали троянские игры, великолепно описанные Вергилием в "Энеиде"²⁵. Среди государей римлян были удивительные наездники. Цезарь, по рассказам²⁶, пускал коня во весь опор, заложив руки за спину. Помпей, будучи шестидесяти двух лет от роду, на полном скаку метал дротики, вытаскивал и вновь вкладывал в ножны меч²⁷. Мне бы также хотелось, чтобы наши ребята сызмальства начинали вместе с науками обучаться сим упражнениям и благородным навыкам, не только нужным в жизни, но и похвальным: верховой езде, фехтованию, плаванию и всем подобным вещам, незнание которых часто вредит в зрелом возрасте. И если ты поразмыслишь над этим, то обнаружишь, что все названные мною вещи необходимы для нужд гражданской жизни и таковы, что в юном возрасте их без большого труда и весьма быстро осваивают, в зрелом же — им, пожалуй, полагается быть среди первых доблестей.

Адовардо: <...> Но предположим, Лионардо, у тебя есть дети. Скажи, когда они, взрослая, стали бы, как ты и хотел бы, скромными и послушными и ты бы усомнился, как часто бывает, лишь в том, что ребенок твой не в полном соответствии с твоим желанием способен и пригоден к той высокой доблести и похвальным занятиям, кои, по словам Лоренцо, могут доставить семье славу и благополучие, — какими тогда были бы твои мысли? Не может каждый быть Лионардо, или мессером Антонио, или мессером Бенедетто. Кто вроде тебя выкажет природную расположенность и приверженность, ко всем похвальным вещам? Обо многих вещах больше любят говорить, чем делать. И верь мне, Лионардо, у отцов есть другие, более сильные [печали]; сия, пожалуй, может показаться незначительной, но она, конечно, не из легких печалей и тягот, ибо все время ты терзаешься страхом, как бы не выбрать и принять дурное решение.

Лионардо: Если бы у меня были дети, несомненно, я бы думал о них, но думы эти не были бы печальными. Прежде всего меня заботило бы, чтобы дети мои росли в благонравии и добродетели и любое занятие, пришедшееся им по вкусу, понравилось бы и мне. Всякое занятие, если оно не бесчестно, не будет во вред благородной душе. Занятия, приносящие честь и славу, свойственны людям достойным и благородным. Согласен с тобой, что никто не способен на [все] то, чего хотели бы [от него] отцы; но мне больше по нраву тот, кто преследует вещи, которых он мог бы достичь, нежели тот, кто устремляется к непосильному для него. Кроме того, считаю, что больше заслуживает одобрения тот, кто, пусть и не преуспев во всем, [к чему стремился] делал все, на что был способен, нежели тот, кто ничем в жизни не занят, ленив и бездеятелен. Старая поговорка, часто звучащая в разговорах, гласит: "Бездеятельность — кормилица порока". Тяжело и неприятно видеть тратящего попусту время, вроде того ленивца, который на вопрос, что заставляет его, словно приговоренного, целый день сидеть или лежать на лавках, ответил: "Я хочу разжиреть". И всякий, слышавший ответ, ругал его и просил оставить свиньям сие занятие, дабы по крайней мере была от этого какая-то польза. Таким образом, ему справедливо было показано, что ленивым быть еще хуже, чем свиньей.

Более того, Адовардо, сколь богат и знатен ни был бы отец, ему непременно следовало бы подумать о том, чтобы сын усвоил не только заслуживающие похвалы добродетели, но и какое-нибудь ремесло не из числа низких, дабы при неблагоприятном повороте фортуны он мог бы достойно прожить трудом своих рук. Неужели непостоянство фортуны в этом мире столь нечасто и столь незначительно, чтобы мы посмели усомниться [в возможности] несчастливых обстоятельств? Разве не видели в Риме, как сын македонского царя Персея²⁸ трудился в мастерской, перепачканный с ног до головы, и платой за свою работу едва-едва удовлетворял свои нужды? Если переменчивость вещей может вот так сына великого и могущественного царя ввергнуть в крайнюю бедность и нужду, то нам, частным людям, как и правителям, весьма необходимо предусмотреть всякий поворот фортуны. И если никто из наших никогда не занимался каким-либо ручным ремеслом, то благодарить за это надо фортуны и постараться на будущее, чтобы оно не потребовалось. Мудрый и предусмотрительный кормчий, дабы выстоять, случись буря, имеет парусов, канатов и якорей в большем запасе, чем их нужно при хорошей погоде. Словом, пусть отцы проявят заботу о том, чтобы дети полюбили какое-то заня-

тие из наиболее похвальных и полезных. И в нем пусть они прежде всего ищут достоинство, потом исходят, зная ребенка, из того, чтобы он скорее мог трудом своим и умом снискать немалое одобрение.

Адовардо: Это, Лионардо, одна из тех вещей, которые отцам часто смущают души, так как им известно, сколь многим опасностям и случайностям подвергаются юные и младшие члены их семьи; и им хотелось бы иметь на все случаи прекрасное и действенное средство. Но бывает нередко, что дети всякий совет отклоняют вызывающе и заносчиво, и как бы отцы ни старались, они не в силах помочь. И очень часто из-за перенесенных тягот, из-за бедности случается отцам возбранять для своей молодежи те благородные искусства и упражнения, занятие которыми обещало детям славу и одобрение. Отчего, в душе мы, отцы, постоянно испытываем большой страх, то как бы сын не отказался следовать добрым наставлениям, благодаря которым он, став взрослым и живя по своей воле, будет настойчивее в достижении своих целей и увереннее в своих силах, то как бы фортуна не прервала начатый им путь к известности и величию. Словом, если кто постоянно терзается в себе всеми этими подозрениями и кто все время опасается переменчивости фортуны и нравственной нетвердости молодых людей, подобно отцам, тревожащимся за детей, то как можно приписывать ему радость или называть его счастливым?

Лионардо: Я не понимаю, Адовардо, почему у заботливого отца могли бы быть заносчивые и дерзкие дети, если только ты не имел в виду, что он начал проявлять заботливость не раньше, чем сын его стал совсем порочным. Если отец будет всегда бдителен, будет стараться предупредить появление пороков и ревностно искоренять их, увидя, что они уже произросли, и будет осторожен и предусмотрителен, чтобы не дожидаться, когда порок станет столь великим и столь бросающимся в глаза, что пятном бесчестия он мог бы покрыть и очернить весь дом, то, определенно полагаю, такому отцу не придется подозревать детей в заносчивости и неповиновении. И если все же порочность по нерадению и бездеятельности отца произрастет и пустит глубокие корни в одном из его отпрысков, то, по моему мнению, ему ни в коем случае не нужно от него отказываться, чтобы не причинить ущерба своему благосостоянию и доброму имени. Он не удалит, не прогонит сына от себя, как делают иные во гневе и раздражении, так что молодые люди, исполненные порочности, любящие своевольничать, во всем испытывающие нужду, предаются вещам гадким, гибельным, позорящим их и их близких. Но прежде всего отец семейства будет внимательно и заботливо выявлять всякое возгорание пороч-

ных страстей в каждом своем ребенке и сразу же примет меры к тому, чтобы загасить все искорки порочности, ибо позже потребуются больше труда, боли и слез для ликвидации разбушевавшегося пламени.

Существует поговорка: "Лиха беда начало". Пусть отец с самого раннего возраста начинает наблюдать и замечать, куда влечет сына, и пусть запрещает ему следовать по пути, который малопохвален и небезопасен. Пусть родители не допускают в детях раздражительности, не позволяют им усваивать всякого рода дурные и бесстыдные нравы. Пусть отцы стараются всегда выглядеть именно отцами, предстают не ненавистными, но строгими, не чересчур добродушными, но человеческими. И каждый отец пусть помнит, что власть, держащаяся на силе, всегда менее прочна, чем та, которая основана на любви. Никакой страх не может длиться слишком долго, любовь же длится очень и очень долго. Со временем страх убывает, любовь день ото дня непрерывно растет. Итак, кто будет столь безумен, чтобы полагать необходимым выказывать себя во всех отношениях суровым и строгим? Строгость без человечности возбуждает скорее ненависть, нежели почтительность. Чем более человечность снисходительна (*facile*) и чужда всякому жестокосердию, тем более она заслуживает благорасположения и доброго отношения. Я не говорю о внимательности, каковая, сдается, более приличествует нраву тирана, чем отца, — показывать, что слишком вникаешь во все. Эти строгости к суровости способны наполнить молодых людей негодованием и злобой по отношению к старшим куда больше, нежели послушанием. И благородные души усматривают зло для себя, если обходятся с ними не как с сыновьями, но как с рабами. Иногда старшим лучше на что-то закрыть глаза, нежели не исправлять то, что они явно знают. И менее вредно для ребенка, если он думает, что отец не ведает о чем-то, чем если он убедится в отцовском попустительстве. Кто приучается обманывать отца, еще легче будет злоупотреблять доверием чужих людей. Всеми силами, итак, пусть и присутствующие и отсутствующие стремятся к тому, чтобы младшие считали их отцами. Прежде всего этому будет способствовать внимательность. Благодаря ей тебя всегда будут любить и почитать твои [домашние]²⁹. Все же если отец теперь в награду за прошлое свое небрежение ими обнаружит, что кто-то вырос негодеем, пусть он в душе своей положит скорее не называть того сыном, чем видеться с ним — дурным и бесчестным человеком. Наши превосходные законы, обычаи нашей страны, мнение всех добрых мужей предусматривают в этом плане подходящее средство. Если сын твой не желает тебя иметь отцом, ты вправе отказаться иметь его сыном. Если он тебе как отцу не повинуется, будь с ним несколько суровее,

чем с тем, кто послушен. Скорее предпочти наказать негодника, чем бесславить дом. Меньше горюй, когда кто-то из твоих [детей] заточен в темнице и в оковах, нежели когда недруг твой³⁰ на свободе, находится ли он дома или вне его позорит тебя перед всеми. Великим твоим недругом станет тот, кто будет доставлять тебе боль и печаль. Конечно же, Адовардо, кто вовремя и не жалея внимания будет заниматься своими детьми, как ты твоими, тот ни в каком возрасте не увидит от детей своих ничего иного, кроме большого уважения и почтения, всегда будут приносить они ему удовлетворение и радость. Добродетель детей — в отеческих заботах; столько в детях благонаравия и почтительности, сколько отцы и старшие желают того. Послушания и повиновения детей старшим не убавится, если не возрастут бездеятельность и нерадивость самих старших. <...>

КОММЕНТАРИИ

¹ Речь идет о Леоне Баттиста, авторе этой книги, и о Карло — сыновьях Лоренцо, присутствующих при разговоре.

² Имеется в виду Флоренция.

³ Бенедетто Альберти (1320—1388), дедушка Леона Баттиста, играл заметную роль в общественной жизни Флоренции.

⁴ Неточность, ибо, во-первых, об изгнании должен говорить не Бенедетто, но его сын Лоренцо; а во-вторых, Лоренцо вместе с другими членами дома Альберти был изгнан в январе 1401 г., так что с момента высылки до того времени, к которому отнесены диалоги (весна 1421 г.), прошло на самом деле чуть более двадцати лет.

⁵ Возможно, намек на заговоры и попытки изгнанников силой захватить власть и вернуться в родной город.

⁶ Обращается к Адовардо.

⁷ См.: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Марк Катон. XX.

⁸ *Aulus Gellius*. *Noctes atticae*. XII, 1.

⁹ Речь, конечно, идет о материальных богатствах.

¹⁰ С этим утверждением можно и не согласиться.

¹¹ Ср.: *Цицерон*. О судьбе. IV (7).

¹² *Платон*. Лахет, 182e—183a; Государство. VIII, 545a; Законы. I, 630d. См. об этом же: *Цицерон*. Об обязанностях. I, XIX, 64.

¹³ См.: *Цицерон*. Об ораторе. I, 28, 126.

¹⁴ См. об этом: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Цицерон. V.

¹⁵ *Колумелла*. О сельском хозяйстве. I. Предисловие. 17.

¹⁶ *Геродот*. История. III, 12. Геродот не говорит, что останки павших персов и египтян были перемешаны.

¹⁷ Ликург, древний законодатель спартанцев, здесь ошибочно назван царем; неверно также, что спартанцы приучались с детства к земледельческому труду, коим, наоборот, они гнушались как занятием, недостойным свободнорожденного: земли их возделывали илоты. См.: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Ликург. XVI, XXIV и в других местах.

- 18 *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Демосфен. XI.
 19 См.: *Цицерон*. О судьбе. 10.
 20 О мнемотехнике Метродора Скепсийского см.: Цицерон. Об ораторе. II, 88, 360.
 21 См.: *Цицерон*. О старости. XI, 38.
 22 *Sentenza* — мысль, изречение.
 23 *Светоний*. Жизнь двенадцати цезарей. Домициан. § 19.
 24 *Macrobius*. *Saturnalia*. II, VI, 5.
 25 *Вергилий*. Энеида. V, 66 и далее.
 26 *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Цезарь. XVII.
 27 *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Помпей. LXIV. Альберти неточен: Помпею было пятьдесят восемь лет.
 28 О судьбе Александра, сына плененного римлянами македонского царя Персея, сообщает Плутарх: Сравнительные жизнеописания. Эмилий Павел. XXXVII.
 29 Явное несоответствие тому, что сказано немногим выше об этом же качестве — *diligenza*. В некоторых изданиях трактата эта и предшествующая ей фраза отсутствуют.
 30 Имеется в виду сын, исполненный порочности.

Книга третья: хозяйственная

Дав нам пояснения насчет многого в приведенных выше¹ беседах из того, что у Карло² и у меня вызывало сомнение или что мы не очень хорошо запомнили, Лионардо³ принялся безмерно расхваливать нас за усердие, которое Карло и я выказали минувшей ночью, составляя краткие заметки по поводу услышанных от него днем ранее рассуждений. В этот момент неожиданно появился Джанноццо Альберти⁴, справедливо уважаемый всеми за величайшее свое человеколюбие и нравственную чистоту. Он пришел повидать Ричхардо⁵. Поприветствовав нас, Джанноццо поинтересовался, как поживает Лоренцо⁶ и насколько его ободрил приезд брата. Лионардо принял гостя очень почтительно. <...>

Лионардо: Сколько таких вещей, которые вы имели обыкновение делать молодым, а теперь, в старости, делать не станете! И сколько других вещей нравится вам сейчас, которые тогда вам, пожалуй, не казались привлекательными.

Джанноццо: Много, мой Лионардо. Мне помнится, когда я был молод, устраивались в те годы, в счастливое для нашего отечества время, рыцарские турниры или подобные им публичные состязания; это-то и было предметом большого несогласия между старшими членами моей семьи и мной, поскольку всеми силами я хотел принимать в них участие наряду с другими, дабы показать, на что я способен. С великой славой и почестями возвращались с них те, кто принадлежал

к нашему дому. Я радовался им, но одновременно меня печалило, что я не в их числе, не подвергал себя опасностям и ничего, в отличие от них, не заслужил. <...> Ты бы засмеялся, если бы я стал тебе рассказывать, на какие хитрости я шел не раз, дабы получить разрешение старших, без коего ничего не мог бы сделать. Я прибегал к помощи посредников, родственников, друзей. Говорил, будто обещал участвовать, находился и такой, кто заверял, что я поклялся друзьям. Ничто не помогало. По этой причине, бывало, их я любил менее, чем должно. Я хорошо понимал, что они так поступают, ибо я им слишком дорог и они, любя меня, опасаются, как бы со мной не приключилась какая-нибудь беда, ведь даже людям весьма крепкого сложения и великой доблести — их телу или чести — случается терпеть урон. Тем не менее я на них досадовал за то, что они отговаривали меня и очень противились этой моей благородной страсти. Еще более меня огорчала мысль, что делают они это бережливости ради (*per masserizia*), поскольку были, как тебе известно, рачительными хозяевами (*buoni massaiotti*), каковым и я теперь стал. Но тогда я был молод и тратил не скупясь.

Лионардо: Нынче же?

Джанноццо: Нынче, мой Лионардо, я стал благоразумнее и считаю безумцем того, кто транжирит свое состояние. Человек, не испытавший на себе, сколь горестно и двусмысленно положение, когда в нужде приходится искать помощи у других, не ведает всю пользу денег. И кто не знает, какими трудами они добываются, легко их тратит. А кто не соблюдает меры в расходах, тот обычно очень быстро становится бедным. Бедняк же, дети мои, подвергается в этом мире всевозможным лишениям и напастям, и, пожалуй, лучше умереть, чем, бедствуя, жить несчастливо. Так что, мой Лионардо, поговорку наших крестьян я проверил на себе и готов тебе доказать собственным опытом ее совершенную правоту: "Кто не находит денег в своем кошельке, куда менее их сможет найти в чужом". Дети мои, нужно быть людьми хозяйственными и остерегаться, как смертельного врага, излишних трат.

Лионардо: Однако, Джанноццо, я не думаю, что при таком ограничении расходов вам хотелось бы быть или казаться скаредным (*avaro*).

Джанноццо: Боже меня сохрани! Ничто так не вредит доброй славе и благорасположенности [к тебе] людей, как скаредность. Найдется ли какая-нибудь столь чистая и благородная добродетель, которая бы не была затемнена до неузнаваемости скаредностью? Внушает великое отвращение то, что души людей крайне прижимистых и скупых пребывают постоянно в терзаниях и большой тревоге, то беспокоясь о приумножении состояния, то печалься по поводу каких-то произве-

денных расходов; а эти неприятности обязательно происходят со скупыми. Никогда не вижу их радостными, никогда не наслаждаются они [хоть] чем-нибудь из своего добра (*delle sue fortune*).

Лионардо: Кто не хочет выглядеть скаредным, должен быть широким в тратах.

Джанноццо: А кто не хочет выглядеть безумцем, тот должен быть рачительным (*massaio*). Ведь если Бог нам в помощь, разве Он не хочет, чтобы мы скорее были рачительными, нежели широкими в тратах. <...> Всякая трата, не вызванная большой необходимостью, может иметь своим источником, по-моему, только безумие. И если кто помешается на какой-то вещи, тогда он непременно является помешанным вообще, ибо претендовать на то, чтобы быть помешанным [лишь] в некотором роде — это всегда значило быть помешанным вдвойне и как-то особенно. Но оставим в стороне все эти вещи, столь мало значительные по сравнению с другими, о которых мы сейчас будем говорить. Подобные расходы⁸ на пиршества и достойный прием друзей раз или два в год могут быть произведены и сами являются наилучшим лекарством, так как кто единожды их отведал, тот, если только не будет не в себе, вторично, думаю, их нести не пожелает. Ты и сам, Лионардо, поразмышляй здесь вот о чем. Есть ли что-нибудь более способное разрушить не только семью, но и город, и страну, нежели люди... как зовете вы их в ваших книгах, тех, кто тратит без удержу?

Лионардо: Расточительные.

Джанноццо: Зовите их как вам угодно. Если бы мне предстояло заново дать им имя, я бы назвал их по недугу, который Бог им уделяет. Очень порочные сами, они портят других. <...> Ради краткости скажу так: насколько дурна расточительность, настолько же хороша, полезна и похвальна хозяйственность (*masserizia*). Хозяйственность никому не вредит и приносит выгоду семье. И, доложу тебе, только хозяйственность дает достаточную возможность, чтобы существовать и никогда ни в ком не нуждаться. Святая хозяйственность, сколько похотливых желаний, сколько бесчестных домогательств поборола она! Расточительная и сластолюбивая молодежь, мой Лионардо, без сомнения, всегда была необыкновенно способна на то, чтобы довести до гибели любую семью. Хозяйственные и рачительные старики являются спасением семьи. Стать хозяйственным можно не иначе, как держась в душе своей дивного и утешительного убеждения, что жить надо честно тем, что даровала тебе фортуна. И кто живет, довольствуясь тем, что имеют, по моему мнению, не должны считаться алчными.

Воистину алчными являются те самые транжиры, которые, не зная удержу в тратах, так никогда и не могут насытиться приобретением и добыванием в разных местах того или этого. Не подумай, однако, чтобы мне была любя чрезмерная прижимистость. И все же убеждение мое таково: мне кажется, что великого порицания заслуживает отец семейства, который ведет себя не как хозяин, но скорее как мот.

Лионардо: Если транжиры вам, Джанноццо, не нравятся, то кто не тратит, вам должен нравиться. Алчность, хотя бы она и заключалась, как утверждают эти мудрецы, в непомерной страсти приобретательства, также предполагает и нежелание тратиться.

Джанноццо: Рассуждаешь правильно.

Лионардо: И все же алчность вам не по нраву.

Джанноццо: Да, очень.

Лионардо: Тогда что же такое эта ваша хозяйственность?

Джанноццо: Ты знаешь, Лионардо, что я человек необразованный. Больше на основе собственного жизненного опыта, чем со слов других, постигал я вещи, и мысли свои я вывел скорее из наблюдения действительности, чем с помощью чужих рассуждений. И пусть один из тех, кто целые дни проводит в ученых занятиях, мне скажет: "Дело обстоит таким образом", я ему, однако, не поверю, если не увижу очевидной причины (*ragione*), которая меня скорее убеждала бы, что дело именно так, нежели обязывала бы признавать это. И если кто-то другой — не из ученых — укажет мне сию причину, я поверю ему, пусть он даже не дает ссылку на авторитет подобно тому, кто черпал бы для меня свидетельства из книг; ибо, полагаю, кто бы их ни сочинял, был он, как и я, человеком. Так что сейчас, пожалуй, я не сумею ответить тебе столь же правильно, как ты, целый день не выпускающий книги из рук, смог бы ответить мне. Однако, Лионардо, те транжиры, о коих я только что говорил, не нравятся мне, поскольку тратят они нерасчетливо⁹, и скарედные у меня также не вызывают симпатии, потому что они не расходуют вещи, когда это необходимо, а еще потому, что именно они слишком много хотят иметь. Знаешь, какие люди мне нравятся? Те, которые расходуют ровно столько, сколько необходимо, и не более; излишек они откладывают. Их я зову хозяйственными.

Лионардо: Понятно; те, кто умеют держаться середины между слишком малым и слишком большим.

Джанноццо: Да, именно.

Лионардо: Но как узнать, когда слишком много, когда слишком мало?

Джанноццо: Легко, если руководствоваться установленной мерой.

Лионардо: Горю нетерпением узнать, что это за мера.

Джанноццо: Установить ее очень просто и очень полезно, Лионардо, позаботившись, чтобы все расходы не были крупнее и обременительнее того, что обусловлено необходимостью, но и не менее того, что требует достоинство (la onestá).

Лионардо: О, Джанноццо, насколько больше пользы в делах этого мира от такого вот, как вы, человека опытного и практического, чем от ни в чем не искушенного книжника! <...>

Джанноццо: Я говорил, что хозяйственность состоит не менее в том, чтобы как следует использовать вещи, нежели в том, чтобы сберегать их; не так ли? Что касается времени, то я стараюсь употреблять его умело, никогда не теряя попусту. Использую время, насколько в моих возможностях, для похвальных занятий, не уделяю его вещам низменным, на любое дело я расходую времени не больше, чем требуется, чтобы исполнить оное как следует. И дабы не терять ни малейшей доли времени, представляющего великую ценность, я установил себе за правило никогда не сидеть без дела, уклоняться от сна, доколе не свалит в постель изнеможение, ибо считаю постыдным без сопротивления быть повергнутым или, по примеру многих, сложить оружие до схватки. Словом, я бегу от сна и безделья, постоянно чем-то занимаясь. Дабы дела не путались и по этой причине не оказалось потом, что, начав несколько, я не закончил ни одного, или же при таком образе действий мне не привелось бы осуществить то, что похуже, и пренебречь лучшими занятиями, знаете, дети мои, что я делаю? Утром, прежде чем встать, я задаю себе такой вопрос: чем предстоит мне сегодня заниматься? Такими-то вещами; перебираю их в памяти, обдумываю и каждой определяю время: это утром, то днем, а вот то другое вечером. Так, по порядку, я исполняю всякое дело почти без напряжения. Мессер Никколайо Альберто¹⁰, человек весьма проницательный и деятельный, обычно говаривал, что, по его наблюдениям, радетельный человек шествует всегда неспешно. Возможно, кажется, что в действительности совсем иначе, но мой собственный опыт убеждает в его правоте. У нерадивого ускользает время, отчего нужда или желание его торопят. Упустив момент, он должен в спешке и напрягаясь делать то, что в свое время, раньше, сделать было легко. И запомните, дети мои, любую вещь, коль обильна и легкодоступна она ни была бы, крайне сложно будет заполучить, если пропущен подходящий для этого момент. Злаки, травы, ягоды, цветы, плоды и все другое ты легко достанешь, когда наступает их время; когда оно проходит, ты их можешь обрести с превеликим трудом. Посему, дети мои, нужно учитывать время, соответствующим образом его распределяя так, чтобы для дела никогда не пропадало ни часу. Я мог бы вам

рассказать, сколь драгоценно время, но об этом следовало бы вести речь в другом месте, располагая более изысканным слогом, более сильным умом, более основательной образованностью, нежели моя. Я только призываю вас не терять времени. Поступайте так же, как и я. Утром устанавливаю себе распорядок дня, днем выполняю, что мне положено, а затем вечером, прежде чем отправиться на отдых, припоминаю совершенное за день. И если обнаруживается, что какая-то вещь сделана не так и можно было бы сейчас же ее поправить, я немедленно этим занимаюсь; ибо готов пожертвовать скорее сном, чем временем, подходящим для дел. Сон, еду и тому подобное можно наверстать, взяв свое и завтра, а вот упущенное время не вернешь. Впрочем, мне крайне редко приходится — если я хорошо распределяю мои дела, каждому отведя его время, и не буду затем исполнять их небрежно — повторять, крайне редко и почти никогда мне не приходится в таком случае упускать или откладывать что-нибудь мне нужное. И если случится, что в какой-то момент я ничего не способен поправить, я извлекаю для себя урок на будущее, дабы подобным же образом не терять более времени. Словом, как вы уже слышали, я [стараюсь] давать не иначе как хорошее употребление сим трем вещам — душе, телу и времени. С ними я обхожусь очень рачительно и, насколько в моих силах, бережно и распорядительно, ибо их я считаю, как они того достойны, самыми дорогими и гораздо более свойственными мне, чем что-либо иное. Богатство, власть, состояние принадлежат не человеку, отнюдь, а фортуне, так-то; и постольку они принадлежат человеку, поскольку фортуна позволяет ему пользоваться ими.

Лионардо: А тем, что фортуна таким вот образом вам уделила, вы распоряжаетесь по-хозяйски?

Джанноццо: Лионардо, не по-хозяйски распоряжаться тем, что мы используем как свое, было бы нерадивостью и ошибкой. Да, блага фортуны наши настолько, насколько она нам их уступает, а также — насколько мы умеем их использовать. <...>

Лионардо: И что бы вы сделали? Как бы вы стали хозяйствовать?

Джанноццо: Как можно лучше, ведя покойную жизнь, не обремененную тягостными заботами. Про себя я бы так подумал: ну-ка, Джанноццо, покажи, чем оделила тебя фортуна. Ее милостью у меня есть дом, семья, имущество, верно? И что-то еще? Да. Что? Слава и благорасположение других людей.

Лионардо: Может быть, вы, как иные из наших сограждан, считаете, что слава приобретается должностями и положением?

Джанноццо: Ничего подобного, мой Лионардо; ничего подобного, дети мои. Мне кажется, что нет ничего менее достойного принести человеку славу, чем должность и положение. А знаете, дети мои, по-

чему? Как потому, что мы, Альберти, чужды теперь мечтаний о них¹¹, так и потому, что я сам из тех, кто никогда их не ценил. Любая другая жизнь мне всегда нравилась много больше, нежели та, которую ведут, скажем так, государственные мужи. И кому бы она могла понравиться? Жизнь крайне беспокойная, вся в подозрениях, трудах, угодничестве. Какое отличие ты усмотришь между теми, кто изнуряет себя для государства, и общественными рабами? Тут ты что-то затеваешь, там ищешь покровительства, перед этим гнешь спину, с тем ведешь борьбу, а того другого обижаешь: много подозрений и зависти, нескончаемая вражда, ненадежная дружба, щедрые посулы, широкие предложения, все исполнено притворства, суетности, лжи. И чем больше тебе нужно, тем с большим трудом ты сможешь найти человека, который бы по отношению к тебе хранил верность и держал обещание. И таким образом с твоим разорением, с твоими горестями и обязательно с твоим падением пропадают в один миг все твои труды и надежды. И если же тебе после бесконечных домогательств выпадет какая-то удача, что все-таки ты смог бы посчитать своим приобретением? Вот ты занимаешь должность. Какую выгоду ты от этого имеешь, кроме разве того, что можешь почти свободно грабить и насильничать? Здесь на тебя обрушиваются постоянные жалобы, бесчисленные обвинения, великие смуты, а вокруг тебя всегда роятся люди склочные, алчные, бесчестные, которые слух твой наполняют подозрениями, душу — жадностью, ум — страхом и волнениями. Тебе приходится забывать о своих собственных делах, чтобы заниматься теми, которые запутали другие. То нужно привести в порядок государственные налоги и расходы; то принять меры на случай войны; то подтвердить и возобновить законы; всегда находится множество связанных друг с другом дел и обстоятельств, в коих ни тебе одному, ни вместе с другими никогда не дозволено поступать так, как тебе бы хотелось. Каждый считает свои стремления честными, свои суждения — заслуживающими одобрения, свои мнения — лучше других. Уступая общему заблуждению или чьему-то высокомерию, ты бесчестишь себя; стремясь услужить и понравиться одному, ты вызываешь неудовольствие ста. О, одержимость, которой не ведают, несчастье, которого не бегут, зло, которое не ненавидят, как оно того заслуживает; и, мне сдается, все потому, что лишь сей тип рабства предстает облаченным неким достоинством. Ах, глупость людей! Они так любят шествовать с трубами впереди и тростью в руке, что предпочитают это своему покою в домашнем кругу и подлинному умиротворению души. <...> Для меня достаточно быть и казаться человеком добрым и праведным, что никогда не навлечет на меня бесчестья. Лишь такая репутация

(*opoganza*) остается со мной в изгнании и останется, доколе я ей не изменю. Другие исполнены суетного тщеславия, когда к ним благоволит фортуна, становятся высокомерными, пользуясь властью, печалются, если у них ее нет, трепещут в страхе ее утратить, приходят в уныние, ее потеряв, в то время как нас, довольствующихся тем, что имеем сами, и никогда не зарившихся на чужое, не огорчит, если мы не обладаем какой-либо общественной властью или же теряем то, что нами совсем не ценилось. И кто будет ценить это рабство, эти тяготы и бесконечные терзания души? Дети мои, будем тверды в своем выборе и постараемся стать хорошими и праведными хозяевами. Будем счастливы с нашей семьей, наслаждаться теми благами, кои подарила нам фортуна, уделяя часть их нашим друзьям, ибо великое почтение внушает человек, живущий беспорочно и честно.

Лионардо: Насколько я могу судить на основе сказанного вами, Джанноццо, вам присуща та возвышенная и смелая воля, которая, как всегда мне казалось, более достойна мужественной души, нежели какая бы то ни было другая воля и страсть смертных. Вижу, что вы предпочитаете жить сам по себе (*vivere a sé stessi*) — цель достойная и свойственная царственной души, живя, не иметь ни в ком нужды, удовлетворяться тем, чем фортуна тебя оделила. Имеются и такие, кого заодно с вами я могу с полным основанием подвергнуть критике, поскольку они считают, что величие и благородство души проявляется в том, чтобы возлагать на себя всякое трудоемкое и беспокойное дело с целью добиться в этом большего, нежели другие сограждане. Подобных людей как в других местах, так и в нашей земле¹² немало; воспитанные в [традициях] стародавней свободы [нашего] отечества, исполненные в душе жестокой ненависти к любой тирании, не удовлетворенные общей всем свободой (*comune libertà*), они хотели бы большей, чем у других, свободы и вольности¹³. Конечно же, Джанноццо, кто захочет занять должность и руководить общественными делами не ради того, чтобы заслужить похвалу и благодарность людей добропорядочных (*buoni*), но из одного только неумеренного стремления первенствовать и повелевать, тот, согласен с вами, не выкажет себя добрым гражданином и, как вы говорите, достоин великого порицания. И замечу вам, что добрый гражданин будет любить покой, но не столько собственный, сколько также и других, наслаждаться частным досугом, любя досуг других своих сограждан не менее своего, стремиться к согласию, спокойствию, миру, тишине в своем собственном доме, но много более — в своем отечестве и государстве. Этого не достичь, если кто-нибудь из богатых, мудрых и знатных граждан будет претендовать на большее, чем другие свободные, но не

столь благодетельствованные фортуной сограждане. Однако государства также не могут как следует себя сохранять, если все добропорядочные граждане в них будут удовлетворяться лишь своим частным досугом. Мудрые люди говорят, что добропорядочные граждане должны заниматься государством и нести бремя трудов ради отечества, не обращая внимания на кривотолки людские, дабы содействовать общественному спокойствию и благоденствию всех и каждого, а также не допускать к власти людей негодных, кои по нерадению добропорядочных и своей порочности погубили бы все, отчего ни частные, ни общественные дела не могли бы вестись как следует.

И далее, видите ли, Джанноццо, сие ваше весьма заслуживающее одобрения намерение и правило жить добродетельно исключительно в качестве частного лица хотя само по себе превосходно и благородно, однако не найдет последователей у людей, жаждущих славы. А ее создает не частный досуг, но общественная деятельность; на площадях рождается известность, среди народа вскармливается одобрением, звучащим во мнениях многих почтенных мужей. Бежит слава всякого уединения и частного обиталища и охотно располагается и живет в общественных местах, где происходят собрания и многолюдные сходки: там становится известным и знаменитым имя того, кто, прилагая все усилия в неизменном стремлении к благим вещам, избавил себя от безвестности и забвения, от невежества и пороков. Поэтому мне кажется, что ни в коем случае не заслуживает порицания тот, кто как при помощи различных доблестных деяний и устремлений, так и при помощи самого ревностного следования добрым нравам снискал бы расположение честных и добропорядочных граждан. <...> Но не будем желать того, что мы еще не в состоянии осуществить на деле. Будем делать, как вы нас учите; будем дожидаться своего часа, так как, быть может, когда-нибудь терпение и смирение наши будут вознаграждены, а несправедливость и незаконие злокозненных и жестокосердных, которые ничем не гнушаются, чтобы причинить нам вред и обиду, будут по праведному приговору Божьему, быть может, наказаны какой-либо заслуженной и подобающей карой. Все свои силы, все старания и всякое умение давайте употребим, Баттиста и ты, Карло, на то, чтобы заслужить похвалу и славу, и таким образом подготовим себя быть полезными государству и отечеству нашему, дабы, когда придет время, мы выказали себя людьми, которых ни Джанноццо, ни эти благородные и осмотрительные старцы не посчитали бы недостойными занимать наиболее высокие и почетные общественные должности.

Джанноццо: Так поступайте, дети мои, и я буду доволен; надеюсь и жду, что вы так и будете вести себя и этим путем приобретете и сэкономите великую славу. Но все же напомню вам, чтобы вы — не скажу: ради славы, потому что ради славы многими вещами нужно пренебречь, но скажу: ради руководства другими — никогда не пренебрегали руководством самими собой; ради управления чужими делами не пренебрегали своими собственными. Словом, напомню вам: у кого не будет достатка в доме, мало что сможет найти вне его; и общественные дела не облегчают частных нужд. Внешней славой не напитаешь семью дома. О ваших домашних делах имейте заботу и попечение, как того требует необходимость, а общественными занимайтесь не поскольку вас влечет честолюбие и высокомерие, но постольку доблесть ваша и благорасположение граждан доверяют вам их.

Лионардо: Хорошо, что вы напомнили нам, Джанноццо, о том, что нужно. Так и будем делать. Но из этих частных обстоятельств, которых, по вашим словам, всего четыре (два домашних — семья и богатство; два внешних — слава и дружба), какому бы вы отдали предпочтение?

Джанноццо: Естественно, любовь и преданность заставляют меня всего более ценить семью. А чтобы содержать семью, необходимо имущество; для сохранения семьи и имущества потребны друзья, от которых ты бы мог получить совет, а также помощь, дабы перенести или уклониться от ударов фортуны; чтобы с друзьями наслаждаться выгодами, даваемыми имуществом, семьей и дружбой, нужно достичь некоторого положения и высокой репутации.

Лионардо: Что зовете вы семьей?

Джанноццо: Дети, жена, другие домочадцы, дворовые люди, слуги.

Лионардо: Понимаю.

Джанноццо: А знаешь, как велит хозяйственность поступать в отношении их? Не иначе, как в отношении себя самого: использовать их только в делах добропорядочных, благопристойных и полезных, стараться, чтобы они были здоровы и веселы, и пусть никто из них не теряет времени впустую. А знаешь, как сделать, чтобы никто из них не терял времени впустую?

Лионардо: Если каждый будет чем-то занят.

Джанноццо: Не только. Скорее если каждый будет делать то, что ему полагается: если жена будет заниматься детишками, присматривать за имуществом и иметь попечение обо всех хозяйственных делах семьи; если дети будут прилежно учиться; если остальные будут хорошо и старательно заниматься тем, что было предписано им старшими. А знаешь, в каком случае они будут тратить время впустую?

Лионардо: Думаю, если ничего не будут делать.

Джанноццо: Конечно, поэтому; и еще — если тем, что может сделать один, будут заняты двое или больше; и если там, где должны трудиться двое или больше, будет выбиваться из сил всего лишь один; и если одному будет определено дело, для которого он был бы негоден и бесполезен. Ибо где слишком много людей, там кто-то стоит без дела; а где меньше нужного и неподходящие, там еще хуже, чем если бы не трудились вовсе, поскольку в этом случае труд был бы безрезультатен и разрушителен, ибо по большей части приводил бы к порче вещей.

Лионардо: Хорошо сказано.

Джанноццо: Конечно, время не будут терять впустую в том случае, когда каждому будет назначено дело, которое он умел бы и мог бы осуществить. А чтобы все могли и хотели с большим прилежанием и старанием сделать то, что им надлежит, нужно полагающееся нам самим выполнять так, как выполняю это я. Мне же надлежит поручать моим людям праведные дела, научить осуществлять оные с прилежанием и как следует и каждому назначить такое, которое будет выполнено обязательно и наилучшим образом. Знаешь, что я делаю, чтобы лучше выполнить полагающееся мне? Прежде я весьма долго размышляю о том, что может им понадобиться, какая вещь им могла бы лучше послужить, затем я разыскиваю ее и не щаю трудов, чтобы заполучить, потом заботливо ее берегу, а также внушаю моим беречь ее, доколе не понадобится, и уж тогда ее употребляю.

Лионардо: Вы приобретаете вещи в том объеме, в каком, вы думаете, они вам понадобятся, и не больше?

Джанноццо: Некоторые вещи в большем объеме на тот случай, если какая-то часть их испарится, испортится, потеряется, дабы не было нехватки, когда возникает в них нужда.

Лионардо: А если бы они были в избытке?

Джанноццо: Я обдумываю, что было бы лучше; то ли с их помощью приобрести друга и оказать услугу, то ли, даже если бы в них нуждались, оставить их для себя, ибо я никогда не пожелаю моей семье иметь в недостатке какой-либо, пусть самый незначительный предмет. Мне всегда по душе располагать в доме всеми полезными и необходимыми для семейного обихода вещами.

Лионардо: А что, полагаете вы, Джанноццо, нужно семье? <...>

Джанноццо: Послушайте. Я люблю размышлять; рассуди также ты сам, правильного ли мнения я держусь. Видишь ли, я считаю, что расходы бывают обязательные и необязательные. Обязательными я называю такие расходы, без которых невозможно достойно

содержать семью: кто от них воздерживается, тот наносит урон собственной чести и благополучию своих близких; и тем больше они обязательны, чем больше урон, если их не произвести. Их столько, что трудно перечислить; говоря в общем, это расходы на обустройство и содержание дома, имения и лавки¹⁴ — трех оснований (*tembri*), обеспечивающих семью в должной мере всеми необходимыми удобствами и припасами. Расходы же необязательные производятся либо с какой-то целью (*ragione*), либо вовсе без нее и на ветер. Необязательные расходы, произведенные с какой-то целью, доставляют удовольствие, а если они не произведены — не наносят урона. К ним, например, относится украшение росписью лоджий¹⁵, обзаведение серебряной посудой, стремление возвеличить себя пышным выходом, одеяниями и щедрыми подаваниями. Также мало обязательны, но отнюдь не без цели расходы на развлечения и увеселения публики; впрочем, и без них можно хорошо и достойно прожить.

Лионардо: Понимаю вашу мысль: например, расходы на прекрасные книги, породистых скакунов и подобные прихоти благородной и великодушной натуры.

Джанноццо: Именно так. <...>

Лионардо: А те расходы, Джанноццо, что относятся к [разрядам] обязательных и добровольных, как нам надо их производить?

Джанноццо: Сам ты как полагаешь? Знаешь, как поступаю я? Обязательные расходы произвожу как можно быстрее.

Лионардо: Не размышляя прежде о том, как было бы лучше?

Джанноццо: Конечно, размышляю; не думайте, что у меня в привычке приступать к любому делу впопыхах, ибо я, конечно же, стараюсь осуществлять дела быстро, но обдуманно.

Лионардо: Почему?

Джанноццо: Потому что то, что нужно сделать обязательно, мне нравится делать немедленно, дабы не беспокоиться более об этом. Таким образом, обязательные расходы я осуществляю немедленно, добровольные же я осуществляю иным способом, хорошим и полезным.

Лионардо: Каким именно?

Джанноццо: Наилучшим, наиболее полезным. Я опишу тебе его. Я откладываю, мой Лионардо, откладываю по несколько раз, откладываю, доколе могу.

Лионардо: А это зачем?

Джанноццо: С благой целью.

Лионардо: Желаю знать, какой такой благой целью вы руководствуетесь, ибо мне известно, что вы ничего не предпринимаете, хорошо [наперед] не рассчитав.

Джанноццо: Я открою тебе: чтобы посмотреть, не пройдет ли у меня за это время желание [тратить]; а если не пройдет, то у меня все же будет возможность поразмышлять, каким образом производимый расход уменьшить; и это меня более чем удовлетворит.

Лионардо: Благодарю вас, Джанноццо. Вы меня сейчас научили избегать многих расходов, от коих я, как и другие молодые люди, редко когда умел удержаться.

Джанноццо: Поэтому-то нужно относиться к нам, старикам, с почтением, и когда вам, молодым, покажется полезным, по поводу любого вашего дела вы можете попросить и получить у нас отеческий совет. Многие вещи в этом мире лучше познаются через опыт, чем рассудочной мудростью, и мы, люди, не сведущие в науках, но имеющие практические и с годами обретаемые навыки, способные продумать и устроить жизнь наилучшим способом, можем — не сомневайся — при нашей опытности многое осуществить едва ли не лучше, нежели удалось бы вам, людям образованным, со всеми вашими учеными тонкостями и хитростями. И, скажу вам, мне всегда казалось, что кратчайший путь к тому, чтобы стать, как вы выражаетесь, настоящим философом, пролегает через беседы и постоянное общение со стариками, когда вы задаете им вопросы, выслушиваете ответы, внимаете их наставлениям; ведь время, этот наилучший учитель, делает стариков хорошими знатоками и распорядителями (*operatori*) всего того, что в нашем смертном существовании помогает провести отпущенный нам срок в мире, покое и благонравнейшем досуге.

Лионардо: Мы очень рассчитывали услышать от вас много прекрасных мыслей, но вы на этот раз, как и в других ваших замечательных и удивительных речах, превзошли наши ожидания. Вы обучили нас столь многим вещам, о которых я никогда и помыслить не мог, что они применимы к хозяйственным делам. Впрочем, не знаю, верно ли я сужу. Ибо, Джанноццо, мне кажется, что было бы, пожалуй, очень нелегко тому, кто пожелал бы стать таким отцом семейства, какого вы нам преподнесли: прежде всего быть хозяином себя самого, сдерживать и умерять страсти души, обуздывать и укрощать влечения тела, расчетливо использовать время, [затем] заниматься и управлять семьей, сберегать имущество, сохранять дом, [следить] за возделыванием земельных угодий, за работами в лавке; каждое из этих дел само

по себе не столь уж незначительно, если проявлять в нем должное прилежание, а всеми вместе, поскольку они нележки, я полагаю, будет почти невозможно заниматься так, чтобы на всякое дело усердия нашего доставало.

Джанноццо: Не стоит так думать. Дела обстоят иначе, чем, возможно, тебе показалось, мой Лионардо; они не столь трудны, как ты думал, потому что все связаны и соединены до такой степени, что, если кто, желая быть добрым отцом семейства, сумеет как следует исполнить какое-то одно, он непременно сумеет так же хорошо исполнить все другие. Кто знает, как распорядиться временем, не теряет его, тот может практически все, может овладеть чем только пожелает. <...>

Alberti L.B. Opere volgari. Vol. 1. A cura di C. Grayson. Bari, 1960. Пер. О.Ф. Кудрявцева.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Во второй книге диалогов.
- ² Брат и ровесник Леона Баттиста Альберти.
- ³ Родственник Карло и Леона Баттиста, главный рассказчик первой и второй книг диалогов.
- ⁴ Занимался в основном торговой деятельностью, умер в 1446 г. Главный собеседник третьей книги диалогов.
- ⁵ Купец из семейства Альберти, умер в 1422 г. в изгнании.
- ⁶ Брат Риччардо, умер в 1421 г. в изгнании.
- ⁷ В уста Джанноццо вложена характерная для старого изгнанника ламентация.
- ⁸ О них Джанноццо вел речь выше.
- ⁹ *Sanza ragione* — что означает также "без ума", "без основания", "без необходимости", "без удержу".
- ¹⁰ Умер в 1377 г., скопил большое состояние торговой и финансовой деятельностью, принимал активное участие в управлении Флоренцией, прославился широкой благотворительностью.
- ¹¹ Семья жила в изгнании.
- ¹² Имеется в виду Флоренция.
- ¹³ Речь идет о претензиях старинных феодальных родов.
- ¹⁴ *Bottega* — это может быть и торговая лавка, и ремесленная мастерская, и контора банкира или менялы.
- ¹⁵ Т.е. открытых с одной стороны помещений комнат или залов, используемых для торжественных случаев.

МАТТЕО ПАЛЬМИЕРИ*
ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ

Книга первая

<...> *Аньоло*: Вижу, все вы готовы слушать о том, что, как мне кажется, легко сумеете обратить себе во благо; так что начнем с Богом. Пусть отец¹, у которого родится сын, прежде всего возлагает на него высокие надежды и верит, что он должен сделаться человеком доблести и достоинства; ибо, в противном случае, было бы напрасным воспитывать и наставлять добродетели того, кто, как полагают, должен оказаться дурным человеком, и отец не снизошел бы душой до участия в ребенке, если бы думал, что это не даст добрых плодов. Поэтому все должны знать, что подобно тому, как природа сотворила птиц способными летать, косуль — бегать, хищников — быть жестокими, также людей она наделяла стремлением и способностью к познанию, склонностью употреблять разум в вещах тонких и благородных. Сие с очевидностью доказывает, что происхождением своим души наши обязаны Богу силы и доблести небесной. Когда же, бывает, встречаются людей тугодумных и тупых², не способных ни к какому учению, их считают вопреки природе появившимися на свет скотоподобными уродами, несчастье коих должно возбуждать законное чувство сострадания.

Отцу, радеющему о приобретении сыном в жизни всевозможных похвальных качеств, должно быть известно, что в самом раннем возрасте дитя само по себе еще ни к чему не приспособлено и полностью нуждается в помощи и руководстве со стороны других. Поэтому первой заботой становится выбор кормилицы. Предпочтительнее всего, когда кормит собственная мать, тем паче если она отличается трудолюбием, способностями, благородным происхождением. Поэтому заслуживает одобрения та мысль, что матери благородного происхождения, отказывающиеся кормить своих детей, не достойны их любви. Природа, искусно производящая все вещи, в чреве беременной женщины сгущает кровь в животворную силу для того, чтобы создать человеческое существо; и, питая его этим вплоть до момента рождения, она, поскольку в ней более нет надобности здесь, устремляется в части, расположенные выше, то есть в материнскую грудь, дабы новорожденный мог извне получать подходящее ему природное питание, какое он имел, находясь во чреве. Поэтому всякое иное питание, кроме как полученное от собственной матери, менее пригодно для сохране-

---

* О Пальмиери см. в первом разделе "Гуманистическая мечта о человеке".

ния в малых детях их природных достоинств. Не верят же, что именно этим объясняется отличие нравов детей от родительских, поскольку не доказано обратное, то есть не установлено, будет ли вскормленный доброй матерью ребенок лучше³. <...>

Когда младенец начинает выговаривать слова и самостоятельно ходить, присмотр кормилицы ему более не нужен. В эти годы раннего детства он охотно предается веселым забавам со своими сверстниками, очень быстро зажигается смехом или яростью, то и дело меняя настроение. Отец в этот период должен следить за тем, чтобы дети, с коими его ребенок водит дружбу, держали себя и говорили благопристойно и стремились прежде всего усвоить добрые нравы, а не распущенные, которые воспитывает изнеженный образ жизни. Чрезмерная изнеженность весьма часто идет им не на пользу, ибо, повзрослев, они желают тех же удовольствий, к которым были приучены с детства. Понятно, что старшие стремятся и хотят иметь все нарядное, будучи воспитаны с детства привычными к роскошным и дорогим одежаниям. Неумное чревоугодие (*mala gola*) развивается у того, кто, лишь начав говорить, уже умеет выпрашивать ягодку или конфетку, ибо к обжорству, а не к благонравию приучается он. Отвратительной речью обзаведется тот, чьи родители получают удовольствие, если он произносит что-то непристойное и грубое, и если слова, караемые у отпетых разбойников, мы, поощряя улыбками и поцелуями, разрешаем употреблять нашим детям.

Какой позор видеть, как ребенка научают делать кукиш и подбивают показывать его матери. После того как несчастные дети бессознательно усвоят столько порочных привычек, мы еще удивляемся⁴, что они стали дурными людьми. Но именно в нас они их видели и находили, от нас они их восприняли; ведь ничуть не стыдясь присутствием детей, мы разглагольствуем о наших грешках, о наших подружках, о потакающих чревоугодию пирах, во время которых исполняются похотливые любовные песенки, рассказываются бесстыдные истории, можно слышать и видеть такое, что передавать, а уж тем паче делать, — непристойно.

Все это для детей становится привычным, развращает их характер, приучает ко всякой мерзости. Желая уберечь сына от пороков, отец должен проявлять большую осмотрительность и заботиться, дабы в своей семье он сам подавал только достойные примеры. В доме всегда следует говорить о вещах добропорядочных и пристойных, и даже сказочки, повествуемые женщинами, должны заключать в себе побуждение к добропорядочной жизни, чтобы через них детям внушалось отвращение ко злу и любовь к благим вещам, как, например, в расска-

зах о том, что в аду владыка подземного царства, косматый и рогатый, пожирает дурных, хорошие же дети разгуливают в раю, играя с ангелочками, и им подобных, которые способны благотворно воздействовать на детский возраст.

Так, взрослея, ребенок постепенно начинает выходить из лона семьи. Ум приобретает способность к усвоению, память — удерживать то, что было сообщено, — словом, приходит время учить его наукам. Нет единого мнения о том, с какого именно возраста следует начать обучение ребенка. Некоторые утверждают, что природные способности у детей неодинаковы, и в зависимости от них одни должны приступать к занятиям в более раннем возрасте, другие — в более позднем. Иные полагают, что до семи лет дети еще не пригодны к учению: так говорят те, кто озабочен не пользой учащегося, но скорее стремлением уменьшить труды и тяготы преподавателя.

Однако считается, что лучше ни один возраст не оставлять без хотя бы чего-то напоминающего учение и уже в первые годы ребенка, находящегося пока на попечении кормилицы, полезно знакомить с написанием букв. Только не надо здесь принуждать, вызывая у него отвращение⁵ к тому, что пока не может доставить ему удовольствия. Много лучше последовать совету, согласно которому игры и развлечения, коими ребенка обычно занимают, должны быть так организованы, чтобы иметь некоторую пользу и для учения. Например, составив буквы из плодов, сладостей и других любимых детьми лакомств, пообещать ему эти лакомства, если он узнает в них буквы, говоря: "Эта кривая — буква "S", этот круг — "O", а полукруг — "C" и так далее о других буквах. Эти первые упражнения могут показаться мало полезными, но если прикинуть, что к семи годам ребенок освоит столько, сколько полагается освоить с семи до девяти, а к девяти — столько, сколько полагается освоить с девяти до одиннадцати, то, беря во внимание его возраст, он предстанет сверх меры знающим, достигшим в учении весьма больших результатов. Когда будет замечено, что умом, сметливостью, физическим развитием ребенок достиг возраста, годного для обучения, нужно позаботиться, чтобы как можно быстрее он к нему приступил⁶. В этот момент отец должен направить все свое старание на подбор добродетельного и весьма сведущего учителя для сына, и с самого начала пусть берет лучшего, какого только сможет найти, — так рекомендуют наиболее авторитетные писатели. Филипп, царь македонский, пожелал пригласить Аристотеля, выдающегося философа, для обучения сына своего Александра, дабы он, постигая буквы алфавита, затем слоги и слова, овладел правильным и безукоризненным произношением; ни мудрый царь Филипп не

обнаружил бы такого желанья, ни выдающийся философ Аристотель не ответил бы на него согласием, если бы они не ведали, что знание первооснов, полученное от того, кто наилучшим образом их умеет истолковать, весьма помогает [преуспеть] в великих делах⁷. <...>

Посему очень внимательно стоит присмотреться к тому, кому вы доверите нравственное и умственное развитие ваших детей. Прежде всего моральные качества наставника должны быть безупречными: вопреки нашему намерению было бы жертвовать пользе образованности повреждение нравов, ибо мы всегда предлагаем сочетать отменную ученость с добропорядочным образом жизни. Словом, наставник⁸ не должен быть человеком порочным; он также не должен быть ни слишком суровым и жестоким, но и ни чрезмерно добрым. Пусть он постоянно ведет речь о предметах добропорядочных и благопристойных, обучает похвальным нравам. Не сердится и не делает вид, что не замечает недостатки, которые должны быть исправлены. И любезно отвечает, когда ему задан вопрос; неожиданно пусть спрашивает тех, кто, не будь им вопросов, могли бы привыкнуть к безделью.

Найдя такого наставника, от детей отец должен потребовать, чтобы они слушались его и прилежно усваивали все, что он им скажет. Пусть он внушит ребенку, что наставник вместо отца ему, если иметь в виду не тело, но душу и нравы⁹. [Дескать] вы, дети, слушайтесь этого человека и знайте, что научит он вас только похвальному и полезному; имейте в виду, что образованность принесет вам уважение людей; не командуйте учителем, заявляя: "Обучи меня этому, а вот то, другое, я знать не желаю", — но целиком полагайтесь на его усмотрение, ибо каждый хорошо судит о том, в чем он сведущ, и наоборот, судит плохо о вещах, им еще не освоенных. Примите во внимание правило Пифагора, который¹⁰ всякому поступающему к нему в учение предписывал определенное время, по крайней мере два года, проводить в молчании, так как считал, что необходимо долго слушать, прежде чем начать говорить. Пусть так же делают и ученики, сознавая, что они еще не в состоянии хорошо говорить: намного лучше молчать, нежели приучиться болтать неизвестно о чем. Ведь, если говорить нечасто и о том, в чем хорошо сведущ и разбираешься, то так вырабатывается наилучшее суждение и речь размеренная и приятная; если же говорить очень много, не придавая значения словам, которые произносят уста, то речь получается бестолковой, косноязычной и не блещет умом. Пройденный материал ребенок должен повторять про себя; пусть он разберет его самостоятельно, а если не получится, попросит помощи учителя; и пусть старается усвоить больше, чем кто-либо другой. Он должен стремиться догнать того, кто первый в учебе,

и, если возможно, превзойти его. По отношению к другим школярам ему следует держать себя дружелюбно, водить компанию всегда с теми, кто выделяется добрыми нравами и умом. Пусть он будет приветлив и весел, не вздорит и не сердится, когда его уточняют и исправляют, но отвечает любезно и силы своего духа устремляет на то, чтобы одержать победу, каждый раз стараясь первым из всех стяжать заслуженную похвалу. Во всяком учении необходимо сочетание желания и готовности преподавателя обучать с жадной познания и охотой питомца постигать науку; ибо действительная обязанность преподавателя в том, чтобы учить, а ученика — быть готовым к усвоению знаний: как рождение не может состояться без обоюдного участия родителей, так и обучение пройдет безрезультатно, если не сольются воедино желания учить и учиться¹¹. <...>

Упражняя тело, не следует предаваться занятиям, не воспитывающим мужество и приличествующим женщинам, вроде каких-нибудь игр сидя — исключения составляют те, что весьма способствуют развитию ума. Малышам следует разрешить игры с мячом, бег, прыжки и все другие благопристойные действия телом, но чтобы при этом они никогда не выходили за границы приличных манер. В эти годы заслуживает большого одобрения занятие музыкой, которая размеренными ритмами настраивает тело, пробуждая в нем достойные склонности, а также развивает и питает ум, совершенствует голос, заставляя его звук быть то мягким, то резким, то низким, то звонким — в соответствии с тем, как тебе понадобится. Для воспитания в детях сметливости ума очень полезной считается геометрия. Она состоит из двух главных частей, то есть из науки о порядке чисел и науки о различии фигур; их знание сообщает человеку гораздо более умения (*industria*), развивает дух, заостряет ум, делая его способным и готовым к рассмотрению вещей сложных. Такое знание весьма годится для ребенка и доставляет великое удовольствие мыслительной способности, отчего многие держатся убеждения, будто душа наша соединена с телом при помощи чисел по законам небесной гармонии.

Было бы излишне много говорить о грамматике, ибо ни у кого не может быть ни малейшего сомнения в том, что без нее ни одна наука, коей будут наставлять, не принесет плодов. Польза от грамматики и плоды ее оказываются гораздо значительнее и больше, чем может показаться с первого взгляда, поскольку она заключает в себе все совершенство латинского языка, которым если кто владеет недостаточно, тот не в состоянии хорошо понять, что бы он ни читал. С ней тесно связана наука красноречия, в коей, говорят, благовоспитанным

людям настолько же пристало превосходить остальных, насколько людям — превосходить бессловесных животных¹².

Заведующей всеми этими дисциплинами и важнейшей из них и из всех дел людских является, далее, философия. Она состоит из двух [равно] достойных частей. Одна связана с исследованием тайн природы, что является делом прекрасным и возвышенным, однако куда менее полезным для нашего существования, нежели то, которому посвящена другая часть, имеющая попечение о нравах и надлежащем образе жизни для людей добродетельных; ибо хотя знание о том, как собирается и выпадает дождь, град и снег, в чем причина разноцветья небесной радуги, полыхания молний и громовых раскатов, является важным и замечательным и заключает в себе великое достоинство, тем не менее от него мало проку в жизни.

Эта вторая часть философии целиком повернута к нам, она служит для людей руководством, обучает добродетели, изгоняет пороки, побуждает к благой жизни, направляет на добро, является надежной опорой в нашем существовании; держась ее, человек научается жить не волей случая, как животные, но по верным правилам, имеющим в виду истинную цель; опираясь на нее, следует воспитывать детей; ею должны руководствоваться взрослые во всех своих делах. О ней уже было сказано в начале нашего рассуждения и пойдет речь далее вплоть до его завершения.

Луиджи: Трудно было бы описать то радостное чувство, которое мы получаем от бесед с тобой; ибо они, содержа полезные для жизни наставления, весьма доступны пониманию и доставляемым удовольствием побуждают нас внимать им; но мы очень просим тебя время от времени указывать возрастные различия, дабы мы могли яснее уразуметь, какой образ жизни подобал бы каждому возрасту.

Аньоло: Просьбы ваши вполне справедливы и никоим образом не могут быть мной оставлены без внимания; речь моя имеет в виду вашу пользу, так что я нынче постараюсь сказать о том, о чем вы просите.

Жизнь человека можно делить по-разному; в самом общем плане она состоит из шести возрастов. Первый завется детством — до того, как дети начинают говорить; второй завется отрочеством или просто подростковым возрастом, длящимся до поры созревания; третий зовется юностью, и продолжается он, как считается, до двадцати восьми лет, поскольку до этого времени продолжается в человеке рост телесной силы. Далее следует возмужалость, длящаяся, как считается, до пятидесяти шести лет, — период, когда природные силы сохраняются в цветущем состоянии. <...> За этим следует пожилой возраст, для-

щийся до семидесяти лет. <...> За ним идет последняя пора нашей жизни — старость. Она, как считается, длится самое большое до ста двадцати лет. <...>

До сих пор в нашем разговоре речь шла о двух первых возрастах жизни, то есть о детстве и отрочестве, кои, следуя другому подразделению, можно было бы назвать периодом неведения.

Теперь наступает черед юности, когда душа получает представление о пороке и добродетели и по собственному усмотрению избирает в своей жизни путь того или другого. Однако поскольку чувства и помыслы людей с самого начала их земной жизни были во зло, как самолично объявил Господь Ною¹³, нет человека, который не совершал бы ошибку, преследуя скорее удовольствия мира, нежели добродетели души. Почему и происходит, что мы, сбившись с пути, обнаруживаем себя погрязшими во грехах поодаль от благой жизни и не знаем, как выбраться, ибо попали туда, когда наша жизнь проходила период неведения. В этот период¹⁴ [необходимы] труд и необычайное старание смертных, а также изначальная устремленность к добру и благой жизни, коей не достигнуть без особой благодати Божьей или стяжания высшей добродетели, исходящий от Него. В этот период пусть отец внимательно наблюдает за жизнью сына, которому кажется, что теперь он сам [все] понимает и волен выбирать жить, как захочет. В этот период он начинает постигать свой ум и естество, которые ранее в нем пребывали непознанными, когда возраст, страх, наставник и родители налагали на них запрет. В это период молодые люди начинают вкушать мирские удовольствия и, потакая желаниям, тянутся к ним. Отчего заслуживающие доверия авторы¹⁵ предупреждают против общения совсем еще молодых юношей с более взрослыми, ибо хотя по милости Божьей тот или другой [из этих последних] может быть человеком честной и незапятнанной жизни, все же нежный юный возраст, легко податливый для всех влияний, нужно ограждать от злокозненности тех, кто старше годами; и во всех делах человеческих нужно избегать не только достойных порицания бесчестных поступков, но также и намеков на них. Более чем в любом другом возрасте, нужно убеждать молодых людей быть восприимчивыми к критическим замечаниям в их адрес, которые обычно они с трудом переносят и которые так необходимы в их возрасте.

Франко: Я не стал бы прерывать твою речь, если бы к тому меня не вынуждало одно обыкновение, принятое у большинства людей; слыша почти ото всех, что молодежь надо наказывать подзатыльниками и розгами, и твое особое мнение о том, что в добром руководстве надо

обходиться без каких-либо наказаний, я не могу не поинтересоваться и не узнать у тебя, почему ты отказываешься от них, ибо убежден, что ты этот вопрос хорошо обдумал.

Аньоло: Если бы я вел речь о тех, кто предназначен не для высокой доблести, но для механических искусств и услужения, я бы, пожалуй, сказал, что время от времени их следовало бы сечь. Но я против того, чтобы отец или наставник, желающие и старающиеся сделать своих детей добрыми людьми, прибегали к побоям. Прежде всего, это не пойдет им во благо, ибо это вопреки природе и может привить их душам раболепство; а подчас в дальнейшем, уже повзрослев, они, если увидят в таком средстве несправедливость, будут от этого в меньшей степени испытывать чувство естественной привязанности. Далее, душе благорасположенной (*bene disposto*) вполне достаточно будет выговора, лишь бы радетьельный отец вновь и вновь не давал ей возвращаться к тому, от чего он не без труда ее отвадил. Увещевания бывают разные, а именно: доводы, убедительные для юного возраста, примеры других, похвала в адрес благонравных людей, известных молодежи, и порицание людей порочных; одобрение, если молодой человек, поступает хорошо, и предпочтение ему перед теми, с кем он общается; если же дурно — выговор и обращение к нему в последнюю очередь (*sgridarlo et postporlo*); награда теми вещами, которые он ценит. Если он совершает ошибку, то следует отдавать эти вещи другим, если упорствует в ошибке, то следует наказывать его скорее тем, что заставит его основательно поразмышлять, нежели тем, что вызовет тяжелые переживания; например, оставлять его запертым одного, не давать ему тех кушаний и предметов, коим он более всего радуется, забирать у него верхнюю одежду и тому подобное, что способно побудить к серьезному размышлению о содеянном. Побои причиняют недолгую боль и плохо сохраняются в памяти молодого человека, побуждая его думать, что ими полностью искупается совершенный им проступок, отчего, забывая оный, молодой человек легко идет на совершение другого, думая, что за это ему ничего иного, кроме битья, не будет. Подвергнутый же более длительному наказанию, молодой человек вынужден лучше поразмыслить о содеянном, приходя к убеждению, что остерегаться его следует не из страха перед болью от побоев, но ради того, чтобы избежать ошибки. И от этого душой он менее негодует против того, кто его наказывает, ибо видит, что его не колотят из злости, но, скорее, увещевают, дабы сделать благонравным. Часто можно наблюдать, сколь велико негодование, охватившее души молодых людей, если оно уже больше никогда не позволяет им следовать водительству того, кого с самого начала из-за побоев они

возненавидели; оттого и бывает, что многие даровитые люди, чрезвычайно способные ко всякому учению, по причине жестокости наставников никогда больше не возвращались к нему. Посему надо быть весьма осмотрительным, дабы не вызвать неприязни к какой-либо благородной науке у того, кто собирается ее постигать, напоминая ему, что [даже] при наличии любви и усердия она приобретается долгим трудом. Эту тему очень легко можно было бы продолжить, но, полагаю, что я понят в достаточной мере.

Мне следовало бы сказать несколько слов и о подобающем этому возрасту одеянии, которое тем больше способствует сохранению добронравия, чем менее оно отличается от того, что принято всеми. Рассуждая об этом, однако, следует принять во внимание, что иногда для праздников, общественных развлечений, а также домашних торжеств нужны красивые наряды: посему пусть в этих случаях будут дозволены одеяния любого покроя и качества, подобающие положению тех, кто в них облачается. В другие дни, когда нет праздников, никоим образом недопустимо употреблять иные одеяния, кроме как те, что общеприняты в городе. Нельзя позволять молодым людям носить роскошные, изящно отделанные, вышитые или же скроенные из разноцветных материалов одежды. И пусть всегда избегают всяких женских прикрас, ибо ни спускающиеся на плечи локоны, ни хорошо завитые, ни искусно подстриженные волосы не нужны тому, кто рожден для доблести.

<...> Итак, продолжаем наше рассуждение об образе жизни юношей, что постарше, возраст коих требует от них с прилежанием заниматься свободными искусствами, ибо нравственный склад, усвоенный в ранней молодости, предопределяет в очень многих случаях поступки взрослого человека, а занятия, коим предаются смолоду, очень многие сохраняют на всю жизнь. Коршун мышами и ящерицами вскармливает детенышей в гнезде, которые, вырастая и будучи способны и на более крупную добычу, питаются, однако, тем же, чем были вскормлены, когда росли. Орел же, охотясь, нападает на дичь и больших птиц и ими кормит беспомощных птенцов, а они затем, обретя силу и способность летать, отважно бьются, чтобы добыть себе ту прекрасную пищу, которую вкушали, лишь только вылупившись из яйца. Так и юноши в хорошее время приучаются к хорошим занятиям, из которых одни имеют отношение к телу, другие — к душе. Для развития тела в юном возрасте похвальными являются занятия с оружием, турниры и джостры¹⁶, верховая езда и любые упражнения на ловкость. Кроме того, не возбраняется держать ловчих птиц и забавляться их охотой. Но наибольшую похвалу заслуживает охота на крупных

зверей в гористой и труднодоступной местности, скитаясь по которой подвергаешь себя опасности и вместе с другими выдержишь нападение медведей и вепрей, подобно тому как, сказывают, было в молодые годы с Гектором, Энеем и многими другими именитыми людьми, слава которых еще живет в мире. Подобные дела, как считается, весьма возвышают и укрепляют наши души, а заодно настраивают тело на то, чтобы быть ему способным и готовым ко всевозможным поступкам, требующим силы и доблести. Полагается все же в подобных занятиях знать надлежащую меру и предаваться им не слишком, но с целью дать душе передышку и отдохновение от долгих трудов, положенных на размышления о нравственности и о блаженной жизни; ибо, кто проводит в подобных занятиях время, перестав питать душу и постигать науку жизни, тот никоим образом не может быть одобрен нами. Итак, перед всем другим предпочтение следует отдавать упражнениям души, каковыми являются все науки и некоторые виды ремесленного искусства: учиться у хороших наставников, общаться с философами, усваивая их предписания и сообразно этому действуя, рисовать, заниматься резьбой, ваять, замышлять прекрасные постройки и стараться быть сведущим во всех вещах человеческих и даже небесных (поскольку удастся превозмочь немощь смертного тела), держась в качестве верного правила той мысли мудрых учителей и святых христиан, что всякий человек в земной жизни должен стремиться совершить немного, и тем не менее он должен хотеть хорошо разбираться и судить обо всем том, что делают другие люди.

<...> Ум наш по природе своей столь разносторонен и так быстро реагирует на все вокруг, что не только в течение дня способен на многие вещи, но и в один и тот же момент порой осуществляет разные действия; к примеру, можно видеть, как преподаватели музыки, исполняя песню, правой рукой перебирают струны, левой управляют разнообразием голосов, ногами и другими частями тела в нужное время производят движение, а также следят за ошибками учеников, старающихся воспроизвести то же самое, и при этом их внимания хватает одновременно на все звучащие голоса, на любое выполняемое движение, любую модуляцию. Опыт этого не показал бы, не обладай ум способностью заниматься многими вещами сразу. Нам нет поэтому большой необходимости торопить время, но пусть сказанное будет [принято] за основоположение, дабы было известно, что ум наш в кратчайший срок способен на многое.

Из опыта видно, что гораздо труднее заниматься одним и тем же много часов, нежели в течение дня проявлять прилежание в различных дисциплинах. Из-за чего и бывает, что, даже сделав за день мно-

гое, мы со свежими силами беремся за новое. Нельзя не устать, если целый день занимаешься с наставником одним и тем же предметом. Перемена занятий доставляет удовольствие, действуя так же, как разнообразие сменяемых кушаний на пресыщенный желудок. Итак, не нужно сперва хотеть в совершенстве овладеть грамматикой, затем стать прекрасным музыкантом, потом — скульптором или архитектором, ибо искусство, приобретенное первым, забудется, когда будешь постигать последнее, а, потеряв впустую большую часть затраченного времени, ты непременно придешь в уныние. Занимаясь большим числом избранных предметов, ты их осваиваешь с удовольствием, совмещаешь в себе многие и становишься весьма сведущим в делах человеческих; особенным преимуществом для тебя является то, что тебе совсем не надо тратить время на восстановление сил, ибо одно благородное занятие (*buona arte*) приносит отдохновение от другого и, занимаясь ими [поочередно], ты получаешь удовольствие.

<...> Если я не ошибаюсь, до того, как вы отвлекли меня другим, у нас шла речь о занятиях для юношей, что постарше. Итак, в соответствии с нашими предписаниями, пусть они во всех своих поступках следуют тому образу, жизни, который вызывает наибольшее одобрение их города. В разговоре они должны быть сдержанны, дабы человеку, с кем они беседуют, было бы не только незатруднительно, но и приятно общение с ними. Всякого пусть располагают к себе честными делами; не проявляют высокомерия и недоброжелательства к друзьям и держат себя любезно, чтобы хорошей дружбой заслужить похвалу. В этом возрасте каждый юноша должен, изучив и оценив способности ума своего, а также и тела, избрать жизнь, к коей считает себя наиболее пригодным, надеясь прожить ее наилучшим и наиболее достойным образом. Нужно остерегаться совершить выбор вопреки прирожденным своим способностям; напротив, оберегая оные, нужно следовать собственной природе. И хотя другие вещи могут быть значительнее, лучше и достойнее, пусть тем не менее юноши оценивают себя в соответствии с тем, на что они способны, к чему расположены их дарования, ибо ни в коем случае нельзя противиться фортуне и стремиться к тому, в чем природой тебе отказано. И, конечно же, напрасно преследовать то, что невозможно приобрести; а нельзя приобрести ничего такого, что было бы враждебно нашей природе.

Красоте и благолепию нашей жизни служит справедливость (*l'equabilità*) и надлежащее отношение к делам человеческим. На них не способен тот, кто, пренебрегая природными наклонностями, следует другому.

Итак, пусть каждый узнает, каковы его природные задатки, умело судит о своих достоинствах и недостатках и в тех вещах, к коим находит себя наиболее пригодным, проявляет наибольшее упорство. Случись какая-то необходимость заняться такими делами, к коим не расположена наша природа, мы должны все наше старание, все наши помыслы, все наше трудолюбие обратить на то, чтобы осуществить оные, если не получается как следовало бы, то по крайней мере не из рук вон и до постыдного плохо. Благовоспитанному человеку не обязательно знать все благородные искусства, коли природа этому препятствует, однако ему крайне необходимо избегать всех тех пороков, к которым он от природы тяготеет и расположен. Чтобы лучше это получилось, пусть каждый поразмышляет о себе самом, вспомнит, что, будучи рожден человеком, он подвержен всем превратностям фортуны, от которой если он хочет себя оградить, то не нужно ему искать ничего, кроме добродетелей души, единственных среди благ человеческих ей не подвластных. И помышлять мы должны не о том, чтобы жить, но о том, чтобы жить хорошо и честно. И пусть будет в жизни поставлена какая-нибудь определенная цель, к коей были бы направлены все наши действия. Ошибки наши проистекают из того, что мы живем без установленной цели, отчего и пути наши пролегают во тьме и мраке, не озаренные светом стези, которая нами избрана и определена; скорее, наоборот, мы идем, блуждая по кривым и сомнительным дорогам; и часто теряясь, мы сами не знаем, как нам вернуться туда, откуда вышли. Из-за этого подчас обременительными для нас становятся вещи, которые прежде мы с трудом сумели приобрести, и познается, что неохватна та надежная вещь, в коей могли бы найти успокоение желания людские. При выборе, как нам жить, перво-наперво надо установить, кем и какими людьми мы хотим быть и какой образ жизни вести. Такое решение труднее любого другого. Оно происходит в ранней молодости, когда ум и суждение наши еще шатки; каждый в этот момент выбирает то, что больше ему по нраву, отчего и происходит, что мы отдаем предпочтение какому-либо образу жизни прежде, чем смогли рассудить, какой является наилучшим. На эту первую ошибку способны не только люди неокрепшего ума, ибо даже Геракл, доблестью превосходящий всех смертных, готов был совершить ее, как читаем у Ксенофонта¹⁷: достигнув возраста, предназначенного природой для избрания жизненного пути, он удалился в пустынное место и, находясь там и видя две дороги, одну — наслаждения, другую — доблести, долго раздумывал, по которой из них ему пойти, и затем избрал ту, что приносит больше славы. Таким образом, по рассказам, правильного суждения был по милости свыше удостоен Геракл, происходящий из семени Юпитера; мы же, конечно, —

нет, ибо, не очень раздумывая, в этом возрасте следуем по пути, нам по видимости понравившемуся. По разным причинам мы, не размышляя, направляемся туда, куда игрой случая увлекает нас судьба: многие следуют родителям¹⁸ и живут в соответствии с их обычкновениями и нравами; другие считаются со взглядами и мнением толпы, одобряя и избирая то, что кажется самым прекрасным большинству людей; есть и такие, кто — вследствие то ли особой благодати, то ли великости ума, то ли необыкновенной учености и образованности, то ли и сего и другого — имели возможность решить, по какому пути они хотят следовать в жизни. При таком решении¹⁹, как уже говорилось, пусть каждый сообразовывает выбор с наклонностями своей природы, ибо, если во всех делах нужно стремиться к тому, что наиболее подобает, то много больше нужно стремиться к этому же в определении всего жизненного пути, дабы суметь лучше на нем преуспеть, не изменяя ему и не перебегая на другой. В его определении наибольшее значение имеет наша натура, а затем — фортуна; хотя принимать во внимание надо и ту и другую, но в первую очередь — натуру, ибо она в действительности намного более надежна и стойка, так что иногда, как можно видеть, фортуна, будучи смертной, борется с бессмертной природой. Пусть тот, кто в соответствии с нашим пожеланием, использует все свое благоразумие в выборе для себя образа жизни, неизменно держится его, ибо так надлежит поступать человеку добродетельному, если только он не пришел к убеждению, что ошибся в своем выборе. Случись это, нужно изменить установленный строй жизни, ибо не то худо, что мало знаешь, но то, что при малом знании ты долго и без толку упорствуешь: первое есть общее свойство человеческой немощи, второе же имеет характер особого недостатка того, кто ошибается. Поэтому и говорит Гесиод:

"Тот наилучший над всеми, кто всякое дело способен
 Сам обсудить <...>
 Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.
 Кто же не смыслит и сам ничего и чужого совета
 В толк не берет — человек пустой и негодный"²⁰.

Такая перемена никоим образом не должна быть поспешной, но осуществлена шаг за шагом в положенное время, дабы было видно, что она — результат зрелого и обстоятельного размышления. Когда образ жизни, определяемый наилучшей целью, уже избран, человек легко приобретает первоначала всех наших благ и предрасположен к усвоению любой благородной науки. Пусть обязанностью молодых будет уважительное отношение к добропорядочно живущим старикам, выбор тех, кто заслужил наибольшую славу и уважение, дабы следовать

их совету и руководству. Подростающее поколение должно всегда искать одобрение и поддержку стариков, упражняться в нелегких занятиях для души и для тела, дабы изжить всякое похотливое желание, развить навыки и обрести умелость в делах военных и гражданских. Затем, захотев отдохнуть душой и вкусить удовольствия, пусть молодежь ведет себя благоразумно, уважая границы, положенные стыдливостью; а это им будет легко, если они не потяготятся держать в памяти предупреждения древних и достойных почитания отцов.

Книга вторая

Аньоло: <...> Философия есть первое и истинное лекарство души, которую она очищает от волнений и будоражащих страстей, освобождает от алчности и вожделений, лишает какой бы то ни было унижающей человека робости; но различна сила ее воздействия на людей и значительно больше плодов она приносит в том случае, когда встречается подготовленной и вполне подходящую для нее натуру.

Бог сотворил человека выше и благороднее всех других живых существ, способным пренебречь земными вещами и, следуя наилучшим наклонностям, уподобиться вечным. Однако иные науки уводят нас с пути истинного, заставляя блуждать, и нечасто находится человек достаточно решительный и душой держащийся таких жизненных убеждений, который бы искал и алкал знания и учения не из тщеславной суетности, но прежде всего дабы обрести правила благой жизни, сохраняя верность во всем, что он говорит и делает, самому себе и истинному своему разуму. Случается видеть людей образованных, которые отличаются таким легкомыслием, упрямством и чванством, что лучше для них было бы и не учиться. Некоторые из них жадны, другие честолюбивы, немало также похотливых и покорствующих необузданным страстям: все это в людях ученых выглядит крайне отвратительно. Словом, занятия философией и всякой другой заслуживающей одобрения наукой приносят неодинаковые плоды людям; как хорошо возделанные поля не все одинаково плодоносят, но тем больше, чем лучше их земля, так же и хорошо обученные люди не все становятся добронравными, но тем лучше бывают, чем более благоприятны в них задатки доброй природы. Хорошее поле, как следует не ухоженное, не приносит добрых результатов; и равным образом добрая душа без учения сама по себе не может дать прекрасных плодов. *Натура без искусства и искусство без природы всегда недостаточны.* <...>

Наиболее заслуживающие доверия авторы утверждают, что ничему не нужно следовать так, как тому, что наиболее нам подобает и подходит соответственно нашей природе. Показывая, чему именно, они

рассуждают обстоятельно по порядку, установленному и указанному той же природой. Они говорят, что с самого начала, только родившись, каждое живое существо устраивается так, чтобы сберечь себя, заботится о своем прокормлении, не упускает никакой возможной помощи, ищет и добывает все, потребное ему для жизни, для защиты себя и сохранения собственной природы; и можно видеть, как в каждом заложено стремление не только к собственному благополучию, но также к увеличению и размножению своего вида (*spezje*). Отсюда во всех животных произрастает стремление к соитию, в результате которого у них появляются детеныши, сохраняется и приумножается их вид. О новорожденных проявляют великую заботу, стараясь выкормить и довести до положенного им природой совершенства. То, чем люди особенно превосходят всех скотов, есть разумное восприятие и способность выразить любую мысль; из скотов это недоступно никакому. Конечно, многие из них ощущениями, влечениями, телесной силой превосходят людей, однако лишь постольку, поскольку ощущение притягивает их к вещам наличествующим сейчас, ибо они мало или вовсе не ощущают те, что были или будут. Человек же, обладая разумом, воспроизводит в памяти прошлое, размышляет и судит о настоящем, предвидит будущее, отчего без затруднений он узнает весь путь своей жизни и заготовляет, что нужно, дабы ее направлять и поддерживать. В подобного рода целях и завязываются между людьми отношения дружбы, родства и супружества, устанавливаются формы общения и сотрудничества, годные для человеческой жизни; благодаря этому как бы стянутые вместе люди образуют целое объединившейся множественности. Отсюда пошли города, гражданские быт и нравы которых явили неисчерпаемые выгоды как для удовлетворения потребностей, так и для украшения и облагораживания (*all'amplitutine et hornamento*) нашего существования: в целях сохранения и упрочения сих порядков были затем свято установлены и утверждены божественные и человеческие законы; их первым творцом, общим учителем и единственным распорядителем был всемогущий Бог, коему кто не будет послушен, подвергнется тяжелейшей каре, даже если избежит мучений по приговору судий земли. В этом построенном на законе сожитии людей мы должны искать два основных блага: во-первых, добродетельность (*l'honestà*) и едва ли не в такой же мере пользу (*l'utile*), не слишком далеко отстоящую от нее; от нас, однако, не сокрыто, что добродетельность и польза при более глубоком знании вещей оказываются связанными друг с другом настолько, что никоим образом их нельзя разделить. Рассматривая общественную пользу, мы ведем речь не о выдуманных благах, но о таких, которые в

жизни были обнаружены и обнаруживаются людьми добродетельными. Итак, скажем в самых общих словах о добропорядочных, подразумевая тех, чьи постоянство, верность, справедливость и мнения заслуживают наивысшего одобрения. Они должны всегда выбирать главным образом то, что добродетельно, и соединять с ним то, что полезно, насколько позволяют сие свойства предметов (*la qualità della materia*), коими они занимаются. Поскольку предметами, которым должна быть посвящена жизнь людей доблести, является все, что добродетельно и полезно, то мы, намереваясь говорить о делах достойной гражданской жизни, произнесем по этому поводу подобающую речь. Итак, пусть сначала мы рассмотрим добродетельность и составляющие ее части, далее, вторым чередом, полезность, показывая, в чем из обстоятельств частной и общественной жизни более всего надлежит мудрым ее полагать. Как нам выше уже приходилось говорить, четыре главные части образуют гражданскую добродетель; необходимо, чтобы какую-нибудь из них имел своим основанием всякий добропорядочный поступок. Первая часть называется благоразумием и состоит в умении обстоятельно изучить и искусно выявить суть любой вещи, а также эту суть правильно истолковать. Второй следовало бы назвать правосудность (*giustitia*), но поскольку о ней я поведу речь в третьей книге, то прежде я скажу об отважности и умеренности: отважность требует неодолимой твердости, а также постоянства и величия души в отстаивании долга и права каждого; умеренность во всех наших словах и делах сохраняет надлежащий порядок и такт, сдерживает неразумные влечения и в сообразных пределах предполагает пользование властью (*auctorità*) и достойное нашей жизни обустройство (*ornamento*). Правосудность как царица и госпожа над всеми другими добродетелями заключает в себе каждую²¹. Для этой повелительницы добродетелей свойственно сохранять союзы и отношения дружбы между людьми, воздавать каждому по праву его, блюсти верность в данных обещаниях.

<...> Людям старым надлежит сокращать занятия физическим трудом, упражнения же души должны в их жизни занимать все больше места. Молодежи, друзьям и особенно государству пусть, насколько это в их силах, своей мудростью и советом они оказывают услуги и помогают; более всего другого пусть они остерегаются предаваться такой бездеятельности и лени, от которой тело, обессиленное слишком долгим покоем, стало бы вялым, немощным, больным. Слстолюбие омерзительно в любом возрасте, однако в стариках оно намного более безнравственно, отвратительно, нетерпимо и бесконечно умножает зло: оно позорит собой старость, навлекая на нее стыд бесчес-

тия, а также поощряет своим примером невоздержанность в молодых людях, делает их распутными и необузданными в желаниях. Кто занимает место среди магистратов, прежде всего должен знать, что он уже не частное, но общественное лицо, представляющее весь гражданский организм, обязанное поддерживать и защищать верховное достоинство и честь публичной власти, соблюдать законы, заботиться о добрых порядках, охранять государство²² и постоянно помнить, что люди, коими оно управляет, все доверили ему. Частному гражданину подобает жить по одинаковым законам наравне с другими гражданами, не уклоняясь ни от чего, не раболепствуя, но также и не слишком заносясь; самому государству он должен неизменно желать мира, спокойствия и благоденствия, неизменно отдавать предпочтение славе, пользе и благу отечества перед собственными выгодами. Иноземцы же в чужом государстве не обладают правом ничем заниматься, кроме собственных своих дел, или иметь какую-либо общественную обязанность; жить они должны добропорядочно и со всеми обращаться приветливо и доброжелательно. <...>

Книга третья

Аньоло: <...> Безрассудно, наудачу и не помышляя об опасности изнурять себя в битвах, сшибаясь с врагом, есть свойство жестокой и зверской природы; но когда находишься в благоприятном положении и имеешь преимущество, тогда нужно, хорошо рассчитав вылазку неприятеля, доблестно с ним сразиться. Если море спокойно, не следует желать перемены погоды; случись буря, долгом смелых будет прийти на помощь и стойко защищать корабль. Если все же сила необходимости будет навязывать свое, то смерть всегда должно предпочесть позору и убогости рабского положения. Когда возникает опасность, нужно тщательно взвесить, опасность ли это для всего государства или только для того, кто ей подвергается. И человек, пренебрегающий общественной пользой, дабы избавиться от нависшей над ним опасности, заслуживает наказания и общественного презрения.

Пусть каждый будет готов на жертвы и подвергнуться любой опасности, зная, что это должно послужить общему благу и пользе всего государства. Но пусть никто не подвергает себя опасности (разве только помимо собственной воли) во вред обществу, хотя бы для него это и обернулось верной выгодой. Общественная польза, слава и честь никогда не могут быть заслонены частными выгодами, и никогда не будет полезным то, что, служа удобству немногих, нанесет ущерб всему телу государства. Многие прославились тем, что не

только имуществом, но также своей судьбой, кровью и жизнью пре-
небрегали ради общего блага отечества.

Palmieri M. Vita civile. A cura di G. Belloni. Firenze, 1982. Пер. О.Ф. Кудрявцева.

КОММЕНТАРИИ

- ¹ *Quintilianus. De institutione oratoria. I, I, 1.*
- ² Там же. I, I, 2.
- ³ Речь идет, видимо, о том, что в обществе, которому адресовано это сочинение, было не принято, чтобы матери выкармливали грудью рожденных ими детей.
- ⁴ *Quintilianus. De institutione oratoria. I, II, 7—8.*
- ⁵ Там же. I, I, 20.
- ⁶ Там же. I, I, 19.
- ⁷ Там же. I, 1.
- ⁸ Там же. II, II, 5.
- ⁹ Там же. II, IX, 1.
- ¹⁰ См. рассказ: Aulus Gellius. Noctes Atticae. I, IX, 3—4.
- ¹¹ *Quintilianus. De institutione oratoria. II, IX, 3.*
- ¹² Там же. II, XVI, 17.
- ¹³ Бытие. VI, 5.
- ¹⁴ В период юности.
- ¹⁵ *Quintilianus. De institutione oratoria. II, II, 14.*
- ¹⁶ Джостры — вид состязания с оружием.
- ¹⁷ *Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. I, I, 21; Цицерон. Об обязанностях. I, XXXII, 118.*
- ¹⁸ Ср.: *Цицерон. Об обязанностях. I, XXXII, 118.*
- ¹⁹ Там же. I, XXXII, 119—120.
- ²⁰ Работы и дни. 293—297. Перевод В. Вересаева. Пальмиери цитирует Гесиода по Аристотелю (Никомахова этика. 1095 b10—14), у которого стих 294 выпущен.
- ²¹ Ср.: *Аристотель. Никомахова этика. 1129 b29.*
- ²² Città — в данном случае означает город-государство.

МАФФЕО ВЕДЖО

Маффео Веджо (1407—1458) — известный гуманист, юрист и поэт. Преподавал на факультете свободных искусств университета в Павии, считавшегося в 20—30-е годы XV в. центром гуманистического образования; здесь работали такие известные гуманисты, как Лоренцо Валла, Дечембрио, Катоне Сакко. Веджо разделял антиаристотелевские и антисхоластические взгляды павийского окружения, о чем свидетельствует его "Диалог истины и Филалета к брату Евстахию". Он был в дружбе с Валлой, который в своем диалоге

"Об истинном и ложном благе" вывел его защитником эпикурейских идей. Трактат Веджо "О значении слов" (1433) стал первым юридическим гуманистическим словарем, его выход совпал с борьбой Валлы против средневековых авторитетов в юриспруденции. После Павии Веджо служил в папской курии секретарем, в конце жизни склонялся к религии, возможно, вступил в орден августинцев.

Трактат Веджо "О воспитании детей и об их достойных нравах" (между 1445 и 1448 гг.) наряду с работой Верджерио является важнейшим педагогическим сочинением итальянского гуманизма, среди работ на темы воспитания это наиболее обстоятельный и самый большой по объему трактат. В шести его книгах Веджо прослеживает воспитание ребенка с момента его рождения и до юношеского возраста, когда он будет в состоянии воспринимать высокие истины моральной философии. Первая книга посвящена воспитанию маленьких детей до начала их обучения; вторая — проблемам, связанным со школой (содержание образования, методы преподавания, учитель); третья обсуждает вопросы природных склонностей детей, музыки, отдыха, игр, физических занятий и занятий философией и некоторые другие вопросы в основном нравственного порядка, включая воспитание девочки; четвертая книга говорит о душевной закалке юношей, о скромности (*verecundia*) как важнейшей добродетели, которая у Веджо включает в себя ряд социальных обязанностей; пятая книга рассуждает о целомудрии и стыде, о пристойных манерах; шестая продолжает обсуждение нравственных проблем и пристойных манер, а также говорит о соответствии поведения месту и времени и о самом времени.

Трактат основан на обширной античной литературе, в нем широко используются Библия и раннехристианские авторы, особенно Августин, мать Августина, Моника, подается как пример воспитательницы. Христианские и античные источники используются Веджо вперемишу, и объявление такого подхода принципиальной установкой — характерная черта Веджо, он яснее других гуманистов показывает, что для него важно не звучание античной или христианской мысли в контексте древнего памятника, а включение ее в собственные рассуждения и подчинение своему ходу мысли. Большое значение в трактате имеет авторитет природы, аргумент от природы столь же важен для Веджо, как и книжный. И еще одна отличительная особенность его трактата — обращение к собственному опыту. Работа Веджо рассчитана на широкого читателя, она обращена к родителям, которых гуманист призывает хорошо воспитывать сыновей и выражает надежду, что его труд послужит делу такого воспитания.

Трактат Веджо оказал влияние на европейскую педагогику, особенно на Эразма.

В результате неправильной атрибуции трактат ошибочно выходил под именем другого итальянского гуманиста — Франческо Филельфо — в 1508 г. в Париже, в 1513 г. в Тюбингене.

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ И ОБ ИХ ДОСТОЙНЫХ ПРАВАХ

Введение

Если бы было у нас столько разумения, чтобы мы могли надлежащим образом и в совершенстве довести до конца то, что в настоящее время начинаем, то этот новый труд — плод бессонных ночей — способствовал бы немалой общественной пользе. Ибо мы напишем о том, как родители должны воспитывать детей и как дети должны вести свою жизнь; всякому, кто мыслит здраво, полагаем, известно, что знание этой вещи является не только полезным, но и необходимым, и потому, надеемся, любой прочтает охотно наше сочиненьице (каким бы оно ни было) и, читая, одобрит достоинство если не слова, то во всяком случае дела, о котором было произнесено слово. Поистине, что сильнее, чем любовь к детям? Что сладостнее? Есть ли какие затраты, труд или опасности, которые не претерпевали добровольно родители ради детей, чтобы видеть, что те, кого они пламенно любят, среди прочих смертных выдаются и богатством, и славой, и добродетелями, и достичь этого, без сомнения, нельзя никаким более удобным и более подходящим способом, чем благоразумное и добродетельное начальное воспитание; те, кто правильно получил его, становятся позже, бесспорно, великими и замечательными мужами, знаменитыми и известными в руководстве делами...

Книга первая

Глава первая

показывает, что родителям необходимо вести скромную и добродетельную жизнь в целях воспитания детей

Итак, начиная говорить, как обещали, о воспитании детей и об их достойных правах, мы, видимо, поступим очень правильно, если обратим внимание родителей на то, что они сами прежде всего должны жить так умеренно и нравственно, чтобы их жизнь не стала плохим примером для детей, которым они передадут благородные памятники нравов и наук. Никто ведь не будет отрицать, что при воспитании детей также следует применять то, что бывает [при обучении] в любом ином деле. Действительно, новички, которые учатся обрабатывать землю под руководством опытных земледельцев, наверняка больше преуспевают, когда увидят, как те пахут на полях либо копают, чем услышат, как они учат дома, передавая правила и предписания об об-

работке поля. И те, кто изучает искусство мореплавания, также скорее приобретают опыт на примерах морских опасностей и наблюдая за греблей, чем от поучений рулевых. <...> Наконец, и во всех прочих искусствах мастером будет только тот, кому помогает пример и живая переимчивость, нежели какая-либо наука и наставление. Ведь доверие к глазам надежнее, чем к ушам, также вернее и то ученье, которое приобрели примерами, чем предписаниями... Поэтому родители по всей справедливости должны стараться изо всех сил воспитать в себе всяческие добродетели и украсить себя ими, по крайней мере, ради детей, которые подражают наподобие обезьян всему, что поглощают глазами, равно как и все, что ни делается родителями на их глазах (а общение с ними наиболее близкое), приучаются делать также с величайшим усердием и, раз привыкнув (такова сила привычки), постоянно держатся этого так, как вначале были приучены, словно по велению какой-то тайной силы природы... В таком случае родителям не следует пренебрегать заботой о добродетельной жизни, чтобы дети, благоговея перед их примером, по собственной воле возлюбили лучшее, а худшего избегали. Ведь если П. Сципион и Кв. Фабий, как мы знаем (это касается и каждого превосходнейшего человека), обычно побуждались и воспалялись желанием добродетели как можно сильнее, когда устремляли душу к созерцанию образов великих мужей; если и Юлий Цезарь, увидев изображение Александра, и сам загорелся очень сильно славой великих дел¹, то какой пример может действовать сильнее, чем живой и звучащий голос, равно и лик родителей.

Глава вторая

Что следует соблюдать родителям при произведении на свет детей

Полагаем, что родители уже достаточно убеждены в том, сколь необходимо им в целях воспитания детей устроить свою жизнь скромно и добродетельно; вслед за этим мы должны показать теперь, каким способом они воспитывают детей. Прежде чем мы приступим к этому, следует, по-видимому, позаботиться о том, чтобы сначала кратко коснуться тех вещей, которые должны соблюдать родители при произведении на свет детей, ибо мало было бы пользы заниматься воспитанием тех, которые так зачаты, что хорошо воспитать их можно лишь с огромным трудом, как это обычно случается у тех, кто выращивает деревца: когда они плохо укоренят саженец, то сколь угодно ни заботились бы потом о подрезании ветвей, напрасно будут ожидать когда-нибудь какого-либо доброго или богатого плода от них.

Итак, вначале все, кто желает постоянно радоваться рожденному дитяти, должны заботиться о том, чтобы не сходиться, как с женами, с

другими женщинами, особенно с женщинами низкими и развратными. Хотя этот совет имеет отношение к соблюдению божественной заповеди, однако также очень полезен и благодаря человеческой философии, учащей чести и чистоте нравов и тому, как сохранить более славное имя детей, а также избежать позора при их рождении (в чем каждый легко может их упрекнуть). Ведь часто многие, которых природа наделила большим душевным благородством, зная об отцовском позоре, чувствуют себя подавленными и униженными, так что немало из того хорошего, что взяли они от природы, отнимает позорное рождение. Затем также любой из тех, кто сходится с блудницами, признает, что его влекут сила и жало более невоздержанной страсти, чем страсть к собственной жене, и он воспринимает ее воздействие, сходное с тем неумеренным желанием, сила и природа которого, как считают медики, отпечатываются, несомненно, столь прочно, что какие природные свойства и условия будет иметь семя, пока укореняется, их же оно внедряет в человеческие тела и умы, и удалить эти свойства никак нельзя. Посему из этого следует, что рожденные в результате такой неумеренности становятся также более склонными к любовным утехам... Из этого положения следует также и то, что отцов надо не меньше увещевать, чтобы сходились с женами, приняв в умеренном количестве пищу и питье, дабы не случилось им, если будут соблюдать противное, получить сыновьями кутил и пьяниц. О подобном упоминает Диоген в отношении какого-то юноши, обезумевшего от опьянения: "Молодой человек, — говорит он, — тебя породил хмельной отец"²...

Равным образом подобает, чтобы родители воздерживались, когда по причине поста или по другой причине делаются слабее обычного, когда устали от долгой дороги или от тяжелой работы, когда поражены каким-нибудь недугом и, что случается чаще с учеными мужами, когда размышляли над чем-нибудь глубже и продолжительнее обычного, чтобы из-за этих вещей рожденным затем детям не сопутствовал какой-нибудь порок, который приносит вред и душе, и телу. Не следует пренебрегать также тем, что одобряет авторитет медиков; не иметь внутри наиболее удаленных покоев нарисованных безобразных и чудовищных изображений, созерцание которых и размышление над которыми настойчивее обычного имеет удивительную силу — формировать детей по образу тех [чудовищных изображений], которые женщины либо глазами вобрали в себя, либо еще действеннее восприняли мыслью. Но особенно надо избегать привычки чрезмерных сношений, которые очень утомляют и ослабляют тело, равно и душу, из-за чего задерживаются рождения детей, а если они рождаются [вовремя], то обычно по этой причине всегда оказываются хуже...

Надо соблюдать также то, чему учат предписания медиков, равно и философов [а именно], чтобы никто не вступал в брак со слишком молоденькой девушкой, от которой рождаются более слабые и тупые дети (что было замечено не только у людей, но также и у прочих животных), и в тех обществах, где существует обычай отдавать замуж девушек более молодыми, там люди телом менее совершенны и крепки, матери выносят большие мучения при родах и их жизнь чаще подвергается опасности. То же следует думать и относительно старших по возрасту, у которых как и у более молодых, дети, как считают, менее совершенны и менее крепки душевно и телесно. Поэтому наши предки правильно полагали, что женщины должны вступать в брак не ранее 18 лет, а мужчины в 36 лет³.

Далее, женщины во время беременности должны заботиться о том, чтобы принимать пищу в достаточном количестве, избегать пищи острой и горькой и безвкусных вин, чтобы умеренно трудиться, не ослабевая от лени и не утомляя себя никаким слишком сильным движением или работой, и старые авторы очень хвалят как более благоразумный и достойный способ такой: пусть каждый день посещают алтари и священные храмы, однако пусть стремятся быть душой как можно более радостными и спокойными, ведь как земля, более тщательно обработанная, приносит более богатые плоды, так и женщины чем тщательнее будут о себе заботиться, тем лучшие произведут плоды — человеческие тела.

Глава третья

учит о том, что надо иметь наибольшую заботу о кормлении детей

Поле того как матери родили детей, им надлежит даже с большим старанием обратить внимание на их кормление, и матерей надо прежде всего побуждать к тому, чтобы они кормили собственным молоком⁴ и не передавали для кормления другим женщинам, особенно низким и распутным. Ведь молоко, на наш взгляд, имеет не меньше силы и свойств, чем семя, как сказали мы выше, при формировании подобных [что и у матери] тела и души, что известно из практики как у людей, так и у животных... ничего более приемлемого, ничего более похожего на пищу, к которой дети привыкли уже в лоне матери, им нельзя предложить, чем молоко собственной матери, ничего также более подходящего для их питания и роста, ничего более соответствующего...

Намереваясь говорить о воспитании детей, мы не будем убеждать в том, что, как известно, предписано врачами [а именно], чтобы оберегали детей от крутых и высоких мест, откуда они легко могут упасть,

чтобы не позволяли им прикасаться ни к чему железному, чем они могут поранить себя, уколотившись или обрезавшись, чтобы очень тщательно охраняли их от других опасностей, если есть какие, подобные тем, — от огня, либо от воды, либо от бегущих лошадей, собак или кусающихся зверей — ведь все это относится больше к безопасности детей, чем к воспитанию, о котором мы должны говорить; хотя мы видим многих родителей такими беспечными, что заботятся они об этом очень мало или никак не заботятся. Но мы думаем, что для душевных и телесных сил очень полезно, если дети питаются не слишком изысканно и если им готовят пищу не хуже обычной и также не роскошнее, но такую, какую требует природа, равно и одежду, что будет полезно как в настоящее время, так даже в будущем в любом их возрасте. <...> Ведь к какому образу жизни они тогда привыкнут, того же самого, словно неких заложенных основ жизни, будут всегда очень упорно держаться.

Глава четвертая

Полезно приучать детей переносить холод

Но, видимо, будет полезно, если детей приучат к холоду. Сообщают, что это делали еще варвары, погружая детей в ледяные реки, как и покрывая их очень простым и скромным плащом. Ведь дети из-за присущего им жара более способны к упражнениям, и им легче упражняться, чтобы привыкнуть к холоду. Мы видим, что некоторые дети из-за крайней бедности родителей даже более суровой зимой ходят с голыми ногами и одетые в единственную и притом изношенную одежду, к которой они так привыкли, что не больше страдают от сурового холода, чем даже те, кто прекрасно обут и одет. Здесь стоит к месту рассказать, что, когда мне еще мальчиком случалось бывать в деревне, мне повстречался случайно один крестьянин, гнавший скот, и так как стоял лютый холод, а у него не было обуви и почти не было на нем одежды, чем укрыться, я, охваченный состраданием к нужде человека, спросил, как столь мужественно он переносит такой жестокий холод, который я, весь укутанный со всех сторон одеждой, едва мог вынести. Он ответил мне очень остроумно: "Ты думаешь, сынок, что не замерз бы, если был бы одет во все одежды, какие только имеешь?" И когда я подтвердил кивком головы, что не буду ощущать никакого холода, он говорит: "В таком случае не удивляйся, если и я не мерзну, так как всегда одет во все одежды, какие у меня есть". Право же этим не столь изящным, сколь исполненным мудрости ответом грубый и неученый человек указал мне, как важны опыт и привычка для восполнения телесных нужд.

Это мы сказали о холоде. Напротив, нельзя никоим образом допускать, чтобы дети страдали от голода, дабы не ослабить их природную силу, необходимую для непрерывного роста, который в них происходит. О сне должно думать то же самое, но при этом все должно быть в меру, как передают медики и философы и говорит М. Варрон в обширном исследовании, написанном о воспитании детей⁵. Если разрешить им слишком много есть и спать, то они становятся из-за этого, как было замечено, тупыми и вялыми, задерживается рост их тела и созревают они медленнее.

Глава восьмая

Надлежит, чтобы с малых лет дети почитали Бога и религию

Но прежде всего их надо будет как можно лучше наставить в божественном культе, чтобы научились они уважать религию, о Боге говорить честные слова и никак не позорящие его. Равно не клясться его именем, использование которого в клятве очень удобно для лжи и также рождает высочайшее презрение к тому, кем человек клянется, а что недостойнее или ужаснее презрения к Богу может быть высказано? Но не меньше детей надо будет удерживать от стремления ко лжи, нет ничего более чуждого, чем она, свободному человеку... Пусть оберегают их также от непристойных слов, чтобы не рассказывать им ничего грязного и позорного, слушая которое, они приучаются говорить то же самое и, раз привыкнув, не стыдятся делать и когда подрастут...

Глава десятая

Детей не следует запугивать угрозами и побоями
или чрезмерно строгими словами

Но надо соблюдать меру, чтобы не устрашать чрезмерными угрозами и бранью и не бить. Подобное заблуждение очень распространено среди родителей, думающих, что угрозы и побои будут способствовать воспитанию детей, тогда как, напротив, они вбивают в детей такой страх, что его нелегко искоренить даже в старшем возрасте; детей даже калечат, что чаще делают многие неразумнейшие женщины, когда, пылая гневом, хотят научить своих детей дурной привычкой бить их умеренности, которой сами вовсе не обладают. [Из истории] известно, что римский всадник Анксон, бичуя сына, забил его до смерти; в негодовании от такого злодейства весь народ, отцы и сыновья истязали его на форуме металлическими прутьями, от чего его с трудом, хотя и обладал он высокой властью, освободил Август. Юрист Юлиан сообщает о сапожнике, который у мальчика, происхо-

дившего из свободной семьи, учившегося [ремеслу] и не выполнившего хорошо задания, выбил глаз, ударив его колодкой сапога по затылку. Поэтому пусть родители при воспитании детей ведут себя осмотрительнее. Ведь побои не свободным людям подходят, но рабам, отчего случается, что те, кого столь угрожающе бранят и бьют, обретают рабскую душу, становятся покорными, сломленными, измученными страданием, отчаиваются, и если они имели нрав благородный, то теперь они унижены, всего боятся и не осмеливаются ни на что выдающееся и достойное свободного человека. Побои очень сильно вредят как душам, так и телам, ибо они порождают и вредные жидкости в теле, отчего члены иссушаются и чахнут. Как нежным растениям вредит, на наш взгляд, излишняя сухость, так и детям чрезмерная строгость. Этому нас учит и пример с животными. Так, к жеребяткам и телятам не применяют ни кнута, ни шпор и не бьют их. Даже взрослые лошади, уже взнузданные, если их часто бить, становятся своенравными, строптивыми и всего пугающимися, но ведомые более мягкой рукой становятся благороднее; то же можно сказать и о быках, которые тем чаще отвергают ярмо, чем более острым стрекалом их погонять...

Действительно, с детьми нужна рука более мягкая. Мы не говорим этим, что следует идти на поводу у всех их желаний. Известно, что природа этого возраста мягка, податлива, более склонна к пороку, чем к добродетели, но чем умереннее и мягче способ воспитания, тем надежнее и легче отвлечь детей от порока и побудить любить добродетель; думаем, что к нему надлежит также присоединить наивысшее благоразумие и тщательность и обдуманность в любом суждении. Так, иногда подобает похвалить хорошо выполненную ребенком работу, чаще делать вид, что не замечаешь его ошибок. Также и исправлять надо мягко, смешивать с похвалой заставляющий стыдиться упрек, порицания чередовать с одобрениями. В зависимости от поступка и обстоятельств следует прибегать то к святой суровости, то к одобрению и улыбке, то, когда дети начали делать что-то хорошее, чтобы еще больше побудить их, к небольшим наградам, которые они очень любят в их возрасте.

Кроме того, надо будет назвать детям и превознести высочайшими похвалами тех выдающихся людей, кто прославились добродетелью и ученостью, и, напротив, проклясть тех, кто считались злейшими и опаснейшими врагами. Следует рассказать им, какие позорные наказания претерпели за свои деяния одни и каких почестей и наград были удостоены другие, чтобы примером первых дети устрашились пороков, а примером вторых воспламенялись к добродетели. Будет полезно также осудить их ровесников, когда они в чем-то провинятся, и,

наоборот, высоко одобрить их и похвалить, когда сделают что-то достойное; поскольку это вызывает обычно к ним зависть, то, слушая, что их [сверстников] так хвалят, дети будут стремиться к добродетели, чтобы заслужить равные похвалы; уstraшенные же порицаниями, они отпрянут от пороков, от которых, как они понимают, проистекают те порицания.

Следует воочию показывать детям почести и других людей, которые те стяжали за заслуги, ведь зрелище общественного прославления и возвышения чужой доблести немало возбуждает души и дает сильный стимул к подражанию. Надо позаботиться, напротив, и о том, чтобы дети видели поношение недостойных людей (подобное бесчестью пьяных рабов, выводимых лакедемонянами на пирах на позор⁶), не для того, чтобы наслаждаться чужим несчастьем, которому надо скорее сострадать, но чтобы уstraшало бесчестье других и чтобы сильнее отвлекать души видящих это от позорной жизни, которой обычно сопутствуют пороки. По этой же причине весьма полезно приводить детей смотреть наказание разбойников, убийц и других преступников.

Надо будет позаботиться, кроме того, чтобы детей чаще побуждали к добродетели посторонние люди, обладающие большим авторитетом. Ведь в формировании нравов и в исправлении проступков увещевания посторонних часто имеют большую силу, чем домашних. И даже сверстникам детей и слугам надо также разрешить порицать их...

Глава одиннадцатая

показывает, как надо исправлять и побуждать детей
и что мнение тех, кто полагает, что детей надо сильно бить,
недостойно оглашения

Никто не станет отрицать, что многие как языческие (в их числе Хрисипп), так и священные писатели авторитетно утверждали, что надо бить детей. Пусть они думают что угодно, мы также со своей стороны опираемся на высокие авторитеты, и притом такие, которыми не следует пренебрегать. Однако послушаем слова Священного Писания: "Кто любит сына своего, пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешаться им"⁷. Но, приводя священных авторов, никоим образом не следует отбрасывать и того, что говорит Павел (чей авторитет не меньше) в Послании к Ефесянам: "И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем"⁸. Так же он пишет и в другом месте, наставляя Колоссян: "Отцы, не раздражайте сыновей ваших, дабы они не унывали"⁹. Поэтому родители должны будут тщательно обдумать в отношении сы-

новой, к чему окажется каждый более склонным, к добродетели либо к пороку. Если природные задатки ребенка столь благородны, что он сам влечется добровольно к добродетели и культуре, если он скромнен, слушает старших, мягок с ровесниками, не избегает труда, не пренебрегает одобрением, однако иной раз и делает что-то не так (ведь даже среди взрослых и наделенных мудростью людей нет никого, кому бы не случилось ошибаться), пусть скажет мне тот, кто одобряет побои, пусть скажет мне, следует ли применять к нему угрозы и побои. Разве упомянутые священные авторитеты предписывают телесно избивать ребенка, бить его постоянно розгой и плетью? Не скорее ли надо опасаться того, как убеждал апостол Павел, что дети станут унылыми? И не будет ли лучше, как говорили мы выше, исправлять ребенка мягко и ласково, иногда даже не обращать внимания на его проступок и использовать сверх указанных другие способы исправления? Найдется ли ребенок столь дурной и извращенной природы, чтобы на него не подействовало мягкое обращение? <...> Мы знаем, что впрямь очень трудно изменить природу людей и дать другую форму смешанным элементам¹⁰ единожды рожденных; но мы знаем и то, что нет от природы ничего врожденного, чего нельзя было бы, не скажу целиком изменить, но, по крайней мере, в чем-то исправить, если приложить искусство и опытную руку наставника. Известно, что даже дикие звери благодаря искусству делаются ручными... Поистине велика изобретательность человеческого ума, способного смягчить и часто ослабить силы природы, которые искоренить невозможно.

Глава двенадцатая

Следует много потрудиться, чтобы распознать природные задатки детей

Прежде всего с наивысшим благоразумием и проникательностью следует изучить природу детей и выявить различные врожденные свойства характера, так чтобы, исправляя нравы детей, применять для избавления от любого порока или болезни души соответствующие средства, как это обычно делают врачи, которые заботятся о теле. Ведь тела наши состоят из четырех элементов¹¹, каждый из которых обладает различными свойствами. Так, огонь содержит в себе врожденный жар, вода — холод, воздух — влагу, земля — сухость, поэтому какой элемент в каждом теле будет господствовать и будет в большем изобилии, такие свойства, особенности и такой характер он и определит, что, как очевидно, относится и к остальным живым существам [разных] мест и регионов. Откуда происходит, что тех, в ком

преобладает огонь, мы видим гневными, в ком вода — мягкими, в ком воздух — веселыми, а в ком земля — печальными. И потому надлежит заботливо исследовать нрав каждого ребенка. Одни ведь словно нежнейшие цветки, в ком пробивается свет будущей выдающейся добродетели, хотя они и более робки, чем подобает, и более застенчивы. Другие необузданны, отважны, дерзки. Некоторых найдешь многословными и болтливими, другие — с глазами, опущенными в землю, едва говорящие, даже когда прикажут. Много надменных и тщеславных и гораздо больше тех, кто стремится к истинной похвале и славе. Есть также небрежные и нерадивые, другие легкомысленны, непостоянны, гуляки, а иные твердого и ясного духа. Есть такие, кто неудостаивает послушания старших, но есть и те, кто охотно слушается младших. Есть те, кто охотно трудится и бодрствует, и те, кто позорно покоится в лени и бездействии. Некоторые все, что имеют, щедро раздают, другие крайне скупы, для них нет ничего страшнее, чем обеднеть, хотя они еще совсем не испытали бедности. Некоторые увлечены науками и добрыми искусствами, другие их не любят; многим нравится в жизни заниматься хозяйством, еще большему числу — насыщение чрева и обжорство. Одни имеют душу мягкую и кроткую, очень многие склонны к гневу, одних наслаждает мир, покой, согласие, других — ссоры и распри. Очень велико различие умов и волевых качеств, велика противоположность, поэтому при воспитании детей надо применять разные способы.

Один способ подходит к бесстыдному и дерзкому, другой — к робкому, кто краснеет по малейшему поводу, этого второго надо поддерживать похвалой и чаще побуждать небольшими наградами, иной раз надо похлопать ему [в знак одобрения] и улыбнуться; а в отношении другого не следует применять ни улыбки, ни дружелюбного упрека, но подходить к нему надо с более строгим лицом и грозным взглядом. И это для того, чтобы первый не увял, не впал в уныние, не был удручен и не пришел в конце концов в полное отчаяние; и чтобы второй, вознесенный пустым самомнением, не чванился бы, не распоясывался, не становился необузданным и не низвергся бы вниз от чрезмерной самонадеянности. Первейший заслон страху и застенчивости, без сомнения, — похвала, души благородные и расположенные ко благу она обычно возвышает и окрыляет доброй надеждой на самих себя; а неумеренные и разнузданные от похвалы становятся более надменными, чванятся и раздуваются, словно река от долгих дождей; как этим похвала — губительный яд, так тем она служит обычно целетельным средством...

Книга вторая

Глава первая

Каким образом следует обучать детей наукам
и добрым искусствам

До сих пор мы рассуждали о том, как надо формировать нравы детей. Теперь нам, очевидно, следует сказать о том, как надо обучать детей наукам и добрым искусствам. Родители должны обратить на это внимание и приложить все силы своего ума, чтобы дать детям образование. Ведь если ради детей они стараются с такой заботой и беспокойством накопить богатства и увеличить наследство, насколько большую заботу им надлежит проявить, чтобы оставить детям сокровища гораздо более достойные и ценные — науки и добрые искусства. Ибо сокровища эти остаются вечными и неизменными, богатства же тщетны, мгновенны и преходящи. Науки и искусства услаждают и утешают любой возраст и являются, по словам Аристотеля, украшением в счастливые времена, убежищем в несчастьях, а богатства колют, как шипы, и мучат и часто порождают горчайшие заботы, а когда они исчезают, их бывших владельцев начинают презирать и насмехаться над ними. Науки и искусства также сильно побуждают и воспаляют души любовью к добродетели, а богатства, как сказал Посидоний, — причина и начало всех бед¹². Науки и искусства не могут украсть воры, уничтожить какое-либо насилие, огонь либо несчастье; богатства похищают то произвол могущественных людей, то нападение разбойников, то война, то ненасытное море, то еще более ненасытные ростовщики. Поэтому очень верным, хотя и неискренним, был ответ Нерона своему учителю Сенеке; когда Сенека напомнил о многочисленных и великих дарах, принятых им от Нерона, тот сказал так: "Ты взлелеял мое детство и затем мою юность наукой, благоразумием, наставлениями, и твои дары мне, пока я жив, будут вечными, а то, что ты от меня получаешь — сады, деньги, приносящие барыш поместья, — подвластно случаю". Можно вспомнить также выдающегося мегарского философа Сильпона¹³. Когда был захвачен и разрушен до основания город и Сильпон потерял детей и жену, его спросили, не претерпел ли он от войны какого-то ущерба. "Совершенно никакого, — ответил он, — ибо война не может никогда отнять ничего из добродетели". Похоже на это другое высказывание — Бианта из Приены. Когда была разорена его родина, кто-то спросил у него, видя его уходящего пустым, почему он не несет с собой, по крайней мере, что-то из своего имущества. Он ответил: "Все свое добро я несу с собой", обозначая этим науки и мудрость.

Замечательно наставление по схожему случаю философа-сократика Аристиппа. Потерпев кораблекрушение, он был сильной бурей выброшен на побережье Родоса. Увидев на песке какие-то геометрические фигуры, он, говорят, воскликнул, увещевая спутников [по несчастью] возыметь добрую надежду, так как он увидел следы людей¹⁴. Ободренный уверенностью, он сразу же устремился в город, пришел в гимнасий, где, рассуждая с высочайшим изяществом о философии, был почтен родосцами славными дарами; ими он помог не столько себе, сколько своим спутникам, щедро позаботясь обо всех их нуждах. Собираясь вернуться домой, они спросили его, что поручает он им передать на родину. "Возвестите согражданам, — сказал он, — чтобы дали они детям такие богатства и такие припасы в дорогу, которые останутся при них даже тогда, когда они терпят кораблекрушение и спасаются вплавь"¹⁵. О, глас, достойный философа! Как должны бы все родители прислушаться к нему и услышанное сохранить навечно! Аристиппу принадлежит и другое благоразумное высказывание. Спрошенный, чем отличается мудрый от глупца, он ответил: "Пошли их обоих голыми в неизвестные земли — и ты узнаешь об этом..."

Итак, родители должны приготовить для детей такие богатства, которые не будут тщетными, пустыми, мимолетными, которые не сможет уничтожить никакая сила судьбы и которые, будучи заключены в душах и умах, не будут подвержены никакой случайности и сохранятся навечно...

Глава вторая

О правильном пути обучения детей наставниками

<...> Когда души окрепнут, детей следует отдать учиться в публичную школу, куда обычно собираются и другие мальчики, но не учить их дома, как полагали некоторые, с помощью частного учителя. Ведь в школах они будут избавлены от разговоров женщин и слуг, а также от лицемерия домашних дел, часто непристойных; будут оторваны от одиночества, которого более всего надо опасаться в этом возрасте, чтобы не случилось того, что происходит со многими детьми: словно извлеченные из каких-то потаенных мест, они страшатся людей, как призраков, и это, как смоляное пятно, сохраняется часто в них даже в зрелые годы. Кроме того, если дети будут обучаться в школах, то каждый будет лучше успевать благодаря примеру и знанию другого. Ведь похвальная добродетель одного их возбудит, осужденные пороки другого устршат: так, надеясь на одобрение и боясь порицания, они становятся лучше. Надо остерегаться, часто меняя преподавателей, переводить детей для обучения из одной школы в другую. Для

детских умов, как и для растений, когда их часто пересаживают, или для вин, когда их переливают в другие сосуды, это вредно и пагубно.

Глава четвертая
учит тому, что при выборе учителя надо проявлять
величайшую заботу

Надлежит также с большей тщательностью выбирать учителей публичных школ для обучения детей, чтобы... были они серьезными и свободными от всяких проступков, а также превосходно образованными. Ведь чем чище и питательнее молоко кормилицы, тем здоровее и крепче ребенок, так и с учителями — чем лучше будут их образованность и нравы, тем более прочные ростки добродетели и учености они оставят своим преподаванием в детях, ростки, которые лишь выше поднимутся [в дальнейшем]. И не надо колебаться выбирать с самого начала в учителя детям человека превосходной учености, хотя и кажется, что для обучения детей раннего возраста подойдет посредственно образованный и рядовой человек. Но чем образованнее будет учитель, тем более доступное для детей и более ясное знание даст он, которое щедро насытит их души; [такие] учителя заложат также в душах детей более прочные и надежные основы, которые, будучи заложены таким способом, укоренятся в них навсегда.

Но разыскивая образованных учителей, надо, однако, избегать школ с чрезмерным скоплением учеников, ибо из-за множества учеников проистекают трудности в обучении, трудности влекут за собой небрежность, небрежность — пренебрежение и все это в конце концов — потерю времени и денег. Итак, следует избегать школ, которые слишком переполнены учениками... Ведь любой учитель, даже очень образованный, если у него учеников больше, чем он может вынести, вряд ли сможет когда-нибудь удовлетворить в достаточной степени всех да еще иметь время для отдыха.

Также предпочтительнее определить детей к учителям спокойного и мягкого нрава, ибо бесчеловечность и, так сказать, черствость наставников очень мешают успеху того, кто отдан в этом возрасте учиться. Дети также очень легко подражают поведению старших, на которых постоянно смотрят; известен пример этому: воспитанного у Платона мальчика возвратили домой к родителям, и когда он увидел однажды раздраженного отца, повысившего голос, он, говорят, сказал ему, что никогда этого не видел у Платона...

Книга четвертая

Глава третья

О любви детей к своим родителям

<...> Какое из благодеяний может быть больше, чем появиться на свет от родителей, которые ради детей претерпевают столько трудов, подвергаются добровольно стольким опасностям, испытывают столько тягот и горестей, обременяются такими затруднениями и беспокойствами, что нет ничего столь тяжелого, печального и горького, что не показалось бы им самим ради детей сладким и радостным. Вспомним, сколь многое сделали они ради нас, сколь многое пытались сделать, на сколь многое решались, сколько терпели; подумаем, что с нами стало бы без такой огромной их заботы и беспокойства, сколько раз нам суждено было бы погибнуть от голода, скольким тысячам опасностей подвергаться самым жалким образом; оценим нравы, искусства, науки, которые мы обрели благодаря их неоценимым трудам и расходам, рассмотрим, как мы, так сказать, из скота благодаря им стали людьми. Какими благодарностями сможем мы когда-нибудь отплатить за такие благодеяния, каким равным воздаянием отблагодарить за такие услуги, чем достойным отплатить за их безмерные блага? Но так как не может быть никакого равного воздаяния за указанные заслуги, то сделаем, по крайней мере, то, что для нас возможно: будем вести себя с ними услужливо, постоянно сопровождать их, будем жаждать их поучений, повиноваться их приказаниям, их воле и решениям, будь то оставаться на месте, либо уйти, либо заняться военным делом, либо жить в деревне, либо жениться, воспримем, словно это божественный оракул, и выполним; разгневанным не будем противиться, грозящих и пугающих терпеливо вынесем, приказывающих же вещи бесчестные и преступные отвергнем, но мягко и скромно, без какого-либо сурового проклятия, подверженных какому-нибудь позорному пороку не будем презирать, открыто позоря их...

Когда же они случайно обеднеют, будем кормить их и содержать, а когда состарятся, поддержим их старость, как учат нас священные законы, и не потерпим, чтобы они когда-либо печалились, утешим грустных, ободрим упавших духом, никогда не оставим угнетенных, подавленных духом, обманутых другими, не уступая в милосердии прочим животным, известно ведь, что аисты кормят поочередно старого вожака стаи. Этот достойнейший и святейший долг милосердия пусть юноши охотно постигают, постоянно соблюдают, неослабно совершенствуют. Хотя его нельзя даже в малейшей степени сравнить, как мы сказали, с родительским благодеянием, однако его соблюдение

добудет для них огромные и многочисленные запасы благ как человеческих, так равно и божественных, на которые они никогда и не надеялись.

Но не менее важным будет считаться суждение о родине, которое мы по праву добавили в этом месте; ее древние учителя философии даже ставили впереди родителей; словом, так ее надо скромно почитать, чтобы не говорить ничего, что уменьшает ее достоинство и славу, не делать ничего, что приносит ей убыток и ущерб.

За неимением современного издания 30-х гг. XX в. перевод трактата выполнен Н.В. Ревякиной по тюбингенскому изданию 1513 г., находящемуся в Научной библиотеке Санкт-Петербургского университета. Philelphi Fr. De educatione liberorum clarisque eorum moribus. Tubingae, 1513, ff. 1r, 2r, 3r—3v—5v—7r, 8v, 11r—13r, 15r—16r, 17r, 39r—39v.

КОММЕНТАРИИ

¹ *Саллюстий*. Югуртинская война. 4; Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Юлий Цезарь. 7.

² У Диогена Лаэртского эти слова говорит философ Зенон из Кития (ок. 335—ок. 262 гг. до н.э.), основатель стоической школы. См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. VII, I, 18.

³ См.: *Аристотель*. Политика. VII, XIV, 6.

⁴ *Aulus Gellius*. Noctes Atticae, XIII, 1.

⁵ Веджо, видимо, говорит о трактате ученого-энциклопедиста и педагога-практика Марка Варрона (116—27 гг. до н.э.) "О латинском языке" (в 25 кн.), где в 9-й книге дан обзор основных наук его времени, которые послужат в будущем основой для семи свободных искусств средневековой системы образования; работа была использована и переработана карфагенским ритором Марцианом Капеллой (IV—V вв.), от которого и идет понятие "семи свободных искусств".

⁶ *Плутарх*. Жизнь Ликурга.

⁷ Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова. 30, 1.

⁸ Посл. к Ефес. 6, 4.

⁹ Посл. к Колос. 3, 21.

¹⁰ См. ссылку 11.

¹¹ Учение о четырех элементах восходит к древнегреческому философу Эмпедоклу (V в. до н.э.). Четыре элемента (вода, земля, воздух и огонь) являются "корнями всех вещей", все прочие вещества получаются в результате соединения этих элементов в определенных пропорциях. В средние века учение о четырех элементах применяли и к человеку и связывали с преобладанием одного из элементов в организме особенности характера человека.

¹² *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию. XXXVII, 31.

¹³ Там же. IX, 18; *Диоген Лаэртский*. II, 11, 115.

¹⁴ У Цицерона этот эпизод связан с Платоном. См.: Цицерон. О государстве. I, 17, 28.

¹⁵ Ср.: Диоген Лаэртский. Цит. соч. VI, I, 6.

ЭНЕО СИЛЬВИО ПИККОЛОМИНИ

Энео Сильвио Пикколомини (1405—1464) — известный итальянский гуманист. Родился в Сиене в знатной семье. Получив хорошее классическое и юридическое образование, он сделал церковную карьеру, был епископом, затем кардиналом, а в 1458 г. был избран папой под именем Пия II. Став папой, он осудил свои светские сочинения, но в нем осталась любовь к классической литературе, к искусству, к красоте природы, а также стремление к самопознанию и желание славы. В годы его понтификата вышла удивительная булла о защите памятников Древнего Рима от разрушения. С его именем связана и булла 1463 г. о священной войне против турок, в которой он сам хотел принять участие.

В молодости Пикколомини был известен как поэт своей любовной лирикой. Он — автор комедии "Хрисис", написанной в подражание Плавту. В 1442 г. император Фридрих III короновал его поэтическим венком. Широкую известность получила его "История о двух влюбленных" (1444), повествующая о любви рыцаря Эвриала к сиенской знатной даме Лукреции. Написанная под влиянием Овидия, а также "Фьяметты" Боккаччо, она интересна глубиной изображения чувств, чистым латинским языком. В XV в. эта работа Пикколомини имела 27 изданий и переводов. Перу Пикколомини принадлежат исторические сочинения "История Богемии", "История деяний императора Фридриха III", работа по географии, широко известная под названием "Космография". Он писал о Базельском соборе (ок. 1440). Особенно интересны его "Комментарии о достопамятных делах своего времени", написанные, когда он был уже папой. Это, по существу, автобиография в 12 книгах, доведенная до 1463 г. О своей жизни до принятия папского сана он рассказывает в 1-й книге, остальные книги повествуют о его религиозной и политической деятельности, но в них много живых и ярких описаний красот природы и памятников искусства, городов, стран и обычаев.

Пикколомини проявлял интерес и к вопросам воспитания. В этом отношении важно его письмо (1443) к герцогу Тироля Сигизмунду. Но наиболее интересен его трактат "О воспитании детей" (1450), написанный Пикколомини, в то время еще епископом Триеста, для Владислава, короля Богемии и Венгрии, бывшего тогда мальчиком-подростком. После краткого предисловия, где содержится высокая оценка мудрости и добродетели как качеств, необходимых правителю, следует сам трактат, представляющий собой рекомендации по воспитанию мальчика. Начиная с рассуждений о роли природных задатков, обучения и опыта и в связи с ними роли учителя, Пикколомини прослеживает разные стороны процесса воспитания ребен-

ка — телесное воспитание, включающее и рекомендации относительно питания, развитие интеллекта и роль философии в нравственном воспитании, обучение мальчика, необходимые предметы и способы обучения, где много внимания уделяется воспитанию умения хорошо говорить и грамматике; среди дисциплин обучения, помимо традиционных семи свободных искусств, названы поэзия, история, моральная философия, призывом к изучению которой и заканчивается трактат. Образование строится на античных авторах, раннехристианских писателях и Библии.

Н.В. Ревякина

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Если кому и надлежит стремиться к добродетели и всего себя отдать добрым искусствам, так это тебе, славнейший государь Владислав¹, никто здравомыслящий не будет отрицать этого. Ведь став совершеннолетним, ты надеешься обладать величайшим государством и блестящей верховной властью, которыми, не сможешь долго владеть, если не будешь преисполнен совершенного благоразумия. Царства повинуются добродетели, сопротивляются порокам. Как некогда Рим не вынес праздности императора, так сегодня Венгрия ненавидит бездействие короля. Правителю более, чем кому-либо другому, нужна мудрость. Как будет правильно управлять другими тот, кого сокрушает собственное заблуждение? Царь неразумный и себя губит, и народ, для мудрого все идет к лучшему. С моей помощью, говорит мудрость, цари правят и законодатели принимают справедливые решения. Итак, пока ты ребенок, а став старше, начнешь проникаться наилучшими наставлениями. Побудить тебя к этому должны будут и примеры твоих предков, которые с величайшей славой руководили Римской империей, предки с отцовской и материнской стороны и тот, кто тебя породил, божественной и незабвенной памяти отец Альберт, не походить на которых будет в высшей степени стыдно. Тот, кто воспринимает власть предков, должен соответственно воспринять и их добродетели. Ты наследуешь благородство, постарайся стать наследником и нравов. Благородство, облаченное в покровы чистых нравов, достойно хвалы. Нет никакого благородства в том, что порочно. В самом деле, кто назовет родовитым того, кто недостоин рода и отличается только славным именем [предков]? Как среди безгласных животных, столь бы ни были они рождены от достойных хвалы родителей, никто не пожелает породистых, если они не крепкие, так и среди людей не могут называться благородными те, кто не славится собственной добродетелью... Но в завоевании добродетели большой поддержкой слу-

жат занятия науками... Сократ, по свидетельству Боэция, полагал, что государства были бы счастливы, если бы их правителям случилось обрести мудрость². Ведь действительно, совершенны только те люди, которые стараются сочетать гражданские обязанности с философией и требуют для себя оба блага. И жизнь тех, кто служит общей пользе, идет благодаря наукам и мудрости с высшим спокойствием, не подверженная никакому смятению. В таком случае правителям и тем, кто будет властвовать, надо всеми силами пытаться и государственные дела исполнять и заниматься философией...

1. О природных способностях детей и о том, каким образом природа слепа без науки

У всех детей, которых требуется привести к вершине добродетели, должна быть добрая и способная к науке природа. Но дать ее не зависит ни от тебя, ни от человеческого старания, это дар и небесное благо одного Бога. Найдется немного людей, чья природа не способна к обучению. Ибо, по словам Квинтилиана, как птицы рождены для полета, лошади для бега, собаки для свирепости, так человеку свойственна [от природы] деятельность ума и понятливость. Тупые же и неспособные рождаются в таком же противоречии с природой, как и те, кто имеет странные и отмеченные уродством тела. И хотя один другого превосходит умом, не найдешь никого, кто ничего не достиг бы старанием³. Но ты одарен хорошей и способной к науке природой, значит, тебе остается заняться наукой и упражнением. Ибо как слепа природа без науки, так без природы слаба наука⁴, обе будут мало значить, если устранить упражнение. Совершенство же достигается с помощью этих трех условий. Итак, приступай с Божьей помощью и, восприняв принципы науки, посвети себя упражнениям в добродетели.

2. О том, что в детях надо воспитывать прежде всего две вещи

В детях надо воспитывать тело и душу. Скажем прежде всего о воспитании тела. Затем присоединим к этому воспитание души, иногда, однако, будем говорить вперемешку. Ведь, согласно одним, в материнском лоне сначала формируется тельце, в которое внедряется душа. Другие считают, что то и другое образуется одновременно. Итак, воспитание ребенка надо начинать с детства, как говорится, с первых ноготков. Но для тебя эти времена пройдены (о, если бы не без пользы), надо поспешить к твоему возрасту. Ты еще ребенок, вы-

слушай наставления, которые мы даем тебе как ребенку. Пока я говорю с тобой и тебя увещаваю, я говорю одновременно со всеми твоими наставниками, которые заботятся о тебе, и увещаваю и их. <...> Глупцы и безумцы те, кто воспитание своих детей поручает кому попало и без всякого разбора. Что до меня, то я бы хотел, чтобы учителя были либо образованны (это было бы лучше), либо знали, что они необразованны... Ведь ничего нет хуже тех, кто, продвинувшись ненамного за рамки начального образования, пребывает в ложной уверенности, что он великий знаток, если воспользоваться словами Квинтилиана⁵. В таком случае правильно поступил Филипп Македонский, пожелав, чтобы сыну его Александру начальные основы знания дал Аристотель, величайший философ того времени. Не знаю, какое заблуждение привело его к выбору Леонида⁶. Правильно также Пелей доверил Ахилла заботе Феникса, так как тот был и в словах, и в делах наставником и учителем⁷. Действительно, необходимо, чтобы жизнь наставника не была запятнана никакими проступками, чтобы нравы были безукоризненны и служили наилучшим примером, чтобы учителя не имели и не распространяли пороков. Учителя не должны быть ни жестокими в своей строгости, ни развязными в чрезмерной общительности, дабы не мог ты их ни ненавидеть, ни презирать по праву. Пусть речь их будет по большей части о нравственных вещах, чтобы от них ты не научился порокам, которым после надо будет разучиваться, а освободиться от них очень трудно, и бремя разучивания труднее, чем научения. Поэтому, говорят, известный флейтист Тимофей обычно требовал двойную плату от тех учеников, которых обучал другой учитель, нежели от того, кто приходил в его школу необученным. О тебе, несомненно, позаботились наилучшим образом; ты получил таких учителей, что, соблюдая их предписания, можешь достичь славы замечательного мужа и славнейшего государя. Их обязанность состоит в том, чтобы, подобно земледельцам, ставящим вокруг своих саженцев изгороди, окружить тебя подобающими тебе наставлениями в похвальном образе жизни, откуда произрастут прямейшие побеги нравственности. Ибо справедливая наука — источник и основание нравственности⁸. На тебя, однако, пусть они воздействуют увещеваниями, а не побоями, ибо, хотя принято бить детей и Хрисипп с этим согласен⁹, и приводят слова Ювенала:

Взрослый уже Ахилл боялся розги, когда он
Пенью учился в родимых горах¹⁰,

однако у меня больший вес имеют Квинтилиан и Плутарх, которые говорили, что детей надо вести к честным занятиям не тумаками или

розгами, но увещеваниями и разумными доводами. Побои рабам подобают, а не свободным¹¹. Благородным детям и более всего детям государей похвалы и порицания старших больше приносят пользы, чем побои. Первые побуждают к честному, вторые удерживают от позора. Однако и в том и в другом надо соблюдать меру, чтобы ничего не делать слишком. Ведь дети, неумеренно хвалимые, важничают, а если их чрезмерно наказывать, надламываются и слабеют духом, с другой стороны, побои рождают ненависть, которая сохраняется вплоть до взрослого состояния. Но для того, кто учится, нет ничего более враждебного, чем ненавидеть наставников, которых, пожелай поступить справедливо, ты полюбишь не менее, чем сами занятия, и посчитаешь родителями не тела твоего, но духа. Такая любовь очень помогает занятиям.

3. Забота о теле и как должно кормить детей

О наставниках сказано достаточно. Теперь, на наш взгляд, надо посмотреть на то, сколько заботы следует уделить твоему телу. Тело ребенка стремится сохранить в последующее время те привычки, которые оно усваивает. Поэтому надо наблюдать, чтобы ребенка не кормили слишком изысканно, чтобы не разрешали ему спать или отдыхать более, чем необходимо. Мягкое воспитание, каковое мы называем снисходительностью, разрушает все силы души и тела. Надо избегать мягких перин; я бы не хотел, чтобы шелк облегал тело, иногда даже следует пользоваться грубой полотняной одеждой — от всего этого члены тела становятся крепкими и более выносливыми к труду. Так как ты от природы красивый ребенок, достойный скипетра, надо стремиться к тому, чтобы красоте отвечали жесты, чтобы в лице была сдержанность, чтобы не кривил рот, не высовывал язык, чтобы не изображал из себя пьяного, не подражал грубости слуг, чтобы нос не задирали вверх, а глаза не опускали вниз, шею не склонял на ту или другую сторону, чтобы не держал руки как крестьянин и поза была достойной, а манера сидеть не вызвала насмешки... Итак, надобно при движении и в любой позе соблюдать достоинство. К этому проявляли много внимания греки, так что даже издали закон о жестах, который называли хирономия. Его одобрял Сократ, полагал среди гражданских добродетелей Платон, и Хрисипп не забыл в своих наставлениях о воспитании детей¹².

Не стоит пренебрегать также некоторыми состязаниями, но надо выслушать наставников в этом деле, чтобы трудиться в них столько, сколько будет достаточно, дабы приобрести и соразмерное строение

членов тела, а заодно и его крепость. Ведь хороший телесный облик в детях закладывает и хорошие основы старости. И так как правителю надлежит не раз участвовать в сражениях, мальчику, которого ожидают бразды правления, следует упражняться в состязаниях... В таком случае не будет неуместно, чтобы ты, кому часто придется сражаться с турками¹³, научился натягивать в детстве лук, метать пращу, пускать стрелу, бросать копьё, бегать, прыгать, участвовать в охоте, приобрести умение плавать. Послушай, что говорит Вергилий о детях италийцев:

Крепкий от корня народ, мы зимой морозной приносим
К рекам младенцев-сынов и водой закаляем студеной;
Отроки ухо и глаз изощряют в лесах на охоте,
Могут, играючи, лук напрягать и править конями¹⁴.

Учиться тому, что можно делать честно, никак не позорно. Впрочем, я не запрещаю бы мальчику игр, которые не являются непристойными. Хвалю и одобряю игру в мяч с ровесниками. Есть еще игра в обруч, есть и другие детские игры, которые не содержат в себе ничего позорного, их тебе иногда должны позволять наставники, чтобы таким способом сделать перерыв в работе и восстановить бодрость. Детям не следует всегда предаваться науке и серьезным делам, и не надо возлагать на них безмерные труды, от которых они падали бы обессиленные и к тому же, задавленные тяжелым грузом, небезропотно воспринимали бы науку. Ведь и растения питаются водой, даваемой в умеренном количестве, а если в большем, то они погибают. Тебе надо знать, что жизнь наша разделена на две части — на занятия и отдых: к примеру, бодрствование — сон, мир — война, лето — зима, трудовые дни и праздничные, облегчением труда служит отдых. Стало быть, не надо ни чрезмерно перенапрягаться в труде, ни излишне предаваться досугу. Ибо недруги наук, по словам Платона, — чрезмерные труды и сон.

4. О заботе о теле и о том, как надо питаться мальчику

Каковы должны быть телесные упражнения и игры мальчиков, которых ожидают бразды правления, ты знаешь. Теперь скажем о пище и питье. Скромная и умеренная пища, как пишет Иероним к Рустику, и телу и душе полезна. Итак, пусть налицо будут соображения принимать такую пищу и в таком количестве, чтобы и тело ею не обременялось, и свобода души не угнеталась. И хотя надо отказаться от пищи, которая может трудно перевариваться, однако следует предусмотреть, как бы ребенок, привыкнув к изысканной пище, не отвергал с презре-

нием обычной... Тебе ведь не всегда придется оставаться в городах, надо будет бывать и в лагерях, в лесах, в пустынных местах, где придется питаться более грубой пищей. Мальчик так должен питаться, чтобы, когда потребуют обстоятельства, не отвергал мясо вола. К тому же такому будущему воину подобают обеды, которые могут сделать тело не изнеженным, но крепким. А если кто всегда есть за обедом сушеный виноград, миндаль, пищу, изготовленную из сахара, пищу из птичек, козлят, ягнят и вообще более легкую пищу, то благодаря каким именно кушаньям он сможет подняться и выздороветь, если начнет болеть?

6. О том, чтобы дети были умеренны в питье, и о том, как позорно жаждать вина

Так как многих привлекает наслаждение от питья вина не менее, чем от еды, тебе следует остерегаться [его], дабы не стать любителем выпить или знающим толк в вине. Избегай всякого питья, которое может опьянить. Пусть питье будет умеренным, таким, чтобы оно не отягощало дух, но устранило жажду. В детях много жидкости, наполненные молоком и кровью, они редко испытывают жажду. Нет ничего позорнее мальчика, жаждущего вина. Употребление вина, как сообщает Валерий¹⁵, некогда было неизвестно римским женщинам. А что сказать о детях? Неужели мы потерпим, чтобы души детей безумствовали, неужели погубим растущий ум чистым вином? Хотя, по обычаю немцев, нельзя смешивать вино с водой, меня, однако, не убедить никакими доводами, что детям надо давать за обедом вино, не смешанное с водой. Мне известно, что некий человек из богемской знати приучал своих детей с детства, с самой колыбели поглощать много и часто одну лишь Мальвазию и Ривольти [вина чистые и высоких сортов]. Он так говорил: после того как дети станут мужчинами и будут много пить, никакое вино своим воздействием не лишит их разума. Возможно, так был воспитан Кир младший, который, убеждая лакедемона вступить с ним в союз, говорил, что сердце у него гораздо крепче, чем у брата, ибо он и пил больше чистого вина, чем тот, и легче переносил. Глупая и пустая осторожность — напиваться всегда, чтобы иной раз не быть пьяным. Те, кто так воспитан, когда очень много пьют, не теряют ума, но ум сохраняют глупый и находятся в постоянном состоянии опьянения. Нет у них памяти, нет пылких дарований, жажды добрых искусств, нет стремления к славе и чести. Но чтобы не казалось, что мы боремся с теми животными, которым дать место

среди людей, на наш взгляд, преступно, обратимся к Платону и послушаем суждение того божественного мужа о вине и питье вина. Платон мудро считал, что для восстановления трезвости вина не следует поглощать без разбора, но что души восстанавливают силы и приводятся в прежнее состояние умеренными и достойными перерывами во время питья. Всецело избегать питья вина не следует, так как никто не может достаточно надежно стать вполне воздержанным и умеренным, если жизнь его не испытана опасностями заблуждений среди недозволенных наслаждений. Ведь если тот, кому неизвестны все прелести и удовольствия застолий и кто вообще не принимает в них участия, случайно узнает эти наслаждения, придя по собственной воле, или приведенный случаем, или вынужденный необходимостью, он в скором времени неизбежно увлечется, плененный, и разум его и душа не сумеют устоять¹⁶. Поэтому мальчика надо защищать от зла вина не отказом от него, как делали египтяне, и не поглощением его допьяна, как нравилось богемцам, но силой и постоянным присутствием духа, и потребление его пусть сдерживается соблюдением меры. В таком случае пусть пиршества, происходящие в твоём присутствии, и в кушаньях и в питье сдерживаются и ограничиваются своими правилами. Умеренные без разнузданности, пусть они не мешают обязанностям души и тела. Пусть не будет там печали, нахмуренных лиц, пусть будет иной раз смех. Не одобряю Красса, который, как пишет Цицерон, смеялся в жизни один раз; Спаситель же, никогда не смеявшийся, был иного свойства, нежели человек. Пусть будет на пирах серьезность, но пусть она не исключает радости. Пусть будут наслаждения, но не ведущие к распущенности. Пусть будут удовольствия от музыки, но не несущие с собой ничего позорного.

7. Какие телесные удовольствия надо обуздывать

Впрочем, поскольку мы до сих пор рассуждаем относительно заботы о теле, следует привести на этот счет сжатое суждение Платона. Он желает уступить [желаниям] тела только для того, чтобы оно могло служить философии. Сказано, на наш взгляд, благоразумно, если в стремлении к философии содержится и забота о государстве. <...> Те, кто старательнее всего заботятся о теле, а душой, которая должна пользоваться услугами тела, пренебрегают, ничем не отличаются от тех, кто со всей тщательностью ищут повсюду возможность приобрести музыкальные инструменты, а искусство же, ради которого приобретают музыкальные инструменты, презирают. [Душу же] напротив,

надо оберегать: в самом деле, страсти тела надлежит сдерживать и укрощать как некоего бешеного зверя и безрассудные порывы его, направленные против души, смирять уздой разума. <...> В еде надо заботиться только о том, чтобы телу доставлять необходимое, дабы могло оно заниматься какой-то работой. Словом, желудку надлежит давать пищу не для наслаждения, а для питания. А те, кто думает всегда об обеде и поварах и ради пиров обшаривает земли и моря, угнетен жалким рабством и платит тяжелейшую дань господину. Надо следить, чтобы ты не старался воздавать больше телу, чем благу души; и позорно будет правителю из-за чрезмерной заботы о теле казаться изнеженным. Потребно соблюдать во всякой одежде опрятность, которая не была бы неприятна и слишком тщательна; избегай, однако, дикой и бесчеловечной неаккуратности.

8. О том, что нет на земле ничего ценнее и превосходнее, чем просвещенный интеллект

Завершив кратко то, что мы считали необходимым высказать о теле, поспешим сказать о воспитании души. В отношении этой вещи мы хотим убедить тебя, что из того, чем владеют люди на земле, нет ничего более ценного, чем интеллект. Прочие блага человеческой жизни ничтожны, даже недостойны горячего к ним стремления. Прекрасно благородство, но это благо чужое, ценны богатства, но ими владеет судьба, привлекательна слава, но непостоянна, красота пристойна, но брэнна и длится малый срок. Желанно здоровье, но всецело подвержено переменам, жаждут сил, но из-за болезни или старости они легко приходят в упадок¹⁷. Нет ничего превосходнее интеллекта и разума. Их не уничтожат никакие нападки судьбы, не разрушат никакие козни. И хотя все остальное со временем убывает, знание и рассудительность к старости умножаются. Война отнимает и уносит все вещи одну за другой, но она не может похитить образования. Когда Деметрий, захватив Мегару, разрушил ее до основания, он спросил у философа Стыльпона, рожденного там, не лишился ли он чего-то из своего имущества. Совершенно ничего, ответил ему Стыльпон, ведь добродетель не может быть добычей на войне. И Сократ считал так, когда его спрашивал Горгий, счастлив ли был персидский царь: "Не знаю, — говорит, — насколько он добродетелен и образован. Потому что именно в этих качествах, а не в благах судьбы, должно заключаться блаженство"¹⁸. Обрати внимание на это высказывание и запомни его, король Владислав, богатейший в будущем; сколь бы величайшее го-

сударство тебе ни причиталось, ты, однако, не сможешь называться счастливым, если не будешь наделен добродетелью и богат благами души больше, чем судьбы. Ведь царства и богатства принадлежат их обладателям не более, чем каждому, но, как в мирской игре, переходят то туда, то сюда. Только добродетель и для живущего и для умершего постоянна. В неблагоприятных либо в благоприятных делах мы должны прибегать к философии, которая есть наука о добродетели; ее ревнителями подобает быть прежде всего правителям. Многие вещи потребны правителю, который, по мнению Аристотеля, есть как бы одушевленный закон¹⁹. Велико бремя власти, поскольку властитель должен заботиться не только о себе, дабы пребывать в благополучии, то также и о народе, дабы надлежащим образом управлять доверенным ему множеством людей — посредством справедливости, на пути благоденствия и мира. Ибо написано, что царь неразумный разорит народ, мудрый же обогатит государство...

9. О том, что изучение философии полезно наряду со всеми и королям

Полагаем, ты уже убежден, что занятия философией будущему правителю необходимы. Философия же — мать всех искусств [Платон называет ее даром, Цицерон — изобретением [людей]] — вряд ли может быть легко воспринята без обучения. Она наставит тебя прежде всего в богопочитании, затем в человеческом праве, которое положено в основу человеческого общества, душу твою наставит в скромности и удалит с нее, словно с глаз, пелену, дабы ты видел все — высочайшее, первое, среднее, низшее. Кто в таком случае не пожелает старательно заниматься наукой, из которой воспринимается столь великий плод, в которой есть знание добра и зла, которая нам сообщает о прошлом, руководит настоящим, представляет будущее! Без науки всякий возраст слеп. И невежественный государь не может обходиться без чужого руководства. И так как дворы королей полны льстецов, кто скажет правителю истину? Разве не полезно властителю знать науку, чтобы в книгах философов самому для себя установить истину? В самом деле, Деметрий Фалерей советовал царю Птолемею приобретать и прочитывать книги о государстве и власти. Ибо то, о чем не дерзают увещевать царя друзья, можно отыскать написанным в книгах.

E. Garin. Il pensiero pedagogico dell' Umanesimo. Firenze, 1958. P. 198—224. Пер. Н.В. Ревякиной.

КОММЕНТАРИИ

¹ Владислав, наследник чешского короля Альберта II, родился после его смерти в окт. 1439 г. На престол претендовал Альберт Баварский, и мать Владислава Елизавета, воспротивившись его притязаниям, отдалась под защиту императора Фридриха III. В момент написания Пикколомини трактата Владиславу было 11 лет; Пикколомини, тогда епископ Триеста, обращается к нему как к своему синьору, государю — королю Венгрии и Богемии, герцогу Австрии.

² Платон. Государство. 473d.

³ Квинтилиан. Наставление оратору. I, I, I.

⁴ Псевдо-Плутарх. О воспитании детей. 4.

⁵ Квинтилиан. Цит. соч. I, I, 2.

⁶ Там же.

⁷ Квинтилиан. Цит. соч. II, 3, 3.

⁸ Псевдо-Плутарх. Цит. соч. 7.

⁹ Квинтилиан. Цит. соч. I, 3, IV.

¹⁰ Ювенал. Сат. 7, 210—211.

¹¹ Квинтилиан. Цит. соч. I, 3, IV.

¹² Там же. I, X, 2.

¹³ Угроза турецкого завоевания требовала сплочения стран Центральной Европы и отражения натиска турок, отсюда и напоминание об ответственности Владислава, короля Чехии и Венгрии.

¹⁴ Энеида. 9, 603—606. Пер. С. Ошеров.

¹⁵ Aulus Gellius. Noctes Atticae, X, 23.

¹⁶ Macrobius. Saturnalia, II, 8.

¹⁷ Псевдо-Плутарх. Цит. соч. 8.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Аристотель. Политика. III, 16.

БАЛЬДАССАРЕ КАСТИЛЬОНЕ

Бальдассаре Кастильоне (1478—1529) родился в знатной, но небогатой дворянской семье близ Мантуи. В юности Кастильоне получил превосходное гуманистическое образование в Милане; там же при дворе Людовика Моро и Беатриче д'Эсте он впервые познакомился с обычаями светской жизни высшего общества. Изысканные манеры, большая эрудиция, тонкий артистический вкус, личное обаяние позволяют ему легко сходитьсь с людьми и способствуют его придворной карьере. В числе его друзей и близких знакомых не только отпрыски старинных именитых родов, владетельные особы, "князья церкви", но и наиболее яркие представители культуры и искусства Италии первых десятилетий XVI в. — Пьетро Бембо, Бернардо Библиена, Якопо Садолето и, конечно, Рафаэль, оставивший нам замечательный живописный портрет Кастильоне, с которым его свя-

звали отношения сотрудничества и общность эстетических устремлений. Долгие годы Кастильоне состоит при различных государях Италии, в 1524 г. он приглашен на службу к папе Клименту VII и в качестве апостолического нунция направляется к императору Карлу V в Толедо, где умирает в 1529 г.

Немногим ранее, в 1528 г., в Венеции выходит из печати прославившая Кастильоне книга "О Придворном", работа над которой, начатая, скорее всего, в 1508 г., окончательно завершена была, по-видимому, к 1524 г. Написано сочинение в форме изящных и непринужденных, пересыпанных шутками и смехом бесед, будто бы происходивших в течение четырех мартовских вечеров 1507 г. в придворном обществе, которое собиралось вокруг Елизаветы Гонзага, супруги урбинского герцога Гвидобальдо да Монтефельтро. Выведенные Кастильоне персонажи — лица исторически вполне реальные, действительно находившиеся в тот момент в Урбино. Ностальгические нотки, то и дело прорывающиеся по ходу повествования, еще более усиливают впечатление достоверности описываемого, что позволяло воспринимать книгу Кастильоне в качестве воспоминаний о самом счастливом периоде прожитой жизни, запечатлевших великосветские нравы эпохи. Видели в этом произведении также моральный трактат, некое зеркало, или пример, для начинающих придворных, пособие, наставляющее их благонравию, добрым манерам и всему, чего требует жизнь при дворе. Рассматривали диалоги "О Придворном" и как явление сугубо художественное, в котором эстетическая предметность не совпадает, не отражает наличную реальность, а то и полностью противоположна ей.

Свой замысел — "вылепить словами совершенного Придворного" — Кастильоне обосновывает ссылкой на писания Платона, Ксенофонта, Цицерона, в коих дана попытка представить идеи совершенного Государства, совершенного Государя, совершенного Оратора. Такого Придворного "я никогда не встречал и, думаю, никогда не было, а возможно, и не будет, хотя он мог бы быть", — признался было Кастильоне, но затем вымарал эти слова из предисловия, видимо, решив, что содержание его книги должно сказать то же само за себя. Идея обладает своим уровнем реальности и, представленная в качестве идеала, способна творчески воздействовать на действительность — эта краеугольная для диалогов "О Придворном" концепция сближает их и ставит в один ряд со многими выдающимися произведениями ренессансной литературы, общественной мысли и искусства.

Кастильоне, несомненно, опирался на предшествующую гуманистическую традицию. Его совершенный Придворный претворяет, пусть сообразно специфике интересов господско-дворянской среды, которой, впрочем, главным он и был предназначен, идею *l'uomo universale* (универсального человека), постулируемую философской и педагогической мыслью эпохи Возрождения. Однако это всеовершенство человека не достигается, по Кастильоне, приобщением к надличным нормам, следованием каким-либо строго установлен-

ным регламентам, неуклонным подражанием примерам, положенным как образцовые. Ибо самому человеку, признанному в разговоре о "грации" независимым создателем собственного "я", отведена решающая роль в определении и выборе того наилучшего, которое полнее всего отвечало бы прирожденным ему наклонностям и возвысило бы его индивидуальность до совершенства.

Книга Кастильоне имела огромный успех у читателей, уже в XVI в. много раз издавалась по-итальянски и в переложенных на европейские языки. Художественные достоинства "рафаэлевской прозы" Кастильоне способствовали влиянию и распространению той концепции человека, которая послужила исходным пунктом для построения нравственных и эстетических идеалов в диалогах "О Придворном".

О. Ф. Кудрявцев

О ПРИДВОРНОМ

Книга первая

Мессеру Альфонса Ариосто¹

<...> Итак, вы просите, чтобы я описал, каков, в моем представлении, должен быть образ поведения, наиболее подобающий человеку благородному, который живет при дворе государей; так чтобы он мог отменно им послужить в любом достойном деле, получая за это с их стороны благорасположение (*grazia*), со стороны же прочих — одобрение. Словом, каким должен быть тот, кто заслуживает имени совершенного во всех отношениях Придворного. Поразмыслив над этой просьбой, я скажу, что, если бы мне самому не казалось бóльшим позором быть у вас не в чести, нежели выглядеть неблагоразумным в глазах всех других, я бы уклонился от этого труда; ибо сомневаюсь, что не покажусь самонадеянным всем тем, кто имеет представление, сколь трудно из всего разнообразия обычаев, принятых при дворах христианского мира, выбрать наиболее совершенную форму, как бы цвет придворного искусства. <...>

Итак, приступим теперь к тому, что составляет нашу задачу, и, если это возможно, создадим такого Придворного, чтобы государь, который удостоится его службы, даже если бы он правил небольшой страной, мог бы быть назван величайшим владыкой. В этих книгах мы не будем следовать некоей норме или правилу, выраженному в ясных предписаниях, которые имеют обыкновение использовать при обучении; но по примеру многих древних, возобновляя приятные воспоминания, мы поведаем о некоторых рассуждениях на сей предмет,

имевших место между людьми выдающимися. И хотя сам я в них не принимал участия, находясь в тот момент в Англии², вскоре после моего возвращения я о них услышал от лица, доподлинно мне их рассказавшего. Насколько позволит память, я попытаюсь их передать, дабы вам стали известны суждения и мысли на сей предмет людей, в высшей степени достойных, мнению которых в любом вопросе следует несомненно доверять. <...>

XIV

Итак, я³ хочу, чтобы наш Придворный был по происхождению дворянином и хорошего рода. Если человек незнатный пренебрегает трудами добродетели, он заслуживает гораздо меньшего осуждения, чем если нечто подобное случится с благородным, который, покидая стезю своих предков, пятнает родовое имя и не только ничего не приобретает, но еще теряет уже приобретенное. Ибо знатность — словно некий яркий светоч, который обнаруживает и заставляет видеть дела хорошие и дурные, воспаляет и побуждает к добродетели — одинаково боязнь бесславия и надеждой на похвалу. А поскольку этот блеск благородства не озаряет деяния незнатных, они не имеют ни поощрения, ни страха бесславия и не видят себя обязанными идти дальше того, что совершили их предки. Знатные считают зазорным не достичь хотя бы того предела, что указан им их предками. Отчего почти всегда в военных предприятиях и в других делах доблести наиболее выдающимися являются люди благородного звания; ведь природа повсюду заложила таинственное семя, которое всему, что берет от него начало, сообщает некую силу и свои исконные свойства, делая подобным себе. Это мы наблюдаем не только на породах лошадей и других животных, но и на деревьях, отростки которых почти всегда уподобляются стволу; а если, бывает, они вырождаются, виной тому плохой садовник. Так же и с людьми: если они хорошо развиты и воспитаны, то почти всегда похожи на тех, от кого происходят, а часто и лучше [их]; если же у них не будет надлежащего попечения, то своей неразвитостью они станут похожи на дикарей. Воистину по милости звезд или природы появляются на свет люди, наделенные такими совершенствами [grazie], что создается впечатление, будто и не родились они, но некий бог сотворил их своими руками, украсив всеми благами души и тела; равным образом есть много людей столь глупых и неотесанных, что остается лишь верить, что природа явила их миру либо по недосмотру, либо на посмешище. Как эти последние после долгих стараний и хорошей подготовки в большинстве случаев

добиваются небольших результатов, так те первые малыми усилиями достигают вершин совершенства. Вот вам пример: видите дона Ипполито д'Эсте⁴, кардинала феррарского, которого происхождение наделило великим счастьем — его особа, его облик, его слова, все его движения исполнены и пронизаны такой грацией, что, несмотря на свою молодость, он и среди самых пожилых кардиналов располагает немалым авторитетом и, похоже, сам скорее годится в наставники, нежели нуждается в наставлении. Точно так же в разговорах с мужчинами и женщинами разного звания, в играх, шутках и остроумных забавах он столь обворожителен, а манеры его столь грациозны, что всякий, кто с ним беседует или хотя бы видит его, непременно останется навсегда к нему привязанным. Но, возвращаясь к нашей теме, замечу, что между такой совершенной грацией и немислимой глупостью есть нечто среднее; и те, кто от природы не наделены великими достоинствами, могут трудом и старанием отделать и выправить значительную часть естественных недостатков. Итак, помимо благородного происхождения, я хочу, чтобы Придворный и в этом отношении не был бы обделен судьбой, то есть имел бы от природы не только ум, красивую осанку и лицо, но и некую грацию и, как говорят, породистость, что с первого взгляда делало бы его приятным и любезным всякому. Пусть это будет украшением, которым исполнены и пронизаны все его действия, и очевидным признаком того, что человек сей достоин общества и милости любого великого государя.

XV

Тогда, уже более себя не сдерживая, синьор Гаспаро Паллавичино⁵ сказал:

— Дабы наша игра проходила в установленной форме и не создавалось впечатление, будто мы мало ценим данное нам право возражать, скажу, что мне кажется это благородство не столь уж обязательным для Придворного. Пожелай я сказать что-то для всех нас новое, я бы назвал многих, кто будучи благороднейших кровей, исполнен всяческих пороков; и, наоборот, многих незнатных, кто добродетелью прославил свое потомство. И если верно, о чем вы говорили, то есть что в каждой вещи заложена таинственная сила первого семени, то мы были бы в совершенно одинаковом положении, ибо произошли от общего предка⁶; поэтому один не мог бы быть благороднее другого. По-моему, есть много других причин, которые создают различия между нами, почему у одного более высокое, у другого более низкое звание; между ними, полагаю, главная — фортуна. Ибо мы можем ви-

деть, как она управляет всеми земными делами и, словно забавляясь, весьма часто возносит до небес того, кто приглянется ей, хотя бы он и не имел никаких достоинств, и низвергает в пропасть наиболее достойных возвышения. Я вполне согласен с вашими словами о счастье тех, которые рождаются наделенными благами души и тела: но это мы можем видеть как в благородных, так и в неблагородных, ибо у природы нет столь тонких разграничений; напротив, как я говорил, часто мы находим в людях самого низкого звания величайшие природные дарования. Поэтому, раз это благородство не добывается ни умом, ни энергией, ни искусством, будучи скорее славой наших предков, чем нашей собственной, мне представляется весьма нелепым утверждение, будто если родители нашего Придворного неблагородные, то все его добрые качества недействительны и все другие названные вами условия крайне недостаточны, чтобы привести его к вершине совершенства: то есть ум, красивое лицо, хорошая осанка и та грация, которая с первого же взгляда неизменно делает его любезным всякому.

XVI

Граф Лодовико на это ответил:

— Я не отрицаю, что в людях низкого звания могут быть те же добродетели, что и в благородных: но (не буду повторять уже сказанное, а также многие другие аргументы, которые можно было бы привести в похвалу благородства, чтимого всегда и всеми, ибо разумно считается, что хороший корень дает хорошие побеги), имея задание сформировать [образ] Придворного, у которого не было бы ни одного изъяна, но только всевозможные похвальные свойства, мне представляется необходимым сделать его благородным как по многим другим причинам, так и из-за общепринятого мнения, отдающего предпочтение родовитости. Вот, например, два царедворца, которые не успели проявить себя ничем, ни хорошим, ни дурным; как только станет известно, что один родился дворянином, а другой нет, первого все будут ценить больше, чем второго, которому потребуется много времени и трудов, дабы внушить людям хорошее мнение о себе, тогда как тот приобретет его сразу и только потому, что он дворянин. А о значении этих впечатлений каждый легко может заключить: ведь мы помним, как в этот дом⁷ наведывались люди, имевшие по всей Италии славу величайших придворных, хотя [на самом деле] были глупы и неотесаны; и пусть в конце концов их раскрыли и узнали, все же долгое время они нас обманывали, поддерживая то мнение, которое сумели внушить прежде, хотя держали себя отнюдь не лучшим образом. Ви-

дели мы и других, которые поначалу были в малом почете, затем, наконец, добились замечательных успехов. Причины этих ошибок различны; среди прочих, расчет государей, которые, желая сотворить чудо, оказывают подчас покровительство тому, кто в их глазах заслуживает немилости. И часто обманываются; но благодаря угодникам, коих всегда бывает изрядное число, их милости получают изрядную огласку, влияя решающим образом на мнения людей. И если обнаруживается что-нибудь, противоречащее общепринятым представлениям, мы подозреваем себя в ошибке и всегда ищем что-то скрытое: ибо кажется, что эти общепринятые мнения должны все же иметь основанием истину, выводиться из разумных причин; кроме того, наши души очень легко поддаются чувству любви или гнева, как это можно видеть, когда устраиваются турниры, игры и иные состязания, во время которых зрители часто без видимой причины выказывают поддержку одной из сторон, страстно желая ее победы и поражения другой. Что же касается мнения о достоинствах человека, то добрая или дурная молва с самого начала настраивает нашу душу на одно из этих двух чувств. Отчего и бывает, что, как правило, мы судим с любовью или с гневом. Словом, вы видите, сколь великое значение имеет первое впечатление и как нужно стараться тому, кто стремится попасть в число и разряд хороших придворных, с первых шагов приобрести добрую славу.

XVII

Если же перевести разговор на конкретные вещи, то, по моему мнению, настоящим призванием Придворного должно быть военное дело; и пусть к нему он проявляет особенное рвение и среди других слывет человеком отважным, решительным и верным тому, кому служит. И этими доблестными качествами он прославится всегда и везде; и нельзя ими никогда поступаться, дабы не навлечь на себя величайший позор. Как у женщин целомудрие, однажды оскверненное, более уже невозвратно, так же и репутация дворянина, который носит оружие, будучи единожды хотя бы в ничтожной мере запятнана трусостью или каким-либо другим недостойным поступком, навсегда останется в глазах света покрытой позором и бесчестьем. Словом, чем более совершенства выкажет наш Придворный в военном искусстве, тем более он будет достоин одобрения. Хотя я не считаю, что ему необходимо прекрасное знание тех вещей и всяческих свойств, какие подобает знать полководцу; ибо это было бы уж слишком. Для нас будет достаточно, как мы уже говорили, если он всегда будет непод-

купно верным и неустрашимо отважным. Ибо нередко отважные узнаются скорее в делах незначительных, чем больших. Бывает, что в опасный момент, важность коего привлекает многих наблюдателей, находятся люди, которые, хотя сердце у них замерло от страха, но то ли за компанию, то ли боясь осрамиться, сломя голову бросаются вперед и, Бог знает как, исполняют свой долг. А в делах малозначительных, когда они видят, что незаметно для других могут уклониться от опасности, они охотно уstraиваются в надежном месте. Но те, кто, даже полагая, что их никто не наблюдает, или не видит, или не знает, проявляют отвагу и не оставляют ни малейшего повода для упрека, они обладают тем самым доблестным духом, который мы ищем в нашем Придворном. Мы не желаем, однако, чтобы он держал себя надменно, все время бравидуя словами, вроде "броня — моя жена", и бросая вызывающе дерзкие взгляды, которые, как мы видели не раз, способен изобразить Берто⁸. К подобным людям вполне подходят слова, остроумно адресованные одной достойной дамой в благородном обществе некоему синьору, которого называть по имени теперь я не стану; оказывая ему честь, она его пригласила танцевать, но он отказался от этого, а также от предложения послушать музыку и от многих других развлечений и все повторял, что такие безделицы — не его занятие; дама, наконец, не выдержала:

— Какое же занятие ваше?

Он ответил:

— Война.

Дама сразу нашлась, что сказать:

— Поскольку, я полагаю, нынче вы не на войне и не собираетесь сражаться, то было бы прекрасно, если бы вы велели хорошенько себя смазать и вместе со всеми вашими воинскими доспехами упрятать в чулан до той поры, пока в вас не будет нужды, дабы не покрыться ржавчиной еще сильнее, чем сейчас.

Так, срезав его под громкий смех окружающих, она оставила его со своим глупым самомнением. Словом, пусть будет тот, исканием кого мы заняты, суровым, смелым и всегда среди первых тогда, когда предстоит иметь дело с врагами; в любых других обстоятельствах — человеческим, скромным, сдержанным, избегающим более всего чванливости и бесстыдного самохвальства, что всегда вызывает в слушателях чувство неприязни и отвращения.

XX

Что касается фигуры [Придворного], то она не должна быть ни слишком крупной, ни слишком маленькой; поскольку и то и другое

вызывает брезгливое недоумение и на людей подобного телосложения взирают словно на каких-то уродов. Однако если уж не избежать одного из этих недостатков, то лучше быть несколько меньшего роста, нежели намного превосходить разумную меру. Ибо люди крупного телосложения, кроме того что весьма чисто тупоумны, оказываются также негодными для любого дела, требующего ловкости: а я очень хочу, чтобы Придворный обладал такого рода способностями. Посему мне бы хотелось, чтобы тело его было хорошо сложено и во всех частях хорошо развито и сам он выказывал силу, проворство и ловкость, освоив все физические упражнения, непременные для воина. Во-первых, полагаю, он должен хорошо владеть любым оружием для пешего и для конного боя, понимать преимущества, которыми обладает каждый его вид, но особенно хорошо знать то оружие, что обыкновенно употребляется дворянами. Ибо, помимо его применения на войне, где, по-видимому, и не нужна большая искусность, порой случаются недоразумения между дворянами, заканчивающиеся поединком с использованием зачастую того оружия, которое в этот момент оказалось под рукой: знание его, поэтому, крайне необходимо. Я не присоединяюсь к тем, кто утверждает, что умение-де забывается, как раз когда в нем настает необходимость; ибо, если кто теряет умение в сей миг, это несомненный знак, что он уже прежде со страха потерял сердце и рассудок.

XXI

Полагаю также, что крайне важно для него было бы овладеть искусством борьбы, весьма необходимым в любых схватках. Затем нужно, чтобы он разбирался и умел использовать преимущества в недоразумениях и ссорах, которые могут задеть его самого или друзей, неизменно выказывая совершенное присутствие духа и благоразумие. И пусть он решает дело поединком только в тех случаях, когда к этому вынуждает честь; ибо — не говоря уже о громадной опасности, которой подвергает неверная судьба — кто необдуманно, без достаточной на то причины прибегает к дуэли, тот заслуживает величайшего порицания, даже если ему повезет. Но если дело зашло так далеко, что, не навлекая на себя позора, его нельзя прекратить, то действовать следует самым решительным образом и в переговорах перед поединком, и во время самого поединка, всегда обнаруживая готовность и бесстрашие, и не вести себя подобно некоторым, тормозящим дело переговорами и выяснением условий, при выборе оружия предпочитая то, что не колет и не рубит, а в преддверии схватки снаря-

жающим себя так, будто им предстоит выдержать бомбардировку из орудий; желая лишь не быть побежденными, они только и делают, что защищаются и отступают, изобличая свою необыкновенную трусость. Чем и дают повод к детским насмешкам: как те два анконитанца, что недавно сражались в Перудже, повергая в смех всех, кто их видел.

— И кто же это был? — спросил синьор Гаспаро Паллавичино.

— Двоюродные братья, — ответил мессер Чезаре⁹.

— Во время поединка казалось, что это родные братья, — вмешался Граф и затем добавил: — Оружие находит также применение и в мирное время, когда прилюдно, на глазах народа, дам и знатных синьоров дворяне состязаются в различных упражнениях. Поэтому я и хочу, чтобы наш Придворный был прекрасным наездником. И пусть он не только знает толк в лошадях и в том, что относится к искусству верховой езды, но и всеми силами стремится в любом деле быть несколько впереди других, так чтобы всегда слыть никем не превзойденным. Как, мы читаем, Алквиад¹⁰ первенствовал у всех племен, среди которых он жил, в том, что составляло наиболее характерное свойство каждого из них; так же и этот наш Придворный пусть опережает других, и каждого в том, чем тот предпочтительно занимается. И поскольку у итальянцев особо ценится умение хорошо ездить верхом с поводьями, объезжать лошадей, особенно норовистых, биться на копьях и сражаться в поединках — пусть в этом он будет между лучших итальянцев; в турнирных боях, в обороне и нападении — пусть славится между лучшими из французов; в состязаниях с копьями на ловкость, поединке с быком, метании пик и дротиков — пусть будет знаменитым среди испанцев. Но прежде всего пусть каждое его действие будет исполнено верного такта и грации, если он хочет снискать то общее благорасположение, которым так дорожат.

XXII

Существует также много других упражнений, хотя непосредственно и не служащих делу, но все же имеющих с ним большое сродство и весьма способствующих воспитанию мужественной доблести. Среди них главным я считаю охоту, которая обладает определенным сходством с войной: воистину это — забава знатных синьоров, подобающая тем, кто состоит при дворе, и, кроме того, она была в большом почете у древних. Нужно также уметь плавать, прыгать, бегать, бросать камни, ибо — кроме того, что это может пригодиться на войне — часто приходится показывать, на что ты способен в подобного рода вещах. Этим приобретается добрая репутация, особенно во мне-

нии толпы, с которой все же нужно считаться. Благородным и в высшей степени приличествующим Придворному упражнением является также игра в мяч, которая дает хорошую возможность судить о сложении тела, ловкости и раскованности его членов и обо всем том, что обнаруживает практически любое другое упражнение. Не меньшей хвалы, я полагаю, заслуживает вольтижировка на коне, которая, пусть трудна и утомительна, более, чем что-либо другое, наделяет человека легкостью и проворством; и если эта легкость, не говоря уже о ее пользе, выступает в сочетании с благой грацией, то являет, по моему мнению, ни с чем не сравнимое по красоте зрелище. Итак, приобретя незаурядное мастерство в этих упражнениях, наш Придворный остальными, я полагаю, может пренебречь, как, например, кувырканьем на земле, хождением по канату и тому подобными, что скорее сродни скоморошеству и мало пристало дворянину. Но поскольку невозможно все время предаваться этим столь утомительным занятиям, тем более что их усердное повторение очень надоедает, уничтожая восхищение, которое внушают вещи редкостные, то необходимо все время разнообразить нашу жизнь делами всякого рода. Поэтому пусть иной раз Придворный снисходит до более спокойных и мирных развлечений и, дабы не возбуждать к себе недоброжелательства и держаться с каждым любезно, делает все то, что делают другие, не совершая, однако, ничего предосудительного и руководствуясь тем верным тактом, который не позволит ему допустить никакой оплошности. Пусть он шутит, смеется, острит, танцует и пляшет; но при этом всегда будет искусен и благоразумен; и во всем, что бы он ни делал или ни говорил, пусть будет грациозен.

XXIV

— Насколько я помню, синьор Граф [сказал мессер Чезар], сегодня вечером вы, кажется, несколько раз возвращались к тому, что Придворный должен в свои действия, жесты, повадки, словом, во всякий свой поступок вносить грацию; и ее, мне сдается, вы рассматриваете в качестве универсальной приправы, без которой остальные свойства и добрые качества будут стоять немного. Действительно, каждый, я полагаю, легко в этом может убедиться, ведь, исходя из смысла данного слова, можно сказать, что кто обладает грацией, тот и благодатен (*grato*). Однако поскольку, утверждаете вы, грация является часто даром природы и небес — и даже когда дар этот не вполне совершенен, трудом и усердием он может быть много улучшен, — то те, которые рождены столь счастливыми и богатыми, что обладают подобного

рода сокровищем, по-моему, здесь мало нуждаются в другом наставнике; ибо это благорасположение небес как бы вопреки им устремляет их выше, чем они сами желают, заставляя весь мир не только любоваться, но и восхищаться ими. Однако я веду речь не об этом, поскольку не от нас самих зависит приобрести такое благорасположение. А вот те, кому, дабы сделаться привлекательными (aggraziati), природа не оставила ничего другого, кроме труда, старания и усердия, — я хочу знать, как они, с помощью какого искусства и какой науки могут обрести эту грацию, как в упражнениях тела, где она, по вашему мнению, столь необходима, так и во всем другом, что бы они ни делали или говорили. Словом, поскольку вы, очень расхваливая сие качество, полагаю, пробудили во всех нас пылкую жажду иметь его, то в соответствии с поручением, возложенным на вас синьорой Эмилией¹¹, вы также обязаны утолить эту жажду, научив нас, как его заполучить.

XXV

— Я обязывался, — возразил Граф, — не научить вас, как сделать привлекательными, или чему-нибудь другому, но — лишь показать вам, каким должен быть совершенный Придворный. <...> Когда хороший солдат заказывает кузнецу тип, форму и качество оружия, он, однако, не берется обучать, как его делать — как ковать или закалять; так же, пожалуй, и я смогу сказать вам, каким следует быть хорошему Придворному, но не научить, как надо вам поступать, чтобы стать им. Но чтобы удовлетворить, насколько в моих силах, вашу просьбу, — хотя почти уже вошло в поговорку, что грации нельзя обучиться — скажу: кто (не будучи от природы неспособным) захочет стать в физических упражнениях грациозным, пусть начинает с ранних лет и постигает первоосновы у лучших мастеров. Насколько это казалось важным Филиппу, царю Македонии, можно заключить из того, что Аристотеля, преславного и, пожалуй, самого великого философа из всех, живших когда-либо на свете, он пожелал иметь наставником, который обучал бы Александра, сына его, началам наук¹². А что касается людей, которых знаем ныне, посмотрите, как хорошо и грациозно выполняет все физические упражнения синьор Галеаццо Сансеверино, великий щитоносец Франции¹³; и это потому, что, располагая природными данными, он приложил все усилия, дабы учиться у хороших наставников и всегда держать подле себя людей выдающихся, у каждого перенимая все лучшее, что тот умеет. Как в борьбе, вольтижировке, владении всеми видами оружия он имел руководителем нашего мессера Пьетро Монте¹⁴, который, и это вам известно, являет-

ся действительно настоящим мастером всякого рода приемов силы и ловкости, — так и в верховой езде, турнирных состязаниях и во всем прочем он всегда имел перед глазами тех, кто славился совершенством, достигнутым в этих занятиях.

XXVI

Итак, кто захочет стать прилежным учеником, пусть не только все делает хорошо, но и постоянно прилагает всякое старание, чтобы уподобиться наставнику и, если это окажется возможным, преобразиться в него. И когда он почувствует, что уже преуспел, то ему было бы очень на пользу понаблюдать разных людей соответствующего рода деятельности и, руководствуясь тем здравым смыслом, которого ему всегда следует держаться, перенимать у этих одно, у тех другое. Как пчела, все время кружа по зеленым лугам, среди травы собирает мед на цветах, так и наш Придворный должен заимствовать эту грацию у тех, кто, как ему покажется, ею обладает, и у каждого то именно, что заслуживает наибольшего одобрения. Но не надо делать так, как один наш друг, всем вам хорошо известный: он думал, что очень похож на короля Арагонского Феррандо-младшего¹⁵, и старательно копировал его прежде всего тем, что часто, поднимая голову, кривил рот, хотя эта привычка короля была следствием болезни. Такого рода желающих сделать все, лишь бы в чем-то походить на какого-нибудь великого человека, множество; и нередко они выбирают то, что является в нем единственным недостатком. Наедине с собой часто размышляя о том, откуда берется эта грация — я не имею в виду тех, кому ее даровали звезды, — я открыл одно универсальное правило, которое, мне кажется, более всякого другого имеет силу во всем, что бы люди ни делали или ни говорили: насколько возможно, избегать, как опаснейшего подводного камня, аффектации и, если воспользоваться, может быть, новым словом, выказывать во всем своего рода раскованность (*sprezzatura*), которая бы скрывала искусство и являла то, что делается и говорится, совершаемым без труда и словно бы без раздумывания. Отсюда, полагаю я, в основном и проистекает грация. Поскольку всякий знает, каких трудов требуют необычные и хорошо исполненные действия, то легкость в них вызывает величайшее восхищение; и, наоборот, когда силятся и, как говорится, лезут из кожи вон, то это оставляет весьма неприятное впечатление и заставляет невысоко ценить любой поступок, сколь значителен он ни был бы. Можно сказать посему, что истинное искусство то, которое не кажется искусством; и ни на что другое не нужно употреблять таких стараний, как

на то, чтобы его скрыть: ибо если оно обнаружится, то полностью лишает доверия и подрывает уважение к человеку. Помнится, я как-то читал, что некоторые очень прославленные ораторы древности в числе прочих своих хитростей пытались внушить всем мысль о том, что они совершенно не сведущи в науках, и, утаивая свои знания, они делали вид, будто выступления их составлены чрезвычайно просто, скорее в соответствии с тем, что предлагают природа и истина, нежели старательность и искусство: ведь если бы оно открылось, то заставило бы народ усомниться, нет ли обмана с их стороны. Словом, вы видите, что если искусство и настойчивое старание выйдут наружу, то любимую вещь это лишает грации. Кто из вас не смеялся, когда наш мессер Пьерпаоло танцует на свой манер, с этими прыжками и вытягиванием ног вплоть до носков, с неподвижной, словно совсем одеревенелой головой, с такой сосредоточенностью, что определенно кажется, будто он отсчитывает такт на ходу? Кто столь слеп, чтобы не увидеть в этом неприятную аффектацию — и грацию раскованности и свободы (ведь так ее называют многие в движениях тела) у многих здесь присутствующих мужчин и женщин, когда они словом, смехом, переменной положением показывают, что не придают всему [этому] значения и думают скорее о чем-то другом, внушая убеждение наблюдающим их, будто они не умеют и не могут ошибаться?

XXVII

Здесь мессер Бернардо Библиена¹⁶ не выдержал и сказал:

— Вот и нашелся человек, который одобрит манеру танца нашего мессера Роберто¹⁷, ибо все остальные, кажется, не обратили на нее внимание. Если означенное совершенство проявляется в раскованности (*sprezzatura*), когда всем видом своим показывают, что не придают значения тому, чем заняты, и думают о чем угодно другом, то тогда в танцах равного мессеру Роберто не същется в целом свете. Желая ясно показать, что он не думает о танце, он часто позволяет накидке соскользнуть с плеч, а туфлям с ног и, не подбирая их, так и продолжает танцевать.

Тогда Граф ответил:

— Если вы хотите, чтобы я продолжал, скажу еще о наших недостатках. Разве вы не видите, что то, что у мессера Роберто вы именуете раскованностью, есть самая настоящая аффектация? Ведь совершенно очевидно, что он изо всех сил старается казаться беззаботным, а это и есть проявление чрезмерной озабоченности. И поскольку он преступает, несомненно, границы умеренности, то его раскованность аффектирована и производит дурное впечатление. Выходит как раз проти-

воположное тому, на что надеялись, а именно: скрыть искусство. Посему я не думаю, что аффектация менее порочна в раскованности (которая сама по себе похвальна), когда одежде позволяют валиться с плеч, нежели в [стремлении к] эlegantности (которая сама по себе тоже достойна хвалы), когда голову держат слишком твердо из боязни испортить прическу, или в подкладке головного убора носят зеркальце, а в обшлаге — гребешок, и на улицах появляются обязательно в сопровождении пажа с полотенцем и щеткой. Ибо такого рода эlegantность и раскованность слишком близки к крайности. А это всегда плохо, ибо несовместимо с той безыскусной и чарующей простотой, которая столь располагает к себе души людей. Посмотрите, какое неуклюжее впечатление производит наездник, стараясь в седле держаться прямо или, как у нас принято говорить, на венецианский манер, в сравнении с другим, который, похоже, не задумываясь об этом, на коне чувствует себя так непринужденно и уверенно, словно стоит на земле. Насколько привлекательнее и почтеннее дворянин, что носит оружие, но при этом прост, скромн в речах и не кичлив, нежели другой, который только и знает хвалить себя да, изрыгая угрозы и ругательства, делать вид, что бросает вызов всему миру! Что это, если не аффектированное желание выглядеть неустранимым. <...>

XLIV

В науках он [Придворный] должен быть образован более чем удовлетворительно, по крайней мере в тех, которые мы зовем гуманитарными, он должен иметь познание не только в латинском, но и в греческом языке, ибо на нем прекрасно написано о многообразных вещах. Пусть он будет начитан в поэтах и не менее в ораторах и историках, а сверх того искусно пишет прозой и стихами, в особенности на нашем народном языке, ибо, помимо удовольствия, он всегда будет иметь возможность занимать приятными разговорами дам, которые обыкновенно любят подобные вещи. Если же из-за других дел или недостаточной подготовки он не достигнет совершенства, которое снискало бы его творениям большое одобрение, пусть он предусмотрительно их схоронит, дабы не давать другим повода для насмешек над собой, и показывает их только другу, которому можно доверять. По крайней мере, сии упражнения будут ему полезны, так как он научится судить о чужих произведениях, что на самом деле бывает нечасто; ведь кто не приучен писать, то, сколь образован ни был бы, он никогда не сможет надлежащим образом оценить труд и умение писателей, ощутить прелесть и совершенство стиля и ту потаенную красоту, которую

часто находят у древних. Более того, занятия сии сделают его красноречивым и, как ответил Аристипп некоему тирану, смелым, дабы говорить уверенно с кем угодно¹⁸. Тем не менее я бы хотел, чтобы наш Придворный твердо держался одного правила, а именно: пусть в этом отношении и во всех других он всегда будет человеком скорее осторожным и скромным, нежели дерзким, и остерегается ложно мнить о себе, будто он знает то, что ему не известно. Ибо от природы все мы много более, чем следовало бы, ищем похвал, и ни одна красивая песня, ни один звук не услаждает наш слух так, как мелодия речей, в которых звучит нам похвала; поэтому они являются часто, подобно голосам Сирен, причиной гибели того, кто не замкнул свой слух для столь опасного сладкозвучия. Предвидя эту опасность, некоторые мудрые люди древности сочинили книги на тему, как отличить льстеца от друга. Но кому это пошло на пользу, если находится много, даже бесконечно много людей, которые отчетливо видят, как им льстят, и тем не менее отдают предпочтение льстецам и не выносят тех, кто говорит правду? И часто, когда кажется, что расхваливающий их не очень-то речист, они сами начинают ему помогать, говоря о себе такие вещи, коих устыдился бы даже самый беззастенчивый льстец. Но оставим этих слепцов пребывать в их неведении, наш же Придворный пусть обладает верным суждением и не позволяет убедить себя принять черное за белое и мнить о себе такое, в совершенной истинности чего, он не был бы вполне уверен. <...> Более того, чтобы не ошибиться, — даже хорошо зная, что похвалы ему воздаются неложные, — пусть он на них не соглашается и не принимает без тени смущения как сами собой разумеющиеся; но пусть он скорее их скромно как бы отвергнет, каждый раз показывая, что он в действительности считает своим главным занятием военное дело и [лишь] служащими украшению оно все другие достоинства. И прежде всего перед воинами пусть он не поступает вроде тех, которые в образованном кругу корчат из себя воинов, а между воинами — людей, преданных научным занятиям. Таким именно образом по соображениям, нами уже указанным, он избежит аффектации, и даже самые заурядные вещи, которые он совершит, будут выглядеть весьма значительными.

XLVII

<...> Граф продолжал:

— Синьоры, имейте в виду, что я не буду доволен Придворным, если он не будет также и музыкантом и не сумеет не только воспринимать на слух и петь по нотам, но и играть на разных инструментах.

Потому что если подумать хорошенько, то не сыскать никакого отдыха от трудов, никакого лекарства от хворей души более похвального и благопристойного, чем музыка. Особенно при дворах, где музыка не только дает каждому избавление от скуки, но и в ряду многого другого доставляет удовольствие дамам, в души которых, нежные и податливые, легко проникает гармония, наполняя их сладостью. Неудивительно, поэтому, что и в прошлом и теперь они всегда были расположены к музыкантам и находили в музыке наиприятнейшую пищу для души. <...> Помнится, как-то я слышал, что Платон и Аристотель требовали от человека, должным образом воспитанного, быть также и музыкантом¹⁹, многими доводами доказывая, сколь велика власть музыки, которую по целому ряду причин — излагать их сейчас заняло бы много времени — совершенно необходимо изучать с детства: не столько ради мелодии, которую мы слышим, сколько ради того, что она в состоянии выработать в нас самих новый и благой склад характера, нрав, питающий склонность к добродетели и делающий душу более восприимчивой к счастью, подобно тому, как упражнения тела делают его более крепким; и она не только не вредна в делах гражданских и военных, но бывает крайне в них полезна. Даже Ликург в своем суровом законодательстве позволяет занятия музыкой²⁰. И мы читаем, что воинственные лакедемоняне и критяне шли сражаться под аккомпанемент лир и других нежно звучащих инструментов²¹; что многие прославленные полководцы древности, вроде Эпаминонда, занимались музыкой; что те, кто в ней не разумел, как Фемистокл, почитались много меньше²². Разве вы не читали, что среди самых первых предметов, коим обучал старый добрый Хирон юного Ахилла, воспитывая его чуть ли не с колыбели, была музыка²³? И что мудрый наставник распорядился, дабы руки, которым суждено пролить так много троянской крови, бывали подолгу заняты игрой на лире? Итак, разве найдется воин, который устыдился бы подражать Ахиллу, не говоря уже о многих других прославленных полководцах, на которых я мог бы сослаться? Поэтому не надо лишать нашего Придворного музыки, которой не только смягчаются души людские, но нередко укрощаются даже дикие звери²⁴; и если кому она не нравится, то с определенностью можно заключить, что в душе его нет согласия. О могуществе музыки вы можете судить уже потому, что замороженная ею рыба позволила человеку проехать на себе верхом по бушующему морю²⁵. Мы видим, как ее используют в священных храмах, когда возносят хвалу и благодарность Богу; и следует верить, что она приятна Ему и что Он даровал ее нам в качестве сладостного отдохновения от дел и забот наших. Недаром, трудясь в поле под лучами паля-

щего солнца, привычные ко всему работники часто заглушают свою тоску грубым деревенским пением. Им отгоняет сон и скрашивает свой труд простая крестьянка, еще до рассвета встающая, чтобы прясть или ткать. Оно же является приятнейшим развлечением для бедных моряков после перенесенных бурь, ливней, ветров. В этом находят облегчение утомленные путники во время долгих изматывающих путешествий, а зачастую и — узники, томящиеся в кандалах и оковах. Но главное доказательство того, что музыкальный напев, пусть даже неотделенный, служит величайшим утешением во всех трудах и тяготах людских, дают кормилицы, наученные природой ему в качестве первого средства от бесконечного плача младенцев, которые под звуки их голосов засыпают успокоенными и умиротворенными, забывая о столь свойственных им слезах, которые в этом возрасте природа дала нам как предвестие о конце нашей жизни.

XLIX

<...> Я хочу поговорить еще об одной вещи, — молвил Граф, — которой — а я придаю ей большое значение — по моему убеждению, наш Придворный никоим образом не должен пренебрегать: речь идет об умении рисовать, о знакомстве с подлинным искусством живописи. Не удивляйтесь, что я требую подобной выучки, возможно, кажущейся ныне ремесленнической и мало приличествующей дворянину. Помнится, я читал, как в древности, особенно широко в Греции, детям из благородных семейств предписывали в школах заниматься живописью, которая почиталась занятием нужным и достойным, числясь в первом ряду свободных искусств; государственным постановлением было также запрещено обучать ей рабов²⁶. У римлян она также находилась в величайшем почете. Она дала родовое имя знаменитейшему дому Фабиев, так как первый Фабий, прозванный Пиктором²⁷, действительно был прекраснейшим художником, столь преданным живописи, что, разрисовав стены храма Салюс, он оставил на них свое имя; и хотя он был рожден в знатной семье, которая гордилась многими консульскими званиями, триумфами и иными почестями, и хотя он был человеком образованным, сведущим в законах и причисленным к ораторам, ему тем не менее казалось, что он еще более добавит красоты и блеска своей славе, оставив о себе память как о живописце. Многие другие отпрыски известных фамилий прославили себя в этом искусстве; которое не только весьма благородно и почетно само по себе, но и очень полезно, особенно на войне, для того чтобы изобразить страны, местности, реки, мосты, замки, крепости и подобные ве-

щи; каковые без этого, даже если бы хорошо запечатлелись в памяти — что, однако, очень нелегко — было бы невозможно показать другим. И воистину кажется мне весьма неразумным тот, кто не ценит это искусство. Ибо здание вселенной, видимое нами, — простор небес, сверкающий множеством лучезарных светил, а в центре земля, опоясанная морями, испещренная горами, долинами, реками, украшенная самыми разнообразными деревьями, прелестными цветами и травами, — можно назвать превосходной и величественной картиной, сотворенной дланью природы и Бога. Если кто сумеет ее воспроизвести, тот, по-моему, достоин великой хвалы: но это не удастся без знания многих вещей, в чем вполне убеждается всякий, решившийся попробовать. Поэтому древние окружали величайшим уважением людей искусства и само искусство, достигшее у них вершины совершенства: самое очевидное свидетельство тому можно обнаружить в античных статуях из мрамора и бронзы, которые сохранились до наших дней. <...>

Castiglione B. *Il libro del Cortegiano del conte Baldessar Castiglione*. A cura di V. Cian. Firenze, 1947. Пер. О.Ф. Кудрявцева.

КОММЕНТАРИИ

¹ Альфонсо Ариосто (ок. 1475—1526) — состоял на службе фамилии д'Эсте, синьоров Феррары; был дружен с Бембо и Кастильоне, который доверял ему читать свое произведение еще в рукописи.

² Посольство Кастильоне к английскому королю Генриху VII длилось с сентября 1506 г. по начало февраля 1507 г., описанные же им беседы приурочены к марту 1507 г. — времени, когда автор "Придворного" на самом деле уже находился при урбинском дворе.

³ Граф Лодовико да Каносса (1476—1532) — дальний родственник Кастильоне, выходец из знатной веронской семьи, с 1511 г. посвящен в сан епископа, в качестве дипломата играл заметную роль в межгосударственных отношениях на Апеннингах и в Европе. Получил хорошее гуманистическое образование, обладал прекрасной библиотекой, в том числе и собранием греческих рукописей, поддерживал дружественные отношения с Эразмом, Рафаэлем и другими светочами ренессансной культуры.

⁴ Дон Ипполито д'Эсте (1479—1520) — из рода феррарских герцогов, был с детства предназначен к духовной карьере и довольно рано стал кардиналом; однако больше занимался делами политическими, придворными и военными, ценил искусства и науки, страстный охотник и любитель светских развлечений.

⁵ Гаспаро Паллавичино (1486—1511) — принадлежал к одной из ветвей маркизов Кортемаджоре, одно время находился при дворе герцогов Урбино.

⁶ То есть от Адама.

⁷ Имеется в виду двор урбинских герцогов.

⁸ Берто — видимо, один из шутов папского двора.

⁹ Чезаре Гонзага (1475—1512) — родственник синьоров Мантуи, кузен Кастильоне и с юных лет его товарищ во многих предприятиях. Придворный герцогов Урбино, выполнял дипломатические и военные поручения.

- ¹⁰ *Cornelius Nepos. Vitae excellentium imperatorum. Alcibiades, XI, 2—6.*
- ¹¹ Эмилия Пиа (ум. 1528) — из рода синьоров Карпи, приближенная герцогини урбинской Елизаветы Гонзага.
- ¹² *Quintilianus. De institutione oratoria. I, I, 23.*
- ¹³ Галеаццо Сансеверино — один из военачальников, вначале на службе у миланского герцога Лодовико Моро, затем у французских королей, погиб в 1525 г. в битве при Павии.
- ¹⁴ Пьетро Монте — видимо, состоял при урбинском дворе в качестве учителя, у которого брали уроки физической и воинской подготовки.
- ¹⁵ Речь идет о Фердинанде II (ум. 1496), неаполитанском короле, сыне Альфонса I.
- ¹⁶ Довици Бернардо, прозванный Биббиена (1470—1520) — происходил из незнатной семьи, возвысился благодаря покровительству Медичи, которым этот ловкий царедворец умел хорошо услужить и угодить. Занимался литературным трудом, покровительствовал Рафаэлю, был дружен с Кастильоне.
- ¹⁷ Роберто де'Массими да Бари — известно лишь, что находился на придворной и военной службе у герцогов Урбино.
- ¹⁸ *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. II, 68.*
- ¹⁹ О музыкальном воспитании у Платона см.: Государство. 398d—399e; у Аристотеля см.: Политика. 1340a 15 и далее.
- ²⁰ *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Ликург. IV, XXI; Quintilianus. De institutione oratoria. I, X, 15.*
- ²¹ *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Ликург. XXI, XXII; Plutarchus. De musica. XXVI.*
- ²² *Cicero. Tusculanes disputationes. I, II, 4; Quintilianus. De institutione oratoria. I, X, 19—20.*
- ²³ Ср. у Плутарха (*De musica. XL*), когда он говорит о воздействии музыки и ссылается на пример Ахилла, цитируя "Илиаду". (*IX, 186—189*).
- ²⁴ Подразумевается известный миф об Орфее. Ср. с тем, как сказано у Квинтилиана: *De institutione oratoria. I, X, 9.*
- ²⁵ Имеется в виду легенда о спасении дельфином Арнона.
- ²⁶ См.: *Plinius Secundus. Naturalis historia. XXXV, 10.*
- ²⁷ Пиктор (Pictor) — в переводе с латыни значит "художник", "живописец". По поводу сказанного см.: *Plinius Secundus. Naturalis historia. XXXV, 2.*

ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ

Эразм Роттердамский (1466—1536) — крупнейший гуманист Европы, властитель дум образованных людей первой трети XVI в. Его многочисленные работы, составившие 10 огромных фолиантов (в лейденском издании XVIII в.), сразу же широко распространялись, ибо печатались мгновенно, так высок был авторитет Эразма.

Эразм был сыном священника, а следовательно, незаконнорожденным. Родился он в Роттердаме. Имя его — Эразм означает "желанный" (греч.), к нему Эразм добавлял то же слово в латинском звучании — дезидерий — Дезидерий Эразм Роттердамский. Учился Эразм в Девентерской школе, находившейся в сфере влияния "Нового

благочестия" — религиозного движения, возникшего еще в XIV в. и ставившего своей целью благочестивую жизнь, основанную на возрожденных принципах раннего христианства. Формирование Эразма как гуманиста началось еще в Нидерландах, где он испытал влияние Родольфа Агриколы и Александра Гегия, влияние "Нового благочестия" также не могло не затронуть его. В 1486 г. он стал монахом, вступив в братство регулярных каноников-августинцев. Для изучения богословия отправился в Париж, однако был глубоко разочарован схоластическим преподаванием. В кружке парижских гуманистов познакомился глубже с античной культурой (в частности, с идеями Платона) и со взглядами итальянских гуманистов. Глубокий интерес к античной культуре и желание распространить античную мудрость нашли отражение в издании "Адагий" — сборника древних пословиц и поговорок, извлеченных из античных авторов. Эразм занимался также переводами античных классиков — Еврипида, позже Лукиана.

Важной вехой в его духовном формировании была поездка в Англию (1499) по приглашению лорда Маунтджоя, знакомого по Парижу. В Англии началась его дружба с Мором, продолжавшаяся до конца жизни. Эразм познакомился с оксфордскими гуманистами, и прежде всего с Джоном Колетом, оказавшим на него сильное влияние. Магистр университета Колет стремился к реформе церкви, он пытался очистить современное ему христианство от схоластики и возродить подлинное учение Христа, которое он понимал как нравственное учение, необходимое для обновления общества. Позже Колет стал настоятелем собора св. Павла в Лондоне и создателем известной школы при соборе (1509), воспринявшей во многом гуманистические принципы и соединившей их с христианскими задачами; в школе преподавали латинский и греческий языки, христианскую литературу и античную классическую литературу.

"Философия Христа" Эразма во многом складывалась под влиянием Колета. Эразм понимал ее как этику, основанную на учении Христа, но связанную с гуманизмом, воспринявшую античную культуру и не чуждую природе. Так в трудах Колета, Эразма, Мора, Вивеса и других северный гуманизм обретал свою специфику как "христианский гуманизм". В сочинениях Эразма "Антиварвары" (1500—1501) и "Оружие христианского воина" (1501) представлены основные положения "христианского гуманизма". Издание Эразмом перевода Нового завета с указанием ошибок в каноническом тексте, а также издание им трудов Иеронима гуманисты рассматривали как важные шаги на пути к реформе церкви и возрождению подлинного христианства.

В 1506—1509 гг. Эразм совершил долгожданную поездку в Италию, затем преподавал несколько лет в Оксфорде богословие, а с 1514 г. обосновался в Базеле, откуда ездил в Англию и Нидерланды. Дом Эразма в Базеле стал интеллектуальным центром Европы.

Своей критикой католической церкви, монашества, схоластического богословия Эразм, несомненно, приближал Реформацию. Но

она оттолкнула его своим фанатизмом и нетерпимостью. Он вступил в полемику с Лютером по вопросу о свободе воли (1524), отстаивая в ней дорогие ему как гуманисту духовную свободу и достоинство человека. Но активным защитником католицизма в религиозной борьбе он не стал, оставаясь верным гуманизму и сохраняя свое понимание христианства.

Воспитание Эразм считал важным путем к реформе современного общества и церкви. Его работы педагогичны по самой своей сути, почти каждая из них несет в себе воспитательную идею. В "Наставлении христианского государя" (1516) Эразм рисует образ морально совершенного, мудрого, заботящегося об общественном благе государя. "Жалоба мира" (1517) содержит призыв к государям, епископам и всем людям, которых гуманист укоряет за несогласия, раздоры, войны, образумиться и направить все свои усилия на заботу о мире и общественном согласии. В блестящей сатире "Похвала глупости" (1509) разум в шутовском колпаке глупости обличает царство неразумия: схоластическую ученость, церковный обскурантизм, кичливое благородство знати, роскошь пастырей христиан и др.

Воспитанию и образованию юношества Эразм посвящает ряд специальных работ. В 1512 г. выходят его трактаты "О методе обучения" и "О словесном богатстве". В первом изложен взгляд гуманиста на воспитание с помощью классического наследия; древние языки рассматриваются как единственный инструмент адекватной передачи культурного наследия. Знание, получаемое с их помощью, состоит из знания истины (вещей) и знания слов, функция воспитания — вести от слов к постижению истины, в них заключенной. Успешное постижение языка связано с обильным чтением хорошей прозы, а не с заучиванием наизусть грамматических правил. В другой работе — "О словесном богатстве" Эразм дает учащимся антологию классических текстов и показывает этапы освоения языка того или иного автора (знакомство с его биографией, помещение творчества данного автора в определенное время и пространство, анализ текста, упражнения по композиции). Эта книга по грамматике для детей имела широчайшее распространение: за последующие 50 лет она выдержала более 30 изданий. А учебником для разговора по-латыни для детей послужили "Разговоры запросто" (или "Дружеские разговоры") (1518—1533), еще более популярные: только за полтора года после выхода первого издания они переиздавались 6 раз; в дальнейшем "Разговоры", постоянно Эразмом дополняемые, имели в 1522—1533 гг. 12 изданий и более сотни переизданий.

Самая значительная работа Эразма по воспитанию — педагогический трактат "О воспитании детей" (полное название "Рассуждение о воспитании детей сразу же (т.е. с самого детства) и свободным образом", 1529), посвященный сыну герцога Клевского Гильому. В этой работе Эразм высказал все свои главные мысли о воспитании. Абсолютная необходимость правильного воспитания для него в том,

что воспитание — это путь формирования человека, а основной способ воспитания лежит через образование, развивающее и совершенствующее разум человека; в ходе образования путем знаний, формирующих нравственные качества ребенка, осуществляется в основном и моральное воспитание. Эразм остро критикует современную ему систему воспитания — семейное воспитание, школу с ее невежественными учителями и жестокими методами; одновременно он развивает мысль о том, какими должны быть воспитание и образование, какими качествами должны обладать учителя и какие они должны использовать методы, чтобы добиться успеха.

Небольшие фрагменты этого трактата были переведены В.М. Володарским и помещены в книге "Идеи эстетического воспитания" (М., 1973. Т. 1. С. 354—357). Ниже дан полный перевод трактата, осуществленный Н.В. Ревякиной.

Н.В. Ревякина

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Если ты выслушаешь меня или скорее Хрисиппа, проницательнейшего из философов, то ты сразу же позаботишься с помощью добрых наук наставить своего ребенка, пока ум его еще свободен от забот и пороков, пока мягок и податлив возраст, пока душа за всем легко следует и ко всему пригодна и вместе с тем крепко хранит наставления. Поистине ничто мы так не помним в старости, как то, что впитали в юные годы.

И пусть тебя ни в чем не поколеблют голоса тех, кто беспрестанно твердит, что этот возраст, с одной стороны, не вполне способен к обучению, с другой — не в состоянии выдерживать трудности занятий. Ибо, во-первых, начала наук основываются главным образом на памяти, которая у маленьких, как я сказал, едва ли не самая крепкая. Затем, поскольку природа создала нас для познания, то занятия тем делом, семена которого природа-родительница как бы посеяла в нас, не могут быть слишком поспешными. К тому же некоторые вещи, знание которых необходимо также для взрослых, юный возраст, в силу особой склонности его природы, воспринимает гораздо быстрее и легче, чем люди старше; к примеру, буквы алфавита, практику изучения языков, басни и поэтические вымыслы. Наконец, почему считать непригодным к обучению тот возраст, который уже способен к моральному воспитанию? Что иное в противном случае будут лучше делать дети, уже умеющие говорить, поскольку ведь необходимо, чтобы они чем-нибудь занимались? Не гораздо ли полезнее тому возрасту играть в буквы, чем заниматься пустяками? Ты скажешь, что то, что

делается в те первые годы, крайне мало значит. Но почему пренебрегать как вещь незначительной тем, что необходимо для дела очень важного? Зачем, далее, ту прибыль (сколь бы ни была она мала, а все же прибыль) намеренно упускать? Так вот, если крохотную частичку ты многократно будешь прибавлять к крохотной частичке, образуется куча, пренебрегать которой отнюдь не следует. Подумай еще и о том, что если менее значительные вещи изучает ребенок, то, став юношей, он в те годы, когда нужно было выучить ту малость, изучит более важные вещи. Наконец, занимаясь этим, он, по крайней мере, удерживается от тех пороков, которыми, как видим, нередко заражен тот возраст. Ибо никакое дело не поглощает всю душу человека полнее, чем науки. Несомненно, этой прибылью не должно пренебрегать.

Кроме того, даже если допустить, что из-за этих трудов убывает что-то из телесного здоровья, этот ущерб, на мой взгляд, прекрасно возмещается прибылью для ума. Ведь дух от умеренных трудов становится сильнее. А если здесь есть какая-то опасность для здоровья, то ее благодаря нашей заботе можно избежать. Для юного возраста надо пригласить такого учителя, который привлекает лаской, а не такого, кто устрашает жестокостью. С другой стороны, в этот период жизни существуют вещи, которые детям познать приятно и которые как бы родственны детским умам, изучать их детям — скорее игра, чем труд. Впрочем, даже и не столь слаб детский возраст, который более способен переносить труды по той причине, что лишен осознания того, что это труд. Поэтому если ты поразмыслишь над тем, до какой степени тот не человек, кто лишен образования, сколь быстро текуща людская жизнь, сколь склонна к дурному юность, сколь занят делами зрелый возраст, сколь бесплодна старость, к тому же выпадающая на долю столь немногим, то ты не позволишь, чтобы у твоего ребенка, в коем ты сам как бы возродишься, ускользнула невосделанной какая-либо часть жизни, в которой можно приобрести нечто значительное, дающее на всю [дальнейшую] жизнь большое благо либо удерживающее от зла.

ТА ЖЕ САМАЯ ТЕМА, ИЗЛОЖЕННАЯ ПРОСТРАННЕЕ

После долгого бесплодия твоей жены, внушавшего отчаяние, ты, как я слышу, сделался отцом и притом отцом мальчика, в ком видны замечательные природные свойства, то есть всецело свойства его родителей, и если только можно что-то предсказать на основании таких отличительных черт и признаков, он, видимо, обещает быть челове-

ком совершенной добродетели. И поэтому ты намерен позаботиться о том, чтобы мальчика, так много обещающего, как только он станет немного старше, наставить в добрых науках и обучить достойнейшим дисциплинам, воспитать и снабдить полезнейшими предписаниями философии: без сомнения, ты желаешь быть настоящим отцом¹ и желаешь, чтобы он [этот ребенок] стал поистине твоим сыном, чтобы воспроизводил тебя не только лицом и фигурой, очертаниями тела, но также был похож на тебя и дарованиями ума. Право же, я от души радуюсь необыкновенному счастью друга и равно весьма одобряю твое благоразумное намерение.

Одно только я бы посоветовал тебе, хотя и дерзко, но по-дружески, — не допустить, следуя мнению или примеру толпы, чтобы первые годы твоего мальчика прошли без всякой пользы для воспитания и чтобы только тогда ты направил его к изучению основ наук, когда уже и возраст будет менее податлив и характер более склонен к порокам и, возможно, захвачен уже терниями очень цепких пороков. Ты поищи-ка уже теперь мужа, наделенного неиспорченными и обходительными нравами, а также приметного отнюдь не обычной ученостью, которому ты передашь своего мальчишечку под опеку как наставнику юной души, чтобы с его помощью он впитывал нектар знаний вместе с самим молоком, и равным образом заботу о сынке раздели поровну между кормилицей и наставником, чтобы та укрепляла тельце наилучшей влагой, этот питал душу целительными и благородными дисциплинами.

Действительно, не подобает, на мой взгляд, тебе, мужу, наиученейшему из всех, а равно благоразумнейшему, слушать тех пустых женщин или даже мужчин, во всем похожих на тех женщин, за исключением бороды, которые считают с каким-то жестоким милосердием и преступным благоволением, что детей вплоть до самого их возмужания надо держать возле их мамочки с ее поцелуями, ласками кормилиц, развлечениями и глупостями достаточно бесстыдных служанок и слуг, а также полагают, что их надо как от яда оберегать от наук, утверждая, что дети раннего возраста слишком неразвиты, чтобы быть способными к обучению, и слишком слабы, чтобы быть пригодными к трудным занятиям. Наконец, слишком незначителен успех в том возрасте, дабы ради него нести расходы или мучить слабых детей.

Пока я опровергаю каждое из этих положений, прошу тебя послушать меня немного с душевным вниманием, считая (и это есть правда), что, во-первых, это написано человеком, любящим тебя сильнее, чем кто-либо другой, затем написано о такой вещи, которая касается тебя более, чем любая иная. Ибо что дороже сына, особенно единственного, в которого мы желали бы перелить даже жизнь свою, если

было бы можно, а не только состояние. Кто не видит поэтому, что извращенно и превратно поступают те, кто чрезмерно заботится об обработке полей, строительстве зданий, разведении лошадей (и они используют [при этом] советы людей благоразумных и весьма сведущих в практических делах), а воспитанию и формированию детей, ради которых и приготавливают все прочее, настолько не придают значения, что ни свою душу сами не вопрошают, ни мнения рассудительных людей выведать не стараются, но так, словно речь идет о забавных вещах, выслушивают пустых женщин и каких угодно жалких людишек из плебеев. Что является не менее глупым, чем если бы кто-то, сильно беспокоясь о башмаке, пренебрег самой ногой, или с величайшим усердием заботясь о том, чтобы не было какой-нибудь погрешности в одежде, проявил бы беспечность к здоровью самого тела². Не буду здесь задерживать тебя, муж наилучший, общими рассуждениями о том, насколько сила природы, насколько любовь, насколько божественный закон, насколько человеческие установления требуют, чтобы родители имели обязанности перед детьми, перед теми, благодаря которым мы, насколько это возможно, избегаем смерти и становимся бессмертными. Однако некоторым кажется, что они превосходно исполнили родительскую обязанность, если только родили детей, в то время как это наименьшая доля любви, какую требует звание отца. Действительно, чтобы быть истинным отцом, ты должен заботиться о сыне, и первая и главная забота заключается в той обязанности, которой человек отличается от животных и более всего уподобляется божеству. Какое беспокойство проявляет множество матерей, чтобы ребенок не оказался косоглазым или слегка косящим, с обвисшими щеками, кривошеим, сутулым, с разными голеньями, с кривыми ногами, с несоразмерными пропорциями всего тела! Для их устранения, кроме прочих вещей, обычно используют также свивальники и головные повязки, которыми подбирают вверх щеки. В то же время обращают внимание на молоко, пищу, купание, движение³, благодаря чему, как учат во многих книгах медицины (а именно Гален⁴), приобретает благополучное телесное здоровье детей; и не откладывают это усердие до 7 или 10 лет, но призывают к этой заботе, едва приняв ребенка из тайников материнского лона. И правильно делают, поскольку именно пренебрежение детским возрастом часто приводит людей к болезненной и несчастной старости, если случается все же дожить до нее. И еще даже ребенок не появился на свет, а материнская забота — на страже: беременные не едят какую угодно пищу, оберегаются неосторожного телесного движения, а если что-то случайно попадает в лицо, они сразу же, отторгнув его рукой, прикладывают

к потаенной части тела. Опыт показывает, что это целительное средство применялось для того, чтобы скрыть в потаенной части тела ту уродливость, которая [иначе] появится на видимой части⁵.

Никто не называет преждевременной такую заботливость, которую прилагают к худшей части: почему в таком случае та часть, благодаря которой мы получили в подлинном смысле имя человека, столько лет в пренебрежении? Разве не глупо сделает тот, кто разукрасит шапку, оставив по небрежению голову непричесанной и покрытой паршой? Но гораздо нелепее проявлять справедливую заботу о смертном теле и не принимать во внимание бессмертную душу. Скажи-ка, если у кого-то в доме родился жеребенок или щенок с породистыми свойствами, разве не начинает хозяин сразу же обучать его для своей надобности? И делает он это в соответствии со своим намерением тем скорее, чем послушнее воле воспитателя ранний возраст животного. Ты рано учишь попугая говорить на человеческом языке, зная, что, чем старше он станет, тем менее будет восприимчив, об этом даже народная пословица напоминает: "Старенький попугай презирает ферулу". Но каково же — неусыпно заботиться о птице и ничего не сделать для сына! Почему землепашцы не бездеятельны? Разве не учат они постоянно, что с помощью прививки еще нежные саженцы теряют дикие природные свойства, и разве ждут они, когда ствол уже окрепнет? И они не только принимают меры предосторожности к тому, чтобы не выросло деревцо искривленным, чтобы его не поразил какой-нибудь другой порок, но даже если что-то поражено, они спешат исправить⁶, пока растение еще гибко и поддается формирующей руке. Но какое животное или какое растение отвечают ожиданиям и потребностям собственников и землепашцев, если природе не поможет наше усердие? Чем своевременнее это делается, тем больший успех воспоследует.

Природа-родительница именно безгласным животным для исполнения врожденных обязанностей оказала больше поддержки [по сравнению с человеком], но так как божественное провидение человеку, единственному из животных, дало силу разума, оно отвело важнейшую роль наставлению; как весьма справедливо написал один автор: первое, второе и третье, т.е. основа и вершина всякого человеческого счастья, есть правильное наставление и должное воспитание. В одном кратком изречении Демосфен хвалил хорошее произнесение⁷, и притом хвалил верно, но для мудрости гораздо важнее хорошее наставление, чем произнесение для красноречия. Ибо источник всякой добродетели есть тщательное и безупречное воспитание. Равно как для глупости и порочности первое, второе и третье — небреж-

ное и превратное наставление. Оно преимущественно у нас и осталось. Такое же суждение и относительно того, почему природа наделила прочих животных быстротой, умением летать, остротой глаз, огромным и сильным телом, чешуей, шерстью, волосяным покровом, скорлупой, рогами, когтями, ядами, чтобы с их помощью они могли сохранять собственную безопасность, заботиться о себе и воспитывать своих детенышей; только человека она создала слабым, голым, беззащитным⁸, но взамен всего этого она дала ему ум, способный к наукам, с тем чтобы в нем одном заключалось все, при условии если его упражнять. И чем менее то или иное животное способно к обучению, тем более имеет врожденного знания. Пчелы не учатся строить соты, собирать нектар, производить мед. Муравьев не наставляют собирать летом пищу в щели, откуда они зимой питаются, но все это делается по инстинкту природы. Человек же не умеет ни есть, ни ходить, ни говорить, если не обучен. Поэтому если дерево без прививки не приносит плодов или приносит плоды безвкусные, если собака без нашего старания вырастает негодной для охоты, лошадь непригодной к верховой езде, вол не способным пахать, то сколь диким, сколь бесполезным животным окажется человек, если его усердно и вместе с тем своевременно не воспитывать с помощью наставления?

Я не буду здесь повторять тебе повсюду твердимый пример со щенками Ликурга⁹, представленный в зрелище: один из щенков благородной породы, но плохо воспитанный, подбежал к пище, другой, рожденный от трусливых родителей, но тщательно воспитанный, оставив пищу, бросился на дикого зверя. Деятельна природа, но ее побеждает более деятельное воспитание. Люди заботятся о том, чтобы иметь доброго пса для охоты, чтобы иметь быструю лошадь для езды, и здесь никакое усердие не кажется несвоевременным; но о том, чтобы иметь сына, который принесет родителям славу и пользу, на кого они переложат большую часть домашних забот, чья любовь согреет и поддержит, кто станет верным защитником рода, добрым супругом жене, мужественным и полезным гражданином государству, либо никак не заботятся, либо заботятся запоздало. Для кого они сеют? Для кого пашут? Для кого строят? Для кого на земле и на море гонятся за богатствами? Разве не для детей? А если тот, кому все это переходит, не сумеет им воспользоваться, какую пользу либо почет они получают? Скажу более, владение приобретается усердием, а о владельце — никакой заботы. Кто приобретает кифару для не знающего музыки? Кто устраивает библиотеку для не обученного грамоте? А сколько богатства приобретается для того, кто никогда так и не научился их ра-

зумному использованию? Если добываешь их для хорошо воспитанного наследника, то даешь орудия для добродетелей, если для природы невоспитанной и неученой, то что иное доставляешь, кроме средств для распутства и преступлений? Что безрассудней этого может помыслить себе род отцов? Они пекутся о том, чтобы тело сына было лишено порока и сделалось годным к повседневной деятельности, а душой, которая руководит всяким честным действием, пренебрегают. Я бы не хотел, однако, напоминать, что богатство, достоинство, авторитет и даже благополучное здоровье, которого родители с таким беспокойством страстно желают своим детям, ничем не приобретается лучше, чем моральной честностью и образованностью. А они желают детям добычи и не дают рогатины, чтобы ее схватить. Ты не можешь дать сыну то, что превосходнее всего, но ты можешь обучить его тем искусствам, с помощью которых приобретают наилучшее. Такое отношение родителей является поразительной глупостью, но еще глупее, что в доме имеют собаку, тщательно выдрессированную, что лошадь имеют, заботливо укрощенную и обученную, а сына имеют, не снабженного никакой честной наукой. Поле имеют прекрасно обработанное, сына — позорно дикого. Дом имеют разукрашенный всяческими украшениями, сына имеют лишенного всех подлинных украшений.

К тому же те, кто согласно народному мнению, отлично понимают в этой области, заботу о воспитании ума или относят на возраст неподходящий, или вообще ее не проявляют и чрезвычайно озабочены случайными и внешними благами даже еще до рождения того, кого они предназначили быть всех тех благ господином. Да разве мы не видим, что они делают? Как только живот жены округлится, уже тогда приглашают составителя гороскопов, родители стараются узнать, мальчик или девочка появится. Выведывают судьбу. Если астролог на основании гороскопа сказал, что новорожденный будет счастлив в военных делах, его, говорят они, мы посвятим королевскому двору. Если астролог посулит церковные должности, ему, говорят они, раздобудем откуда-нибудь епископство либо богатое аббатство, сделаем его препозитом или деканом¹⁰. Забота об этом, хотя она опережает само рождение, не кажется им преждевременной, а та забота, которая требуется для воспитания детских душ, кажется преждевременной? Столь проворно заботишься, чтобы сын стал военачальником или магистратом и одновременно не заботишься, чтобы он был полезным для государства военным предводителем либо магистратом? Преждевременно печешься о том, чтобы сын стал епископом или аббатом, и не воспитываешь его для того, чтобы он честно исполнял должность

епископа или аббата. Даешь экипаж и не учишь разумному управлению им. Даешь в руки кормило и не беспокоишься, чтобы научился тому, что требуется знать судовладельцу.

Короче говоря, во всех твоих владениях у тебя в самом большом пренебрежении он, ценнее которого у тебя нет ничего и ради которого приобретается все прочее. Тучнеют поля, пышен дом, блистают красотой посуда, одежды и вся утварь, отлично обьежены лошади, прекрасно обучены слуги, один лишь ум сына невозделан, запущен, в окончении. Ты оказался владельцем купленного, как говорится, при продаже с камня¹¹, раба грубого и ничтожного; если он не обучен, ты внимательно наблюдаешь, для какой пользы он пригоден, и своевременно обучаешь его какому-нибудь искусству — либо кулинарному, либо врачебному, либо земледелию, либо управлению, только сыном, словно рожденным для праздности, пренебрегаешь. Будет иметь средства для жизни, говорят они; однако у него не будет того, чем правильно жить. Повсюду каждый, чем он богаче, тем менее обеспокоен воспитанием детей. Зачем нужна философия, говорят такие люди, дети будут иметь достаточно. Напротив, чем больше они имеют, тем в большей защите философии нуждаются. Чем больше корабль и чем больше везет он товара, тем большая нужда в хорошо обученном судовладельце. С каким старанием стремятся государи к тому, чтобы оставить детям обширнейшую власть, и никто менее их не заботится о том, чтобы дети были обучены тем искусствам, без которых не может правильно вершиться власть. Насколько полезнее тот, кто дает благую жизнь, чем тот, кто дает жизнь. Дети крайне мало обязаны тем родителям, которые их только родили, но даже не воспитали для правильной жизни. Общеизвестно высказывание Александра: "Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном"¹². Это высказывание вполне справедливо порицал Плутарх¹³, говоря, что он тем сильнее должен был желать философии Диогена, чем обширнее была его власть. Но постыднее нерадивость тех, кто не только не воспитывает детей правильно, но даже по небрежности портит их.

Когда известный Кратет фиванский ясно постиг эту глупость в людских нравах, он справедливо пригрозил, что взойдет на самое высокое место в городе и оттуда как можно громче упрекнет государство в общественном безумии такими словами: "Какое безумие вас побуждает, несчастные! Столь беспокойную заботу вы прилагаете, чтобы приобретать деньги и владения, а о детях, для которых это приобретаете, совершенно никак не заботитесь!"¹⁴ Как матерями едва ли наполовину являются те, которые только рожают детей и не воспитывают, так едва ли наполовину являются отцами те, которые, преду-

смаывая все необходимое для телесных нужд детей, вплоть до роскоши, не заботятся об облагораживании их душ никакими честными науками. Деревья могут вырастать даже бесплодными либо с дикими плодами; лошади могут рождаться бесполезными; но людьми, поверь мне, не рождаются, но становятся путем воспитания. Древние люди, которые вели жизнь в лесах без всяких законов, без всяких наук, в беспорядочном сожительстве, были скорее дикими зверьми, чем людьми. Человеком делает разум, ему нет места там, где все вершится по произволу страстей. Если бы человеком делала [только] наружность, тогда и статуи бы числились в людском роду.

Аристипп остроумно ответил одному жирному богачу, спросившему у него, какую пользу юноше принесет образованность: "Хотя бы ту, говорит он, что не будет сидеть в театре как камень на камне"¹⁵. Другой философ, если не ошибаюсь, Диоген, среди бела дня бродил с зажженным светильником по рыночной площади, переполненной людьми, и был спрошен, что же он ищет? Человека, говорит, ищу. Он понимал, что там толпа, но не людей, а скотов. Он же, когда однажды с возвышенного места созывал собрание, возглашая: "Придите, люди", и уже собралась многочисленная толпа людей, а он не говорил ничего другого, кроме, "Придите, люди", кто-то разгневанный закричал: "Мы, люди, здесь, говори, если есть что сказать". Тогда он отвечает: "Я хочу, чтобы здесь были люди, а не вы, которые менее всего люди", и разогнал их палкой¹⁶. Действительно, в высшей степени верно, что человек, не обученный ни философии, ни каким-либо наукам, есть живое существо, гораздо худшее, чем неразумные животные. Ведь животные следуют только естественным страстям, человек, если он не воспитан с помощью наук и предписаний философии, влечется страстями более сильными, чем звериные. Нет никакого животного, более свирепого и вредного, чем человек, которым движет тщеславие, алчность, гнев, зависть, невоздержанность, похоть. Поэтому тот, кто сразу же не заботится об обучении сына наилучшим наукам, не есть ни он сам человек, ни сын человеческий.

Разве душа человеческая в теле зверя не кажется достойным ненависти чудовищем? К примеру, нам известно, как у Цирцеи люди с помощью волшебных снадобий превращались во львов, медведей и свиней, однако так, что человеческий разум у них сохранялся¹⁷. То же самое, как сообщил Апулей¹⁸, приключилось с ним; и Августин¹⁹ верил, что люди превращаются в волков. Кто стерпел бы, если бы его назвали отцом подобного чудовища? Но чудовище более удивительное — звериный дух в человеческом теле, и таким потомством довольно большинство людей, которые и себе самим и народу кажутся

весьма разумными. Говорят, что медведицы²⁰ производят на свет бесформенную массу, которой, долго вылизывая ее, придают форму и вид; но никакой медвежонок не лишен образа до такой степени, до какой лишена его душа рождающегося человека. Если не придашь ей форму и образ, то станешь отцом урода, не человека. Если сын родится с конусообразной головой, или будет обезображен горбом, или выйдет кривоногим, либо с шестью пальцами на руке, как тебе неприятно, как стыдно называться отцом не человека, а урода, но не стыдно называться отцом ребенка со столь неестественной душой?

В каком отчаянии душа родителей, если жена родит тупоумного и лишенного разума ребенка! Им ведь кажется, что не человека произвела на свет, а чудовище, и если бы не стоял на пути страх перед законом, то они предали бы смерти то, что родилось. Ты винишь природу, которая твоему дитяти отказала в человеческом разуме, а сам своей небрежностью приводишь к тому, чтобы сын был лишен человеческого разума? Но предпочтительнее обладать тупым умом, чем дурным [возразят оппоненты]. Конечно же, лучше быть свиньей, чем неученым и злым человеком. Когда природа дает тебе сына, она ничего другого не передает, кроме бесформенной массы. Твоя обязанность из послушной и ко всему податливой массы извять наилучший образ. Если будешь бездействовать, зверя получаешь, если будешь на страже, бога, как говорится, имеешь. Сразу же, как рождается ребенок, он восприимчив к тому, что свойственно человеку. Поэтому, согласно вергилиеву оракулу, "С самых младенческих дней окружи особой заботой"²¹. Разминай воск сейчас, пока он очень мягок, лепи из глины еще влажной, наполни лучшими влагами кувшин, пока он не обработан, крась шерсть, пока она идет от сукновала ослепительно белой и не запачканной никакими пятнами. Об этом весьма остроумно дал понять Антисфен, который, когда брал для обучения сына некой персоны, на вопрос отца, какие вещи нужны, ответил: "Новая книга, новый стиль, новая дощечка"²². Несомненно, философ нуждался в необученной и ничем не заполненной душе. Ты не можешь сохранять эту массу необработанной; если ты не вылепишь из нее человеческий образ, то она сама собой извратится, превращаясь в чудовищные образы зверей. Поскольку ты обязан этим долгом воспитания Богу и природе, то даже если нет никакой надежды, что плоды достанутся тебе, поразмысли, сколько утешения, сколько пользы, достоинства приносят родителям с ранних лет правильно воспитанные дети.

Напротив, в какой позор, в какие несчастья ввергнут своих родителей неправильно воспитанные дети. Нет нужды приводить здесь примеры из древних повествований, обрати свои мысли лишь на семьи

своего города — как много отовсюду появится примеров! Знаю, что ты часто слышишь такого рода восклицания: "О, я был бы счастлив, если бы был бездетен! Какое счастье было бы для меня никогда не рожать детей!" Признаю, весьма трудное дело — воспитать детей правильно, но никто не рождается для себя, никто не рождается для праздности. Ты захотел быть отцом, тебе надлежит быть благочестивым отцом. Для государства, не только для себя ты произвел потомство или, скажу как христианин, — для Бога произвел, не для себя.

Павел пишет, что женщины спасутся только тогда, если будут рожать детей и так их воспитывать, чтобы те были настойчивы в благочестивом усердии²³. С родителей востребует Бог за все, в чем согрешат дети. Поэтому если сейчас ты не наставляешь рожденного тобой в достойных принципах, то ты прежде всего несправедлив по отношению к себе самому, своей небрежностью ты готовишь себе то, опаснее и тяжелее чего никоим образом и врагу не пожелаешь. Дионисий сына изгнанника Диона, совсем молодого человека, приведенного силой ко двору, изнежил роскошью²⁴, он знал, что для отца это будет горше, чем если бы он поразил его мечом. Немного спустя, когда возвратившийся отец понуждал юношу к прежней скромности, тот бросился вниз головой с верхнего этажа дома. Да и некий еврейский мудрец сказал очень верно: "Разумный сын радуется отца, глупый сын — печаль для его матери"²⁵. Но разумный сын для отца своего не только наслаждение, но и украшение и поддержка, наконец, жизнь для отца своего. Напротив, сын глупый и несчастный приносит родителям не только горе, но и позор, и бедность, и преждевременную старость, наконец, доводит их до смерти — тех, от которых получил начало жизни. Словом, к чему напоминать — ежедневно перед глазами примеры граждан, которых довели от богатства до нищеты их дети с развращенными нравами, у которых сын разбойник или дочь, предающаяся разврату в публичном доме, терзают и убивают душу непеносимым позором.

Я знал превосходных магнатов, у которых из многих детей ни один не уцелел невредимым; один, зараженный мерзкой кожной болезнью²⁶, которую называют *ὄλοκορίξοντες* — галльской чесоткой, влачил повсюду свой труп, другой, состязаясь, кто больше выпьет, лопнул, третий, развратничая ночью, скрытый маской, был жалким образом убит. В чем причина? В том, что родители считают достаточным для себя родить и богато одарить детей, но о воспитании их никак не заботятся. Законы суровы против тех, кто подкидывает своих детей и бросает их в каком-нибудь лесу на пожирание диким зверям. Но самый жестокий вид подкидывания — передавать во власть звериных

страстей то [существо], которое дала природа для воспитания в нем с помощью наилучших учений высокой нравственности. Если бы какая-нибудь фессалийка с помощью злого искусства могла бы и попыталась бы сына твоего превратить в свинью или волка, разве ты не посчитал бы любое наказание не достойным в достаточной степени этого злодеяния? Но то, что ты в ней проклинаешь, ты сам старательно делаешь. Сколь ужасен дикий зверь — страсть, сколь прожорливо и ненасытно животное — похоть, сколь свирепо животное — пьянство, сколь вредно животное — гнев, сколь страшен зверь — тщеславие. Этим зверям подкидывает сына своего всякий, кто не приучает его сразу же с раннего возраста любить добродетель, ненавидеть пороки; вернее, даже он не только подкидывает того диким зверям, как обычно делают наиболее жестокие из тех, кто этим занимается, но что гораздо тяжелее — кормит страшного и опасного зверя на свою собственную гибель.

Достойны особого проклятия люди той породы, что портят детское тело колдовством; а что следует думать о родителях, которые своим небрежением и дурным воспитанием портят душу? Детобийцами называют тех, кто убивает новорожденных детей и губит лишь тело; насколько большее бесчестие — душу убить? Ибо что иное смерть души, нежели глупость, незнание, злоба? Не менее несправедлив он [родитель] по отношению к родине, которой передает именно то, что в нем самом есть — испорченного гражданина. Нечестив он по отношению к Богу, от которого получил потомство с тем, чтобы воспитать его в благочестии. Отсюда явствует, сколь не легкий и не безобидный проступок совершают те, кто пренебрегает воспитанием молодежи.

Но гораздо серьезнее, чем даже эти родители, грешат, как я уже заметил, те, которые не только не воспитывают детей в духе добродетели, но даже приучают нежную и неиспорченную головку малыша к развращенности, и тот обучается порокам прежде, чем узнает, что такое порок. Как может быть скромным и презирающим спесь мужем тот, кто ползал в пурпуровых одеждах? Еще не в состоянии произносить первые названия вещей: а уже понимает, что такое коккус, уже требует пурпурное платье, уже знает, что такое краснорободка и скар и с презрением отталкивает простую пищу²⁷. Как сможет стать скромным, когда подрастет, тот, кто совсем маленьким начал воспитываться в бесстыдстве? Каким образом сделается благородным, став взрослым, тот, кто сызмальства приучен восхищаться деньгами и золотом? Как удержится от роскоши юноша, чей вкус мы развратили раньше, чем начали формировать нравы? Если только появляется недавно изобретенный вид одежды, ибо ежедневно искусство портных

рождает, словно некогда Африка, некое новое диво, то это творение надеваем на ребенка. Он приучается к самомнению, и если что-то у него отбирают, он, разгневанный, требует назад. Каким образом взрослым будет ненавидеть хмель тот, кто в детстве приучился к вину?

Нашептывают детям слова, едва ли позволительные, как говорит известный поэт, на александрийских увеселениях²⁸. Если ребенок говорит нечто подобное, встречают поцелуями. Разумеется, своих детей они вовсе не признают испорченными, ведь их собственная жизнь не что иное, как пример бесстыдства. Ребенок упивается бесстыдными ласками кормилиц и, словно рукой, как говорится, ваяется непристойными прикосновениями. Видит чрезмерно пьяного отца, слышит, как он болтает обо всем без разбору. Присутствует на неумеренных и малопрстойных пирушках, слышит, как дом оглушительно шумит от шутов, музыкантов, играющих на флейте и цитре, и плясунов. К этим нравам ребенок так привыкает, что привычка переходит в натуру²⁹.

Существуют народы, которые детей, едва вышедших из материнского лона³⁰, воспитывают в духе воинственной ярости³¹. Их учат бросать грозные взгляды, учат любить оружие, учат наносить удар. После такой подготовки их передают наставнику, и мы удивляемся, узнав, что они, кто впитал пороки сразу же с молоком матери, не способны к добродетели? Но некоторые лица, слышу я, до того защищают свою глупость, что говорят, будто этим наслаждением, которое они испытывают от шалости с детьми, уравнивается скука от воспитания детей. Что я слышу? Неужели истинному родителю приятнее, если ребенок воспроизведет какое-то позорное действие или непристойное слово, чем если он своим шепелявым язычком повторит здравую мысль или если изобразит, подражая, что-либо иное, сделанное благочестиво? Природа дала детям особую способность к подражанию, однако же это стремление подражать несколько сильнее склоняет их к бесстыдным вещам, нежели к добродетели³². Разве приятнее доброму мужу безнравственность, чем добродетель, особенно в детях? Если что-то грязное попадет на кожу ребенка, ты смоешь, а душу его пятнаешь столь мерзкими пятнами? Но ничего ведь не держится крепче, чем то, что вливается по капле в не занятые ничем души.

Во имя неба, есть ли сердце матери у женщин, которые удерживают при себе своих детей вплоть до семи лет и разве что не за шутов считают? Если им столь нравится развлекаться, то почему бы ни приобрести для себя обезьян или мальтийских собачек? "Дети они", — говорят те; да, дети, но едва ли можно высказать, сколь важны для всего жизненного пути те первые уроки детства и до какой степени в результате этого мягкого и слишком распущенного воспитания, кото-

рое матери называют снисходительным, тогда как на самом деле оно — порча, педагог получает ребенка дерзким и упрямым. Разве против таких матерей не подобает непременно возбудить судебное дело за плохое обращение³³? Ведь, право же, это своего рода отравление, своего рода детоубийство. По закону несут наказание те, кто наводят порчу на детей или вредят их слабым тельцам отравой; а чего заслуживают те женщины, которые губят ценное время детства наихудшей отравой? Убить тело менее тяжело, чем душу. Если ребенок воспитывается среди косоглазых, заик или хромых, такое общение портит тело³⁴; пороки же души проникают более скрыто, но и более быстро и глубже укореняют зло в душах. И по заслугам апостол Павел оценил так высоко стишок Менандра, что процитировал его в Посланиях: "Худые сообщества развращают добрые нравы"³⁵. Но этот стих нигде лучше не подтверждается, чем в детях. Аристотель, спрошенный кем-то, какими приемами он мог добиться, что лошадь у него отменная, сказал: "Воспитывая ее среди породистых лошадей"³⁶.

А если ни любовь, ни разум не могут научить нас тому, как много мы должны заботиться о раннем возрасте детей, то, по крайней мере, можно будет обратиться за примером к диким животным. Ибо не должно быть стыдно учиться у них вещам, которые могут быть когда-нибудь очень полезны³⁷; от них уже в прошлом человеческий род узнал столь много благотворного, так, кровопускание показал гиппопотам, обычай промывания желудка, который чрезвычайно одобряют дети Эскулапа³⁸, — египетская птица чибис. От оленей мы узнали об успешном действии дикого бадьяна при извлечении ран, они же научили тому, что поедание раков служит целительным средством против укусов фаланг. Даже ящерицы стали учителями, от них мы узнали, что бадьян дает облегчение от укусов змей, так как у этого вида животных идет от природы война со змеями; было замечено, что укушенные ими ящерицы ищут в той траве целительное средство. Ласточки указали на чистотел, и дали название той траве — *chelidonia* (ласточка). Черепаха показала, что против укусов змей полезен коровий чаберник. Ласка рекомендовала нам руту как целебное средство. Аист — душицу. Кабаны показали, что плющ исцеляет недуги. От змей мы узнали, что остроте зрения помогает укроп. Дракон [большая змея] навел на мысль, что тошноту желудка подавляет латук. Пантеры показали, что человеческие испражнения имеют силу против яда; наряду с этим мы узнали от диких животных и бесчисленные другие целительные средства. А кроме того и ремесла, весьма нужные для жизни. Свиньи научили тому, как вспахивать поле. Ласточка — как стро-

ить глинобитные стены. Не буду распространяться далее, почти нет ничего полезного в человеческой жизни, образец чего природа не показала бы нам на диких животных, чтобы с их помощью побудить к выполнению своих обязанностей, по крайней мере, тех, кто не обучен философии и наукам. Разве не видим мы, что каждое животное не только рождает и воспитывает своих детей, но и приучает их к выполнению собственной природной обязанности³⁹. Птица рождается для полета⁴⁰, для этого, согласись, ее и наставляют и воспитывают родители. Дома мы видим, как кошки руководят своими котятками и обучают их охоте за мышами и птичками, так как те служат пищей. Что сказать об оленях? Разве тотчас не упражняют они в беге рожденных оленят и не учат их спасаться бегством, не ведут к крутым местам и не показывают, как прыгать, поскольку благодаря этому умению они защищены от охотничьих засад? Сообщают как о своего рода педагогической науке о воспитании малышей у слонов и дельфинов. В пении соловьев мы наблюдаем обязанности обучающего и обучаемого, старшего — ведущего, призывающего и исправляющего, и младшего — повторяющего и исправляющего. Но подобно тому как собака рождается для охоты, птица для полета, лошадь для бега, бык для пахоты, так человек рождается для философии и честных деяний⁴¹; и как любое из живых существ очень легко учится тому, к чему рождено, так и человек без малейшего труда воспринимает науку добродетели и чести, для которой могучая природа насадила в нас как бы сильные семена, лишь бы к природной склонности присоединилось усердие воспитателя.

Но не нелепее ли всего то, что лишенные разума животные знают и помнят о своем долге по отношению к детям, а человек, который отличается от зверей привилегией разума, не знает, чем он обязан природе, чем — любви, чем — Богу? Животные никакого рода не ждут от своего потомства награды за кормление и воспитание, разве лишь угодно поверить, что аисты своих родителей, обессиленных от возраста, кормят поочередно и носят на спине⁴². Поскольку же у людей человек любого возраста не разрывает связей [сыновьей] любви, то какое утешение, какую поддержку в жизни готовит себе тот, кто заботится о правильном воспитании сына? Природа передает тебе в руки целину, именно незанятую землю, но с плодородной почвой. А ты из-за нерадения позволяешь, чтобы ее захватили тернии и колючки, которые позже вряд ли можно вырвать с каким-либо старанием. Какое огромное дерево скрывается в крошечном зерне, какие плоды даст оно, если вырастет! Все эти надежды гибнут, если не бросишь семян в

ямку, если нежный маленький саженец дерева не согрешь заботой, если как бы не укротишь прививкой [его природу]. А ты неусыпно бдителен, чтобы укротить растение, и беспечен в отношении сына?

Всеобщая основа человеческого счастья состоит главным образом из трех вещей — природы, науки [метода] и упражнения⁴³. Природой я именую восприимчивость и глубоко врожденную склонность к честным вещам⁴⁴. Наукой зову знание, заключающееся в указаниях и предписаниях. Упражнением называю использование тех свойств, которые природа внедрила, а наука развила. Природа требует науки [метода], упражнение, если не руководит им наука, подвержено многим ошибкам и опасностям.

В таком случае сильно ошибаются те, кто полагает, что достаточно родиться; не менее заблуждаются те, кто думает, что мудрость приобретается без обращения к философским учениям — в делах и трудах. Скажи мне, получится ли хороший гонец из того, кто бежит проворно, но в темноте или не зная дороги? Будет ли когда-нибудь хорошим гладиатором тот, кто с закрытыми глазами размахивает мечом вверх и вниз? Предписания философии, словно глаза души, и они, в известной мере, освещают путь заранее, дабы ты видел, что следует делать, что, наоборот, [надо оставить]. Продолжительная практика в различных делах приносит много пользы, признаю это, но приносит мудрым, тщательно вооруженным наставлениями для добродетельных деяний. Поразмысли, что вынесли, что претерпели за всю свою жизнь те, кто приобрел для себя путем собственного опыта в делах какую бы ни было предусмотрительность, пусть и жалкую, и подумай, пожелаешь ли ты своему сыну столько несчастий? Добавь к этому, что философия за один год больше учит, чем сколь угодно большой опыт в делах за 30 лет, и учит безопасно, между тем как в результате опыта многие скорее терпят урон, чем становятся благоразумными, так что не без основания древние говорили, что тот, кто дело пробовал на опыте, испытывал опасность и рисковал.

Представь, если какой-то человек пожелал бы, чтобы его сын был опытен в медицине, он предпочел бы, чтобы тот изучал книги медиков или на практике учился тому, какие вещи вредны своими ядовитыми свойствами, а какие помогают целебными? Сколь несчастливо благоразумие, когда судовладелец изучил искусство мореплавания на частых кораблекрушениях, когда правитель научился исполнять гражданскую должность в результате частых войн, мятежей и ценой общественных бедствий. Предпочитаю умнеть только от испытаний — такое благоразумие, и весьма стойкое, есть благоразумие глупцов: великому учится тот, кто, заблуждаясь, учится тому, чтобы не заблуж-

даться. Филипп серьезно увещевал сына своего Александра воспринять уроки Аристотеля и основательно изучить его философию, чтобы не делать многого такого, в совершении чего сам Филипп теперь раскаивался⁴⁵. А ведь Филипп славился незаурядным искусным умом. Подумай, чего же тогда ожидать от простолюдинов? А наука с наименьшими затратами показывает, чему надо следовать, чего избегать, и она предостерегает не после того, как произошло несчастье: "Плохое случилось, впредь берегись", но прежде, чем ты что-то предпринимаешь, она кричит: "Если ты это сделаешь, навлечешь на себя бешестье и смерть".

Итак, сплетем в одну эти три нити, чтобы и природу вела наука, и науку совершенствовало упражнение. Уже на примере прочих живых существ мы замечаем, что каждое из них очень легко учится тому, что более всего свойственно его природе и что прежде всего служит спасению, а оно заключено в способности избегать того, что приносит тяготы и гибель. Это чувство присуще не только живым существам, но и растениям⁴⁶. Так, мы видим, что и деревья там, где дует благоухающий ветер с моря, или там, где дует борей, свои листья и ветви сжимают и раскрываются навстречу более мягкому ветерку. А что более всего свойственно человеку? Жить согласно разуму, откуда он и называется разумным животным и отделяется от лишенных разума. А что для человека самое губительное? Глупость. Стало быть, ни к какой вещи он не будет более восприимчив, чем к добродетели, и никакую вещь не научится легче ненавидеть, чем глупость, если только усердие родителей сразу же заполнит еще девственную природу ребенка. Но мы слышим удивительные сетования толпы на то, до какой степени природа детей склонна к пороку, как трудно увлечь детей любовью к добродетельному. Природу они обвиняют несправедливо. В большей части этого зла виноваты мы, поскольку развращаем умы пороками прежде, чем учим добродетелям. И не удивительно, что находим детей мало восприимчивыми к нравственности, они уже обучены на примерах развращенности. А кто не знает, что раньше надо разучиться, чем научиться, и что первая задача труднее.

Большинство людей, со своей стороны, заблуждается здесь трояким образом, потому что либо вообще пренебрегают обучением детей, либо начинают их обучать в духе философии с запозданием, либо отдают их тем наставникам, у которых они учатся тому, чему нужно будет позже разучиваться. Люди первого типа, как было показано, недостойны имени родителей, они крайне мало отличаются от тех, кто подкидывает новорожденных детей, и по заслугам должны быть наказаны в соответствии с законами, которые тщательно предписы-

вают даже то, с помощью каких методов должны быть обучены дети, затем юноши. Второй тип людей очень широко распространен, и главным образом с ним у меня теперь завязалась битва. Люди третьего типа ошибаются двояко, отчасти по невежеству, отчасти по нерадению. Ведь если необычно и позорно не знать, кому поручаешь заботу о лошади или участке земли, насколько позорнее не знать, кому доверяешь самую ценную часть твоих владений. Там — старание узнать; когда сам мало опытен, советуешься с кем-нибудь из наиболее знающих; здесь, полагаешь ты, не имеет значения, кому поручить сына. Не без разбора выделяешь ты каждому из слуг его обязанности. Подыскиваешь, на кого возложить обработку поля, кого определить к кулинарному делу, кому поручить обязанности эконома. Но если находится кто-то совершенно бесполезный для исполнения любой службы: неповоротливый, ленивый, пошлый, обжора, ему-то и поручается для воспитания мальчик, и дело, требующее наилучшего мастера, поручается последнему из слуг. Если в этом случае люди умом не тронуты, что тогда есть глупость?

Некоторых удерживает от приглашения достойного наставника их скупая душа, и чаще конюха нанимают, нежели воспитателя сыну. А тем временем сами предаются расточительным застольям, ночью и днем играют в кости, вводя себя в убытки, много тратятся на охоту и шутов. Только в том они бережливы и скарены, ради чего можно оправдать бережливость в прочих вещах. О если бы было меньше тех, кто на гнилую развратницу тратит больше, чем на воспитание сына! Никакая вещь не будет отцу стоить меньше, чем сын, говорит Сатирик⁴⁷. Возможно, здесь не будет неуместно вспомнить о поденной плате, которая некогда получила широкую известность от Кратета⁴⁸. Это передается [у него] следующим образом:

Получит драхму врач, но десять мин — повар;
Льстецу талантов — пять, но ничего другу;
Философу — обол, зато талант — девке.

Чего недостает этому несуразному превратному расчету, разве лишь добавить воспитателю детей три унции? Впрочем, думаю, что наставник здесь и обозначен под именем философа. Когда Аристиппа некто богатый деньгами, но бедный умом спросил, какое вознаграждение он требует за воспитание сына и тот потребовал 500 драхм, богач сказал: "Очень много требуешь. За эту сумму можно будет купить раба". Тогда философ весьма остроумно заметил: "Зато теперь вместо одного будешь иметь двух рабов — сына, полезного для услуг, и философа — учителя сына"⁴⁹.

Ну а если кого-нибудь спросить, захотел бы он ценой смерти сына заработать сто лошадей, то он, полагаю, ответит, если имеет крупницу здравого ума, что никогда в жизни. Почему в таком случае цена за лошадь выше, почему о ней усерднее заботятся, чем о сыне? Почему дороже платят за шута, чем за воспитание сына? Пусть где-либо в другом месте проявляется умеренность, здесь [в воспитании детей] быть умеренным означает не бережливость, но безумие. Имеются, с другой стороны, те, кто выбирают детям наставника не без размышления, но уступают в этом просьбам друзей. Проходят мимо подходящего для воспитания детей мастера и приглашают бесполезного лишь потому, что его горячо рекомендовали друзья. Что ты делаешь, безумный? В плавании, например, тебе нет никакого дела до чувств тех, кто рекомендует, но ставишь того к рулю, кто самый опытный в управлении судном; в отношении сына, который не только сам подвергается опасности, но подвергаются опасности отец с матерью, вся семья и даже само государство, ты не руководишься тем же соображением. Больна лошадь, привлекаешь ли ты медика по рекомендации друзей или исходя из того, что он знает толк в лечении? А разве сын для тебя дешевле лошади? Мало того, разве сам ты в собственных глазах дешевле лошади? Если так действовать позорно для граждан среднего состояния, насколько позорнее это для знатных? За один обед они теряют 30 тысяч в игре в кости, как терпящие кораблекрушение, разбиваясь о самый страшный утес, а если на воспитание сына затратят тысячу, называют это расходом.

Никто не может дать природных свойств ни кому-либо другому, ни самому себе, хотя даже здесь родительская забота кое-что значит. Первая забота о том, чтобы муж выбрал себе жену хорошего происхождения и правильно воспитанную, затем, чтоб была доброго телесного здоровья. Ведь поскольку существует теснейшая связь тела и души, одно другому обязательно либо помогает, либо вредит. Во-вторых, чтобы муж при зачатии не был в раздражении и во хмелю. Потому что те состояния души в результате какого-то тайного влияния передаются зародышу. Некий философ, кажется, не без остроумия отметил это, увидев юношу, который вел себя недостаточно воздержано: "Несомненно, — сказал он, — отец зачинал его, будучи пьяным"⁵⁰. Полагаю, что для дела очень важно и то, если у отца и матери в любое время, но особенно в момент зачатия и беременности, душа будет свободной от всякого проступка, а совесть чистой. Поистине ничего не может быть спокойнее, ничего не может быть радостнее такой души. Именно с этого времени подобало начинать воспитание детей, а не с 10 лет или, как многие считают, с 17 лет. В-третьих, чтобы

мать либо сама кормила ребенка грудью, либо в случае необходимости, не позволяющей ей это, была выбрана кормилица, обладающая телесным здоровьем, имеющая чистое молоко, с добрыми нравами, не склонная к пьянству, не сварливая, не распутная, ибо пороки, как телесные, так и душевные, впитанные с колыбели, сохраняются вплоть до взрослого возраста⁵¹. При этом считается также важным, каких молочных братьев, каких товарищей по играм имеет малыш. В четвертых, чтобы ребенка своевременно отдали наставнику, который отобран из многих, одобрен всеобщим свидетельством и проверен многими способами.

Выбор надо тщательно провести единожды. Гомер осуждает πολυκοιρανίην, и согласно древней пословице греков: "Множество императоров потеряли Карию"⁵². Не малому числу лиц принес гибель меняющийся то и дело врач. Нет ничего бесполезнее частой смены наставника. По такому ведь способу ткется и распускается ткань Пенелопы⁵³. А ведь я знал мальчиков, которые до 12 лет общались более чем с 14 наставниками, и это по причине родительского безрассудства. Между тем родительская забота не заставит себя ждать, родители будут наблюдать и за наставником и за сыном и не избавят себя от беспокойства (подобно тому как имеют обыкновение всю заботу о дочери перекладывать на мужа), но отец будет то и дело приходить, чтобы проверить, продвигается ли сын, помня о серьезной, а равно благоразумной древней пословице: "Лоб впереди затылка", и зная, что ничто быстрее не сделает лошадь откормленной, чем глаз хозяина⁵⁴. Говорю о детях, ибо повзрослевших полезно иногда отправлять с глаз долой, каковое дело наподобие прививки обычно сильно укрощает характеры юношей. Среди выдающихся добродетелей Павла Эмилия известно и такое: всякий раз, как позволяли дела государства, он имел обычай присутствовать на школьных упражнениях своих детей⁵⁵, и Плиний Младший не считал в тягость время от времени посещать школу ради сына какого-то друга, обучение которого он взял на себя⁵⁶.

То, что уже было сказано о природе, не является исчерпывающим. Ибо есть природа общая для каждого вида, как, например, природа человека пользоваться разумом. Но есть и особая природа того или иного человека⁵⁷, например, некоторые, можно сказать, рождены для математических наук, другие для теологии, эти — для риторики и поэзии, те — для военного дела. Они с такой силой влекутся к этим занятиям, что их никаким способом невозможно отклонить. Или, напротив, столь пылко ненавидят их, что скорее в огонь пойдут, чем приложат душу к ненавистной дисциплине. Я был близко знаком с одним человеком, прекрасно знающим греческий и латынь и безуко-

ризенно обученным всем свободным дисциплинам, его архиепископ, чья благосклонность обеспечивала ему здесь средства к существованию, заставил в своих письмах слушать профессора права, несмотря на его естественное отвращение. Когда он мне пожаловался на это (а у нас с ним была общая постель), я побуждал этого человека повиноваться своему покровителю, говоря, что то, что вначале было тяжело, будет в дальнейшем легче, и что он посвятит этому занятию, по крайней мере, часть своего времени. Когда он показал мне несколько поразительно невежественных мест из того, чему обучали слушателей те полубоги-профессора, преисполненные авторитета, я посоветовал ему пренебречь этим и взять у них то, чему учили правильно. И так как я измучил его многими доводами, он сказал: "Я в таком состоянии, что всякий раз, как обращаюсь к этим занятиям, кажется, грудь мою пронзает меч". Словом, я не считаю, что детей надо понуждать к занятиям "вопреки Минерве"⁵⁸, чтобы не говорилось по обыкновению: поведем быков в гимназии, заставим осла играть на лире. Возможно, некоторые знаки этой [природной] склонности нетрудно подметить и в маленьких. Некоторые люди имеют обыкновение предсказывать такое на основании гороскопов; как следует оценить их суждение, оставляю каждому на его свободное усмотрение. Однако будет полезно, чтобы мы как можно раньше узнали, что то, к чему создала нас природа, мы воспринимаем очень легко. Не считаю совершенно тщетным заключать о врожденных свойствах на основании внешних очертаний и облика лица и остальных частей тела, во всяком случае столь большой философ, как Аристотель, не отказался издать вполне ученый и тщательно подготовленный том *Περὶ τοῦ φυσιογώμου* — "О физиогномике"⁵⁹. Как успешнее плавание, когда благоприятствуют волны и ветер, так легче обучение тому, к чему нас влечет природная склонность. Вергилий показал признаки, по которым можно определить быка, подходящего для пахоты, или корову, пригодную к увеличению поголовья стада:

Наружность у лучшей коровы
Грозная⁶⁰.

Он учит, по каким признакам узнать жеребенка, полезного в будущем для олимпийских состязаний:

На лугу племенных кровей жеребенок
Шествует выше других и т.д.⁶¹.

Ты ведь вспоминаешь эти стихи? Заблуждаются те, кто думают, что природа не дала человеку никаких признаков, с помощью которых

можно определить природные свойства; право, ошибаются те, кто не наблюдает данные признаки. Хотя едва ли, на мой взгляд, найдется какая-то дисциплина, к которой человеческий ум от рождения не способен, если мы наставим его предписаниями и упражнениями. Поистине, чего не может выучить человек, когда даже слон с помощью обучения становится способным плясать на канате, медведь прыгать, осел быть шутом! Словом, как никто не властен над своей природой, так есть то, в чем мы можем каким-то образом, как мы показали, ей помочь.

Кроме того, наука и упражнение целиком зависят от нашего усердия. О том, сколь сильна наука, свидетельствуют лучше всего механизмы и искусства, с помощью которых, как это мы ежедневно видим, поднимают тяжести, которые вообще нельзя было сдвинуть никакими силами. А сколь важно упражнение, достаточно показывает одно особенно известное изречение древнего мудреца, которое все приписывает старанию и подготовке⁶². И притом наука требует понятливости, упражнение — труда. Но труд, говорят они [оппоненты], не подходит для детского возраста, а понятливость, какая же может быть понятливость в детях, которые навряд ли понимают, что они люди? На то и другое отвечу кратко: как согласуется, что возраст, который уже способен к нравственному воспитанию, считается невосприимчивым к наукам? Но как добродетели имеют свои первоосновы, так имеют свои первоосновы и науки. Философия имеет свое детство, имеет свою молодость, имеет свою зрелость. Жеребенка, который уже в ранний период обнаруживает благородные природные задатки, не сразу взнуздывают, чтобы он нес на спине вооруженного всадника, но с помощью легких упражнений его приучают готовиться к войне⁶³. Бычка, предназначенного для пахоты, не сразу же обременяют настоящим ярмом и побуждают острым стрекалом, но как изящно учил Марон⁶⁴:

Раньше из тонких лозин сплетенный круг им на шею вешай...

Потом, когда их свободная шея привыкнет к рабству, им надевают "хомуты из веревок, попарно соединяют и приучают" ходить одинаковым шагом...

Пусть до срока они лишь порожние тянут повозки
И оставляют следы лишь на самой поверхности пыльной.
Пусть лишь потом заскрипит под грузом тяжелым телега
С буковой осью, таща вдобавок и медное дышло.

Земледельцы научились учитывать возраст быков и соизмеряют их работу с их силой; гораздо тщательнее это надо делать при воспитании детей. Для этого природа в своем провидении⁶⁵ привила маленьким некую особую способность. Признаю, ребенок еще не пригоден к

тому, чтобы читать ему и объяснять трактат Цицерона "Об обязанностях", или "Этику" Аристотеля, или моральные книжки Сенеки, или Плутарха, или Послания ап. Павла, но при всем том, если он делает что-то неподобающее за столом, его наставляют, и, наставленный, он ведет себя по указанному образцу. Его приводят в храм, он учится преклонять колени, складывать ручки, обнажать голову и настраивать весь телесный облик для религии, ему приказывают молчать, когда совершаются таинства, обратить глаза к алтарю. Этим первым основам скромности и благочестия мальчик выучится прежде, чем научиться говорить, и они, укореняясь в старшем возрасте, приносят определенную пользу для истинной религии⁶⁶. Сначала новорожденный не различает между родителями и чужими. В скором времени он учится узнавать мать, потом отца, их же он мало-помалу учится и почитать, учится слушаться их, учится любить. Разучивается гневаться, разучивается мстить, получив приказание поцеловать того, на кого сердился; разучивается несносной болтливости. Учится подниматься навстречу старику, учится обнажать голову перед распятием.

Тем, кто считает, что любые начальные правила добродетели не важны для нравственности, сильно, на мой взгляд, заблуждаются. Некий юноша, которого Платон порицал за то, что тот играл в кости, жаловался, что из-за такого ничтожного порока его столь резко бранили. Тогда Платон сказал, что "играть в кости — небольшой порок, но серьезный порок — приучиться к этому"⁶⁷. Следовательно, как приучиться к малым порокам есть большой порок, так приучиться к крохотному добру есть добро большое. И потом юный возраст приучается к этим вещам тем легче, что по природе своей он податлив к формированию любого облика, что не занят еще никакими пороками, что радуется даже подражанию, если немного им руководить. Это такой возраст, который как сплошь и рядом приучается к порокам прежде, чем поймет, что такое порок, так почти с равной легкостью может приучиться к добродетели. Но наилучшее — постоянно приучаться к наилучшим вещам. Прочтен тот образ, который ты придашь душе девственной и юной. "Гони природу вилами, но она постоянно возвращается", — написал Флакк⁶⁸. И притом очень верно написал, но — написал о взрослом дереве. Поэтому рассудительный земледелец сразу же придает маленькому саженцу тот вид, какой он желает видеть в дереве постоянным. То, что внедряешь с самого начала, сразу же становится природой [естественным качеством]. Слишком влажная глина не сохраняет оттиснутой формы, воск может быть столь мягким, что становится непригодным для лепки. Но едва ли какой-либо возраст является столь юным, чтобы не быть способным к науке.

Никакой возраст, говорит Сенека, не является поздним для обучения⁶⁹; истинно ли это, я не знаю, по крайней мере, возраст постарше для восприятия некоторых вещей не благоприятен. То бесспорно, что никакой возраст не является столь ранним, чтобы не быть способным к обучению, особенно тем вещам, для которых природа и создала человека. Но непосредственно к этому она добавила, как я только что сказал, некую свойственную детству страсть к подражанию, так что все, что дети услышат или увидят, они горячо стремятся воспроизвести и радуются, если чего-то, как им кажется, достигли. Можно сказать, что они словно обезьяны. И именно отсюда наши первые догадки об их уме и понятливости. Итак, человек с рождения сразу же способен к нравственному обучению. Затем, как только он начнет говорить, он становится способным обучаться наукам. К тому, что первенствует, сразу же прибавлена понятливость. Ибо знание, хотя и имеет безграничную пользу, приносит тем не менее больше зла, чем блага, если оно не служит добродетели. Ученые справедливо отбросили мнение тех, кто считал, что детей моложе семи лет не следует приводить учиться⁷⁰. Многие полагали, что этот взгляд принадлежит Гесиоду, хотя Аристофан Грамматик отрицает, что автором *ἠλοθῆκας*, в каковом труде это мнение обнаружено, является Гесиод⁷¹. Должно быть замечательным писателем был тот, кто издал такую книгу, что даже ученым людям показалось, что написал ее родоначальник Гесиод. Но даже если это бесспорно работа Гесиода, никакой авторитет не должен у нас иметь такой силы, чтобы стыдно было следовать лучшему, если кто-то его представит. Однако все, кто держался этого мнения, не считали, что все это время вплоть до семи лет никак не надо заботиться о воспитании, но полагали, что до этого возраста детей не следует мучить трудностями таких занятий, в которых вообще надо переносить некоторые неприятности, например, в заучивании наизусть, в рассказывании и в письме. Ведь едва ли можно найти какой-нибудь столь восприимчивый, столь гибкий и подвижный ум, который приучается к этим вещам без стимулов. Хрисипп⁷² выделял кормилицам три года не для того, чтобы они в течение этого времени освобождались от воспитания, особенно нравов и языка, но чтобы кормилицы либо родители, нравы которых бесспорно очень важны для воспитания детей, подготовили ребенка с помощью более ласковых приемов к добродетели и наукам.

А поскольку первое обучение детей состоит в том, чтобы они научились ясно и правильно говорить, то здесь когда-то кормилицы и родители оказывали немалую помощь. Это начало очень важно не только для красноречия, но также для способности суждения и для знания

всех дисциплин. Ибо в результате невежества в языке были преданы забвению или извращены все науки. Иногда восхищались красноречием Гракхов, но сколь обязаны они, по мнению М. Туллия, в его доброй части матери Корнелии⁷³: "С несомненностью видим — что ее сыновья были вскормлены не столько ее молоком, сколько ее речью". Материнское попечение было, таким образом, для них первой школой. И даже Лелия своим слогом напоминала изящество речи отца Кая⁷⁴. Что удивительного? Еще необученная, на руках у отца она насыщалась его речью. То же случилось с двумя сестрами Муцией и Лицинией⁷⁵, внучками Кая. Лично же хвалят изящество в речи у Лицинии, которая была дочерью Л. Красса⁷⁶, супругой кого-то из Сципионов, если не ошибаюсь. Надо ли говорить более? Вся семья и весь род вплоть до внуков и правнуков часто напоминали о предках изяществом речи. Дочь Кв. Гортензия⁷⁷ так воспроизводила отцовское красноречие, что некогда даже существовала ее речь, произнесенная перед триумвирами, составившая честь, по словам Фабия, не только женскому полу. Но для правильной речи немалое значение имеют и кормилицы, и педагоги, и товарищи по детским играм. Что же касается языков, то у этого возраста такая к ним восприимчивость, что в течение немногих месяцев молодой немец, и притом необразованный и занятый другими делами, обучается французскому, и никогда это дело не удастся успешнее, чем в наиболее ранние годы. Если такое происходит с языком варварским и не подчиняющимся правилам, в котором слова пишутся иначе, нежели звучат, и которому присущи шипящие звуки и произношение едва ли человеческое, насколько это будет легче с греческим или латинским языком? Известно, что царь Митридат знал 22 языка настолько, что каждый из своих народов судил без переводчика на его родном языке⁷⁸. Фемистокл в течение года выучил персидский язык, с помощью которого мог удобнее говорить с царем⁷⁹. Если это осуществляет человек в зрелом возрасте, почему нельзя надеяться на ребенка?

А все это дело [изучение языка] состоит главным образом из двух вещей — памяти и подражания. Что в детях есть некоторое стремление к подражанию, мы уже перед этим показали; в свою очередь, память, и притом очень цепкую, приписывают детскому возрасту учнейшие мужи. А если мы не доверяем их авторитету, то нам вполне внушает доверие опыт в делах. То, что мы видим детьми, так прочно укореняется в душе, словно мы видели это вчера. А то, что сегодня читаем стариками, если снова через два дня прочитаем, покажется нам новым. Кроме того, знаем ли мы кого-нибудь, кому удалось пре-

успеть в знании языков в зрелом возрасте? А если кто преуспел в знании, то ударение и немецкое произношение не удастся никому или удастся очень немногим. И эти редчайшие примеры не следует, конечно, называть в качестве общего правила. И потому мы не должны побуждать детей к изучению языков после 16 лет на том основании, что Катон Старший поздно выучил латинский язык, а греческий по достижении 70 лет⁸⁰. С другой стороны, известный Катон Утический, гораздо учнее, а равно и красноречивее предыдущего, мальчиком был неразлучно связан с педагогом Сарпедоном⁸¹.

И потом здесь надо быть тем более внимательным, что возраст тот, поскольку влечется он скорее природным чувством, чем размышлением, с равной легкостью впитывает дурное и правильное, и первое, может быть, с большей. И правильное забываем мы даже легче, чем разучиваемся дурному. Это подметили с удивлением языческие философы и не могли отыскать причину этого, ее нам показала христианская философия, которая учит, что эта склонность к дурному коренится в нас от зачинателя рода человеческого Адама⁸². Утверждение, которое не может быть ложным, как в высшей степени истинно и то, что большая часть этого зла проистекает из мерзкого образа жизни и дурного воспитания, особенно в юном и ко всему податливом возрасте⁸³. Из литературы известно, что Александр Великий мальчиком впитал от педагога Леонида некоторые пороки⁸⁴, которые не оставили его ни в зрелом возрасте, ни даже вознесенного к власти. Поэтому, пока у римлян процветала древняя чистота нравов, детей, по свидетельству Плутарха⁸⁵, не вверяли нанятому за плату воспитателю, но воспитывали сами родители и родственники, к примеру, дядя по отцу, дядя по матери, деды. Ибо род считался славным, если в нем было как можно больше людей, выделявшихся свободным образованием, в то время как сегодня почти все благородство заключается в родословных древах, исполненных в живописи и скульптуре, в танцах, охоте и азартной игре. Сообщают, что самым первым открыл начальную школу Сп. Карбилий, либертин, чей господин Карбилий дал первым пример развода⁸⁶.

Прежде главной обязанностью любви считалось, если каждыйставлял своих сородичей в добродетели и знании. Теперь только об одном забота — как бы мальчику подыскать жену с хорошим приданым. Выполнив это, родители думают, что ничего уже не должны любви. Но так как дела человеческие имеют склонность к худшему⁸⁷, любовь к наслаждениям побудила вручить этот долг [воспитания] домашнему педагогу, и так свободный передавался для обучения рабу.

Если того отбирали именно для такого дела, это было менее опасно, поскольку воспитатель был не только на глазах родителей, но находился в их власти в случае, если совершал какой-то проступок. Самые рассудительные или покупали образованных рабов, или заботились об их обучении наукам, чтобы возложить на них воспитание своих детей с самого детства. Но насколько было бы обдуманнее, если бы сами родители изучили в такой степени грамоту, чтобы обучать своих детей. От этого была бы двоякая польза, точно так же, как вдвойне полезно, если епископ показывает себя благочестивым мужем, дабы как можно больше людей воспламенять стремлением к благочестию⁸⁸.

Не у всех есть время, скажешь ты, да и стыдно такого труда. Но давай, славный муж, посчитаем с тобой, сколько времени теряется на игру в кости, на попойки, зрелища и шутов, и, думаю, будет стыдно, что приводят в оправдание нехватку свободного времени для такого дела, которое надо делать, оставив все прочее. Для всех занятий времени достаточно, если расходуется оно, как подобает, — по-хозяйски. Право же, краток тот день для нас, большую часть которого мы теряем. Взвесь мысленно уже то, как много времени мы отдаем ничтожным подчас делам друзей. Если невозможно для нас угодить всем, то детям, конечно, причитается первое место. Но разве избегаем мы каких-то трудностей, чтобы оставить детям значительное наследство и прекрасное устойчивое положение, а чтобы приобрести для них то, что более превосходно по сравнению со всем этим, неужели стыдно претерпеть трудности, особенно когда чувство естественной любви и благополучие тех, кто нам дороже всего, смягчит всякую тяжесть? Если бы было по-другому, разве выносили бы когда-нибудь матери столь долгие неприятности, связанные с вынашиванием и кормлением детей? Тот, кому стыдно обучать сына, слабо любит сына. Но условия обучения у древних были легче по той причине, что сведущие в науках и необразованная масса говорили на одном и том же языке⁸⁹, с той лишь разницей, что образованные говорили правильнее, изящнее, разумнее и красноречивее. Допускаю, какая большая выгода была бы для образования, если то же самое оставалось бы и сегодня. Не было недостатка в тех, кто пытался возвратиться к примеру древних, например у голландцев Кантерии⁹⁰, у испанцев королева Елизавета⁹¹, жена Фердинанда, из чьей семьи вышли многие женщины, достойные удивления своей эрудицией, равно и благочестием. У англичан — славнейший муж Томас Мор⁹², кому, хотя он и очень занят делами королевства, не стыдно быть наставником жене, дочерям и сыну, во-первых, ради благочестия, во-вторых, ради знания ими латинской и

греческой литературы. Об этом, во всяком случае, следовало позаботиться в отношении тех, кого мы предназначили к обучению. Не страшно, что они не знают народного языка, его они волей-неволей выучат в общении с людьми. А если нет никого в доме, кто был бы образован⁹³, то сразу надо пригласить знающего человека, но проверенного в отношении нравов, равно и образованности. Глупо на своем сыне, словно на карийце⁹⁴, испытывать, образован, добродетелен ли муж, которого ты пригласил. Да будет милость к беспечному в других делах, здесь тебе надлежит быть Аргусом⁹⁵ и бодрствовать всеми глазами. В войне, говорят, нельзя ошибаться дважды, здесь недозволено ошибаться даже единожды. В свою очередь, чем раньше мальчик передается воспитателю, тем успешнее станет воспитание.

Знаю, что некоторые приводят в оправдание боязнь, как бы трудности ученья не ослабили здоровья нежного организма ребенка. На это я мог бы ответить так: даже если что-то из крепости тела убудет, этот ущерб отлично вознаградят исключительные блага души. Ведь мы не атлета формируем, а философа или руководителя государства, которому достаточно иметь благополучное здоровье, даже если он не обладает телесной силой, крепостью Милона⁹⁶. Однако я признаю, что кое-что надо позволять этому возрасту, чтобы он становился крепче; но некоторые по глупости боятся наук для своих детей и не боятся опасности гораздо более серьезной — от неумеренной еды, от которой не менее вреда для умов маленьких, чем для тел, от разных видов яств и питья, не подходящих возрасту детей. Приводят своих детей на разные обильные застолья, иной раз затягивающиеся на большую часть ночи, переполняют их желудки острым и горячим, порой вплоть до рвоты. Стягивают и обременяют нежные тельца ради хвастовства неудобными одеждами, подобно тем, кто обезьян наряжает в человеческие одежды, и никогда не тревожатся с большей нежностью об их здоровье, чем когда начинают говорить об обучении, то есть о деле, наиболее целительном из всех и наиболее необходимым.

То, что было сказано о здоровье, равным образом относится и к заботе о красоте, которой всецело пренебрегать не нужно, равно как и слишком тщательно заботиться мало достойно мужа. А мы ниоткуда, кроме как от занятий, не видим с большей тревогой опасностей для здоровья, хотя оно гораздо больше разрушается от обжорства, пьянства, от постоянных бессонных ночей, от драки и ран, наконец, от злокачественной чесотки, которой едва ли избегает любой юноша, живущий, не зная меры. От этих вещей надо скорее удерживать своих детей, чем от занятий, которых родители так сильно опасаются для их

здоровья и красоты. Хотя [и в отношении занятий] мы можем также предусмотрительно позаботиться о том, чтобы как можно меньше труда было в них и соответственно меньше расходов. Это произойдет, если детям не вдалбливать многие и какие угодно знания, но давать только наилучшие и соответствующие их возрасту, который увлекают скорее приятные вещи, нежели утонченные. Затем будет полезен как бы привлекательный способ обучения, чтобы казался игрой, а не трудом. Ведь здесь надо как бы приманками обмануть тот возраст, который еще не может понять, сколько пользы, сколько достоинства, сколько наслаждения принесет образование в будущем. К этому приведет отчасти мягкость и обходительность воспитателя, отчасти его талант и изобретательность, благодаря которой он придумывает различные хитрости, чтобы сделать обучение приятным и избавить от ощущения труда. Ничего ведь нет бесполезнее такого положения, когда характер наставника вызывает у детей ненависть к занятиям прежде, чем дети понимают, почему их нужно любить. Первая ступень ученья — любовь к наставнику. С течением времени случится, что мальчик, который сначала начинал любить науки из-за учителя, любит затем учителя из-за наук. Действительно, как очень привлекательны многие задания даже потому, что идут от тех, которых мы чрезвычайно любим, так и науки — для тех, кому они еще не могут нравиться из-за их способности размышлять, они все же становятся привлекательными из-за любви к учителю. Очень верно сказал Исократ, что тот многому научится, кто жаждет до знания⁹⁷. Но мы охотно учимся у тех, кого любим. Существуют, однако, некоторые люди столь неприятного нрава, что их не могут любить даже их собственные жены; с насупленным лицом, отталкивающим обхождением они кажутся разгневанными даже тогда, когда благосклонны, ничего не могут сказать ласково, с трудом отвечают на улыбку других, поистине можно сказать, что рождены они разгневанными Грациями⁹⁸. Они, на мой взгляд, едва ли подходят для того, чтобы им поручить обучение неукротенных лошадей, не говоря уж о том, чтобы передавать им для воспитания слабый и почти грудной возраст. Некоторые, напротив, считают, что именно таких людей более всего и следует приглашать для воспитания детей раннего возраста, потому что их суровый вид, полагают они, отмечен святостью. Но не всякой внешности верят, и под той суровой личиной часто скрыты развращеннейшие нравы, и среди людей целомудренных не следует рассказывать, до какого позора доходят иной раз те палачи, злоупотребляя страхом детей. Даже родители не могут правильно воспитывать детей, если внушают им такой страх. Первая забота учителя — чтобы его любили, мало-

помалу за этим последует не страх, но некое достойное свободного человека уважение, которое важнее страха.

Сколь превосходным оказывается в таком случае результат предусмотрительности в отношении детей, которых, едва они достигнут четырехлетнего возраста, отдают в начальную школу, где восседает наставник несведущий, необразованный, а также с невоздержным характером, иногда даже поврежденный умом, часто лунатик или эпилептик либо больной кожной болезнью, которую теперь в народе называют французской чесоткой⁹⁹. Поистине, никого мы не видим сегодня столь низкого, столь бесполезного, столь ничтожного, чтобы народ не счел его способным руководить начальной школой. И притом также педагоги, полагая, что обрели себе царство, поразительно как неистовствуют, оттого что полную власть имеют, как говорит Комик, не над дикими зверями, а над тем возрастом, который надлежало со всей нежностью лелеять. Можно сказать, что это не школа, а место для пыток: кроме хлопанья плеток, кроме свиста розг, кроме воплей и всхлипываний, кроме страшных угроз, ничего там не слышно. Чему иному выучатся там дети, разве лишь ненавидеть науки? Как только эта ненависть однажды поселяется в душах детей, то, даже став старше, они ненавидят занятия.

Гораздо хуже еще то, что некоторые своих детей, чтобы те научились читать и писать, посылают к пьющей бабенке. Природе противоречит, чтобы женщина имела власть над мужчинами; кроме того, нет ничего безжалостнее представительницы этого пола, если какой-то гнев возбудит ее душу, а распалется она очень легко, успокаивается же с трудом, только удовлетворившись наказанием. Уже и монастыри и коллегии братьев (как они себя именуют¹⁰⁰) домогаются дохода от этого [обучения] и в своих обителях наставляют юный возраст обычно с помощью людей мало обученных и скорее обученных превратно, даже если мы и признаем, что живут они в целомудрии и созерцании. Этот род воспитания иные повсюду одобряют, последовав же моему совету, всякий, кто желает, чтобы сын его был свободно образован, не делает этого.

Нужно, чтобы школа была общественная¹⁰¹ или пусть не будет никакой. А то, что повсюду делается, преследует именно выгоду. Ведь для одного учителя легче держать в страхе многих, чем одному наставлять одного ученика согласно свободному методу. Однако не велика задача — повелевать ослами и волами, наставлять детей по свободному методу — задача труднейшая и превосходнейшая. Тирану свойственно угнетать граждан страхом, а держать в повиновении благоволением, умеренностью, благоразумием — царю присуще. Когда

Диоген¹⁰², плененный жителями Эгиния, был выведен на продажу как раб, глашатай спросил человека, с каким объявлением его рекомендовать покупателям. "Спроси, — говорит тот, — не желает ли кто купить человека, который умеет повелевать свободными". Над этим необычным объявлением многие смеялись. Некий человек, у которого в доме были маленькие дети, подошел к философу, спросив, действительно ли он умеет то, о чем объявляли. Он сказал, что умеет. В краткой беседе человек почувствовал, что это не какой-то простолюдин, но что под грязным плащом скрыта замечательная мудрость. Купив его, он привел его в свой дом и поручил ему воспитание своих детей.

Согласно шотландцам, никого нет драчливее галльских грамматиков. Те, когда их увещевают, обычно отвечают, что эта нация исправляется только побоями, как сказано о Фригии. Пусть другие смотрят, истинно ли это, я же допускаю, что между нациями есть какие-то различия, но гораздо больше различий в свойствах отдельных натур. Некоторых можно быстрее убить, нежели исправить побоями, но их же благоволением и ласковыми увещеваниями можно вести, куда ни пожелаешь. Признаюсь, что я был мальчиком такого склада характера, и когда наставник, который любил меня больше, чем других, так как говорил, что возлагает на меня, не знаю уж какую, большую надежду, больше присматривал за мной и захотел наконец испытать, сколь терпелив я был к розгам, обвинил меня в проступке, который мне и не снился, и высек, то эта вещь убила во мне всю любовь к занятиям и до такой степени повергла ниц детскую душу, что малого недоставало, чтобы я не зачах от страдания; несомненно, то горе вылилось в четырехдневную перемежавшуюся лихорадку¹⁰³. Когда он наконец понял свою ошибку, то горевал, говоря друзьям: "Этот ум я потерял чуть ли не раньше, чем узнал". Был же он человек не глупый, не невежественный и, как я полагаю, не злой. Он раскаялся, но для меня это было слишком поздно. Так вот, заключи отсюда, славный муж, сколь много богатейших умов теряют те палачи — не ученые, но преисполненные убежденности в своей учености, раздражительные, склонные к пьянству, свирепые и секущие даже ради развлечения, с характером, бесспорно, столь злобным, что из чужого мучения получают наслаждение. Этому сорту людей подобало быть мясниками или палачами, а не воспитателями детей.

Но никто не истязает детей более жестоко, чем те, кто ничего не предпринимает, чтобы их обучить. Что делают они в школах, если не проводят день в побоях и брани? Я знал, притом близко, одного широко известного теолога, душу которого не удовлетворяла никакая жестокость в отношении детей, хотя у него были магистры отменно

драчливые. Он считал, что жестокость чрезвычайно важна и для обуздания умов, и для укрощения распущенности, свойственной этому возрасту. Он никогда не проводил трапезы в своей школе, не завершив ее так, как оканчивались комедии — неожиданным веселым событием: итак, после окончания обеда тащили того или иного мальчика для наказания его розгами, а иногда он свирепствовал и в отношении невинных, разумеется, для того, чтобы они привыкали к побоям. Однажды я сам непосредственно присутствовал, когда он, по обыкновению, вызвал мальчика, думаю, лет 10 от роду с трапезы. А тот только прибыл от матери в его школу совсем недавно. Он сказал мне заранее, что мать у него весьма благочестивая женщина, что она доверила ему мальчика для обучения; затем, чтобы иметь повод для порки, он начал обвинять его невесть в каком высокомерии, хотя мальчик менее всего его проявлял, и кивнул тому, кому поручил должность надзирателя коллегии (у того недаром было прозвище Пособник), чтобы он сек; тот, немедленно повалив мальчика, так высек его, словно он совершил святотатство. Теолог прерывал его раз-другой, говоря: "достаточно, достаточно". Но палач, глухой от пыла истязания, закончил его, доведя мальчика чуть ли не до обморока. Затем теолог, обратившись к нам, говорит: "Он не заслужил этого наказания, но его надо было смирить — *sed erat humiliandus*" (именно этими словами он воспользовался). Кто обучил когда-нибудь невольника или даже осла его способом? Благородную лошадь лучше укрощать щелкающим звуком и поглаживанием, чем кнутом и шпорами. Если с ней будешь обращаться более жестоко, она становится упрямой, лягается, кусается, движется вспять. Вол, если сильно погонишь его стрелалом, сбросит ярмо и нападет на погонщика. С благородной натурой так следует обращаться, как обращаются с детенышем льва. Слонов укрощает только одно искусство, а не насилие, нет никакого животного столь дикого, которое не становилось бы послушным от мягкого обращения, нет никакого столь кроткого, которое не ожесточилось бы от непомерной свирепости. Исправляться под страхом наказания — рабское свойство, но общественный обычай называет сыновей свободными, так как им подобает свободное воспитание, очень несхожее с рабским; хотя люди рассудительные ведут себя скорее так, чтобы и рабы в результате мягкого обращения и благодеяний сняли с себя одежду невольника, помня, что и они люди, а не животные¹⁰⁴.

Приходят на память достойные восхищения примеры отношения к господам рабов, которых, если бы их только подвергали побоям, верно, господа и не доискались бы. Раб, если он исправим, лучше исправляется увещеваниями, взыванием к совести, мягким обхождени-

ем, нежели побоями; если он неисправим, то ожесточается до наивысшего коварства и, совершая побег, обкрадывает хозяина либо замышляет с помощью какой-нибудь хитрости его убийство. Иногда ценой своей жизни мстит за жестокость господина. Ибо нет никакого животного страшнее, чем человек, которого жестокая несправедливость научила презирать собственное спасение. Посему, если правда то, что говорится в пословице: каждый имеет столько врагов, сколько у него рабов, то это, на мой взгляд, должно быть поставлено в счет главным образом несправедливости господ. Ведь повелевать рабами — свойство искусства, не судьбы. И если более рассудительные хозяева стараются так обращаться с рабами, чтобы те служили, как подобает свободному человеку, и если они предпочли бы иметь вместо рабов вольноотпущенников, то сколь абсурдно делать рабами в результате воспитания свободных по природе? И не без основания известный из комедии старик считает, что существует большая разница между отцом и господином. Господин лишь вынуждает, отец обращением к совести сына и добротой приучает его к тому, чтобы он скорее поступал правильно по собственной воле, чем из чувства страха, перед чужой, чтобы он был всегда одинаковым — и когда он на глазах, и когда отсутствует; кто не может этого, говорит он, тот признается, что не может управлять детьми¹⁰⁵. Но между отцом и господином должно быть несколько больше различия, чем между царем и тираном. Тирана мы изгоняем из государства, а для сыновей или привлекаем в учителя тиранов, или сами в отношении их проявляем тираническую власть. Впрочем, это низкое имя рабства в целом надлежит устранить из жизни христиан. Блаженный Павел передал Филимону Онезия уже не как раба, но как возлюбленного брата вместо раба¹⁰⁶. И когда он пишет к ефесянам, то убеждает господ оставить суровость и побои в отношении рабов, помня, что они скорее соневольники, так как и те и другие имеют общего Господа на небесах, который покарает господ, если в чем-то согрешат, не менее, чем рабов¹⁰⁷. Апостол не желает, чтобы господа угрожали, не говоря уж о том, чтобы они были драчливыми, ведь он не говорит "оставляющие плети", но "оставляющие угрозы". А мы хотим для наших детей только одного — битья, что едва ли даже командиры трирем или пираты делают в отношении гребцов. А что предписывает тот же апостол в отношении детей? Он так далек от желания, чтобы их били как рабов, что приказывает удалить из увещаний и порицаний жестокость и раздражение: "И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем"¹⁰⁸. А каково учение Господне, легко увидит тот, кто

рассмотрит, с какой кротостью, мягкостью, любовью Господь Иисус прощещал, воспитывал, лелеял и постепенно возвышал своих учеников.

Человеческие законы ослабляют власть отца, и они же позволяют даже рабам жаловаться на хозяев из-за плохого обращения: но откуда среди христиан такая жестокость? Когда-то некий Ауксон, римский всадник, неумеренно наказывая своего сына розгами, убил его¹⁰⁹. Это возмутительное обращение до такой степени взволновало народ, что, притащив человека на форум, родители и дети, без всякого уважения к всадническому достоинству, искололи его стилями, Октавиан Август с трудом спас его. А сколь многих ауксонов мы видим сегодня, которые вредят здоровью детей свирепыми побоями, делают их слепыми, увечат, а нередко и убивают. Свирепость некоторых не довольствуется розгами, отбросив розги, они бьют руками, наносят детям удары кулаками. Хватают все, что случайно подвернется, и ударяют. Акты юристов свидетельствуют, что некий сапожник, нанося ученику удары деревянной колодкой башмаков по затылку, выбил один глаз и за это понес наказание по закону¹¹⁰. Что сказать о тех, кто добавляет к мучениям гнусное унижение?

Я никогда не поверил бы, если бы не знал близко и мальчика, и виновника жестокости. С мальчиком, едва достигшим 12 лет, чьи честнейшие родители оказали большие услуги учителю, обращались столь чудовищным образом, что едва ли мог быть жесточе какой-нибудь Мезенций или Фаларид¹¹¹. В рот мальчугана напихали так много человеческих испражнений, что он не смог выплюнуть и вынужден был большую часть проглотить. (Какой тиран применял когда-либо такой вид унижения?) *πασσαίμενος ἐλίτασσε* — гласит греческая пословица: "После таких яств исполняется команда". Мальчик с помощью веревок, продетых под плечи, подвешивается обнаженным, чтобы нагляднее представить наказание за воровство, гнуснее которого нет ничего у немцев. Затем со всех сторон на подвешенного обрушиваются неистово с розгами, забивая чуть ли не до смерти. Ведь чем больше мальчик отпирался в совершении проступка, тем более усердствовал палач. Добавь еще [к этой картине] самого мучителя, чуть ли не более ужасного, чем наказание: змеиные глаза, сухие сжатые губы, резкий голос как голос призрака; бледно-желтое лицо, кружение в голове, угрозы и поношения, которые он блестяще громоздил на мальчика — какая-нибудь Тезифона¹¹², сказал бы ты. Какие были последствия? От этого наказания мальчик скоро получил болезнь, очень опасную для рассудка и жизни. Тогда палач спешит пожаловаться, пишет отцу, чтобы тот забрал как можно раньше своего сына, что он напрасно ис-

пользовал все лекарства для безнадежно больного мальчика. Когда телесную болезнь с помощью лекарств кое-как изгнали, душа мальчика оставалась еще такой потрясенной, что мы боялись, обретет ли он когда-нибудь прежнюю силу духа. И это был не единственный случай жестокости, все время пока жил у него мальчуган, ни одного дня не проходило, чтобы его жестоко не высекли раз-другой. Знаю, читатель, что ты уже давно подозреваешь, что тот, к кому применили столь ужасное средство, сильно провинился. Короче говоря, нашли запачканные чернилами книги, разодранные одежды и замаранные человеческими экскрементами сапоги того ученика, которого секли, и двух других. Развлекавшийся этой забавой мальчик был рожден для всяческого злодеяния, после других его проступков поверили и в предыдущие, это был племянник сестры безумного учителя; уже тогда пытаюсь делать то, что обычно делали воины на войне или занимаясь грабежом, он у одного чужеземца, вынув пробку из бочки, позволил вину вытечь на землю, а потом, словно услужливый человек, предупредил, что почувствовал запах вина; с другим мальчиком, своим приятелем, он каждый день дрался на шпагах, так что уже можно было в нем распознать будущего разбойника или убийцу или, что очень схоже с ними, будущего наемника¹¹³. Хотя тот наставник благоволил к нему, однако, опасаясь, как бы мальчики не пронзили друг друга [шпагами], он удалил родственника. Ведь за другого мальчика он получал изрядную сумму, был же он, наставник, из числа тех евангелистов, для которых нет ничего сластнее денег. Родитель, наилучший муж, был убежден, что мальчик находится у благочестивого и бдительного друга, в то время как жил он у лицемера-палача и был слугой и помощником полубезумному и постоянно больному человеку. Итак, поскольку учитель был благосклоннее к родственнику, а равно к другому ученику, откуда получал богатый урожай, то свое подозрение он направил на невинного, которому приписал столь огромное коварство: будто он, чтобы избежать подозрения, разорвал и запачкал и свою одежду. Но мальчик, рожденный от наилучших родителей, никогда не показывал признаков столь извращенного нрава, и сегодня нет ничего более чуждого его нравам, чем любое коварство; свободный теперь от всякого страха, он рассказывает по порядку обо всей истории, как она происходила.

Таким педагогам честные граждане отдают своих детей, дороже которых у них ничего нет, такие педагоги жалуются, что не воздается им за труды достойное вознаграждение! Палач отдавал отчет в своей ошибке, но предпочитал упорствовать в своем безумии, нежели осоз-

нать свою вину; и против людей такого рода не дано право возбудить судебное дело за плохое обращение, и против столь страшной жестокости суровые законы не имеют силы. Ни у кого гнев неукротим более, чем у тех, кто страдает эпилепсией. Сколь много вещей, недостойных [даже] ни фригийцев, ни скифов, вкралось в жизнь христиан; из них укажу на одну, не вполне чуждую этой теме. Тех, кто приходит впервые в публичную школу, понуждают снять кожу новичка (*beanum exuere*) — варварскому делу равно и слово найдено варварское¹¹⁴. Юношу благородного происхождения послали обучаться свободным наукам. Но с помощью столь недостойных свободного существа унижений он посвящается! Сначала ему мочат подбородок, как бы намереваясь сбрить бороду, для этого применяют мочу или кое-что гаже мочи. Эту жидкость насильно вливают в рот и выплюнуть ее нельзя. Жестокими ударами сбивают, разумеется, рога; иногда новичков заставляют выпить много уксуса или съесть соли либо чего-то другого, что придет в голову необузданно дерзким юношам. Ведь затеявшие игру требуют от новичка дать клятву, что он будет повиноваться всем их приказаниям. Наконец, они подбрасывают его вверх и его спиной как тараном бьют в дверь, сколько им хочется. Эти столь грубые унижения вызывают иной раз лихорадку или неизлечимую боль в спине. Пошлая игра заканчивается наверняка пьяной пирушкой.

С такого введения начинается изучение свободных искусств. Но с таких знамений подобало начинать палачу, мучителю или совратителю либо продажной души карийцу или галернику, а не мальчику, посвященному музам и грациям. Удивительно видеть, что так безумствуют юноши, предающиеся свободным наукам, но еще удивительнее, что это одобряют наставники юношества. В оправдание столь мерзкого безобразия ссылаются на обычай, словно обычай делать дурное не есть всего лишь застарелое заблуждение, которое надо выкорчевывать с тем большим усердием, что оно уже незаметно прокралось ко многим. Так, даже у теологов продолжает существовать обычай *vesperarium* — поистине нелепую вещь обозначают нелепым словом¹¹⁵, достойный скорее шутов, чем теологов. Но у тех, кто своим занятием делает свободные искусства, и шутки должны быть благородные.

Однако вернусь к детям, для которых нет ничего вреднее постоянных побоев; их непомерность приводит к тому, что ребенок, более способный от природы, становится упрямым, а более заурядный впадает в отчаяние, от частого повторения побоев тело становится к ним нечувствительным, а душа становится нечувствительной к словам. Мало того, и порицание слишком суровое к детям не следует приме-

нять часто. Лекарство, неправильно употребляемое, усиливает болезнь, вместо того чтобы ее облегчить, употребляемое постоянно, мало-помалу теряет целебное свойство и действует так же, как действует обычно неприятная и мало полезная для здоровья пища. Здесь перед нами возопят оракулы евреев: "Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его"¹¹⁶. И снова: "Нагибай шею его в юности и сокрушай ребра его, доколе оно (дитя) молодо..."¹¹⁷ Возможно, подобное наказание некогда подходило иудеям. Сегодня слова евреев надлежит толковать способом, более достойным гражданина¹¹⁸. А если кто будет донимать нас словами и восклицаниями, скажу: что нелепее, чем нагибать шею мальчика и бить тело ребенка, неужели ты не веришь, что бык предназначен для плуга, осел для перевозки грузов, а человек для добродетели? Какая же награда нам обещана? "Чтобы не льстил у дверей ближних", — говорят. Боятся бедности для сына своего как наивысшего зла. Что ничтожнее этого суждения? Пусть будет нашей розгой благородное увещание, иногда и порицание, но основанное на мягкости, а не приправленное раздражением. С помощью этой плетки будем усердствовать в отношении своих детей, дабы правильно воспитанные в своем доме обрели науку добродетельной жизни и не были вынуждены при ведении дел нищенски выпрашивать совета у близких. Философ Ликон указывает на два самых сильных стимула для нравов детей — стыд и похвалу¹¹⁹; стыд — это страх перед справедливым позором, похвала же — кормилица всех искусств. Этими стимулами возбудим умы детей. А теперь, если угодно, покажу тебе и палку, чтобы сокрушать ребра своих детей. "Труд неустанный все побеждает"¹²⁰, — говорит наилучший из поэтов; будем на страже, подтолкнем, настоим, требуя, повторяя, внушая. Этой палкой будем бить бока своих детей. Пусть прежде всего они научатся любить нравственность и знания и восхищаться ими, а позор и невежество ненавидеть. Пусть слышат, как одних хвалят за честные поступки, других порицают за дурные, пусть им показывают примеры тех, кто своей образованностью стяжал высочайшую славу, богатство, достоинство и авторитет, и, с другой стороны, примеры тех, чьи бесчестные нравы и никакими науками не облагороженный ум, принесли бесславие, презрение, бедность и гибель. Такие палки, без сомнения, достойны христиан, учеников кротчайшего Иисуса.

Если же ничто не помогает — ни увещания, ни просьбы, ни соревнование, ни стыд, ни похвалы, ни прочие уловки, надлежит использовать, раз другого выхода нет, также и наказание розгами, но в достойном и приличном духе. Ведь обнажать тело свободнорожден-

ного человека, тем более перед глазами многих, есть разновидность оскорбления. Фабий, однако, осуждает принятый повсюду обычай бить свободнорожденных мальчиков¹²¹. Кто-нибудь скажет: а что делать с теми, кого невозможно побудить к занятиям, кроме как битьем? Ответу сразу же: что сделал бы ты с ослами и быками, если бы они пришли в школу? Разве ты не прогнал бы их в деревню и не отдал одних на мельницу, других на пашню? Есть также и люди, рожденные не менее, чем быки, ходить за плугом и работать на мельнице. Но тогда скажут, уменьшится школа [число учеников]. Что же из этого? Одновременно и доход уменьшится. Вот что угнетает! Так вот откуда эти слезы¹²². Им дороже выгода, чем благополучие мальчиков. Но такова почти всегда толпа грамматиков.

Подобно тому как философы так описывают мудреца, а риторы оратора, что едва ли найдешь где-нибудь такого, какого желаешь, так, признаюсь, и я гораздо более склонен предписать, каким следует быть наставнику, чем найти среди них многих таких, которые отвечают установленному образцу. Но об этом надлежало заботиться в обществе светским магистратам и церковным главам: чтобы, как обучаются те, кто посвятит себя войне, и те, кто будет петь в храмах, так гораздо лучше обучались те, кто правильно и в свободном духе будет воспитывать детей граждан. Веспасиан из своей казны давал ежегодное содержание латинским и греческим риторам¹²³. Плиний Младший также выдал из личных средств на те же потребности огромную сумму¹²⁴. А ежели прекращается общественное попечение об образовании, то, по крайней мере, каждый должен неусыпно заботиться об этом у себя дома. Что делать, спросишь ты, беднякам, которые с трудом кормят своих детей, так что они не в состоянии пригласить такого воспитателя? Здесь мне нечего ответить, кроме как словами комедии: "Как можетя, когда нельзя, как хочется"¹²⁵. Мы сообщаем наилучший метод воспитания, удачи дать не можем. Разве лишь и здесь благосклонность богатых должна помочь детям, обладающим хорошими задатками от рождения, но не способным совершенствовать природные силы из-за бедного состояния.

Полагаю, что обхождение наставника должно быть до такой степени уравновешенным, чтобы пренебрежение — спутник дружелюбия, не устранило почтительности и уважения; таким, говорят, был Сарпедон, учитель Катона Утического, который учтивостью нравов снискал себе у мальчика признательность, честностью — равный авторитет, без всякого устрашения розгой¹²⁶. Но что будут делать те, кто ничего иного, кроме битья, не знает, если возьмут на воспитание детей импе-

ратора или короля, которых бить нельзя? Скажут, что сыновей полубогов следует исключить из этого правила? Что я слышу? Разве сыновья граждан менее люди, чем сыновья королей? Разве каждому свой сын не должен быть равно дорог, как если бы он был рожден королем? При судьбе более ничтожной возрастает надобность в защите воспитанием и науками, с помощью которых люди низкой судьбы поднимутся из низкого состояния. Если судьба возвышенна, философия необходима для честного исполнения дела. Что же касается того, что немало людей из низкого состояния призываются к верховной власти, иногда даже к наивысшей вершине папского достоинства, то не все доходят до этого, однако все должны быть воспитаны для того, чтобы мочь достичь этого.

Прекрашу ссориться с драчливыми, добавив еще одно. Мудрые мужи осуждают те законы и власти, которые только устрашают наказаниями, а наградами даже не прельщают, и которые наказывают за содеянное, но равным образом не предостерегают, дабы не допускалось то, что требует наказания. То же самое надлежит думать о толпе педагогов, которые только секут за содеянное и не воспитывают душу так, чтобы она не желала грешить. Спрашивают [заданный урок], если мальчик в чем-то ошибается, его секут, когда это совершается ежедневно, чтобы мальчуган скорее свыкся с этим, учителя полагают, что свой долг наставника исполняют прекрасно. Но мальчик был сюда приведен прежде всего для того, чтобы он возлюбил науки, чтобы боялся оскорбить душу воспитателя. Впрочем, может быть, кому-то покажется, что об этих вещах я рассуждал чрезмерно, и такое впечатление было бы справедливым, если бы почти все не заблуждались в отношении этого и заблуждались столь серьезно, что никогда невозможно сказать об этом достаточно.

Далее немало помогает, если тот, кто берет мальчика на воспитание, придает душевному обращению с ним вид родительской любви. Отсюда произойдет, что и мальчик будет охотнее учиться, а сам учитель почувствует от работы меньше неприятностей. Действительно, в любом деле значительную часть трудностей устраняет любовь. А так как, согласно древней пословице, подобное радуется подобному, то наставнику, чтобы его любил мальчик, надо в какой-то мере ребячиться. Не желательно, однако, чтобы детей для обучения основам грамотности отдавали под опеку очень старым людям, почти преклонного возраста. Ведь те сами поистине дети, не изображают лепет, но поистине лепечут. Я предпочел бы человека цветущего возраста, от которого мальчик не отворачивается с отвращением и который не стыдится принимать какую угодно личину. Такой учитель, формируя

ум, делает то же самое, что делают обычно родители и кормилицы при формировании тела. Как учат ребенка говорить? С помощью шепелявого языка приспособливают слово к детскому лепету. Как учат есть? Сами кормилицы и матери разжевывают молочную кашу и, разжевав, понемногу кладут в рот ребенка. Как учат ходить? Сгибают корпус и сокращают свои шаги, соизмеряя их с шагами ребенка. Но не кормят ребенка какой угодно пищей и не вливают в рот больше, чем он может проглотить, и постепенно, по мере того как он растет, доходят до более твердой пищи. Сначала требуется пища знакомая, не очень отличная от молока, но и она, если класть ее в рот больше, чем надо, может задушить ребенка или будет им изрыгнута, запачкает одежду, а даваемая постепенно и понемногу, окажется полезной. То же самое случается, как мы видим, с небольшими сосудами с узким горлышком, если вливаешь много, то вливаемая жидкость с брызгами изливается наружу. Если мало и, как говорится, по капле, то сосуды, правда, мало-помалу и постепенно, но все же наполняются. Следовательно, как небольшим количеством пищи, и притом даваемой постепенно, питаются нежные тельца детей, так равным образом умы их питаются соответствующими им знаниями, но даваемыми постепенно и словно в игре; мало-помалу дети привыкают к большему и при этом не чувствуется утомления, так как маленькие прибавления так скрывают ощущение тяжести, что приближают их к вершине успеха не менее, чем атлета, который, как рассказывают, привыкнув ежедневно нести теленка на расстояние в несколько стадий, принес его, уже ставшего быком, без всякого труда¹²⁷. Ведь нарастание тяжести не чувствовалось, так как вес добавлялся ежедневно. Но некоторые требуют, чтобы дети сразу же становились зрелыми людьми, между тем как они не учитывают возраст, но измеряют способности детей собственными силами. Они сразу же сурово настаивают, сразу требуют работы в полную силу, сразу же хмурят лоб, если ребенок отвечает хуже ожидаемого, и так раздражаются, как если бы дело имели со взрослым, забыв, очевидно, что сами были детьми. Насколько человечнее увещание Плиния одному чуть более суровому грамматiku. "Помни, — говорит он, — и что тот — юноша, и что ты им был когда-то"¹²⁸. А многие так неистовствуют в отношении слабого возраста, словно не помнят, что они и их ученики — люди.

Ты попросишь показать тебе те знания, соответствующие способности детского возраста, которые должны быть сразу же по каплям влиты маленьким. Прежде всего это практическое знание языков, которое свойственно детям без всякого усердия с их стороны, в то время как взрослые, затратив огромное старание, с трудом приобретают эту

способность. И к этому, как мы сказали, побуждает детей некая врожденная страсть подражать, след чего мы видим в скворцах и попугаях. Что прекраснее поэтических вымыслов, соблазны которых так ласкают слух детей? Впрочем, даже взрослым они немало помогают не только познавать язык, но и формировать суждения и обогащать речь. Что охотнее будет слушать мальчик, чем басни Эзопа, которые с помощью смеха и шутки передают тем не менее серьезные предписания философии? Та же польза и от прочих вымыслов древних поэтов. Мальчик слушает, как спутники Улисса искусством Цирцеи были превращены в свиней и других животных¹²⁹. Рассказ об этом вызывает смех, но тем временем мальчик узнает главное в моральной философии: те, кто не руководствуются правильным суждением, но влекутся властью страстей, не люди, но звери. Сказал бы стоик серьезнее? И тем не менее тому же учит смешной вымысел. Дело столь очевидно, что я не буду задерживаться на многих примерах. Далее, что изящнее буколической песни? Что сладостнее комедии? Основанная на изучении характеров (ἥθεσι), она волнует и неученых людей, и детей. Но сколь многое из философии постигается здесь с помощью шутки? Добавь к этому названия всех вещей, в чем сегодня на диво слепы даже те, которые слывут прекрасно образованными. Наконец, краткие и остроумные сентенции; в этот жанр входят обычно пословицы и высказывания знаменитых людей, с помощью их одних некогда распространялась обычно в народе философия.

Уже в самих маленьких детях иногда обнаруживается некая особая склонность к определенным дисциплинам, как, например, к музыке, арифметике или космографии. Я ведь сам знал тех, кто был решительно неспособен к наставлениям грамматики и риторики, а к тем, более тонким дисциплинам оказывался очень восприимчив. В таком случае надо природе помогать в том направлении, к которому она склонна сама по себе. А при склонности затрачивается наименьший труд, точно так же в противном случае "ты ничего не скажешь и не сделаешь вопреки Минерве"¹³⁰. Я знал мальчика, который еще не умел говорить и для которого не было ничего слаще, чем, листая том, изображать читающего. И хотя он делал это иной раз в течение многих часов, он не испытывал никакого отвращения. И как бы сильно он иногда ни плакал, всегда, однако, успокаивался, когда ему давали книгу. Эта вещь внушила родителям добрую надежду, что он станет когда-нибудь ученым мужем. Вдобавок и имя его было неким радостным предзнаменованием. Его ведь звали Иеронимом¹³¹. Но какой он теперь, не знаю, ибо взрослым его не видел.

Для знания языка будет очень важно, если ребенок воспитывается среди тех, кто хорошо говорит. И он изучит вымыслы и басни тем охотнее и запомнит лучше, если их темы, умело изображенные, будут у него перед глазами и все, о чем рассказывают словами, будет показано на картине. То же самое окажется в равной степени важным для запоминания названий деревьев, трав и животных, равно и их вида, особенно тех, которые не столь часто встречаются повсюду, например, носорог, антилопа, пеликан, индийский осел, слон. [К примеру] на картинке — слон, которого сжимает своими лапами дракон с хвостом, обвившим передние ноги. Малышу доставляет радость необычное живописное изображение; что тогда сделает учитель? Сообщит, что огромное животное по-гречески называется εἰλέφαντα, по-латыни — подобным образом, разве лишь иногда мы говорим согласно форме латинского склонения *elephantus elephantī*. Он покажет ему то, что греки называют τροφασκίδα (хобот), римляне — *manū* (лат. — рука), так как ею слон притягивает к себе, схватывает пищу. Укажет, что это животное не дышит ртом, как мы, но хоботом, покажет, как с обеих сторон его выступают вперед бивни, откуда происходит слоновая кость, которая у богатых в цене; одновременно он покажет костяной гребень. Затем он сообщит, что у индийцев есть драконы огромных размеров, что слово "дракон" одинаковое в греческом и латинском языке, разве лишь мы склоняем его по нашему обычаю, тогда как греки говорят δράκωντος по образу λέωντος, откуда женского пола *drasaena* по образцу *leaena*. Укажет, что между этими драконами и слонами существует настоящая и жестокая война. А если мальчик очень захочет узнать больше, то учитель сможет рассказать ему многое другое о природе слонов и драконов. Многие дети радуются изображениям охоты, здесь столько видов деревьев, трав, птиц, животных можно узнать путем развлечений. Не буду здесь тебя задерживать примерами, так как из одного легко заключить обо всех.

Педагог будет неусыпно заботиться об их отборе, чтобы предложить главным образом то, что сочтет наиболее привлекательным для детей и наиболее им близким и приятным и, так сказать, богатым цветами. Урожай первого возраста жизни, или весны, состоит из цветов, ласково улыбающихся и радостно зеленеющих трав, пока возраст зрелости, осень, спелыми плодами не переполнит житницу. Как нелепо искать весной зрелую виноградную гроздь, осенью — розу, так наставнику надо внимательно следить, что каждому возрасту соответствует. Детству соответствуют радостные и приятные вещи. Впрочем, из занятий надлежит вообще удалить печаль и суровость. Если не ошибаюсь, древние даже пожелали выразить это, приписав девствен-

ным музам замечательную красоту, кифару, пение, пляски и игры в прекрасных, покрытых зеленью местах и дав им в спутницы Харит: успех в занятиях [думали они] зависит преимущественно от взаимного благоволения душ, откуда древние и назвали эти занятия науками человечности. Но ничто не мешает, чтобы спутницей наслаждения была польза, а добродетель была связана с веселостью. И все эти столь плодотворные вещи мальчик узнает без всякой скуки. В самом деле, что препятствует тому, чтобы он изучал те самые работы (либо остроумную басенку поэтов, либо изящную сентенцию, либо занимательную историйку, либо искусную притчу) там, где впитывают и заучивают нелепую песню, по большей части шутовскую, достойные осмеяния рассказы безумных старух, сплошной вздор [болтающих] женщин? Сколько сновидений, сколько пустячных загадок, сколько бесполезных заклинаний от лемурув, привидений, злых духов, колдуний, ламий, эфяльтов, леших и демогоргон¹³², сколько вредной лжи из простонародных историй, сколько вздора, сколько беспутных высказываний храним мы в памяти, даже став взрослыми, из того, что услышали среди ласк и игр от пап, дедушек и бабушек, мам и девушек, сидящих за прялкой?

Но какой большой шаг к образованию был бы сделан, если бы вместо этих сицилийских, как говорится, глупостей, еще более пустых и не только нелепых, но даже вредных, мы бы впитывали то, о чем только что упоминали? Ты скажешь: какой ученый снизойдет до этих столь незначительных вещей? Но такой великий философ, как Аристотель, не тяготился исполнять обязанности грамматика, воспитывая Александра; Хирон воспитывал в детстве Ахилла, за ним последовал Феникс. Священник Илий воспитывал мальчика Самуила¹³³. А сегодня некоторые ради небольшого барыша или удовольствия тратят, пожалуй, больше труда на воспитание ворона или попугая. Иные же ради благочестия предпринимают дальние, равно и опасные поездки и другие почти невыносимые труды. Разве к этой обязанности, приятнее которой ничего не может быть для Бога, не призывает нас благочестие? Однако в преподавании тех самых вещей, о которых мы упоминали, воспитателю не следует быть ни грозным, ни суровым, а быть больше настойчивым, чем не знающим меры. Настойчивость не вызывает неудовольствия, если она умеренна, если приправляется разнообразием и веселостью, наконец, если так преподают эти вещи, что отсутствует ощущение труда, а ребенок считает, что все делается ради игры.

Здесь сам ход речи побуждает нас вкратце показать, какими способами достичь того, чтобы для ребенка науки стали сладостными, пре-

жде мы уже коснулись в какой-то степени этой темы. Способность говорить, как было сказано, приобретает в ходе практики без неприятного ощущения. Вслед за ней заботятся о чтении и письме, что само по себе не во всем приятно, впрочем, эта неприятность по большей части устраняется искусством учителя, если оно приправлено некоторыми соблазнительными приманками. Ведь можно найти некоторых учеников, которые долго отстают и с трудом узнают и связывают буквы и воспринимают первоосновы грамматики, хотя они быстро воспринимают более трудные вещи. Их чувство отвращения [к основам грамматики] надо лечить искусством, несколько приемов которого показали древние. Некоторые изображали буквы в виде сухариков, привлекательных для детей, так что дети поедали своего рода буквы. Называвшему правильно букву, сама буква была маленькой наградой. Другие делали изображения букв из кости, чтобы ребенок играл ими, или из чего-то другого, что обычно особенно привлекает тот возраст. Британцев преимущественно увлекает занятие стрельбой, и своих детей они учат прежде всего этому. Поэтому один отец, человек изобретательного ума, заметив, что сын получает от стрельбы необыкновенное наслаждение, изготовил превосходный лук и очень красивые стрелы, повсюду и на луке и на стрелах были нарисованы буквы. Затем вместо мишеней он выставил изображения сначала греческих, затем латинских букв; попавшему в цель и назвавшему букву, кроме аплодисментов, маленькой наградой была вишня или что-то другое, чему радуются маленькие. Польза от этой игры еще больше, если использовать для совместного участия в сражении двух или трех ровесников. Ведь здесь надежда на победу и страх опозориться делает мальчиков более сосредоточенными и более проворными. Эта выдумка приводила к тому, что мальчик в течение немногих дней, играя, хорошо овладевал формами и звучаниями всех букв, чего толпа грамматиков едва ли может достичь своими розгами, угрозами, бранью за три года. В подобных методах я, однако, не одобряю излишне деятельное усердие некоторых, кто предлагает изучать буквы посредством игры в шашки или кости. Действительно, когда сами развлечения превышают уровень понимания детей, каким образом с их помощью они узнают буквы? Это значит не помогать способностям детей, но добавлять труд к труду. Подобно тому как имеются некоторые механические устройства, столь тяжелые, что задерживают исполнение работы. Таковыми весьма часто являются те приемы, которые изобрели в искусстве запоминания¹³⁴ некоторые люди, изобрели скорее для корысти либо для хвастовства, чем для пользы. Ибо они скорее разрушают память. Наилучшее искусство запоминания — глубоко

понять, понятное упорядочить, затем вслед за этим время от времени повторять то, что желаешь запомнить. Притом у маленьких детей есть врожденное стремление одержать победу и некое семя ревности, затем есть в них страх перед позором и любовь к похвале, особенно у тех, кто обладает более возвышенным умом и пылкими дарованиями. Пусть воспитатель воспользуется этими чувствами для успеха в занятиях. Где ничто не поможет, ни просьбы и ласки, ни ребяческие вознаграждения и похвалы, там надо будет прибегнуть к состязанию с ровесниками. Пусть в присутствии ленивого мальчика похвалят товарища. Того, кого не могло возбудить одно поощрение, разожжет соперничество.

Не будет полезным, однако, выдать награду победителю так, словно она навсегда, но учитель даст все же и побежденному надежду на то, чтобы загладить то поражение, благодаря неусыпной заботе, как это делают обычно предводители на войне. Иногда следует позволить мальчику считать себя победителем, хотя он был побежден. Наконец, чередованием похвал и порицаний учитель будет поддерживать в детях полезное, по словам Гесиода, напряжение¹³⁵.

Возможно, какому-то человеку с более суровым нравом будет стыдно так болтать вздор среди детей. Но при всем том ему же не неприятно и не стыдно добрую часть дня играть с мальтийскими собачками или с обезьянами, либо разговаривать с вороном и попугаем, либо молоть вздор с шутами. С помощью этих глупостей делается очень серьезное дело, и удивительно, что добрые мужи из этого получают меньше наслаждения, в то время как любовь и надежда на значительный успех делают обычно приятным и то, что само по себе серьезно. Признаю, что грамматические предписания вначале достаточно строги и более необходимы, чем приятны. Однако даже в них добрую часть тяжести устраняет умение преподавателя. Сначала надо преподавать детям только главнейшее и самое простое. А ныне какими двусмысленностями и трудностями мучат детей, пока они выучивают наизусть названия букв, прежде чем узнают их изображения, пока их вынуждают заучивать с флексиями имен существительных и глаголов, скольким падежам, залогам и временам одно и то же слово соответствует, например, *musae* соответствует родительному и дательному падежу единственного числа, именительному и звательному множественного. *Legeris* идет от *legor*, от *legerim* и от *legero*. Какие вопли мучений оглашают тогда школу, после того как от детей требуют подобных знаний этого. Некоторые грамматики, чтобы показать свою эрудицию, имеют обыкновение старательно добавлять им кое-что трудное. Это заблуждение делает начала почти всех дисциплин, осо-

бенно диалектики, запутанными и тяжелыми. Если показываешь им [педагогам] более удобный путь обучения, они отвечают, что сами обучены таким способом и не допустят каких-то улучшений для детей по сравнению с тем, что выпало им на долю, когда они были детьми. Итак, надо избегать любой трудности — и той, что без надобности, и несвоевременной. То, что выполняется в свое время, совершается легче. Но там, где требуется уже претерпеть необходимую трудность, там искусный мастер в воспитании молодежи будет стремиться, насколько возможно, подражать опытным и благожелательным медикам, которые, собираясь дать лекарство из полыни, по словам Лукреция, смазывают медом края бокалов, чтобы мальчик, соблазненный наслаждением от сладости, не убоился целительной горечи¹³⁶; или примешивают также в само лекарство сахар либо что-то другое приятного вкуса. И они даже скрывают, что это лекарство. Иногда ведь один вид его вызывает страх. Наконец, легко победить это неприятное чувство, если обучать не сразу всему и неумеренно, но понемногу и с перерывами. Хотя не следует слишком сомневаться в силах детей, если случайно им надо будет выполнить какую-то работу. Не силен ребенок телесно, но силен усердием, силен способностью от природы. Не силен, как бык, но силен, как муравей. Кое в чем и муха превзойдет слона. Всякое существо сильно в том, к чему создано природой. Разве мы не видим, что очень нежные дети с удивительной легкостью носят целый день и не чувствуют усталости? Если бы Милон делал то же самое, он бы утомился. В чем причина? В том, что возрасту детей свойственна игра, и они представляют себе занятия игрой, а не трудом. Но в любом деле наибольшая часть тяжести идет из воображения, которое приносит подчас ощущение страдания даже там, где никакого страдания нет. Поэтому, поскольку провидение природы лишило маленьких [силы], то, чтобы поддержать детей с этой стороны настолько, насколько им недостает физических сил, обязанность учителя будет заключаться в том, чтобы многими способами исключить это воображение и облечь занятия в игру. Существуют и вполне достойные виды игр для детей, с помощью которых следует часто ослаблять напряжение в занятиях после того, как подошли к тому, чтобы призвать детей к более трудным вещам, которые невозможно воспринять без усилия и трудов; этот вид занятий состоит в обсуждении тем, переводах с латинского на греческий или с греческого на латинский или изучении космографии. Но самым полезным в этом будет, если ребенок приучится уважать и почитать наставника, любить науки и восхищаться ими, страшиться позора, пленяться похвалой.

Остается одно сомнение, которое обычно выдвигают те, кто говорит, что успех, достигаемый ребенком за те три или четыре года,

меньше, чем цена труда: ведь столько усилий предпринято в ходе обучения и столько понесено расходов. Но именно они, мне кажется, не столько заботятся о детях, сколько о средствах или как сэкономить на учителе. Но я бы отказал в звании отца человеку, который, когда дело идет о воспитании сына, с тревогой подсчитывает расходы. Тогда смешным будет своего рода мягкосердечие: допустить потерю сыном нескольких лет жизни, дабы наставник получил за свой труд какую-то прибыль. Если весьма справедливо то, что по истечении одного года делается больше, чем в первые три или четыре года (этого не отрицал и Квинтилиан), то на каком основании мы презираем в деле, безусловно самом ценном, прибыль, какой бы она ни была? Согласимся, что она крохотная, однако было бы лучше, чтобы мальчик занимался, чем вообще не учился ничему или учился тому, чему надо будет разучиваться. Какими иными делами лучше занять детей этого возраста, которые, как только начнут говорить, вообще не могут быть бездеятельными? Далее, сколь бы ни были малы приобретения раннего возраста, однако ребенок узнает более важные вещи именно в тот год, в течение которого удалось бы узнать менее важные, если бы он не занимался ими ранее. Эти знания, говорит Квинтилиан, приобретенные из года в год, в итоге приносят пользу, и сколько времени берется у детства взаимы, в юности прибавляется¹³⁷. Не буду повторять, что в те ранние годы легко изучают некоторые вещи, которые взрослые воспринимают с большим трудом. Ведь очень легко изучается то, что изучают в свое время. Согласимся, что это мелочи, признаем хотя бы, что — необходимые. Хотя мне лично не кажется столь малой ступенью в образовании достичь если не опытности в том и другом языке, то наверняка вкуса к ним, затем узнать названия стольких вещей, наконец, положить хорошее начало умению быстро читать и писать. Нам не стыдно в делах гораздо более низких мочь заниматься чем-то, приносящим сколь угодно малый доходец, что греки, если не ошибаюсь, называют *πρό ὀβοῦ*. Рачительный купец не пренебрегает сбережением аса или трех унций, размышляя сам так: сама по себе это малость, но она прибавляется к общей массе, и малое, добавленное многократно к малому, быстро дает весьма значительное множество. Медники поднимаются на рассвете, чтобы как бы выгадать часть дня. Землепашцы в праздничные дни кое-что делают дома, чтобы в прочие дни выполнить больше работы. А мы в детях потерю четырех лет считаем не за что, в то время как нет никакой траты ценнее, нежели трата времени, и нет никакого лучшего достояния, чем образованность. Никогда не начинается достаточно рано то, что никогда не завершается. Ибо пока живем мы, всегда надо учиться. Но в прочих ве-

цах потерянный из-за бездействия доход можно возместить неусыпной заботой. Время возраста, после того как оно однажды улетит, а улетает оно быстрее всего, нельзя вернуть назад никакими заклинаниями. Поэты, конечно, болтают, рассказывая об источниках, благодаря которым старцы вновь мужают, ошибаются врачи, которые обещают старикам с помощью невесть какой квинтэссенции силу мужей. Итак, здесь надлежит проявлять высшую бережливость, так как потерю времени нельзя возместить никаким способом.

К тому же первая часть любой жизни считается наилучшей — тем бережливее надо ее расходовать. Гесиод не одобряет бережливости ни в верхней части, ни внизу бочки с вином, так как когда бочка полна, бережливость кажется преждевременной, когда опорожнена — запоздалой, поэтому он предписывает быть бережливым в середине¹³⁸. Но [рассуждая о времени] не следует нигде пренебрегать бережливостью в возрасте, и если надо быть экономным, когда бочка наполовину полна из-за того, что вино в середине наилучшее, то гораздо более надо быть экономным в ранние годы, которые составляют наилучшую часть жизни, если постоянно занимаешься, но она же и самая быстро текущая. Землепашец, даже менее старательный, не допустит, чтобы какая-то часть земли полностью была заброшена, и на той, которая непригодна для хлебов, он либо лес сажает, либо оставляет под пастбище, либо занимает овощами. А мы будем терпеть, чтобы наилучшая часть возраста ускользала без всяких плодов образования? Только что пущенное под пар поле должно быть занято какой-нибудь культурой, хотя бы для того, чтобы, будучи невозделанным, не породить из себя плевелы. Ибо оно должно вообще что-то породить. Равным образом нежная душа ребенка обрастает пороками, если ребенок сразу же не занимается плодотворными дисциплинами. Кувшин долго сохраняет и с трудом забывает запах жидкости, которой он был сначала наполнен. Но новый и пустой кувшин можно сохранить для какой угодно жидкости. Душа или родит добрый плод, если заложишь доброе семя, или, если отнесешься беспечно, ее захватят вредные и подлежащие затем искоренению плевелы. Немало выгоды извлек тот, кто избежал ущерба. Немалую помощь добродетели оказал тот, кто не допустил порока.

Но к чему говорить больше? Ты хочешь видеть, насколько важно или не важно то, вовремя ли человек воспитывается с помощью образования? Посмотри, насколько выделялись еще в молодом возрасте древние и как сегодня ни к чему не способны те, кто состарился в науках. Еще молодым написал любовные элегии Овидий. Какой старик мог бы теперь сделать то же самое? Каким молодым был Лукан, свидетельствуют его исторические записки. А откуда в нем это? От-

того, что увезенный в Рим в возрасте не старше шести месяцев, он был там передан двум славнейшим грамматикам Палемону и Корнуту. Товарищами по занятиям у него были Саллий Басс и А. Персий, один будет известным историком, другой — сатириком. Разумеется, отсюда в юноше столь совершенная во всех отношениях энциклопедичность, столь восхитительное красноречие, что в стихах он представляется не менее высоким оратором, чем поэтом. Достаточно и в этом веке примеров счастливого воспитания, хотя и более редких, и они относятся и к тому и к другому полу. Талант девушки Кассандры прославил Полициано¹³⁹. А что удивительнее мальчика Орсини, одиннадцати лет от рождения¹⁴⁰? Его память увековечил тот же муж в весьма изящном письме. Сколь немногих можно найти теперь, кто мог бы одновременно диктовать два письма стольким же секретарям так, чтобы в каждом из них мысли были отделаны и чтобы нигде не вкралась ошибка? Тот мальчик проделал это с пятью секретарями, хотя темы давались в зависимости от обстоятельств, и делал он это без подготовки. Некоторые люди, когда видят это, считая, что эта вещь свыше человеческих сил, приписывают ее магическим искусствам. Поистине это делается с помощью магических искусств, но надежное заклинание в том, чтобы рано отдавать мальчика ученому, добродетельному и неутомимому наставнику. Могущее волшебное снадобье — постоянно учиться наилучшему у образованных людей и среди образованных. С помощью таких магических искусств Александр Великий еще юношей постиг в совершенстве, кроме красноречия, все разделы философии, и если бы его не охватила любовь к войнам и страсть к господству, он мог бы быть первейшим среди высочайших философов. С помощью подобных же искусств К. Цезарь лишь потому юношей был силен в красноречии и математических науках, лишь потому многие императоры, а также М. Туллий, Вергилий и Гораций в молодом возрасте выделялись как ученостью, так и даром слова, что сразу же с детских лет все они выучились изящному языку — у родителей и кормилиц, свободным искусствам, таким, как поэтика, риторика, история, знание древности, арифметика, география, этика, политика и естествознание — у образованнейших людей.

А что же мы? Оставляем своих детей дома дольше возраста возмужалости и развращенных праздностью, роскошью и наслаждениями посылаем наконец-то в публичную школу. Здесь, если все идет хорошо, они пробуют кое-что из грамматики, немного спустя, как только они научились склонению и спряжению и правилам согласования существительных и прилагательных, изучение грамматики завершено и они направляются к путаной диалектике, где, если даже и научились

что-то правильно говорить, надо думать, разучатся. Но хуже было время моего детства, когда детей истязали *modis significandi* и вопросами *ex qua vi*¹⁴¹, не уча между тем ничему другому, кроме как неправильно говорить. Без сомнения, те наставники будто не детей обучали, затемняя трудностями грамматику, диалектику и метафизику, разумеется, для того, чтобы уже старшие ученики после более важных дисциплин несвоевременно учили грамматику, что теперь, как мы видим, случается с немногими более благоразумными теологами: после стольких лавров, после всех титулов, так что им что-либо не знать уже было неприлично, они вынуждены вернуться к тем книгам, которые обычно читали детьми. Я не порицаю их, лучше поздно, чем никогда, изучить то, что знать необходимо. О, Боже бессмертный, каков был тот век, когда с большой пышностью, с трудными и многословными комментариями излагались юношам дистихи Иоанна Гарландии¹⁴²! Когда большая часть времени тратилась на частое чтение, повторение и опрос нелепых стихов! Когда наизусть заучивались *Florista* и *Floretus*¹⁴³. Поистине Александра¹⁴⁴, думаю, надо числить среди сносных. Затем сколько времени убивали на софистику, блуждая в бесполезных лабиринтах диалектики? Сколь путано преподавались все дисциплины, пока каждый профессор ради хвастовства сразу же вначале впихивал в учеников наитруднейшие, иногда и нелепые вещи. Не всегда ведь замечательно то, что трудно; к примеру, пропускать через игольное ушко семя горчицы очень трудно, по крайней мере, но нелепо, и связывать и развязывать кассиотские узлы¹⁴⁵ — дело искусное, но пустой изощренности. К тому же эти вещи преподаются иной раз неучеными людьми или, что гораздо хуже, неправильно обученными, подчас ленивыми и бесчестными, для которых гораздо важнее заработок, чем успех учеников. Когда такой порядок является общепринятым, мы удивляемся, что получить полное образование случается до старости немногим. Наилучшая часть времени жизни пропадает от безделья, гибнет от пороков, заражаясь которыми, мы на занятия затрачиваем наименьшую часть времени, а наибольшую — на любовь, застолья, развлечения. И к дурной материи добавляется ничем не лучший мастер, либо учащий ненужным вещам, либо тому, чему надо разучиваться. И после этого мы виним слабый возраст, еще не восприимчивый ум, малый успех и многое другое, когда на самом деле все, что есть дурного, надо вменять негодному воспитанию.

Не буду отвлекать тебя более длинной речью. Обращусь только к твоему благоразумию, весьма пронизательному в прочих делах. Обдумай, сколь дорогим владением является сын, сколь разнообразная и сколь трудная вещь — образование, но сколь оно же и славно, сколь

велика способность ребенка от природы воспринимать любое наставление, сколь велика живость человеческого ума, как легко обучаются тому, что является наилучшим и что соответствует человеческой природе, особенно если ученые и наставники преподают посредством игры. Затем, сколь цепко укореняется то, чем мы наполняем с самого начала ничем не занятые и необученные души и что труднее воспринимают и быстрее забывают старшие. Кроме того, сколь дорога и невозполнима потеря времени, сколь важно рано начинать и все делать в свое время, сколь на многое способно усердие, как быстро растет с добавлением очень маленьких количеств куча Гесиода, сколь быстро-текуще время, сколь занята молодость, сколь неспособна старость. Если ты мысленно взвесишь это, то никогда не допустишь, чтобы у твоего сына ускользнуло, не говоря уж о семилетии, даже трехлетие¹⁴⁶, в течение которого он мог бы с каким-угодно успехом и подготовиться к обучению, и обучиться.

Erasmе. *Declamatio de pueris statim ac liberaliter instituendis. Etude critique, traduction et commentaire par Jean-Claude Margolin. Genève, 1966.* Пер. Н.В. Ревякиной

В комментариях используется часть ссылок издателя трактата Ж. Марголэна с некоторыми коррективами, учитывающими русские переводы текстов. Необходимые ссылки на Марголэна даны следующим образом: *Erasmе. Declamatio... Comm.*

КОММЕНТАРИИ

¹ Настоящий отец — истинное отцовство для Эразма не является только естественным отцовством, отец обязан сформировать сына и как разумное существо.

² *Псевдо-Плутарх. О воспитании детей. VII.*

³ Там же. III и V.

⁴ Труды римского врача I в. Галена и других медиков часто печатались в первой трети XVI в. (в частности, том сочинений Галена вышел в год публикации трактата Эразма, в 1529 г.): сам Эразм перевел три медико-философские работы Галена.

⁵ Эразм ссылается на бытующие представления относительно влияния поведения матери на плод в ее утробе. Марголэн отмечает трудности толкования этого отрывка.

⁶ *Вергилий. Георгики. II, 346—380.*

⁷ *Цицерон. Об ораторе. III, 56.*

⁸ *Платон. Протагор. 320c—322d.*

⁹ *Псевдо-Плутарх. Цит. соч. IV.*

¹⁰ Препозит — церковная должность в кафедральных церквях, декан — помощник аббата в аббатстве.

11 При продаже с камня — раб наихудшего качества продавался на рынке рабов с крика, при этом глашатай стоял на каменной трибуне.

12 *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. VI, 2, 32. *Плутарх*. Жизнь Александра. XIV.

13 *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Жизнь Александра. XXII.

14 *Псевдо-Плутарх*. Цит. соч. VII.

15 *Диоген Лаэртский*. Цит. соч. II, 8, 72.

16 Там же. VI, 2, 41 и VI, 2, 32.

17 *Одиссея*. X, 233.

18 Апулей, римский писатель и ритор II в., в своем романе "Метаморфозы", получившем позже название "Золотой осел", рассказывает о чудесном превращении его главного героя, юноши Люция, от лица которого ведется повествование, в осла.

19 *Августин*. О граде Божьем. I, XXI, XIV (по изд. Миня, *Patrologia latina*, VII, col 575).

20 *Плиний*. Естественная история. VIII, 54, 36.

21 *Вергилий*. Георгики. III, 74.

22 *Диоген Лаэртский*. Цит. соч. VI, I, 3; стиль — бронзовая палочка с заостренным концом, использовалась для писания на навощенной дощечке.

23 Первое Посл. к Тимоф. 2, 15. Эразм свободно толкует апостола Павла.

24 *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Жизнь Диона.

25 Книга притчей Соломоновых. 17, 25 (досл.: "Глупый сын — досада отцу своему и огорчение для матери своей").

26 "Мерзкая кожная болезнь" — сифилис; название ее появилось уже после выхода трактата Эразма, когда вышла в 1530 г. поэма Дж. Фракасторо "Сифилис, или Галльская болезнь".

27 Коккус — насекомое (кошениль), используемое для приготовления пурпурной краски; здесь может быть яйцо; скар — рыба.

28 *Petr. sat.*, 31.

29 *Квинтилиан*. О воспитании оратора. I, 2, 1.

30 У Эразма дословно: "еще красных от матери".

31 Марголэн видит в этом выражении пацифизм Эразма.

32 В отношении Эразма к природе Марголэн отмечает двойственность: природа то основа для добродетельных действий, то влечет к злу сильнее, чем к благу, в чем ученый усматривает влияние представлений о первородном грехе (*Erasmе Declamatio. Comm*, p. 506).

33 Юридическое выражение.

34 Эразм следует за Псевдо-Плутархом (цит. соч., VI), приводящим пословицу: "Живя с хромым, привыкают хромать".

35 Посл. к Коринф. I, 15, 33.

36 *Диоген Лаэртский*. Цит. соч. V, I, 11 (в рус. пер. этого высказывания Аристотеля нет).

37 Интерес к животным очень характерен для Возрождения, во многом он связан со стремлением осмыслить специфику человека. Заметный уже у итальянских гуманистов, этот интерес в XVI в. значительно углубляется. Одним из источников знаний о мире природы была "Естественная история" Плиния. Марголэн предполагает участие Эразма в издании Плиния в 1525 г. в Базеле у Фробена с комментариями Э. Барбаро (*Erasmе Declamatio. Comm*, p. 507—508). В разделе о животных Эразм в большинстве случаев использует Плиния.

38 Досл. "дети медиков" — мы используем перевод Марголэна.

39 У Эразма нет здесь, по мнению Марголэна, радикального разделения между инстинктом и разумным знанием; сам инстинкт поддается воспитанию (*Erasmе Declamatio. Comm*, p. 512).

- 40 *Квинтилиан*. Цит. соч. I, I, 1.
- 41 *Цицерон*. О границах добра и зла. II, XIII.
- 42 *Плиний*. Естественная история. X, 32.
- 43 Подобные представления существовали до Эразма у итальянских гуманистов, например Пикколомини.
- 44 См. ссылку 32.
- 45 *Плутарх*. Изречения царей и полководцев. 23.
- 46 Об этом Эразм говорит и в "Разговорах запросто" (диалог "Содружество").
- 47 *Ювенал*. Сатиры. VII, 187—188.
- 48 *Диоген Лаэртский*. Цит. соч. VI, V, 86.
- 49 Там же. II, 8, 72.
- 50 Речь идет о Зеноне из Китиони, основателе стоической школы. См.: Диоген Лаэртский. VII, 1, 18.
- 51 О кормлении ребенка самой матерью до Эразма говорили итальянские гуманисты Фр. Барбаро, Веджо, Пальмиери. Литературные источники таких воззрений — Псевдо-Плутарх, Авл Геллий.
- 52 Пословица, осуждающая многовластье карийцев — племени, обитавшем на юго-западе Малой Азии, — была включена Эразмом в его сборник греческих и латинских изречений и поговорок "Адагии".
- 53 "Ткань Пенелопы" — верная жена Одиссея, ожидая его возвращения 20 лет, отклоняла предложения женихов под предлогом, что не выйдет замуж, пока не выткет погребальное покрывало своему тестю, ночью она распускала то, что успевала сделать днем; означает бесполезную работу. Образ используется в "Адагиях" и в "Разговорах запросто" ("Эхо").
- 54 Цитата из Ксенофонта-Плутарха используется в "Адагиях".
- 55 *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Жизнь Павла Эмилия. VI.
- 56 "Глаз хозяина" — в лат. тексте "след господина". Французский перевод и отсутствие ссылки свидетельствуют, что из латинского текста выпал фрагмент; франц. перевод гласит: "ничто быстрее не делает лошадь откормленной, чем глаз хозяина, никакая подкормка не сделает поле более плодородным, чем след его шагов".
- 57 Как и итальянские гуманисты, Эразм признает разнообразие природных способностей и следующим далее примером дает понять, как важно учитывать склонность к той или иной науке.
- 58 *Гораций*. Искусство поэзии. 385. Смысл выражения, которое Эразм использует и в "Адагиях": действовать вопреки природе.
- 59 Трактат "Физиогномика", влияние которого испытали на себе гуманисты, в эпоху Возрождения считали работой самого Аристотеля. Трактат основан на представлении о связи и взаимовлиянии души и тела и развивает учение о совпадении наружности человека и его внутреннего мира.
- 60 *Вергилий*. Георгики. III, 51.
- 61 Там же. III, 75.
- 62 Возможно, Перинандр, изречение которого: "В усердии — все", приводит Диоген Лаэртский. I, 7, 99.
- 63 *Вергилий*. Георгики. III, 179—208.
- 64 Там же. 166—173.
- 65 Тенденция наделять природу божественными атрибутами очень характерна для гуманизма (см. вступительную статью).

66 Истинная религия для Эразма — это его "философия Христа", смысл которой не в формальном соблюдении обрядов церкви, а в жизни по законам любви и милосердия; так понимаемое Эразмом христианство не вступает в противоречие с требованиями природы и не отвергает древней культуры.

67 *Диоген Лаэртский*. Цит. соч. III, 38.

68 *Гораций*. Послания. I, 10, 24.

69 *Сенека*. Письма на моральные темы. Кн. IX. П. 5.

70 *Квинтилиан*. Цит. соч. I, 1, 4.

71 В "Предписаниях" педагогические советы вложены в уста мудрого кентавра Хирона, который был, как сообщают мифы, воспитателем Ахилла. Греческий филолог Аристофан Грамматик (ок. 257—180 до н.э.) первым усомнился в авторстве Гесиода. См.: Квинтилиан. Цит. соч. I, 1, 4.

72 *Квинтилиан*. Цит. соч. I, 1, 4.

73 *Цицерон*. Брут. 58, 211.

74 Там же.

75 Речь идет о двух племянницах Цицерона.

76 Лициния — дочь Луция Лициния Красса (140—91), римского оратора, супруга Публия Сципиона Назики.

77 Гортензия — дочь оратора и соперника Цицерона Квинта Гортензия (114—50), произнесла на форуме речь, в которой она требовала отменить закон, несправедливо налагавший на женщин большую контрибуцию, и добилась отмены (Эразм ссылается на Фабия, т.е. Квинтилиана. Цит. соч. I, 1, 2).

78 *Квинтилиан*. Цит. соч. XI, 2, 5.

79 Там же.

80 *Цицерон*. О старости. VIII, 26.

81 *Плутарх*. Катон. I.

82 Эразм говорит о первородном грехе.

83 У Эразма видна свойственная многим гуманистам тенденция смягчить влияние первородного греха на человека, сделав ответственными за большую часть зла окружение и плохое воспитание.

84 *Плутарх*. Цит. соч. Жизнь Александра. V.

85 Гуманисты часто противопоставляли современные им развращенные нравы древним нравам, находя в них, в частности, образцы семейного воспитания.

86 *Тит Ливий*. История. 3, 44.

87 Такое утверждение Эразма не дает оснований, считает Марголэн, говорить о его пессимизме, так как гуманист верит в возрождение доброго воспитания, но это не будет повторение прошлого, ибо это будет воспитание без учителей-рабов, в публичных школах и др. (Erasmus. Declamatio. Comm, p. 539).

88 Здесь видна ирония Эразма в отношении современного ему духовенства, которое на высоких церковных должностях может и не быть, с его точки зрения, благочестивым.

89 Для гуманистов XVI в. серьезной проблемой в обучении становится проблема латинского языка, который с широким распространением национальных языков становится все более искусственным.

90 Кантерин — голландские ученые и эрудиты.

91 Елизавета, жена Фердинанда — это Изабелла Кастильская, жена Фердинанда Арагонского (в их правление произошло в 1479 г. объединение Кастилии и Арагона); говоря об

образованных женщинах из их семьи, Эразм имеет в виду скорее всего дочерей Жанну, Марию, Екатерину (последняя выйдет замуж за английского короля Генриха VIII).

92 Томас Мор дал своим детям прекрасное образование (см. его письмо к Гонселло, с. 303). Свою первую жену он обучил грамоте и дал ей музыкальное образование, занималась музыкой и вторая его жена.

93 Т.е. знал бы латинский язык и древнюю культуру.

94 Кариийцы считались в древности малозначительным и презренным народом, на войне их ставили в наиболее опасные места, их потерей пренебрегали.

95 Аргус — многоглазый великан; когда он спал, часть глаз у него бодрствовала.

96 Милон — полубогатый древнегреческий атлет VI в. до н.э., обладал такой силой, что поднимал взрослого быка.

97 *Исократ*. К Демонику. 18.

98 Грации (греч. Хариты) — богини красоты, радости.

99 Эразм говорит о сифилисе.

100 Предполагают, что Эразм имеет в виду "Братьев общей жизни", он невысоко ценил культурный уровень этой общины и осуждал суровую дисциплину в их школах; от пребывания в школе "Братьев общей жизни" у Эразма осталось тяжелое воспоминание.

101 Общественная школа, о которой говорит Эразм, предполагает, по мнению Маргольза, контроль компетентных властей; призыв к такой школе свидетельствует о ясном желании Эразма сделать школу важным общественным и государственным институтом (*Erasmie Declamatio*. Comm, p. 549).

102 *Диоген Лазертский*. Цит. соч. VI, 2, 74.

103 Этот случай с Эразмом произошел в обители "Братьев общей жизни" в Буа ле Дюк, где он учился.

104 Одежду невольника — в тексте досл. "волос невольника". В этих рассуждениях Эразм мог опираться на Плиния Младшего и Сенеку, защищавших человеческое достоинство рабов; это соответствовало и гуманистическим взглядам самого Эразма.

105 *Теренций*. Адельфы. I, 1, 77—79.

106 Послание к Филимону. I, 4—25. Онезий (Онисим) — раб Филимона, обокравший господина и бежавший в Рим; там он встретил Павла, который обратил его в христианство и отослал господину послание, в котором просит простить раба — и уже не раба, а сына своего.

107 Послание к Ефессянам. 6, 9.

108 Там же. 6, 9.

109 Источник Эразма — трактат Веджо.

110 И этот факт Эразм взял, очевидно, у Веджо, но дал ему собственное толкование, опустив все детали (сапожник, мальчик из свободной семьи), для него несущественные.

111 Мезенций — трусский царь, жестокий правитель, свергнутый народом в ходе восстания (см.: Вергилий. Энеида. VIII, 478—493); Фаларид — агригентский тиран (VI до н.э.), отличавшийся жестокостью.

112 Тезифона — Тисифона — одна из Эриний — богинь-мстительниц.

113 Высказанное здесь критическое отношение Эразма к военному ремеслу, к наемникам, которые сродни разбойникам и убийцам, характерно и для других работ гуманиста (см. "Жалобу мира", "Разговоры запросто").

114 Обряд этот еще назывался "снятием рогов", и смысл его заключался в том, чтобы приобщить к культуре дикое животное; но сам обряд отличался жестокостью.

115 *Vespertina* — диспут, после которого бакалавр получал докторский титул; за несколько дней до него бакалавр вместе с педелями (университетскими служащими) обходил дома магистров, сообщая о тезисах диспута. Видимо, в этом обычае были какие-то недостойные моменты.

116 Книга притчей Соломоновых. 13, 24.

117 Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова. 30, 12. О телесных наказаниях в Книге притчей Соломоновых: 22, 15; 23, 13, 14; 26, 3; 29, 15, 17.

118 К подобной критике телесных наказаний и противопоставлению в решении этих вопросов Нового завета Ветхому прибегал еще Веджо, не исключено его влияние на Эразма.

119 *Диоген Лаэртский*. Цит. соч. V, 4.

120 *Вергилий*. Георгики. I, 145—146.

121 *Квинтилиан*. Цит. соч. I, 3, 4.

122 *Теренций*. Девушка с Андроса. I, 126.

123 *Светоний*. Жизнь 12 цезарей. Веспасиан. 18.

124 *Плиний Младший*. Письма. Кн. 4, п. 13.

125 *Теренций*. Девушка с Андроса. IV, 5, 806.

126 *Плутарх*. Жизнеописания. Катон. I.

127 *Петроний*. Сатиры. XXV, 6.

128 *Плиний Младший*. Письма. IX, 12.

129 Одиссея. X, 239—240.

130 См. ссылку 58.

131 Иероним Блаженный (ок. 340—420), христианский писатель, один из отцов западной церкви, высоко чтился гуманистами за образованность и стиль, и потому имя мальчика было добрым предзнаменованием.

132 Об этом пишет Веджо, возможно его влияние на Эразма.

133 Об Илии, воспитателе Самуила, см. Первая книга царств. 1—4.

134 Эразм не признает столь распространенных в средние века способов искусственного запоминания (мнемотехники); как и другие гуманисты, он считает, что запоминанию способствует понимание и осмысление прочитанного.

135 *Гесиод*. Труды и дни. II.

136 *Лукреций*. О природе вещей. I, 936.

137 *Квинтилиан*. Цит. соч. I, 1, 4.

138 *Гесиод*. Труды и дни. 368—369.

139 Кассандра Феделе (1465—1558) происходила из знатной миланской семьи, получила хорошее образование, знала греческий и латинский языки, поэзию, музыку, была сведуща в философии и теологии. Гуманист Полициано похвалил ее в одном из писем.

140 Эразм говорит о Фабио Орсини, принадлежавшем к известному роду Орсини, дававшему Италии много юристов, ученых, капитанов. О нем в письме к Пико делла Мирандола пишет Полициано.

141 Грамматики имели привычку составлять маленькие вопросы, тонкие и курьезные, которые им самим доставляли удовольствие, а у учеников вызывали страх.

142 Дистихи (двустушия) парижского грамматика и поэта Жана Гарланда (1180—после 1252) имели распространение и в XVI в.

143 *Floretus* — средневековый сборник стихов на моральные темы неизвестного автора, широко использовался в средневековой школе; *Florista* — грамматическая поэма XV в. (из "цветников"), ее автор — грамматик Лудольф.

144 Латинская грамматика (*Doctrinale*) Александра из Велледы (XII в.) была составлена в поэтической форме; трудная для детей, она тем не менее имела широчайшее распространение.

145 Кассиотские узлы — жители селения Кассиотис в Египте были изобретателями особенно мудреных узлов.

146 У Эразма сказано "три дня" — риторическое преувеличение.

Трактат Эразма Роттердамского "*De civilitate morum puerilium*" ("О приличии детских нравов") был написан в 1530 г. для малолетнего сына Адольфа Бургундского и родного внука маркизы Нассауской, покровительницы Эразма. Трактат получил широкое распространение, в XVI в. было семь его изданий, довольно быстро в Англии, Италии, Голландии, Франции и других странах появились переводы и переделки его. Со 2-й половины XVII в. трактат известен в списках и в России наряду с другими работами Эразма (см. об этом: Алексеев М.П. Эразм Роттердамский в русском переводе. XVII в. // Славянская филология. Сб. статей. — М., 1958. Вып. 1. С. 275—330). Текст этого трактата во французской переработке находился в библиотеке Петра. В 1716 г. в Петербурге по распоряжению Петра были изданы "Разговоры дружеские Дезидерия Еразма", содержавшие извлечения из "Дружеских разговоров" (или "Разговоров запросто"), по гаагскому изданию для учащихся. Перевод "*De civilitate*" появился в Москве в 1788 г. с параллельным латинским текстом под названием "Эразма Роттердамского молодым детям наука, как должно вести себя и обходиться с другими". Перевел с латинского У.А.М., что по разъяснению С. Смирнова (Алексеев М.П. Цит. соч. С. 329) означает "учитель Александр Мельгунов".

Н.В. Ревакина

ЕРАЗМА РОТЕРОДАМСКОГО МОЛОДЫМ ДЕТЯМ НАУКА, КАК ДОЛЖНО ВЕСТИ СЕБЯ И ОБХОДИТЬСЯ С ДРУГИМИ

Эразм Роттердамский
благороднейшему и особеннейшей надежды отроку
Гендрику Бургундскому, Адольфа, владельца
вернанского сыну з.ж.

Ежели верховнейший оный Апостол Павел не вменил себе в тягость быть всем вся, чем бы только он мог принести пользу, то кольми менее я должен почесть себе за труд, чтоб из любви моей споспе-

шествовать юношеству, опять сделаться отроком. Итак я, любезнейший мой Генрик! как прежде применялся к первому возрасту Максимилиана, брата твоего (поелику обыкновенно обращаются в учении юношей), так и поныне хочу приноровиться к детству твоему, вознамерившись писать правила, касающиеся до нравов младых детей. И сие делаю не с тем намерением, чтоб ты в сих моих наставлениях особенную имел нужду; ибо ты от самой своей колыбели был воспитываем между придворными и вскоре после сего был препоручен Иоанну Круцию, искуснейшему в образовании детей дядьке. Также и не потому, чтобы все, что здесь ни будет предписано нами, касалось до тебя, который от владельцев и для владения рожден: но для того, дабы все младые дети тем охотнее изучали сии правила, что они посвящены преукрашенному счастьем и преисполненному надежды детищу. Понеже сие непосредственное всему юношеству будет побуждением, когда они увидят, что и самих героев дети с младых лет посвящают себя наукам и вместе с оным текут на одном поприще.

Итак, предмет детского наставления состоит во многих частях, из которых как первая, так и особенная есть та, чтобы младый детей дух занимался семенами благочестия; вторая, чтобы он и любил и изучал свободные науки; третья, чтобы с самых первых лет немедленно привык к учтивому обхождению в свете. О сей-то последней части предпринял я теперь намерение в особенности предложить. Ибо о прочих как премногие другие, так и мы весьма многое писали.

И во-первых, положим, что совершенное оное благоустройство тела происходит от хорошо расположенного духа; однако видим мы, что от небрежения учителей нередко выходит то, что сего дара недостает и в самых добродетельных и ученых людях. Для сего того я знание обхождения, хотя и не почитаю обширнейшею частью Философии, однако уверен, что оно, как и все ныне рассуждают, весьма много способствует к снисканию у других людей и к открытию перед очами людей превосходных души своей талантов.

Почему если прилично, чтобы всякий человек был хорошо расположен духом, телом, поступками и одеждою, то наипаче нужно детям наблюдать всякую благопристойность, и особенно из них благородным.

За благородных же почитать должно всех тех, которые ум свой просвещают свободными науками. Пусть иные на гербах своих изображают Львов, Орлов, Быков и Леопардов; однако те более имеют истинного благородства, которые вместо оных столько могут иметь у себя знаков, сколько они переучили свободных наук.

Глава первая

О теле

Итак, чтобы благорасположенный отрока дух везде показывался (показывается же он по большей части на лице), то прилично ему иметь глаза тихие, целомудренные, благочинные; не угрюмые, что бывает признаком свирепости; не неистовые, что бывает доказательством бесстыдства; не разбегающие и вертящиеся, что есть знаком неистовства; не искошенные, что есть дело подозревающих и на хитрости поднимающихся; не выпученные, что есть дело безумных; не примигивающие и прищуривающиеся, что есть дело непостоянных; не изумленные, что есть дело жавшихся, что также и в Сократе было примечено; не чрезмерно быстрые, что почитается знаком гнева; не указывающие и как бы говорящие, что бывает признаком бесстыдства; но изображающие на себе кроткий и дружественный дух. Ибо небезрассудно древними философами сказано, что душа присутствие свое имеет в глазах.

Хотя в прежние времена, как видим мы на старинных картинах, за особенную некоторую почиталось скромность смотреть на другого прищуривши глаза: так как некоторые и из испанцев за ласкового и обходительного почитали того, кто в половину глаз смотрит; так же еще из живописей научаемся, что в древние времена, сидеть сжавши и сомкнувши губы, было доказательством непорочности.

Однако что само собою по природе пристойно, то не может не почтеться и у всех таковым же. Хотя и в сем надобно нам иногда делаться полипами и приноравливаться к обычаям страны.

Сверх сего бывает еще у некоторых такое глаз расположение, какое природа дает разным в разных видах. Что, однако, не подходит здесь под наши правила; разве тогда, когда неблагопристойные телодвижения нередко будут опорочивать не только глаз, но и всего тела положение и вид. Напротив же того, если они будут во всем благопристойны, то не только то, что по природе было красиво, делают прекраснее, но и то, что было порочно, если не исправляют, так, по крайней мере, прикрывают и уменьшают.

Не пристойно прищуривши один глаз смотреть на кого-либо. Ибо что оное сие означает, как не самого себя делать кривым? Таковой поступок уступим мы одноглазым и кузнецам.

Брови должны быть по челу распростерты; не сведены одна с другою, что есть знаком угрюмости; не приподняты вверх, что означает гордость; не нависшие на глаза, что есть дело зло умышляющих.

Чело также должно быть веселое; живое, изображающее мысль саму себя сознающую, и рассудок свободный; не сморщенное как у стариков, не движущееся как у ежей, не угрюмое как у быков. В ноздрях должно наблюдать чистоту, не поступать так, как делают неопрятные; ибо сей порок и самому Сократу философу вменен был в бесчестие.

Высмаркивать нос в шапку или в платье есть дело мужицкое; утирать плечом или локтем есть дело мясников; не учтивее сего бывает и то, если кто высмаркивает нос рукою, немедленно мокроту оную обтирает об одежду.

Высмаркивать из ноздрей възгри платком есть дело пристойное; однако и то делать надобно несколько отворотясь, буде другие тут находятся поотменнее люди. Ежели что по высмаркивании носа двумя пальцами брошено будет на пол, то немедленно подтереть надобно.

Неприлично то и дело сопеть ноздрями; ибо сие бывает признаком гнева.

Еще хуже сего всхрапывать ноздрями, что есть дело бешеных, ежели только это бывает по привычке. Ибо в сем можно извинить только задыхающихся, которые страждут одышкою.

Смешно тот делает, кто говорит в нос, ибо сие свойственно воронам и слонам.

Морщить (искривлять туда и сюда) нос есть дело насмешников и шутов.

Ежели при других случится тебе чихнуть, то из учтивости надобно отворотиться в сторону; и тот же час, как чихнешь, сняв шляпу и поклонившись всем тем, которые тебя поздравляли или поздравить хотели (ибо чихание, так как и зевота, чувство слуха совсем заглушает), и спросить извинения или поблагодарить.

В случае чихания поздравлять другого есть дело христианское; а ежели тут многие находятся из старших, которые поздравляют какого-либо мужа или почтенную женщину, то отрок должен скинуть шляпу.

Сверх сего стараться чихать громко или нарочно чихать с тем намерением, чтобы показать через то силы свои, есть дело хвастунов, и напротив того, удерживать тот звук, который сама природа производит, есть дело глупцов, которые более стараются об учтивости, нежели о здоровье.

Щеки пускай украшает природная и приличествующая стыдливость, а не румяна или подложная краска. Впрочем, и сия стыдливость так должна быть умеряема, чтобы не обратилась в бесчестие и не навела *δυσκολίαν*, то есть порочной застенчивости, или грубости и четвертой, как говорит пословица, степени безумия. Понеже сия

страсть у некоторых столь слаба бывает от природы, что иного делает похожим на сумасшедшего.

Таковой порок умеряется тогда, когда отрок привыкнет обходиться со старшими и будет упражняться в представлении комедий.

Надувать щеки есть признак спеси, а развешивать их есть знак отчаивающегося духа: первое приличествует Каину, а последнее Иуде предателю.

Рот ни слишком зажимать не должно, что делают опасующиеся заразиться дыханием другого, ни расширять, как шуты; но несколько сжимать губы так, как бы они взаимно одна с другой целовались.

Непристойно также, протянувши губы, как бы щелкать ими. Хотя сие и можно простить великим господам, которые поступают так с простолюдинами; ибо им все прилично; а мы здесь наставляем молодого отрока.

Ежели нападает на тебя зевота и не удастся тебе отворотиться или уйти, то прикрой рот платком или ладонью.

Смеяться всякому слову, или делу есть обычай дурацкий; ничему не улыбнуться есть дело нечувствительных. Над простыми делами или словами насмеяться есть признак злости.

Хохотание или неумеренный оный и все тело трогаящий смех, который греки называют *συχκρητιον* смехом, движущим все тело, никакому возрасту не приличен, кольми паче детям.

И неприличен потому, что некоторые, смеясь так, производят ржание. Непристойно также и тот смех, который заставляет расширять рот, наморщивать щеки, оскалывать зубы, который иначе собачьим и сардоническим называется.

Но так надобно веселость лица своего изображать, чтобы она не обезобразивала положение рта и не изобличала бы в распутности духа.

Дурацкие суть те слова: со смеху покатываюся, со смеху надседаюся, со смеху помираю и проч.

Если же и случится что-либо столь смешное, что и нехотя в нас возбуждает такой смех, то и тогда надобно прикрыть лицо платком или рукою.

Смеяться чему-либо одному или без всякой известной причины приписывается или глупости, или безумию. Впрочем, буде в самом деле что-либо случится такое, что учтивость требует, чтобы открыть другим причину смеха: или ежели объявить, [что] ее не рассудишь, подать какой-либо знак, приводящий оную на мысль, дабы кто-либо не стал подозревать, что это его осмеяют.

Прижимать нижнюю губу верхними зубами есть дело неучливое: ибо сей знак есть угрожающего; так как и нижними кусать верхнюю. Столь же непристойно бывает, высунувши язык, то и дело облизывать губы.

Протягать уста и как бы к поцелуям готовить в древние времена у немцев почиталось за ласкательство, что доказывают их живописи.

Насмехаться над кем, высунувши язык, есть дело шутов.

Плюй отворотившись, дабы другого не заплевать и не замарать.

Ежели что выплюнуто будет на землю, то, как я сказал, потереть должно ногою, дабы иного не смутило. Если же сего сделать нельзя, то платком зажимай слюну.

Втягивать в себя слюну есть дело неучитивое, равно как и то, что мы видим на иных, которые не по нужде, но по привычке при всяком третьем слове плюют.

Некоторые во время разговора бесчинно кашляют и притом также не по нужде, но по обыкновению; таковой поступок есть хвастунов и еще таких людей, которые во время разговора, что сказывают, выдумывают.

Иные также бесчинно при всяком третьем слове рыгают. К чему ежели в молодых годах привыкнет, то не отстанет и в совершенном возрасте.

То же думать надобно и о харкании, в каковом был замечен от слуги у Теренция оный Клитофон.

Ежели будет тебя мучить кашель, то берегись, чтобы другому не накашлять в рот, и избегай непристойности крепче кашлять, нежели сколько натура требует.

Когда тебя будет рвать, то уйди, ибо рвота сама по себе не есть мерзка, но доводить себя до оной неумеренности есть бесчестно.

Наблюдать надобно чистоту в зубах; однако же набеливать их порошком есть дело девичье, натирать солью или квасцами вредно деснам. То ж делать мочою (уриною) есть дело Арагонцев.

Ежели что в зубах навязнет, то не ножиком, не ногтями, как делают собаки и кошки, не салфеткою надобно вычищать, но маленькою спичкою или косточками, вынутыми из петушачьих и курячьих ног.

Полоскать поутру рот чистою водою есть и благорисованно, и здорово, а всегда это делать нехорошо.

Не причесывать голову есть дело мужицкое. Надобно вести ее чисто только не убирать так, как девки.

Надобно стараться, чтобы не было в ней гнид и вшей. Неприлично при других чесать в голове; гнусно также и прочие части тела скоблить ногтями, а особливо ежели это делается по привычке, а не по нужде.

Волосы не должны лежать на лбу и не должны быть распущены по плечам.

Частым трясением головы растрепывать волосы свойственно резвым лошадям.

Загибать назад голову и приподнимать плечи означает лень, изгибаться назад есть признак гордости; а надобно стоять или сидеть прямо.

Шею ни на правую, ни на левую сторону искривлять не надобно, разве того требует разговор или другое что сему подобное, ибо иначе сие будет означать лицемерство.

Плечи должно содержать в равновесии, не приподнимать одно кверху и не опускать другое книзу.

Ибо таковые телодвижения, оставленные в небрежении в молодых летах, обращаются им в природу и, кроме оной, обезображивают весь стан тела. И так те, которые от небрежения своего снискали привычку нагибать тело, такой себе наживают горб, какого им природа никогда не давала; равно как и те, которые искривя на бок голову ходить привыкли, так в сем навыке заматеревают, что и возмужавши уже напрасно переменять оный стараются.

Поелику младые тела подобны суть молодым деревцам, которые на какую сторону их не погнешь посредством подставок и привязок, так растут и укрепляются.

Завертывать оба плеча на спину означает вместе лень и вора: ничем не лучше сего стоять или сидеть положи одну руку на брюхо, хотя некоторым и кажется сие щегольством и геройством; однако не вдруг считать надобно то благопристойным, что нравится глупцам, но одно то, что согласно с натурою и с разумом.

Члены, которые природа подвергла стыдливости, обнаруживать без нужды весьма запрещать должно детям.

Ежели где нужда сего требует, то делать надобно без нарушения целомудрия, хотя бы и никто не был тому свидетелем.

Ибо ангелы всегда с нами присутствуют, которым в детях наипаче всего бывает приятен спутник и страж целомудрия стыдливость.

К членам же тела, на которые смотреть стыдно, наипаче не должно прикасаться другому.

Задерживать в себе мочу есть вредно, а испускать ее наедине благопристойно.

Есть такие люди, которые наказывают, чтобы отрок делал себе насилие, задерживал в себе порывающиеся из желудка пары. Однако сего похвалить не можно, когда он, стараясь показаться учтивым, подвергает себя болезни.

Ежели можно выйти, то пусть наедине то делает, ежели иначе, то по древнейшей пословице пусть извинится кашлем.

Впрочем, для чего они не с таким тщанием заказывают, чтобы дети их не наполняли всячиною желудок? Когда задерживать в себе пары опаснее, нежели испражнять желудок.

Сидеть, расставив коленки, или стоять, раздвинув и искривив ноги, есть дело горделивцев.

Ты когда сидишь, подожми коленки, а когда стоишь, сожми ноги или по крайней мере искуснее поставь их.

Некоторые так садятся, что одну ногу перевешивают через колено другой; а иные стоят, обе сжав вместе, из которых первые походят на печалующихся, а последние на глупых.

Правда, сидеть, положив правую ногу на бедро левой, есть обычай прежних царей, однако никем еще не одобрен.

У итальянцев некоторые в знак чести прижимают одну ногу другою и становятся на одних берцах по обыкновению циконий (птиц), что пристойно ли делать детям, не знаю.

Также и в преклонении колен разное у разных почитается пристойным или непристойным.

Многие преклоняют оба вместе и так же опять встают, только иные прямо всем станом, а иные несколько понагнувшись.

Есть еще такие, которые так вставать почитая за женское дело, прямым станом преклоняют сперва правое, а потом левое колено, что самое у британцев в похвалу вменяется юношам.

Французы умеренным тела положением одно правое колено преклоняют.

Во всех сих обычаях, которых разность ничего не имеет в себе противного благопристойности, вольно или по обычаям той земли поступать или другим подражать, ежели есть такие люди, которым более нравятся обыкновения других.

Походка должна быть ни медлительна, ни скоро, из которых первая бывает нежащихся, а последняя бешеных, не развальчива, которую осуждает Фабий.

Играть, сидя, ногами есть дело дураков, равно как и шалить руками почитается признаком нехорошей мысли.

Из книги: Эразма Роттердамского молодым детям наука, как должно себя вести и обходиться с другими, и Иоанна Лудовика руководство к мудрости. Для пользы обучающегося в Московской Славяно-греко-латинской академии юношества перевел с латинского языка У.А.М. М., 1788. С. 5—37.

ФРАНСУА РАБЛЕ

Франсуа Рабле (1494—1553) — гуманист и ученый, крупнейший французский писатель Возрождения. Родившись в Шиноне, возможно, в семье адвоката, он в детстве много скитался по монастырям, пока в 25-летнем возрасте не постригся в монахи. Но уже в 1527 г. Рабле оставил монастырь и ушел учиться. В университете Монпелье он получил в 1530 г. степень бакалавра, а в 1537 г. — доктора медицины. Работал Рабле врачом в Лионском госпитале, в конце жизни с помощью своего покровителя кардинала Жанна дю Белле, с которым дважды был в Риме, он получает церковный приход в Медоне, где и кончает свои дни.

Как ученый Рабле известен публикацией "Афоризмов" Гиппократа (греческого текста и латинского перевода). Но главный труд жизни Рабле — знаменитый роман "Гаргантюа и Пантагрюэль" в 5 книгах, над которым он работал более 20 лет. Роман начал выходить в 1532 г., и последняя, пятая книга, которую Рабле не закончил, вышла уже после его смерти и, видимо, не вся полностью принадлежит Рабле.

В веселом, дерзком и умном романе Рабле, ставшем подлинной энциклопедией французской жизни XVI в., соединившем в себе народные традиции с блестящей гуманистической культурой и ученостью, Рабле высказывает свой взгляд на мир, общество, человека, на воспитание, облекая свои идеи в художественную форму шаржа, гротеска, буффонады. В нескольких главах I и II книг он рисует в гротескной форме схоластическое воспитание и, показывая его нелепость, предлагает новый способ образования и воспитания. В соответствии с новыми принципами знание — и притом важное для жизни, а не схоластическое — приобретает не только из книг, но и путем наблюдения, непосредственного знакомства с изучаемыми вещами — в труде, игре, на прогулке, за обедом, даже на пиру; в образовании широко представлены естественные науки и математические, языки; большое внимание уделяется физическому воспитанию и художественному (занятия музыкой, живописью, скульптурой). Прекрасное и исполненное серьезности письмо Гаргантюа сыну является манифестом гуманистического воспитания с призывом совершенствоваться в науках и добродетелях, с верой в прогресс знания, с гордостью за свою эпоху, возродившую знание языков, изобретшую книгопечатание, имеющую "образованнейших наставников и обширнейшие книгохранилища".

Н.В. Ревякина

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ

Книга I

Глава XXIII

О методе, применявшейся Понократом,
благодаря которой у Гаргантюа не пропало зря ни одного часа

Увидев, какой неправильный образ жизни ведет Гаргантюа¹, Понократ решил обучить его наукам иначе, однако же на первых порах не нарушил заведенного порядка, ибо он полагал, что без сильного потрясения природа не терпит внезапных перемен. Чтобы у него лучше пошло дело, Понократ обратился к одному сведущему врачу того времени, магистру Теодору, с просьбой, не может ли он наставить Гаргантюа на путь истинный; магистр по всем правилам медицины дал Гаргантюа антикирской чемерицы² и с помощью этого снадобья излечил его больной мозг и очистил от всякой скверны. Тем же самым способом Понократ заставил Гаргантюа забыть все, чему его научили прежние воспитатели, — так же точно поступал Тимофей с теми из своих учеников, которые прежде брали уроки у других музыкантов³.

Чтобы вернее достигнуть своей цели, Понократ ввел Гаргантюа в общество местных ученых, соревнование с коими должно было поднять его дух и усилить в нем желание заниматься по-иному и отличиться.

Затем он составил план занятий таким образом, что Гаргантюа не терял зря ни часу: все его время уходило на приобретение полезных знаний.

Итак, вставал Гаргантюа около четырех часов утра. В то время как его растирали, он должен был прослушать несколько страниц из Священного писания, которое ему читали громко и внятно, с особым выражением, для каковой цели был нанят юный паж по имени Анагност⁴, родом из Баше. Содержание читаемых отрывков часто оказывало на Гаргантюа такое действие, что он проникался особым благоговением и любовью к богу, славил его и молился ему, ибо Священное писание открывало перед ним его величие и мудрость неизреченную.

Затем Гаргантюа отправлялся в одно место, дабы извергнуть из себя экскременты. Там наставник повторял с ним прочитанное и разъяснял все, что было ему непонятно и трудно.

На возвратном пути они наблюдали, в каком состоянии находится небесная сфера, такая ли она, как была вчера вечером, и определяли, под каким знаком зодиака восходит сегодня солнце и под каким луна.

После этого Гаргантюа одевали, причесывали, завивали, наряжали, опрыскивали духами и в течение всего этого времени повторяли с

ним заданные накануне уроки. Он отвечал их наизусть и тут же старался применить к каким-либо случаям из жизни; продолжалось это часа два-три и обыкновенно кончалось к тому времени, когда он был совсем одет.

Затем три часа он слушал чтение.

После этого, выходили на воздух и, по дороге обсуждая содержание прочитанного, отправлялись ради гимнастических упражнений в Брак или же шли в луга и там играли в мяч, в лапту, в пиль тригон, столь же искусно развивая телесные силы, как только что развивали силы духовные.

В играх этих не было ничего принудительного: они бросали партию, когда хотели, и обыкновенно прекращали игру чуть только, бывало, вспотеют или же утомятся. Сухо-насухо обтерев все тело, они меняли сорочки и гуляющей походкой шли узнать, не готов ли обед. В ожидании обеда они внятно и с выражением читали наизусть изречения, запомнившиеся им из сегодняшнего урока.

Наконец появлялся и господин Аппетит, и все во благовремени садились за стол.

В начале обеда читалась вслух какая-нибудь занимательная повесть о славных делах старины, — читалась до тех пор, пока Гаргантюа не принимался за вино. Потом, если была охота, чтение продолжалось, а не то так завязывался веселый общий разговор; при этом в первые месяцы речь шла о свойствах, особенностях, пользе и происхождении всего, что подавалось на стол: хлеба, вина, воды, соли, мяса, рыбы, плодов, трав, корнеплодов, а равно и о том, как из них приготавливаются кушанья. Попутно Гаргантюа выучил в короткий срок соответствующие места из Плиния, Афиней, Диоскорида, Юлия Поллукса, Галена, Порфирия, Оппиана, Полибия, Гелиодора, Аристотеля, Элиана⁵ и других. Чтобы себя проверить, сотрапезники часто во время таких бесед клали перед собой на стол книги вышепоименованных авторов. И все это с такой силой врезалось в память Гаргантюа и запечатлевалось в ней, что не было в то время врача, который знал хотя бы половину того, что знал он.

Далее разговор возвращался к утреннему уроку, а потом, закусив вареньем из айвы, Гаргантюа чистил себе зубы стволем мастикового дерева, ополаскивал руки и глаза холодной водой, после чего благодарил бога в прекрасных песнопениях, прославлявших благоутробие его и милосердие. Затем приносились карты, но не для игры, а для всякого рода остроумных забав, основанных всецело на арифметике.

Благодаря этому Гаргантюа возымел особое пристрастие к числам, и каждый день после обеда и после ужина он с таким увлечением за-

нимался арифметикой, с каким прежде играл в кости или же в карты. В конце концов он так хорошо усвоил ее теоретически и практически, что даже английский ученый Тунстал⁶, коему принадлежит обширный труд, посвященный арифметике, принужден был сознаться, что по сравнению с Гаргантюа он, право, смыслит в ней столько же, сколько в верхненемецком языке.

И не только в арифметике, — Гаргантюа оказывал успехи и в других математических науках, как-то: в геометрии, астрономии и музыке⁷. В то время как их желудки усваивали и переваривали пищу, они чертили множество забавных геометрических фигур, а заодно изучали астрономические законы.

Потом они пели, разбившись на четыре или пять голосов, или же это было что-нибудь сольное, приятное для исполнения.

Что касается музыкальных инструментов, то Гаргантюа выучился играть на лютне, на спинете, на арфе, на флейте немецкой о девяти клапанах, на виоле и на тромбоне.

На подобные упражнения тратили около часа; за это время процесс пищеварения подходил к концу, и Гаргантюа шел облегчить желудок, а затем часа на три, если не больше, садился за главные свои занятия, то есть повторял утренний урок чтения, читал дальше и учился красиво и правильно писать буквы античные и новые римские.

По окончании занятий они выходили из дому вместе с конюшим Гимнастом, молодым тюренским дворянином, который давал Гаргантюа уроки верховой езды.

Сменив одежду, Гаргантюа садился на строевого коня, на тяжело-воза, на испанского или же на арабского скакуна, на быстроходную лошадь и то пускал коня во весь опор, то занимался вольтижировкой, заставлял коня перескакивать через канавы, брать барьеры или, круто поворачивая его то вправо, то влево, бегать по кругу.

При этом он ломал, — но только не копыя (что может быть глупее такого хвастовства: "Я сломал десять копий на турнире или же в бою", — да это сумеет сделать любой плотник!), — нет, честь и слава тому, кто одним копыем сломит десятерых врагов. Гаргантюа же своим копыем, крепким, негнушимся, со стальным наконечником, ломал ворота, пробивал панцири, валил деревья, поддевал на лету кольца, подхватывал седло, кольчугу, латную рукавицу. Все это он проделывал в полном вооружении.

Насчет того, чтобы погарцевать и, сидя верхом, показать разные фокусы, то тут ему не было равных. Сам феррарский вольтижер по сравнению с ним просто-напросто обезьяна. Особенно ловко перескакивал он с коня на коня — в мгновение ока и не касаясь земли (такие

лошади назывались дезультиарными), в любую сторону, держа в руке копыя; при этом в стремя он не ступал и, не прибегая к поводьям, направлял коня, куда ему только хотелось, что в военном искусстве имеет значение немаловажное.

В иные дни он упражнялся с алебардой: размахивал ею с такой силой и так стремительно, круговым движением, ее опускал, что все его стали почитать за настоящего рыцаря, рыцаря-воина и рыцаря турнирного.

Кроме того, он владел пикой, эспандером для обеих рук, длинной шпагой, испанской шпагой, кинжалом широким и кинжалом узким; бился в кольчуге и без кольчуги, со щитом обыкновенным, со щитом круглым, завертывая руку в плащ.

Охотился он верхом на коне на оленей, козуль, медведей, серн, кабанов, зайцев, куропаток, фазанов, дроф. Играл в большой мяч, подкидывая его ногой или же кулаком. Боролся, бегал, прыгал, но не с разбегу, не на одной ноге и не по-немецки, ибо Гимнаст находил, что эти виды прыжков бесполезны и не нужны на войне, — он перепрыгивал через канавы, перемахивал через изгороди, взбегал на шесть шагов вверх по стене и таким образом достигал окна, находившегося на высоте копыя.

Плавал к глубоким местам на груди, на спине, на боку, двигая всеми членами или же одними ногами; с книгой в руке переплывал Сену, не замочив ни одной страницы, да еще, как Юлий Цезарь, держа в зубах плащ. С помощью одной руки, ценою огромных усилий взбирался на корабль, а оттуда снова вниз головой бросался в воду, доставал дно, заплывал в расселины подводных скал, нырял в пучины и водовороты. Поворачивал судно, управлял им, вел его то быстро, то медленно, по течению, против течения, останавливал судно посреди шлюза, одной рукой вел корабль, а другой орудовал длинным веслом, ставил паруса, влезал по канатам на мачты, бегал по реям, устанавливал буссоль, поворачивал булинь против ветра, руль держал твердо.

Мгновенно выскочив из воды, взбегал на гору и потом так же легко сбегал, лазил по деревьям, как кошка, прыгал с одного на другое, как белка, ломал толстые сучья, как второй Милон⁸. С помощью двух отточенных кинжалов и двух прочных шильев проворно, как крыса, взбирался на кровлю дома, а спускаясь, принимал такое положение, при котором падение не представляло для него опасности.

Метал дротик, железный брус, камень, копые, рогатину, алебарду; натягивал лук; один, без посторонней помощи, заводил осадный арбалет; прицеливался из пищали; ставил на лафет пушку; стрелял на стрельбище в картонную птицу, стрелял снизу вверх, сверху вниз, вперед, вбок и назад, как парфяне.

К высокой башне привязывался канат, спускавшийся до самой земли, и Гаргантюа взбирался по этому канату на руках, а затем спускался с такой быстротой и ловкостью, что вам так не проползти и по ровному лугу.

Между двумя деревьями клали толстую перекладину, и он, держась за нее руками, передвигался взад и вперед, — ноги на весу, — да так быстро, что его и бегом невозможно было догнать.

Чтобы развить грудную клетку и легкие, он кричал, как сто чертей. Однажды я сам был свидетелем, как он, находясь у ворот св. Виктора, звал Эвдемона, и голос его был слышен на Монмартре. Даже голос Стентора⁹ во время битвы под Троей не достигал такой мощи.

Для того чтобы Гаргантюа укрепил себе сухожилия, ему отлили из свинца две огромные болванки в восемь тысяч семьсот квинталов весом каждая, — он их называл гирями; он поднимал их с полу и неподвижно держал над головою, по одной в каждой руке, три четверти часа, а то и больше, что обличало в нем силу непомерную.

В брусья он играл с первыми силачами; когда наступал его черед, он держался на ногах необычайно твердо и, как некогда Милон, уступал только наиболее отважным, кому удавалось сдвинуть его с места. В подражание тому же Милону он брал в руку гранат и вызывал желяющих отнять у него этот плод.

После подобных занятий его растирали, чистили, меняли на нем одежду, и он не спеша возвращался домой; если же он шел по лугу или по какому-либо обильному травною месту, то рассматривал деревья и растения и сравнивал их с тем, что о них писали древние ученые, как, например, Теофраст, Диоскорид, Марин, Плиний, Никандр, Макр и Гален¹⁰, и когда он и его спутники приходили домой, то руки у них были полны трав, поступавших затем в распоряжение юного пажа по имени Ризотом¹¹, ведавшего также полочными тятками, мотыгами, заступами, лопатами, ножами и другими инструментами, необходимыми для правильной гербаризации. Придя домой, они, пока готовился ужин, повторяли некоторые места из прочитанного, а затем садились за стол.

Надобно заметить, что за обедом, неизменно простым и скромным, Гаргантюа ел, только чтобы заморить червячка, зато ужин бывал обилен и продолжителен, и уж тут он принимал пищу в таком количестве, которое было ему необходимо, дабы подкрепить силы и насытиться, а в этом-то и состоит правильный режим питания, предписываемый истинной и разумной медициной, меж тем как орава тупоголовых докторишек, у коих от софистической выучки мозги стали набекрень, советует нечто прямо противоположное.

За ужином возобновлялся обеденный урок, и длился он, пока не надоело; остальное время посвящалось ученой беседе, приятной и полезной.

Прочтя благодарственную молитву, пели, играли на музыкальных инструментах, принимали участие во всякого рода забавах, вроде карт или же костей, так что иной раз обильная трапеза и увеселения длились до тех пор, когда уже надо было идти спать, а иной раз Гаргантюа и его приближенные посещали общество ученых или путешественников, коим довелось побывать в чужих странах.

Темной ночью, перед сном, выходили на самое открытое место во всем доме, смотрели на небо, наблюдали кометы, если таковые были, или положение, расположение, противостояние и совпадение светил.

Затем Гаргантюа в кратких словах рассказывал по способу пифагорейцев наставнику все, что он прочитал, увидел, узнал, сделал и услышал за нынешний день.

Засим молились господа творцу, выражали ему свою любовь, укреплялись в вере, славили его бесконечную благость и, возблагодарив его за минувшее, предавали себя его милосердию на будущее.

После этого ложились спать.

Глава XXIV

О том, как Гаргантюа проводил время в дождливую погоду

Если выпадали дождливые и ненастные дни, то время до обеда проводили как обыкновенно, с тою, однако же, разницей, что, дабы перебороть непогоду, разводили веселый и яркий огонь. Но после обеда гимнастика отменялась, все оставались дома и в апотерапевтических целях¹² убирали сено, кололи и пилили дрова, молотили хлеб в риге; потом занимались живописью и скульптурой или же возрождали старинную игру в кости, руководствуясь тем, как ее описал Леоник¹³ и как играет в нее добрый наш друг Ласкарис¹⁴. Во время игры вызывали в памяти те места из древних авторов, где есть о ней упоминание или же связанное с нею уподобление.

А то ходили смотреть, как плавят металлы, как отливают артиллерийские орудия, ходили к гранильщикам, ювелирам, шлифовальщикам драгоценных камней, к алхимикам и монетчикам, в ковровые, ткацкие и шелкопрядильные мастерские, к часовщикам, зеркальщикам, печатникам, огранщикам, красильщикам и разным другим мастерам и, всем давая на выпивку, получали возможность изучить ремесла и ознакомиться со всякого рода изобретениями в этой области.

Ходили на публичные лекции, на торжественные акты, на состязания в искусстве риторики, ходили слушать речи, ходили слушать знаменитых адвокатов и евангелических проповедников.

Посещали залы и помещения для фехтования, и там Гаргантюа состязался с мастерами и доказывал им на деле, что он владеет любым родом оружия нисколько не хуже, а, пожалуй, даже и лучше, чем они.

Вместо того чтобы составлять гербарий, они посещали лавки москательщиков, продавцов трав, аптекарей, внимательнейшим образом рассматривали плоды, корни, листья, смолу, семена, чужеземные мази и тут же изучали способы их подделки.

Ходили смотреть акробатов, жонглеров, фокусников, причем Гаргантюа следил за их движениями, уловками, прыжками и прислушивался к их краснобайству, особое внимание уделяя шонийцам пикардийским, ибо то были прирожденные балагуры и великие мастера по части втирания очков.

Вернувшись домой, они ели за ужином меньше, чем в другие дни, и выбирали пищу сухую и не жирную, дабы тем самым обезвредить влияние сырого воздуха, коим дышит тело, и дабы на их здоровье не сказались отсутствие обычных упражнений.

Так воспитывался Гаргантюа, с каждым днем показывая все большие успехи и, понятное дело, извлекая из постоянных упражнений всю ту пользу, какую может извлечь юноша, в меру своего возраста сметливый; упражнения же эти хоть и показались ему на первых порах трудными, однако с течением времени сделались такими приятными, легкими и желанными, что скорее походили на развлечения короля, нежели на занятия школьника.

Со всем тем Понократ, чтобы дать Гаргантюа отдохнуть от сильного умственного напряжения, раз в месяц выбирал ясный и погожий день, и они с утра отправлялись за город: в Шантильи, в Булонь, в Монруж, в Пон-Шарантов, в Ванв или же в Сен-Клу. Там они проводили целый день, веселясь напропалую: шутили, дурачились, в питье друг от дружки не отставали, играли, пели, танцевали, валялись на зеленой травке, разоряли птичьи гнезда, ловили лягушек, раков, перепелов.

И хотя этот день проходил без чтения книг, но и он проходил не без пользы, ибо на зеленом лугу они читали на память какие-нибудь занятные стихи из "Георгик" Вергилия, из Гесиода, из "Рустика" Полициано¹⁵, писали на латинском языке шуточные эпиграммы, а затем переводили их на французский язык в форме рондо или же баллады.

Во время пиршества они, следуя указаниям Катона в *De re rustica*¹⁶ и Плиния, с помощью трубочки, сделанной из плюща, выщезивали из разбавленного вина воду, промывали вино в чане с водой, а затем

пропускали его через воронку, перегоняли воду из одного сосуда в другой или же изобретали маленькие автоматические приспособления, то есть такие, которые двигаются сами собой.

Книга II

Глава VIII

О том, как Пантагрюэль, будучи в Париже, получил от своего отца Гаргантюа письмо, копия коего ниже приводится

Пантагрюэль занимался, как вы знаете, весьма прилежно и отлично успевал, ибо ум его был как бы с двойным дном, вместимость же его памяти равнялась двенадцати бочкам из-под оливкового масла. И вот, находясь в Париже, получил он однажды нижеследующее письмо от своего отца:

"Возлюбленный сын мой!

Среди тех даров, щедрот и преимуществ, коим зиждитель мира, всемогущий господь изначала наделил и украсил природу человеческую, высшим и самым редкостным свойством представляется мне то, благодаря которому природа наша в смертном своем состоянии может достигнуть своего рода бессмертия и в преходящей жизни увековечить имя свое и семя, и совершается это через потомство, рождаемое нами в законном браке. Правда, то, чего лишил нас грех прародителей наших, утрачено безвозвратно, ибо им было сказано, что за неповиновение заповедям господя творца они умрут и что смерть уничтожит ту прекрасную форму, которую человек получил при своем появлении на свет. Однако же вследствие того, что семя распространяется, в детях оживает то, что утрачено родителями, а во внуках то, что погибло в детях, и так будет продолжаться до самого Страшного суда, когда Иисус Христос возвратит свое царство отцу, — царство, уже вкушающее мир, избавленное от каких бы то ни было опасностей и греховных соблазнов, ибо тогда уже прекратится деторождение, прекратится повреждение нравов, прекратится непрерывное превращение элементов, настанет долгожданный и нерушимый мир, все придет к своему концу и пределу.

Следовательно, благодарность моя господу, промыслителю моему, имеет под собою достаточно твердое основание, ибо он дал мне возможность увидеть, как моя убеленная сединами старость расцветает в твоей младости, и когда по его произволению, которое всем в мире управляет и все умеряет, душа моя покинет человеческий свой сосуд,

я умру не всецело, — а лишь перейду из одного обиталища в другое, коль скоро в тебе и благодаря тебе видимый образ мой пребудет в сем мире, продолжая жить, продолжая все видеть, продолжая оставаться в привычном кругу моих друзей, людей добропорядочных; теперь же я веду жизнь, пусть, должен сознаться, и не безгрешную, ибо все мы грешники и все мы неустанно молим бога простить нам наши грехи, но, с помощью божией и по милости божией, безукоризненную.

Со всем тем, хотя в тебе и пребудет телесный мой образ, но если твои собственные душевные качества не проявятся во всем своем блеске, то тебя не станут почитать стражем и хранителем бессмертия нашего рода, и радость моя тогда омрачится, оттого что худшая моя часть, а именно плоть, в тебе останется, лучшая же, а именно душа, благодаря которой люди могли бы благословлять наш род, измельчает и впадет в ничтожество. Все это я говорю не потому, чтобы я не верил в твою добродетель, — я в ней уже убедился воочию, — я хочу лишь тебя вдохновить на то, чтобы ты совершенствовался беспрестанно. И эти строки мои имеют целью не столько наставить тебя на путь добродетели, сколько вызвать у тебя удовлетворение при мысли, что ты жил и живешь как должно, и придать тебе бодрости на будущее время.

К сказанному я могу лишь прибавить и напомнить тебе, что я ничего для тебя не жалел, — я растил тебя так, словно у меня одна-единственная радость — еще при жизни убедиться, что ты достиг наивысшего совершенства не только в добродетели, благонравии и мудрости, но и во всех областях вольного и благородного знания, и быть спокойным, что ты и после моей смерти останешься как бы зеркалом, в коем отражается лик твоего отца, — отражается если и не так безупречно и не так полно, как бы мне хотелось, то, во всяком случае, насколько это от тебя зависит.

Но хотя блаженной памяти мой покойный отец Грангузье приложил все старания, чтобы я усовершенствовался во всех государственных науках, и хотя мое прилежание и успехи не только не обманули, а, пожалуй, даже и превзошли его ожидания, все же, как ты сам отлично понимаешь, время тогда было не такое благоприятное для процветания наук, как ныне, и не мог я похвастать таким обилием мудрых наставников, как ты. То было темное время, тогда еще чувствовалось пагубное и зловердное влияние готов, истреблявших всю изящную словесность¹⁷.

Однако, по милости божией, с наук на моих глазах сняли запрет, они окружены почетом, и произошли столь благодетельные перемены, что теперь я едва ли годился бы в младший класс, тогда как в зрелом возрасте я не без основания считался ученым из людей своего времени.

Говорю я это не из пустого тщеславия, хотя в письме к тебе я имею полное право себя хвалить, примером чему служат нам Марк Туллий в своей книге "О старости" и Плутарх в книге под заглавием "Как можно себя хвалить, не вызывая зависти"¹⁸, а единственно для того, чтобы выразить всю мою нежную к тебе любовь.

Ныне науки восстановлены, возрождены языки: греческий, не зная которого человек не имеет права считать себя ученым, еврейский, халдейский, латинский¹⁹. Ныне в ходу изящное и исправное тиснение²⁰, изобретенное в мое время по внушению бога, тогда как пушки были выдуманы по наущению дьявола. Всюду мы видим ученых людей, образованнейших наставников, обширнейшие книгохранилища, так что, на мой взгляд, даже во времена Платона, Цицерона и Папиниана было труднее учиться, нежели теперь, и скоро для тех, кто не понаторел в Минервиной школе мудрости, все дороги будут закрыты. Ныне разбойники, палачи, проходимцы и конюхи более образованны, нежели в мое время доктора наук и проповедники. Да что говорить! Женщины и девушки — и те стремятся к знанию, этому источнику славы, этой манне небесной. Даже я на старости лет принужден заниматься греческим языком, — в отличие от Катона²¹ я и прежде отнюдь не презирал его, но в юные годы я не располагал временем для его изучения, и вот теперь, ожидая того часа, когда господу будет угодно, чтобы я покинул землю и предстал перед ним, я с наслаждением читаю "Moralia" Плутарха, прекрасные "Диалоги" Платона, Павсаниевы "Описания" и Афинеевы "Древности"²².

Вот почему, сын мой, я заклинаю тебя употребить свою молодость на усовершенствование в науках и добродетелях. Ты — в Париже, с тобою наставник твой Эпистемон; Эпистемон просветит тебя при помощи устных и живых поучений. Париж послужит тебе достойным примером.

Моя цель и желание, чтобы ты превосходно знал языки: во-первых, греческий, как то заповедал Квинтилиан²³, во-вторых, латинский, затем еврейский, ради Священного писания, и, наконец, халдейский и арабский, и чтобы в греческих своих сочинениях ты подражал слогу Платона, а в латинских — слогу Цицерона. Ни одно историческое событие да не изгладится из твоей памяти, — тут тебе пригодится любая космография.

К свободным наукам, как-то: геометрии, арифметике и музыке, я привил тебе некоторую склонность, когда ты был еще маленький, когда тебе было лет пять-шесть, — развивай ее в себе, а также изучи все законы астрономии; астрологические же гадания и искусство Луллия²⁴ пусть тебя не занимают, ибо все это вздор и обман.

Затверди на память прекрасные тексты гражданского права и изложи мне их с толкованиями.

Что касается явлений природы, то я хочу, чтобы ты выказал к ним должную любознательность; чтобы ты мог перечислить, в каких морях, реках и источниках какие водятся рыбы; чтобы все птицы небесные, чтобы все деревья, кусты и кустики, какие можно встретить в лесах, все травы, растущие на земле, все металлы, сокрытые в ее недрах, и все драгоценные камни Востока и Юга были тебе известны.

Затем внимательно перечти книги греческих, арабских и латинских медиков, не пренебрегай и талмудистами и каббалистами и с помощью постоянно производимых вскрытий приобрети совершенное познание мира, именуемого микрокосмом, то есть человека. Несколько часов в день отводи для чтения Священного писания: сперва прочти на греческом языке Новый завет и Послания апостолов, потом, на еврейском, Ветхий.

Словом, тебя ожидает бездна премудрости. Впоследствии же, когда ты станешь зрелым мужем, тебе придется прервать свои спокойные и мирные занятия и научиться ездить верхом и владеть оружием, дабы защищать мой дом и оказывать всемерную помощь нашим друзьям, в случае если на них нападут злодеи.

Я хочу, чтобы ты в ближайшее время испытал себя, насколько ты преуспел в науках, а для этого лучший способ — публичные диспуты со всеми и по всем вопросам, а также беседы с учеными людьми, которых в Париже больше, чем где бы то ни было.

Но, как сказал премудрый Соломон²⁵, мудрость в порочную душу не входит, знание, если не иметь совести, способно лишь погубить душу, а потому ты должен почитать, любить и бояться бога, устремлять к нему все свои помыслы и надежды и, памятуя о том, что вера без добрых дел мертва, прилепиться к нему и жить так, чтобы грех никогда не разъединял тебя с ним. Беги от соблазнов мира сего. Не дай проникнуть в сердце свое суете, ибо земная наша жизнь преходяща, а слово божие пребывает вовек. Помогай ближним своим и возлюби их, как самого себя. Почитай наставников своих. Избегай общества людей, на которых ты не желал бы походить, и не зарывай в землю талантов, коими одарил тебя господь. Когда же ты убедишься, что извлек все, что только можно было извлечь из пребывания в тех краях, то возвращайся сюда, дабы мне увидеть тебя перед смертью и благословить. Аминь.

Твой отец Гаргантюа".

Утопия, марта семнадцатого дня.

Получив и прочитав это письмо, Пантагрюэль взыграл духом и загорелся желанием учиться еще лучше, и, видя, как он занимается и успевает, вы бы сказали, что ум его пожирает книги, как огонь пожирает сухой вереск, — до того Пантагрюэль был вьедлив и неутомим.

Из книги: Франсуа Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1966. С. 90—97, 192—196. Пер. Н. Любимова.

КОММЕНТАРИИ

Книга 1

¹ В предыдущих главах первой книги (XIV, XV, XXXI) рассказывается об обучении Гаргантюа педагогами-схоластами; в этих главах Рабле критикует средневековую систему обучения.

² Чемерица — растение, применявшееся в древности как средство против психических заболеваний; много чемерицы вывозили из Антикиры — города в Сев. Африке.

³ Тимофей — музыкант из Милета, жил в IV в. до н.э.

⁴ Анагност — чтец (греч.).

⁵ Рабле перечисляет имена древних философов, натуралистов, историков, писателей (см. указатель имен).

⁶ Тунстал — Кэтберт Тенстолл (1474—1559), епископ Дергемский, занимался также наукой; Рабле называет его книгу "Об искусстве счета".

⁷ Учение о музыкальной гармонии рассматривалось в средние века как часть математической науки, и потому музыка входила в квадривий наряду с арифметикой, геометрией и астрономией.

⁸ Милон Кротонский — знаменитый греческий атлет VI в. до н.э.

⁹ Стентор — один из героев "Илиады", обладал могучим голосом.

¹⁰ См. указатель имен.

¹¹ Ризотом—Корнерез (греч.).

¹² Апотерапия — медицинский термин, означающий "наилучший режим".

¹³ Леоник — итальянский гуманист Никколо Леонико Томео (1456—1531), его трактат об игре в кости вышел в свет в 1532 г.

¹⁴ С Иоанном Ласкарисом (1443—1543), греческим ученым, жившим после падения Константинополя в Европе, Рабле мог познакомиться, когда тот находился на службе у французских королей и преподавал греческий в Париже.

¹⁵ "Георгики" ("О сельском хозяйстве") — дидактическая поэма римского поэта Публия Вергилия Марона (70—19 гг. до н.э.); поэма гуманиста, итальянского поэта, ученого-философа Анджело Полициано (1454—1494) "Земледелец" ("Rusticus") была введена к "Георгикам" Вергилия, которого Полициано читал во Флоренции слушателям.

¹⁶ "О сельском хозяйстве" — сочинение римского политического деятеля Марка Порция Катона Старшего (234—149 до н.э.).

Книга 2

¹⁷ Гуманисты видели в средневековье темное время упадка культуры, утраты знания языков и связывали это с падением Римской империи и вторжением варварских племен.

18 "О старости" — сочинение римского оратора, политического деятеля и писателя Марка Туллия Цицерона (106—43). "Как можно себя хвалить, не вызывая зависти" — сочинение древнегреческого писателя Плутарха (46—после 119), входящее в его "Этику".

19 В эпоху Возрождения в основу образования были положены возрожденные к жизни классические древние языки — латинский и греческий, в некоторых учебных заведениях стали преподавать и древнееврейский. Непонятно, что имеет в виду Рабле, говоря о халдейском языке.

20 Тиснение — имеется в виду книгопечатание.

21 См.: Цицерон. О старости (Катон Старший). VIII, 26.

22 Рабле говорит об "Описании Эллады" греческого историка II в. Павсания и о "Пирующих ученых" греческого писателя III в. Афиня.

23 Квинтилиан. О воспитании оратора. I, III.

24 "Искусство Луллия" — испанский логик Раймунд Луллий (1235—1315) с помощью особой "логической машины", которую он сам построил, пытался получать многочисленные комбинации понятий, отвечающие на самые разные вопросы, что помогало, как он считал, изучать и развивать науку.

25 Книга премудрости Соломона. I, 4.

ТОМАС МОР

Томас Мор (1478—1535) — выдающийся английский гуманист, политик, богослов. Он родился в семье юриста, учился в Оксфорде, затем изучал право в специальных юридических школах Лондона и к 1502 г. стал адвокатом; избранием в 1504 г. в палату общин началась общественно-политическая деятельность Мора, с 1529 г. Мор — лорд-канцлер Англии. Еще в юности он сблизился с кружком оксфордских гуманистов — Т. Линакром, Дж. Колетом, У. Лили и др., которые оказали на Мора сильное влияние. Он начал изучать греческий язык у У. Гроцина, интересовался античной культурой и итальянским гуманизмом (перевел на английский язык письма и биографию Пико делла Мирандола). Особенно значительным было влияние на Мора Дж. Колета, ставшего, по словам Мора, его духовным руководителем. Как и Колет, он стремился к возрождению подлинного учения Христа, понимая его как путь к реформе церкви и общества. К 1499 г. относится знакомство Мора с приехавшим в Англию Эразмом, переросшее в глубокую дружбу. Эразм в письме к Гуттену оставил литературный портрет Мора, проникнутый любовью и восхищением перед обаянием этого человека.

Помимо переводов на латинский язык древнегреческих поэтов, Лукиана, Мору принадлежит 250 латинских стихотворений, эпиграмм, поэма на коронацию Генриха VIII; в них затрагивается широкий круг актуальных проблем на политические темы (о наилучшем политическом устройстве, совершенном государе, государе-тиране и др.), на темы реформы церкви, борьбы с пороками и т.п. В поэме на коронацию Генриха VIII дана программа деятельности просвещенного монарха. В исторической работе Мора "История Ричарда III"

(1514—1518) осуждается тирания как система власти, основанная на насилии, произволе и беззаконии. Написанная в это же время "Утопия" (1516), рисует общество, основанное на принципах социальной справедливости, как их понимали многие гуманисты Возрождения, оно в корне отлично от современной Мору Англии, порядки которой этот, по словам Эразма, "общественный защитник неимущих" подвергает резкой критике в "Утопии". Мор не принял Реформации, вступил в полемику с Лютером и его английскими последователями. Он отказался признать Акт о верховенстве, по которому английский король получал высшую власть над церковью страны и устранялось верховенство папы; имея возможность избежать смерти, признав Акт, Мор не пошел против совести и религиозных убеждений и 6 июля 1535 г. погиб на эшафоте, казненный тем самым королем, коронацию которого он приветствовал в своей поэме и на правление которого он, как и другие английские гуманисты, возлагал так много надежд.

Вопросы воспитания молодежи глубоко интересовали Мора, и в своей "Утопии" он писал о всеобщем обучении детей в школах на родном языке, о приобщении всего взрослого населения к знанию через публичные лекции в свободное от работы время, о трудовом воспитании детей и др. Мор сумел реализовать гуманистические принципы воспитания в своей семье, которая была настоящей школой воспитания. Мор считал, что женщина должна быть так же образована, как и мужчина, и свою молодую жену он обучил грамоте и привил ей понимание музыки. Он дал прекрасное образование не только сыну Джону (Иоанну), но и трем дочерям — Елизавете, Цецилии и Маргарите. Маргарита была самая образованная из дочерей, она так хорошо знала древние языки и литературу, что Эразм называл ее "украшением Британии".

Ниже приводятся письмо Мора к воспитателю его детей Уильяму Гонеллю (1518) и стихи Мора, посвященные детям, которые стали для него друзьями и единомышленниками и которых он любит не только потому, что он их отец, но и потому, что прекрасны их нравы и образованность. Стихи были написаны во время поездки Мора с посольством в Кале в 1517-м или осенью 1516 г.

Н.В. Ревякина

ПИСЬМО ТОМАСА МОРА УИЛЬЯМУ ГОНЕЛЛЮ

Я получил, дорогой Гонелль, твое письмо; оно такое же, как и всегда, то есть чрезвычайно изящное и полное любви. В этом письме я увидел твою преданность моим детям, из него же я узнал и о твоей заботе о них. Каждый из них мне премного нравится, но более всего меня радует, что Елизавета и без матери выказывает скромность своего нрава, хотя обыкновенно и при живой матери не всякая девица это

делает. Скажи ей, что мне это милее всякой учености. Потому что всем королевским сокровищам я предпочитаю ученость, соединенную с добродетелью. Если отказаться от честности, то слава научная окажется не чем иным, как весьма известным и всем заметным бесславием. Особенно это касается женщин. Оттого что просвещение среди женщин — дело новое¹ и многие охотно увидят в нем упрек мужской лени, приписывая науке то, что на самом деле есть недостаток характера, полагая, что из-за пороков ученых людей собственное их невежество сойдет за добродетель. И, напротив, если женщина (я хотел бы этого для всех своих дочерей и надеюсь, что с твоей помощью они этого достигнут) к своим замечательным душевным достоинствам добавит скромные познания в науках, то, я полагаю, она обретет истинного блага более, чем если бы овладела она богатством Креза и красотою Елены. Не по той причине, что ученость принесет ей славу (хотя ученость и сопровождает добродетель, как тень сопровождает тело), но по той причине, что награда за мудрость прочнее той, которая может исчезнуть вместе с богатством или погибнуть вместе с красотой, потому что такая награда зависит от действительного знания, а не от людской молвы, глупее и пагубнее которой ничего нет на свете. И подобно тому как честному человеку свойственно избегать бесславия, так полагаться на славу достойно человека не только заносчивого, но и смешного и жалкого. Ведь душа неизбежно будет неспокойна, если в зависимости от чужого мнения ей придется все время колебаться между радостью и печалью. Среди всех замечательных благодеяний, которые приносит людям ученость, клянусь Гераклом, лучше всего то, что, усердно занимаясь науками, мы думаем не о хвалах за это, а о пользе. Это рассказали нам, конечно, весьма ученые люди, особенно философы — наставники человеческой жизни, хотя некоторые употребляют ученость, наравне с прочими хорошими вещами, во зло и охотятся за одной лишь пустой славой да повсеместной известностью.

Дорогой Гонелль, я много пишу о том, что не надобно стремиться к славе, так как ты в своем письме сказал, что не следует унижать глубокий и в то же время возвышенный характер Маргариты. В этом я совершенно с тобой, мой Гонелль, согласен. Но мне кажется, не сомневаюсь, что и тебе тоже: благородные свойства души унижает тот, кто приучает восхищаться пустым и низким. Напротив, всякий, кто зовет к достоинству и к истинному добру, одобряет их; это делает всякий, кто, размышляет о высоком, с презрением взирает на тени добра, которые почти все смертные, не ведая об истине, жадно ловят взамен истинного добра. Поэтому полагаю, дражайший Гонелль, нам надобно идти по этому пути. Я часто просил не только тебя — потому

что знаю, что из-за твоей исключительной преданности моей семье ты сделаешь это по собственной воле, — просил не только свою жену, которую побуждает к этому много раз доказанная, поистине материнская любовь, но просто всех своих друзей я просил, чтобы они постоянно предостерегали моих детей избегать пропастей гордыни и высокомерия и побуждали вступить на путь скромности и не соблазняться видом золота, не вздыхать по поводу того, что у них нет чего-то, чем они по ошибке восхищаются у других, не гордиться от приобретения внешнего блеска и не страдать от потери его, не пренебрегать красотой, данной от природы, и не усиливать ее ухищрениями искусства, считать, что среди всех благ добродетель стоит на первом месте, а ученость — на втором. Прежде всего их надобно выучить благочестию по отношению к Богу, милосердию — по отношению ко всем людям, а по отношению к самим себе — скромности и христианскому смирению. В таком случае Бог их вознаградит, и в ожидании этого смерть им не будет страшна; кроме того, обладая подлинной радостью, они не станут чваниться от пустых людских похвал или падать духом от злословия. Вот что такое, по моему мнению, истинные и подлинные плоды учености; я думаю, ими обладают не все просвещенные люди, но те, которые посвятили себя им с таким намерением, я полагаю, легко справятся со всем и достигнут совершенства. Я не думаю, что для жатвы важно, кто сеял: мужчина или женщина. И тех и других, если называются они людьми, по самой их природе от животных отличается разум. И те и другие, говорю я, одинаково способны овладеть науками, которые развивают разум; если сеять семена добрых наставлений, то вырастут и плоды, подобно тому как это бывает на пашне. Если женщины по собственной их природе плохи и скорее способны породить чертополох, чем какой-нибудь иной плод (на этом основании многие удерживают женщин от занятий науками), то я, напротив, считаю, что тогда надобно с еще большим усердием развивать их ум благородными науками и занятиями, дабы трудом исправить этот природный недостаток. Так считали и древние мужи — люди не только в высшей степени мудрые, но и добродетельные. Не говоря об остальных, Иероним и Августин не только увещевали знатнейших матрон и благороднейших девиц, чтобы они занимались науками, но и, чтобы облегчить им это, даже старательно разъясняли им темный смысл Писания, писали нежным девушкам письма, полные столь великой учености, что в наше время старые люди, называющие себя докторами богословия, едва в состоянии хорошенько прочитать их и еще менее того понять.

Будь добр, просвещеннейший Гонелль, позаботься, чтобы мои дочурки изучили эти сочинения святых мужей. Из них они лучше всего

узнают, как надобно наметить цель своих занятий, и поймут, что плод их трудов состоит в свидетельствовании Божиим и в чистой совести. Так и получится, что обретут они мир и покой, не будет их волновать хвала льстецов, не подействуют на них укусы невежественных насмешников над науками. Но я уже слышу, как ты кричишь мне, что хоть эти наставления и правильны, но из-за нежного своего возраста мои дочери не в состоянии их уразуметь! Где и когда ты сыщешь какого-нибудь преуспевающего в науках человека преклонного возраста, дух которого был бы настолько тверд и стоек, чтобы несколько не щекотал его зуд славы?!

Я думаю, мой Гонелль, чем труднее избавиться от чумы гордыни, тем более, считаю я, надобно этого добиваться, тем важнее каждому готовиться к этому с младенчества. Это неизбежное зло столь прилипчиво к нашим сердцам, оттого что оно присуще нам почти с рождения, его прививают к детским податливым душонкам с колыбели, его поддерживают учителя, родители вскармливают его и доводят до совершенства. Потому что никто ничему, даже доброму, не выучивает без приказа ждть в награду похвалы, ждть платы за добродетель. Поэтому в течение долгого времени, привыкнув к тому, что похвал становится все больше, люди, наконец, доходят до того, что они стараются нравиться все большему числу, то есть худшим, и стыдятся быть хорошими. Чтобы отогнать эту чуму подальше от моих детей, и ты, мой Гонелль, и мать, и все прочие друзья должны трубить, долбить, до хрипоты говорить, что хвастовство презренно... что нет ничего выше той смиренной скромности, которую столько раз восхвалял Христос. Мудрое милосердие подтвердит, что лучше учить добродетели, чем упрекать в пороках, лучше давать наставления любить ее, чем уговаривать ненавидеть их. Для этого нет ничего более подходящего, чем чтение древних отцов церкви. Мои дети понимают, что те не могли на них гневаться, и если они почитают их за святость, то на них непременно весьма подействуют их наставления. Если ты кроме Саллюстия считаешь что-нибудь в этом роде Маргарите и Елизавете, которые, кажется, более зрелы, чем Джон и Цецилия, ты премного этим обяжешь и меня, и их... Кроме этого, моих детей, которые дороги мне по закону природы, вдвойне дороги из-за просвещенности и добродетельности, ты сделаешь для меня тройне более дорогими, так преумножив их ученость и доброту.

Прощай.

При дворе в канун Пятидесятницы.

(22 мая 1518 г.)

ТОМАС МОР МАРГАРИТЕ, ЕЛИЗАВЕТЕ, ЦЕЦИЛИИ И ИОАННУ, СЛАДЧАЙШИМ ЧАДАМ, ЖЕЛАЕТ НЕИЗМЕННО ЗДРАВСТВОВАТЬ

Пусть же посланье одно посетит четырех моих деток,
И невредимыми пусть отчий хранит их привет.
Мы же свершаем наш путь, и пока мы под ливнями мокнем,
Чаще в трясине пока вязнет измученный конь, —
Я сочиняю для вас эту песню свою и надеюсь,
(Пусть не отделана) вам будет приятна она.
Собраны в ней подтвержденья отцовского чувства — насколько
Пуще очей своих он любит поистине вас.
Ведь ни зыбучая почва, ни воздуха ярые вихри,
¹⁰ Конь исхудалый, что путь держит глубокой водой,
С вами не в силах его разлучить; где б он ни был, — докажет:
Не о себе, но о вас более думает он.
Ибо пока, наклонясь, конь ему угрожает паденьем,
Он, не тревожась о том, все сочиняет стихи.
Песни, что трудно у многих выходят из сердца пустого,
Отчая дарит любовь, чувств полнотой рождена.
Что же удивиться тому, если вас обнимаю от сердца
Полного я: кроме вас, нет у меня никого.
Вместе провидец-природа родителя слила с потомством
²⁰ И Геркулеса узлом души связала у них.
Вот почему у меня и характера мягкого нежность,
Часто привыкшая вас греть на отцовской груди.
Вот почему пирогами привык вас кормить я и щедро
Яблоки спелые вам с грушами вместе давать.
Вот почему я привык одевать вас в одежды из шелка,
И никогда я не мог вашего плача снести.
Часто я вам раздавал поцелуи и редко побои,
Но и при этом бичом хвост мне павлиний служил.
Впрочем, и этакий бич применял я и робко, и мягко,
³⁰ Чтобы синяк не пятнал нежных седалищ у вас.
Ах, не тот ведь отец называться достоин жестоким,
Кто не рыдает, когда чадо рыдает его.
Что бы свершили другие — не знаю, но вам-то известно,
Сколь справедлив у меня, мягок поистине нрав.
Ведь неизменно и крепко любил я свое порожденье,
И (как и должно отцу) я снисходителен был.

Ныне же эта любовь до такой разрослася громады,
Что представляется мне, прежде я вас не любил.
Нравы серьезные ваши в столь юные годы причиной,
⁴⁰ Также и ваши сердца, добрым искусством полны,
И красноречие ваше в приятно отточенной речи, —
Каждое слово у вас взвешено с точностью в ней.
Все это сердце мое наполняет столь дивным волнением,
Ныне с моими детьми крепко связуя меня,
Что к порожденным любовью — лишь единая страсти причина, —
Свойство многих отцов, пусть не коснется меня.
Так, о дражайшее племя потомков моих, продолжайте
Дружество ваше крепить с любящим вашим отцом.
В доблестях этих такая откроется цель вам, что право,
⁵⁰ Вот уже кажется мне: прежде я вас не любил.
Это свершите (ведь можете вы) тех доблестей силой
Так, чтоб казалось мне: вас я не просто люблю.

Из книги: Томас Мор. Эпиграммы.
История Ричарда III. М., 1973. С. 73—
74. Пер. Ю.Ф. Шульца.

КОММЕНТАРИИ

¹ Женское образование, более распространенное в Италии, в XVI в. постепенно распространяется и в других странах Европы. Кроме Мора, женское образование приветствовали Вивес и Эразм (см., например, его диалог "Аббат и образованная дама" в "Разговорах запросто") и другие гуманисты.

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ

В "Опытах" Мишеля Монтеня имеется множество разбросанных в разных местах суждений о воспитании. Ниже приводятся две наиболее интересные главы "Опытов", которые целиком посвящены теме воспитания. В первой из них педанты, с которыми спорит Монтень, это не столько схоласты, сколько учителя гуманистических школ, в которых изучение античной культуры и языков становится самоцелью и теряет воспитательный характер и связь с жизнью. Другая глава представляет собой настоящий трактат по воспитанию, где Монтень излагает свои основные взгляды на воспитание в более или менее систематическом виде. Работа посвящена Диане де Фуа — жене Луи де Фуа, графа Гюрсона. Луи де Фуа и два его брата были с юных лет близкими друзьями Монтеня. Подробнее о Монтене см. в первом разделе "Гуманистическая мечта о человеке".

ОПЫТЫ

Книга первая

Глава XXV. О педантизме

...Принимая во внимание способ, которым нас обучают, неудивительно, что ни ученики, ни сами учителя не становятся от этого мудрее, хотя и приобретают ученость. И, в самом деле, заботы и издержки наших отцов не преследуют другой цели, как только забить нашу голову всевозможными знаниями; что до разума и добродетели, то о них почти и не помышляют. Крикните нашей толпе о ком-нибудь из мимоидущих: "Это ученейший муж!", и о другом: "Это человек, исполненный добродетели!", — и она не преминет обратить свои взоры и свое уважение к первому. А следовало бы, чтобы еще кто-нибудь крикнул: "О, тупые головы! Мы постоянно спрашиваем: знает ли такой-то человек греческий или латынь? Пишет ли он стихами или прозой? Но стал ли он от этого лучше и умнее, — что, конечно, самое главное, — этим мы интересуемся меньше всего. А между тем надо стараться выяснить — не кто знает больше, а кто знает лучше".

Мы трудимся лишь над тем, чтобы заполнить свою память, оставляя разум и совесть пустыми.

...Мы умеем сказать с важным видом: "Так говорит Цицерон", или "таково учение Платона о нравственности", или "вот подлинные слова Аристотеля". Ну, а мы-то сами, что мы скажем от своего имени? Каковы наши собственные суждения? Каковы наши поступки? А то ведь это мог сказать и попугай. <...>

Я знаю одного такого человека: когда я спрашиваю его о чем-нибудь, хотя бы хорошо ему известном, он немедленно требует книгу, чтобы отыскать в ней нужный ответ; и он никогда не решится сказать, что у него, на задку завелась парша, пока не справится в своем лексиконе, что собственно значит зад и что значит парша.

Мы берем на хранение чужие мысли и знания, только и всего. Нужно, однако, сделать их собственными. Мы уподобляемся человеку, который, нуждаясь в огне, отправился за ним к соседу и, найдя у него прекрасный, яркий огонь, стал греться у чужого очага, забыв о своем намерении разжечь очаг у себя дома. Что толку набить себе брюхо говядиной, если мы не перевариваем ее, если она не преобразуется в ткани нашего тела, если не прибавляет нам веса и силы? Или, быть может, мы думаем, что Лукулл, ознакомившийся с военным делом только по книгам и сделавшийся, несмотря на отсутствие личного опыта, столь видным полководцем, изучал его по нашему способу?

Мы опираемся на чужие руки с такой силой, что, в конце концов, обессиливаем. Хочу ли я побороть страх смерти? Я это делаю за счет Сенеки. Стремлюсь ли утешиться сам или утешить другого? Я черпаю из Цицерона. А между тем я мог бы обратиться за этим к себе самому, если бы меня надлежащим образом воспитали. Нет, не люблю я этого весьма относительного богатства, собранного с мира по нитке.

...Если учение не вызывает в нашей душе никаких изменений к лучшему, если наши суждения с его помощью не становятся более здоровыми, то наш школяр, по-моему, мог бы с таким же успехом вместо занятий науками играть в мяч; в этом случае, по крайней мере, его тело сделалось бы более крепким. Но взгляните: вот он возвращается после пятнадцати или шестнадцати лет занятий; найдется ли еще кто-нибудь, столь же не приспособленный к практической деятельности? От своей латыни и своего греческого он стал надменнее, чем был прежде, покидая родительский кров, — вот и все его приобретения. Ему полагалось бы прийти с душой наполненной, а он приходит с разбухшею; ей надо было бы увеличиться, а она у него только раздулась.

Наши учителя, подобно своим братьям-софистам, о которых это же самое говорит Платон¹, среди всех прочих людей — те, которые обещают быть всех полезнее человечеству, на деле же, среди всех прочих людей — единственные, которые не только не совершенствуют отданной им в обработку вещи, как делают, например, каменщик или плотник, а, напротив, портят ее, и притом требуют, чтобы им заплатили за то, что они привели ее в еще худшее состояние.

...Мои земляки перигорцы очень метко называют таких ученых мужей — *lettreferits* (окниженные), вроде того как по-французски сказали бы *lettre-ferus*, то есть те, кого наука как бы оглушила, стукнув по черепу. И действительно, чаще всего они кажутся нам пришибленными, лишенными даже самого обыкновенного здравого смысла. Возьмите крестьянина или сапожника: вы видите, что они просто и не мудрствуя лукаво живут помаленьку, говоря только о тех вещах, которые им в точности известны. А наши ученые мужи, стремясь возвыситься над остальными и щегольнуть своими знаниями, на самом деле крайне поверхностными, все время спотыкаются на своем жизненном пути и попадают впросак. Они умеют красно говорить, но нужно, чтобы кто-то другой применил их слова на деле. Они хорошо знают Галена, но совершенно не знают больного. Еще не разобравшись, в чем суть вашей тяжбы, они забивают вам голову целой кучей законов. Им известна теория любой вещи на свете; надо только найти того, кто применил бы ее на практике. <...>

...Ведь дело не в том, чтобы, так сказать, прицепить к душе знания: они должны укорениться в ней; не в том, чтобы окропить ее ими: нужно, чтобы они пропитали ее насквозь; и если она от этого не изменится и не улучшит своей несовершенной природы, то, безусловно, благоразумнее махнуть на все это рукой. Знания — обоюдоострое оружие, которое только обременяет и может поранить своего хозяина, если рука, которая держит его, слаба и плохо умеет им пользоваться: *ut fuerit melius non didicisse**.

<...> Древние хотели сократить путь и — поскольку никакая наука, даже при надлежащем ее усвоении, не способна научить нас чему-либо большему, чем благоразумию, честности и решительности, — сразу же привить их своим детям, обучая последних не на слух, но путем опыта, направляя и формируя их души не столько наставлениями и словами, сколько примерами и делами, с тем, чтобы эти качества не были восприняты их душой как некое знание, но стали бы ее неотъемлемым свойством и как бы привычкой, чтобы они не ощущались ею как приобретения со стороны, но были бы ее естественной и неотчуждаемой собственностью. Напомню по этому поводу, что, когда Агесилая спросили, чему, по его мнению, следует обучать детей, он ответил: "Тому, что им предстоит делать, когда они станут взрослыми". Неудивительно, что подобное воспитание приносило столь замечательные плоды...

Глава XXVI. О воспитании

...Склонности детей в раннем возрасте проявляются так слабо и так неотчетливо, задатки их так обманчивы и неопределенны, что составить себе на этот счет определенное суждение очень трудно.

Взгляните на Кимона, взгляните на Фемистокла и столькоких других! До чего не похожи они были на себя в детстве! В медвежатах или щенках сказываются их природные склонности; люди же, быстро усваивающие привычки, чужие мнения и законы, легко подвержены переменам и к тому же скрывают свой подлинный облик.

Трудно поэтому преобразовать то, что вложено в человека самой природой. От этого и происходит, что, вследствие ошибки в выборе правильного пути, зачастую тратят даром труд и время на натаскивание детей в том, что они не в состоянии как следует усвоить. Я считаю, что в этих затруднительных обстоятельствах нужно неизменно стремиться к тому, чтобы направить детей в сторону наилучшего и

* Так что было бы лучше совсем не учиться (лат.)².

полезнейшего, не особенно полагаясь на легковесные предзнаменования и догадки, которые мы извлекаем из движений детской души. Даже Платон, на мой взгляд, придавал им в своем "Государстве" чрезмерно большое значение.

...Обязанности наставника, которого вы дадите вашему сыну, — учитывая, что от его выбора, в конечном счете, зависит, насколько удачным окажется воспитание ребенка, — включают в себя также и многое другое, но я не стану на всем этом останавливаться, так как не сумею тут привнести ничего путного. Что же касается затронутого мною предмета, по которому я беру на себя смелость дать наставнику ряд советов, то и здесь пусть он верит мне ровно настолько, насколько мои соображения покажутся ему убедительными. Ребенка из хорошей семьи обучают наукам, имея в виду воспитать из него не столько ученого, сколько просвещенного человека, не ради заработка (ибо подобная цель является низменной и недостойной милостей и покровительства муз и к тому же предполагает искательство и зависимость от другого) и не для того, чтобы были соблюдены приличия, но для того, чтобы он чувствовал себя тверже, чтобы обогатил и украсил себя изнутри. Вот почему я хотел бы, чтобы, выбирая ему наставника, вы отнеслись к этому с возможной тщательностью; желательно, чтобы это был человек скорее с ясной, чем с напичканной науками головой, ибо, хотя нужно искать такого, который обладал бы и тем и другим, все же добрые нравы и ум предпочтительнее голой учености; и нужно также, чтобы, исполняя свои обязанности, он применил новый способ обучения.

Нам без отдыха и срока жужжат в уши, сообщая разнообразные знания, в нас вливают их, словно воду в воронку, и наша обязанность состоит лишь в повторении того, что мы слышали. Я хотел бы, чтобы воспитатель вашего сына отказался от этого обычного приема и чтобы с самого начала, сообразуясь с душевными склонностями доверенного ему ребенка, предоставил ему возможность свободно проявлять эти склонности, предлагая ему изведать вкус различных вещей, выбирать между ними и различать их самостоятельно, иногда указывая ему путь, иногда, напротив, позволяя отыскивать дорогу ему самому. Я не хочу, чтобы наставник один все решал и только один говорил; я хочу, чтобы он слушал также своего питомца. Сократ, а впоследствии и Аркесилай заставляли сначала говорить учеников, а затем уже говорили сами. *Obest plerumque iis discere auctoritas eorum qui docent**.

---

* Желаящим научиться чему-нибудь чаще всего препятствует авторитет тех, кто учит (лат.)³.

Пусть он заставит ребенка пройти перед ним и таким образом получит возможность судить о его походке, а следовательно, и о том, насколько ему самому нужно умерить себя, чтобы приспособиться к силам ученика. Не соблюдая здесь соразмерности, мы можем испортить все дело; умение отыскать такое соответствие и разумно его соблюдать — одна из труднейших задач, какие только я знаю. Способность снизить до влечений ребенка и руководить ими присуща лишь душе возвышенной и сильной. Что до меня, то я тверже и увереннее иду в гору, нежели спускаюсь с горы.

Если учителя, как это обычно у нас делается, просвещают своих многочисленных учеников, преподнося им всем один и тот же урок и требуя от них одинакового поведения, хотя способности их вовсе не одинаковы, но отличаются и по силе и по своему характеру, то нет ничего удивительного, что среди огромной толпы детей найдется всего два или три ребенка, которые извлекают настоящую пользу из подобного преподавания.

Пусть учитель спрашивает с ученика не только слова затверженного урока, но смысл и самую суть его и судит о пользе, которую он принес, не по показаниям памяти своего питомца, а по его жизни. И пусть, объясняя что-либо ученику, он покажет ему это с сотни разных сторон и применит ко множеству различных предметов, чтобы проверить, понял ли ученик как следует и в какой мере усвоил это; и в последовательности своих разъяснений пусть он руководствуется примером Платона⁴. Если кто изрыгает пищу в том самом виде, в каком проглотил ее, то это свидетельствует о неудобоваримости пищи и о несварении желудка. Если желудок не изменил качества и формы того, что ему надлежало сварить, значит, он не выполнил своего дела.

...Пусть наставник заставляет ученика как бы просеивать через сито все, что он ему преподносит, и пусть ничего не вдальблывает ему в голову, опираясь на свой авторитет и влияние; пусть принципы Аристотеля не становятся неизменными основами его преподавания, равно как не становятся ими и принципы стоиков или эпикурейцев. Пусть учитель изложит ему, чем отличаются эти учения друг от друга; ученик же, если это будет ему по силам, пусть сделает выбор самостоятельно или, по крайней мере, останется при сомнении. Только глупцы могут быть непоколебимы в своей уверенности.

Che non men che saper dubitar m'aggrada*.

---

* Сомнение доставляет мне не меньше наслаждения, чем знание (ит.)⁵.

Ибо, если он примет мнения Ксенофонта или Платона, поразмыслив над ними, они перестанут быть их собственностью, но сделаются также и его мнениями. Кто рабски следует за другим, тот ничему не следует. Он ничего не находит; да ничего и не ищет. *Non sumus sub rege; sibi quisque se vindicet**. Главное — чтобы он знал то, что знает. Нужно, чтобы он проникся духом древних мыслителей, а не заучивал их наставления. И пусть он не страшится забыть, если это угодно ему, откуда он почерпнул эти взгляды, лишь бы он сумел сделать их собственностью. Истина и доводы разума принадлежат всем, и они не в большей мере достояние тех, кто высказал их впервые, чем тех, кто высказал их впоследствии. То-то и то-то столь же находится в согласии с мнением Платона, сколь с моим, ибо мы обнаруживаем здесь единомыслие и смотрим на дело одинаково. Пчелы перелетают с цветка на цветок для того, чтобы собрать нектар, который они целиком претворяют в мед; ведь это уже больше не тимьян или майоран. Точно так же и то, что человек заимствует у других, будет преобразовано и переплавлено им самим, чтобы стать его собственным творением, то есть собственным его суждением. Его воспитание, его труд, его ученье служат лишь одному: образовать его личность. <...>

Выгода, извлекаемая нами из наших знаний, заключается в том, что мы становимся лучше и мудрее.

Только рассудок, говорил Эпихарм, все видит и все слышит; только он умеет обратить решительно все на пользу себе, только он располагает всем по своему усмотрению, только он действительно деятелен — он господствует над всем и царит; все прочее слепо, глухо, бездушно. Правда, мы заставляем его быть угодливым и трусливым, дабы не предоставить ему свободы действовать хоть в чем-нибудь самостоятельно. Как же спрашивают ученика о его мнении относительно риторики и грамматики, о том или ином изречении Цицерона? Их вколачивают в нашу память в совершенно готовом виде, как некие оракулы, в которых буквы и слоги заменяют сущность вещей. Но знать наизусть еще вовсе не значит знать; это — только держать в памяти то, что ей дали на хранение.

А тем, что знаешь по-настоящему, ты вправе распорядиться, не оглядываясь на хозяина, не заглядывая в книгу. Ученость чисто книжного происхождения — жалкая ученость! Я считаю, что она украшение, но никак не фундамент; в этом я следую Платону, который говорит, что истинная философия — это твердость, верность и добросове-

---

* Над нами нет царя; пусть же каждый сам располагает собой (лат.)⁶.

стность; прочие же знания и все, что направлено к другой цели, — не более как румяна.

Хотел бы я поглядеть, как Палюэль или Помпей — эти превосходные танцовщики нашего времени — стали бы обучать пируэтам, только проделывая их перед нами и не сдвигая нас с места. Точно так же многие наставники хотят образовать наш ум, не будоража его. Можно ли научить управлять конем, владеть копьем, лютней или голосом, не заставляя изо дня в день упражняться в этом, подобно тому как некоторые хотят научить нас здравым рассуждениям и искусной речи, не заставляя упражняться ни в рассуждениях, ни в речах? А между тем при воспитании в нас этих способностей все, что представляется нашим глазам, стоит назидательной книги; проделка пажа, тупость слуги, застольная беседа — все это новая пища для нашего ума.

В этом отношении особенно полезно общение с другими людьми, а также поездки в чужие края, не для того, разумеется, чтобы, следуя обыкновению нашей французской знати, привозить с собой оттуда разного рода сведения — о том, например, сколько шагов имеет в ширину церковь Санта-Мария Ротонда⁷, или до чего роскошны панталоны синьоры Ливии, или, подобны иным, насколько лицо Нерона на таком-то древнем изваянии длиннее и шире его же изображения на такой-то медали, но для того, чтобы вывезти оттуда знание духа этих народов и их образа жизни, и для того также, чтобы отточить и отшлифовать свой ум в соприкосновении с умами других. Я бы советовал посылать нашу молодежь за границу в возможно более раннем возрасте и, чтобы одним ударом убить двух зайцев, именно к тем из наших соседей, чья речь наименее близка к нашей, так что если не приучить к ней свой язык смолоду, то потом уж никак ее не усвоить.

Недаром все считают, что неразумно воспитывать ребенка под крылышком у родителей. Вложенная в последних самой природой любовь внушает даже самым разумным из них чрезмерную мягкость и снисходительность. Они не способны ни наказывать своих детей за проступки, ни допускать, чтобы те узнали тяжелые стороны жизни, подвергаясь некоторым опасностям. Они не могут примириться с тем, что их дети после различных упражнений возвращаются потными и перепачкавшимися, что они пьют, как придется, — то теплое, то слишком холодное; они не могут видеть их верхом на норовистом коне или фехтующими с рапирой в руке с сильным противником, или когда они впервые берутся за аркебузу. Но ведь тут ничего не поделаешь: кто желает, чтобы его сын вырос настоящим мужчиною, тот должен понять, что молодежь от всего этого не уберечь и что тут, хо-

чешь не хочешь, а нередко приходится поступаться предписаниями медицины:

*vitamque sub divo et trepidis agat
In rebus*.*

Недостаточно закалять душу ребенка; столь же необходимо закалять и его тело. Наша душа слишком перегружена заботами, если у нее нет должного помощника; на нее тогда возлагается непосильное бремя, так как она несет его за двоих. <...>

Что до той школы, которой является общение с другими людьми, то тут я нередко сталкивался с одним обычным пороком: вместо того, чтобы стремиться узнать других, мы хлопочем только о том, как бы выставить напоказ себя, и наши заботы направлены скорее на то, чтобы не дать залежаться своему товару, нежели чтобы приобрести для себя новый. Молчаливость и скромность — качества, в обществе весьма ценные. Ребенка следует приучать к тому, чтобы он был бережлив и воздержан в расходовании знаний, которые он накопит; чтобы он не оспаривал глупостей и вздорных выдумок, высказанных в его присутствии, ибо весьма невежливо и нелюбезно отвергать то, что нам не по вкусу. Пусть он довольствуется исправлением самого себя и не корит другого за то, что ему самому не по сердцу; пусть он не восстает также против общепринятых обычаев. *Licet sapere sine pompa sine invidia***. Пусть он избегает придавать себе заносчивый надменный вид, избегает ребяческого тщеславия, состоящего в желании выделяться среди других и прослыть умнее других, пусть не стремится прослыть человеком, который бранит все и вся и попытается выдумать что-то новое...

Следует научить ребенка вступать в беседу или в спор только в том случае, если он найдет, что противник достоин подобной борьбы; его нужно научить также не применять все те возражения, которые могут ему пригодиться, но только сильнейшие из них. Надо приучить его тщательно выбирать доводы, отдавая предпочтение наиболее точным, а следовательно, и кратким. Но, прежде всего, пусть научат его склоняться перед истиной и складывать перед нею оружие, лишь только он увидит ее, — независимо от того, открылась ли она его противнику или озарила его самого. <...>

Пусть совесть и добродетели ученика находят отражение в его речи и не знают иного руководителя, кроме разума. Пусть его заставят по-

---

* Пусть он живет под открытым небом среди невзгод (лат.)⁸.

** Можно быть ученым без заносчивости и чванства (лат.)⁹.

нять, что признаться в ошибке, допущенной им в своем рассуждении, даже если она никем, кроме него, не замечена, есть свидетельство ума и чистосердечия, к чему он в первую очередь и должен стремиться; что упорствовать в своих заблуждениях и отстаивать их — свойства весьма обыденные, присущие чаще всего наиболее низменным душам, и что умение одуматься и поправить себя, сознаться в своей ошибке в пылу спора — качества редкие, ценные и свойственные философам.

Его следует также наставить, чтобы, бывая в обществе, он присматривался ко всему и ко всем, ибо я нахожу, что наиболее высокого положения достигают обычно не слишком способные и что судьба осыпает своими дарами не самых достойных. Так, например, я не раз наблюдал, как на верхнем конце стола, за разговором о красоте какой-нибудь шпалеры или о вкусе мальвазии, упускали много любопытного из того, что говорилось на противоположном конце. Он должен добраться до нутра всякого, кого бы ни встретил — пастуха, каменщика, прохожего; нужно использовать все и взять от каждого по его возможностям, ибо все, решительно все пригодится, — даже чьи-либо глупость и недостатки содержат в себе нечто поучительное. Оценивая достоинства и свойства каждого, юноша воспитывает в себе влечение к их хорошим чертам и презрение к дурным.

Пусть в его душе пробудят благородную любознательность, пусть он осведомляется обо всем без исключения; пусть осматривает все примечательное, что только ему ни встретится, будь то какое-нибудь здание, фонтан, человек, поле битвы, происходившей в древности, места, по которым проходил Цезарь или Карл Великий. <...>

В это общение с людьми я включаю, конечно, и притом в первую очередь, и общение с теми, воспоминание о которых живет только в книгах. Обратившись к истории, юноша будет обращаться с великими душами лучших веков. Подобное изучение прошлого для иного — праздная трата времени; другому же оно приносит неопределимую пользу. История — единственная наука, которую чтит, по словам Платона, лакедемоняне. Каких только приобретений не сделает он для себя, читая жизнеописание нашего милого Плутарха! Пусть, однако, наш воспитатель не забывает, что он старается запечатлеть в памяти ученика не столько дату разрушения Карфагена, сколько нравы Ганнибала и Сципиона; не столько то, где умер Марцелл, сколько то, почему, окончив жизнь так-то и так-то, он принял недостойную его положения смерть. Пусть он преподаст юноше не столько знания исторических фактов, сколько умение судить о них. Это, по-моему, в ряду прочих наук именно та область знания, к которой наши умы подходят с самыми разнообразными мерками. Я вычитал у Тита Ливия сотни таких

вещей, которых иной не приметил; Плутарх же — сотни таких, которых не сумел вычитать я, и, при случае, даже такое, чего не имел в виду и сам автор. Для одних — это чисто грамматические занятия, для других — анатомия, философия, открывающая нам доступ в наиболее сокровенные тайники нашей природы. У Плутарха мы можем найти множество пространнейших рассуждений, достойных самого пристального внимания, ибо, на мой взгляд, он в этом великий мастер, но вместе с тем и тысячи таких вещей, которых он касается только слегка. Он всего лишь указывает пальцем, куда нам идти, если мы того пожелаем; иногда он довольствуется тем, что обронит мимоходом намек, хотя бы дело шло о самом важном и основном. Все эти вещи нужно извлечь из него и выставить напоказ...

В общении с людьми ум человеческий достигает изумительной ясности. Ведь мы погружены в себя, замкнулись в себе; наш кругозор крайне узок, мы не видим дальше своего носа. У Сократа как-то спросили, откуда он родом. Он не ответил: "Из Афин", а сказал: "Из вселенной". Этот мудрец, мысль которого отличалась такой широтой и таким богатством, смотрел на вселенную как на свой родной город, отдавая свои знания, себя самого, свою любовь всему человечеству, — не так, как мы, замечающие лишь то, что у нас под ногами.

...Этот огромный мир, многократно увеличиваемый к тому же теми, кто рассматривает его как вид внутри рода, и есть то зеркало, в которое нам нужно смотреться, дабы познать себя до конца. Короче говоря, я хочу, чтобы он был книгой для моего юноши. Познакомившись со столь великим разнообразием характеров, сект, суждений, взглядов, обычаев и законов, мы научимся здраво судить о собственных, а также приучаем наш ум понимать его несовершенство и его врожденную немощность; а ведь это наука не из особенно легких. Картина стольких государственных смут и смен в судьбах различных народов учит нас не слишком гордиться собой. Столько имен, столько побед и завоеваний, погребенных в пыли забвения, делают смешною нашу надежду увековечить в истории свое имя захватом какого-нибудь курятника, ставшего сколько-нибудь известным только после своего падения, или взятием в плен десятка конных вояк. Пышные и горделивые торжества в других государствах, величие и надменность стольких властителей дворов укрепят наше зрение и помогут смотреть, не щурясь, на блеск нашего собственного двора и властителя, а также преодолеть страх перед смертью и спокойно отойти в иной мир, где нас ожидает столь отменное общество. То же и со всеми остальными.

Наша жизнь, говорил Пифагор¹⁰, напоминает собой большое и многолюдное сборище на Олимпийских играх. Одни упражняют там

свое тело, чтобы завоевать себе славу на состязаниях, другие тащат туда для продажи товары, чтобы извлечь из этого прибыль. Но есть и такие — и они не из худших, — которые не ищут здесь никакой выгоды: они хотят лишь посмотреть, каким образом и зачем делается то-то и то-то, они хотят быть попросту зрителями, наблюдающими жизнь других, чтобы вернее судить о ней и соответственным образом устроить свою.

За примерами могут естественно последовать наиболее полезные философские правила, с которыми надлежит соизмерять человеческие поступки. Пусть наставник расскажет своему питомцу,

quid fas optare: quid asper
 Utile nummus habet; patriae carisque propinquis
 Quantum elargit deceat; quem te deus esse
 Iussit, et humana qua parte locatus es in re:
 Quid sumus, aut quidnam victuri gignimur*;

что означает: знать и не знать; какова цель познания; что такое храбрость, воздержанность и справедливость; в чем различие между жадностью и честолубием, рабством и подчинением, распущенностью и свободой; какие признаки позволяют распознавать истинное и устойчивое довольство; до каких пределов допустимо страшиться смерти, боли или бесчестия,

Et quo quemque modo fugiatque feratque laborem** ,

какие пружины приводят нас в действие и каким образом в нас возникают столь разнообразные побуждения. Ибо я полагаю, что рассуждениями, долженствующими в первую очередь напитать его ум, должны быть те, которые предназначены внести порядок в его нравы и чувства, научить его познавать самого себя, а также жить и умереть подобающим образом. Переходя к свободным искусствам, мы начнем с того между ними, которое делает нас свободными. Все они в той или иной мере наставляют нас, как жить и как пользоваться жизнью, — каковой цели, впрочем, служит и все остальное. Остановим, однако, свой выбор на том из этих искусств, которое прямо направлено к ней и которое служит ей непосредственно. <...>

---

* Чего дозволено желать; в чем ценность недавно отчеканенных денег; насколько подобает расщедриться для своей родины и милых сердцу близких; кем бог назначил тебе быть и какое место ты в действительности занимаешь между людьми: чем мы являемся или для какой жизни мы родились? (лат.)¹¹

** Как и от каких трудностей ему уклоняться и какие переносить.¹²

После того как юноше разъяснят, что же, собственно, ему нужно, чтобы сделаться лучше и разумнее, следует ознакомить его с основами логики, физики, геометрии и риторики; и какую бы из этих наук он ни выбрал, — раз его ум к этому времени будет уже развит, — он быстро достигнет в ней успехов. Преподавать ему должно то путем собеседования, то с помощью книг; иной раз наставник просто укажет ему подходящего для этой цели автора, а иной раз он изложит содержание и сущность книги в совершенно разжеванном виде. А если сам воспитатель не настолько сведущ в книгах, чтобы отыскивать в них подходящие для его целей места, то можно дать ему в помощь какого-нибудь ученого человека, который каждый раз будет снабжать его тем, что требуется, а наставник потом уже сам укажет и предложит их своему питомцу. Можно ли сомневаться, что подобное обучение много приятнее и естественнее, чем преподавание по способу Газы¹³? Там — докучные и трудные правила, слова, пустые и как бы бесплотные; ничто не влечет вас к себе, ничто не будит ума. Здесь же наша душа не останется без прибытка, здесь найдется, чем и где поживиться. Плоды здесь несравненно более крупные, и созревают они быстрее.

Странное дело, но в наш век философия, даже для людей мыслящих, всего лишь пустое слово, которое, в сущности, ничего не означает; она не находит себе применения и не имеет никакой ценности ни в чьих-либо глазах, ни на деле. Полагаю, что причина этого — бесконечные словопрения, в которых она погрязла. Глубоко ошибаются те, кто изображает ее недоступною для детей, с нахмуренным челом, с большими косматыми бровями, внушающими страх. Кто напялил на нее эту обманчивую маску, такую тусклую и отвратительную? На деле же не сыскать ничего другого столь милого, бодрого, радостного, чуть было не сказал — шаловливого. Философия призывает только к праздности и веселью. Если перед вами нечто печальное и унылое — значит философии тут нет и в помине...

Душа, ставшая вместилищем философии, непременно наполнит здоровьем и телом. Царящие в ней покой и довольство она не может не излучать вовне; точно так же она изменит по своему образу и подобию нашу внешность, придав ей исполненную достоинства гордость, веселость и живость, выражение удовлетворенности и добродушия. Отличительный признак мудрости — это неизменно радостное восприятие жизни; ей, как и всему, что в надлунном мире, свойственна никогда не утрачиваемая ясность. Это *baroco* и *baralipton*¹⁴ марают и прокапчивают своих почитателей, а вовсе не она; впрочем, она известна им лишь понаслышке. В самом деле, это она успокаивает душевные бури, научает сносить с улыбкой болезни и голод не при по-

мощи каких-то воображаемых эпициклов¹⁵, но опираясь на вполне осязательные, естественные доводы разума. Ее конечная цель — добродетель, которая пребывает вовсе не где-то, как утверждают схоластики, на вершине крутой, отвесной и неприступной горы. Те, кому доводилось приблизиться к добродетели, утверждают, напротив, что она обитает на прелестном, плодородном и цветущем плоскогорье, откуда отчетливо видит все находящееся под нею; достигнуть ее может, однако, лишь тот, кому известно место ее обитания; к ней ведут тенистые тропы, пролегающие среди поросших травой и цветами лужаек, по удобному для подъема и гладкому, как своды небесные, склону. Но так как тем мнимым философам, о которых я говорю, не удалось познакомиться с этой высшей добродетелью, прекрасной, торжествующей, любвеобильной, кроткой, но вместе с тем и мужественной, питающей непримиримую ненависть к злобе, неудовольствию, страху и гнету, имеющей своим путеводителем природу, а спутниками — счастье и наслаждение, то, по своей слабости, они придумали этот глупый и ни на что не похожий образ: унылую, сварливую, привередливую, угрожающую, злобную добродетель, и водрузили ее на уединенной скале, среди терниев, превратив ее в пугало, устрашающее род человеческий.

...Ценность и возвышенность истинной добродетели определяются легкостью, пользой и удовольствием ее соблюдения; бремя ее настолько ничтожно, что нести его могут как взрослые, так и дети, как те, кто прост, так и те, кто хитер. Упорядоченности, не силы, вот чего она от нас требует. И Сократ, первейший ее любимец, сознательно забыл о своей силе, чтобы радостно и бесхитростно отдаться усовершенствованию в ней. Это — мать-кормилица человеческих наслаждений. Вводя их в законные рамки, она придает им чистоту и устойчивость; умеряя их, она сохраняет их свежесть и привлекательность. Отметая те, которые она считает недостойными, она обостряет в нас влечение к дозволенным ею; таких — великое множество, ибо она доставляет нам с материнской щедростью до полного насыщения, а то даже и пресыщения все то, что согласно с требованиями природы.

...Она любит жизнь, любит красоту, славу, здоровье. Но главная и основная ее задача — научить пользоваться этими благами, соблюдая известную меру, а также сохранять твердость, теряя их, — задача более благородная, нежели тягостная, ибо без этого течение нашей жизни искажается, мутнеет, уродуется; тут нас подстерегают подводные камни, пучины и всякие чудовища.

...Поскольку философия учит жизни и детский возраст совершенно так же нуждается в подобных уроках, как и все прочие возрасты, — почему бы ни приобщить к ней и детей?

Udum et molle lutum est; nunc properandus et acri
Fingendus sine fine rota*.

А между тем нас учат жить, когда жизнь уже прошла. Сотни школьников заражаются сифилисом прежде, чем дойдут до того урока из Аристотеля, который посвящен воздержанию. Цицерон говорил, что, проживи он даже двойную жизнь, все равно у него не нашлось бы досуга для изучения лирических поэтов. Что до меня, то я смотрю на них с еще большим презрением — это совершенно бесполезные болтуны. Нашему юноше приходится еще более торопиться; ведь учению могут быть отданы лишь первые пятнадцать-шестнадцать лет его жизни, а остальное предназначено деятельности. Используем же столь краткий срок как следует; научим его только необходимому. Не нужно излишеств: откиньте все эти колючие хитросплетения диалектики, от которых наша жизнь не становится лучше; остановитесь на простейших положениях философии и сумейте надлежащим образом отобрать и истолковать их; ведь постигнуть их много легче, чем новеллу Боккаччо, и дитя, едва выйдя из рук кормилицы, готово к их восприятию в большей мере, чем к искусству чтения и письма. У философии есть свои рассуждения как для тех, кто вступает в жизнь, так и для дряхлых старцев...

Поэтому я не хочу, чтобы нашего мальчика держали в неволе. Я не хочу оставлять его в жертву мрачному настроению какого-нибудь жестокого учителя. Я не хочу уродовать его душу, устраивать ему сущий ад, принуждая, как это в обычае у иных, трудиться каждый день по четырнадцать или пятнадцать часов, словно он какой-нибудь грузчик. Если же он, склонный к уединению и меланхолии, с чрезмерным усердием, которое в нем воспитали, будет корпеть над изучением книг, то в этом, по-моему, мало хорошего; это сделает его неспособным к общению с другими людьми и оттолкнет от более полезных занятий. И сколько же на своем веку перевидал я таких, которые, можно сказать, утратили человеческий облик из-за безрассудной страсти к науке! Карнеад до такой степени ошалел от нее, что не мог найти времени, чтобы остричь себе волосы и ногти. Я не хочу, чтобы его благородный нрав огрубел в соприкосновении с дикостью и варварством. Французское благоразумие издавна вошло в поговорку, в качестве такого, однако, которое, хотя и сказывается весьма рано, но зато и держится недолго. И впрямь, трудно сыскать что-нибудь столь же

---

* Глина влажна и мягка: нужно поспешить и, не теряя мгновения, обработать ее на гончарном круге (лат.)¹⁶.

прелестное, как маленькие дети во Франции; но, как правило, они обманывают наши надежды и, став взрослыми, не обнаруживают в себе ничего выдающегося. Я слышал от людей рассудительных, что коллежи, куда их посылали учиться, — их у нас теперь великое множество, — и являются причиной такого их отупения.

Что касается нашего воспитанника, то для него все часы хороши и всякое место пригодно для занятий, будет ли то классная комната, сад, стол или постель, одиночество или компания, утро или вечер, ибо философия, которая, образуя суждения и нравы людей, является главным предметом его изучения, имеет привилегию примешиваться решительно ко всему. Исократ-оратор, когда его попросили однажды во время пира произнести речь о своем искусстве, ответил — и всякий признает, что он был прав, — такими словами: "Для того, что я умею, сейчас не время; сейчас время для того, чего я не умею". Ибо и в самом деле произносить речи или пускаться в словесные ухищрения перед обществом, собравшимся, чтобы повеселиться и попить, значило бы соединить вместе вещи несоединимые. То же самое можно было бы сказать и о всех прочих науках. Но когда речь заходит о философии и именно о том ее разделе, где рассматривается человек, а также в чем его долг и обязанности, то, согласно мнению всех мудрецов, дело здесь обстоит совсем по-иному, и от нее не подобает отказываться ни на пиру, ни на игрищах — так сладостна беседа о ней. И мы видим, как, явившись по приглашению Платона на его пир¹⁷, она изящно и сообразно месту и времени развлекает присутствующих, хотя и пускается в самые назидательные возвышенные рассуждения:

*Aeque pauperibus prodest, locupletibus aeque;
Et neglecta, aeque pueris senibusque posebit*.*

Таким образом, наш воспитанник, без сомнения, будет пребывать в праздности меньше других. Но подобно тому, как шаги, которые мы делаем, прогуливаясь по галерее, будь их хоть в три раза больше, не утомляют нас в такой мере, как те, что затрачены на преодоление какой-нибудь определенной дороги, так и урок, проходя как бы случайно, без обязательного места и времени, в сочетании со всеми другими нашими действиями, будет протекать совсем незаметно. Даже игры и упражнения — и они станут неотъемлемой и довольно значительной частью обучения: я имею в виду бег, борьбу, музыку, танцы, охоту,

---

* Она полезна как бедняку, так и богачу; пренебрегая ею, и юноша, и старец причиняет себе вред (лат.)¹⁸.

верховую езду, фехтование. Я хочу, чтобы благовоспитанность, светскость, внешность ученика совершенствовались вместе с его душой. Ведь воспитывают не одну душу и не одно тело, но всего человека: нельзя расчленять его надвое. И, как говорит Платон, нельзя воспитывать то и другое порознь; напротив, нужно управлять ими, не делая между ними различия, так, как если бы это была пара впряженных в одно дышло коней¹⁹. И, слушая Платона, не кажется ли нам, что он уделяет и больше времени и больше старания телесным упражнениям, считая, что душа упражняется вместе с телом, а не наоборот?

Вообще же обучение должно основываться на соединении строгости с мягкостью, а не так, как это делается обычно, когда, вместо того чтобы приохотить детей к науке, им преподносят ее как сплошной ужас и жестокость. Откажитесь от насилия и принуждения; нет ничего, по моему мнению, что так бы уродовало и извращало натуру с хорошими задатками. Если вы хотите, чтобы ребенок боялся стыда и наказания, не приучайте его к этим вещам. Приучайте его к поту и холоду, к ветру и жгучему солнцу, ко всем опасностям, которые ему надлежит презирать; отвадьте его от изнеженности и разборчивости; пусть он относится с безразличием к тому, во что он одет, на какой постели спит, что ест и что пьет: пусть он привыкнет решительно ко всему. Пусть не будет он маменькиным сыночком, похожим на изнеженную девицу, но пусть будет сильным и крепким юношей. В юности, в зрелые годы, в старости — я всегда рассуждал и смотрел на дело именно так. И, наряду со многими другими вещами, порядки, заведенные в большинстве наших коллегей, никогда не нравились мне. Быть может, вред, приносимый ими, был бы значительно меньше, будь воспитатели хоть немножечко снисходительней. Но ведь это настоящие тюрьмы для заключенной в них молодежи. Там развивают в ней развращенность, наказывая за нее прежде, чем она действительно появилась. Зайдите в такой коллеж во время занятий: вы не услышите ничего, кроме криков — криков школьников, подвергаемых порке, и криков учителей, ошалевших от гнева. Можно ли таким способом пробудить в детях охоту к знаниям, можно ли с такой страшной рожей, с плеткой в руке руководить этими пугливыми и нежными душами? Ложный и губительный способ! Добавим правильное замечание, сделанное на этот счет Квинтилианом: столь безграничная власть учителя чревата опаснейшими последствиями, особенно если учесть характер принятых у нас наказаний²⁰. Насколько пристойнее было бы усыпать полы классных комнат цветами и листьями вместо окровавленных ивовых прутьев! Я велел бы там расписать стены изображениями Радости, Веселья, Флоры, Граций, как это сделал у себя в шко-

ле философ Спевсипп. Где для детей польза, там же должно быть для них и удовольствие.

...Нужно избегать всего странного и необычного в наших нравах и поведении, поскольку это мешает нам общаться с людьми и поскольку это вообще — уродства.

...Пока тело еще гибко, нужно его упражнять всеми способами и на все лады. И если воля и вкусы нашего юноши окажутся податливыми, нужно смело приучать его к образу жизни любого круга людей и любого народа, даже, при случае, к беспутству и излишествам, если это окажется нужным. Пусть он приспосабливается к обычаям своего времени. Он должен уметь делать все без исключения, но любить делать должен только хорошее.

Вот мои наставления. И больше пользы извлечет из них не тот, кто их заучит, а тот, кто применить их на деле...

Пусть наш юноша научится не столько отвечать уроки, сколько претворять их в жизнь. Пусть он повторяет их в своих действиях. И тогда будет видно, лежит ли благоразумие в основе его начинаний, проявляет ли он справедливость и доброту в своем поведении, ум и изящество в речах, стойкость в болезнях, скромность в забавах, умеренность в наслаждениях, неприхотливость в питье и пище, — будет ли то мясо или же рыба, вино или вода, — умеет ли соблюдать порядок в своих домашних делах. <...>

Подлинным зеркалом нашего образа мыслей является наша жизнь.

Зевксид ответил человеку, спросившему его, почему лакедемоняне не излагают письменно своих предписаний относительно доблести и не дают их в таком виде читать молодежи: "Потому, что они хотят приучить ее к делам, а не к словам". Сравните их юношу пятнадцати или шестнадцати лет с одним из наших латинистов-школьников, который затратил столько же времени только на то, чтобы научиться как следует говорить. Свет слишком болтлив; я не встречал еще человека, который говорил бы не больше, а меньше, чем полагается; во всяком случае, половина нашей жизни уходит на разговоры. Четыре или пять лет нас учат правильно понимать слова и строить из них фразы; еще столько же — объединять фразы в небольшие рассуждения из четырех или даже пяти частей; а последние пять, если не больше, — умненью ловко сочетать и переплетать эти рассуждения между собой. Оставим это занятие тем, кто сделал его своим ремеслом.

...Итак, лишь бы наш питомец научился как следует делам; слова же придут сами собой, — а если не захотят прийти, то он притащит их силой. Мне приходилось слышать, как некоторые уверяют, будто их голова полна всяких прекрасных мыслей, да только выразить их они

не умеют: во всем, мол, виновато отсутствие у них красноречия. Но это — пустые отговорки! На мой взгляд, дело обстоит так. В головах у этих людей носятся какие-то бесформенные образы и обрывки мыслей, которые они не в состоянии привести в порядок и уяснить себе, а стало быть, и передать другим: они еще не научились понимать самих себя. И хотя они лепечут что-то как будто бы уже готовое родиться, вы ясно видите, что это скорей похоже на зачатие, чем на роды, и что они только подбираются издали к смутно мелькающей перед ними мысли. Я полагаю, — и в этом я могу опереться на Сократа, — что тот, у кого в голове сложилось о чем-либо живое и ясное представление, сумеет передать его на любом, хотя бы на тарабарском наречии, а если он немой, то с помощью мимики.

...Пусть наш ученик не знает риторики, пусть не умеет в предисловии снискать благоволение доверчивого читателя, но ему и не нужно знать всех этих вещей. Ведь, говоря по правде, все эти роскошные украшения легко затмеваются светом, излучаемым простой и бесхитростной истиной. Эти завитушки могут увлечь только невежд, неспособных вкусить от чего-либо более основательного и жесткого, как это отчетливо показано Апром у Тацита²¹. Послы самосцев явились к Клеомену, царю Спарты, приготовив прекрасную и пространную речь, которую хотели склонить его к войне с тираном Поликратом. Дав им возможность высказаться, Клеомен ответил: "Что касается зачина и вступления вашей речи, то я их забыл, равно как и середину ее; ну а что касается заключения, то я не согласен". Вот, как мне представляется, прекрасный ответ, оставивший всех говорунов с носом.

А что вы скажете о следующем примере? Афинянам надлежало сделать выбор между двумя строителями, предлагавшими свои услуги для возведения какого-то крупного здания. Один, более хитроумный, выступил с великолепной, заранее обдуманной речью о том, каким следует быть этому строению, и почти склонил народ на свою сторону. Другой же ограничился следующими словами: "Мужи афинские, что он сказал, то я сделаю".

Многие восхищались красноречием Цицерона в пору его расцвета; но Катон лишь подсмеивался над ним: "У нас, — говорил он, — пре-забавный консул". В конце ли, в начале ли речи, полезное изречение или меткое слово всегда уместно. И если оно не подходит ни к тому, что ему предшествует, ни к тому, что за ним следует, оно все же хорошо само по себе. Я не принадлежу к числу тех, кто считает, что раз в стихотворении безупречен размер, то, значит, и все оно безупречно; по-моему, если поэт где-нибудь вместо краткого слога поставит долгий, беда не велика, лишь бы стихотворение звучало приятно, лишь

бы оно обладало глубоким смыслом и содержанием — и я скажу, что перед нами хороший поэт, хоть и плохой стихотворец.

...Но как же должен поступить наш питомец, если его начнут доносить софистическими тонкостями вроде следующего силлогизма: ветчина возбуждает желание пить, а питье утоляет жажду, стало быть, ветчина утоляет жажду? Пусть он посмеется над этим. Гораздо разумнее смеяться над подобными глупостями, чем пускаться в обсуждение их. Пусть он позаимствует у Аристиппа его остроумное замечание: "К чему мне распутывать это хитросплетение, если, даже будучи запутанным, оно изрядно смущает меня?" Некто решил выступить против Клеанфа во всеоружии диалектических ухищрений. На это Хрисипп сказал: "Забавляй этими фокусами детей и не отвлекай подобной чепухой серьезные мысли взрослого человека".

Если эти софистические нелепости, эти *contorta et aculeata sophismata** способны внушить ученику ложные понятия, то это и в самом деле опасно; но если они не оказывают на него никакого влияния и не вызывают в нем ничего, кроме смеха, я не вижу никаких оснований к тому, чтобы он уклонялся от них.

...Я охотнее изменю какое-нибудь хорошее изречение, чтобы вставить его в мои собственные писания, чем оборву нить моих мыслей, чтобы найти ему подходящее место. По-моему, это словам надлежит подчиняться и идти следом за мыслями, а не наоборот, и там, где бессилен французский, пусть его сменит гасконский. Я хочу, чтобы вещи преобладали, чтобы они заполняли собой воображение слушателя, не оставляя в нем никакого воспоминания о словах. Речь, которую я люблю, — это бесхитростная, простая речь, такая же на бумаге, как на устах; речь сочная и острая, краткая и сжатая, не столько тонкая и приглаженная, сколько мощная и суровая:

Наес demum sapiet dictio, quae feriet** ,

скорее трудная, чем скучная; свободная от всякой напыщенности, непринужденная, нескладная, смелая, каждый кусок ее должен выполнять свое дело.

...Красноречие, отвлекая наше внимание на себя, наносит ущерб самой сути вещей.

Желание отличаться от всех остальных не принятым и необыкновенным покровом одежды говорит о мелочности души; то же и в язы-

* Запутанные и изощренные софизмы (лат.)²².

** Ведь в конце концов нравится такая речь, которая потрясает (лат.)²³.

ке: напряженные поиски новых выражений и малоизвестных слов порождаются ребяческим тщеславием педантов. Почему я не могу пользоваться той же речью, какую пользуются на парижском рынке?

...Афиняне, говорит Платон²⁴, заботятся преимущественно о богатстве и изяществе своей речи, лакедемоняне — о ее краткости, а жители Крита проявляют больше заботы об изобилии мыслей, нежели о самом языке: они-то поступают правильнее всего. Зенон говорил, что у него было два рода учеников: одни, как он именует их, φιλόλογοι, алчущие познания самих вещей, — и они были его любимцами; другие — λογοφίλοι, которые заботились только о языке²⁵. Этим несколько не отрицается, что умение красно говорить — превосходная и весьма полезная вещь; но все же она совсем не так хороша, как принято считать, и мне досадно, что вся наша жизнь наполнена стремлением к ней. Что до меня, то я прежде всего хотел бы знать надлежащим образом свой родной язык, а затем язык соседних народов, с которыми я чаще всего общаюсь. Овладение же языками греческим и латинским — дело, несомненно, прекрасное и важное, но оно покупается слишком дорогою ценой.

...Возвращаясь к предмету моего рассуждения, повторяю, что самое главное — это прививать вкус и любовь к науке; иначе мы воспитаем просто ослов, нагруженных книжной премудростью. Поощряя их ударами розг, им отдают на хранение торбу с разными знаниями, но для того, чтобы они были действительным благом, недостаточно их держать при себе, — нужно ими проникнуться.

Мишель Монтень. Опыты. В трех книгах. Книги первая и вторая. М., 1979. С. 127—131, 133—134, 138—162, 166. Пер. А.С. Бобовича.

КОММЕНТАРИИ

Книга первая. Глава XXV. О педантизме

¹ Платон. Менон. 91 а е.

² Цицерон. Тускуланские беседы. II, 4.

Книга первая. Глава XXVI. О воспитании детей

³ Цицерон. О природе богов. I, 5.

⁴ "Пусть он руководствуется примером Платона" — т.е. пусть берет в качестве образца последовательности в преподавании от известного к неизвестному диалоги Платона.

⁵ Данте. Ад. XI, 93.

⁶ Сенека. Письма. 33, 7.

⁷ Церковь Санта-Мария Ротонда — купольный храм "всех богов", выстроенный Агриппой в Риме в 25 г. до н.э. и впоследствии превращенный в христианский храм.

⁸ Гораций. Оды. III, 2, 5.

⁹ Сенека. Письма. 103, 5.

¹⁰ Цицерон. Тускуланские беседы. V, 3, 9.

¹¹ Персий. III, 69 сл.

¹² Вергилий. Энеида. III, 459. Цитируется неточно.

¹³ Федор Газа (ум. в 1475) — греческий ученый, автор грамматики греческого языка, получившей в XVI в. широкое распространение.

¹⁴ Вагосο и βαγαίρτοп — термины схоластической логики, обозначающие модусы силлогизмов.

¹⁵ Эпициклы — круги, с помощью которых древние объясняли видимое движение планет. После открытия Кеплером законов движения планет теория эпициклов была оставлена.

¹⁶ Персий. III, 23—24. Цитируется неточно.

¹⁷ "...явившись по приглашению Платона на его пир" — один из известнейших диалогов Платона носит название "Пир".

¹⁸ Гораций. Послания. I, I, 25—26. Цитируется неточно.

¹⁹ "...как если бы это была пара... коней" — Плутарх. Как сохранить здоровье. 25.

²⁰ "...безграничная власть учителя чревата опаснейшими последствиями..." — Квинтилиан. Обучение оратора. I, 3.

²¹ Цицерон. Тускуланские беседы. II, 4.

²² Тацит. Диалог об ораторах. XIX.

²³ Стих из эпитафии на могиле Лукана.

²⁴ Платон. Законы. I, 11.

²⁵ "...которые заботились только о языке. Стобей. Антология. XXXVI, 26; φιλόλογοι — филологи, любящие словесность; λογοφίλοι — логофилы, любящие слова.

III. НАСТАВНИКИ "ПРЕВОСХОДНОЙ УЧЕНОСТИ И НРАВСТВЕННОСТИ"

ДЖОВАННИ КОНВЕРСИНИ ДА РАВЕННА

Джованни Конверсини да Равенна (1343—1408) был одним из первых гуманистических педагогов. Он родился в Будапеште, где его отец был медиком при дворе венгерского короля Людовика Анжуйского. Еще ребенком был послан отцом для получения образования в Италию, где находился на попечении дяди, ставшего позже патриархом Градо и кардиналом. Конверсини учился сначала в школах Болоньи, Равенны и Падуи, затем изучал право в Болонском университете и гуманистические науки в Падуе. Рано начал преподавать, был учителем в ряде городов северо-восточной Италии (в Тревизо, Конельяно, Беллуно, Удине, Венеции и др.), читал лекции во Флорентийском (1368—1369) и Болонском (1392) университетах. Был канцлером Рагузы (Дубровника) (1384—1387) и канцлером у падуанских правителей Каррара (1393—1404).

Среди сочинений Конверсини работы на морально-этические темы ("О судьбе", "О тщете человеческой жизни"), вопросы индивидуальной морали обсуждаются в полубеллетристических диалогах "История Элизии", "Договор между подагрой и пауком". Ему принадлежат также исторические сочинения "Происхождение семьи Каррара" и "История Рагузы". Его работа "Драматология о предпочтительном образе жизни" посвящена обсуждению преимуществ монархической или республиканской форм правления. "Счет жизни" (1400) является своеобразной автобиографией автора и как редкий для раннего гуманизма жанр представляет исключительный интерес.

Особых сочинений на темы воспитания и образования гуманист не оставил, но интересный материал на эту тему содержат "Счет жизни", "Драматология" и письма. Поскольку Конверсини сам преподавал и знает современную ему школу, его взгляды на методы обучения, на понимание процесса обучения, взаимоотношений ученика и учителя представляют особую ценность. Конверсини оставил воспоминания о своем обучении в средневековой школе, что также интересно. Наконец, будучи в Падуе, он оказал влияние на учившихся там будущих гуманистов, которые в дальнейшем либо сами писали на темы образования (Верджерио), либо стали гуманистическими педагогами (Витторино да Фельтре, Гуарино из Вероны).

Ниже публикуется фрагмент из "Счета жизни", где описывается обучение Конверсини в средневековой школе и где высказаны некоторые его мысли по поводу методов обучения.

Н.В. Ревякина

СЧЕТ ЖИЗНИ

V. Затем ребенком я был отправлен в Болонью¹, где благородная вдова Джакома де Тавернула, воспитывавшая меня вместе со своими детьми, при содействии своего брата монаха Грациана, отдала меня учиться. И я — что явилось предзнаменованием моей последующей судьбы — стал воспитанником школы Филиппино да Луго [от *lugeo* — оплакивать, скорбеть], школы жестокой и, я бы сказал, железной; ему затем сняли комнату у главного учителя грамматики Александра Казентинца². О его, а также моих и брата расходах заботился Фома³, поскольку мой отец поставлял ему из Венгрии всего вдоволь. Немного спустя отец умер, и я, бедненький, жил под покровительством и опекой Фомы и не знал с тех пор другого отца.

Итак, терпя безумную жестокость Филиппино, я упрямой душой возненавидел учење и всех учителей. "Драчливого Орбилия" упоминает Флакк⁴, этот же был не просто драчливым, а палачом учеников. Нас у него было четверо; племянника Грациана он однажды так жестоко избил, что, испугавшись, что тот умрет, ушел из города. Хотя мы любили товарища по школе, тем не менее желали его смерти, чтобы Филиппино либо понес наказание, либо был вынужден навеки удалиться в изгнание. Но мы прогневили богов, ученик поправился и был определен, более счастливый, чем мы, благодаря заботам своих родственников, к кроткому наставнику; наш тиран вернулся к нам.

С содроганием вспоминает душа жестокие и подлые злодеяния, которые совершал надо мной и братом этот кровожадный. Для читателей достаточно будет описать одно как неизменный признак его свирепости. Мой крестьянин⁵ отдал Филиппино для обучения вместе с нами восьмилетнего мальчика, не знаю, какой Тезифоной⁶ перенесенного к наукам от пашни. Молчу о том, как учитель бил и пинал малыша. Когда однажды тот не сумел рассказать стих псалма⁷, Филиппино избил его так, что кровь заструилась, и между тем как мальчик сильно вопил, он его со связанными ногами, голого (так было всегда, ибо за любой ничтожный проступок он истязал нас розгой голыми, чтобы мы со всех сторон были открыты его ударам), подвесил на уровне воды в колодце, который находился и, думаю, еще находится в

школьном доме Порте Нове, когда войдешь во двор, немного подалее от входа. Хотя приближался праздник блаженного Мартина, он [Филиппино] упорно не желал отменить наказание вплоть до окончания завтрака; наконец, после того как мальчик был извлечен из колодца, словно из преисподней, полуживой от ран и холода, бледный перед лицом близкой смерти, он уложил его в постель, с помощью сильно нагретых одежд, многократно меняя их, мы с трудом вернули его к жизни. Подумай, читатель, какое наказание применял к старшим тот, кто так свирепствовал против малыша!

VI. Заблуждаются те, кто считает, что при обучении детей грамоте прибегают к жестокости. Педагоги добиваются большего умеренностью и милосердием, ибо от мягкого обращения и любой похвалы воспламеняется благородная душа и становится расположенной следовать туда, куда зовет рука ваятеля; действительно, как любовь больного к врачу очень способствует исцелению, так любимого учителя слушают с большим удовольствием, верят ему легче и то, что он описывает, крепче запоминается. И, напротив, как свидетельствует Квинтилиан⁸, дети от излишне жестокого способа исправления угасают; когда учитель свирепствует, с трудом запоминается то, что он говорит. То, что вкуснее, лучше питает, по мнению Авиценны, так, клянусь, и то, что воспринимается памятью с радостью, сохраняется надежнее; и потому удерживается памятью крепче все, что вызывает удивление, а также то, что доставляет удовольствие, то, что любимо, приятно, либо, напротив, все, что связано с тяжким позором или чудовищным злодейством, поскольку и вещи этого рода на душу влияют сильнее.

Итак, пусть будет в учителе кротость и мягкость, пусть он скорее побуждает детей идти в школу, чем понуждает, и, подобно тому как правители городов, напрягая все силы, стремятся к тому, чтобы их любили, нежели чтобы боялись, не иначе и в школьном государстве пусть преподаватель заботится о любви учеников, а не об их страхе перед ним. Пусть подражают людям, укрощающим лошадей, которые сперва обращаются с жеребятами с помощью свиста, голоса и ласки, воздерживаются от применения шпор, скорее надевают недоуздки, чем настоящую узду, побуждают в путь и учат носить на себе человека больше хлопаньем, чем ударами кнута. И не без основания, как считают древние, представляли муз девами, но по той причине, что тому, кто учит, подобает соблюдать и чистоту нравов, и во всей жизни девственную мягкость, а также кротость, соединенную с неким благородством, ибо многознание без света нравственности предстает как грубое и достойное главным образом презрения. В самом деле,

как тот, кто учится рисовать, делает набросок с модели, так мальчик формирует свою душу, подражая жизни учителя; поэтому стоит рассмотреть жизненное поведение и ученость наставника, из которых одно формирует нравы, другое — ум того, кто пришел получить образование; первое оставляет после себя добродетельного, второе — ученого человека. Юным полезнее жизнь [учителя как образец], а уже сформировавшимся людям в учителе требуется образованность. Ибо не в силах наставлять слушателей только голосом или, что более всего помогает, примером тот, кто лишен мягкости, рассудительности и, так сказать, *eutrapelia*, что мы можем по праву объяснить как способность быть приятным в общении.

Пусть, кроме того, наставники тщательно взвесят разнообразие характеров детей; действительно, одних учеников мы лучше взбадриваем соревнованием с товарищем, воодушевляем похвалами (словно лошадей звуком трубы), на других следует воздействовать лаской, на третьих — строгостью (но при этом умеренной), на некоторых отеческим порицанием. Ведь чем благороднее дух человека, тем безутешнее он страдает от обиды. В большинстве случаев следует подражать мудрости медиков, которые, если недуги не повинуются целительным средствам, прекращают лечение, а не теряют труд [без пользы].

Следует, кроме того, немало поразмыслив, установить меру в распределении изучаемого материала. Учащимся надо всегда давать знания на уровне их способности понимания. Как пища должна наполнять желудок до уровня сытости, чтобы началось пищеварение, так материалы для чтения надо распределять в границах умственных способностей учеников. Ясное и совсем не обременительное чтение легко усваивается, сложное и трудное насыщает, но не питает. Разум ведь легко воспринимает, с удовольствием исследует [полученные знания], и пока человек не теряет надежды сохранить узнанное, то, что услышано, благодаря самой этой уверенности, укореняется сильнее.

Но тот мучитель омрачал жизнь страдальцев тяжким бременем ученья и, с другой стороны, делал их самим своим присутствием полумертвыми от страха. Поскольку я был на второй ступени обучения, он принуждал запоминать и рассказывать наизусть достопримечательные латинские стихи всех авторов, изучаемых ранее, [также] Катона⁹, кроме того все, что читали из Проспера¹⁰, Боэция¹¹, вследствие чего из-за тяжести занятий и в ожидании наказаний я, живя, умирал или жил, умирая.

VII. Итак, предпочитая все что угодно настоящей своей участи, я, отчаявшись душой, решил бежать. Но мешало присутствие стража (он ведь знал, что его страстно ненавидели и что у всех было желание

убежать). Я находился в школьной комнате, словно в ужасной тюрьме, в постоянном рабстве, под непрерывным наблюдением Аргуса¹² (за исключением лишь того времени, когда он настоятельно требовал собраться всем для слушания Александра, общего учителя), ибо страх огромных мучений запрещал переступить порог комнаты. Что в конце концов случилось? В праздник блаженного Мартина, по причине торжества которого, поистине вакханалий, было выпито вина больше обычного, он отпустил меня (что едва ли случалось в иное время) пойти поиграть в школы, где другие веселились. Я тотчас же, словно птица, вырвавшаяся из клетки, поспешно выбегаю и, бегом достигнув ворот, открывающих путь во Флоренцию, ухожу... [Джованни прибыл в Сан Руфилло, затем в Пьяноро и Лойяно. Однако Филиппино сообщает о бегстве дяде Джованни, который тотчас же распорядился послать другого родственника Джованни дядю Бонато вместе со своим слугой на поимку беглеца, и те, оседлав коней, догнали Джованни и возвратили в Болонью.]

IX. И вот я снова возвращаюсь к палачу, но участь моя изменилась: мы, ранее жившие и питавшиеся в школе, оставались теперь в доме дяди. Но всю свирепость, умеряемую присутствием домашних, на виду которых я вел себя немного смелее, Филиппино проявлял в школе, где, словно приходя в свое царство, вознаграждал себя за умеренность еще большей яростью. Признаюсь, раз или два я намеревался отравить его ядом; если бы не старание домашних, которые, заметив это, приняли меры предосторожности, я бы отправил Орку¹³ достойную голову.

Кто мог бы объяснить, святой мой Боже, сколь переменчив, сколь тщетен, сколь опасен, сколь слеп и сколь из-за этого несчастен путь юности, одна из самых трудных вещей в познании, по свидетельству Соломона¹⁴. Ты знаешь, Господи, сердце мое и совесть мою, которую только ты очищаешь и даруешь ей размышление над собой, исправление и направление [на правый путь]. Ты знаешь, сколь стыдно мне за прошлое, сколь берет раскаяние, как страдаю и плачу, что оскорбил тебя, как не нравлюсь самому себе, потому что тебе не нравлюсь. Сколь часто с пророками твоими я восклицал с глубочайшим вздохом: "Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай"¹⁵. Был я мальчиком и уже столь дурным, что мог до смерти возненавидеть человека и дерзал помышлять о том, что выходило за пределы ненависти.

Так вот, поскольку извращенное мое намерение не осуществилось и поскольку я не в силах был выносить жестокости тирана, я снова убегаю в город Сан Джованни. Там поступаю на службу к торговцу

благовониями. Но братья минориты¹⁶, которым Фома поручил розыск, — а был я им всем близко знаком, — узнают, что я продаю специи у торговца, и после многих порицаний и многих уговоров они увлекают меня в монастырь. У них меня баловали, пока не возвратился посланец из Болоньи. Поскольку тому же Джакомо было велено забрать меня, я соглашаюсь уехать, только получив обещание, что ни при каких условиях не возвращусь к Филиппино.

Итак, при возвращении я был переведен от Филиппино к Бартоломео Теутоико. Он жил при банях в конце квартала Нозаделле у госпиталя, одновременно преподавал в вышеназванной школе; он был не столь жестоким, как Филиппино, но равным ему в бесстыдстве и глупости. В самом деле, окно комнаты, в которой он преподавал, выходило в портик, было очень большое и с железной решеткой, он помещал в нем как в карцере забывчивых и виновных в других проступках учеников, здесь всю долгую зимнюю ночь и часто также на летнем солнце он на виду у всех держал тех, кому предстояло терпеть насмешки прохожих; кроме того, собирая учеников обнаженными в группы по пять, иногда шесть человек, он, как бы играя с нами, будучи и сам обнаженный, бил нас до изнеможения.

Так у двух кровожадных и безрассудных педагогов я, не скажу, что жил, но пребывал в жалком и бедственном положении, почти подобный мертвому, пока из-за нависшей над Болоньей войны с Миланом я не возвратился в Равенну, чтобы жить в удовольствии у монахинь¹⁷.

Giovanni Conversini da Ravenna. *Rationarium vite*. A cura di Vittore Nason. Firenze, 1986. Пер. Н.В. Ревякиной.

КОММЕНТАРИИ

¹ После того как Дж. Конверсини да Равенна ребенком был отправлен в Италию, он воспитывался в Равенне (откуда его имя) у монахинь монастыря св. Павла ордена еремитов; затем начал учиться у Донато Альбанцани, учителя риторики, друга Петрарки и Боккаччо, а с шести лет обучался в грамматической школе в Болонье.

² Структура средневековой школы напоминала структуру ремесленной мастерской, учитель часто использовал в работе помощников (как мастер подмастерьев), у Александра Казентинца, видимо, было несколько таких помощников, одним из которых был учитель Джованни.

³ Фома — дядя Джованни, церковный деятель, позже кардинал, он заботился о жизни и обучении племянника в Италии.

⁴ *Гораций Флакк*. Послания. II, I, 70—71.

⁵ Мой крестьянин — у отца Джованни были земельные владения в окрестностях Болоньи.

⁶ Тезифона — Тисифона — одна из Эриний — богинь-мстительниц.

⁷ Стих псалма — Псалтырь в средневековой школе использовалась на начальных этапах обучения, с ее помощью учились читать по-латыни; псалмы заучивались наизусть еще до того, как начинали читать, и смысл их был еще непонятен.

⁸ *Квинтилиан*. О воспитании оратора. II, 2, 7.

⁹ Катон — дистихи Катона — мудрые изречения в двустишиях, приписываемые Катону Старшему.

¹⁰ Проспер — Проспер Аквитанский (V в.), его сочинение — поэтическое переложение высказываний Августина Блаженного.

¹¹ Бозций — возможно, что-то из учебников Бозция, философа, поэта, ученого (ок. 480—525).

¹² Аргус — стокий Аргус — мифологическое существо в древнегреческой мифологии, стерегущее, не зная сна, возлюбленную Зевса Ио.

¹³ Орк — в римской мифологии подземный мир, а также божество смерти.

¹⁴ Намек на книгу притчей Соломоновых. 30.

¹⁵ Псалтырь. 24, 7.

¹⁶ Минориты — монахи францисканского ордена.

¹⁷ Джованни был возвращен к тем же монахиням монастыря св. Павла в 1353 г.

ГУАРИНО ГУАРИНИ ДА ВЕРОНА

Гуарино Гуарини да Верона (1374—1460) — известнейший гуманистический педагог, ученый. Родился Гуарино в Вероне в семье ремесленника — резчика по металлу. В возрасте 12 лет потерял отца и остался на попечение матери, которая приложила все силы, чтобы дать сыну образование. Учился Гуарино сначала в родном городе, затем в Падуе, где, возможно, слушал Конверсини да Равенна; сблизился с падуанскими гуманистами, в частности с Верджеро. В 1403—1408 гг., будучи на службе у венецианского торговца и государственного деятеля Паоло Цане, был в Греции, где выучил греческий язык у сына (или племянника) Мануила Хризолора. По возвращении преподавал греческий во Флоренции, где его слушали видные гуманисты. В 1414 г. уехал в Венецию, там открыл школу по изучению греческого; среди его учеников около года был Витторино да Фельтре; обучая Витторино греческому, Гуарино сам учился у него латинскому. В 1418 г. после женитьбы Гуарино вернулся в родную Верону, где занимался преподаванием. По примеру гуманистического педагога Гаспарино Барциццы, который еще в Падуе заложил форму школы-интерната, Гуарино взял учеников в свой дом в Вероне, воспитывая их вместе со своими детьми (у Гуарино было 12 детей) и вывозя летом за город, на свою виллу в Вальполичелло.

В 1429 г. Гуарино получил предложение от феррарского правителя Никколо Эсте приехать в Феррару для воспитания сына Эсте — Леонелло. Эсте назначил высокое жалованье Гуарино в 350 дукатов, которое постоянно росло. Гуарино принял предложение. Сначала он воспитывал Леонелло и немногих детей горожан. Когда Леонелло вырос и женился, Гуарино в 1435 г. приобрел в собственность дом и взял в пансион многих детей; в 1436 г. число учеников настолько возросло, что городские власти предприняли первые шаги к органи-

зации "общественной школы", назначив Гуарино профессором риторики. В 1442 г. школа получила права университета. Таким образом, университет в Ферраре своим рождением (а точнее, возрождением, ибо формально он возник в 1391 г., но влачил жалкое существование) был обязан прямому влиянию Гуарино. Как профессор риторики Гуарино жил и работал в Ферраре до конца жизни, умер он почитаемым всеми 86-летним патриархом.

Обучение в школе Гуарино имело три ступени — элементарную, грамматическую и риторическую, для каждой ступени была своя программа. В основе обучения лежала античная литература (латинская и греческая). Изучали не только литературные, философские и исторические сочинения, но и естественнонаучные (по географии, медицине, астрономии и естествознанию). Гуарино соединял в себе черты ученого и учителя. Он перевел трактат Псевдо-Плутарха "О воспитании детей", издал "Аттические ночи" Авла Геллия, медицинский трактат Цельса, комедии Плавта; он перевел также "Географию" Страбона. Своим энтузиазмом страстного филолога он заражал своих учеников, часть которых пошла по его следам. Гуарино написал также учебник по латинской грамматике "Правила Гуарино", изложил по-латыни сочинение М. Хризолора, представлявшее собой введение в изучение греческого языка (оно затем использовалось во всех гуманистических школах). От Гуарино осталась обширная переписка.

Опыт преподавания отца обобщил в своем трактате "О порядке преподавания и изучения наук" (1459) его сын Баттиста Гуарино, преподававший после отца в школе и Феррарском университете.

У Гуарино учились будущие гуманисты Эрмолао Барбаро, Ян Пannonий (из Венгрии), ученики из Далмации, Германии, Чехии, Польши, Франции, Англии. Девять лет правления его воспитанника Леонелло Эсте были благоприятным временем для Феррары: государство не вело войн, при дворе не было раздоров, несколько раз снижались налоги, бедняки в голодные годы получали хлеб и мясо; Феррара стала центром гуманистической культуры, ко двору привлекались гуманисты и художники.

Н.В. Ревякина

ПИСЬМО ГУАРИНО К ЛЕОНЕЛЛО ЭСТЕ

1

Даже издалека, государь Леонелло¹, я хочу если не непосредственно, то, по крайней мере, советами помочь твоему продвижению в науках; словом, я изложу тебе кратко некоторые правила и как бы план занятий, которые я воспринял от Мануила Хризолора, учителя в науках и добродетели, когда он был моим вожатым на пути к литератур-

ной культуре. Прежде всего он хотел, чтобы при чтении я произносил слова ясным голосом, а не шептал или бормотал сквозь зубы. Натуралисты и медики утверждают, что такое предписание помогает пищеварению², но оно составляет немалое подспорье и для лучшего понимания и усвоения, поскольку сами звуки, как если бы говорил кто-то другой извне, воздействуют на ум и побуждают его к более тонкому познанию.

Далее следует внимательно и сосредоточенно пробежать глазами определенный отрывок текста и законченное высказывание, называемое некоторыми клаузола, а другими — период; если сразу же при первом прочтении ты поймешь его значение, то, повторяя его про себя и сокращая, ты представишь его одному лишь умственному взору; если же при первом знакомстве, как очень часто случается, смысл, который ищешь, останется скрытым, ты обязан вернуться назад и, как говорят, стучаться в дверь, чтобы открылся вход словно бы настойчивому пониманию. И в этом ты должен подражать охотничьим собакам, которые, не найдя при первом поиске птицы в зарослях кустарника и тростника, вынуждены начать снова, так, чтобы то, чего невозможно было достигнуть при первой попытке, вытащить наружу при втором приступе.

Когда затем ты читаешь подобным способом и с подобной тщательностью разные периоды, связанные с одной и той же темой, то, прежде чем переходить в чтении к другому, необходимо будет сосредоточиться и в молчании снова вернуться к сути прочитанного. И не каждое слово ты должен воспроизвести в себе, но только смысл, как бы разыскивая не члены, а все тело в целом. Если же при чтении тебя поразит изящное высказывание, либо описание мудрого и достойного действия, или остроумный ответ, одним словом, что-то способное преобразовать и украсить жизнь, я советую тебе заучить это на память. И чтобы запомнить лучше и надолго, не достаточно будет повторить это только один раз, но, согласно пифагорейскому обычаю, вечером следует повторять все то, что ты узнал днем; и, установив определенный день в течение месяца, ты должен будешь снова вспомнить все усвоенное.

Чтобы закрепить в памяти то, что ты прочитал, очень полезно будет выбрать кого-то, с кем можно беседовать о прочитанных вещах и делиться своими размышлениями. В самом деле, сила и природа памяти такова, что она не хочет оставаться бездеятельной, но укрепляется ежедневными упражнениями. Для этого всего есть изобретательное средство, полезное и испытанное: всякий раз, как нам случится читать, надо держать наготове как верного хранителя тетрадь, в кото-

рую записывать все то, что нам приходится отмечать и отбирать, так, чтобы составить из этого как бы каталог собранных вещей.

Таким образом, когда ты решишь повторить отобранные сентенции, ты, не пробегая заново всю книгу, будешь иметь свою тетрадь, которая как полезный и усердный секретарь снабдит тебя тем, что потребуешь. Это хитрое средство всегда считали очень плодотворным самые известные отцы наук, как и их ученики, поэтому наш Плиний, среди многих других, говорит, что он никогда не читал какой-либо книги без того, чтобы не выбрать из нее вещей, достойных быть взятыми на заметку.

УЧЕНИКИ И СОВРЕМЕННОКИ О ГУАРИНО

2

В Ломбардии Гуарино выучил очень многих школяров, сделав их всех людьми образованными. И не только из Ломбардии, но и из Венгрии и с окраин мира посылали школяров в Феррару обучаться не только наукам, но и нравам под руководством Гуарино, который был человеком в высшей степени благодетельным и большим блюстителем чести... Причиной того, что Гуарино побудил многих вступить на добрый путь нравственности и наук, был наилучший пример его собственной жизни. Он жил в Ферраре с женой и детьми долгое время и похвальным образом и занимался только преподаванием, ни во что другое не вмешиваясь... Все свое время он разделял между обучением, переводами и сочинением собственных трудов.

3

После того как благоприятная звезда привела в Феррару этого божественного человека, произошло удивительное изменение умов... На его публичные лекции устремлялась огромная толпа не только детей и юношей, но также и взрослых, которые желали, будь это возможно, отбросить старые заблуждения... и обрести свет истинного знания... Его лекции так нас наслаждали, так насыщали слушателей и покоряли их, он до такой степени ласкал сердца всех изяществом, красотой, радостью, что, казалось, увлекал их на острова блаженных. И тому, кто обращался к Гуарино с вопросом, он отвечал так любезно, с такой благожелательностью и с таким терпением, что становилось понятно: его наибольшее желание в том, чтобы влить в слушателей все свое знание... Но Гуа-

рино не только обучал наукам, он восстановил обычай древних ораторов, которые были не менее учителями жизни, чем слова.

Фрагменты текстов переведены Н.В. Ревякиной из книги: E. Garin. *Educazione umanistica in Italia*. 9 ed. Roma-Bari, 1975. P. 195—199. 1-й отрывок — из письма Гуарино к своему ученику Леонелло Эсте от 1434 г.; 2-й — из "Жизнеописания Гуарино" Веспасиано да Бистиччи" (1421—1498); 3-й — из надгробной речи ученика Гуарино Лодовико Карбоне на похоронах Гуарино в 1460 г.

КОММЕНТАРИИ

¹ Гуарино сообщает своему ученику Леонелло Эсте, которого он обучал с 1429 г. (он будет правителем Феррары в 1441—1450 гг.) некоторые правила и методы преподавания Мануила Хризолора, греческого ученого, преподававшего некоторое время греческий язык в Италии. Но Гуарино выучил греческий язык в самой Греции, где он был в 1403—1408 гг., его учителем был сын или племянник Хризолора Иоанн; в доме Хризолора Гуарино, видимо, и познакомился с педагогическими методами Хризолора; он всегда считал Хризолора своим учителем, переписывался с ним.

² Римский медик I в. Цельс пишет в своей "Медицине" (1, 8): "Страдающий желудок должен громко читать".

БАТТИСТА ГУАРИНО

О ПОРЯДКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ НАУК

Баттиста Гуарино к Маффео Гамбара из Брешии, благородному юноше, своему ученику

Итак, я посвятил тебе эту книжечку, из которой ты узнаешь, с одной стороны, об обязанности, с другой — о порядке, которым должны следовать в изучении греческого и латинского языков учитель — в обучении юношей, ученики — в занятиях науками. А если поймешь, что в ней будет что-то к тебе не относящееся, считай, что не столько тебе, сколько в твоём лице другим юношам я захотел подарить это законченное сочинение об изучении наук и преподавании, а ты возьми только то, в чем ощутишь нужду. Без колебаний могу утверждать, что те, кто будет обучен с помощью такого наставления, когда-нибудь непременно окажутся в числе ученейших людей: я ведь собрал то, что

наиболее полезно не только по моему мнению, которое не может иметь большого веса из-за моего молодого возраста, но и по мнению ученых мужей и прежде всего наилучшего отца моего, который, как тебе известно, в течение долгого времени имел большой опыт в преподавании. Так что, читая, ты сочтешь, что не я, а сам отец говорит это, и убедишься, что ничего не написано из того, что не проверено длительным опытом. Впрочем, чтобы не казалось, что я всеми силами хвалю эту работу незаслуженно, ты увидишь уже на деле и, как я надеюсь, узнаешь в результате неустанных упражнений, что наставления — истинны.

Однако прежде чем мы перейдем к наставлениям для занятий науками и преподавания, отнюдь не покажется чуждым нашему намерению, если мы убедим юношей, чтобы прежде всего они сами для себя своими силами приобрели страсть к обучению, каковую им не может передать наставник извне, и чтобы сформировали себя наподобие "больных водянкой", которые, по словам Овидия, чем больше пьют, тем сильнее чувствуют жажду¹. Так и сами юноши чем больше будут узнавать изо дня в день, тем больше побудятся воспринимать и поглощать [знания], словно желающие утолить долгую жажду; и пусть постоянно перед взором души имеют предписание Сократа: если будешь усерден в ученье, много узнаешь. Но они легко возбудят в себе самих ту жажду, если, как говорит тот же Сократ², поразмыслят над тем, как позорно, что в то время как торговцы бороздят много опасных морей, дабы умножить свои богатства, юнцы по суше не устремляются к наставникам, чтобы сформировать наилучший образ души; если также обдумают, что нет никакого более честного и прочного владения, чем наука. Ибо красоту и силу, даже если их не уменьшит никакая болезнь, унесет наверняка старость. Деньги же часто служат причиной бездеятельности, чем материалом для приобретения добродетели. В самом деле, как находящимся в крайней бедности нелегко подняться, так те, кто в изобилии владеет множеством вещей, очень легко влекутся к наслаждениям. Там же, где царит наслаждение, трудно пребывать добродетели. А если по младости лет дети не будут обладать таким благоразумием, чтобы могли обратить на это внимание, отеческий долг — приучить к этому их нежные уши ласковыми словами и угрозами удержать от наслаждения, дабы то внушение, которое они с детства впитают, возростало вместе с годами, и когда юношами они услышат речи наслаждения, в ушах их словно еще будут звучать наставления отеческого голоса, чтобы они боялись погибели и отгоняли ее от себя. Затем пусть сформируют в себе благоговейное почитание наставников как отцов, ведь ежели они будут пре-

небрегать наставником, непременно пренебрегут и его наставлениями. И не следует полагать, что предки необдуманно считали наставника вместо почитаемого отца, но [считали так], чтобы тот обучал их с большей тщательностью и благоволением, а сами они, исполненные почтения, думали, что его предписания надо соблюдать, словно протекающие из отеческой любви. Поэтому пусть они [дети] подражают в этом примеру великого Александра, говорившего, что он обязан своему наставнику Аристотелю не менее, чем отцу Филиппу, потому что от отца он получил только жизнь, а от учителя — благу жизнь. Тот, чья душа будет так воспитана, подаст наилучшую надежду, так что превзойдет не только всеобщие ожидания, но даже упования, ибо, как говорит Крисп, "куда ты отправишь свой ум, там он и всеислен"³.

Но прежде всего надо остерегаться, как бы с самого начала детей не передать для обучения грубым и невежественным наставникам, от которых они возвратятся, если следовать высказыванию Цицерона, наполовину глупее, чем пришли. Я уж молчу о потере времени, без сомнения, так и получится, как говорил музыкант Тимофей⁴: потребуется после прикладывать двойной труд — во-первых, чтобы ученики предали забвению то, что они уже выучили (вещь эта поистине труднейшая, ибо, согласно Флакку, новый глиняный кувшин надолго сохраняет запах того, чем однажды был наполнен⁵), во-вторых, чтобы устремились к лучшим наставлениям, что также происходит тем позднее, чем больше времени и труда необходимо будет израсходовать для забвения тех первых уроков.

Вообще надо будет постараться не наказывать детей сурово и сильно [из-за проступков] в ходе обучения, ибо наказание имеет нечто рабское, и человек благородного духа так негодует, что из-за побоев ненавидит науку, хотя еще и не попробовал ее. К тому же из-за страха перед побоями ученики не сами составляют предложенные им упражнения по красноречию, но приносят тайно составленные другими; этот проступок и весьма опасен, поскольку сильно вводит в заблуждение и того и другого — и наставника, который обретает ложную надежду [в отношении знаний ученика], и ученика, который не осознает, что он лжет, будто сделал сам. В таком случае честнее и достойнее действовать лаской или иногда только пригрозить наказанием, так чтобы казалось, что побои тотчас же воспоследуют; ибо если ученику не будет ничего угрожать, то та дерзость проложит широкий путь нерадению. Когда дети станут немного старше, так что смогут побуждаться жаждой почета, тогда их надо будет убеждать в том, каким позором будет, если они начнут обманывать в работе, если покажутся ленивее и слабее остальных. И чтобы было для них более стыдно не

знать, чем знать, желательно присоединить к ним для обучения какого-нибудь товарища, соревнование с которым разожжет как бы огонек в некоторых из них, ведь благородным душам присуща некая благородная зависть, так что они устыдятся оказаться позади и как бы остаться более тупыми. Из чего следует, что, соревнуясь наперегонки, они сделают один другого более пылкими в занятиях.

Мы, однако, не одобряем, чтобы у одного и того же учителя обучалось основам знания одновременно большое число учеников. Ведь в то время как учитель желает всех удовлетворить и всем себя отдать, он никому не уделяет ни большой, ни полной заботы, из чего происходит, что никто не возвращается из школы оставленный без внимания, но и никто — хорошо обученный. Но этот совет мы даем относительно тех детей, которые старательно изучают первоосновы знаний, а в отношении детей, немного продвинутых в занятиях, которые уже могут слушать поэтов, историков, ораторов, в этом нет необходимости, ибо чем больше будет учеников, тем тщательнее сам учитель будет пытаться обучать, потому что, по словам Овидия, "слушатель рвения придаст" ...⁶.

E. Carin *Il pensiero pedagogico dell' Umanesimo*. Firenze, 1958. P. 434—440. Пер. Н.В. Ревякиной.

КОММЕНТАРИИ

¹ Овидий. Фасты. 215.

² Псевдо-Плутарх. О воспитании детей. 7.

³ Саллюстий. О заговоре Катилины. 51.

⁴ Квинтилиан. О наставлении оратора. II, 3.

⁵ Гораций. Послания. I, 2, 69—70.

⁶ Овидий. Письма с Понта. IV, 2, 35.

ВИТТОРИНО РАМБАЛЬДОНИ ДА ФЕЛЬТРЕ

Витторино Рамбальдони да Фельтре (1373 или 1378—1446) — самый знаменитый гуманистический педагог итальянского Возрождения, получивший всеевропейскую известность. Родился в семье юриста. Учился в Падуе, где слушал гуманистических педагогов Конверсини да Равенна и Гаспарино Барциццу. Увлечшись математикой, слушал курс у известного ученого Бьяджо Пелакани и занимался самостоятельно. Позже изучал греческий язык у Гуарино в Венеции. В 1420 г. Витторино основал пансион в Падуе для учащихся, которым преподавал латинский язык и математику. После отъез-

да в Милан Гаспарино Барциццы занял кафедру риторики в Падуанском университете, однако уже в 1422 г. уехал из Падуи в Венецию, где занялся частным преподаванием. Витторино брал в свою школу ограниченное число учеников, строго отбирая их по способностям и нравственным качествам; бедных он обучал бесплатно, а плату брал только с богатых, на чьи деньги содержал и обучал бедняков. Уже тогда имя Витторино стало широко известно не только в Венеции.

В 1423 г. Витторино получил приглашение от герцога Гонзага из Мантуи стать воспитателем его детей, гуманист не любил придворной жизни, но после долгих колебаний принял это предложение.

Мантуанский период оказался самым продолжительным и плодотворным в его педагогической деятельности; в Мантуе он оставался до конца жизни. Витторино стал руководителем школы "Радостный дом", которая вскоре прославилась на всю Европу. Школа была организована в садовом павильоне замка, служившем местом увеселений и потому, называвшемся "веселый", "радостный"; теперь этот термин обрел новое содержание. Дом был украшен колоннадой, портиками, а внутри фресками играющих детей. Здесь жили и работали Витторино и дети Гонзага. Но постепенно к ним присоединились и дети мантуанских богатых горожан, а также дети бедняков. Витторино и здесь остался верен своему принципу равных возможностей для настоящих талантов, он по-прежнему учил детей бедняков бесплатно. Таких учеников у него было до 40 человек, содержать их было нелегко, и Витторино прилагал немало усилий, чтобы раздобыть нужные средства.

Школа в Мантуе была прежде всего школой воспитания, она не имела профессиональных целей. В ней получили осуществление важнейшие принципы гуманистической педагогики: приоритет воспитательных задач, неразрывная связь образования и воспитания, принцип гармонического развития, соединявший в себе образование, нравственное и физическое воспитание. Программа образования по сравнению с традиционными тривиум и квадриум была значительно расширена за счет поэзии, истории, философии, обучение было построено целиком на классических текстах, латинских и греческих; традиционные дисциплины изучались по-новому, риторика, например, как ораторское искусство (а не как искусство составления писем). Витторино учитывал природные склонности детей и индивидуальные особенности, выступал против схоластической муштры и принуждения, защищал мягкие методы в обучении и воспитании. И главное — он любил учеников. Личность самого Витторино оказывала сильное влияние на учащихся своей целью, подвижнической преданностью своему делу, нравственной высотой. Недаром символом его подвижничества был образ пеликана, изображенный Пизанелло на обратной стороне медали Витторино да Фельтре.

В школе Витторино, помимо итальянцев, были ученики из Франции, Германии, Греции и других стран. Из школы выходили государ-

ственные деятели, высшие церковные иерархи, военачальники, гуманисты. Учеником Витторино и его преемником в "Радостном доме" был Оньибене да Лониго, ставший известным гуманистическим педагогом.

Н.В. Ревякина

ВОСПОМИНАНИЯ УЧЕНИКОВ И СОВРЕМЕННИКОВ О ВИТТОРИНО ДА ФЕЛЬТРЕ¹

1. Внешний вид и характер Витторино да Фельтре

Он был низкого роста, худой, [с лицом] красноватого цвета и как бы загорелый; нижняя губа, несколько выступающая вперед, лицо не безобразное и исполненное серьезности, так что его можно счесть с первого взгляда философом; и он пользовался таким уважением у школяров, что, если вдруг смотрел пристальнее обычного, каждого мучила совесть за какой-нибудь промах, он так смущал его своим взглядом, что в румянце стыда читал признание в проступке. Но в любом случае был он учителем милосердным и ревнивым хранителем репутации другого человека; никакую вещь он не порицал публично, которая не была публично совершена. Обратившись к несомненным виновникам, он обычно произносил стих Овидия: "О, как лицо — вины предатель", которым тайно колол виновника, а в других вызывал отвращение к греху. Пылкая его натура особенно склоняла его к страсти и к гневу — эти два порока, рожденные вместе с ним, он благородно подавил в себе, так что не было в нем ничего лучше и изумительнее, чем целомудрие, никогда им не нарушаемое, как никогда не показывался он и недостойным образом разгневанным...

Еще голос у него был сладостный, ораторский, особенно любимый слушателями; поза и жесты достойные, аккуратные, приятные. Потому что с самого детства, бегая, прыгая, объезжая лошадей, — развлечения, до которых так жадны мальчики, — он первенствовал среди сверстников; и также играл почти каждый день в мяч; это трудное упражнение он считал подходящим для сохранения здоровья и как бы необходимым для того, чтобы придать стройность и изящество позе.

2. Его достоинство и независимость

Мантуанцами правил тогда Джованни Франческо Гонзага, государь славный высоким духом и успехами; поскольку он был человеком мудрейшим, он очень беспокоился относительно воспитания своих

детей и любой совет принимал с большой осмотрительностью. Наконец, узнав о жизни и нравах Витторино от одного венецианского патриция, с которым у него в те времена были дружеские отношения, он сильно возжелал Витторино и с помощью патриция пригласил его на должность воспитателя своих детей², не уславливаясь о вознаграждении.

Приглашенный с этой целью Витторино, достаточно свободный в словах, заявил, что он восхищается умом государя, тем, что человеку безвестному и новому, мало даже известному жизнью и нравами, он доверил столь значительную обязанность, в особенности не договариваясь о жалованье — повода для вымогательства со стороны многих, которые, занимаясь торговлей, продаются каждому. Спросив затем относительно его успехов, поскольку слышал, что он был в расцвете сил, славился богатством и властью, сказал: "Сколь трудно править добродетельно при такой вольности!"

Во всяком случае, уверившись в высокой честности и скромности этого государя, он обещал ему свой труд с условием оставить государя, если бы нашел его чуждым своим собственным нравам. Прибыв в Мантую, он, как свидетельствует молва, сказал государю так: "Хотя, о государь, я очень давно решил избегать роскоши и царственных дворов, на мой взгляд, слишком тщеславных и сладострастных, при которых ни я не мог бы переносить изнеженность, ни они мои привычки, однако, надеясь на сходство наших нравов, услышав о тебе много очень хороших вещей, я принимаю приглашение, но на условии: если ты потребуешь от меня вещей, достойных нас обоих, я их сделаю охотно и останусь с тобой, но только до тех пор, пока похвальны твои привычки и твоя доблесть".

3. Его известность

Школяры толпами стекались к нему не только из всех областей Италии, но даже из Греции, Франции и Германии, поскольку молва об этом человеке распространилась в самых дальних странах. Хотя уже и раньше он был достаточно известен, его начали считать самым выдающимся и значительным из всех и ставили гораздо выше обычного человека; и многие с необычайным изумлением почитали его за божественный ум, заслуживающий бессмертия. Поэтому он был окружен всеми высшими почетом и уважением не только за свою образованность, но и за чистоту своей жизни и нравов.

4. Его доброта

Никого он не отталкивает от себя, всем оказывает поддержку. Отовсюду собирает книги, устраивает их чтение. С бедными и богатыми обращается равным образом и первых содержит на деньги, которые получает от вторых. Если он когда-либо предполагал, что на покупку каких-то продуктов питания не хватает средств, он прибегал к щедрости государя, так как прежде всего он желал вещей необходимых для достоинства личности. В некоторых случаях он обращался к богатым горожанам, побуждая их семьи во славу их принять участие в этом деле. Хотя часто он возвращался от них с пустыми руками, были, несмотря на это, и некоторые заработки для дела столь благочестивого; и абсолютно все, что ему дарили или что сам он вырывал у жадных (за ними он специально охотился), или что часто получал займы, он использовал с неслыханной щедростью, чтобы поддержать нуждающихся учеников.

5. Методы обучения

Очень часто он обучал и содержал в одно и то же время до 70 учеников, не взимая с них никакой платы; и обучал он их не только одному предмету. Помимо литературы, которой он уделял большое внимание, он держал на жалованье учителей, весьма сведущих в любой дисциплине и упражнении в добрых искусствах, и он усердно пользовался услугами этих учителей в соответствии с их способностями. В самом деле, говорил он обычно, поскольку не все мы годны ко всему, не должно казаться невероятным, что в столь огромной массе людей один рождается лучше другого; однако каждому природа, всеобщая наставница и подруга, определила его задание, никому не выделив всех вещей, немногим назначив многие, каждому человеку нечто. И он сравнивал умственные способности с землями, из которых одна более пригодна для пастбищ и скота, другая для виноградников и пшеницы; никакая земля, однако, не оставалась сама по себе неплодородной. Так он упражнял каждого в том или ином искусстве, к которому, как ему казалось, тот был склонен от природы.

6. Строгость его жизни

Он носил нижнюю тунику из грубой шерсти, чтобы укрощать изнеженное тело, с которым жил даже не как с противником, а как с жестоким врагом; средняя туника была из кожи дикой козы, доста-

точно дешевая, но более крепкая и долговечная и вполне соответствующая философской серьезности. Он довольствовался только одной одеждой, приспособленной для лета и для зимы, используя ткани лишь для жаркой погоды, а мех для холодной, пренебрегая всеми другими более роскошными вещами.

Витторино очень заботился о распределении дневных часов так, чтобы каждый час был отведен для определенного упражнения и перерывы не предоставлялись безделью; и считал, что только в этом распорядке — основание нашей жизни. До сна он был охотник, как ни невозможно в это поверить. Поднимался он обычно на заре и один-одинешенек, удалившись в укромное место, становился обычно голыми коленями на землю, читая усерднейше и в течение длительного времени священные книги и гимны, затем он терзал свое жалкое тело, обессиленное ежедневными трудами, многочисленными ударами. Этот обычай бичевать плоть сохранился у него, по слухам, не вызывающим сомнений, с ранней юности до самой поздней старости...

В еде и выборе пищи он был очень умерен, соблюдая всегда для приема пищи одно и то же время и тот же порядок и, — что кажется еще более трудным, — ту же меру. Друзья иной раз порицали его за излишнее воздержание и умеренность, что, казалось, не соответствует ни его благоразумию, ни его здоровью, когда известно, что летом наши тела более хотят пить, а зимой есть; и потому умоляли его, чтобы он заботился о самосохранении, не причиняя телу своему вреда, и жил долго, если не для себя, то, по крайней мере, для своих учеников. Но услышав, он отвечал им в благодарность с неким изяществом и благородной любезностью: "Как? Разве соблюдать договор — это вред? Имея долгую привычку, я договорился со своим тельцем предоставлять ему определенную порцию еды, обязательство я выполняю; и с другой стороны, я ничуть не лишаю его собственного его права, как послушной вещи, питаться сколько необходимо. Затем я думаю, что вы хорошо поступаете, побуждая меня жить, потому что жизнь дарована для упражнения в добродетели и только мудрый человек должен считаться живым, все другие двигаются наподобие живых".

7. Его веселый и мягкий нрав

Один мой друг, благородный, но обжора, отобедав случайно с сыновьями государя, поблагодарил природу за то, что, создавая ему различные члены тела, она довела их до совершенства, сделав его сильным и крепким и всегда готовым к еде и питью. Витторино, с большим трудом перенося эту прозорливость, сказал ему: "Ошибаешься,

добрый человек, ты не лишен достаточно большого естественного недостатка: природа, снабдив тебя очень вместительным животом, должна была так же снабдить тебя и многими руками, потому что тебе недостаточно только двух, чтобы в течение стольких часов отправлять пищу в рот, по крайней мере, иногда они могли бы насыщать тебя..."

Упрекаемый недоброжелателем за то, что он гражданин нерадивый и бесполезный для отечества, так как не захотел жениться и родить детей (а наихудшие сынки того недоброжелателя были учениками Витторино), Витторино так ответил ему: "Если бы у меня были собственные дети, я бы так не старался ради твоих; мне показалось полезнее воспитать неудачливых твоих, чем произвести в мир других, может быть, еще хуже; исправлять плохих — верная польза для государства, тогда как неизвестно, каких сыновей дал бы ему я". И так как тот настаивал: "Если бы был хорошим человеком, то и сыновья тоже были бы хорошими", — ответил: "Значит, и ты не имел бы плохих сыновей, если бы сам не был плох".

Об обладал характером, склонным к примирению и мягким от природы, столь чувствительным к слезам из-за мягкости и добросердечия души, что по поводу любой малости, в особенности сказанной или сделанной ребенком и благоухающей как бы ароматом добродетели, он произвольно плакал; и так бывало в любом случае, видел ли он собственными глазами или читал или слушал, как другой рассказывал о каком-нибудь замечательном деле.

8. Любовь к ученикам

Не хочу здесь обходить молчанием безмерную любовь, которую Витторино испытывал к своим ученикам. Хотя он обращал тщательное внимание на общественные обязанности, уделял достаточно время религиозной практике и физическим упражнениям подростков, но в перерывы для отдыха он устраивал им частные занятия. Я вспоминаю и также слышал от многих, что Витторино, уже достигнув старческого возраста, имел обыкновение приходить со светильником и книгой в руке, чтобы пробудить от сна тех учеников, умственным способностям которых он радовался, и, оставив им немного времени, чтобы одеться, очень терпеливо ждал их; затем, дав им для чтения книгу, обстоятельно и серьезно побуждал их к добродетели.

Не подумайте, что он делал это за деньги; ведь каждого из таких учеников он содержал и обучал бесплатно.

9. Его великодушие и скромность

Он достоин еще удивления и потому, что никто в столь большой толпе недоброжелателей не осмеливался осуждать этого человека за какую-нибудь ошибку или считать его достойным сурового общественного осуждения, особенно в отношении тех пороков, которые больше бросаются в глаза — сладострастия, алчности, скаредности, их, по признанию самих противников, он был совершенно лишен. Несмотря на это, многие из зависти жалили его за легкие ежедневные оплошности, [впрочем] все же ложные; но эти люди, полагал Витторино, не столько заслуживают ненависти, сколько сострадания, потому что они самих себя терзали безрассудно собственной злостью. Поэтому он не только переносил с легким сердцем обиды, но любил их как острую приправу к добродетели, от которой даже хорошие делались лучше. Он никогда не снисходил до мести, утверждая, что тот, кто вынужден когда бы то ни было раскаиваться из-за собственной вины, достаточно наказан. Злословящим он отвечал помощью и трудом, гордясь этим (о чем знали немногие), потому что многие могут делать добро друзьям, почти никто — врагам.

Поэтому он был у всех в наивысшем почитании, которое усилил своей скромностью и замечательной серьезностью; он был, не знаю уж как, в самой серьезности веселым и даже в забавных вещах полным достоинства, так что ты мог с трудом различить, в каком случае справедливее похвалить его. И он был настолько чужд жажды славы, что, если слышал, как кто-то говорит или пишет в его похвалу, краснея от стыда, вынуждал его замолчать; утверждал, что глупо хвалить живых, чья жизнь может еще измениться, а умершие не нуждаются в человеческом одобрении; есть в человеке темные тайники, проникая в которые, люди в своих суждениях обычно ошибаются.

10. Обстоятельства его жизни как ученика и как учителя

Пришедший в культуру в силу склонности и живости ума, Витторино да Фельтре, оставив родину, мальчиком отправился в Падую — общий центр наук, и там отдал столько труда и столько усердия, во первых, красноречию, затем логике, физике и этике и с таким успехом, что по решению всего падуанского академического сената он был причислен к докторам. Страстно увлекшись затем математикой, он сделался учеником Бьяджо Пелакани³, который жил тогда в Падуе и считался в Италии самым крупным математиком того времени.

Чтобы снискать себе благосклонность Пелакани, он не пренебрегал никакой из обязанностей или никаким из знаков уважения, которые подобают доброму ученику. Но не достигнув в общем никакого результата ни учтивостью, ни просьбами, ни услугами, он возненавидел странный нрав этого человека и без учителя, с исключительным усердием и наивысшим прилежанием изучил Евклида из Мегары и других математиков так, что достиг большой известности также в этой науке⁴.

Говорят, что Пелакани обычно упрекал себя за то, что пренебрег таким талантом и что в лице такого ученика лишил себя преемника, через которого, как он полагал, он мог бы стать прямо-таки бессмертным, если бы оставил ему как бы в виде завещания сокровища науки, которая во славу его пошла бы на пользу потомкам.

Каждой своею добродетелью Витторино вызывал высочайшее всеобщее восхищение. Его никогда не отклоняли от занятий ни тяжелый труд, который он очень хорошо выдерживал, ни бдения, затягивавшиеся почти всегда на большую часть ночи, ни голод, которому он придавал очень мало значения, ни нужда, сильно угнетавшая его. В то время как он искал духовных украшений, он для сохранения здоровья редко прерывал телесные упражнения, разделяя время между обоими занятиями с величайшей заботой. Ему нравилось состязаться в прыжках, играть в мяч, бегать с товарищами. Потому что эти упражнения не только укрепляли тело, но и ум, после перерыва в тяжелых размышлениях он становился более готовым к тому, что его мучило. Он не избег любви, которая чаще всего является самой большой страстью юности, но по природе и по характеру он был столь стыдливым и простодушным, что, движимый этим чувством, он никогда не сделал ничего, из-за чего мог показаться достойным порицания. Он был столь скромнен, что не навлек на себя ненависти или зависти ровесников. Иногда он собирался посвятить себя религиозной жизни, считая ее наиболее подходящей для счастья, но, думая об общественной пользе, ради которой, казалось, был рожден, он в течение нескольких лет публично преподавал в Падуе риторику, не принимая другого вознаграждения, кроме платы от коммуны; в том, что касалось учеников, он говорил, что ему было достаточно, если они учились хорошо говорить и хорошо жить. При прощании с учениками, стекавшимися в большом количестве в его школу, он воодушевлял их быть настойчивыми в науке со все возрастающим рвением; при этом он говорил учтиво, просто, скромно, избегая словесной помпы, которая обычно возбуждает зависть и ненависть; он чувствовал отвращение к чванству ученых и к порокам, в которые впадали из-за бесстыдства и распушенности юноши, главным образом в публичных школах. Прибыв в

Венецию, столь большой город, он принимал к себе только немногих учеников, тех, которые явно были одарены умом и скромностью; тех, которые по своему уму и нравам оставляли желать лучшего, он отправлял обратно к родителям, увещевая их устроить жизнь сыновей по-другому. Он требовал плату только от богатых и от тех, кто мог платить, и на эту плату он содержал бедных, которых держал в доме с тем, чтобы дать им возможность учиться. Обучение многих по этой системе привело к тому, что вскоре имя его стало известным не только в Венеции, но и во всем мире. Со всех сторон собирались лица, которые, предлагая большую плату, просили принять их к нему в обучение и в его дом; но этот благородный человек брал их только в том случае, если ему было ясно, что они свободны от пороков и дурных привычек, как если бы те должны одновременно приходиться в храм. Кроме того, он принимал во внимание собственные возможности в отношении числа учеников, а также умственные способности, которые обнаруживали юноши, чтобы не тратить зря времени на напрасный труд и не обманывать родителей тщетными надеждами.

11. Похвала ему. Комментирование ученикам Ливия

Думаю, что сообщаю абсолютно достоверное известие, когда утверждаю, что Витторино да Фельтре первым начал в наши времена проводить публичное чтение ученикам Ливия⁵, вызывая громадное восхищение и всеобщую похвалу. И поскольку господь наш Христос позволил, чтобы этот человек был для меня больше, чем простой учитель... я прошу разрешить мне... немного объяснить тебе то, что касается его нравов. Витторино да Фельтре, Сократ нашего времени, украшение и гордость нашего века, хвала и слава Мантуанской академии, при жизни был всегда почитаем за последовательную жизнь, был удивительным учителем, желанным, когда он отсутствовал, желаннейшим после смерти; хозяин или, вернее, отец бедных студентов, воспитатель человечности, воссоздатель латинской культуры, учитель мудрости, пример честности, образец доброты, человек, презирующий богатство, ценитель талантов, этот Тифий⁶ нашего времени первым открыл нам среди других авторов Ливия как море, которое никогда не избороздить, раскрыл нам падуанские сокровища, более скрытые, чем сады Гесперид⁷. Рожденный в венецианском захолустье Италии, он преподавал частично в Падуе, частично в Венеции с большим успехом и славой и, что очень похвально в преподавателе, с большим бескорыстием. В то время как благодаря щедрости своих учеников он мог собрать много денег, он ограничивался принятием даров от бога-

тых (он, действительно, не обучал за плату), так, чтобы иметь возможность разделить то, что получил, между бедными студентами. Он был так далек от любви к деньгам, что, довольствуясь одной одеждой зимой и летом, он каждый год разделял между более нуждающимися студентами, которых содержал и обучал в своем доме, свои одежды⁸. Молва об этих добродетелях побудила известного маркиза Джан Франческо Мантуанского, деда славного и щедрейшего кардинала Мантуанского, пригласить его в Мантую. И прибыв наконец туда, с величайшими почестями и дарами, он стал наставником детей государя. Здесь он стал мне отцом и учителем. Здесь я услышал его комментирование части декад Ливия.

12. Его честность как преподавателя

Он послал нескольких своих учеников, по большей части на собственные средства, в публичные школы, чтобы они обучались физике и гражданскому и папскому праву; и он не выказывал раздражения или беспокойства, если его ученики переходили учиться к другим учителям. Он не имел ни к кому неприязни; по большей части он порицал учеников только за то, что они плохо распоряжаются вкладом, полученным от природы, и образование, получаемое с благой целью, обращают против самих себя, как случается в гражданских войнах с войсками, направленными на защиту отечества. Он имел такой авторитет и влияние, что многие ученейшие люди, среди которых были тогда Филельфо и Гуарино, послали к Витторино для воспитания и обучения у него своих сыновей. Он был столь серьезным человеком, что в своих делах и словах всегда остерегался всего высокомерного, чрезмерного, смешного или оскорбительного для каждого человека. В беседе, в собраниях, иногда в чтении во время отдыха он показывал остроумие настолько осмотрительное и скромное, что оно развлекало, никого не оскорбляя, и не было в нем ничего отличного от образа жизни Витторино, ничего грубого или того, что давало повод уловить в обороте речи или жесте примеры, мало приличные. В литературных спорах, даже если вначале он и воодушевлялся, однако последнее слово по теме спора он предпочитал скорее оставить за своими противниками, чем дать оглушить себя пустой и упрямой болтовней, между тем как сам он приводил свои доводы серьезно и скромно, а не бестолково и легкомысленно, как диалектики наших времен. Он не делал ничего из ненависти, угодливости, из-за денег или даров, за что его могли бы заслуженно порицать.

13. Метод и школа Витторино

Он заставлял юнцов прежде всего изучать Вергилия, Гомера, Цицерона и Демосфена; и когда они насыщались ими как чистым и цельным молоком и немного укрепляли таким образом свой желудок, только тогда он считал возможным предложить им историков и других поэтов, которые являются более жесткой пищей. Так, используя этих четырех авторов, он объяснял с величайшим старанием элементы грамматики⁹.

И поскольку все искусство речи делится на диалектику и риторику, он считал, что сначала нужно изучить искусство и науку диспута, толкователя и вожатого всех остальных искусств. Поэтому он упражнял юнцов самым тщательным образом в диалектике, не приучая их, однако, к каверзным вопросам, к ложным и извилистым заключениям, изучение чего сегодня столь широко распространено¹⁰, по крайней мере, прежде чем ученики научатся определять [понятия], различать роды, добавлять термины, какие следует, делать совершенные заключения. Он направлял их затем к софистам¹¹ не для того, чтобы они становились софистами, врагами истины, но чтобы лучше могли отличить истину от лжи.

Далее следовала риторика, которая, согласно мнению перипатетиков, связана с диалектикой¹²; и Витторино заставлял молодых людей выполнять по ее известным правилам постоянные упражнения в произнесении речей, предлагая вымышленные речи перед народом или сенатом¹³...

Затем шли математические дисциплины, арифметика, геометрия, астрономия, музыка¹⁴...

Витторино считал необходимым приглашать юношей с величайшей щедростью и радостью в приятнейший и полезнейший приют квадриви и удерживал их там без какой-либо строгости, но, напротив, со всяческой приятностью, одобряя безусловно обычай мудрейших египтян, которые с помощью игры упражняли своих сыновей в арифметике... Потому что если юноши будут упражняться на свободе, легче можно будет заметить, к чему каждый имеет от рождения особые склонности.

Наконец, тех, кто заканчивал это обучение, Витторино считал способными к философии и направлял их в академический Лицей к вершинам — Платону и Аристотелю. И он не позволял никому уходить из своей школы прежде, чем изучат с величайшим старанием всю их философию. Только тогда он давал возможность юношам удалиться, утверждая, что, какой бы дисциплине они себя ни посвятили — меди-

цине, праву или теологии, они достигнут того совершенства, которого намеревались достигнуть.

* * *

14. Никого он не порицал более сурово, чем клявшихся и хуливших Бога и святых. Поэтому он сына государя Карло, уже взрослого и очень сильного, игравшего в зале в мяч, поскольку тот, как бывает в гневе, неблагочестиво высказался о Боге и святых, призвав к себе, на глазах у присутствовавших так сильно побил¹⁵, как если бы тот был одним из самых ничтожных плебеев. И юноша, отличавшийся великодушием и физической крепостью, не пытался из-за этого отразить силу силой, но, чтя выше всего авторитет учителя, он, припав к его коленям, попросил прощения, если в чем провинился. Ученикам Витторино прежде всего рассказывал о религии и культе, поскольку говорил, что образованность и знание даны людям от Бога¹⁶, тем, кто устремляется к столь высокому и столь божественному делу, надлежит быть свободными от всякого порока и нечестивости. Он часто посещал храмы, более всего во время богослужения, приводя с собой детей государя, чтобы тех, кого он побуждал к религии словами, подвигнуть также примером. Молясь, он оставался, преклонив колени, столько времени, сколь долго сам возносил молитву Пресвятой Деве, никогда не прерываемую, или когда священник выносил святые дары. Кроме того, он заставлял сыновей государя, а равно и остальных учеников каждый день воздавать Богу заслуженную хвалу или молить о собственном спасении, о спасении города, родителей и граждан. Ибо никакая вещь, говорил он, не умножает больше учености, чем религия и благочестие, которыми, по его словам, надлежит проникаться наилучшим и благонравным юношам: благодаря этому приуготовляется наилучший путь к образованию, так как юноша, отличающийся такими свойствами и таким правилом поведения, будет иметь милость и покровительство со стороны Бога и людей.

Витторино говорил, что три вещи необходимы детям: природные способности, наука и упражнения¹⁷. Природные способности он сравнивал с полем, упражнение — с его возделыванием, что приводит к плодородию, а науке предоставлял делать людей с помощью добродетели лучше и давать им, пока живы, убежище от несчастной и счастливой судьбы. Юноше, который спрашивая его, что необходимо ему, чтобы посвятить себя науке, он ответил: забыть все, что плохо и неправильно выучил, и, очистив душу от всего позорного и порочного, отдать всего себя наилучшему и глубоко почитаемому наставнику,

который будет тебе вместо отца и которому равным образом ты должен повиноваться, как подобает сыну.

Читал Витторино просто, не пользуясь прикрасами и показным блеском, что часто делают, чтобы похвастаться умом и ученостью. Однако он был разнообразен в речи, ясен, сжат и краток, исходя из способностей слушателей и содержания лекции. Вся его речь была целомудренна и проста; ни в шутку, ни всерьез никогда не слышали от него никакого неприличного слова. Если же при чтении случалось выразить что-то непристойное, низкое, вульгарное, что встречается у поэтов, он это или пропускал, или излагал в достойном пересказе скромными словами, порицая поэтов за то, что, подражая последователям Диогена¹⁸, изгнали данный природой стыд бесстыдной вольностью. Голосом неизменным и звучным он удовлетворял сколь угодно большое количество учеников. Лицом и словами он внушал в высшей степени доверие, когда так объяснял отрывки из ораторов, поэтов, философов, как если бы оракул Аполлона Пифия¹⁹ подсказывал ему с необходимостью слово из сокровенных глубин храма.

Он очень заботился о том, чтобы юноши упражнялись в постоянном чтении поэтов и ораторов, и нередко приходил сам, спрашивая и проверяя, обнаруживают ли они при чтении какие-то признаки понимания, различая окончания периодов, делая остановки, повышая или понижая голос, отмечая богатство слов, разнообразие фигур. Окончания периодов он даже сам порой объяснял нарочно неправильно, чтобы проверить понимание учеников, а его можно получить только с помощью образования и длительного приучения. Он очень радовался, если видел, что кто-то осмеливался опровергнуть неправильное объяснение, утверждал, что это признак замечательных способностей и понимания; но чтобы такие ученики не впали в порок самонадеянности, поскольку трудно в слабом возрасте соблюдать меру, он их часто поддевал, чтобы, возгордившись и став чванливыми, они не низверглись в дальнейшем вниз от дутого авторитета. Унылых же и следующих всецело за его мнением он, напротив, возвышал, с тем чтобы они, получив одобрение, возвращались к занятиям более веселыми. Он был до такой степени страстным педагогом и служил всеобщей пользе, что хотя и был весьма ученым, однако при чтении снисходил до азов и повторял с учетом способности и возраста детей также то, что вызывало раздражение у учеников, даже умеренно образованных.

Он радовался способностям юношей и плакал от радости, если они говорили изящно прозой или стихами. У кого язык был сух и бесцветен, того он побуждал к обильной речи, многословных не порицал, так как с возрастом, говорил он, природные способности легче обуз-

дать, чем усилить. Он часто хотел слушать, как юноши читают и декламируют, чтобы сразу же исправить порок, если замечал его при произношении. Запрещал им произносить также горлом, что делало голос жирным и грубым, или краями губ, что приводило к свисту и раздражало слушателей. Он также предлагал юношам разные занятия одновременно, говоря, что как тело укрепляется разнообразной пищей, так душа чередованием видов занятий²⁰. Он хвалил то, что греки называют "энциклопедией", так как ученость и эрудиция, говорил он, проистекают из многих и разных дисциплин²¹; утверждал, что совершенный муж должен уметь рассуждать в зависимости от времени и пользы для людей о природе, о нравах, о движении звезд, о геометрических формах, о гармонии и созвучии, об исчислении и измерении вещей.

На тех юношей, которые, как бывает, в споре ничего не искали, он сердился, повторяя часто, что это признак пустоты или небрежения к учению; тех же, которые искали чего-то ради познания, он охотно слушал. Немного сердился на тех, кто искушает и настаивает упрямее обычного, так как говорил, что это отнюдь не признак свободного и доброго ума.

Переводы воспоминаний учеников и современников Витторино сделаны Н.В. Ревякиной по изданиям: E. Garin. *Educazione umanistica in Italia*. 9 ed. Roma-Bari, 1975; E. Garin. *Geschichte und Dokumente der abendländischen Pädagogik*. Reinek bei Hamburg, 1964.

КОММЕНТАРИИ

¹ Воспоминания принадлежат разным авторам: разделы 1—9 взяты из диалога Франческо Прендильаква "О жизни Витторино да Фельтре"; 10, 12 и 14 — из "Комментария о жизни Витторино да Фельтре" Бартоломео Платины; 11 — из предисловия Джованни Андреа Бусси к изданию Тита Ливия; 13 — из письма Сассоло да Прато "О жизни и науке Витторино да Фельтре".

² Витторино да Фельтре был приглашен в Мантую ее правителем Джованни Франческо Гонзага (ум. 1444), маркизом с 1432 г. В его обязанности входило воспитание детей Гонзага — Лодовико, Карло, Джанлучидо и Маргариты, позже Чечилии и Алессандро; с 1433 г. у него училась и Барбара Гогенцолерн, прибывшая в Мантую в возрасте 12 лет, чтобы выйти затем замуж за Лодовико. Витторино мог взять на воспитание и детей мантуанских граждан, затем к нему стали прибывать и дети из других городов Италии и даже из других стран.

³ Бьяджо Пелакани из Пармы (ум. 1415) был известным математиком и астрологом, преподавал в Болонье, Флоренции, Павии, Падуде.

⁴ Успехи Витторино да Фельтре в математике были столь велики, что на медали, выбитой в честь его Пизанелло, была сделана надпись: "Величайший математик и отец всякой гуманности".

⁵ Сообщающий этот факт ученик Витторино Джованни Андреа Бусси, позже епископ, осуществил в 1469 г. вместе с римскими печатниками Свенхаймом и Паннартом первое типографское издание Тита Ливия; он издавал и других античных классиков. Большой интерес гуманистов к Титу Ливию, проявленный еще Фр. Петраркой, позже Л. Валлой, нашел достойное завершение в трудах Витторино по подготовке научного издания римского историка и в напечатании его труда учеником Витторино Бусси. Другой ученик Витторино, правитель Федерико Монтефельтре, устраивал у себя в замке публичные чтения Ливия.

⁶ Тифий — в древнегреческой мифологии кормчий на корабле Арго, на котором Язон и его спутники отправились в Колхиду за золотым руном.

⁷ Сады Гесперид — в древнегреческой мифологии сады, где росла яблоня, приносявшая золотые плоды; находились на крайнем западе Земли и охранялись дочерьми Геспера — божества вечерней звезды. Падуанские сокровища — это, видимо, античные классики, имевшиеся в Падуе, и среди них Тит Ливий. Падуя была центром гуманистической культуры, в ней долго ощущалось влияние Петрарки, когда-то жившего здесь; в начале XV в. еще живы были его почитатели и последователи; здесь преподавали известные гуманисты Дж. Конверсини да Равенна, Гаспарино Барцицца, Верджерио и др.

⁸ Витторино получил известность своим бескорытием и любовью к ученикам, недаром символом его, изображенным Пизанелло на бронзовой медали, был пеликан — птица, по легенде, раздирающая клювом грудь, чтобы накормить своих птенцов собственной кровью.

⁹ Программа школы Витторино да Фельтре на первый взгляд кажется похожей на традиционную систему средневекового образования — семь свободных искусств, на самом деле различия были очень глубокие. Программа Витторино строилась на античном материале, она включала новые дисциплины, такие, как история, поэзия, философия, в ней были элементы географии и естественнонаучного знания (читали Страбона, Полибия), а традиционные дисциплины тривия и квадрия преподавались иначе, чем в средние века.

¹⁰ Здесь явный выпад против схоластического преподавания диалектики (логики) и упоминание на то, что в школе Витторино логика преподавалась по-новому.

¹¹ Софизм — логическая уловка, умышленно ошибочное рассуждение, которое выдает за истинное.

¹² О связи риторики с диалектикой см.: Аристотель. Риторика. I, 1—2.

¹³ В отличие от средних веков риторика преподавалась в школе Витторино не как искусство составления письма, а как ораторское искусство.

¹⁴ Среди дисциплин квадрия глубоко и основательно преподавались музыка и математика. Обе науки сам Витторино прекрасно знал. Он получил прекрасное музыкальное образование в Падуе, имел в своей библиотеке книги по музыке. Музыка изучалась не просто как теоретическая дисциплина, связанная с математикой. Витторино видел огромное воспитательное значение музыки. Ученые считают, что в "Радостном доме" Витторино было положено начало Мантуанской школы музыки, ставшей знаменитой.

¹⁵ Наказания в школе Витторино были разные, в том числе и телесные, но последние гуманист не любил, применялись они редко, не сразу после проступка (чтобы не бить сгоряча, не потерять чувства меры) и только за нравственные проступки. Случай, о котором рассказывает Сассоло да Прато, был все же редкостью.

¹⁶ Религиозное воспитание играло важную роль в школе Витторино, и сам он был глубоко верующим человеком. Главное для него в религии — вера, исполнение религиозных обрядов, такое отношение к религии он внушал и своим ученикам; глубокое изучение религии в школе, видимо, не практиковалось; подобное отношение к религии было свойственно многим гуманистам.

¹⁷ Витторино повторяет здесь мысль Псевдо-Плутарха (цит. соч. IV), легшую в основу гуманистической педагогики.

¹⁸ Диогеники — очевидно, последователи Диогена Синопского (ок. 412—323 до н.э.) — одного из наиболее значительных представителей школы киников; у киников, подчеркивавших свое безразличие к условностям и приличиям, были моменты эпатирования публики, на что и обращает внимание Витторино. Любопытно, что некоторые гуманисты, писавшие на педагогические темы (например, Маффео Веджо), дают положительную оценку воспитательным идеям киников и ссылаются неоднократно на кинических мудрецов.

¹⁹ Оракул Аполлона Пифия — храм Аполлона Пифия был воздвигнут в Дельфах на месте убийства Аполлоном чудовищного дракона Пифона, по имени которого Аполлон и получил прозвище Пифий; здесь же находился оракул божества, чью волю изрекала жрица-вещательница Пифия.

²⁰ Принцип чередования занятий, обосновываемый некоторыми гуманистами (например, Маттео Пальмиери), начал утверждаться на практике в гуманистической школе Витторино.

²¹ Сам Витторино получил разностороннее образование, будучи учеником Падуи, и в своей школе стремился дать ученикам подобную подготовку; профессиональные знания по медицине, юриспруденции, теологии ученики получали в университетах. Образование в школе Витторино по разносторонности в чем-то можно сравнить с образованием на факультете свободных искусств — своеобразном подготовительном факультете университетов, с той лишь разницей, что вся гуманитарная часть подготовки была шире по содержанию, строилась на гуманистических принципах и преследовала главную задачу — воспитать человека, а не профессионально подготовить ученика.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Август Октавиан Гай** (63 до н.э.—14 н.э.) — римский император 51, 53, 115, 120, 125, 161, 204, 279
- Августин Аврелий** (354—430) — христианский философ, один из отцов западной церкви 6, 8, 45, 64, 127, 128, 130, 133, 138, 198, 254, 326
- Авиценна (Ибн Сина)** (980—1037) — арабский врач, философ 353
- Агесилай II** (444—361 до н.э.) — спартанский царь 332
- Агрикола Родольф** (ок. 1443—1485) — немецкий гуманист и философ 244
- Агриппа Марк Випсаний** (64—12 до н.э.) — римский полководец и политический деятель 350
- Адам** — *библ.*, первый сотворенный человек 8, 72, 271
- Адмет** — *миф.*, фессалийский царь 134, 137
- Адольф Бургундский** — немецкий правитель, сыну которого Эразм Роттердамский посвятил один из своих трактатов 302
- Адоний** — *библ.*, старший брат царя Соломона, претендовавший на престол и убитый в этой борьбе 138
- Акций Луций** (170—85 до н.э.) — римский поэт-трагик 133
- Александр из Вилледье** — французский грамматик XIII в. 295, 302
- Александр Казентинец** — учитель грамматики Дж. Конверсини да Равенна 352, 355, 356
- Александр Македонский** (356—323 до н.э.) — македонский царь, греческий полководец и политический деятель 50, 98, 112, 115, 182, 200, 217, 235, 253, 262, 271, 288, 363
- Алкестида** — *миф.*, супруга фессалийского царя Адмета, которая ради него согласилась пожертвовать жизнью 134, 137
- Алкивиад** (ок. 450—404 до н.э.) — греческий политический деятель и полководец 233
- Альбанцани Донато** (1328—1411) — итальянский писатель, учитель риторики, друг Петрарки и Боккаччо 356
- Альберт II** (1397—1439) — король Германии, Венгрии и Богемии, австрийский герцог 215, 224
- Альберти** — знатная флорентийская фамилия 149, 158, 159, 172
- Адовардо** (1376—ок. 1442) 140, 148, 149, 151, 154, 157, 159—163, 165
- Бенедетто** (1320—1388) 140, 165
- Джанноццо** (1357—1446) 166—171, 173—179
- Карло** 163, 166, 174, 179

---

* Подготовлен С.В. Соловьевым.

- Лионардо** (1392—1428) 147, 150, 153, 154, 157, 158, 161—163, 166—171, 173, 175—178
- Никколо** (ум. 1377) 170
- Ричардо** (ум. 1421) 140, 145, 166, 179
- Лоренцо** 140, 153, 163
- Альберти Леон Баттиста** (1404—1472) — итальянский гуманист, теоретик искусства, архитектор 10, 14, 18, 26—28, 31, 123, 138—140, 165, 174, 179
- Альфонс I** (Альфонс V Арагонский) (1416—1458) — король Арагона и Сицилии, с 1443 г. король Неаполя 57, 64
- Амвросий Медиоланский** (ок. 339—397) — один из отцов западной церкви, епископ Милана 129
- Амулий** — легендарный царь Альба-Лонги, желавший смерти Ромула и Рема 53
- Анаксагор** из Клазомен (ок. 500—428 до н.э.) — греческий натурфилософ 90
- Анксон** — римский всадник, который, согласно преданию, до смерти забил своего сына 204, 279
- Антиох III** (242—187 до н.э.) — сирийский царь 125
- Антипатр** (ум. 319 до н.э.) — греческий философ, последователь Сократа, основатель школы киников 156
- Аньоло** — см. Пандольфини Аньоло.
- Аполлон** (Феб) — *миф.*, бог света и гармонии, один из главных богов Олимпа 135, 137, 154, 377, 380
- Аполлоний** из Алабанды (кон. II в. до н.э.) — греческий ритор 153
- Апр Марк** — судебный ритор и оратор I в. н.э. 347
- Апулей** — римский писатель, адвокат, философ II в. н.э. 68, 254, 297
- Аргиропул Иоани** (1415—1487) — византийский ученый и переводчик, преподававший в Италии 53
- Аргус** — *миф.*, многоглазый страж в греческой мифологии 273, 300, 355, 357
- Арион** (VII—VI вв. до н.э.) — греческий поэт 243
- Ариосто Альфонсо** (ок. 1475—1526) — придворный д'Эсте 226, 242
- Аристипп Старший** из Кирены (435—355 до н.э.) — греческий философ, ученик Сократа 60, 210, 239, 254, 263, 348
- Аристотель** (384—322 до н.э.) — греческий философ, ученый-энциклопедист 6, 11, 12, 28, 40—43, 64, 72, 75, 79, 90, 91, 94, 97, 104, 109, 112, 123, 124, 126, 131, 132, 135, 136, 182, 183, 197, 209, 217, 223, 235, 243, 259, 262, 266, 268, 288, 297, 298, 312, 330, 343, 363, 375
- Аристофан Грамматик** (257—180 до н.э.) — греческий филолог, глава Александрийской библиотеки 269, 299
- Аркесилай** (315—240 до н.э.) — греческий философ-платоник 333
- Архимед** (ок. 287—212 до н.э.) — греческий математик и физик 16
- Аспазия** — жена Перикла 127
- Ауксон** — см. Анксон.
- Афиней** (II в. н.э.) — греческий грамматик и философ из египетского Навкратиса 312, 320, 323
- Ахилл** — *миф.*, в греческой мифологии герой, осаждавший Троию 121, 217, 243, 288
- Афродита** — см. Венера

- Барбаро Франческо** (1395—1454) — итальянский гуманист и политический деятель 26, 298, 299
- Барбаро Эрмолао** (1453/54—1493) — итальянский гуманист и государственный деятель 297, 358
- Барцицца Гаспарино** (1359—1431) — итальянский гуманист и педагог 138, 357, 364, 365, 379
- Беккаделли Антонио** (Панормита) (1394—1471) — итальянский гуманист и писатель 57
- Белле Жан Дю** (ум. 1527) — французский кардинал 310
- Бембо Пьетро** (1470—1547) — итальянский писатель и поэт, автор трактатов по языкознанию и истории 224, 242
- Бероальдо Филиппо** (1453—1505) — итальянский гуманист 18
- Биант из Приены** (ок. 590—530 до н.э.) — греческий судья и философ, один из Семи мудрецов 209
- Бибиена** — см. Довицци Бернардо
- Бовель Шарль** (1472—1553) — французский философ и теолог 22, 76
- Боден Жан** (1530—1596) — французский политический мыслитель, социолог, юрист 19
- Боккаччо Джованни** (1313—1375) — итальянский писатель и гуманист 64, 138, 214, 343, 356
- Бозций Аниций Манлий Торкват Северин** (480—525) — римский философ и политический деятель 133, 216, 354, 357
- Брант Себастьян** (ок. 1458—1521) — немецкий писатель-гуманист 19
- Браччолони Джан Франческо Поджо** (1380—1459) — итальянский гуманист, коллекционер, секретарь нескольких пап, с 1453 г. канцлер Флорентийской республики 6, 18, 26, 57, 124
- Брунеллески Филиппо** (1377—1446) — флорентийский архитектор, скульптор, ювелир и изобретатель 10
- Бруни Леонардо** (1370—1444) — итальянский гуманист и историк, с 1427 г. канцлер Флорентийской республики 11, 12, 25, 27, 32, 64, 124, 125, 126, 137, 138, 139
- Бруно Джордано** (1548—1600) — итальянский философ и поэт 22
- Бусси Джованни Андреа** (1417—1457) — итальянский епископ; учился в школе Витторино да Фельтре 378, 379
- Бэкон Френсис** (1561—1626) — английский философ и политический деятель 22
- Валерий Максим** (пер. пол. I в. н.э.) — римский писатель 220
- Валла Лоренцо** (1407—1457) — итальянский гуманист, филолог и философ 9, 10, 13, 14, 37, 57, 58, 63, 197, 379
- Варрон Марк Теренций** (116 до н.э.—27 н.э.) — римский ученый-энциклопедист 91, 136, 204, 213
- Василий Великий** (330—379) — христианский богослов, один из отцов восточной церкви 129
- Веджо Маффео** (1407—1458) — итальянский гуманист, поэт и юрист 13, 26, 28, 29, 36, 57, 123, 124, 197, 198, 298, 300, 301, 380
- Венера** (греч. Афродита) — *миф.*, богиня любви и красоты 135, 137
- Вентидий Басс Публий** — римский военачальник, консул 43 г. до н.э. 51, 52
- Вергилий, Публий Вергилий Марон** (70—19 до н.э.) — римский поэт-эпик 6, 31, 32, 44, 49, 87, 90, 93, 104, 113, 129, 133, 135, 136, 137, 158, 161, 266, 267, 294, 316, 322

- Верджерио Пьер Паоло** (1370—1444) — итальянский гуманист 26, 27, 30, 31, 33, 93, 94, 123, 125, 198, 219, 351, 357, 375, 379
- Веспасиан Тит Флавий** (9—79) — римский полководец и консул, император с 69 г. 51, 283
- Веспасиано да Бистиччи** (1421—1498) — итальянский книготорговец и писатель, близкий к гуманистам 361
- Вивес Хуан Луис** (1492—1540) — испанский философ и гуманист 19, 35, 37, 76, 87, 88, 92, 244, 329
- Винцент из Бове** (род. 1264) — средневековый писатель-энциклопедист и педагог 43
- Вирсавия** — *библ.*, супруга Давида и мать царя Соломона 135, 137
- Висконти** — феодальный род правителей Милана (втор. пол. XIII—1447) 40
- Витрувий Марк Поллион** (втор. пол. I в. до н.э.) — римский архитектор и писатель 91
- Витторино Рамбальдони да Фельтре** (1373/78—1446) — итальянский гуманист и педагог 14, 26, 28, 31—34, 351, 357, 364—380
- Владислав** (род. ок. 1439—1457) — король Богемии и Венгрии 214, 215, 222, 224
- Вулкан** (*греч.* Гефест) — *миф.*, бог огня и кузнечного дела 135, 137
- Газа Федор** (ум. 1475) — византийский ученый и богослов, преподававший в Италии 341, 350
- Гален** (129—199) — римский врач и философ 37, 91, 249, 296, 312, 315, 331
- Гамбара Маффео** из Брешии — ученик Баттиста Гуарино 361
- Ганнибал** (247—183 до н.э.) — карфагенский полководец, воевавший с римлянами 117, 338
- Гарланд Жан** (1180—после 1252) — парижский грамматик и поэт 295, 301
- Гвиччардини Луиджи** (ок. 1400—после 1463) — представитель знатного флорентийского рода, участник диалога Пальмьери "Гражданская жизнь" 185
- Гегий Александр** (1440/45—1498) — нидерландский гуманист, учитель Эразма Роттердамского в Девентере 244
- Гектор** — *миф.*, в греческой мифологии герой и полководец, сын троянского царя Приама 189
- Гелиодор** (III—IV вв.) — греческий романист из Эмесы (Сирия) 312
- Геллий Авл** (II в. н.э.) — римский писатель-энциклопедист 150, 298, 358
- Генрих III** — французский король (1574—1589), последний представитель династии Валуа 81
- Генрих VII** — английский король (1485—1509), основатель династии Тюдоров 242
- Генрих VIII** — английский король (1509—1547) 87, 323
- Генрих IV Наваррский** — французский король (1589—1610), первый в династии Бурбонов 81
- Геракл** (*лат.* Геркулес) — *миф.*, герой в античной мифологии 105, 124, 191, 325
- Гервасий** — первохристианский мученик 71
- Гермес Трисмегист** — легендарный египетский богослов и законодатель 79
- Геродот** (ок. 484—425 до н.э.) — греческий историк 155
- Гесиод** (кон. VIII в. до н.э.) — греческий поэт 132, 192, 197, 269, 290, 293, 299, 316
- Геспер** — *миф.*, римское божество вечерней звезды 379
- Геспериды** — *миф.*, в греческой мифологии божества-стражи 373, 379
- Гефест** — см. Вулкан

- Гиппократ** (ок. 460—370 до н.э.) — греческий врач, основатель научной медицины 91, 310
- Гогенцолерн Барбара** — ученица Витторино, будущая жена Лодовико Гонзага 378
- Гомер** — легендарный греческий поэт VIII в. до н.э., создатель "Илиады" и "Одиссеи" 31, 32, 121, 132, 133, 135, 158, 265, 375
- Гонель Уильям** — воспитатель детей Т. Мора 300, 324—326
- Гонзага** — итальянский феодальный род, правители Мантуи (1328—1708)
- Алессандро** (1427—1466) 378
- Джованни Франческо** (ум. 1444) 365, 366, 374, 378
- Джанлучидо** (ум. 1448) 378
- Елизавета** 225
- Карло** 376, 378
- Лодовико** (1412—1478) 378
- Маргарита** (ум. 1439) 378
- Чезаре** (1475—1512) 233, 242
- Чечилия** (1425—1451) 126, 378
- Горации** — римский патрицианский род 55
- Гораций Флакк Квинт** (65—8 до н.э.) — римский поэт 42, 44, 49, 53, 92, 99, 120, 268, 294, 352, 363
- Горгий** (485—380 до н.э.) — греческий философ-софист 222
- Гортензий Квинт Гортал** (114—50 до н.э.) — римский консул, оратор и юрист 270, 299
- Гортензия** — дочь оратора Квинта Гортензия 299
- Грахи** — братья Гай Семпроний (153—121 до н.э.) и Тиберий Семпроний (162—133 до н.э.), римские политические деятели и народные трибуны 270
- Грации** — *миф.*, римские богини красоты и радости 274, 300
- Григорий Назианзин** (330—390) — один из отцов греческой церкви, поэт и прозаик 129
- Григорий Нисский** (335—после 394) — один из отцов греческой церкви, богослов 80
- Гроцин У** (1446—1519) — английский ученый и гуманист 323
- Гуарино Гуарини да Верона** (1374—1460) — итальянский гуманист и педагог 14, 25, 26, 31—34, 351, 357, 358, 360, 361, 374
- Гуарино Баттиста** — сын Гуарино да Верона 358, 361
- Гуттен Ульрих фон** (1488—1523) — немецкий гуманист 19, 323
- Давид** — *библ.*, ветхозаветный герой, иудейский царь 135, 137
- Далида** — *библ.*, жена ветхозаветного героя Самсона 137
- Даниил** — *библ.*, ветхозаветный праведник, главное действующее лицо одноименной книги 71
- Данте Алигьери** (1265—1321) — итальянский поэт 6, 31, 53, 56, 64, 138
- Дафна** — *миф.*, в греческой мифологии дочь речного бога, которая уклонялась от преследований влюбленного Аполлона и была превращена в лавровое дерево 135, 137
- Деметрий Полиоркет** — полководец, с 294 г. до н.э. царь Македонии 222
- Деметрий Фалерский** (350—283 до н.э.) — афинский ученый и политический деятель 223

- Демокрит из Абдеры** (460—371 до н.э.) — греческий философ 136
- Демосфен** (384—322 до н.э.) — греческий оратор и политический деятель 31, 49, 90, 126, 130, 155, 158, 250, 375
- Деции** — римский патрицианский род 55
- Дечембрио Пьер Кандидо** (1392—1477) — итальянский гуманист 197
- Джакома да Тавернула** — попечительница Дж. Конверсини да Равенна 352
- Джованни** (1337—1361) — сын Петрарки Ф. 39
- Джон** — сын Т. Мора 324, 327
- Дидона** — *миф.*, в античной мифологии дочь троянского царя, основательница Карфагена 135, 137
- Диоген Лаэртский** (II—III вв. н.э.) — греческий писатель 213, 298
- Диоген Синопский** (ок. 412—323 до н.э.) — греческий философ-киник 156, 201, 253, 254, 276, 377, 380
- Дион** (ум. 354 до н.э.) — тиран Сиракуз 256
- Дионисий** (ок. 430—367 до н.э.) — тиран Сиракуз с 405 г. до н.э. 61, 161
- Дионисий Ареопагит** (Псевдо-Дионисий) — христианский мыслитель V—VI вв. н.э. 77
- Диоскорид Педаний** — римский врач I в. н.э. 36, 312, 315
- Довицци Бернардо Биббена** (1470—1520) — итальянский дипломат, кардинал с 1513 г., драматург 224, 237, 243
- Доминичи Джованни** (1356—1419) — итальянский богослов и писатель, кардинал с 1408 г. 26
- Домициан Тит Флавий** (51—96 н.э.) — римский император с 81 г. 26
- Ева** — *библ.*, первая женщина и праматерь рода человеческого 8
- Евклид** (365—300 до н.э.) — греческий математик 160
- Еврипид** (485—406 до н.э.) — греческий трагедийный поэт 49, 132, 244
- Екатерина Арагонская** (1485—1536) — дочь Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, жена английского короля Генриха VIII 87, 300
- Елена** — *миф.*, в греческой мифологии прекраснейшая женщина, за которую сражались герои Троянской войны 303
- Елизавета** — дочь Т. Мора 324, 327
- Елисей** — *библ.*, ветхозаветный пророк 71
- Жанна** — дочь Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского 300
- Зевс** — *миф.*, верховный бог в греческой мифологии 357
- Зевксид** — греческий живописец V—IV вв. до н.э. 346
- Зенон из Китиона** (ок. 335—262 до н.э.) — греческий философ, основатель стоической школы 60, 131, 213, 298, 349
- Иероним** (330—419) — христианский мыслитель, один из отцов западной церкви 6, 45, 127, 128, 133, 136, 219, 244, 301, 326
- Изабелла Кастильская** (1451—1504) — королева испанская, правившая вместе с мужем Фердинандом, королем Арагонским 272, 299
- Иисус Христос** 73, 74, 77, 318, 323, 327, 373
- Илий** — *библ.*, праведник и последний судья израильский 288, 301
- Илья** — *библ.*, ветхозаветный пророк 71
- Иннокентий III** (1160—1215) — римский папа с 1198 г. 47, 48, 64
- Иннокентий VIII** 75
- Ио** — *миф.*, в греческой мифологии дочь речного бога, возлюбленная Зевса 357
- Иоанн** — апостол и евангелист, ученик Иисуса Христа 71

- Иоанн Златоуст** (ок. 350—407) — христианский проповедник и писатель, константинопольский епископ 129
- Исократ** (436—338 до н.э.) — греческий оратор, учитель риторики и публицист 274, 344
- Иуда** — один из апостолов, ученик Иисуса Христа, предавший его 306
- Каин** — *библ.*, сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля 306
- Камбис II** — царь персов (529—522 до н.э.) 155
- Каносса да Лодовико** (1476—1532) — итальянский государственный деятель, родственник Кастильоне, происходил из знатной веронской семьи 239, 242
- Капелла Марциан** (пер. пол. V в.) — римский юрист и писатель 213
- Карл V** (ум. 1558) — испанский король, германский император с 1516 г. 225
- Карл Великий** (768—814) — король франков, основатель Священной Римской империи 338
- Карнеад** (214—129 до н.э.) — греческий философ 343
- Каррара** — аристократическая фамилия, правившая Падуей в XIV—нач. XV в. 93, 94, 125
- Джакопино** 122
- Джакопо II** 122
- Марсильетто** 122
- Убертино** (1390—ок. 1407) 93, 95, 116, 117, 120, 122
- Франциск** (Франческо I) Старший, правил в 1355—1388 94, 95
- Франческо** 93, 120
- Франческо Новелло**, правил в 1390—1405 122
- Яков** (Джакопо), правил в 1345—1350 106, 120, 122, 124
- Кастильоне Бальдассаре** (1478—1529) — итальянский писатель 34, 224, 225, 242, 243
- Катилина Луций Сергий** (108—62 до н.э.) — римский патриций и претор, организатор государственного заговора 53
- Катон Марк Порций Цензорий Старший** (234—149 до н.э.) — римский политический деятель, писатель 50, 90, 104, 114, 148, 270, 317, 320, 322, 354, 357
- Катон Марк Порций Утический Младший** (95—46 до н.э.) — римский политический деятель, плебейский трибун с 62 г. до н.э. 82, 270, 283, 347
- Квинтилиан Марк Фабий** (ок. 35—ок. 100) — римский теоретик ораторского искусства, учитель риторики 26, 216, 217, 243, 270, 283, 292, 299, 320, 344, 353
- Кеплер Иоанн** (1571—1630) — немецкий астроном 350
- Кимон** (ок. 510—450 до н.э.) — греческий государственный деятель и стратег 332
- Киприан Расций Цецилий** (ок. 200—258) — епископ Карфагена, богослов 129
- Кир Младший** (ум. 401 до н.э.) — персидский правитель 220
- Клавдий Тиберий Нерон Германик** (10 до н.э.—54 н.э.) — римский император с 41 г. 106, 121
- Клеанф** (III до н.э.) — греческий философ, представитель стоической школы 348
- Клеомен I** (519—487 до н.э.) — спартанский царь 347
- Климент VII** — папа римский (1523—1534) 225
- Кола ди Риенци** (1313—1354) — вождь восстания пополанов в Риме и глава Римской республики в 1347 г. 40
- Колет Джон** (1466—1519) — английский гуманист и теолог 19, 76, 244, 323
- Колонна Джованни** — авиньонский кардинал с 1327 г., представитель знатного римского Колонна 39

- Колумелла Луций Юний Модерат** (I в. н.э.) — римский писатель и агроном 91, 155
- Конверсини да Равенна Джованни** (1343—1408) — итальянский гуманист и педагог 25, 26, 93, 351, 352, 356, 357, 364, 379
- Коперник Николай** (1473—1543) — польский астроном 22
- Корнелия** (III—II вв. до н.э.) — дочь Корнелия Сципиона Африканского Старшего, мать Тиберия и Гая Гракхов 127, 270
- Корнелии Сципионы** — римский патрицианский род 55
- Корнут А.** (I в. н.э.) — римский философ, учитель поэта Персия 294
- Красс Марк Лициний** (115—53 до н.э.) — римский политический деятель, консул 70 и 55 гг. до н.э. 51, 53, 221, 270, 295
- Кратет Фиванский** (III—IV до н.э.) — греческий философ-киник 263
- Крез** — последний царь Лидии (560—547 до н.э.) 325
- Ксенофонт Афинский** (430/25—355 до н.э.) — греческий историк 124, 158, 191, 225, 298, 335
- Курий Дентат Маний** (ум. ок. 272 до н.э.) — римский полководец, консул, цензор 272 г. до н.э. 56
- Курций Квинт Руф** (I в. н.э.) — римский историк и ритор 132
- Ла Бозси Этьен** (1530—1563) — французский гуманист 19, 81
- Лаврентий** — раннехристианский мученик 71
- Лактанций Целий Фирмиан** (ум. после 317 г.) — христианский писатель-апологет 6, 58, 127, 129, 133, 136
- Ласкарис Константин** (1434—1501) — византийский ученый, преподававший в Европе 316, 322
- Лаура** (ум. 1348) — возлюбленная Петрарки Ф. 39
- Лелий Гай**, прозванный Мудрым, — римский политический деятель, консул 140 г. до н.э. 120, 125
- Лелия** — дочь Гая Лелия, обладавшая искусством красноречия 270
- Леонардо да Винчи** (1452—1519) — итальянский ученый и художник 18
- Леоник** — см. Леонико
- Леонико Никколо Томео** (1456—1531) — итальянский гуманист 316, 322
- Леонид** — учитель Александра Македонского 217, 271
- Лефевр д'Этапль Жак** (1455—1536) — французский мыслитель, представитель реформационно-гуманистического движения 76
- Ливий Тит** (59 до н.э.—17 н.э.) — римский историк 6, 129, 132, 158, 159, 338, 373, 374, 379
- Ликон** — греческий философ-перипатетик III в. до н.э. 282
- Ликург** (IX—VIII вв. до н.э.) — легендарный законодатель Спарты 116, 120, 121, 125, 155, 165
- Лили Уильям** (1468—1522) — английский гуманист 323
- Линакр Томас** (1460—1524) — английский медик и гуманист 323
- Лициний Валерий Лициниан** — римский император 308—324 гг. 105, 124
- Лициния** (I в. до н.э.) — дочь Л. Красса, супруга Сципиона Назики 270, 299
- Лоски Антонио** (1365—1441) — итальянский гуманист 37
- Лот** — *библ.*, ветхозаветный праведник, спасенный перед разрушением городов Содомы и Гоморры 135, 137
- Лудольф** — грамматик XV в. 301

- Луиджи — см. Гвиччардини Луиджи
- Лукан М. Анней (39—65) — римский поэт и прозаик 59, 293, 350
- Лукиан (ок. 120—после 180) — греческий писатель 6, 244, 323
- Лукреций Кар (ок. 96—55 до н.э.) — римский поэт и философ, последователь учения Эпикура 13
- Лукулл Луций Лициний (ок. 117—56 до н.э.) — римский полководец 330
- Луллий Раймунд (1235—1315) — средневековый философ 320, 323
- Людовик I Анжуйский — король Венгрии (1342—1382) 351
- Луций Цецелий Руф — народный трибун 64 г. до н.э., сторонник Цицерона 161
- Лютер Мартин (1483—1546) — немецкий богослов, основатель протестантизма 324
- Люций — персонаж романа "Золотой осел" Апулея 297
- Макиавелли Никколо (1469—1527) — итальянский общественный деятель, политический мыслитель, историк 18, 19, 20, 21
- Максимин Гай Юлий Вер (172/173—238) — римский император с 235 г. 51
- Макр Эмилий из Вероны (70—17 до н.э.) — римский дидактический поэт 315
- Малатеста — итальянский феодальный род, правивший в Римини (кон. XIII—1445).
Баттиста 126
Галеацио 126
Карло 93, 137
- Манетти Джаноццо (1396—1459) — итальянский гуманист 9, 10, 11, 17, 22, 63
- Маргарита — дочь Т. Мора 324, 325, 327
- Марий Гай (157—86 до н.э.) — римский полководец и политический деятель 50, 119, 125
- Марин Пастумий — домашний врач Плиния Младшего 315
- Мария — дочь Екатерины Арагонской и Генриха VIII, английская королева (1553—1558) 87
- Мария — дочь Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского 300
- Марс — миф., греческий бог войны 137
- Марсупини Карло (1398—1453) — итальянский гуманист, канцлер Флорентийской республики с 1444 г. 53
- Мартин Турский (336—397) — христианский святой 355
- Марцеллы — римский род, плебейская ветвь Клавдиев 55
- Марциал Марк Валерий (ок. 40—102) — классик римской эпитаграммы 92
- Маунтджой — лорд Англии, воспитанник и покровитель Эразма Роттердамского 244
- Медичи — итальянский род аристократического происхождения, правивший Флоренцией с 1434 по 1737 (с перерывами) 64, 243
Лоренцо (ум. 1492) 75
- Мезенций — миф., царь этрусского города Цере 279, 300
- Мела Помпоний (I в. н.э.) — римский географ 87
- Мелисс Самосский (V в. до н.э.) — греческий философ и военачальник 91
- Мелитон (ум. 177) — епископ сардийский в Ливии 78, 80
- Менандр (342—293 до н.э.) — греческий комедиограф 259
- Меркурий — миф., римский бог торговли
- Метелл Цецилий Квинт (ум. 115 до н.э.) — римский государственный деятель, полководец 56

- Метродор Скепсийский** (I в. до н.э.) — греческий философ-академик и ритор 156, 166
- Милон из Кротона** (VI в. до н.э.) — античный борец 273, 291, 300, 314, 315, 322
- Минерва** — *миф.*, римская богиня искусств, покровительница ремесел 320
- Минос** — *миф.*, в греческой мифологии царь Кносса на Крите 116, 125
- Митридат Евпатор** (132—63 до н.э.) — греческий царь, правивший в городе Понт 270
- Моисей** — *библ.*, пророк и законодатель еврейского народа 71
- Моника** — мать Августа Аврелия 198
- Монтеманьо Буонаккорсо** (ок. 1389—1429) — итальянский грамматик 12
- Монтень Мишель** (1533—1592) — французский гуманист и политический деятель 8, 19, 20, 22—24, 35—37, 63, 64, 74, 80, 81, 86, 87, 329
- Монтефельтро** — итальянский феодальный род, правители Урбино с 1234 г. 225
- Гвидобальдо** (1472—1508) 225
- Федерико III** (1422—1482) — правил с 1444 г. 379
- Мор Томас** (1478—1535) — английский гуманист и политический деятель 6, 19, 20, 21, 37, 78, 86, 87, 244, 272, 300, 323, 324, 329
- Моро Людовико** — см. Сфорца
- Немесий Эмесский** (втор. пол. V—нач. VI в.) — епископ сирийского города Эмеса, ранневизантийский мыслитель 80
- Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь** (37—68 н.э.) — римский император с 54 г. 106, 209, 336
- Никандр из Колофона** — эллинистический поэт III—II вв. до н.э. 215
- Николай V** (Томмазо Парентучелли) (1397—1455) — римский папа с 1447 г. 64
- Ной** — *библ.*, ветхозаветный праведник, потомок Адама, спасшийся во время всемирного потопа 186
- Овидий Назон Публий** (43 до н.э.—18 н.э.) — римский поэт 47, 59, 214, 293, 362, 364, 365
- Одиссей** — *миф.*, в греческой мифологии герой Троянской войны и легендарный путешественник 134, 137, 286, 298
- Онезий** — *библ.*, фригийянин, раб, обращенный в христианство апостолом Павлом, епископ в Эфесе, мученически погиб в Риме 278
- Онъибене да Лониго** (ум. 1493) — итальянский гуманист и педагог 366
- Оппиан** — греческий писатель I—II вв. 312
- Ориген** (183—254) — христианский теолог и философ 80
- Орк** — *миф.*, римский бог подземного царства мертвых 355, 357
- Орсини Фабно** — представитель могущественного и знатного римского рода Орсини 294, 301
- Орфей** — *миф.*, в греческой мифологии певец, спустившийся в царство мертвых, чтобы спасти свою жену Эвридику 243
- Павел** — *библ.*, апостол 71, 77, 79, 99, 206, 207, 259, 268, 278, 300, 302
- Павсаний** — греческий историк II в. 320, 323
- Пакувий Марк** (220—130 до н.э.) — римский трагик и художник 133
- Паламед** — *миф.*, в греческой мифологии участник Троянской войны, знаменитый своей мудростью и изобретательностью 121
- Палемон** (I в. н.э.) — римский грамматик 294

- Паллавичино Гаспаро** (1486—1511) — ломбардский дворянин, участник диалога Кастильоне "Придворный" 228, 233, 242
- Пальмиери Маттео** (1406—1475) — итальянский гуманист 12, 13, 26, 28, 53, 54, 56, 139, 197, 298, 380
- Пандольфини Аньоло** (1360—1446) — политический деятель Флоренции из знатного рода, участник диалога Пальмиери "Гражданская жизнь" 180
- Панартц Арнольд** (ум. 1476) — немецкий первопечатник, работавший в Италии 379
- Панноний Ян** (1434—1472) — венгерский гуманист и поэт 358
- Папиниан** (ок. 146—212) — римский юрист и государственный деятель 320
- Парацельс** (1493—1541) — немецкий философ, естествоиспытатель и врач 22
- Парменид** (ок. 540—480 до н.э.) — греческий философ 91
- Пелакани Бьяджо** (ум. 1415) — итальянский математик и астроном 364, 371, 372, 378
- Пелей** — *миф.*, царь Фтии и Фессалии, отец Ахилла 217
- Пенелопа** — *миф.*, в греческой мифологии прекрасная и верная супруга Одиссея 134, 137, 265
- Периандр** (ум. 586 до н.э.) — греческий политический деятель, тиран Коринфа с 625 г. до н.э. 298
- Перикл** (ок. 495—429) — греческий государственный деятель, оратор 90
- Персей** — македонский царь (179—168 до н.э.) 162, 166
- Персий Флакк Авл** (34—62) — римский поэт 294
- Пертинакс П. Гельвий** (126—193) — римский император в 193 г. 51
- Петр** — *библ.*, апостол 71
- Петр I** (1672—1725) — русский царь с 1682 г., первый российский император 302
- Петрарка Франческо** (1304—1374) — итальянский гуманист и поэт 7, 8, 11, 12, 14, 23—25, 39—41, 43, 53, 64, 93, 124, 356, 379
- Пия Эмилия** (ум. 1528) — из рода синьоров Капри, приближенная герцогини урбинской Елизаветы Гонзага 235, 243
- Пизанелло, Антонио ди Пуччи ди Черрето** (1395—1455) — итальянский живописец и медальер 365, 379
- Пикколomini Энео Сильвио** (1405—1464) — итальянский гуманист, в 1458 г. избран папой под именем Пия II 12, 26, 32, 123, 124, 214, 224, 298
- Пико делла Мирандола** (1463—1494) — итальянский гуманист и философ 17, 74—76, 80, 301, 323
- Пиндар** (518—446 до н.э.) — греческий поэт-лирик 132
- Пифагор** (540—500 до н.э.) — греческий философ 183, 339
- Пифия** — древнегреческая жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах 380
- Плавт Тит Макций** (250—184 до н.э.) — римский комедиограф 6, 214, 358
- Платина Бартоломео** (1421—1481) — итальянский гуманист и историк 378
- Платон** (427—347 до н.э.) — греческий философ 6, 15, 29, 50, 53, 55, 56, 75, 76, 97, 126, 133, 135, 152, 211, 214, 218, 219, 221, 223, 225, 243, 244, 268, 320, 330, 331, 333—335, 338, 344, 345, 349, 375
- Плиний Цецилий Секунд Гай Младший** (61/62—133) — римский общественный деятель и писатель 43, 265, 283, 285, 300
- Плиний Секунд Гай Старший** (23/24—79) — римский писатель, ученый и государственный деятель 87, 91, 92, 297, 312, 315, 317

- Плутарх** (ок. 46—119) — греческий писатель-моралист 26, 94, 119, 126, 217, 243, 253, 268, 271, 320, 323, 338, 339
- Полибий** (ок. 200—120 до н.э.) — греческий историк и политический деятель 312, 379
- Поликрат** (ум. 522 до н.э.) — тиран о. Самос 347
- Полициано Анджело** (1454—1494) — итальянский гуманист и поэт 75, 294, 301, 317, 322
- Помпей Великий** (106—48 до н.э.) — римский полководец и политический деятель 51, 161, 166
- Помпей Страбон Гней** — консул 89 г. до н.э., отец Помпея Великого 51
- Порфирий** (233—300) — греческий философ-неоплатоник 312
- Порции Катоны** — римский патрицианский род 55, 104
- Посидоний из Апамеи** (135—51 до н.э.) — греческий философ, историк, географ и астроном 209
- Прендильаква Франческо** (1422—после 1470) — итальянский гуманист, ученик и биограф Витторино да Фельтре 378
- Присциан** (нач. VI в.) — римский грамматик из Цезарии 128, 159
- Продик Кеосский** — греческий софист, современник Сократа 124
- Проспер Аквитанский** (V в. н.э.) — позднеантичный историк и христианский теолог 354, 357
- Протасий** — первохристианский мученик 71
- Псевдо-Аристотель** 94
- Псевдо-Плутарх** 26, 28, 94, 123, 297, 298, 358, 379
- Птолемей Сотер** (ок. 366—283 до н.э.) — царь эллинистического Египта 223
- Рабле Франсуа** (1494—1553) — французский писатель, гуманист и ученый 19, 23, 35, 36, 310, 322, 323
- Раймунд Сабундский** (ум. 1432) — испанский богослов 84
- Рафаэль Санти** (1483—1520) — итальянский живописец 224, 242, 243
- Рейхлин Иоганн** (1455—1522) — немецкий гуманист, юрист и филолог 76
- Рем** — один из легендарных основателей Рима, брат Ромула 53
- Рея Сильвия** — прародительница римлян, мать Ромула и Рема 53
- Ромул** — легендарный основатель Рима и его первый царь 53
- Рустик** — корреспондент бл. Иеронима 219
- Рутилий Публий Руф** — консул 105 г. до н.э., оратор и юрист 119, 125
- Савонарола Джироламо** (1452—1498) — итальянский религиозно-политический деятель, писатель и теолог 76
- Садолето Якопо** (1477—1547) — итальянский гуманист 34, 224
- Сакетти Франко** (1400—1473) — государственный деятель Флоренции, близок к гуманистам, действующее лицо в диалоге Пальмиери "Гражданская жизнь" 186
- Сакко Катон** (ок. 1397—1463) — юрист, преподававший в Павийском университете, близок к гуманистам, действующее лицо в диалоге Л. Валлы "Об истинном и ложном благе" 57—60, 63, 197
- Салий Басс** — римский эпик времени Веспасиана 294
- Саллюстий Гай Крисп** (86—35 до н.э.) — римский историк и политический деятель 129, 132, 159, 327
- Салютати Колуччо** (1331—1406) — итальянский гуманист, канцлер Флорентийской республики с 1375 г. 10, 11, 25, 92, 124—126, 138
- Самсон** — *библ.*, богатырь, ставший жертвой своей любви к филистимлянке Далиде 135, 137

- Самуил** — *библ.*, пророк и судья 288, 301
- Сансеверино Галеаццо** (ум. 1525) — итальянский военачальник, служивший у миланского герцога и французских королей 235, 243
- Сарпедон** — учитель красноречия у Катона Утического 271, 283
- Сассоло да Прато** (ум. 1449) — ученик и биограф Витторино да Фельтре 378, 379
- Сяфо** (VII в. до н.э.) — греческая поэтесса 127
- Свенхайм Конрад** (ум. 1476) — немецкий первопечатник, работавший в Италии 379
- Сенека Луций Анней** (ок. 4 до н.э.—65 н.э.) — римский философ и государственный деятель 6, 42, 46, 53, 60, 64, 136, 209, 268, 269, 300, 331
- Септимий Север** (146—211) — римский император с 193 г. 51
- Сервий Туллий** — римский царь (578—534 до н.э.) 50
- Сервий Гонорат** — римский грамматик V—IV вв. до н.э. 128, 159
- Сигизмунд** (1368—1437) — венгерский король с 1387 г., германский император (1411—1437) 93
- Сирены** — *миф.*, в греческой мифологии злые демоны, люди-птицы, губящие пением мореходов 239
- Сократ** (470—399 до н.э.) — греческий философ 18, 49, 64, 104, 110, 127, 216, 218, 222, 304, 305, 333, 339, 342, 347, 362, 373
- Соломон** — *библ.*, ветхозаветный мудрец и правитель еврейского народа 135, 137, 320, 355
- Спевсипп** — греческий философ IV в. до н.э. 346
- Стаций Папиний Публий** (ок. 40—96) — римский поэт и педагог 136
- Стентор** — *миф.*, участник Троянской войны, глашатай, обладавший мощным голосом 315
- Стефан** — первохристианский мученик 71
- Стильпон** — мегарский философ IV в. до н.э. 156, 209, 222
- Страбон** (ок. 64 до н.э.—20 н.э.) — греческий географ и историк 358, 379
- Строцци Палла** (1373—1462) — итальянский общественный деятель, близок к гуманистам 124
- Сфорца** — итальянский аристократический род, правивший в Милане.
Лодовико Мария (Моро) (1452—1508) — правитель Милана (1494—1502) 224, 243
Ипполита 126
- Сцевола Муций Авгур Квинт** (II в. до н.э.) — римский юрист и государственный деятель 120, 125, 161
- Сципион Корнелий Эмилиан Африканский Младший** (185—129 до н.э.) римский полководец и общественный деятель 55, 98, 125
- Сципион Публий Корнелий Африканский Старший** (235—183 до н.э.) — римский полководец, консул 205 и 194 гг. до н.э. 55, 56, 117, 120, 125, 127, 200, 338
- Тарквиний Приск** (ум. 578 до н.э.) — пятый римский царь 50, 53
- Тацит Корнелий Публий** (ок. 55—ок. 120 н.э.) — римский историк 132
- Тезифона** — *миф.*, одна из эриний — богинь-мстительниц 279, 300, 352, 356
- Тенстол Кэтберт** (1474—1559) — епископ Даргемский, ученый 313, 322
- Теренций Афер Публий** (190—159 до н.э.) — римский комедиограф 6, 93, 100, 307

- Теутонио Бартоломео** — учитель Дж. Конверсини да Равенна 356
- Тимофей** (IV в. до н.э.) — музыкант из Милета 113, 124, 217, 311, 322, 363
- Траверсари Амброджо** (1386—1439) — итальянский гуманист 53, 64
- Тулл Гостилий** — третий легендарный царь Древнего Рима 50
- Тифий** — *миф.*, в греческой мифологии кормчий на корабле "Арго" 373, 379
- Улисс** — см. Одиссей
- Урия Хеттеянин** — *библ.*, муж Вирсавии, военачальник при войске Давида 135, 137
- Урчео Антонио** (Кодро) (1446—1500) — итальянский гуманист 18
- Фабии** — римский патрицианский род 55, 241
- Квинт Максим Веррукос** (ум. 203 до н.э.) — римский политический деятель 56, 98, 200
- Пиктор** (II в. до н.э.) — римский историк 241
- Фабриций Лусцин Гай** — римский полководец, консул 282 г. до н.э. 56
- Фаворин** (нач. II в. н.э.) — греческий ритор и историк 156
- Фаларид** (VI в. до н.э.) — агригентский тиран 279, 300
- Фацио Бартоломео** (ум. 1457) — итальянский гуманист, ученик Гуарино да Верона 41
- Феб** — см. Аполлон.
- Феделе Кассандра** (1465—1558) — знатная итальянка, прославившаяся своей ученостью 294, 301
- Фемистокл** (524—459 до н.э.) — греческий государственный и военный деятель 94, 95, 270, 332
- Феникс** — *миф.*, в греческой мифологии сказочная птица, которая умирала и возрождалась вновь 41, 43
- Феникс** — фессалийский старец, учитель Ахилла 217, 288
- Феодосий II** (408—450) — император Восточно-Римской империи 118, 125
- Феофраст** (372—288 до н.э.) — греческий философ 36, 136, 315
- Фердинанд Арагонский** (1479—1516) — король испанский 272, 299
- Фердинанд II** (ум. 1496) — неаполитанский король 236, 243
- Филельфо Франческо** (1398—1481) — итальянский гуманист, педагог и писатель 26, 138, 198, 374
- Филимон** — *библ.*, епископ Колосской церкви, которому адресовано послание Павла 300
- Филипп Аравитянин Марк Юлий** (ум. 249) — римский император 51
- Филипп Македонский** (382—336 до н.э.) — царь Македонии, отец Александра Македонского 112, 182, 217, 235, 262, 363
- Филиппино да Луго** — учитель Дж. Конверсини да Равенна 352, 355, 356
- Филон Александрийский** (ок. 25 до н.э.—50 н.э.) — античный философ, один из отцов христианской церкви 80
- Фичино Марсилио** (1433—1499) — итальянский гуманист и философ, глава флорентийской платоновской Академии 15, 16, 22, 75, 80
- Флора** — *миф.*, римская богиня цветов и юности 345
- Фома** — дядя Дж. Конверсини да Равенна, церковный деятель 352, 356
- Фома из Кантемпре** (XIII в.) — средневековый ученый 43
- Франко** — см. Сакетти Франко
- Франческа** — дочь Петрарки Ф. 40
- Фридрих III** — германский король (1449—1493), император с 1452 г. 64, 214, 224

- Фробен Жан** (1460—1527) — базельский книгоиздатель 297
- Фруловизи** (пер. пол. XV в.) — итальянский гуманист 26
- Фуа Диана де** — жена Луи де Фуа, которой Мишель Монтень посвятил одну из глав своих "Опытов" 329
- Фуа Луи де** — граф Гюрсона, друг Монтеня 329
- Фукидид** (460—396 до н.э.) — греческий историк 6
- Хариты** — *миф.*, в греческой мифологии богини красоты и женской прелести 288
- Хирон** — *миф.*, в греческой мифологии мудрый кентавр, наставник и воспитатель знаменитых греческих героев (среди них Ахилл) 288, 299
- Хризолор Иоанн** — племянник Мануила Хризолора 361
- Хризолор Мануил** (ум. 415) — византийский церковный деятель и писатель, преподававший в Италии 93, 124, 126, 357, 361
- Хрисипп** (ок. 280—ок. 204 до н.э.) — греческий философ-стоик 206, 217, 218, 246, 269, 348, 358
- Цане Паоло** (XV в.) — венецианский торговец и государственный деятель 357
- Цвингли Ульрих** (1484—1531) — швейцарский церковный реформатор и политический деятель 76
- Цезарь Гай Юлий** (100—44 до н.э.) — римский император 53, 98, 115, 161, 200, 294, 314, 338
- Цельс** (I в. н.э.) — римский медик 358, 361
- Цецилия** — дочь Т. Мора 324, 327
- Цицерон Марк Туллий** (106—43 до н.э.) — римский оратор и политический деятель 6, 11, 31, 42, 47, 49—51, 53, 55, 56, 59, 60, 66, 73, 74, 87, 90, 94, 97, 107, 125, 129, 133, 136, 154, 158, 159, 214, 221, 223, 225, 268, 270, 294, 299, 300, 320, 323, 330, 331, 335, 343, 347, 375
- Цирцея** — *миф.*, в греческой мифологии волшебница, превратившая спутников Одиссея в животных 254, 286
- Шампье Симфоринан** (1471—1540) — французский поэт, гуманист и философ 76
- Эгидий Римский** (1243/47—1316) — средневековый философ, теолог и писатель 123
- Эзоп** (VI в. до н.э.) — греческий баснописец 286
- Элиан** (II в. н.э.) — греческий писатель из Пренесты 312
- Элиот Томас** (1490—1546) — английский гуманист 35
- Эмилий Лепид Марк** (ум. 152 до н.э.) — римский общественный деятель, консул 187 и 175 гг. до н.э. 117, 125
- Эмилий Павел Луций** (228—160 до н.э.) — римский полководец и ритор 265
- Эмпедокл** (V в. до н.э.) — греческий философ 213
- Эней** — *миф.*, сын троянца Анхиса и богини Афродиты, легендарный основатель Римского государства 135, 137, 189
- Энний Квинт** (239—169 до н.э.) — римский поэт 60, 90, 133
- Эпаминонд** (IV в. до н.э.) — греческий полководец и государственный деятель 82, 240
- Эпикур** (342—270 до н.э.) — греческий философ 6, 10, 13, 58, 59, 131
- Эпихарм** (ум. ок. 450 до н.э.) — греческий поэт-комедиограф 335
- Эразм Роттердамский** (1469—1536) — нидерландский писатель-гуманист 6, 19, 34—37, 57, 76, 87, 198, 242—245, 296—302, 323, 324, 329
- Эсте** — итальянский феодальный род, правивший Феррарой с 1352 г.

-
- Беатриче** 224
Ипполито 228, 242
Леонелло (1407—1450) — правил с 1441 г. 357, 358, 361
Николо III (ум. 1441) — правил в 1393—1441 гг. 357
Эсхин (389—ок. 314 до н.э.) — греческий оратор и политический деятель 126
Эшем Роджер (1515—1568) — английский гуманист 35
Ювенал Децим Юний (ок. 60—после 127) — римский поэт, автор сатир 45, 217
Юлиан Сальвий (II в. н.э.) — римский юрист 204
Юлий Поллукс (II в. н.э.) — греческий софист 312
Юпитер — *миф.*, верховное божество римлян 71, 105, 191
Язон — *миф.*, греч. герой, предводитель аргонатов 379

СОДЕРЖАНИЕ

Ревякина Н.В. Вступительная статья
5

I. Гуманистическая мечта о человеке

Франческо Петрарка
39

О невежестве своем собственном и многих других
41

О средствах против всякой судьбы
43

Маттео Пальмиери
53

Гражданская жизнь
54

Лоренцо Валла
57

Об истинном и ложном благе
58

Джанозцо Манетти
63

О достоинстве и превосходстве человека
65

Джованни Пико дела Мирандола
74

Гептапл
76

Мишель Монтень
80

Опыты
82

Хуан Луис Вивес
87

О причинах упадка искусств
88

II. "Достойное воспитание — наилучшее богатство"

Пьер Паоло Верджерио
93

О благородных нравах и свободных науках
94

<i>Леонардо Бруни Аретино</i>	125
О научных и литературных занятиях	127
<i>Леон Баттиста Альберти</i> -	138
О семье	140
<i>Маттео Пальмиери</i>	180
Гражданская жизнь	180
<i>Маффео Веджо</i>	197
О воспитании детей и об их достойных нравах	199
<i>Энео Сильвио Пикколомини</i>	214
О воспитании детей	215
<i>Бальдассаре Кастильоне</i>	224
О Придворном	226
<i>Эразм Роттердамский</i> -	243
О воспитании детей	246
Еразма Ротеродамского молодым детям наука, как должно вести себя и обходиться с другими	302
<i>Франсуа Рабле</i>	310
Гаргантюа и Пантагрюэль	311
<i>Томас Мор</i>	323
Письмо Томаса Мора Уильяму Гонеллю	324
Томас Мор Маргарите, Елизавете, Цецилии и Иоанну, сладчайшим чадам, желает неизменно здравствовать	328
<i>Мишель Монтень</i>	329
Опыты	330

III. Наставники "превосходной учености и нравственности"	
<i>Джованни Конверсини да Равенна</i>	
351	
Счет жизни	
352	
<i>Гуарино Гуарини да Верона</i>	
357	
Письмо Гуарино к Леонелло Эсте	
358	
Ученики и современники о Гуарино	
360	
<i>Баттиста Гуарино</i>	
361	
О порядке преподавания и изучения наук	
361	
<i>Витторино Рамбальдони да Фельтре</i>	
364	
Воспоминания учеников и современников о Витторино да Фельтре	
366	
Именной указатель	
381	

**ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ГУМАНИЗМА:
МЫСЛИТЕЛИ И ПЕДАГОГИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ
О ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ (XIV—XVII вв.)**

Редактор *Г.В. Чуба*
Корректор *Н.А. Саморезова*
Оригинал-макет подготовила *Т.П. Кравцова*

Изд. лицензия № 021079 от 28.10.96.

Изд. № 1311. Сдано в набор 01.09.97. Подписано в печать 11.12.98.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Antiqua.
Уч.-изд. л. 24,3. Усл. печ. л. 25,0. Тираж 4000 экз.

Издательство УРАО
Москва, Б. Полянка, 58

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.
Заказ 209

ISBN 5-204-00163-8

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ГУМАНИЗМА

Мыслители и педагоги
эпохи Возрождения
о формировании личности
(XIV-XVII вв.)

Именем человека может гордиться
прежде всего человеческое
создание; и никакая тварная
сущность не считает зазорным
служить ему. Ему подвластны и
покорствуют земля, стихии, скоты;
для него трудятся небеса; о его
спасении и благе пекутся
ангельские умы...

И не следует удивляться, что его
любят все твари, ибо каждая
находит в нем нечто свое и более
того – целиком всю себя.

*Джованни Пико
делла Мирандола*